Praes. Mr. Strasburgum. 1942. m. sep. r. 24

Ж-845а

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ

II

Музей антропологии и этнографии
Библиотека
Академии наук СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЭС-845а
Пров-ка
1966-67

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

„НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ"
6037

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ
имени
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ

Том II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ и ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕКА
№ 41628
Академии Наук СССР

ACADÉMIE DES SCIENCES, URSS

TRAVAUX

DE L'INSTITUT D'ETHNOGRAPHIE

N. N. MIKLOUKHO-MAKLAÏ

NOUVELLE SÉRIE

II

Ответственный редактор
профессор С. П. Толстов

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том трудов Института этнографии посвящен в основном вопросам этнографии и антропологии Северной и Восточной Азии, вопросам этнических и расовых взаимоотношений Северной Азии и Северной Америки в связи с более широкой проблемой первичного заселения человеком американского континента.

В разработке этой проблемы, которая в течение десятилетий продолжает оставаться одной из центральных в области американистики, немалая заслуга принадлежит русской этнографии, собравшей наиболее полные и первые по времени материалы не только по народам Сибири, но и по народам Северо-Западной Америки. Достаточно вспомнить здесь такие имена, как Крашенинников, Вознесенский, Вениаминов, Штернберг, Богораз, Иохельсон, которые являются лишь наиболее крупными в целой плеяде замечательных дореволюционных русских исследователей.

Особенно широко развернулись работы по этнографическому изучению народов Севера после Великой Октябрьской Социалистической Революции, когда научные исследования на Севере были поставлены на службу возрождения малых народов, находившихся до революции на пути к вымиранию. За 30 лет советской этнографией накоплен и обобщен огромный материал по народам Северной Азии, впервые проведено систематическое лингвистическое изучение их и собраны данные по антропологии, позволяющие уже сейчас приступить к составлению полной антропологической карты Сибири.

Этнографические, антропологические и лингвистические исследования в Северной Азии тесно связаны с аналогичными исследованиями в Северной Америке, проводившимися американскими учеными. Среди последних наиболее крупное место принадлежит недавно скончавшимся антропологу Алешу Грдличке и этнографу, лингвисту и антропологу Франсу Боасу. Оба эти исследователя на протяжении своей научной деятельности были тесно связаны с русской наукой. Можно указать на работы знаменитой Джезуповской экспедиции, которой руководил Ф. Боас и в которой принимали участие Богораз и Иохельсон, обогатившие науку своими классическими исследованиями по чукчам и корякам.

Советские этнографы и антропологи чтут в лице Алеша Грдлички и Франса Боаса не только крупнейших деятелей науки, не только авторов ставших классическими исследований по различным вопросам антропологии и этнографии, но и передовых людей своей страны, друзей Советского Союза, борцов за подлинный демократизм и содружество свободолюбивых народов, активно выступавших против человеконенавистнических расовых теорий и немало содействовавших установлению искреннего научного содружества между учеными СССР и США.

Я. Я. РОГИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕЙШЕГО ЭТАПА ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Работы Алеша Грдлички о неандертальской фазе развития человечества сыграли большую роль не только для понимания генеалогических отношений ископаемых и современных людей, но и для постановки вопроса о факторах происхождения нынешнего человечества. Современная антропология, в отличие от антропологии прошлого столетия, имеет возможность, опираясь на огромный накопленный ею материал, рассматривать эволюцию человека как ряд стадий и разрешать вопрос о месте, времени и движущих силах человеческой эволюции применительно к каждой из этих стадий в отдельности.

Из всех этапов происхождения человека особого внимания заслуживает позднейший, в результате которого сформировался физический облик, характерный для современного человечества. Именно в этом периоде образуются наряду с видовыми признаками и первые расовые деления человека, более или менее достоверно связанные с ныне существующими расами. Изучение этого этапа бросает свет и на весь предшествующий путь человеческой эволюции. С другой стороны, изложение современного состояния вопроса о позднейшем этапе эволюции человека требует упоминания о более ранних стадиях.

Антропология предшествующего периода не разрешила противоречия между Дарвином и Уоллесом. Одни исследователи, сохраняя связь человека с животным миром, игнорировали своеобразие человеческой эволюции, другие, наоборот, сосредоточивая все свое внимание на отличии человека от животных, приходили к отрицанию самой возможности объяснить возникновение характерных черт человека или отодвигали его происхождение в непроницаемую древность. Русская наука (это особенно характерно для последнего времени) поставила своей целью дать синтетическое решение проблемы антропогенеза, т. е. объяснить, каким образом особенности человека, качественно отличающие его от всех других органических существ, могли возникнуть в процессе изменений его животного предка. Перед антропологией тем самым была поставлена задача наряду с выяснением родословной человека раскрыть также факторы его происхождения и дальнейшего развития.

Постановка такой задачи неизбежно должна была привести к расширению области фактов, подлежащих исследованию. Если для установления генеалогических связей человека основным источником сравнительного изучения должны быть избраны приматы и в особенности некоторые семейства и роды этого отряда, то для понимания тех условий, которые сде-

лали возможным происхождение человека и эволюцию его близких предков, должны быть использованы данные и по другим, значительно более далеким и даже вовсе не родственным ему, формам.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В своих исследованиях эволюции двигательной системы у животных Л. А. Зенкевич сделал между прочим вывод о влиянии положения оси тела и его массы на скорость передвижения животного. Оказалось, что соединение вертикального положения с большой массой тела обычно ведет к развитию радиальной симметрии, к замедлению относительной скорости, к развитию хватательных органов, или щупалец, или присосков, а также защитных средств, т. е. плотных покровов или стрекательных механизмов; и, наконец, к сидячему образу жизни и колониальности. Зенкевич обратил внимание на то, что и у позвоночных, а именно у птиц и у человека в связи с их вертикальностью развились некоторые элементы радиальной симметрии, хорошо заметные, например, в движении шеи и конечностей. Трудно не продолжить эту аналогию по отношению к человеку и в других только что названных признаках.

Однако для правильного суждения о начале антропогенеза следует иметь в виду все то, что животный предок человека получил в наследство как представитель своего отряда. Вполне понятно, что никакой сидячей формы не могло образоваться из существа, родственного обезьяне. Его двигательная одаренность приобрела лишь иные формы, связанные с его высокоразвитой психикой и со всем ходом его истории. Таким образом, не щупальцы, а рука, не стрекательные механизмы, а камни и палки, не раковина или броня, а им самим выбранная и защищенная пещера, не колониальность, а стадность, не сидячая жизнь, а некоторая степень оседлости, необходимая для деятельной подготовки к преследованию добычи, — вот те средства, которые позволили ближайшему предку человека компенсировать его замедленную локомоцию и избежать гибели.

Если вертикальное положение оси тела, сделавшее предка человека по сравнению с другими крупными наземными млекопитающими медленнее двигающимся существом, позволяет найти для человека лишь весьма отдаленные и почти неуловимые соответствия в животном мире, то уже более осязаемые черты сходства между предком человека и некоторыми животными можно обнаружить в характерном для человеческой эволюции сочетании свободной от локомоции руки и большой массы его головного мозга. Если выразить величину массы мозга с помощью метода Дюбуа (несколько видоизмененного) с тем, чтобы исключить, насколько это возможно, влияние величины тела, то человек должен занять особое место среди всех млекопитающих по огромному весу своего мозга. Но вместе с тем обнаруживается, что у человека и животных с большим мозгом имеются общие признаки. Оказывается, что все млекопитающие, характеризуемые наиболее высоким весовым показателем мозга, обладают или рукой в собственном смысле слова (высшие обезьяны), или аналогом руки, т. е. подвижным и тонко диференцирующим анализатором (хобот слона, осязающий концевой отдел хвоста паукообразных американских обезьян).

Далее выясняется, что обратная зависимость необязательна, т. е. что наличие такого рода анализатора не всегда сопровождается у обезьян и других млекопитающих большим весовым показателем мозга, из чего, очевидно, следует, что животные, обладающие крупным мозгом, способны на нечто большее, чем воспринимающая и двигательная функция их ана-

лизатора. Такое предположение находит себе подтверждение у русских и зарубежных зоопсихологов, из работ которых можно сделать вывод о весьма высоком общем развитии психики животных, характеризуемых одновременным наличием «руки» и большой массы мозга, независимо от родственных отношений этих животных.

Аналогичные примеры можно привести и для других особенностей человеческого предка. Так, уменьшение волосяного покрова на теле у предшественников гоминид нельзя понять без учета того влияния, которое могла оказать на их теплорегуляцию большая для приматов величина их тела. Этот вопрос никогда не подвергался специальной разработке, но есть основания думать, что наземная жизнь в условиях жаркого климата при периодической необходимости крайне напряженной деятельности могла угрожать опасностью перегревания существу, крупные размеры которого создавали (в соответствии с соображениями Бергмана) неблагоприятное соотношение объема и поверхности тела. С этим согласуются такие факты, как более короткая шерсть у крупных млекопитающих по сравнению с мелкими в пределах родственных видов, отсутствие подшерстка у высших обезьян, особенно большое поредение шерстного покрова у шимпанзе, соединяющего крупные размеры с необычайной живостью темперамента и быстротой движений.

При попытке объяснить большие ареалы, которые занимали, вероятно, близкие виды древнейших гоминид (как можно предполагать на основании широкого распространения их остатков), необходимо принять во внимание среди прочих условий значение рода их пищи, а именно отсутствие у древних гоминид специализации в характере питания, их «эврифагию». Это свойство играет большую роль в зоогеографии и, как полагают зоологи, осталось не без влияния на огромные ареалы хищников (барса, тигра, пумы, волка), в общем близких к эврифагам, а также хищных птиц и сов (сапсана, болотной совы), в особенности ворона (В. Г. Гептнер).

Если с точки зрения генеалогии человека достаточно охарактеризовать его предка как узконосого высшего примата, наиболее близко родственного африканским антропоморфным обезьянам, то с точки зрения факторов человеческого происхождения ближайший предок человека должен быть, кроме того, охарактеризован еще как животное с вертикальной осью тела, с крупным мозгом и рукой, как животное с относительно малой поверхностью теплоотдачи, как животное всеядное и т. д., и т. п. Если от отдельных особенностей предка человека обратиться к общей характеристике всей их совокупности, то и в этом случае их значение можно понять, только освещая их с точки зрения различных биологических закономерностей. Так, неоднократно указывалось на сочетание в человеке черт специализации с признаками примитивности в строении тела. Меньше внимания было уделено тому, что самая специализация многих человеческих особенностей (понимая под этим словом отклонение от общего типа) представляет собой резкое усиление не каких-либо совершенно новых черт (у человека есть и такие), но черт, характерных или для типичного наземного позвоночного, или для типичного млекопитающего, или для типичного примата.

Достаточно привести такие особенности, как весьма совершенное внутриутробное питание плода, вследствие сложности ворсинок и большей величины лакун плаценты, как длительная зависимость потомства от матери, весьма сильное развитие коры головного мозга, укорочение длины позвоночника, удлинение конечностей, относительное удлинение проксимальных отделов конечностей по сравнению с дистальными, сохранение двух костей в предплечье и голени, пятилучевой тип строения кисти и

стопы, сокращение числа зубов при сохранении основных типов зубов, т. е. гетеродонтности, диференциация мимической мускулатуры, очень хорошее развитие потовых желез и т. д.

Какое значение имело для эволюции человека это сохранение или усиленное развитие у него признаков, характерных для больших систематических единиц? Если принять во внимание, что те крупные изменения организации, которыми отличаются друг от друга большие группы животных, одновременно служат яркими примерами «ароморфоза», т. е. биологического прогресса путем общего подъема организации, то необходимо сделать вывод, что некоторые древние ароморфозы в какой-то степени снова повторились в процессе человеческой эволюции. В том комплексе прогрессивных изменений, которые имели место при появлении человека, были, таким образом, снова «использованы» те же средства и внутренние возможности перестройки организма и его жизнедеятельности, которые некогда привели к возникновению или наземных позвоночных, или млекопитающих, или приматов.

Необходимость разностороннего освещения того биологического наследства, которое сделало возможным очеловечивание животного предка человека, касается не только морфологических и физиологических свойств этого предка или их сочетаний, но и закономерностей тех процессов, которые их создавали.

В общем виде проблема типичной последовательности в смене фаз эволюционного процесса была поставлена в работах академика А. Н. Северцова и затем академика И. И. Шмальгаузена. Всесторонний анализ этого вопроса, проделанный Шмальгаузеном, показал, что для каждой ветви животных в ходе ее эволюции формы адаптации, борьбы за существование, элиминации и естественного отбора не остаются неизменными. Наиболее типична смена от ароморфоза, при непрерывной диференциации и расхождении признаков процветающих форм, к алломорфозу (специализации) и затем к телеморфозу (узкой специализации). Путь этот, однако, по мнению Шмальгаузена, не является единственным.

Такая постановка вопроса дает возможность осветить эволюцию ближайших предшественников человека как один из особых путей эволюционного процесса. Этот тип эволюции характеризуется тем, что эволюционный процесс идет при сохранении относительного постоянства (в общем очень низкой) плодовитости, в направлении все большего обилия средств, уменьшающих смертность, в особенности смертность молодых особей. Это, в частности, характерно для высших приматов и в еще более сильной степени для человека.

Сказанное подтверждает ту мысль, что ряд черт морфологии и биологии человека может быть связан с некоторыми специальными закономерностями эволюции животных.

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Однако в лице человека, как это было сказано выше, появилось нечто большее, чем новый зоологический вид. Заслугой русской науки последних двух десятилетий является систематическое изучение вопроса, каким образом возникло это своеобразие человека и в чем оно проявлялось на разных этапах его развития. На основании обширных материалов можно составить некоторую гипотетическую схему, дающую более или менее ясное представление о той последовательности, в которой человек приобретал свои характерные свойства.

Весь путь развития древнейшего человека предопределили три рода его деятельности, весьма различные по своему значению: охота, производство орудий и построение общества. Возникновение этих родов деятельности у человека оказалось возможным вследствие некоторых особенностей биологии высших обезьян — ближайших предков человека. Охоте предшествовали случайные убийства мелких животных; производству орудий — манипулирование с предметами; общественным отношениям — стадность. Все эти биологические источники будущих основ человеческого производства существовали независимо один от другого. Наоборот, те новые явления, которые из них развились у человека, т. е. охота, орудие и общество, оказались неотделимы одно от другого. Охота и борьба с животными заставили предка человека перейти к выделыванию орудий. Выделывание орудий и охота с их помощью потребовали в свою очередь переорганизации общественных связей людей.

Однако каждый из названных родов деятельности вряд ли сразу породил собой другой. Многие десятки тысяч лет борьба с животными и поедание их трупов были уже обычным делом для предка человека, но этот предок не производил орудий, он только пользовался (как орудиями) палками и камнями, которые находил в природе. Точно так же выделывание орудий, преобразовавшее способы охоты и весь образ жизни первобытного человека, далеко не сразу привело к полной перемене отношений между членами орды и к построению общества в окончательном смысле этого слова. Многие тысячелетия люди уже владели разнообразными приемами техники производства орудий, сохраняя в то же время сильнейшие пережитки животной стаи в своих охотничьих коллективах. Таким образом производство орудий у человека произвело переворот в его борьбе с животными раньше, чем завершилось складывание его общественных отношений, т. е. раньше, чем подлинное общество пришло на смену орде.

Среди советских антропологов пользуется широким признанием разделение процесса эволюции гоминид на периоды, условно называемые по обозначениям характерных находок: период предшественника человека, или австралопитека, период питекантропа, затем неандертальского человека. Конечно, ни одно из этих названий не следует понимать в том смысле, что соответствующие находки действительно представляют реальных предков современного человека по прямой линии. Против такого допущения, в частности по отношению к Australopithecus africanus Dart (1924) и Pithecanthropus erectus Dubois (1894), можно привести много возражений морфологического порядка. В данном случае речь идет о суммарной характеристике стадий, общие черты которых могут быть освещены на имеющихся локальных формах. Именно в этих границах мы можем попытаться осветить намеченные этапы развития человечества фактами палеоантропологии.

Длинный период выработки двуногого хождения и стадной охоты без выделывания орудий, вероятно, соответствует стадии австралопитека. Эта стадия противопоставила предка человека всем другим приматам. Следующая фаза — начало выделывания орудий и все более усиливающееся значение охоты — соответствует так называемой стадии питекантропа. Последняя противопоставила гоминид всем животным вообще. Дальнейшее развитие техники и назревание в недрах стаи необходимости новых общественных отношений соответствует так называемой неандертальской стадии, или стадии палеоантропа. Наконец, завершение процесса возникновения человеческого общества соответствует стадии готового человека Homo sapiens, или неоантропа. Эта стадия противопоставила его всей природе в целом, так как к ряду из различных совокуп-

ностей организмов (скоплений, сообществ и пр.) она прибавила еще одну, качественно новую — сложившееся человеческое общество, особым, неизвестным ранее путем разрешившее проблему взаимоотношения части и целого [1].

К сожалению, мы очень мало знаем о непосредственных предшественниках людей. Судя по сопровождающей фауне ископаемых южноафриканских обезьян — австралопитека, плезиантропа и парантропа, эти существа жили на открытых местах и уже не были древесными формами. На это же косвенно указывает и приспособленный к наземной жизни характер строения костей скелета у более поздних форм, т. е. у древнейших гоминид — питекантропа и синантропа. Кроме того, можно полагать, что указанные выше южноафриканские антропоиды были не четвероногими, а двуногими. На это в частности указывает тот факт, что затылочное отверстие располагалось у парантропа ближе кпереди, чем у современных высших обезьян. Очень малый размер клыков парантропа и австралопитека косвенно указывает на необходимость для этих приматов пользоваться палками и камнями для самозащиты. Многие антропологи полагают, что эти приматы охотились на мелких животных.

Относительно древнейших гоминид имеются большие разногласия. Одни исследователи полагают, что человек, который выделывал орудия шелльского типа, вел собирательское хозяйство (Никольский, Равдоникас, Золотарев); другие думают, что шелльский человек был охотник (Толстов, Борисковский).

Главные аргументы в пользу первого взгляда таковы: собирательство, а не охота характерно для всех вообще приматов, а следовательно, и для человеческого предка; в шелльских стоянках не известно ни кострищ, ни скоплений костей; орудия шелльцев совершенно исключают возможность крупной охоты на толстокожих, т. е. слона, носорога, бегемота; теплый климат периода шелля позволял прокормиться собирательством, и только ашель-мустьерское похолодание заставило заняться охотой как главным способом пропитания; орудия труда могли возникнуть не только в качестве необходимых средств для охоты, но и для выкапывания корней (Золотарев); отщепы с острыми краями могли служить для разнообразных целей, например, чтобы содрать шкуру зверя, разрезать тушу, заострить конец корнекопалки и т. п. (Бонч-Осмоловский, Золотарев), ручное рубило могло служить для делания зарубок при лазании по деревьям (Золотарев).

Противоположная точка зрения исходит из следующих доказательств. Человек, ставший впоследствии исключением из всех приматов, мог иметь и предков, не похожих по некоторым своим особенностям на других обезьян. Предок человека поэтому, в отличие от других приматов, уже мог присоединить к собирательству и примитивную охоту (см. выше об австралопитеке).

Было бы неправильно думать, что природная обстановка, сложившаяся в Евразии, была необходимым условием для перехода к охотничьему образу жизни: аналогичный переход происходил и вне этих условий — в тропической и субтропической областях Азии и Африки. Далее, хотя собирательство у древнего человека могло иметь специфические для человека черты, т. е. осуществляться коллективно и с помощью орудий (выкапывание корнеплодов, сбивание плодов, раскалывание твердой скорлупы и пр.), однако потребность в сплоченных действиях и в орудиях

[1] Названия «палеоантроп» и «неоантроп» употребляются здесь не в качестве обозначения двух разных родов.

была неизмеримо большей в процессе охоты. Не следует также забывать, что во многих случаях шелльские «рубила» были обнаружены в отложениях нижних плейстоценовых террас, куда они попали, очевидно, в результате переотложения из аллювия более верхних террас; при этом условии отсутствие данных об огне и охоте в шелльских слоях еще не может быть использовано как вполне бесспорный факт для вывода о хозяйственном укладе шелльского человека.

Возможно, что соображения Зергеля об охоте на заре палеолита с помощью ям, куда загонялись или попадали крупные толстокожие, все-таки не лишены основания, хотя конкретные примеры, на которые он ссылается (яма с костями и зубами Elephas meridionalis вместе с «эолитами» в Дорсете и др.), могут вызвать сомнения. Весьма важным является установленный, повидимому, факт охотничьего образа жизни синантропа. Что касается огромной роли охоты в ашёле, то она не подлежит сомнению, как это ясно из находок стоянки в Торральбо (Испания), где кости слона, носорога, лошади, быка оказались сосредоточенными на узком пространстве в сопровождении многочисленных орудий, главным образом грубых ручных рубил из кварцита и халцедона. Аналогичные находки были сделаны в гроте Обсерватории, близ Монако, и в других местах. Особенно интересно наличие остатков настоящего охотничьего лагеря в нижнем травертине Таубаха и Эрингсдорфа, где обнаружены кости древнего слона и носорога Мерка. Замечательно, что эти охотничьи стоянки в Таубахе сопровождаются весьма примитивными кремневыми орудиями, по мнению П. П. Ефименко вряд ли далеко ушедшими по простоте технических приемов от изделий синантропа; что касается морфологических особенностей зуба из Таубаха, то известно, что некоторые из них (низкий указатель ширины коронки, мелкая морщинистость эмали и др.) весьма сближают его с зубами шимпанзе или рейнского дриопитека и позволяют предполагать о его более древнем возрасте, чем ашёльский.

Отрывочность археологического и антропологического материала по шелльской эпохе еще не дает возможности вполне убедительно разрешить указанное разногласие. Наиболее вероятно, что хозяйственное значение охоты у древних людей шелльской эпохи было невелико, в особенности с точки зрения бесперебойного обеспечения пищей, и в этом правы представители первой точки зрения. Однако, несмотря на меньший удельный вес охоты в пропитании шелльских людей, именно охота, а не собирательство была тем фактором, который с самого начала вел за собой развитие производства и общественных отношений. Значение его, конечно, возрастало по мере того, как климат становился более суровым. Сторонники теории «собирательства» не отрицают того, что мелкой охотой занимались уже в шелле и что в ашёле охотничье хозяйство начало приобретать преобладающее значение. Не следует, однако, забывать, что практика борьбы с крупными животными могла иметь своим источником не только необходимость добывания пищи, но и самообороны, так как невозможность спастись бегством постоянно заставляла шелльских людей и их предшественников обороняться нападая.

СТАДИЯ ПАЛЕОАНТРОПА, ИЛИ НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ СТАДИЯ

Понятием «неандертальская стадия» наука обязана замечательным работам Алеша Грдлички. На основании современных знаний об ископаемых формах человека термин «неандертальская» следует понимать в том смысле, что известные до сих пор более или менее точно датированные ко-

стные остатки человека, связанные с позднеашёльской или мустьерской культурой или имеющие соответствующую геологическую древность, в общем более сходны с классическим типом неандертальского человека в Западной Европе, чем с типом Homo sapiens. С другой стороны, употребление этого термина имеет условный характер, так как прежнее представление об едином для всего Старого Света типе позднеашёльского и мустьерского человека требует пересмотра. Хотя еще и недостаточно материала для исчерпывающей краниологической систематики основных форм указанного периода, однако некоторые ареальные типы выделяются с достаточной ясностью. Такова, например, западноевропейская группа, характерным представителем которой является человек из Ля-Шапель-о-Сен и в которую должны быть включены Спи I и II, Ла-Феррасси, Гибралтар, Мустье, может быть, Монте Чирчео. Центральноевропейские находки к востоку от Рейна обладают рядом своеобразных особенностей (Эрингсдорф, Штейнгейм, Крапина), но значение и величина этих особенностей и степень сходства названных находок между собой — это вопрос, еще требующий специального сравнительного исследования. Довольно резко отличаются от европейских неандертальцев (в особенности от западной группы) остатки так называемого игандонского человека, с которым неожиданно оказываются сходными по некоторым признакам мозгового отдела черепа остатки родезийского человека из Южной Африки. Наконец, несомненно должны быть выделены палестинские находки, характеризующиеся, впрочем, чрезвычайной пестротой своего антропологического состава.

Ископаемые костные остатки древнего человека на территории Советского Союза имеют выдающееся значение для основных вопросов, связанных с эпохой ашёля и мустье. Прежде всего следует указать на резкое отличие от современного типа остатков как человека из грота Кинк-Коба, так и ребенка из пещеры Тешик-Таш. Кисть кинк-кобинского человека уклоняется от современного в большинстве своих признаков в том же направлении, что и соответствующие части скелета неандертальского человека из Западной Европы, и притом в еще значительно большей степени (Бонч-Осмоловский, 1941). То же, повидимому, справедливо и относительно стопы.

Предварительная публикация, посвященная черепу из Тешикташа (Дебец, 1940), показывает, что по своим основным признакам этот череп весьма близок к черепу из Ля-Кина и вообще примыкает к типичным западноевропейским неандертальцам, хотя и обладает некоторыми особенностями. Имеют ли они индивидуальный или локальный характер, пока решить нельзя. Независимо, однако, от того, насколько велики территориальные особенности тешик-ташской и кинк-кобинской находок, неоспоримо, что область существования человека, по типу близкого к неандертальскому, распространялась и на те части Европейского и Азиатского материков, где сторонники большой относительной древности неоантропа еще могли надеяться найти его остатки, датируемые мустьерским или более ранним временем.

Таким образом, еще значительно больший вес должна приобрести гипотеза о том, что палеоантроп был предком неоантропа и что он в ранне-мустьерском периоде стал приобретать новые черты, которые в конечном итоге привели к возникновению человека современного типа.

Перехожу к вопросу о факторах происхождения Homo sapiens от палеоантропа, за которым в дальнейшем изложении сохраняется условное название неандертальского человека.

ФАКТОРЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕОАНТРОПА (HOMO SAPIENS)

Относительно причин появления неоантропа высказывались разные предположения. Одни исследователи стремились доказать, что самым существенным в этом процессе было прекращение скрещиваний внутри орды и устранение дурных биологических последствий браков между близкими родственниками. Другие приписывали решающую роль эволюции морфологии самой кисти и ее способности к тонкой моторике. Третьи полагали, что важнейшим преимуществом неоантропа было его более совершенное, чем у палеоантропа, вертикальное передвижение. Не отрицая огромной роли строения руки и двуногой походки, следует иметь в виду, что эти факторы могли быть важнейшими на более ранних этапах эволюции человека, но могли занять позднее более скромное место по сравнению с другими новыми факторами. Главным из этих последних следует считать (по целому ряду данных) более высокий уровень социальных свойств неоантропа. В пользу такого предположения можно привести многочисленные доказательства.

Основное различие между неандертальским человеком и человеком современного типа заключается в том, что первый осуществил переход от культуры мустье до верхнего палеолита путем эволюционного превращения своего морфологического типа; наоборот, Homo sapiens мало изменился в существенных чертах строения своего тела, совершив огромный путь изменения своей культуры от верхнего палеолита до гигантской индустрии современности.

Что же могло так резко уменьшить видообразующее действие отбора у Homo sapiens по сравнению с неандертальцем и позволило ему увеличить в такой степени разнообразие своей деятельности, почти не изменив структуры своего тела? Поскольку причина как почти полного устранения действия отбора по основным признакам, так и безгранично растущей власти над природой лежит у современного человека в общественной организации труда, законно предположить, что именно в этом отношении неандертальский человек еще не вышел полностью из полуживотного состояния и именно в этом всего более уступал современному человеку. Это значит, что только Homo sapiens до конца разрешил задачу построения общества, чем и завершил тот «разрыв» с животным миром, начало которого было сделано питекантропом или предшествующим ему представителем гоминид, впервые изготовившим орудие.

Что же отличало сложившееся общество от орды? Прежде всего то, что могло обеспечить возможность более разносторонней, диференцированной и глубокой связи между членами коллектива, т. е. более совершенный способ их общения между собой. Таким условием появления новых возможностей взаимного понимания была, вероятно, более высокая ступень развития членораздельной речи. С помощью усовершенствования этого мощного орудия сношений делалась доступной иная организация труда, более полная передача умений и знаний от поколения к поколению, установление более косвенных, абстрактных и тонких методов управления членами коллектива и контроля их деятельности. Развитие технических приемов охоты делало каждого индивида более самостоятельным, менее зависимым от непосредственной помощи коллектива, вследствие чего перед последним вставала сложная задача заменить грубые и стадные способы обуздания своих членов такими приемами, которые позволили бы обществу извлечь все, что было ему необходимо из их свободы, но сохранить себя от произвола, который могла породить их независимость. Для уяснения той

роли, которую могло сыграть в этой перемене отношений между людьми в процессе производства усовершенствование речи, следует иметь в виду, что общество могло сложиться только при условии установления более тесной связи между так называемым «инструментальным» мышлением и речью. Это означает, что полуживотная психика члена орды должна была уступить место человеческому сознанию. Для пояснения необходимо кратко остановиться на некоторых результатах исследований русских психологов за последние два десятилетия.

Изучение высших обезьян показало, что имеющееся у них в зачатке «орудийное», или «инструментальное», или «практическое» мышление не проявляется в естественной обстановке в качестве постоянного и необходимого условия их существования; не используется в острые моменты борьбы (палки всегда отбрасываются в сторону, и в ход идут зубы и руки, когда дело доходит до серьезной драки); не связано также с взаимопомощью: «орудия» изготовляются каждой особью отдельно; не связано с зачатками речи.

Последнее свойство орудийного мышления послужило предметом особо пристального внимания со стороны Л. С. Выготского. Этот исследователь показал, что у современного человека речь выполняет важнейшие интеллектуальные функции, причем мысль человека не только выражается, но и совершается в слове. Оказалось в частности, что в ходе развития интеллекта у ребенка имеется поворотный пункт, когда слово овладевает его мыслительным процессом и перестраивает все его психические функции. Этот же автор показал, что указанное значение речи в человеческом мышлении явилось результатом долгой истории. Основываясь на анализе экспериментальных исследований и наблюдений над интеллектом и «языком» человекоподобных обезьян, Выготский следующим образом формулировал свои выводы об отношении мышления и речи в филогенетическом развитии:

1. Мышление и речь имеют различные генетические корни.

2. Развитие мышления и речи идет по различным линиям и независимо одно от другого.

3. Отношение между мышлением и речью не является сколько-нибудь постоянным на всем протяжении филогенетического развития.

4. Антропоморфные обезьяны обнаруживают человекоподобный интеллект в одних отношениях (зачатки употребления орудий) и человекоподобную речь — совершенно в других (фонетика речи, эмоциональная функция речи и зачатки ее социальной функции).

5. Антропоморфные обезьяны не обнаруживают характерного для человека отношения — тесной связи между мышлением и речью. Одно и другое не является сколько-нибудь непосредственно связанным у шимпанзе.

6. В филогенезе мышления и речи мы можем с несомненностью констатировать доречевую фазу в развитии интеллекта и доинтеллектуальную фазу в развитии речи.

Возможность характерного для человека взаимного проникновения инструментального мышления и речи была подвергнута анализу рядом психологов. Связь обоих явлений легко понять, если вспомнить, что вспомогательное средство становится орудием только после того, как оно приобретает постоянное значение в тех многообразных текущих случайных обстоятельствах, которыми сопровождается его употребление. Средство, известное и у животных, превращается в человеческое орудие, когда оно получает устойчивый смысл, позволяющий делать перенос этого средства из одной ситуации в другую. Но этот же устойчивый смысл, де-

лающий средство орудием, есть одновременно именно то, что позволяет обозначить это средство словом. Слово непременно содержит в себе обобщение, т. е. выделяет нечто постоянное в неповторимых объектах. Таким образом, понятие о вещи, как отвлечение от тех меняющихся условий, в которых эта вещь дана одному субъекту в разные моменты его деятельности, может получить значение орудия. Понятие о той же вещи, как отвлечение от тех различных условий, в которых эта вещь дана разным субъектам в момент их общения между собой, может стать значением слова. С. Л. Рубинштейн так сформулировал связь мышления и речи у современного человека: «Две основные функции речи — социальная и сигнификативная, благодаря которым речь является средством общения и орудием мысли, формируются одна через другую и функционируют одна в другой. Так социальный характер речи, как средства, и ее обозначающий характер, как орудие мышления, неразрывно связаны между собой» [1].

Огромная роль понятия в человеческой психике видна в частности из того факта, что в тех операциях, где вследствие условий опыта и характера задачи человек не может опереться на построение соответствующих понятий (например, при чисто пространственном ориентировании), способ, посредством которого люди приходят к решению, очень часто похож на то, как вели себя животные в опытах Торндайка; таковы, например, были результаты опытов Ругера над людьми, которым предлагалось вынуть какую-либо часть из проволочной головоломки, а также и многих других исследований.

Такая связь практического мышления и речи, конечно, сложилась у человека не сразу. Рубинштейн привел убедительные соображения в пользу того, что практическое мышление является у человека первичной, наиболее ранней формой интеллектуальных операций, что первоначально развивается именно это «мышление действиями», и лишь на основе практической операции, каковой и был труд человека, интеллектуализировалась его речь и обратно — вербализировалось его мышление.

Если справедливо предположение о том, что резкий переход на более высокий уровень социального устройства всей деятельности палеолитического человека осуществился вместе с появлением неоантропа, то естественно заключить, что и описанный психический процесс завершился в том же периоде.

Одним из ярких свидетельств совершенно новых форм коллективной жизни в позднем палеолите служат результаты блестящих исследований русских археологов, точно изучивших характер жилищ, из которых некоторые являются памятниками ориньякско-солютрейского времени (исследования Ефименко в с. Костенки, в 30 км к югу от Воронежа, и исследования Замятнина в с. Гагарино, близ Липецка). Характер этих жилищ позволяет думать, что общественные группы людей того времени представляли собой весьма сплоченные, довольно крупные родовые общины. Распространенность среди остатков культуры позднего палеолита женских фигурок с преувеличенными признаками пола истолковывается некоторыми исследователями как доказательство того, что в общественном сознании людей позднего палеолита образ женщины-прародительницы, женщины-матери занял весьма важное место. Изображения такого типа, известные ранее только на Западе, в большом количестве открыты и на территории Советского Союза (у с. Гагарино, в Костенковской стоянке, в стоянках

[1] С. Л. Рубинштейн. Основы психологии, 1935, стр. 265.

Мальта и Буреть под Иркутском, в стоянке у с. Елисеевичи, на одном из притоков Десны и др.).

Многие этнографы и археологи пришли к заключению, что человек позднего палеолита сознавал эту свою огромную зависимость от общества, но что общество отражалось в его уме как род, ведущий свое начало от одного предка-тотема. Это показывают и изображения в живописи и в рисунке жилищ-стоянок на фоне священного животного, и характер погребения, которое почти всегда совершалось на месте поселения, что говорит об осознании кровного родства между совместно живущими членами рода. Об этом же позволяет заключить и ритуал погребений позднего палеолита, свидетельствующий о вполне развитом сознании необходимости заботиться о членах своего рода (Воеводский).

Дальнейшим доказательством того, что на этом этапе эволюции наиболее важный шаг был сделан именно на пути улучшения организации общества, может служить появление только с начала ориньяка (т. е. только вместе с людьми современного типа) образных обозначений — скульптурных, живописных и штриховых, неизвестных у неандертальца и знаменующих собой переворот именно в способах общения людей, т. е. в графической форме «речи».

Имеются доказательства также резкого ускорения роста техники и развития всех отраслей охотничьей культуры как раз с начала ориньяка, очевидно вследствие появления новых общественных условий производственного процесса.

Особый интерес представляет и то существенно новое, что появилось в технике позднего палеолита. Уже давно было замечено, что орудия неандертальского человека служили главным образом для непосредственного употребления. Это были режущие и колющие орудия универсального типа для выполнения простейших функций. В верхнем палеолите появляются в огромном количестве орудия совершенно иного характера: это инструменты, специально предназначенные для выделки орудий (Воеводский, Толстов). Целью становится средство, которое затем послужит средством для окончательной цели. Так, предметом изготовления делается специальный мелкий скобель с зубчатой выемкой для обстругивания мелких стержней, которые будут превращены в иголки для сшивания шкур. Это удлинение цепи операций, ведущей к осуществлению окончательного замысла, обнаруживается также в выделывании орудий, вспомогательных для действия других орудий. Таковы, например, копьеметательные дощечки.

Средства в этих длинных рядах операций оказываются столь далекими от конечных целей, что вероятно допустить значительное изменение психики в этом периоде. Здесь могла сыграть роль усилившаяся у человека способность связывать явления, не соединенные в зрительном поле, как следствие усовершенствования мышления в понятиях. Выше говорилось о значении членораздельной речи в этом типе мышления. Во всяком случае контраст между индустрией палеоантропа и неоантропа, очевидно, не сводился к простому различию в координации движений. Археологические памятники позднего палеолита дают и другие весьма обширные и разнообразные доказательства неизмеримо более сложной интеллектуальной деятельности человека этого времени по сравнению с палеоантропом. В частности это можно видеть на примере так называемого палеолитического искусства, многие образцы которого свидетельствуют о весьма развитых приемах магических действий.

Можно привести далее следствия этого социального прогресса, непосредственно объясняющие смену неандертальского человека современным. Средняя продолжительность жизни у человека верхнего палеолита оказа-

лась более высокой, чем у неандертальца, как это обнаружил путем анализа возрастов смерти ископаемых людей Валлуа и затем подтвердил Вейденрейх. Эти явления вполне понятны, так как в результате описанной перемены охота стала намного более эффективной, о чем, например, свидетельствуют огромные скопления костей убитых животных в Пшедмосте в Моравии, сотни тысяч диких лошадей в Солютре; аналогичные скопления открыты в Костенках и других стоянках на территории Советского Союза.

Можно, наконец, указать факты, позволяющие связать изложенную гипотезу с теми физическими особенностями, которые отличают человека современного типа от неандертальского. Homo sapiens обладает такими видовыми признаками, которые: 1) увеличивают для него необходимость жить в защитной среде, 2) позволяют ему быть подлинно общественным существом и 3) одновременно имеют значение обоих указанных только что групп признаков, т.е. являются источником и его биологической слабости, и его мощи как социального существа.

6037

Отвечая герцогу Аргайлю, выступавшему против теории происхождения человека путем естественного отбора, Дарвин указал, что животные предки человека вряд ли обладали свирепостью и большой физической силой, так как эти качества помешали бы развитию у них социальных эмоций. В 1899 г. на заседании Парижского антропологического общества Папильо обратил внимание на значительно более мощное развитие скелета у неандертальцев из Спи по сравнению с человеком эпохи позднего палеолита из Шанселяд. При этом Папильо высказал предположение, что недостаток физической силы шанселядский человек с избытком компенсировал более высоким уровнем развития своих социальных наклонностей. Позднейшие работы ряда антропологов отмечали бо́льшую продолжительность беспомощного периода детства у человека по сравнению с обезьяной.

Естественно, что на основании костного и археологического материала невозможно ответить на вопрос, медленно или быстро протекало возрастное развитие неандертальского человека или человека позднего палеолита. Ископаемые остатки позволяют судить только о сравнительной скорости развития разных элементов скелета. Только предположительно можно думать, что человек нижнего палеолита приобретал самостоятельность быстрее, чем его преемник, так как ряд: низшая обезьяна — высшая обезьяна — современный человек — характеризуется нарастанием общей продолжительности детства. Заполняя этот ряд, можно допустить, что непосредственный предшественник человека современного типа, обладая еще множеством черт сходства с высшей обезьяной, занимал промежуточное место и в отношении скорости своего возрастного развития. Это предположение еще укрепилось после того как было обнаружено, что порядок прорезывания зубов у изученных в этом отношении неандертальских детей из Эрингсдорфа и из Крапины слегка приближается к тому, который характерен для обезьян, и несколько отличается (за некоторыми исключениями) от современного человеческого типа.

К следующей группе признаков относятся такие, которые могли содействовать большей социальности Homo sapiens. Отмечалось, что у современного человека строение переднего отдела лобных долей менее примитивно по форме, чем у неандертальца; указывалось в частности на отсутствие у него rostrum orbitale (Ариенс Капперс). На всех слепках мозга европейцев позднего палеолита из Комб Капелль и из Пшедмоста оказались весьма резко выражены передние ветви Сильвиевой борозды в отличие от слепков мозга неандертальцев (Ариенс Капперс).

Институт антропологии и этнографии БИБЛИОТЕКА № 1

Значение префронтального отдела выяснили клинические наблюдения. Оказалось, что при экстирпации или повреждении передних отделов лобных долей наблюдается (по данным Фейхтвангера, Брикнера, Оливекрона) в числе других симптомов расстройство социальных эмоций, а именно: появление враждебности к окружающим, разрушительных склонностей, половой распущенности и т. д. Весьма интересные исследования на большом клиническом материале, проведенные А. Р. Лурия, привели его к выводу, что одним из наиболее важных симптомов поражения префронтальной области является отщепление действия от мотива и подчинение этого действия «внешнему полю». Совершенно очевидно, что именно связь действия с мотивом является обязательным условием, для того чтобы общество, влияя на мотивы отдельного индивида, тем самым управляло и его действиями.

Таким образом, и эти исследования, свидетельствуя о роли префронтальной области мозга в процессах торможения, косвенно указывают на возможность ее социального значения. Но если это так, то законно предположить, что причины усиленного развития указанной области (важнейшего признака Homo sapiens) действительно лежали в необходимости организации более глубоких социальных влияний на психику людей. На то же указывают и некоторые другие наблюдения. Так, передняя ветвь нижней лобной борозды оказалась лучше развитой на некоторых слепках из Пшедмоста, чем у всех изученных неандертальцев. Эта передняя ветвь у современного человека имеет отношение к способности пользоваться членораздельной речью (Ариенс Капперс).

Наконец, нетрудно видеть, что некоторые признаки Homo sapiens одновременно являются источниками и его биологической зависимости от общества и его интеллектуальной и нравственной мощи как социального существа. Таков, прежде всего, сам факт увеличения роли в его поведении коры головного мозга, так как кора весьма ранимый орган; так как работа коры аритмична и потому нуждается в искусственной ритмизации с помощью социально вырабатываемых вторичных автоматизмов; так как деятельность коры, кроме того, связана с задержкой реакции на изменения среды. Многостороннее использование такого органа вне общества было немыслимо. В обществе оно, наоборот, приобретало высокую ценность.

Таким образом, весьма многочисленные факты, полученные в различных отраслях знания, а также в самой палеоантропологии, подтверждают или, по крайней мере, не противоречат гипотезе о том, что неоантроп представлял собой более поздний тип, переживший своего предка-палеоантропа, и обладал, в отличие от последнего, новыми свойствами, позволившими ему построить более высоко организованное общество, преобразовавшее всю его производственную жизнь, а следовательно, и его психику. Здесь было показано, что вещественный материал позднего палеолита, освещенный данными этнографии и сравнительной психологии, свидетельствует о более высоком уровне общественной жизни неоантропа, а собственно антропологический материал позволяет думать, что именно этот социальный уровень создавал для неоантропа условия существования, к которым его физический тип был всего более приспособлен. Вполне естественно сделать вывод, что в борьбе за существование победила, сохранилась и заселила современную эйкумену эта форма человека вследствие того, что она оказалась более социальной. Усовершенствование локомоции тела и движений его отдельных сегментов, конечно, должны были также давать большие преимущества неоантропу по сравнению с его ближайшим предком, но, вероятно, главным образом в той мере, в какой они могли служить коллективам, а не отдельным индивидам, т. е. в сочетании

с социальными качествами. Без этих последних, как будет показано ниже, ловкость, охотничья сноровка и меткость ударов членов орды могли бы представить даже некоторую угрозу для ее благосостояния. Кроме того, вряд ли допустимо придавать решающее значение каким бы то ни было биологическим приобретениям частного характера в этом периоде эволюции человека, так как развитие общества и сознания могло стать источником бесчисленного множества различных частных приспособлений.

ВОПРОС О БЫСТРОТЕ ОПИСАННОГО ПЕРЕХОДА

На основании сказанного ясно, что возникновение высокосоциальной формы — неоантропа — вытекало из самой сущности производства, которое в себе самом заключало тенденцию своего развития, а следовательно, и развития общественных форм трудового процесса. Нет никакой необходимости искать внешних специальных причин для этого явления.

Более сложен вопрос, насколько равномерно шел процесс развития общества и человека, начиная с древних стадий. Выше говорилось о том, что на границе раннего и позднего палеолита как в области культуры, так и в самом типе человека происходит перерыв в развитии, в результате которого культура вступает на путь все убыстряющихся и достигающих необычайных масштабов изменений, в то время как морфологические черты носителя этой культуры сохраняют поразительное постоянство своих основных особенностей. Причины этого резкого поворота с трудом поддаются объяснению. Ускоренный ход эволюции общества и человека мог быть вызван внешней причиной — наступлением более холодного климата и необходимостью для человека резко повысить производительность своего труда, чтобы пережить холод и недостаток растительной пищи, т. е. выработать более совершенные способы охоты. Решающим условием для возможности такого подъема могла быть новая организация общества. Однако вряд ли перемена климата была единственной или главной причиной, так как та область, где происходило формирование Homo sapiens, распространялась на Переднюю и Южную Азию, где влияние четвертичного похолодания было далеко не столь резким, как в Западной Европе.

Большое значение имело, вероятно, разрастание мустьерских орд, соприкосновение их друг с другом и необходимость найти выход из трудностей, которые порождались относительным перенаселением. Только перестройка примитивной структуры отношений в орде могла создать возможность и для выживания на суженной и нередко неблагоприятной территории, и для защиты ее границ от соседней орды, и для ее расширения путем захвата. Возможность таких столкновений становится ясной, если вспомнить об однообразии потребностей и способов их удовлетворения в раннем палеолите, чем и объясняется отчасти необходимость широкого расселения по земному шару и неизбежность ожесточенной борьбы в случае столкновения на территории, подлежавшей хозяйственному использованию. Преимущество имели те группы, чьи формы коллективной жизни были более совершенными.

Но и эта причина вряд ли была наиболее важной. Решающее значение имел, вероятно, ход внутреннего развития древних коллективов. Я имею в виду нарастание глубокого противоречия между техникой орудий и отношениями людей в коллективе.

В советской литературе была высказана мысль, что обычаи мустьерской орды не только отставали от требований менявшейся среды (ухуд-

шение климата, перенаселение и пр.), но постепенно сами становились препятствием и для производственной деятельности и для мирного существования членов орды в ее пределах. Гипотеза о том, что внутри мустьерской или ашёльской орды постоянно царил мир, мало вероятна. В любой группе высших обезьян, по свидетельству огромного числа наблюдателей, при малейшей необходимости дележа безраздельно господствует сила; ближайшие предки человека к этому общему со всеми высшими приматами наследию еще присоединили привычки полухищника, принужденного вести кровавую борьбу за жизнь на открытых местах. Есть много оснований предполагать каннибализм у синантропа (Вейденрейх). Склонность древних людей к весьма сильным проявлениям взаимной внутри- или межгрупповой агрессии доказывают и многочисленные следы тяжелых ранений, нанесенных камнем или дубиной, на головах неандертальцев, например на четырех черепах явантропа, на черепе из Эрингсдорфа (Вейденрейх), на костях из Крапины (Горянович-Крамбергер), на родезийском человеке, на человеке из неандертальской пещеры (Палес), на черепе Схул IX (Мак Коун и Кизс), предположительно на черепе из Монте-Чирчео (Серджи). Для построения общества с самого начала было необходимо не продолжать развития стадных отношений, но преодолевать в них то, что было несовместимо с успешным выполнением производственного процесса. В самом деле, изготовление орудий и охота требовали от древних людей все более тесных и сплоченных действий; но те же самые факторы (орудия и охота), приучая всех к употреблению в пищу мяса, вооружая каждого навыками, уловками и приемами убийства и на каждом шагу меняя соотношение сил отдельных индивидов, делали членов орды в случае их столкновений тем более опасными друг для друга, чем более отставало устройство общества от вооруженности его людей.

Опасность самоистребления, как уже было сказано выше, должна была принять более острую форму с того периода, когда в результате совершенствования техники и более успешной охоты мустьерские орды стали делаться все более многолюдными и были, наконец, вынуждены вступить во взаимное соприкосновение. Тогда с повышенной жесткостью стал действовать межгрупповой отбор, поощряя выживание таких групп, у которых относительная избыточность населения не делалась причиной бесконечных междоусобий внутри орды, но, наоборот, превращалась в источник установления более тесных социальных связей между ее членами. Первые шаги в этом направлении несомненно делались в различных группах неандертальского человека. Так, в частности есть основания полагать (насколько это позволяют палеоантропологические исследования), что неандертальский человек уже начал пользоваться членораздельной речью. Выше уже было указано, что у Homo sapiens под нижней лобной бороздой и частично под ее передней ветвью лежит зона, связанная в левом полушарии с членораздельной речью (Ариенс Капперс). На слепках мозга неандертальцев можно видеть заметное увеличение нижней лобной извилины по сравнению с питекантропом. На левом полушарии мужчины из Ля-Шапель и женщины из Ля-Кина нижняя лобная борозда имеет в дополнение к нижней ветви еще переднюю ветвь, отсутствующую у питекантропа и у шимпанзе и особенно хорошо развитую у современного человека.

Не везде, однако, указанные выше тенденции развития увенчались успехом. Лишь в тех областях, где по всей совокупности условий переход к ориньякской культуре оказался наиболее осуществимым, размножились и выжили группы, наиболее близкие к современному виду по своему физическому строению. В этих областях приобретение биологических свойств

нового человека оказалось наиболее выгодным. Люди нового типа, вероятно, не всегда имели преимущества внутри своей орды как отдельные индивиды. Но их природе была свойственна способность объединяться с себе подобными, а соединяясь между собой в пределах орды, они приобретали огромное превосходство. Это свойство позволяло им не только жить и оставлять потомство, но и, сплачиваясь друг с другом, сорганизовывать и остальных членов орды. В результате, именно неоантроп, т. е. человек, накопивший эти социальные свойства, оказался формой, которая сумела разрешить проблему, выросшую перед неандертальским человеком в течение мустьерской эпохи и обострившуюся вследствие противоречий между ростом техники и взаимоотношениями людей.

Идея о противоречии между ростом техники и отношениями людей внутри орды эпохи раннего палеолита является приложением к доистории сформулированного Марксом закона о несоответствии уровня производительных сил и производственных отношений, как основного принципа развития общества. Коренное различие того материала, который служил предметом обсуждения в настоящей статье, от материала исторического в собственном смысле заключается в том, что все основные противоречия в подлинной человеческой истории разрешались переходом к более высокой социально-экономической формации и не имели никакого отношения к биологическим свойствам тех групп, где протекал этот процесс. Те же противоречия, которые нарастали в течение неандертальской фазы, не смогли разрешиться в пределах природных возможностей палеоантропа и привели к возникновению нового вида.

Разумеется, наш вывод является только гипотезой, нуждающейся в дальнейшем обосновании. Хотя у Дарвина весь ход развития человека показан как биологический процесс, но у него уже намечена последовательность изменений человеческого типа. Наиболее ранняя стадия у него вполне совпадает с тем, что стало известно позднее благодаря новым палеоантропологическим фактам, освещенным в этой статье: первым шагом к очеловечению было приобретение двуногого выпрямленного хождения и освобождение рук для трудовых действий и самозащиты.

У предшественника Дарвина — Ламарка, в его «Философии зоологии», в очень сжатой форме описывается та же последовательность. Его схема с еще большей отчетливостью выделяет разные этапы человеческой эволюции, хотя и на неизмеримо менее обширном материале: «какое-то из наиболее развитых «четвероруких» приобрело привычку ходить на двух ногах, освободив руки для действий, и распространилось по земному шару; следствием этого явилось увеличение потребностей; оно породило рост индустрии и рост идей, потребовавших, в свою очередь, создания знаков, пригодных для их выражения, т. е. речи. У философов XVIII в. можно найти интересные попытки построения схемы развития первобытного общества, которые, несмотря на их наивный и абстрактный характер, приближаются к изложенной здесь последовательности социальных состояний человечества в процессе его происхождения. В главе четвертой третьего рассуждения своей книги «Об уме» Гельвеций описывает такой этап в формировании общества, когда в скопище невооруженных еще древних людей происходят ссоры и смуты, ослабляющие их в борьбе с животными. Наиболее умный изобретает оружие, вследствие чего наступает всеобщее злополучие, так как оружие служит взаимному истреблению людей. Только соглашение всех между собой о сохранении общего интереса спасает их от смерти.

Наконец, можно указать на пример еще более старых размышлений о той же последовательности в смене человеческих отношений — на диалог

Платона «Протагор». Приведу некоторые места соответствующего отрывка словами текста. Когда настало время создания живых существ, пришлось титану Эпиметею «наладить и распределить каждому роду подобающие силы». «Ну, а как был Эпиметей не очень-то мудр, то и не заметил он, как уже раздал все силы, оставался же у него еще неодаренный род человеческий». Чтобы выручить беззащитных людей, другой титан, Прометей, похитил для человека мудрость Гефеста и Афины вместе с огнем. Это дало человеку житейскую мудрость, но еще не дало политической мудрости, которая хранилась у Зевса. Чтобы уберечься от зверей, стали люди собираться вместе и спасаться, строя города. «А лишь соберутся вместе — без политического-то искусства — обижают друг друга так, что снять приходилось рассеиваться и пропадать». Тогда, чтобы спасти людей от гибели, Зевс посылает Гермеса «ввести к людям стыд и правду, да будут в городах уклады и стягивающие узы дружбы». Нетрудно заметить в этом следовании трех веков — Эпиметея, Прометея и Зевса — некоторое сходство с той схемой, которая была здесь представлена на основании современного антропологического материала.

ЛИТЕРАТУРА

Бонч-Осмоловский Г. А. Кисть ископаемого человека из грота Кик-Коба. АН СССР. Комиссия по изучению четвертичного периода. Палеолит Крыма, вып. 1, 1941.

Бонч-Осмоловский Г. А. Эволюционное значение противопоставления большого пальца. Журнал общей биологии, т. V, № 2, 1944.

Борисковский П. И. Исторические предпосылки оформления так называемого Homo sapiens. Проблемы истории докапиталистического общества, № 1—2, 1935.

Бунак В. В. Современное состояние и задачи морфологии человека. Антропологический журнал, № 3, 1934.

Войтонис Н. Ю. Характерные особенности поведения обезьян. Антропологический журнал, № 4, 1936.

Выготский Л. С. Мышление и речь. 1934.

Гремяцкий М. А. Развитие науки об антропогенезе в Московском университете. Ученые записки МГУ. Биология. Юбилейная серия, вып. LIII. М., 1940.

Дебец Г. Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш (предварительное сообщение). Труды Узбекистанского филиала Академии Наук СССР. Сер. 1, вып. 1, 1940.

Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Второе дополненное и переработанное издание. ИИМК им. Н. Я. Марра, АН СССР, 1938.

Замятнин С. Н. и Борисковский П. И. Г. Мортилье. Проблемы истории докапиталистического общества, № 7—8, 1934.

Золотарев А. Исторические предпосылки формирования Homo sapiens в освещении советских археологов. Антропологический журнал, № 3, 1936.

Кремянский В. Самоустранение направляющего влияния естественного отбора. Сборник научн. студенч. работ, вып. 6. Биология. МГУ, вып. 6. 1939.

Марр Н. Я. Яфетическая теория. Программа общего курса учения о языке. Азгиз, Баку, 1928.

Мещанинов И. И. Палеоэтнология и Homo sapiens. МГАИМК, т. VI, вып. VIII, 1930.

Мещанинов И. И. К вопросу о стадиальности в письме и языке. Изв. ГАИМК, т. VII, вып. V—VI, 1931.

Нестурх М. Ф. Человек и его предки. 1934.

Никольский В. К. Очерк первобытной культуры. Изд. 4-е, 1928.

Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. Советская археология, 1940.

Равдоникас В. И. История первобытного общества. 1939.

Рогинский Я. Я. Проблема происхождения Homo sapiens. Успехи современной биологии, т. IX, вып. 1, 1938.

Рубинштейн С. Л. Основы психологии. Изд. 2-е, 1940.

Северцов А. Н. Морфологические закономерности эволюции. 1939.

Толстов С. П. Проблемы дородового общества. Советская этнография № 3—4, 1931.

Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. АН. СССР, 1939.

Шмидт Г. А. Проблемы антропогенеза у Чарлза Дарвина. Советская наука, № 10, 1940.

Broom R. An Ankle-Bone of the Ape-Man, Paranthropus robustus. Nature. December 11, № 3867. 1943.

Hrdlička A. The neanderthal phase of man. From the Smithsonian report for 1928, 1929.

Hrdlička A. The skeletal remains of Early Man. 1930.

Le Gros Clark W. E. Palaeontological Evidence bearing on human Evolution. Biological Reviews of the Cambridge Philosophical Society. Vol. 15. № 2. 1940.

Mc Cown F. and Sir Arthur Keith. The Stone Age of Mount Carmel. V. II. 1939.

Sergi S. Il cranio neandertaliano del Monte Circeo, Atti della Reale Accademia Nazionale. Vol. XXIX, F. 12. 1939.

Weidenreich F. The classification of fossil hominids and their relations to each other, with special reference to Sinanthropus pekinensis. 1939. Congress International des Sciences anthropologiques et ethnologiques. Compte rendu de la deuxième session. Copenhague, 1938.

Weinert H. Africanthropus, der neue Affenmenschenfund in Ost Afrika. Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, Bd. 38. 1939.

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАСОВОЙ ДИФЕРЕНЦИАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В специальной антропологической литературе имеется огромное количество работ, посвященных описанию физического облика различных восточноазиатских народов.

Наибольший интерес из них представляют исследования обобщающего характера, в которых делается попытка дать картину расовой диференциации всего населения Восточной Азии, выявить слагающие его комплексы в их историческом развитии, территориально-морфологических связях и систематическом значении. Количество работ, удовлетворяющих перечисленным условиям, невелико. В первую очередь здесь надо назвать прекрасную книгу Бэкстона (Buxton, 1925), отдельные статьи Биасутти (Biasutti, 1912), Джуфрида-Руджери (Giuffrida-Ruggeri, 1917), Ольбе (Holbe, 1923), краниологические сводки Бонина (Bonin, 1931), Моранта и Ву (Morant a. Woo, 1932), Имамура и Сима (Imamura a. Shima, 1935).

Большое значение имеют также главы некоторых общих расоведческих руководств, посвященные азиатским расам. Сюда относятся, например, соответствующие места в книгах Штраца (Stratz, 1922, 1923), Джуфрида-Руджери (1921), Гэддона (Haddon, 1924). Из работ советских антропологов, специально посвященных вопросам происхождения азиатских рас, необходимо указать на небольшую, но содержательную статью Я. Я. Рогинского (1937).

Разнообразные схемы систематики расовых типов Азии могут быть разделены на две большие группы. К первой относятся классификации, в основу которых положено признание трех главных направлений расовой диференциации человечества, соответствующих черной, белой и желтой расам Кювье (Cuvier, 1817), меланодермам, лейкодермам и ксантодермам Штраца (Stratz, 1904), улотрихам, лейотрихам и кимотрихам Гэддона (Haddon, 1924), негроидам, европеоидам и монголоидам Ярхо (Рогинский, 1941). Во вторую группу входят классификации, подразделяющие современных людей на большое количество территориальных разновидностей первого порядка, вроде элементарных видов Джуфрида-Руджери (1913) или больших рас Бунака (1934).

Сторонники тройного деления, признающие существование единой монголоидной расы, включающей бо́льшую часть азиатского населения, обычно выделяют внутри нее несколько локальных типов. Так, например, Флоуэр (Flower) среди монголоидов различает эскимосов, «типичных монголов», которые, в свою очередь, распадаются на монголо-алтайскую и южно-монгольскую группы, малайцев, полинезийцев и туземцев Америки

(1885, стр. 378—395). У Эйкштедта (Eickstedt) монголидный ствол состоит, за вычетом америндов и койсанидов (бушмено-готтентотов) из северных монголидов или тунгидов, синидов, сибиридов, палеомонголидов и эскимидов (1934, стр. 128—129). В классификации Ярхо к монголоидным типам второго порядка отнесены расы: маньчжуро-корейская (даурская), северокитайская, южноазиатская, центрально-азиатская (северомонгольская), южно-сибирская (туркоидная, или туранская), палеосибирская, урало-алтайская (угорская), эскимосская, а также пять вариантов американских индейцев, недостаточно изученных и потому выделяемых условно (Рогинский, 1941, стр. 292—299).

Основной недостаток подобных построений заключается в том, что непосредственное деление монголоидной большой расы на типы второго порядка неизбежно вызывает отнесение к одному таксономическому рангу вариаций, которые в действительности имеют совершенно различное систематическое и эволютивное значение. Получается, например, что различия между такими морфологически сходными типами, как маньчжурский и северокитайский, таксономически равноценны отличиям палеосибирской расы от южноазиатской или эскимосской от центрально-азиатской. В действительности размах межгрупповой изменчивости основных диагностических признаков внутри монголоидного круга форм настолько велик, что прямой переход от большой расы (в понимании Ярхо) к вариантам второго порядка смазывает реально существующие направления расовой диференциации азиатского населения.

В классификациях второй группы (противников тройного деления) из состава монголоидно или собственно азиатского подвида оказываются исключенными различные периферийные, морфологически своеобразные группы, рассматриваемые в качестве особых систематических единиц (америнды, эскимосы, малайцы и др.). Джуфрида-Руджери, например, в первоначальной редакции своей классификации (1913) выделял восемь элементарных видов, из которых для нас представляют непосредственный интерес: Homo sapiens asiaticus (с разновидностями монгольской, палеоарктической, неоарктической и южной), Homo sapiens americanus (5 разновидностей), Homo sapiens oceanicus (разновидности айнская и полинезийская). У Деникера (Deniker, 1926) 29 рас группируются в шесть больших стволов по форме волос и пигментации. Большая часть монголоидных типов соответственно попадает в большую прямоволосую группу (монголы, тюрки, угры, лопари, эскимосы, часть индейцев). Кроме этой группы в Восточной Азии оказывается представленным еще один ствол с прямыми или волнистыми черными волосами и темными глазами, включающий айнов, полинезийцев, индонезийцев и южных америндов. Бунак к азиатской большой расе относит различные народы Центральной, Восточной и Северной Азии (в том числе и северных китайцев). В качестве самостоятельных больших рас фигурируют малайская, южная и северная протоазиатские, неоарктическая (эскимосская), южная протоамериканская и американская (1934).

Следует признать, что в только что описанных схемах основные территориальные и морфологические группы азиатских рас выделяются более четко, чем при двухстепенном делении с непосредственным переходом от трех главных подвидов к типам второго порядка. Зато вне поля зрения исследователя оказываются некоторые существенные признаки, характерные для всех монголоидных форм в отличие от других разновидностей H. sapiens.

Кроме того и в классификациях второй группы нередко ставятся на одну доску таксономически неравноценные категории. Так, например, у

Джуфрида-Руджери в качестве систематических единиц одного ранга фигурируют H. s. asiaticus mongolicus, включающий столь разнородные группы, как южные китайцы и эвенки, и H. s. asiaticus neoarticus, состоящий из одних эскимосов (1913, 1917).

Приведенных примеров достаточно, чтобы понять необходимость самостоятельной разработки проблемы основных путей расовой дифференциации человечества в Восточной Азии. Без постановки этого вопроса заново мы не сможем, очевидно, определить место расовых типов, выделенных среди отдельных азиатских народов, в системе современных рас, а следовательно, не будем в состоянии даже подойти к проблемам происхождения данных типов и их дальнейшей истории в связи с этногенезом населения азиатского материка.

Единственный рациональный путь решения поставленного вопроса — анализ географической изменчивости важнейших разграничительных расовых признаков на территории Восточной Азии в целом: от Енисея и Тибета до берегов Аляски, от Ледовитого океана до Индонезии. Необходимым требованием такого анализа должно быть сопоставление только тех локальных групп, которые были исследованы по одной и той же методике (или по крайней мере допускают непосредственное сравнение после внесения в измерительные данные простых и однородных поправок, проверенных на значительном материале).

Исследования на живых для нашей цели непригодны или во всяком случае не могут служить исходными данными, так как методический разнобой различных авторов достигает здесь своего максимума. Очень трудно, например, сравнивать эскимосов с малайцами или эвенков с индонезийцами не только по описательным признакам, но и по таким размерам, как высотный диаметр или высота лица. Базой анализа могут служить, очевидно, только краниологические материалы, по которым возможно (иногда после некоторых дополнительных вычислений) непосредственное сопоставление групп, изученных различными исследователями и в разное время.

2. КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Одной из наиболее изученных в антропологическом отношении областей Восточной Азии бесспорно является Северный Китай. Обзор всех известных мне северокитайских черепных серий дан в табл. 1. Наряду с оригинальными материалами, изученными мной в музеях Москвы и Ленинграда в 1940—1941 гг., здесь приведены данные Катрфажа и Ами (Quatrefages et Hamy, 1882), Богданова (1886, а и б), Талько-Грынцевича (1899), Габерера (Haberer, 1902), Коганеи (Koganei, 1902), Понятовского (Poniatowski, 1909), Хасебе (Hasebe, 1910—1911), Рейхера (Reicher, 1913—1914), Шульца (Schultz, 1917), Накано (Nakano, 1920), Блэка (Black, 1928), Сима (Shima, 1933), Намба и Посими (Namba a. Yoshimi, 1937).

В той же таблице помещены характерные для северных китайцев групповые амплитуды изменчивости основных диагностических признаков, выбранных в качестве критериев расового анализа. Амплитуды эти читатель найдет также во всех последующих краниологических таблицах как условный масштаб для оценки таксономического значения различий между северными китайцами и другими восточноазиатскими народами.

В табл. 2 сосредоточены данные по краниологии двух морфологически наиболее различных и географически разобщенных групп азиатских рас: северной (сибирско-центральноазиатской) и южной (индонезийской).

Сибирские и центральноазиатские варианты представлены здесь калмыками [Ву и Морант (Woo a. Morant), 1932; Левин и Трофимова, 1937], теленгетами (измерения Дебеца и Чебоксарова), тувинцами (Дебец, 1929), якутами (Юзефович, 1937), северобайкальскими эвенками (Рогинский, 1934), бурятами (Ву и Морант, 1932; Казанцев, 1934), торгоутами [Рейхер (Reicher) 1913—1914] и монголами [Грдличка (Hrdlička), 1924; Чебоксаров, 1940]. К индонезийским сериям принадлежат малайцы [Шмидт (Schmidt), 1887; Чебоксаров, 1940], яванцы [Бонин (Bonin), 1931; Покоо (Yokoo), 1931], даяки (те же авторы) и тагалы (Бонин, 1931).[1]

Краниологии народов Дальнего Востока (с Алеутскими островами) посвящена табл. 3. В ней приведены данные о корейцах Уэда (Uweda) и Сима (1935), о японцах Хара (Hara), Адаци (Adachi), Накано и Миямото (Nakano a. Myamoto), Одзуки и Накано (Odzuki a. Nakano), об айнах Коганеи, Трофимовой (1932) и Хирои (Hirai), о гольдах, исследованных мной в Ленинграде, об ульчах и орочах Левина (1936 и 1937), о сахалинских ороках Трофимовой (1932), об алеутах (по сводке Ву и Моранта, 1932, и по материалам Токаревой, 1937), о чукчах Фридолина (1904), Монтандона (Montandon, 1926) и Левина (1941 б), наконец, об азиатских эскимосах последнего автора.[2]

Следующая по порядку сводная табл. 4 дает представление о некоторых сериях черепов народов Полярной Америки. С первого взгляда

---

[1] Все данные относятся к мужским черепам. Коррективы, допущенные при использовании измерений отдельных исследователей, оговорены в примечаниях к таблице. В работе Ву и Моранта (1932) приведены цифры по сводной калмыцкой серии, в которую вошли черепа, изученные Соммье (Sommier, 1889) Фридолином (Fridolin, 1904), Рейхером (1913—1914), тен Катт (ten Kate, 1882), Шпенгелем (Spengel, 1874) и Деникером (1884). Калмыцкие черепа, описанные Левиным и Трофимовой (1937), хранятся в Музее антропологии Московского университета; я определил на них углы горизонтальной профилировки, дакриальный и симотический указатели. То же относится к черепам теленгетов, тувинцев, эвенков, торгоутов и отчасти бурят (см. отметки и примечания к табл. 2). Теленгетская серия Рейхера была повторно измерена Дебецем, который разрешил мне использовать результаты своей работы. В таблицах везде приводятся цифры Дебеца; они иногда отличаются от полученных Рейхером, так как последний неосновательно отнес к взрослым несколько детских черепов.

Тувинская серия состоит из двух небольших локальных подгрупп, описанных Дебецом. Углы профилировки и индексы переносья измерены мною только на объектах Музея антропологии. По якутской серии все средние подсчитаны мной заново по таблицам индивидуальных измерений, так как Юзефович не разделил свой материал по полам и без достаточных оснований включил в общую обработку несколько черепов из района озера Ессей (на юге Таймыра), которые морфологически резко отличаются от остальных. Имевшиеся в моем распоряжении данные по краниологии казахов (Дебец, 1929), хантов и манси (Левин, 1941) я не счел нужным включать в таблицу, так как они относятся к народам, живущим далеко от границ Восточной Азии (как бы широко ни раздвигать эти границы), и расово сильно смешанным.

[2] Данные о японских, корейских и частично об айнских черепах заимствованы мною из статьи Имамура и Сима (Imamura a. Shima, 1935), так как работ других японских авторов я разыскать не мог. Для характеристики строения нижнего края грушевидного отверстия у различных дальневосточных народов использована сводка Вада (Vada, 1939), который приводит результаты исследований различных японских антропологов, в частности Ито (Ito) для айнов и Нии (Nyi) для японцев. Черепа сахалинских ороков фигурируют в очерке Трофимовой об айнах под названием гилянцких. Во время моей работы в Ленинграде в 1940 г. мне удалось, однако, выяснить, что объекты эти принадлежат скорее орокам, которые в противоположность гилякам не сжигают, а хоронят своих покойников. В сводную алеутскую серию Ву и Моранта вошли небольшие группы, измеренные тен Катом (1882), Грдличкой (1924), Монтандоном (1926) и др. М. Г. Левин любезно разрешил мне воспользоваться его материалами по чукчам и азиатским эскимосам. Углы горизонтальной профилировки лица и индексы высоты переносья и носовых костей (дакриальный и симотический) определены мною на черепах ульчей, орочей, ороков, алеутов, чукчей и эскимосов (азиатских и аляскинских).

Таблица 1

Краниология северных китайцев

Серии и авторы / Признаки	Китай собственно								Маньчжурия				Монголия		Джунгария	
	Катрфаж и Ами	Коллман	Рейхер	Блек	Чебоксаров	Бе. пин			Понятовский	Фу-шунь	Дай-рен	Мук-ден	Талько-Грынцевич	Чебоксаров	Богданов	Чебоксаров
						Бабер	Шульц	Шаллю		Сиха	Хасебе	Намба и Носими				
Число исследованных	6	70	13	86	21	27	27	19	5	76	20	417	8	9	10	8
Продольный диаметр	179	180.1	178.1	178.5	179.5	178.5	179	177.3	177.9[1]	180.8	179.7	177.0	178.7	178.9	176.3	176.3
Поперечный диаметр	136	149.5	137.7	138.2	139.2	140.5	138	141.1	140.9[1]	139.7	141.5	142.1	144.0	137.7	140.3	140.1
Черепной указатель	76.0	78.3	77.3	77.6	77.7	78.8	77.1	79.6	79.6[1]	77.3	78.8	80.3	80.9	77.1	80.0	79.3
Высотный диаметр	135	—	138.1	137.2	137.5	136.8	137	138.2	133.1[1]	139.2	140.2	—	132.3	133.0	138.3	137.5
Высотно-продольн. указатель	75.4	—	77.5	77.0	76.9	76.9	76.6	78.0	74.8[1]	77.1	78.0	—	74.2	74.4	78.7	78.1
Высотно-поперечн. указатель	99.3	—	100.3	99.5	99.3	97.0	99.3	98.1	94.5[1]	100.0	99.1	—	92.2	96.8	97.8	98.7
Наименьший лобный диаметр	91	91.9	91.6	89.4	92.4	93.4	—	90.1	93.0[1]	90.8	92.0	91.2	—	92.9	93.3	95.0
Угол наклона лба	—	—	83.9	85.2	83.6	—	—	—	—	83.3	—	—	—	83.8	—	86.4
Надбровье (1—6)	—	—	—	—	1.95	—	—	—	—	—	—	—	—	2.22	—	1.88
Указатель выступания лица	—	96.4	92.6	96.1	95.6	—	—	96.5	95.6[1]	94.6	—	—	—	97.3	—	97.7
Скуловой диаметр	131	135.6	131.3	132.7	131.8	134.0	134	132.2	134.0[1]	134.3	—	—	135.0	131.3	—	130.6

Высота лица	—	75.2	72.0	75.3	74.5	72.7	74	74.4	73.0[1]	76.2	—	—	74.0	73.1	—	71.6
Вертикальный краниофациальный указатель	—	—	(52.2)	(54.2)	54.2	(53.2)	(54.0)	(53.8)	54.8[1]	(54.7)	—	—	(56.0)	55.0	—	51.8
Лицевой указатель	—	55.7	55.3	56.8	56.5	54.3	55.2	56.4	54.5[1]	56.8	—	—	55.9	55.8	—	54.8
Верхний угол горизонтального профиля	—	—	—	—	145.7	—	—	—	—	145.6	—	—	—	146.1	—	145.6
Нижний угол горизонтального профиля	—	—	—	—	131.1	—	—	—	—	—	—	—	—	132.0	—	131.6
Собачья ямка (0—4)	—	—	—	—	1.67	—	—	—	—	—	—	—	—	1.67	—	2.25
Лицевой угол	—	84.0	84.6	83.4	85.4	80.6	—	—	88.3[1]	83.6	—	—	—	83.0	—	86.0
Альвеолярный угол	—	73.0	—	—	79.4	—	—	—	—	73.0	—	—	—	75.6	—	77.9
Орбитный указатель I	—	—	—	—	88.6	—	—	—	—	—	—	—	—	88.5	—	87.6
Орбитный указатель II	—	—	85.0	80.7	81.9	—	—	—	85.9[1]	83.7	—	—	—	83.0	—	82.0
Носовой указатель	44.6	45.2	48.4	45.3	46.4	46.6	—	45.9	44.6[1]	46.9	—	—	49.9	47.6	48.7	50.1
Указатель высоты переносья	—	—	—	—	40.2	—	—	—	—	40.7	—	—	—	33.8	—	42.9
Симотический указатель	—	—	—	—	35.0	—	—	—	—	32.8	—	—	—	27.0	—	37.2
Нижний край грушевидного отверстия: % антропинных	—	—	—	—	50.0	—	—	—	—	—	—	—	—	55.6	—	37.5
Носовой шин (1—5)	—	—	—	—	1.70	—	—	—	—	—	—	—	—	1.67	—	2.25
Угол носовых костей	—	—	19.1	19.0[2]	18.8	—	—	—	—	19.1	—	—	—	17.1	—	19.8

[1]—вычислено автором по индивидуальным данным; [2]—измерено на чертеже; ( )—отношение средних

помещение такой таблицы в работе по этнической антропологии Восточной Азии может показаться странным. Но странность эта мнимая, так как без изучения расогенеза эскимосов не может быть правильно освещена этнорасовая история других восточноазиатских народов, а проблема формирования эскимосского типа неизбежно приводит исследователя на территорию Америки. Материалы по различным группам эскимосов заимствованы мной из работ Грдлички (1924), Гесслы (Hoessly, 1916), Монтандона (1926) и Моранта (1937). Семь черепов с Аляски хранятся в Музее антропологии МГУ; они были измерены М. Г. Левиным и мною. Несмотря на малочисленность этой серии, я включил ее в таблицу, так как на ней был определен ряд существенных диагностических признаков, игнорированных другими авторами (например, угол наклона лба, развитие надбровья, симотический указатель и т. д.). Последняя графа табл 4. занята цифрами, относящимися к черепам северо-западных индейцев, которые приведены здесь для сравнения с их ближайшими соседями — эскимосами (Грдличка, 1924; см. также у Бонина и Моранта, 1938).

Краниологические материалы по народам Южной Азии сосредоточены в табл. 5.[1] Южные китайцы представлены сериями Моранта (1923), Климека и Понятовского (1909), Гарровера (Harrower, 1926 и 1928), Коганеи, Уэда (по сводке Сима и Имамура, 1935). Данные об аннамитах и сиамцах (таи) заимствованы из сводок того же Моранта (1923 и 1924), которому принадлежат также капитальные работы по краниологии Тибета и Непала. Бирманские черепа изучались Турнером (Turner, 1910), Тилдесли (Tildesley, 1921), черепа нага мисс Китсон и Морантом (Kitson a. Morant, 1933). Для сравнения в таблицу включены цифры, относящиеся к некоторым краниологическим сериям из Индии. Такими являются сводные группы индусов и ведда (по Ву и Моранту, 1932), дравидов и кола (Турнер, 1910; Тилдесли, 1921; Гарровер, 1926). Дополнительные материалы по верхнему углу горизонтальной профилировки взяты в табл. 5 (как и в других местах) из специального исследования Ву и Моранта, посвященного расовым вариациям уплощенности лицевого скелета (1934).

В последней сравнительной таблице (№ 6) сопоставлены данные о двух обособленных черепных сериях, обычно относимых к «негритосам» — аэтской (Бонин, 1931) и андаманской (он же). Выделение этих серий в отдельную таблицу объясняется их расово изолированным положением среди других восточноазиатских групп.

Обзору географического размещения всех серий, помещенных в таблицах 1—6, посвящена карта 1. Частота условных обозначений дает приблизительное представление о насыщенности серий, т. е. об отношении числа исследованных черепов к территории, с которой они происходят.

3. ВАРИАЦИИ ОСНОВНЫХ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

Мозговая коробка

Географическая изменчивость продольного диаметра в Восточной Азии и Полярной Америке дает довольно пеструю картину (карта 2). Все же ясно, что наибольшие величины сосредоточены преимущест-

[1] Распределение черепных серий по отдельным таблицам, конечно, условно. В табл. 5, например, приведены данные по всем странам, расположенным к югу от Северного Китая (кроме Индонезии, представленной в табл. 2). Для дальнейшего анализа географических вариаций основных расовых признаков в Восточной Азии в целом распределение это не имеет никакого значения.

Обозначения признаков: По Мартину	Обозначения признаков: «Биометрика»	Группы и авторы / Признаки	Нижнее Поволжье: Калмыки: Сводная серия (По Ву и Моранту)	Нижнее Поволжье: Калмыки: (Трофимова и Левин)	Центральная Азия и Сибирь: Телеугеты (Дебец)	Центральная Азия и Сибирь: Тувинцы (Дебец)	Центральная Азия и Сибирь: Якуты (Юзефович) — все средние вычислены автором по индивид. данным	Центральная Азия и Сибирь: Эвенки (Рогинский)	Центральная Азия и Сибирь: Буряты: Сводная серия (По Ву и Моранту)	Центральная Азия и Сибирь: Буряты: Тункинские (Казанцев)	Центральная Азия и Сибирь: Буряты: Аларские (Казанцев)	Центральная Азия и Сибирь: Монголы: Торгоуты (Рейхер)	Центральная Азия и Сибирь: Монголы: Улан-Батор (Грдличка)	Центральная Азия и Сибирь: Монголы: Улан-Батор (Чебоксаров)	Северный Китай: Межгрупповая амплитуда	Индонезия: «Малайцы»: Западные (Чебоксаров)	Индонезия: «Малайцы»: Восточные (Чебоксаров)	Индонезия: «Малайцы»: Сводная серия (Шмидт)	Индонезия: Яванцы: 1-ая группа (Бонин)	Индонезия: Яванцы: 2-ая группа (Бонин)	Индонезия: Яванцы: Покоо	Индонезия: Дайки: Бонин	Индонезия: Дайки: Покоо	Индонезия: Тагалы (Бонин)
—	—	Число исследованных (наибольшее)	55	43	44	40	18	10	45	29	14	13	114	55	5—417 [16]	26	32	78	55	65	10	55	12	31
1	L	Продольный диаметр	181.5	181.9	176.7	183.4	185.3	192.7	179.9	180.7	182.4	179.0	184.4	184.5	176.3—180.8 [16]	170.7	174.9	174.7	169.9	173.7	175.3	176.6	176.3	179.2
8	B	Поперечный диаметр	149.3	146.7	151.5	150.8	148.6	144.4	150.0	150.7	146.7	150.8	150.1	151.5	136.0—144.0 [16]	142.0	139.4	142.2	140.8	142.2	140.1	138.2	136.9	138.9
8:1	100B/L	Черепной указатель	82.1	80.3	85.9	82.3	80.2	75.4	83.1	83.0	80.5	84.6	81.4	82.0	76.0—80.9 [16]	83.3	79.8	81.7	83.0	82.0	79.3	78.4	77.9	77.5
17	H′	Высотный диаметр	129.3	128.8	129.7	130.7	136.4	129.6	131.1	132.4	135.6	128.5[1]	131.0	131.5	132.3—140.2 [14]	135.4	135.6	136.2	134.4	135.5	136.8	134.8	137.6	137.2
17:1	100H′/L	Высотно-продольный указатель	71.0	70.5	73.4	71.3	73.3	67.4	72.9	73.5	74.4	71.6[1]	(71.2)	71.4	74.2—78.1 [14]	79.5	77.5	78.2	79.2	78.1	78.3	76.5	78.3	76.9
17:8	100H′/B	Высотно-поперечный указатель	(86.6)	88.0	85.6	86.7	91.9	89.8	(87.5)	88.6	92.5	85.2[1]	(87.2)	87.2	92.2—100.3 [14]	95.4	97.5	(95.8)	(95.3)	(95.1)	97.9	(97.2)	101.3	(98.6)
14	B′	Наименьший лобный диаметр	96.3	93.7	95.5	95.8	93.0	91.0	96.3	94.8	94.6	93.7	—	93.1	89.4—95.0 [14]	91.0	92.8	93.4	90.8	93.1	89.7	93.3	93.9	94.3
32	—	Угол наклона лба	—	80.7	80.5	83.7	78.9	77.5	—	80.6	81.5	80.0[1]	—	82.0	83.3—86.4 [5]	87.0	85.9	—	85.0[2]	84.5[2]	—	84.2[2]	—	85.1[2]
—	—	Надбровье (1—6)	—	2.50	2.82	3.08	2.88	3.33[1]	—	3.10	3.21	3.18[1]	—	2.50	1.88—2.22 [3]	2.31	2.03	—	—	—	2.07	—	2.16	—
40:5	100GL′/LB	Указатель выступания лица	(100.2)	98.2	99.2	100.7	94.9	100.1[1]	(95.2)	95.7	97.3	(97.8)	—	97.0	92.6—97.6 [9]	98.5	99.6	(98.5)	(100.6)[4]	(99.4)[4]	(97.2)	(97.4)[4]	(96.2)	(99.1)[4]
45	J	Скуловой диаметр	140.5	139.8	141.7	140.8	144.0	143.6	139.8	141.1	141.8	142.1	142.0	143.4	130.6—135.6 [13]	131.5	132.7	133.2	132.0	134.7	135.4	132.9	133.8	131.7
48	G′H	Высота лица	74.8	74.3	74.0	75.2	79.7	76.4	76.1	77.3	79.7	73.0	77.6	75.8	71.6—76.2 [12]	66.7	66.6	70.1	69.8	70.9	68.7	69.7	67.0	70.0
48:17	100G′H/H′	Вертикальный краниофациальный указатель	(57.8)	(57.7)	(57.0)	(57.5)	(58.4)	(58.9)	(58.0)	(58.3)	(58.6)	56.8[1]	(59.2)	57.7	51.8—56.0 [11]	49.1	49.2	(51.5)	(52.0)	(52.4)	49.8	(51.7)	49.0	(51.0)
48:45	100G′H/J	Лицевой указатель	(53.2)	53.5	52.2	53.3	55.3	53.2	(54.4)	55.0	55.5	51.3	54.5	53.0	54.3—56.8 [12]	50.9	50.1	(52.6)	(52.8)	(52.6)	51.0	(52.5)	49.9	(53.2)
77	—	Верхний угол горизонтальной профилировки	—	147.1[1]	147.1[1]	148.6[1]	150.0	151.4[1]	149.4[1]	—	—	150.1[1]	—	147.0	145.6—146.1 [4]	144.0	142.1	145.0[3]	146.0[3]	145.0[3]	—	143.0[3]	—	143.0
—	—	Нижний угол горизонтальной профилировки	—	135.5[1]	138.1[1]	138.1[1]	—	143.8[1]	141.6[1]	—	—	140.1[1]	—	137.7	131.1—132.0 [3]	130.2	130.2	—	—	—	—	—	—	—
—	—	Собачья ямка (0—4)	—	1.40	1.62	1.17	1.53	1.25[1]	—	1.18	1.43	1.10[1]	—	1.71	1.67—2.25 [3]	1.50	1.81	—	—	—	—	—	—	—
72	Prosth P <	Лицевой угол	85.4	87.7	86.0	86.8	89.4	86.9	87.4	88.1	87.6	86.7	—	86.1	80.6—88.3 [9]	83.0	81.4	—	81.1	81.5	83.6	82.7	83.1	84.2
74	—	Альвеолярный угол	77.4	80.5[1]	79.4[1]	73.6	—	78,8[1]	79.2	—	—	79.4[1]	—	78.4	73.0—86.7 [6]	73.9	70.8	—	72.0[2]	69.5[2]	69.0	73.5[2]	69.1	70.2[2]
52:51a	$100O_2/O'_1$	Орбитный указатель I	—	87.6	87.2	85.2	83.2	88.5	91.0	85.8	84.9	88.9[1]	91.5	87.9	87.6—88.6 [6]	87,0	87.2	86.0	84.7	85.7	83.0	85.9	83.6	82.5
52:51	$100O_2/O_1$	Орбитный указатель II	81.9	80.9[1]	81.6[1]	79.3[1]	—	81.0[1]	84.3	—	—	81.9	—	80.9	80.7—85.9 [7]	80.2	80.2	—	80.9	80.8	—	80.4	—	78.7
54:55	100NB/NH′	Носовой указатель	49.2	48.9	50.3	49.7	47.8	48.9	48.8	47.7	47.4	50.7	48.6	49.3	44.6—50.1 [13]	50.3	51.5	50.4	53.5	53.1	50.6	54.5	55.3	55.5
—	100DS/DC	Указатель высоты переносья	—	38.3[1]	40.4[1]	39.0[1]	—	34.3[1]	39.8[1]	—	—	39.7[1]	—	37.6	33.8—42.9 [3]	41.8	40.1	—	41.5	38.6	—	39.8	—	39.4
—	100SS/SC	Симотический указатель	—	31.2[1]	35.1[1]	34.9[1]	28.7	26.9[1]	33.8[1]	—	—	38.5[1]	—	30.6	27.0—37.2 [3]	36.1	26.1	33.9[3]	33.4	32.6	—	32.1	—	36.0
—	—	Нижний край грушевидного отверстия: % антропинных	—	40.4	39.5	39.4	64.6	33.3[1]	—	55.0	28.6	60.0[1]	—	50.9	37.5—61.5 [4]	46.2	12.5	—	—	—	27.8	—	25.0	—
—	—	Носовой шип (1—5)	—	2.10	1.72	1.50	2.42	1.73[1]	—	2.13	2.25	1.30[1]	—	1.78	1.67—2.25 [3]	1.87	1.84	—	—	—	—	—	—	—
75 (1)	—	Угол носовых костей	20.2	21.5	22.8	21.2	19.4	17.9	19.1	19.3	18.3	19.6[1]	—	19.2	17.1—19.8 [6]	16.0	13.9	—	14.2[2]	14.9[2]	14.5	15.9[2]	12.0	12.5[2]

[ ]—число серий; ( )—отношение средних; [1]—по данным автора; [2]—определено по сагиттальному профилю путем вычисления или непосредственного измерения на чертеже при помощи транспортира; [3]—по данным Ву и Моранта, 1934; [4]—для вычисления индекса к длине основания лица от «альвеолярной точки» (GL) прибавлено 1.3 мм (поправка Сима, 1935).

Таблица 3

Краниология народов Дальнего Востока

Обозначения признаков: По Мартину	Обозначения признаков: «Биометрика»	Группы и авторы / Признаки	Северные китайцы: Менгруппова амплитуда	Корейцы: Чебоксаров	Корейцы: Уэда	Корейцы: Сима	Японцы: Кюсю (Хара)	Японцы: Сикоку (Адаци)	Японцы: Кинаи (Накано и Миямото)	Японцы: Хокурику (Одзуки и Накано)	Айны: Хоккайдо (Коганеи)	Айны: Сахалин (Трофимова)	Айны: Сахалин (Хирано)	Гольды (Чебоксаров)	Ульчи (Левин)	Орочи (Левин)	Ороки (Трофимова)	Алеуты: Сводная серия (по Ву и Моранту)	Алеуты: Токарева	Чукчи: Фридолин	Чукчи: Монтандон	Чукчи: Кочевые (Левин)	Чукчи: Оседлые (Левин)	Азиатские эскимосы (Левин)
—	—	Число исследованных (наибольшее)	5—417 [16]	8	165	178	175	45	157	189	87	43	21	16	16	9	19	35	32	35	11	34	8	11
1	L	Продольный диаметр	176.3—180.8 [16]	174.0	176.7	175.0	182.6	179.9	178.4	180.9	185.8	186.5	185.8	182.2	178.6	176.5	174.9	181.0	181.0	181.7	186.5	182.5	181.8	183.1
8	B	Поперечный диаметр	136.0—144.0 [16]	139.5	142.6	142.4	139.9	140.7	141.1	140.0	141.2	138.5	139.7	140.1	142.5	149.2	146.4	148.7	146.6	141.2	138.8	139.0	142.5	142.4
8:1	100B/L	Черепной указатель	76.0—80.9 [16]	80.4	80.7	81.5	76.9	78.4	79.3	77.5	76.0	74.5	75.1	77.0	80.2	84.6	83.6	82.1	81.1	77.7	74.4	76.3	78.4	77.8
17	H′	Высотный диаметр	132.3—140.2 [14]	135.0	138.4	140.0	141.1	139.8	138.8	135.0	139.5	135.1	136.1	135.3	131.2	130.7	132.3	127.6	127.1	135.1	135.2	135.5	132.9	135.8
17:1	100H′/L	Высотно-продольный указатель	74.2—78.1 [14]	77.7	78.5	80.1	77.3	77.9	77.9	74.7	75.2	72.6	73.4	74.3	73.4	74.0	75.6	70.0	69.0	74.3	72.6	74.6	73.5	74.0
17:8	100H′/B	Высотно-поперечный указатель	92.2—100.3 [14]	96.9	97.3	98.5	100.9	99.6	98.5	95.1	98.9	97.5	97.6	96.7	92.2	87.6	91.7	(85.8)	86.7	(95.8)	97.4	97.5	93.3	95.4
14	B′	Наименьший лобный диаметр	89.4—95.0 [14]	93.5	—	92.4	—	—	93.1	93.0	96.2	95.8	—	91.7	92.8	90.6	93.6	92.4	94.1	—	95.0	94.5	96.5	94.2
32	—	Угол наклона лба	83.3—86.4 [5]	86.4	—	85.0	—	—	86.0	82.6	—	81.4	—	84.5	81.7	85.1	83.4	—	77.3	—	—	78.0	77.3	77.0
—	—	Надбровье (1—6)	1.88—2.22 [3]	1.88	—	—	—	—	—	—	—	2.50	—	2.06	2.19	2.89	3.13	—	1.52	—	3.27	2.97	3.13	3.27
40:5	100GL′/LB	Указатель выступания лица	92.6—97.7 [9]	97.1	(96.0)	(95.6)	(94.8)	—	(98.1)	(94.9)	(99.5)	99.3	(99.6)	98.8	99.2	95.8	101.6	(104.5)	100.6	—	—	101.1	101.2	98.7
45	J	Скуловой диаметр	130.6—135.6 [13]	135.4	134.7	136.0	134.4	135.3	133.7	134.3	137.3	137.1	140.4	135.1	138.7	138.2	140.2	144.0	143.4	139.5	141.0	137.9	142.6	140.7
48	G′H	Высота лица	71.6—76.2 [12]	75.4	76.6[6]	73.9	70.2	72.4	70.9	69.4	69.8	71.9	72.8	74.4	77.1	73.0	76.8	74.1	72.1	76.5	79.1	77.8	77.6	79.4
48:17	100G′H/H′	Вертикальный краниофациальный указатель	51.8—56.0 [11]	55.8	(54.9)[6]	(52.4)	(49.7)	(51.8)	(51.1)	(51.0)	(50.1)	(53.2)	(53.5)	54.8	(58.8)	(55.8)	(58.0)	(58.2)	(56.7)	56.7	(58.4)	57.2	58.1	58.4
48:45	100GH/J	Лицевой указатель	54.3—56.8 [12]	55.9	56.8[6]	54.5	52.2	53.5	53.0	52.0	50.6	52.3	51.8	55.1	55.7	52.8	54.2	(51.4)	51.6	54.9	56.1	56.6	54.3	56.4
77	—	Верхний угол горизонтальной профилировки	145.6—146.1 [4]	147.4	—	146.5	144.0[2]		145.4	144.0	142.0[2]	—	—	146.6	151.8[1]	150.2[1]	—	—	147.6[1]	—	—	150.1[1]		—
—	—	Нижний угол горизонтальной профилировки	131.1—132.0 [3]	130.7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	136.8	143.3[1]	139.5[1]	—	—	136.8[1]	—	—	139.0[1]		—
—	—	Собачья ямка (0—4)	1.67—2.25 [3]	1.57	—	—	—	—	—	—	—	1.40	—	1.62	1.40	1.90	1.70	—	1.84	—	1.27	2.03	1.88	1.91
72	Prosth P ∠	Лицевой угол	80.6—88.3 [9]	85.0	84.4	83.7	—	84.7	83.7	84.9	32.0	82.1	82.2	83.9	85.7	87.5	86.2	—	85.3[1]	—	80.5	82.1	82.6	83.8
74	—	Альвеолярный угол	73.0—86.7? [6]	77.0	—	72.3	—	—	66.6	84.3?	73.0	—	—	76.0	75.7[1]	75.4[1]	—	—	78.1[1]	—	76.0	76.3	77.4	79.3
52:51a	100O_2/O′$_1$	Орбитный указатель I (d—ek)	87.6—88.6 [6]	89.7	—	—	—	91.1	—	86.5	85.3	84.3	—	88.7	86.1	88.9	84.6	89.5	87.9	—	86.5	89.4	86.8	88.5
52:51	100O_2/O_1	Орбитный указатель II (mf—ek)	80.7—85.9 [7]	83.4	84.0	80.8	80.1	—	80.4	80.7	(79.4)[3]	(77.5)[4]	79.6	82.3	80.6[1]	82.7[1]	—	(83.7)[3]	82.4	—	(81.4)[3]	84.9	82.3	83.7
54:55	100NB/NH′	Носовой указатель	44.6—50.1 [13]	47.2	48.6	48.2	48.1	49.8	50.3	50.6	50.7	51.8	51.9	49.9	48.9	46.8	49.1	48.4	45.0	47.6	45.3	45.8	46.7	45.0
—	100D,S/DC	Указатель высоты переносья	33.8—42.9 [3]	41.6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38.2	36.7[1]	37.9[1]	—	—	45.6[1]	—	—	43.1[1]		—
—	100≈S/SC	Симотический указатель	27.0—37.2 [3]	38.7	—	—	31.7[2]		—	—	36.6[2]	—	—	31.0	29.9[1]	31.7[1]	—	—	38.3[1]	—	—	34.7[1]		—
—	—	Нижний край грушевидного отверстия: % антропинных	37.5—61.5 [4]	16.7	—	—	—	—	72.0	56.1[5]	45.0[4]	39.6	26.7[4]	30.8	62.5	44.4	40.0	—	78.3	—	45.4	23.4	0.0	27.3
—	—	Носовой шип (1—5)	1.67—2.25 [3]	1.80	—	—	—	—	—	—	—	1.90	—	1.86	1.90	2.70	—	—	1.71[1]	—	—	1.91	2.75	2.56
75(1)	—	Угол носовых костей	17.1—19.8 [6]	17.0	—	17.0	—	—	19.0	11.0	—	19.2	—	13.7	15.2	16.3	16.1	—	26.0	—	24.0[7]	20.1	24.7	24.7

[ ]—число серий; ( )—отношение средних; [1]—по данным автора; [2]—по данным Ву и Моранта; [3]—для вычисления индекса к ширине глазницы от dacryon'а прибавлено 3 мм (поправка Сима, 1935); [4]—по данным Ито; [5]—по данным Нии; [6]—высота лица, измеренная по методике Уэда, + 1,8 мм (поправка Сима, 1935); [7]—определено на чертежах (обводах) Монтандоном.

Карта 1. 1. Серии, исследованные по всем признакам. 2. Серии, исследованные по углам и индексам горизонтальной профилировки лица (Ву и Морант).

Таблица 4

Краниология Полярной Америки

Обозначения признаков: По Мартину	Обозначения признаков: «Биометрика»	Признаки \ Группы и авторы	Эскимосы: О-в св. Лаврентия (Грдличка)	Аляска (Грдличка)	Аляска (Левин)	«Центральные» (Грдличка)	«Восточные» (Монтандон)	Гренландия (Грдличка)	Гренландия (Гессен)	«Северо-западные индейцы» (Грдличка)
—	—	Число исследованных	158	27	7	10	12	39	18	61
1	L	Продольный диаметр	184.0	182.9	180.7	189.8	189.7	190.5	192.4	181.2
8	B	Поперечный диаметр	141.4	139.0	142.6	140.0	135.2	135.9	134.3	148.8
8:1	100B/L	Черепной указатель	76.9	76.0	79.0	73.8	71.3	71.5	69.8	82.1
17	H′	Высотный диаметр	137.0	137.6	135.3	139.7	139.1	139.5	141.1	130.3
17:1	100H′/L	Высотно-продольный указатель	(74.4)	(75.2)	74.2	(73.6)	73.4	(73.3)	73.4	(71.8)
17:8	100H′/B	Высотно-поперечный указатель	(96.9)	(98.9)	94.0	(99.7)	102.8	(102.7)	105.8	(87.4)
14	B′	Наименьший лобный диаметр	—	—	96.9	—	96.4	—	94.6	—
32	—	Угол наклона лба	—	—	79.0	—	—	—	78.3	—
—	—	Надбровье (1—6)	—	—	3.14	—	2.75	—	—	—
45	J	Скуловой диаметр	140.8	141.0	141.5	144.8	137.8	140.0	142.4	144.5
48	G′H	Высота лица	76.6	75.3	74.5	77.0	77.4	74.0	77.2	74.1
48:17	100G′H/H′	Вертикальный краниo-фациальный указатель	(55.9)	(54.8)	55.2	(55.1)	(55.6)	(53.0)	(54.7)	(57.1)
48:45	100G′H/J	Лицевой указатель	54.5	53.7	51.3	53.0	56.2	53.6	54.1	51.1
77	—	Верхний угол горизонтальной профилировки	—	—	152.0[1]	149.0[2]		—	—	143.0[2]
—	—	Собачья ямка (0—4)	—	—	1.57	—	1.50	—	—	—
72	Prosth P <	Лицевой угол	—	—	83.0	—	—	—	86.3	—
74	—	Альвеолярный угол	—	—	73.0	—	—	—	75.1	—
52:51a	$100O_2/O'_1$	Орбитный указатель I (d—ek)	91.3	92.9	87.9	90.3	86.3	91.8	—	89.8
54:55	100NB/NH′	Носовой указатель	44.6	45.8	47.3	42.6	42.6	43.2	43.6	48.9
—	100SS/SC	Симотический указатель	—	—	34.8[1]	42.5[2]		—	—	31.4[2]
—	—	Нижний край грушевидного отверстия: % антропинных	—	—	28.6	—	—	—	22.2	—
75 (1)	—	Угол носовых костей	—	—	17.7	—	—	—	14.8	—

( )—отношение средних; [1]—по данным автора; [2]—по данным Ву и Моранта (46 индейцев ♂).

венно на севере, наименьшие—на юге. Средний длинник, превосходящий 192 мм, найден Гессли у Гренландских эскимосов (вне карты) и Рогинским у прибайкальских эвенков. К этим группам близки некоторые другие эскимосские серии («центральная» Грдлички, «восточная» Монтандона) с продольным диаметром в 189—192 мм. У эскимосов северо-западной Аляски и острова Нуниваг, а также у айнов Сахалина, исследованных Трофимовой, средний длинник колеблется в пределах 186—189 мм. Несколько меньше он у остальных аляскинских и у азиатских эскимосов, у якутов, тувинцев, монголов, айнов Хоккайдо и тибетцев Кама (183—186 мм). К сериям с продольным диаметром 180—183 мм относятся северо-западные индейцы, алеуты, чукчи, гольды, калмыки, казахи (не включенные в таблицы, но помещенные на карте), отдельные группы бурят, северных китайцев и японцев, наконец нага и дравиды.

Серии следующей категории (177—180 мм) расположены, главным образом, в средней части Восточной Азии. К ним относятся почти все китайцы (как северные, так и южные), торгоуты, ульчи, частично буряты и японцы, тагалы, таи, тамилы и ведды. Длинник в 174—177 мм на севере отмечен у ороков, орочей, корейцев, джунгарских китайцев и теленгетов, на юге— у восточных малайцев, даяков, яванцев Иокоо, аннамитов, бирманцев типа «С» (по данным Тилдесли), южных тибетцев типа «А» (по Моранту), непальцев и индусов. Серии с продольным диаметром в 171—174 мм на севере и в центре Восточной Азии не встречаются вовсе; южнее эти цифры характерны только для западных малайцев и яванцев (по Бонину), а также для большинства бирманцев. Минимальные средние рассматриваемого размера ($<$171 мм) найдены у аэта, китайцев Хайнаня (черепа, вероятно, деформированы), андаманцев и западных яванцев.

По средним величинам поперечного диаметра в пределах интересующей нас части эйкумены отчетливо выделяются три большие географические группы серий — северо-западная, восточная и юго-западная, в которых прослеживается постепенное сокращение ширины черепа (карта 3). К северо-западной группе (поперечник $>$ 144 мм) относятся все серии коренного населения внутренней Сибири и Центральной Азии к северу от пустыни Гоби (калмыки, казахи, торгоуты, теленгеты, буряты, монголы, эвенки, якуты). Вне очерченной зоны крупным поперечником головы обладают только северо-западные индейцы, алеуты, ороки, орочи и китайцы Хайнаня (деформация). Восточная группа (M=135—144 мм) тянется широкой полосой вдоль Тихого океана от Аляски до Индонезии (аляскинские и азиатские эскимосы, чукчи, ульчи, гольды, айны, японцы, северные и южные китайцы, все серии Тибета, Бирмы, Таи, Индокитая и Индонезии). Юго-западная группа (M $<$ 135 мм) на нашей карте охватывает исключительно индийские серии (от непальцев до веддов).

Внутри каждой большой зоны также могут быть отмечены любопытные территориальные вариации ширины черепа, лишний раз подчеркивающие расодиагностическое значение этого признака. На северо-западе максимальные средние величины ($>$150 мм) сосредоточены среди монгольских и тюркских народов засушливой пустынно-степной полосы (от калмыков до бурят); по направлению к северу и востоку — в области тайги и тундры — поперечник головы оказывается меньше (часть бурят, эвенки, якуты). Алеутская, а быть может и индейская широкоголовость (M=147—150 мм), вероятно, связана с сибирской. В пределах восточной зоны обращает на себя внимание поразительная гомогенность рассматриваемого размера у китайцев (138—141 мм). От китайцев почти не

Краниология народов южной Азии

Обозначения признаков: По Мартину	Обозначения признаков: «Биометрика»	Признаки \ Группы и авторы	Северные китайцы: Межгрупповая амплитуда	Южные китайцы: Сборные серии: По Моранту	Южные китайцы: Сборные серии: Климек и Понятовский	Южные китайцы: Фудзянь (Гарровер)	Южные китайцы: Формоза: Коганеи	Южные китайцы: Формоза: Уэда	Южные китайцы: Хайнань (Гарровер)	Аннамиты (по Моранту)	Сиамцы (по Моранту)	Бирманцы: Писсейн (Турнер)	Бирманцы: Моульмейн (Тилдесли): A	Бирманцы: Моульмейн (Тилдесли): B	Бирманцы: Моульмейн (Тилдесли): C	Нага (Китсон и Морант)	Тибетцы (Морант): A	Тибетцы (Морант): B	Непальцы (Морант)	Индусы (по Ву и Моранту)	Дравиды и кола: Сводная серия (Турнер)	Дравиды и кола: Маравар (по Тилдесли)	Дравиды и кола: Тамилы (Гарровер)	Ведды (По Ву и Моранту)
—	—	Число исследованных (наибольшее)	5—417 [16]	120	26[1]	36	14	49	39	27	11	29	45	8	8	16	37	15	48	91	32	38	35	54
1	L	Продольный диаметр	176.3—180.8 [16]	177.6	175.6	179.9	179.9	179.7	168.3	177.0	177.9	173.1	173.5	173.8	176.7	181.3	175.7	185.5	176.9	176.3	180.5	175.6	179.6	178.6
8	B	Поперечный диаметр	136.0—144.0 [16]	139.4	137.6	140.9	139.4	138.0	147.8	140.3	143.9	142.1	143.7	141.1	140.4	137.9	138.7	139.4	132.6	132.3	129.9	131.4	131.5	128.5
8:1	100B/L	Черепной указатель	76.0—80.9 [16]	78.6	78.3	78.8	77.7	76.9	87.9	79.3	80.9	82.2	82.9	80.4	79.5	76.9	79.2	75.3	75.1	75.1	72.0	74.6	73.3	72.0
17	H′	Высотный диаметр	132.3—140.2 [14]	137.1	136.4	137.8	—	136.9	136.0	137.0	137.8	135.6	136.0	134.7	139.1	136.6	130.9	134.1	132.8	133.3	132.4	131.5	136.3	132.6
17:1	100H′/L	Высотно-продольный указатель	74.2—78.1 [14]	77.2	77.6	77.0	—	76.2	80.8	77.4	77.5	78.4	78.4	77.5	78.7	76.7	74.7	72.1	75.3	75.7	73.4	75.1	76.2	73.4
17:8	100H′/B	Высотно-поперечный указатель	92.2—100.3 [14]	(98.6)	99.4	97.8	—	99.3	91.9	(97.8)	(95.9)	(95.5)	(94.7)	(95.5)	(99.1)	(99.0)	(94.3)	(96.3)	(100.1)	(100.9)	(102.1)	(100.1)	(103.8)	(103.5)
14	B′	Наименьший лобный диаметр	89.4—95.0 [14]	93.7	91.1	91.5	92.1	89.0	92.9	94.7	95.4	93.1	94.3	89.7	90.4	92.8	92.2	94.3	90.9	92.1	91.9	93.2	95.2	91.0
32	—	Угол наклона лба	83.3—86.4 [5]	—	—	85.0[2]	—	—	85.5[2]	—	—	—	84.8[2]	83.8[2]	83.0[2]	85.5[2]	85.5[2]	82.5[2]	85.0[2]	84.2[2]	—	—	87.6[2]	—
40:5	100GL′/LB	Указатель выступания лица	92.6—97.7 [9]	(97.2)	97.6	97.0	(97.8)	(96.6)	97.0	—	—	(98.5)	(99.4)[3]	(96.2)[3]	(94.6)[3]	(97.5)[3]	(97.2)[3]	(99.4)[3]	(98.3)[3]	(98.5)[3]	(97.0)[3]	(97.1)	(94.6)	(95.4)
45	J	Скуловой диаметр	130.6—135.6 [13]	131.8	131.6	132.6	135.9	132.9	134.0	132.7	136.3	133.8	134.0	131.7	126.7	131.6	131.0	137.5	127.2	124.3	127.3	124.4	127.8	124.4
48	G′H	Высота лица	71.6—76.2 [12]	71.2	71.0	73.8	70.2	72.7[4]	70.6	—	71.5	69.7	71.4	68.2	74.5	66.1	68.7	76.5	67.9	66.4	62.7	—	64.8	61.3
48:17	100G′H/H′	Вертикальный краниофациальный указатель	51.8—56.0 [11]	(51.8)	52.0	(53.6)	—	(53.3)[4]	(52.0)	—	(51.8)	(51.4)	(52.5)	(50.6)	(53.5)	(48.0)	(52.5)	(56.9)	(51.2)	(49.7)	(47.4)	—	(47.6)	(46.3)
48:45	100G′H/J	Лицевой указатель	54.3—56.8 [12]	(53.9)	53.9	(55.7)	51.7	54.7[4]	52.7	—	(52.5)	(52.1)	(53.3)	(51.7)	(58.4)	(50.2)	(52.5)	(55.6)	(53.4)	(53.3)	(49.2)	—	(50.7)	(49.2)
77	—	Верхний угол горизонтальной профилировки	145.6—146.1 [4]	145.0[5]	—	—	—	—	—	—	—	—	145.0[5]	—	—	144.0[5]	144.0[5]	144.0[5]	143.0[5]	136.0[5]	136.0[5]		—	135.0[5]
72	Prosth P <	Лицевой угол	80.6—88.3 [9]	82.1	82.8[6]	81.7[7]	83.0	84.0	82.7[7]	—	—	—	83.2[7]	83.1[7]	81.2[7]	81.2	83.9[7]	82.9[7]	82.6[7]	84.3[7]	—	—	83.5[7]	84.3[9]
52:51	$100O_2/O_1$	Орбитный указатель II (mf—ek)	80.7—85.9 [7]	(81.9)[8]	83.4	(84.9)[8]	—	82.2	(82.7)[8]	—	81.0	(78.2)[9]	79.6	77.6	80.9	78.3	82.3	83.8	79.9	(79.1)[9]	(75.5)[8]	(78.6)[8]	(75.6)[8]	(80.0)[8]
54:55	100NB/NH′	Носовой указатель	44.6—50.1 [13]	48.2	49.2	49.4	49.5	50.2	48.2	51.4	52.9	48.7	52.8[10]	51.1[10]	46.3[10]	51.4	50.4[10]	49.4[10]	51.7[10]	50.6	53.0	51.7	51.6	52.9
—	100DS/DC	Указатель высоты переносья	33.8—42.9 [3]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45.4	49.8	61.9	40.3	42.3	39.1	48.3	—	—	—	—	—
—	100SS/SC	Симотический указатель	27.0—37.2 [3]	31.7[5]	—	—	—	—	—	—	—	—	32.7	45.2	54.0	35.0	32.9	34.6	37.7	46.7[5]	43.1[5]		—	44.8[5]
—	—	Нижний край грушевидного отверстия: % антропинных	37.5—61.5 [4]	—	—	—	39.0[11]		—	—	—	—	12.8	50.0	42.8	—	—	—	43.7	—	—	—	—	—
75 (1)	—	Угол носовых костей	17.1—19.8 [6]	—	—	16.6[2]	—	17.7	20.5[2]	—	—	—	14.0[2]	20.5[2]	23.4[2]	15.7[2]	15.7[2]	18.7[2]	17.7[2]	26.1[12]	—	—	26.5[2]	22.3[12]

[ ]—число групп; ( )—отношение средних; [1]—средние вычислены автором по индивидуальным данным; [2]—определено по сагиттальному профилю путем вычисления или измерения на чертеже; [3]—для вычисления индекса к длине основания лица от «альвеолярной точки» прибавлено 1.3 мм (поправка Сима, 1935); [4]—высота лица, измеренная по методике Уэда+1.8 мм (поправка Сима, 1935); [5]—по данным Ву и Моранта, 1934; [6]—только 4 черепа, измеренных Понятовским; [7]—лицевой угол от «альвеолярной точки» (Alv P <)—2.8° (поправка из сводной таблицы Имамура и Сима, 1935); [8]—для вычисления индекса к ширине глазницы от dacryon'а прибавлено 3 мм (Имамура и Сима, 1935); [9]—для вычисления индекса к ширине глазницы от lacrymale прибавлено 4 мм (они же, 1935); [10]—отношение ширины носа к его «боковой» высоте (100NB/NH); [11]—по данным Вада, 1939 (♂+♀); [12]—по данным Люти, 1912 (♂+♀).

Таблица 6

Черепа южных китайцев, малайцев и негритосов

Признаки / Серии и авторы	Южные китайцы, групповая амплитуда	Малайцы (Чебоксаров)	Аэта (Бонин)	Андаманцы (Бонин)
Число исследованных (наибольшее)	14—120 [7]	58	33	33
Продольный диаметр	168.3—180.0 [7]	173.0	171.0	166.6
Поперечный диаметр	137.6—147.8 [7]	140.5	143.5	136.4
Черепной указатель	77.2—87.9 [7]	81.4	84.0	81.9
Высотный диаметр	136.0—138.0 [6]	135.5	136.2	129.9
Высотно-продольный указатель	76.2—80.8 [6]	78.4	79.4	78.0
Высотно-поперечный указатель	91.9—99.3 [6]	96.6	(95.0)	(95.4)
Наименьший лобный диаметр	89.0—93.7 [7]	92.0	92.8	92.3
Угол наклона лба	85.0—85.5 [2]	86.4	84.5[1]	—
Указатель выступания лица	96.6—97.8 [4]	99.1	(97.3)	(99.2)
Скуловой диаметр	131.6—135.9 [7]	132.2	132.8	123.3
Высота лица	70.2—73.8 [6]	66.7	69.6	61.7
Вертикальный краниo-фациальный указатель	51.8—53.6 [5]	49.2	51.1	47.6
Лицевой указатель	51.7—55.7 [6]	50.4	52.4	50.0
Верхний угол горизонтального профиля	145.0—145.0 [1]	142.9	143.0[2]	142.0[2]
Лицевой угол	81.9—84.0 [6]	81.9	85.0	81.8
Орбитный указатель II (mf—ek)	82.2—84.9 [4]	80.2	78.7	83.7
Носовой указатель	48.1—50.2 [7]	51.0	54.1	51.5
Указатель высоты переносья	—	40.8	42.9	43.2
Симотический указатель	31.7—31.7 [1]	30.4	35.3	27.0
Угол носовых костей	16.6—20.5 [2]	14.8	16.5	—

[1] Определено по сагиттальному профилю путем вычисления или измерения на чертеже.

[2] По данным Ву и Моранта, 1934.

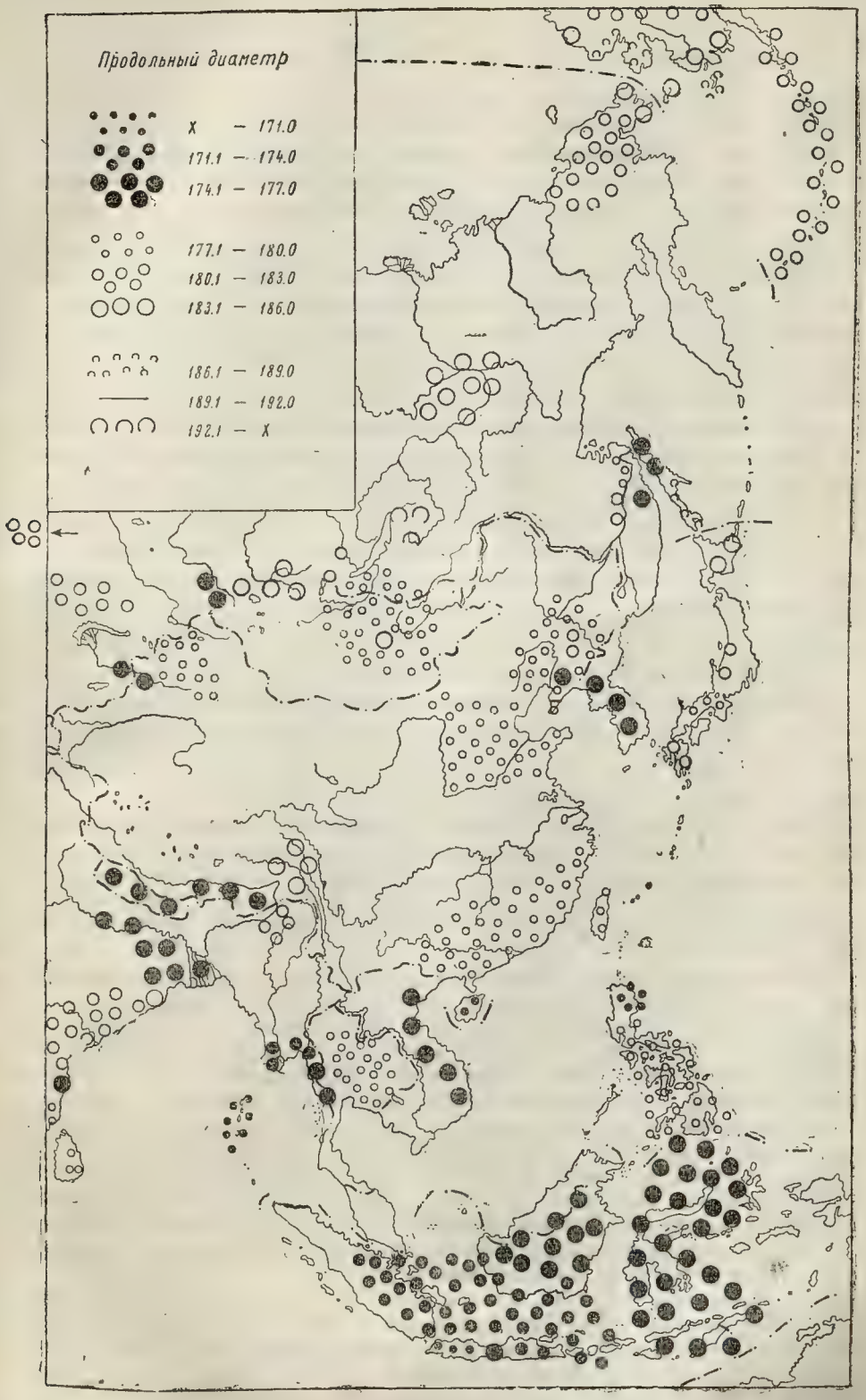
отличаются в этом отношении гольды, большинство японцев, тибетцы, восточные малайцы и тагалы. У корейцев, таи, бирманцев, западных малайцев голова несколько шире (141—144 мм), у даяков и нага, напротив, уже (135—138 мм). В юго-западной абсолютно узкоголовой группе сериальный минимум поперечника найден среди веддов (М = 129 мм).

Если сопоставить географические вариации обеих горизонтальных осей мозговой коробки (карты 2 и 3), то станет ясно, что в Центральной Азии и в Сибири намечается очаг абсолютной длинно- и широкоголовости, хотя внутри этого очага рассматриваемые диаметры и обнаруживают отрицательную межгрупповую корреляцию. В Индии, напротив, минимальная ширина черепа сочетается с небольшой или, во всяком случае, умеренной его длиной (непальцы, индусы, тамилы, ведды). Сходные комбинации наблюдаются и во многих группах Индонезии (только здесь длинник обычно несколько меньше, а поперечник — больше). Китайцы по сочетанию горизонтальных размеров черепа обнаруживают наибольшее сходство, во-первых, с некоторыми народами крайнего азиатского северо-востока и соседних районов Америки (эскимосы, чукчи), во-вторых, с японцами, в-третьих, с восточными тибетцами и нага, в-четвертых, с тагалами Филиппинских островов. Для всех этих групп характерно среднее развитие мозговой коробки как в длину (177—186 мм), так и в ширину (135—143 мм).

Ч е р е п н о й у к а з а т е л ь народов Восточной Азии варьирует очень сильно (от 72 у веддов до 88 у китайцев Хайнаня). Вариации эти, однако, носят преимущественно микролокальный характер, имея большое значение для выделения местных расовых типов, но мало отражая основные направления расовой диференциации (карта 4). Главная причина такого распределения вариантов заключается в том, что на величину индекса влияют две формы межгрупповой связи между продольным и поперечным диаметрами: положительная, ясно выступающая при сравнении крупных зональных группировок (в первую очередь северной — сибирско-центральноазиатской и южной — индо-малайской), и отрицательная, без труда выявляемая внутри больших зон. Наличие в Восточной Азии положительной корреляции горизонтальных осей черепа очень интересно, так как принято думать, что корреляция эта всегда бывает отрицательной (при межгрупповой изменчивости).

Все же необходимо отметить существование на изучаемой территории двух основных очагов долихокрании: эскимосского и индийского. Широкий пояс мезокрании тянется от Берингова пролива, через азиатских эскимосов и чукчей, гольдов, айнов, японцев и китайцев к народам восточной Индонезии. Через Тибет, Ассам и Непал пояс этот смыкается с индийским ареалом относительной длинноголовости. Вне очерченной зоны мезокранами являются только китайские переселенцы Монголии и Джунгарии да прибайкальские эвенки. Умеренная брахикрания (80—84) характерна для северо-западных индейцев, алеутов, якутов, ороков и ульчей, большинства монгольских и тюркских групп, корейцев, народов западной Индонезии, таи, бирманцев, аэта и андаманцев. Высокие степени короткоголовости (> 84) прослеживаются в трех разобщенных центрах: на северо-западе у торгоутов, теленгетов и казахов, на северо-востоке у приморских орочей и на юге — у китайцев Хайнаня.

Географические вариации высотного диаметра (карта 5) чрезвычайно показательны. Большинство абсолютно низкоголовых групп (М < 133 мм) сосредоточено в Центральной Азии и Сибири (калмыки, казахи, торгоуты, теленгеты, тувинцы, буряты, монголы, эвенки). С этим северным поясом низкоголовости связаны, вероятно, также примор-


Продольный диаметр
X — 171.0
171.1 — 174.0
174.1 — 177.0
177.1 — 180.0
180.1 — 183.0
183.1 — 186.0
186.1 — 189.0
189.1 — 192.0
192.1 — X

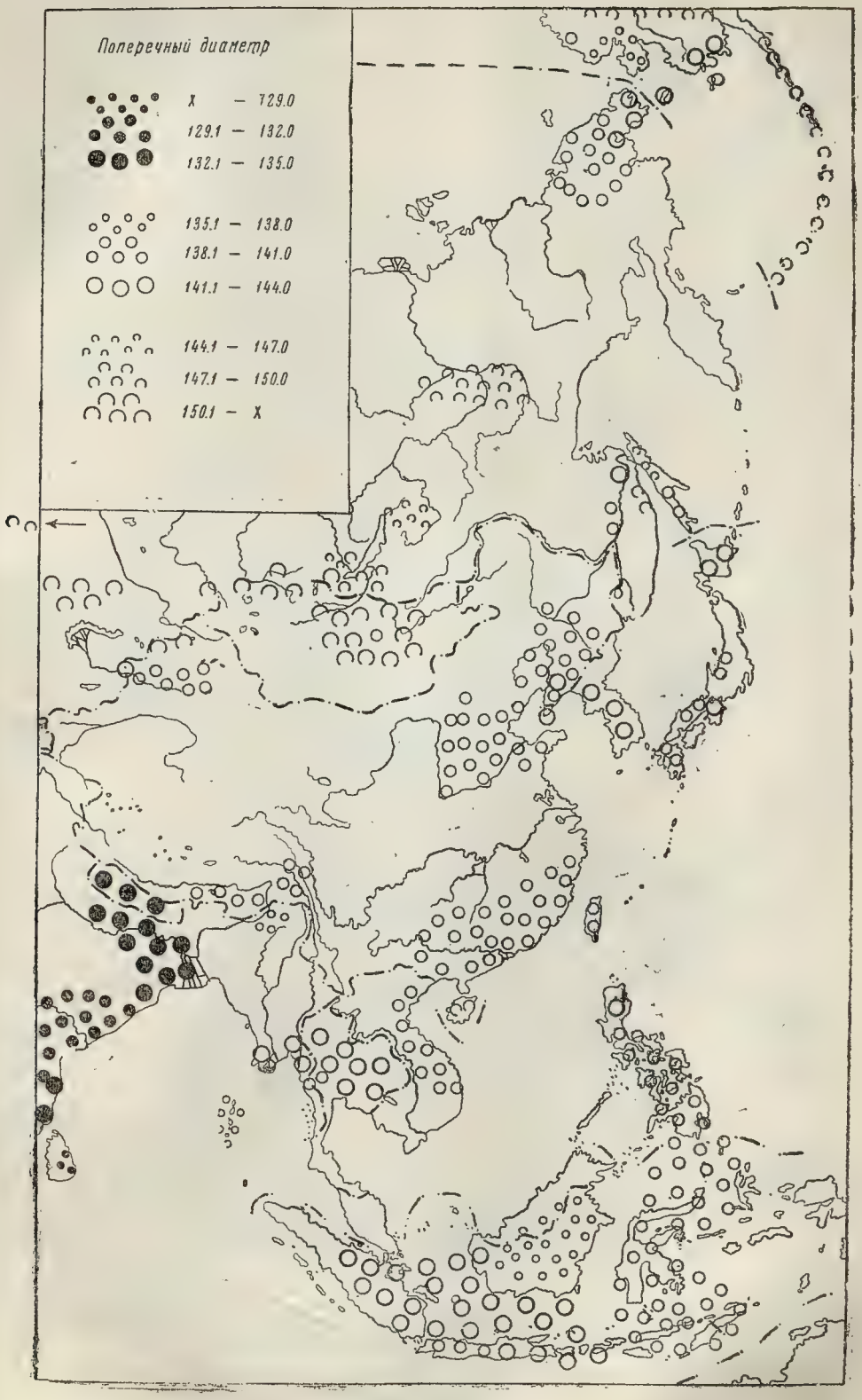
Карта 2

ско-сахалинские хамэкраны (ороки, орочи и ульчи), алеуты с их исключительно малым развитием высокой оси черепа (М=127—128 мм), а может быть и северо-западные индейцы, у которых рассматриваемый размер едва достигает 130 мм. Самостоятельный очаг низкоголовости расположен в Индии и соседних с ней странах (дравиды, ведды, непальцы, западные тибетцы, андаманцы).

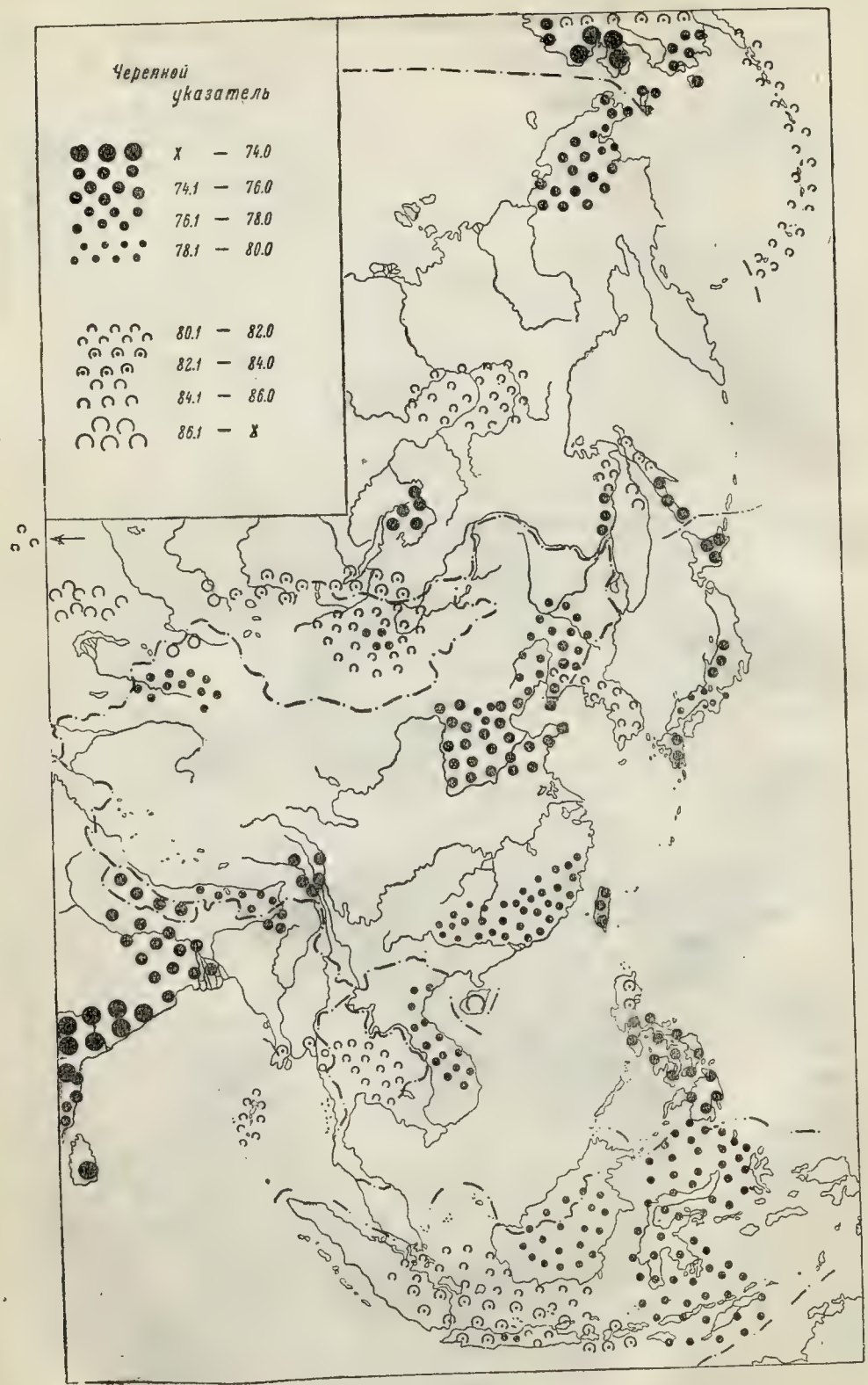
Ортоидные и гипсоидные серии (М>133 мм) представлены, прежде всего, эскимосами (групповые максимумы в Гренландии достигают 140—141 мм), затем различными группами Тихоокеанского побережья и близлежащих районов (чукчи, гольды, айны, японцы, китайцы, корейцы, анамиты, малайцы и др). В отдельных северо-китайских сериях высотный диаметр почти столь же велик, как у эскимосов. Абсолютно высокоголовы также якуты, тибетцы Кама, нага, бирманцы и тай. Если не принимать во внимание немонголоидные расы Индии, то контраст между северо-западными низкоголовыми и юго-восточными высокоголовыми монголоидами выступит с еще большей резкостью. Географическая граница между обеими группами форм проходит в основном по Яблоновому и Становому хребтам, Хингану, восточному краю Монгольского нагорья и по пустыне Гоби. На северо-востоке наблюдается своеобразный «перекрест» описанных главных пластов: низкоголовые варианты проникают далеко на восток (алеуты), высокоголовые, напротив, на запад (якуты).

Сравнение межгрупповой изменчивости всех трех основных осей мозговой коробки (карты 2, 3 и 5) показывает, что максимальное развитие горизонтальных диаметров черепа в Восточной Азии связывается обычно с сокращением его высоты. Напротив, серии с небольшими средними длины-ника и поперечника в большинстве случаев оказываются абсолютно высокоголовыми. Наиболее показательными в этом отношении являются, конечно, различия между северо-западными (сибирскими и центрально-азиатскими) сериями, с крупным в горизонтальном сечении, но очень низким черепом, и группами Индонезии, для которых характерна комбинация очень малой длины, небольшой или средней ширины и значительной высоты мозговой коробки. Исключения из общего правила представляют, с одной стороны, эскимосы, с крайне длинной и высокой, умеренно узкой головой, с другой стороны — индусы с небольшими средними всех трех диаметров.

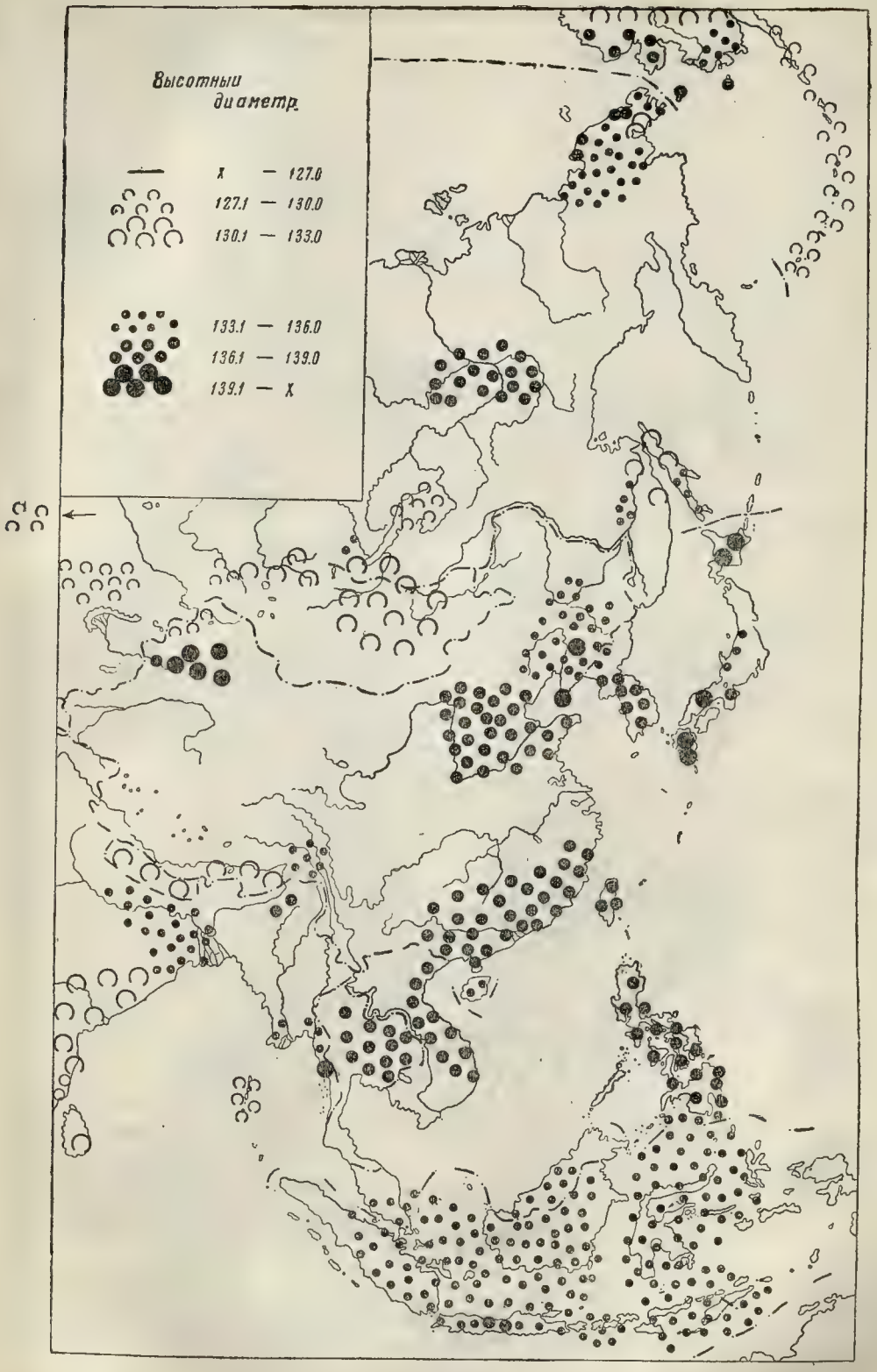
По высотно-продольному указателю северные серии восточно-азиатских монголоидов еще резче отличаются от южных, чем по абсолютной высоте черепа (карта 6). В Центральной Азии (к северу от Гоби), во всей Восточной Сибири, от Енисея до берегов Тихого океана, на Аляске и Алеутских островах рассматриваемый индекс нигде не подымается выше 76, тогда как в Корее, Китае, Южной Японии, Индо-Китае, Сиаме и Индонезии он, напротив, не падает ниже этой цифры. Относительно наиболее хамэкранными оказываются прибайкальские эвенки и алеуты (указатель меньше 70). К ним примыкают калмыки, казахи, монголы, теленгеты, торгоуты, буряты, тунгусо-маньчжурские группы Советского Дальнего Востока, чукчи, большинство эскимосов (70—76). В эту же рубрику попадают айны, японцы Хокурику, а также тибетцы (восточные и южные), непальцы, индусы, дравиды и ведды. Последние серии, очевидно, относятся к самостоятельному юго-западному (индо-гималайскому) очагу хамэ- и ортокрании, связанному с немонголоидными расами. Самыми гипсикранными группами в Восточной Азии оказываются, за вычетом китайцев Хайнаня с их сомнительным индексом 81, — корейцы, джунгарские китайцы, бирманцы и аэта (78—80). Четкие географические вариации высотно-продольного указателя


Поперечный диаметр
X — 129.0
129.1 — 132.0
132.1 — 135.0
135.1 — 138.0
138.1 — 141.0
141.1 — 144.0
144.1 — 147.0
147.1 — 150.0
150.1 — X

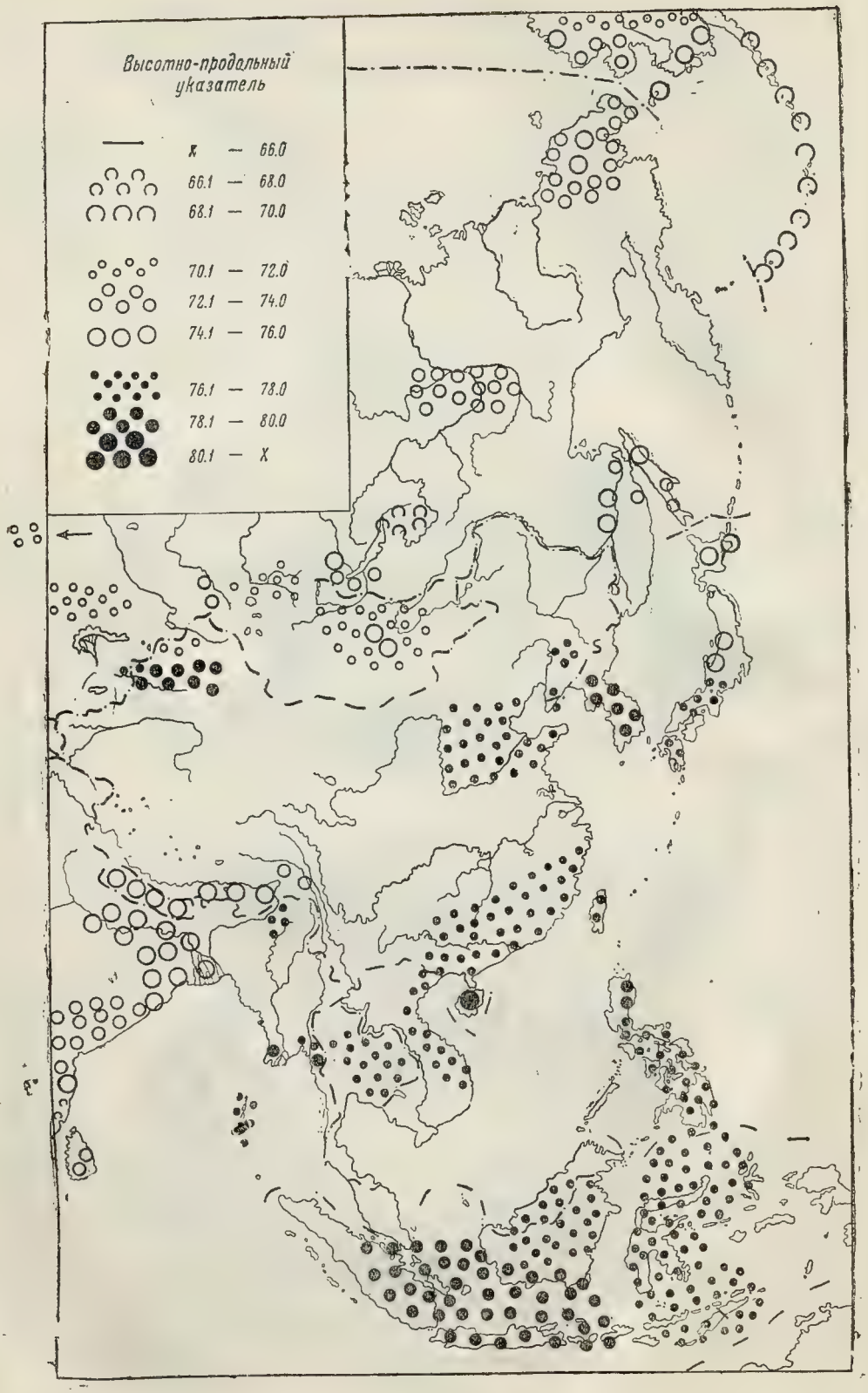
Карта 3


Черепной указатель
X — 74.0
74.1 — 76.0
76.1 — 78.0
78.1 — 80.0
80.1 — 82.0
82.1 — 84.0
84.1 — 86.0
86.1 — X

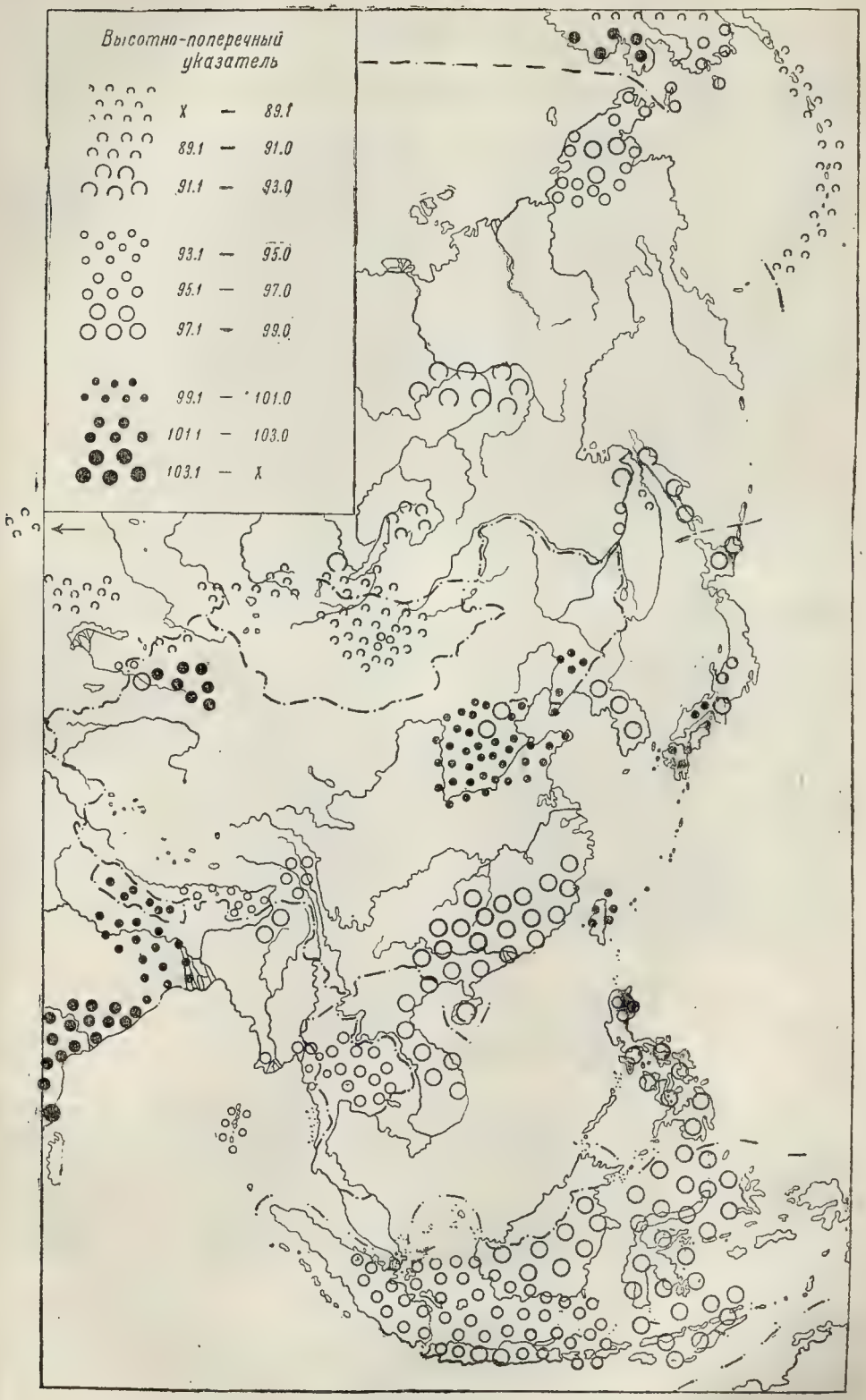
Карта 4


Высотный диаметр
X — 127.0
127.1 — 130.0
130.1 — 133.0
133.1 — 136.0
136.1 — 139.0
139.1 — X

Карта 5


Высотно-продольный указатель
X — 66.0
66.1 — 68.0
68.1 — 70.0
70.1 — 72.0
72.1 — 74.0
74.1 — 76.0
76.1 — 78.0
78.1 — 80.0
80.1 — X

Карта 6


Высотно-поперечный указатель
X — 89.1
89.1 — 91.0
91.1 — 93.0
93.1 — 95.0
95.1 — 97.0
97.1 — 99.0
99.1 — 101.0
101.1 — 103.0
103.1 — X

Карта 7

обусловлены отрицательной межгрупповой корреляцией составляющих его диаметров.

Не менее интересна территориальная изменчивость высотно-поперечного индекса (карта 7). Все серии с низким указателем, за исключением хайнаньцев, сосредоточены в Центральной Азии, Восточной Сибири и на Алеутских островах (М < 93). Средние варианты (93—99) преобладают в Тибете и повсеместно вдоль берегов Тихого океана, от Индонезии до Аляски. Максимальные величины (>99) характерны для западных эскимосов, южных японцев, северных китайцев, а также для непальцев, индусов, дравидов, тамилов и веддов. В целом ясно намечаются: один очаг тапейнокрании (северо-западный или сибирско-центрально-азиатский) и два очага акрокрании (гренландский и индогималайский), связанные широким восточным поясом метриокранных серий с отдельными вкраплениями повышенных индексов.

Наименьший лобный диаметр отчетливых территориальных вариаций в Восточной Азии не обнаруживает (карта 8). Сравнительно широким лбом (М > 95 мм) обладают казахи, калмыки, теленгеты, тувинцы, буряты, а также некоторые группы эскимосов, айны и таи. Заслуживает внимания широколобость айнов, отличающихся по этому признаку от соседних японцев, ороков, орочей и ульчей. Очень узколобые серии (М < 91) встречаются среди самых различных народов, удаленных друг от друга на тысячи километров (например, среди эвенков, южных китайцев, бирманцев, веддов и др).

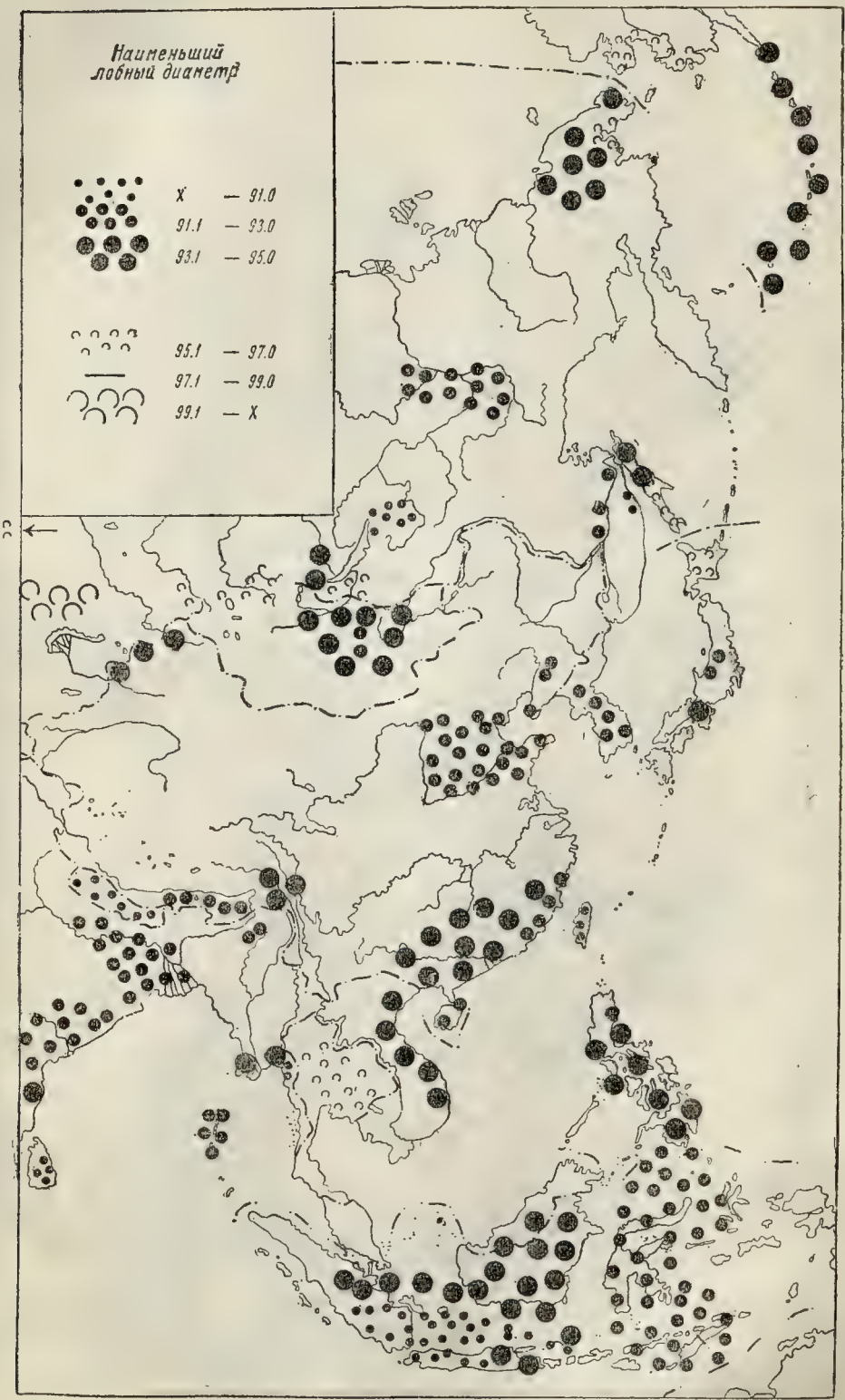
Гораздо более показательны вариации угла наклона лба (карта 9). Все без исключения серии с относительно покатым лбом (М < 82°) локализуются в северной половине азиатского материка, на Аляске и Алеутских островах (различные тюркские и монгольские народы Центральной Азии и Сибири, эвенки, ульчи, чукчи; эскимосы, алеуты). Юго-восточные и южные группы заметно более прямолобы (М > 82°). Наиболее близок к 90° угол наклона лба у западных малайцев, тамилов, джунгарских китайцев и дунган. По наклону лба до известной степени можно судить о гипо- или гиперморфности исследованных черепных серий. Первая характерна для большинства южных и восточных монголоидов, а также для расовариантов Индии, вторая — для типов северо-восточной Азии и Полярной Америки.

4. ВАРИАЦИИ ОСНОВНЫХ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

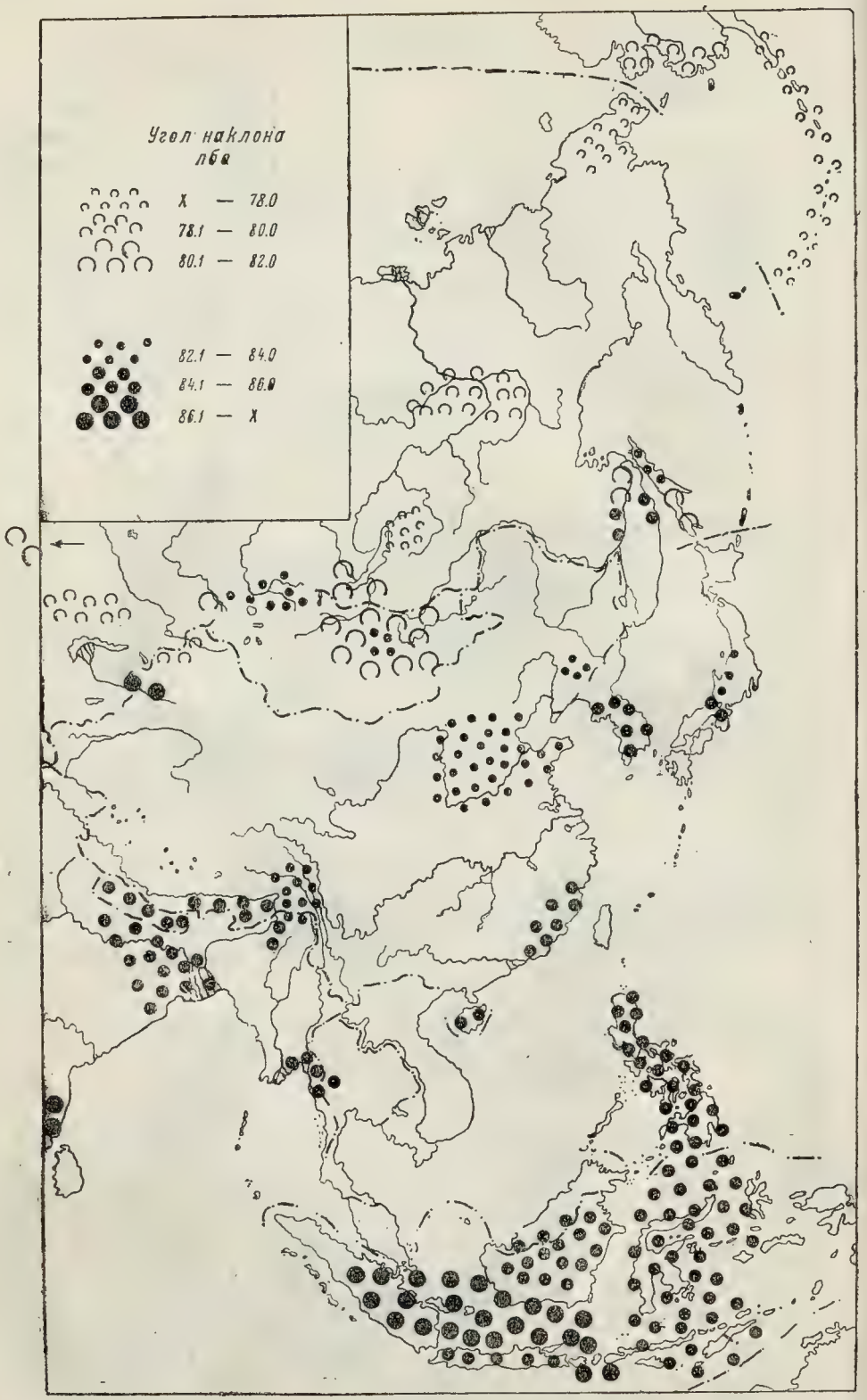
Лицевой скелет

По средней величине скулового диаметра восточно-азиатские и полярно-американские черепные серии распадаются на три группы: северную, юго-восточную и юго-западную. К северной, абсолютно широколицей группе относятся все тюркские и монгольские народы, представленные на нашей карте 10, байкальские эвенки, тунгусо-маньчжурские группы Приморья и Сахалина (кроме гольдов), айны, чукчи, алеуты и эскимосы (М > 137). На юге такая же величина ширины лица характерна только для тибетцев Кама, которые по данному признаку высокого таксономического значения резко отличаются от всех соседних групп и приближаются к северным монголоидам.

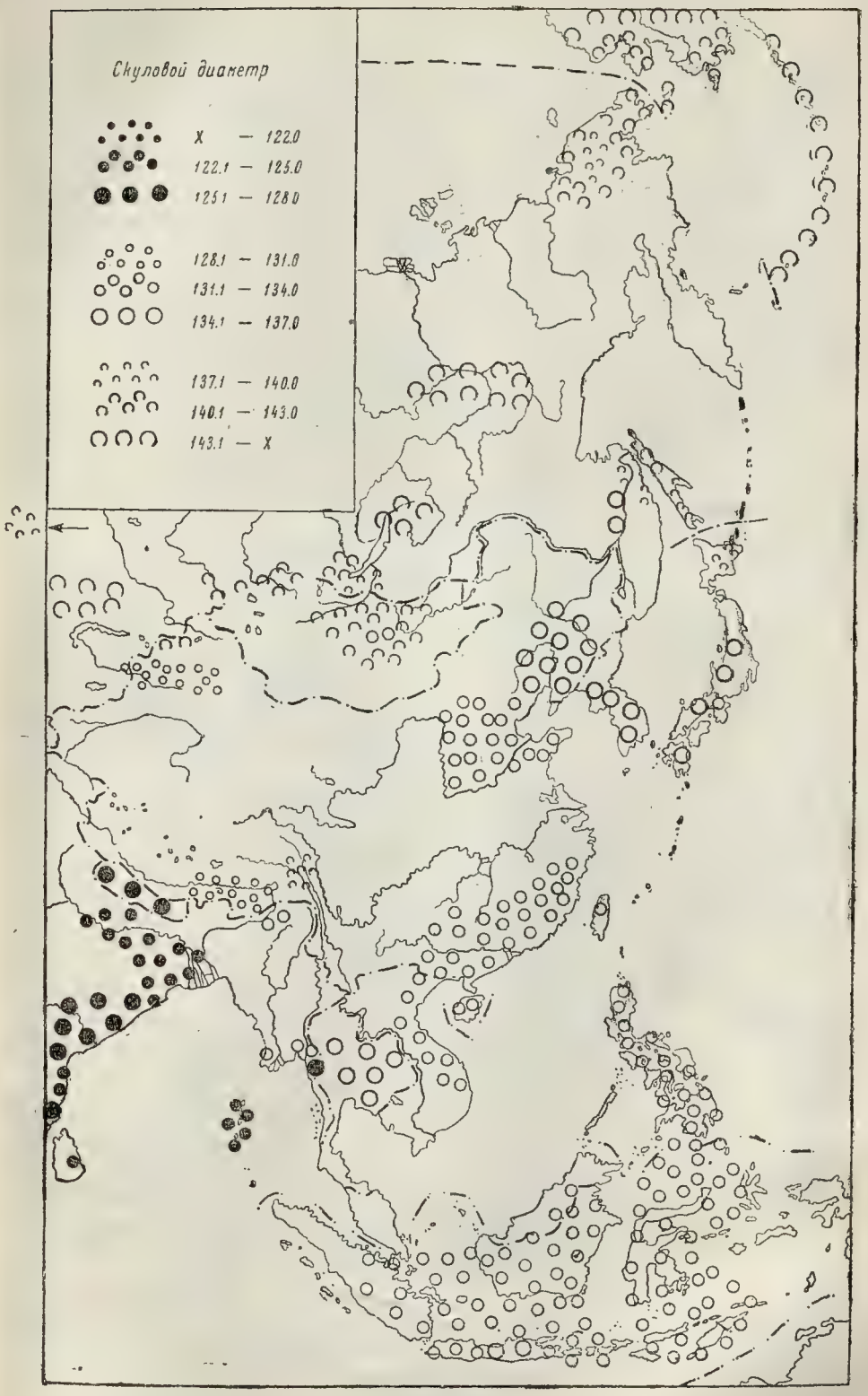
Юго-восточная группа включает многочисленные серии со средним скуловым диаметром 128—137 мм. К ней принадлежат гольды, все китайцы, японцы и корейцы, различные народы Индонезии и Индо-Китая


Наименьший лобный диаметр
X — 91.0
91.1 — 93.0
93.1 — 95.0
95.1 — 97.0
97.1 — 99.0
99.1 — X

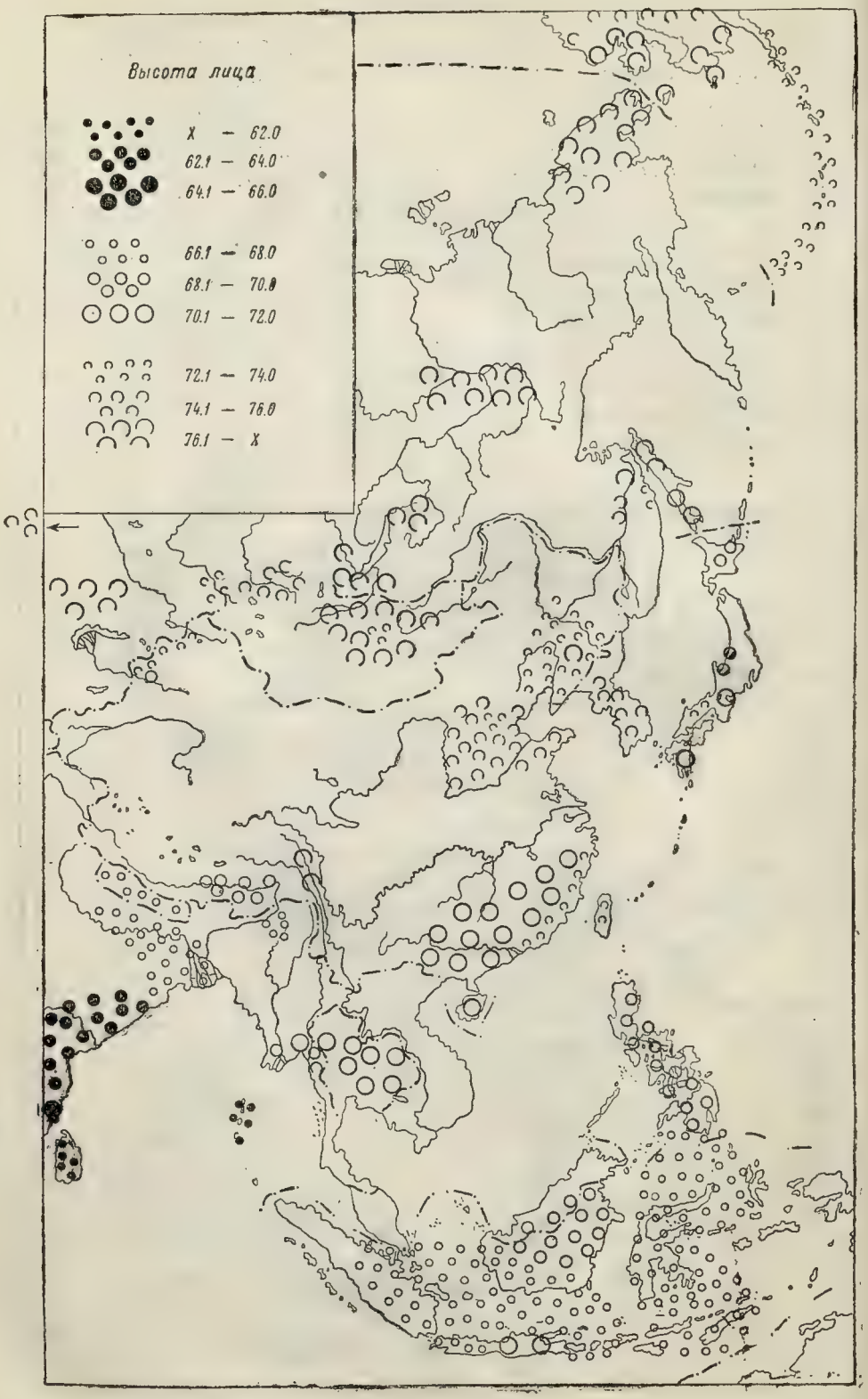
Карта 8



Карта 9


Скуловой диаметр
X — 122.0
122.1 — 125.0
125.1 — 128.0
128.1 — 131.0
131.1 — 134.0
134.1 — 137.0
137.1 — 140.0
140.1 — 143.0
143.1 — X

Карта 10


Высота лица
X — 62.0
62.1 — 64.0
64.1 — 66.0
66.1 — 68.0
68.1 — 70.0
70.1 — 72.0
72.1 — 74.0
74.1 — 76.0
76.1 — X

Карта 11

(бирманцы, нага и юго-западные тибетцы). Крайне узколицые формы (М < 128 мм) концентрируются на нашей карте исключительно в Индии и соседних с нею странах (Андаманы, Бирма).

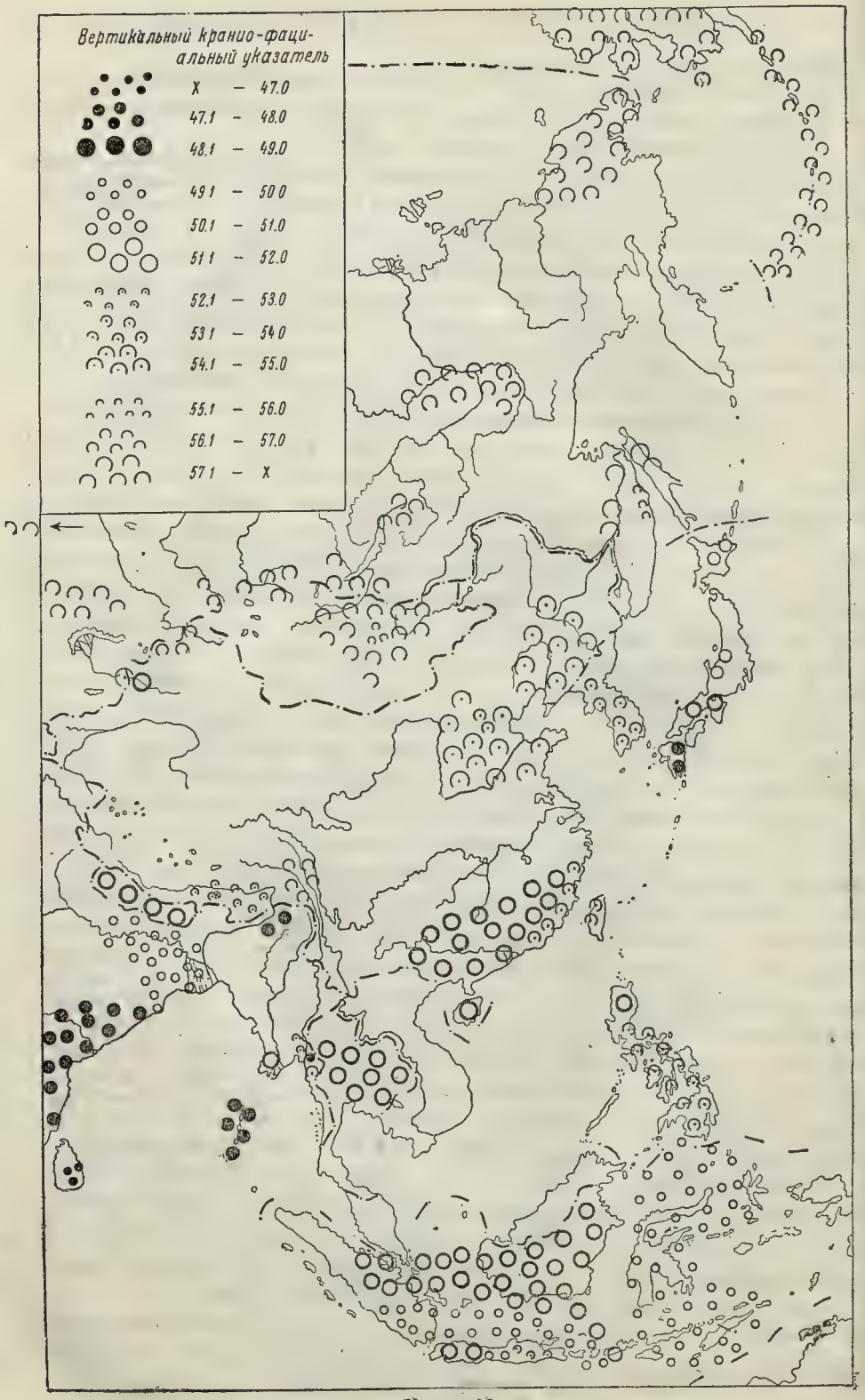
Внутри больших групп вариации лицевой ширины также заслуживают пристального внимания. Групповые максимумы рассматриваемого диаметра (М > 143 мм) обнаружены, с одной стороны, у абсолютно широкоголовых и брахикранных казахов и якутов, с другой стороны — у более узкоголовых, мезодолихокранных эвенков и эскимосов. Среди последних ширина лица сплошь и рядом превышает поперечный диаметр мозговой коробки — отношение, не встречаемое почти нигде за пределами Полярной Америки. Более узколицы (137—140 мм) из северных серий ульчи, орочи и айны: здесь наблюдается, повидимому, переход к соседней, юго-восточной, зоне преобладания умеренной ширины лица. Уже в пределах этой зоны наибольшие размеры скулового диаметра (134—137 мм) сосредоточены преимущественно на севере — среди гольдов, китайцев Маньчжурии, корейцев, японцев. К югу лицо становится уже: для населения Китая собственно, Индонезии, Индокитая, Бирмы, Ассама и южного Тибета характерны средние в 131—134 мм. В Индии отмечены минимальные величины 122—125 мм (индусы, ведды, андаманцы).

По высоте лица (карта 11) выделяются в основном те же географические группы, что и по скуловому диаметру. Только здесь восточные серии (китайцы, корейцы) в большей степени сближаются не с южными (индонезийскими), а с северными (сибирскими) формами. Наиболее высокое лицо (> 76 мм) характерно для эскимосов и большинства сибирско-центральноазиатских серий, от казахов до ороков и от монголов до чукчей. В более южных широтах столь же высокое лицо имеют китайцы Фушуня в Маньчжурии и тибетцы Кама, занимающие по этому признаку такое же обособленное положение среди своих низко- и узколицых соседей, как и по скуловому диаметру. Немного ниже (74—76 мм) лицо тувинцев, гольдов, корейцев, основной массы северных китайцев. К следующей рубрике (72—74 мм) относятся теленгеты, торгоуты, алеуты, орочи, японцы Окаяма, китайцы Бэйпина, Монголии, Фуцзяни и Формозы. Все перечисленные серии принадлежат к обширной северной азиатско-американской зоне высоколицести (М > 72), которая простирается от Тибета и Тайвана до Чукотского полуострова и от степей Нижнего Поволжья до Гренландии, опоясывая таким образом почти все северное полушарие, за исключением территории между Исландией и Уралом.

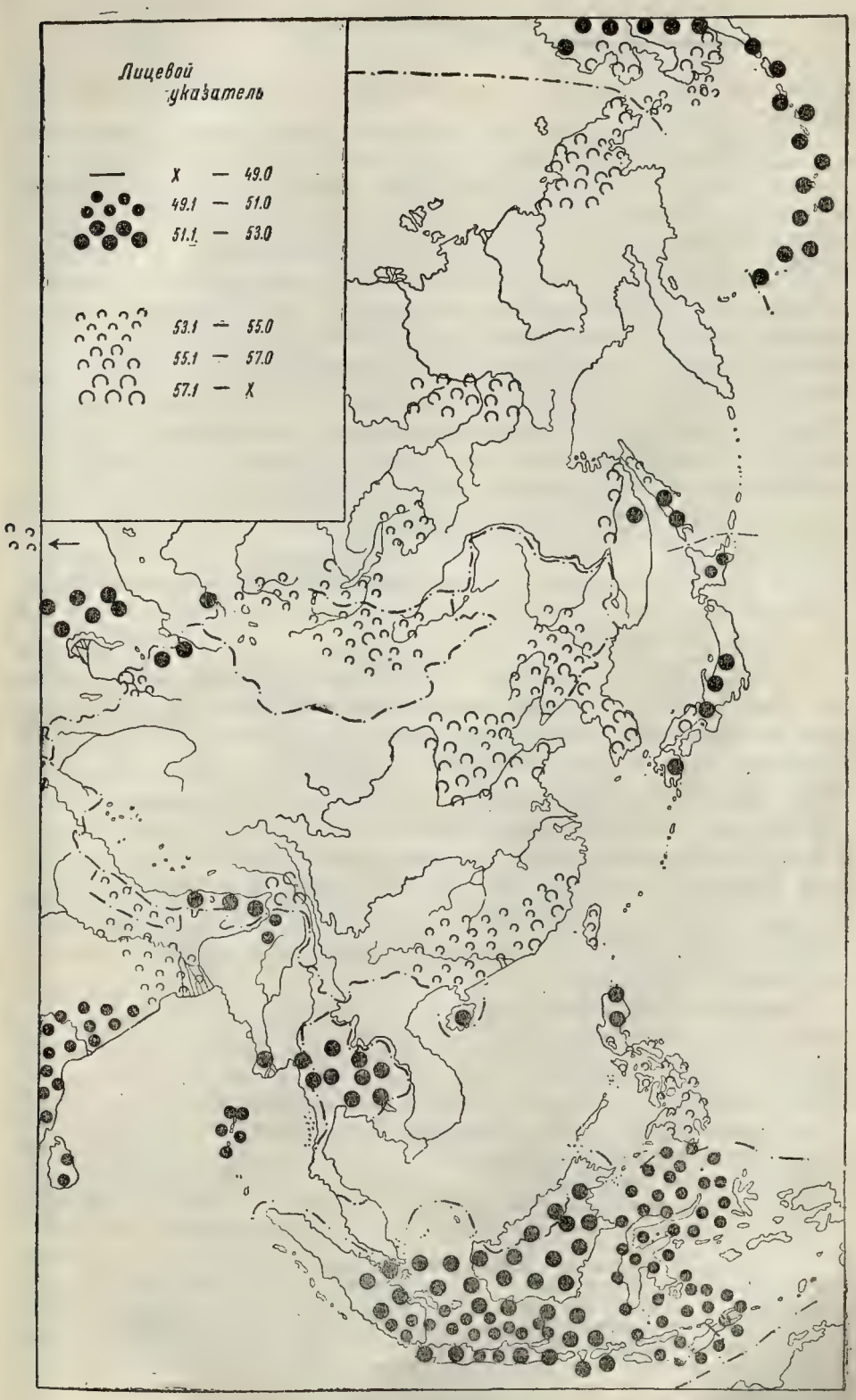
Лицо выше среднего (70—72 мм) характерно для части айнов, южных японцев, большинства южных китайцев, таи, бирманцев и некоторых групп яванцев. Средние размеры рассматриваемого диаметра (68—70 мм) отмечены у айнов Хоккайдо, японцев Хокурику, юго-западных тибетцев, аэта, тагалов, даяков, западных яванцев. Лицо ниже среднего (66—68 мм) имеют уже только южные группы: малайцы, нага, непальцы и индусы. В целом юго-восточный пояс средней высоты лица (66—72 мм) простирается от долины Ганга до Филиппинских островов и от Явы до Сахалина.

Умеренно низкое лицо (64—66 мм) в пределах нашего материала отмечено только у тамилов, к которым примыкают дравиды с величинами в 62—64 мм. Еще ниже (М < 62 мм) лицо цейлонских веддов и андаманцев. Таким образом, настоящие низколицые типы (М < 66 мм) на нашей карте концентрируются исключительно в Южной Индии.

Сопоставляя географические вариации обоих основных диаметров лица (карты 10 и 11), можно охарактеризовать северные серии как широко- и высоколицые, восточные — как сравнительно узко-, но высоколицые, юго-восточные — как умеренно узко- и низколицые, юго-запад-


Вертикальный кранио-фациальный указатель
X – 47.0
47.1 – 48.0
48.1 – 49.0
49.1 – 50.0
50.1 – 51.0
51.1 – 52.0
52.1 – 53.0
53.1 – 54.0
54.1 – 55.0
55.1 – 56.0
56.1 – 57.0
57.1 – X

Карта 12



Карта 13

ные — как имеющие очень малые широтные и вертикальные размеры лицевого скелета.

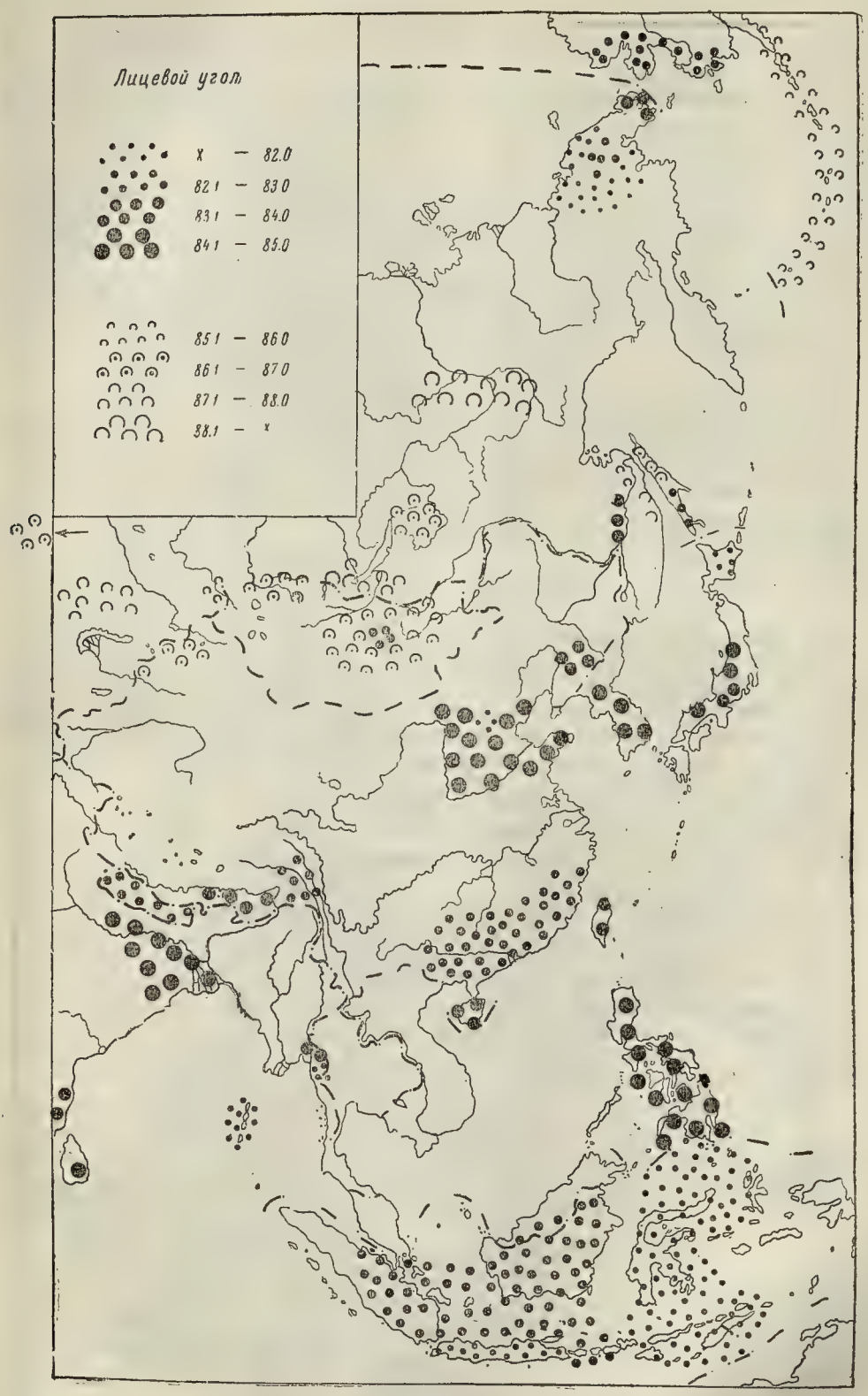
В высшей степени ценны для расового анализа данные о межгрупповой изменчивости вертикального краниофациального указателя, дающего наглядное представление о соотношении высотных осей мозговой коробки и лица (карта 12). Почти во всех центральноазиатских, восточносибирских и полярно-американских сериях, а также у тибетцев Кама данный индекс не опускается ниже 55. Единственными исключениями в этой северной зоне высоких указателей являются отдельные группы эскимосов (Гренландия, мыс Надежды на Аляске) и гольды, у которых значительное развитие высоты лица сочетается с большой вертикальной осью мозговой коробки, благодаря чему их отношение оказывается несколько меньшим (52—55). Такие же цифры характерны для многих групп Дальнего Востока, Индонезии и Гималайского горного узла (айны Сахалина, корейцы; северные, фуцзяньские и тайванские китайцы; тагалы, бирманцы, юго-западные тибетцы). Ниже индексы айнов Хоккайдо, японцев, южных китайцев, большинства народов Индонезии, таи, непальцев и индусов (49—52). Минимальные групповые средние (меньше 49) дают однако южноиндийские серии, а также андаманцы и нага, у которых указатель падает, главным образом, за счет сокращения высоты лица. В общем по убыванию индекса выделяются четыре географические зоны: северная ($M > 55$), восточная (52—55), юго-восточная (49—52) и юго-западная ($M < 49$).

В противоположность краниофациальному, лицевой указатель для выделения основных рас Восточной Азии мало пригоден, так как составляющие его диаметры обнаруживают высокую положительную межгрупповую корреляцию (карта 13). Относительно узколицые и относительно широколицые формы встречаются как среди северных, так и среди южных серий. Выраженными лептенами, например, являются эскимосы, чукчи, якуты, ульчи, гольды, большинство китайцев, тибетцы Кама, бирманцы типа «С» ($M > 55$). Средние индексы (51—55) характерны для разнообразных групп Полярной Америки, Дальнего Востока, Индонезии, Индо-Китая и Индии. К категории эуриэнов ($M < 51$)[1] должны быть отнесены айны Хоккайдо, часть малайцев, нага, андаманцы, дравиды, ведды. Провизорно все же можно говорить о преимущественной концетрации лептенных вариантов в северных широтах, эуриэнных — в южных.

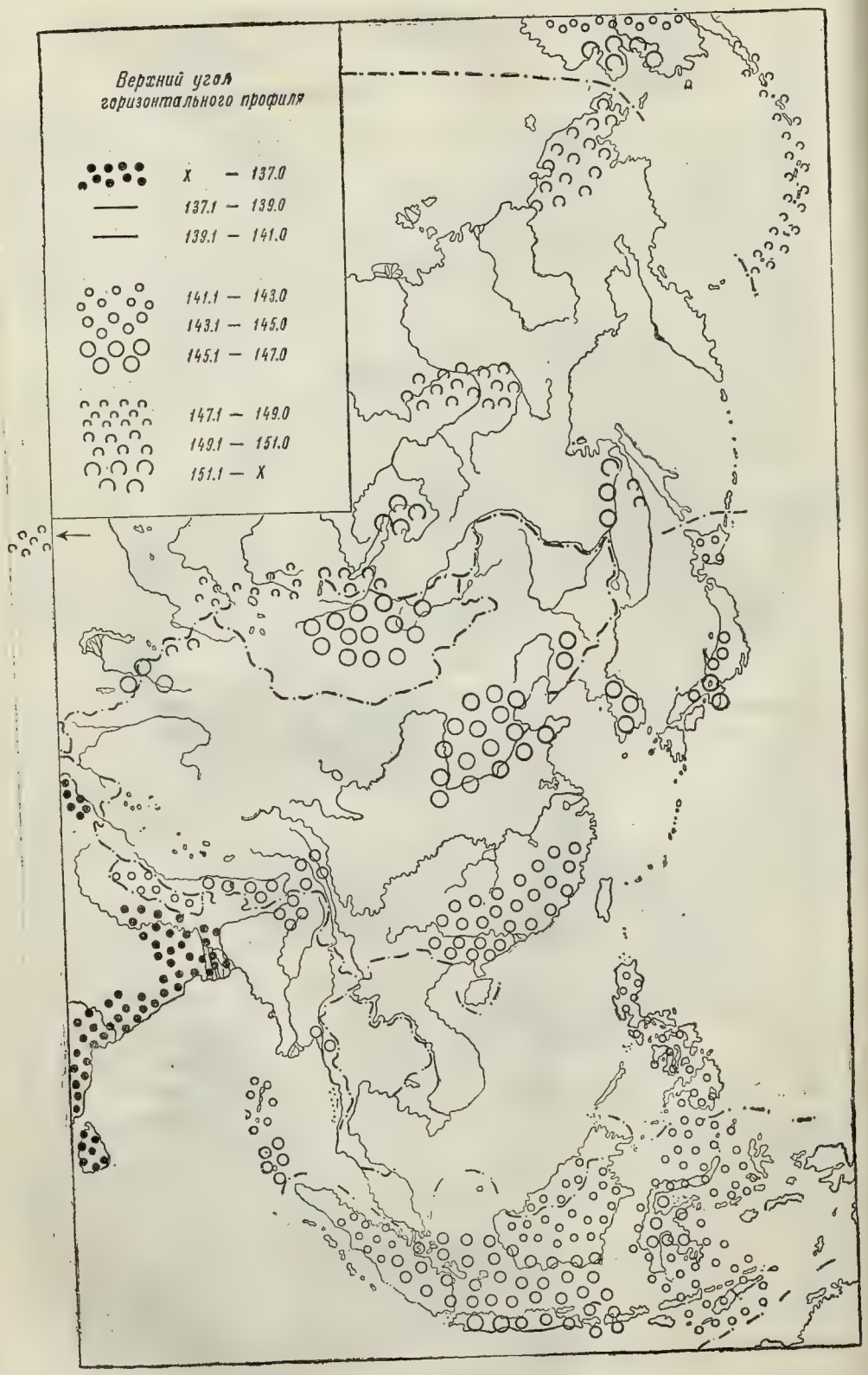
Географическая изменчивость лицевого угла в Восточной Азии очень выразительна (карта 14). Более ортогнатные северо-западные серии отчетливо противостоят более прогнатным — северо-восточным, восточным и южным. Только орочи, ульчи, ороки и алеуты с их сравнительно большим углом ($> 85^0$) несколько нарушают эту закономерность, представляя собой своего рода протянувшийся к востоку клин ортогнатных форм, внедрившихся в окружающую «прогнатную среду».

Сибирские и центральноазиатские серии по рассматриваемому признаку мало отличаются друг от друга; для всех них характерно слабое выступание челюстной части лица (85—89°). Сильнее выражен прогнатизм

[1] Рубрикация вариантов лицевого индекса, помещенная на карте, не совпадает с общепринятым делением черепов на эуриэнные ($M < 49.9$), мезенные (50.0—54.9) и лептенные ($M > 55.0$). Такое несовпадение не должно нас удивлять, так как обычная рубрикация (приведенная в учебнике Мартина, 1928) выработана для характеристики внутригрупповой изменчивости и для изучения межгрупповых вариаций нередко оказывается мало удобной. При составлении карты я стремился разбить восточноазиатские краниологические серии на такие категории, которые отражали бы наиболее наглядно реально существующие пути расовой диференциации.


Лицевой угол
x — 82.0
82.1 — 83.0
83.1 — 84.0
84.1 — 85.0
85.1 — 86.0
86.1 — 87.0
87.1 — 88.0
88.1 — x

Карта 14


Верхний угол горизонтального профиля
X — 137.0
137.1 — 139.0
139.1 — 141.0
141.1 — 143.0
143.1 — 145.0
145.1 — 147.0
147.1 — 149.0
149.1 — 151.0
151.1 — X

Карта 15

(преимущественно альвеолярный) у эскимосов (аляскинских и азиатских), чукчей, гольдов и айнов ($M < 84^0$). К этим группам по лицевому углу близки также японцы, корейцы, китайцы, народы Индонезии, Бирмы, Тибета и Индии.

Наиболее прогнатные варианты ($M < 82^0$) отмечены, с одной стороны, на далеком северо-востоке (чукчи), с другой стороны — на юге (восточные малайцы, яванцы, андаманцы, бирманцы типа «С»). При оценке всех этих вариаций необходимо иметь в виду, что в резкой форме прогнатизм среди известных мне серий восточноазиатских черепов вообще не встречается (как групповой признак). Даже самые прогнатные из них (чукчи Монтандона, андаманцы) по мировому масштабу стоят довольно далеко от нижней границы межгрупповой изменчивости.

Переходим к анализу групповых вариаций одного из самых существенных расодиагностических признаков — верхнего угла горизонтального профиля лица (карта 15). Первое, что бросается здесь в глаза, — это резкое отличие немонголоидных типов Индии от всех других восточноазиатских и полярно-американских серий. Средний угол горизонтального лицевого профиля пенджабцев, индусов, дравидов, сингалезов и веддов меньше 137^0, в то время как к востоку и северу от Гималаев он повсеместно превосходит эту величину по крайней мере на 4^0 (серий с углами $137—141^0$ в Восточной Азии до настоящего времени не описано вовсе).

Однако и за пределами Индии с ее сильно профилированными лицами ясно выделяются две группы серий: северная — наиболее плосколицая ($M > 147^0$) и южная — с лицом несколько более суженным кпереди ($M = 141—147^0$). К первой группе относятся все центральноазиатские и восточносибирские серии (кроме гольдов и монголов), а также алеуты и эскимосы. Во вторую группу входят айны, японцы, корейцы, китайцы, тибетцы, непальцы и все серии Ассама, Бирмы и Индонезии. Морфологически сюда же должны быть включены и североамериканские индейцы, лицо которых профилировано в горизонтальном сечении гораздо больше, чем у эскимосов или североазиатских монголоидов, хотя и менее, чем у народов Индии или европейцев.

Интересны некоторые вариации изучаемого угла внутри намеченных основных зон. Не случайно, например, на азиатском юго-востоке относительно профилированными лицами ($141—143^0$) обладают непальцы, баттаки, даяки, тагалы, восточные малайцы: во всех этих группах очень вероятно присутствие немонголоидных элементов индийского или индонезийского происхождения. Интересно также, что из всех дальневосточных серий наименьшие групповые величины данного угла найдены у айнов. Самыми плоскими лицами ($145—147^0$), напротив, характеризуются здесь группы, географически переходные к сибирским (китайцы Монголии и Маньчжурии, гольды). Из тюрко-монгольских народов относительно более профилированным лицом (в сравнении с другими центральноазиатскими и сибирскими группами) обладают калмыки, теленгеты и тувинцы, среди которых также возможна примесь немонголоидных вариантов.

Ценные расодиагностические выводы дает изучение изменчивости орбитного указателя (карта 16). Центр крайней хамэконхии ($M < 76$) расположен в южной Индии (дравиды, тамилы). Относительно низкие глазницы также у бирманцев типа «С» (76—78). К ним близки другие бирманские серии: нага, непальцы и индусы на юго-западе, тагалы в Индонезии, айны на Сахалине и Хоккайдо (78—80). Среди типичных монголоидов близкие цифры найдены только у тувинцев. Для других цент-

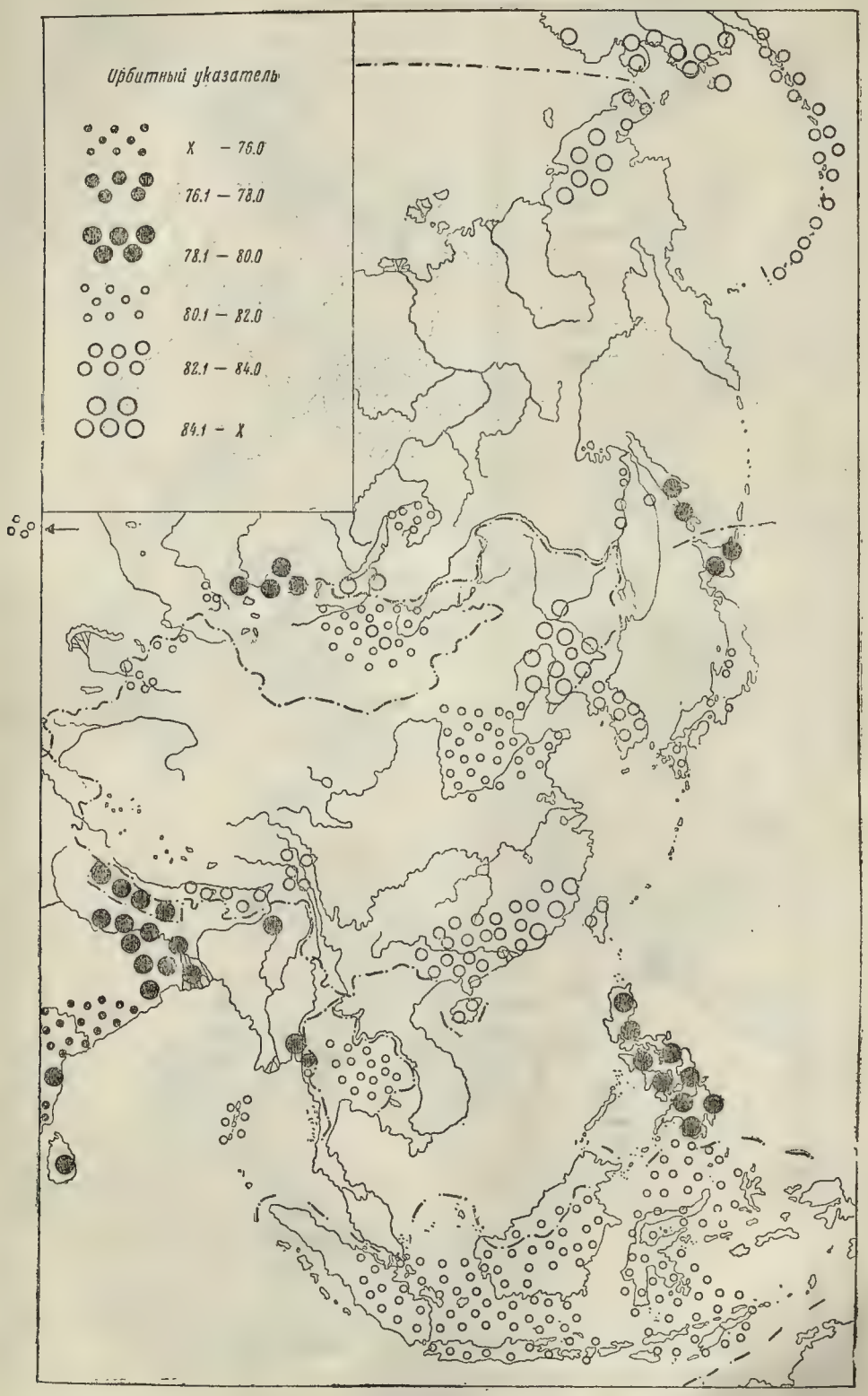
ральноазиатских и сибирских серий характерны более высокие орбиты: так, у калмыков, торгоутов, теленгетов, монголов, эвенков и ульчей средний индекс колеблется в пределах 80—82. Такие же величины характерны для японцев, северных китайцев, тай, малайцев, даяков, яванцев. Еще более высокие указатели (82—84) имеют алеуты, чукчи (частично), орочи, гольды, корейцы, южные китайцы, тибетцы (восточные и южные). Самые высокие глазницы (М > 84) отмечены у эскимосов, чукчей, бурят, китайцев Маньчжурии и Фуцзяни. В общем создается впечатление, что среди восточноазиатских рас наиболее гипсиконхные варианты концентрируются вдоль берегов Тихого океана, особенно в его северной части (эскимосы, чукчи).

Носовой указатель давно считается одним из самых важных признаков для разграничения северо- и южноазиатских рас (карта 17). Наши материалы полностью подтверждают это положение. Контраст между северными, относительно узконосыми (М < 50), и южными, относительно широконосыми (М > 50), сериями выступает вполне ясно. Дальневосточные группы (в том числе и китайцы) примыкают в данном случае к первым.

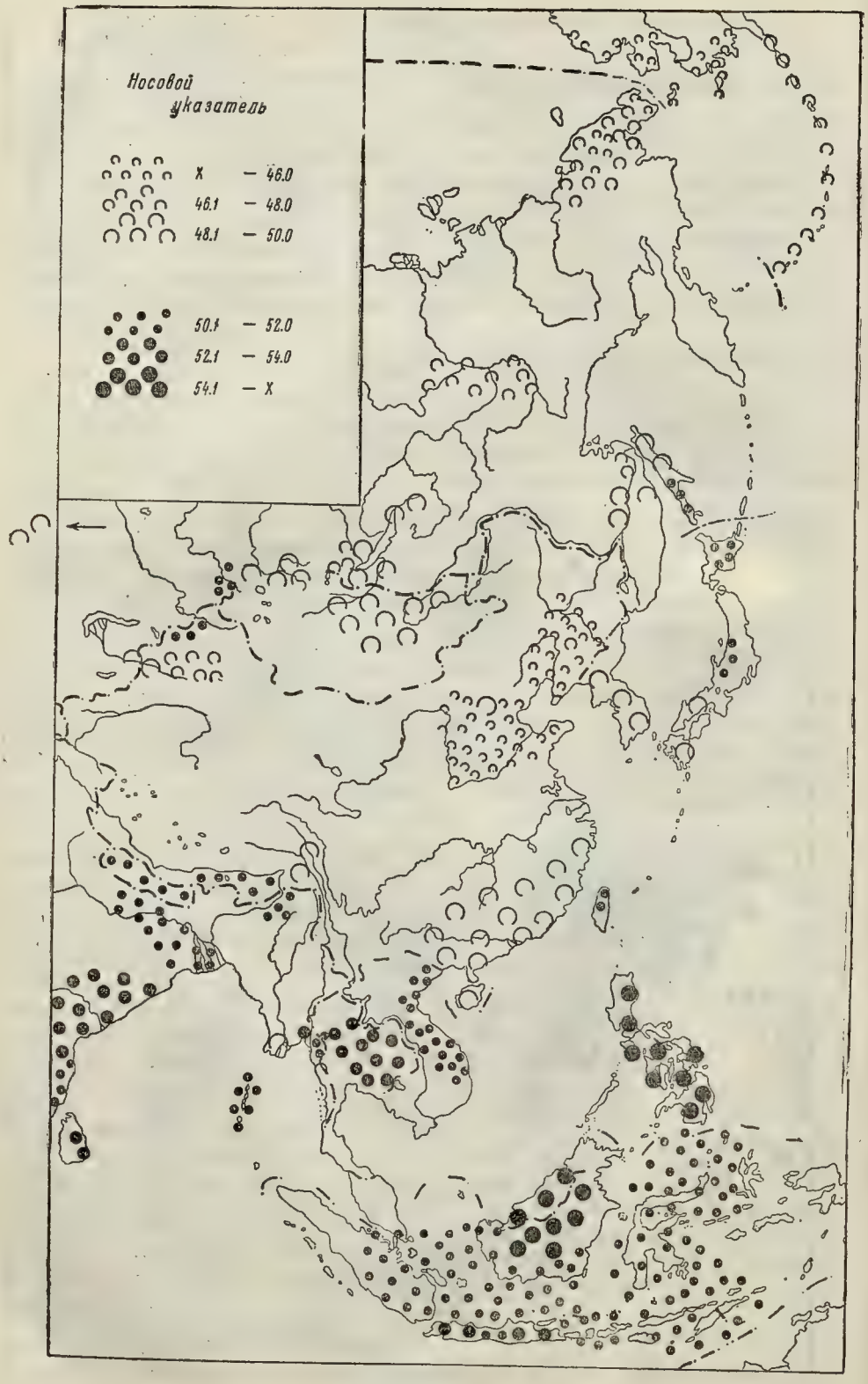
Отчетливо выделяются два центра резкой лепторинии (М < 46): аляско-чукотский (непосредственно связанный с гренландским) и северокитайский. К эскимосам и северным китайцам по носовому индексу близки алеуты, якуты, ульчи, отдельные группы бурят, а также бирманцы типа «С» (46—48). Несколько более широконосы (48—50) остальные сибирские и центральноазиатские серии (эвенки, буряты, монголы, тувинцы и др.), корейцы, японцы Окаяма и Кюсю, южные китайцы и тибетцы Кама. Категория, переходная к хамэринии (50—52), представлена в Восточной Азии торгоутами, теленгетами, айнами, китайцами Формозы, аннамитами, малайцами, бирманцами, нага, южными тибетцами, непальцами, индусами и андаманцами. Еще более широконосы (52—54) яванцы, тай, бирманцы типа «А», дравиды и ведды. Максимальная хамэриния (М > 54) характерна для аэта, тагалов и даяков.

По симотическому указателю наиболее глубокая разграничительная линия проходит, как и по верхнему углу горизонтального профиля, между индийскими и всеми остальными группами нашей карты 18. Максимальные средние индексы (М > 43), свидетельствующие о значительном выступании носовых костей, характерны для пенджабцев, индусов, дравидов, сингалезов и веддов. Вне Индии к этой же категории относятся только бирманцы типов «В» и «С», связанные с западными бирманами, как мы видели, также по целому ряду других расодиагностических признаков. Серий с указателями 40—43 в Восточной Азии почти нет. Единственными представителями этой рубрики являются дунгане на западных рубежах Китая. Таким образом, между народами Индии и их соседями на востоке и северо-востоке по поперечному индексу носовых костей существует резкий разрыв, который лишний раз подчеркивает проходящую здесь расовую границу огромного систематического значения. Распределение средних указателей к востоку от этой границы очень пестро и не дает возможности говорить о существовании каких-либо географически локализованных вариантов второго порядка. Минимальные групповые величины, например, отмечены в таких удаленных друг от друга сериях, как эвенки, китайцы Монголии, восточные малайцы, андаманцы и никобарцы.

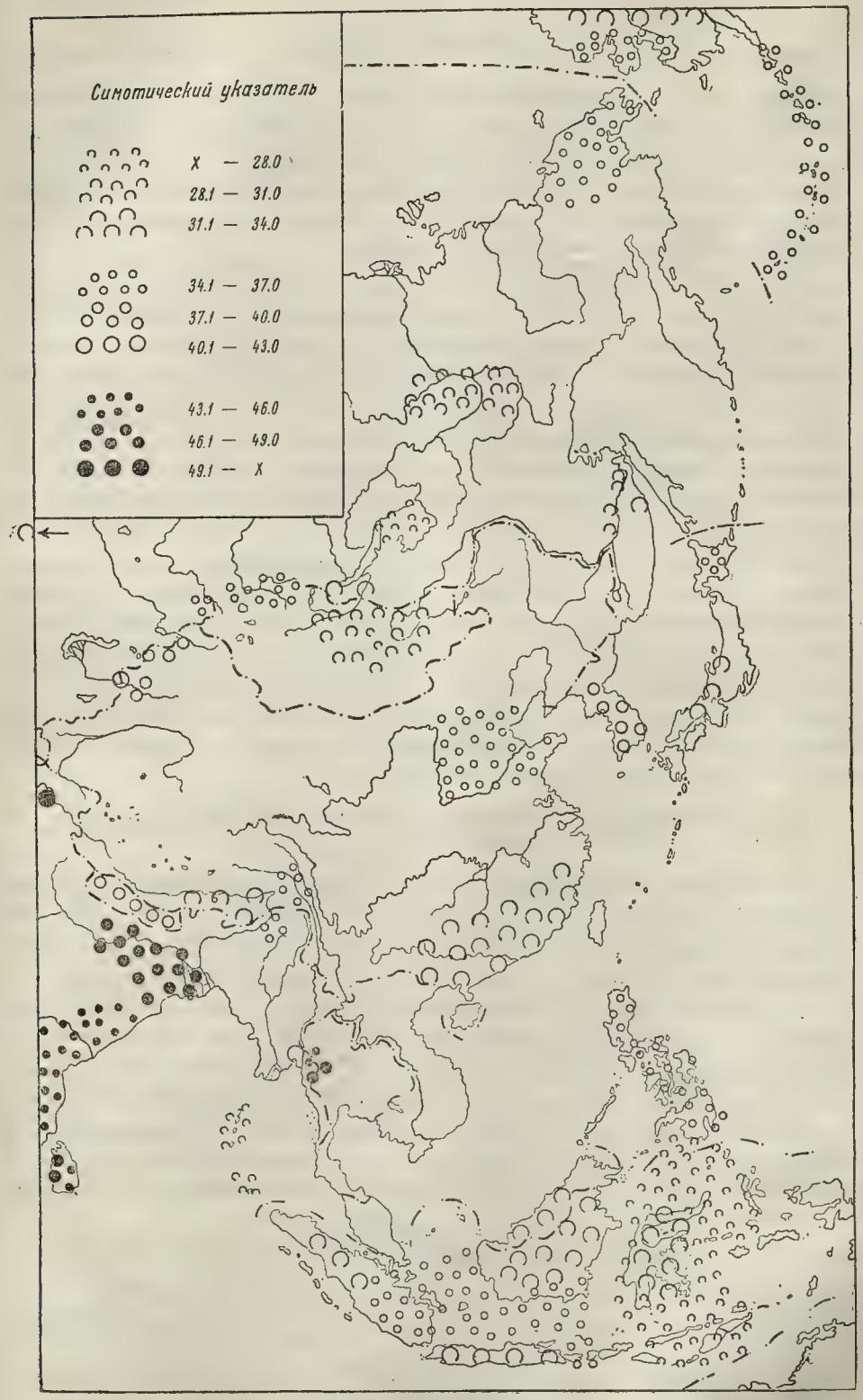
Последний признак, выбранный для расового анализа восточноазиатских краниологических серий, — угол носовых костей (карта 19). Максимальное выступание носа в пределах нашего материала



Карта 16



Карта 17


Симотический указатель
X — 28.0
28.1 — 31.0
31.1 — 34.0
34.1 — 37.0
37.1 — 40.0
40.1 — 43.0
43.1 — 46.0
46.1 — 49.0
49.1 — X

Карта 18

наблюдается у индусов, тамилов и японцев Кинаи ($M > 26°$). Если не принимать во внимание последнюю серию, занимающую обособленное положение среди соседей, то необходимо констатировать и по данной особенности резкое отличие немонголоидных типов Индии от других расовых вариантов восточной половины Азии. Интересно отметить, что у веддов носовые кости выступают меньше, чем у индусов или тамилов (22—24°); то же относится и к бирманцам типа «С».

За пределами Индии серии с более сильно выступающим носом (16—26°) сосредоточены в северных и умеренных высотах, со слабо выступающим ($M < 16°$) — в южных. Исключением являются только ульчи, гольды и японцы Хокурику, попадающие во вторую категорию вместе с народами Индонезии, Ассама и южного Тибета. Относительно велик угол носовых костей у алеутов, азиатских эскимосов, береговых чукчей на северо-востоке и у казахов на западе (24—26°). К этим сериям примыкают остальные чукчи и теленгеты (22—24°). Создается впечатление о существовании двух очагов повышенных углов: западного, вероятно связанного с немонголоидными влияниями со стороны Средней Азии, и северо-восточного (алеутско-чукотского), который, быть может, следует рассматривать как мост, ведущий к американским расам [1].

От Чукотского полуострова до Алтая и Казахстана тянется широкая полоса, на которой сосредоточены краниологические серии со средним углом носовых костей в 16—22° (якуты, эвенки, буряты, монголы, тувинцы, торгоуты и др.). Те же величины характерны для многих групп Дальнего Востока (айны, ороки, орочи, корейцы, китайцы). На Филиппинских островах к той же категории относятся аэта, а в области Гималаев — тибетцы Кама и непальцы. Очень слабым выступанием носа ($M < 16°$) отличаются ульчи, гольды, некоторые группы японцев (см. выше), тагалы, малайцы, яванцы, нага и южные тибетцы [2].

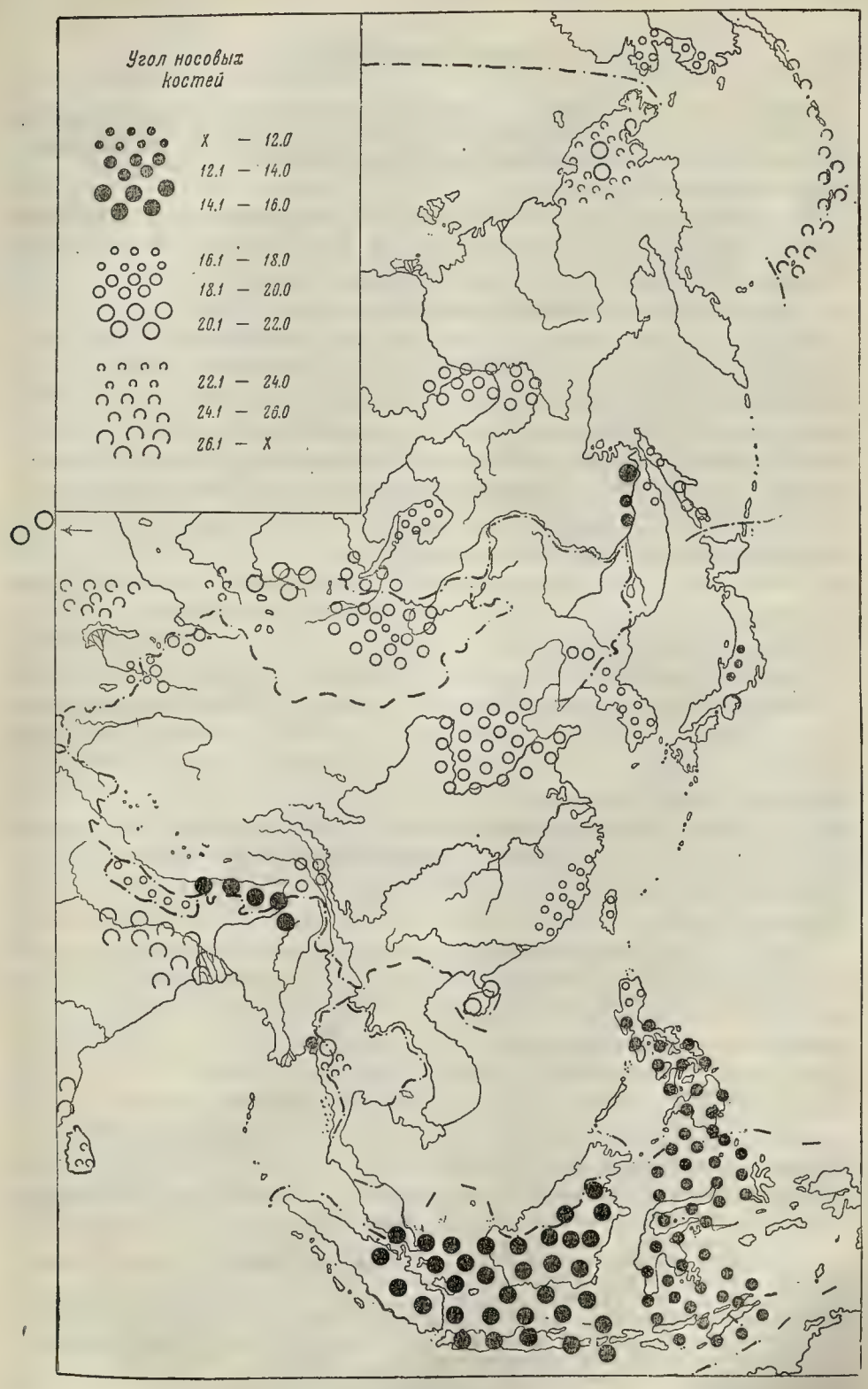
5. КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ РАСОВЫХ ТИПОВ

Из анализа географических вариаций основных расодиагностических признаков черепных серий Восточной Азии с полной очевидностью следует, что подавляющее большинство этих серий обладает целым рядом общих особенностей высокой таксономической ценности. Такими особенностями являются крупные или средние абсолютные размеры лица, значительное уплощение его горизонтального профиля, относительно высокие глазницы округлых очертаний, слабое выступание носа, небольшая величина симотического указателя. Перечисленные признаки в той или иной степени характерны для всех краниологических серий, помещенных на наших картах и в таблицах, кроме групп Индии, андаманцев и айнов. Сочетание плоского лица, округлых глазниц и слабо выступающего носа позволяет диагностировать принадлежность к обширной системе восточноевразийских рас не только любой группы черепов, но и каждого отдельного

---

[1] Вариации угла носовых костей у американских индейцев совершенно не изучены. Единичные индейские черепа, хранящиеся в Музее антропологии МГУ в Москве и в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде, происходящие, главным образом, из Южной Америки, имеют угол, близкий к найденному у чукчей и алеутов (25—27°). Можно предполагать, что носовые кости у американцев выступают сильнее, чем у азиатских монголоидов, хотя и слабее, чем у расовых типов Западной Евразии.

[2] Понижение угла в южных и дальневосточных сериях частично может быть объяснено тенденцией к прогнатизму, вследствие которой естественно уменьшается разность между углами, образованными франкфуртской горизонталью и двумя линиями, которые идут от назиона к ринниону и простиону.


Угол носовых костей
X — 12.0
12.1 — 14.0
14.1 — 16.0
16.1 — 18.0
18.1 — 20.0
20.1 — 22.0
22.1 — 24.0
24.1 — 26.0
26.1 — X

Карта 19

изучаемого объекта. Особо рельефно выступают общие черты основного ядра антропологических типов Восточной Азии при их сопоставлении с разными формами юго-западной части Старого Света, в частности с расовариантами Индии (табл. 7).

По скуловому диаметру, высоте лица, верхнему углу горизонтальной профилировки и симотическому указателю индийские серии настолько резко отличаются от центральноазиатских, сибирских, дальневосточных и индонезийских, что существование одной из главнейших демаркационных линий расовой диференциации человечества в области Гималайского горного узла, многократно отмечавшееся в антропологической литературе, не требует дальнейших доказательств. Не приходится сомневаться и в принадлежности главной массы населения Восточной Азии — от Ледовитого океана до Явы и от Синьцзяна до Берингова моря — к одной крупной группе рас, которая вполне заслуживает самостоятельного места в классификации основных разновидностей современного человечества в качестве систематической единицы высшего порядка. Таким образом положительно решается вопрос о реальности «желтой», ксантодермной, азиатской, или монголоидной большой расы — в том понимании, которое вкладывали в эти термины Кювье, Штрац или Ярхо. В дальнейшем изложении слова «монголоиды», «монголоидная», или «азиатская» большая раса, или (в латинской терминологии) Homo sapiens asiaticus мы всегда будем употреблять для общего обозначения плосколицых типов населения Восточной Азии, связанных единством географического ареала, основных морфологических особенностей и происхождения [1].

Выделением монголоидной большой расы задачи анализа антропологического состава населения Восточной Азии, конечно, далеко не исчерпываются. Непосредственный таксономический переход от категории «большой расы» к «расам второго порядка» в понимании Ярхо (например, северокитайской, центральноазиатской, корейско-маньчжурской и др.), как мы видим, невозможен, так как при этом выпадают из поля зрения разграничительные линии между основными историко-географическими комплексами диагностических признаков, состоящими из нескольких вторичных типов, но, в свою очередь, входящими в одну из главных разновидностей Homo sapiens.

Самый беглый взгляд на карты групповых вариаций ведущих расовых особенностей народов Восточной Азии убеждает нас, что внутри монголоидной большой расы намечается несколько подразновидностей, ясно локализованных географически и обособленных морфологически. Наиболее резок контраст между сериями Центральной Азии и Сибири, с одной стороны, Индо-Китая и Индонезии — с другой стороны. Различия захватывают здесь почти все основные разграничительные признаки и достигают в большинстве случаев больших абсолютных величин. Нередко наблюдается полный разрыв между амплитудами межгрупповых вариаций, характерных для северных и южных серий (табл. 7). У центральноазиатских и сибирских вариантов мозговая коробка крупная в горизонтальном сечении, но низкая, по высотным индексам хамэ-тапейнокранная. В Индо-Китае

[1] Некоторые видные антропологи термину «монголоидный» придают значение «сходный с монголами», «обладающий монгольскими расовыми признаками», т. е. употребляют его в чисто морфологическом описательном смысле, предпочитая называть ксантодермную большую расу (категорию генетическую) иначе («монголиды» Эйкштедта, азиатский расовый ствол последней, еще не опубликованной, классификации Дебеца). Вполне присоединяясь к мысли о построении исторической, эволюционно-генетической классификации человеческих рас, я не вижу необходимости замены прочно укоренившегося в советской антропологической литературе термина каким-либо новым.

и Индонезии она в горизонтальном сечении небольшая, высокая, гипсикрокранная. Лоб на севере обычно сильно или умеренно наклонный, на юге — почти прямой. Лицо в первой группе серий очень плоское, ортогнатное, широкое и высокое, во второй группе — умеренно плоское, мезогнатное, довольно узкое и низкое. Вертикальный краниофациальный указатель в Центральной Азии и Сибири всегда превосходит 55, в Индо-Китае и Индонезии он нигде не достигает 53. По носовому указателю северные серии — лепто- или мезорины, южные — в огромном большинстве случаев хамэрины. Угол носовых костей у первых средний, у вторых — исключительно малый.

Зона преобладания северных типов простирается от степей Нижнего Поволжья до Амура и от Ледовитого океана до пустыни Гоби. На картах и в сравнительных таблицах к этой зоне относятся калмыки, казахи, торгоуты, теленгеты, тувинцы, буряты, эвенки, монголы, ульчи, орочи, ороки и, наконец, алеуты, представляющие крайний восточный форпост распространения рассматриваемых форм.

Область господства южных вариантов охватывает юг Тибета, Ассам, Бирму, Таи, Индо-Китай и Индонезию. Сюда принадлежат юго-западные тибетцы типа «А» (частично), нага, бирманцы, таи, аннамиты, все малайцы, яванцы, даяки и тагалы (карта 20).

Монголоидность всех перечисленных серий без труда констатируется характерной комбинацией плоского лица, округлых орбит и слабо выступающего носа с уплощенным горизонтальным профилем носовых костей. В то же время не вызывает никаких морфологических или географических сомнений разбивка этих серий на две большие группы, которые по локализации можно назвать «северными» и «южными» монголоидами (в латинской терминологии Homo sapiens asiaticus septentrionalis и Homo sapiens asiaticus meridionalis).

Таким образом, оставаясь пока что в рамках краниологических материалов, удается выделить два основных направления диференциации монголоидной большой расы, две группы азиатских форм, которые хотя и отличаются некоторыми общими особенностями высокой таксономической ценности, но разнятся между собой настолько сильно, что принадлежность к той или иной из них может быть без особого труда определена не только на целых краниологических сериях, но и на отдельных черепах. Не боясь впасть в преувеличение, можно утверждать, что единичный монгольский череп почти так же легко отличить от малайского, как каждый из них от европейского или негрского.

Северные и южные монголоиды главные, но не единственные географические подразделения азиатской большой расы. В Восточной Азии и Полярной Америке немало монголоидных групп, которые нельзя отнести ни к одной из двух только что описанных ветвей.

К таким группам принадлежат в наших таблицах все китайцы, корейцы, дунгане и гольды (всего 20 серий). Для них характерна небольшая в горизонтальном сечении, но высокая гипсикранная мозговая коробка, слабо наклонный лоб, умеренно плоское, мезогнатное, высокое, но довольно узкое лицо, мезо- или гипсиконхные глазницы, лепто- или мезориния, умеренно слабое выступание носовых костей (табл. 7). По одним признакам эти дальневосточные серии близки к северным монголоидам, по другим — к южным, по третьим — занимают промежуточное положение между обеими формами. Первый вывод справедлив для высоты лица и носового указателя, второй — для основных осей и индексов мозговой коробки, формы лба, скулового диаметра, углов горизонтального и вертикального профиля, третий — для вертикального краниофациального указателя и

Таблица 7

Расы Восточной Азии и полярной Америки
(по краниологическим данным)

Обозначение признаков: По Мартину	Обозначение признаков: «Биометрика»	Расы / Признаки	Азиатская большая раса (монголоиды): I Сибирская раса (северные монголоиды)	II Арктическая раса (северо-восточные монголоиды)	III Дальневосточная раса (восточные монголоиды)	IV Юго-азиатская раса (южные монголоиды)	V Аинская раса (аинойды)	VI «Расы Индии»
1	L	Продольный диаметр	174.9—192.7 [14]	180.7—192.4 [12]	175.0—182.2 [19]	169.9—181.3 [13]	185.8—186.5 [3]	175.6—180.5 [5]
8	B	Поперечный диаметр	144.4—151.5 [14]	134.3—142.6 [12]	137.6—143.9 [19]	137.9—143.9 [13]	138.5—141.2 [3]	128.5—132.3 [5]
8:1	100B/L	Черепной указатель	75.4—85.9 [14]	69.8—79.0 [12]	76.9—81.5 [19]	76.9—83.3 [13]	74.5—76.0 [3]	72.0—75.1 [5]
17	H′	Высотный диаметр	127.1—132.4 [14]	132.9—141.1 [12]	135.3—140.2 [16]	134.4—137.8 [13]	135.1—139.5 [3]	131.5—136.3 [5]
17:1	100H′/L	Высотно-продольный указатель	67.4—73.5 [14]	72.6—75.2 [12]	74.3—80.1 [16]	76.5—79.5 [13]	72.6—75.2 [3]	73.4—76.2 [5]
17:8	100H′/B	Высотно-поперечный указатель	85.2—91.7 [14]	93.3—102.8 [12]	94.4—100.3 [16]	95.0—101.3 [13]	97.5—98.9 [3]	100.1—103.8 [5]
14	B′	Наименьший лобный диаметр	90.6—95.3 [13]	94.2—96.9 [7]	89.0—93.7 [16]	89.7—95.4 [13]	95.8—96.2 [2]	91.0—95.2 [5]
32	—	Угол наклона лба	77.3—85.1 [10]	77.0—79.0 [5]	83.3—86.9 [8]	84.2—87.0 [8]	81.4—81.4 [1]	84.2—87.6 [2]
45	J	Скуловой диаметр	138.2—141.0 [14]	137.9—144.8 [12]	131.3—136.0 [16]	131.5—136.3 [13]	137.1—140.4 [3]	124.3—127.8 [5]
48	G′H	Высота лица	72.1—77.6 [14]	74.0—79.4 [12]	70.2—76.6 [16]	66.1—71.5 [12]	69.8—72.8 [3]	61.3—66.4 [4]
48:17	100G′H/H′	Вертикальный краниофациальный указатель	55.8—59.2 [14]	53.0—58.4 [12]	52.0—54.9 [16]	48.0—52.5 [12]	50.1—53.5 [3]	46.3—49.7 [4]
48:45	100G′H/J	Лицевой указатель	51.4—55.0 [14]	51.3—56.6 [12]	51.7—56.8 [16]	49.9—53.3 [12]	50.6—52.3 [3]	49.2—53.3 [4]
77	—	Верхний угол горизонтальной профилировки	147.0—151.4 [9]	149.0—152.0 [3]	145.0—146.6 [6]	142.1—146.0 [9]	142.0—142.0 [1]	135.0—136.0 [3]
72	Prosth P<	Лицевой угол	85.3—88.1 [12]	80.5—86.3 [6]	80.6—86.4 [15]	81.1—84.2 [8]	82.0—82.2 [3]	83.5—84.3 [3]
52:51	$100O_2/O_1$	Орбитный указатель II	79.3—85.7 [13]	81.4—84.9 [5]	80.7—85.0 [12]	78.2—81.0 [8]	77.5—79.6 [3]	75.6—80.0 [5]
54:55	$100NB/NH^1$	Носовой указатель	45.0—50.7 [14]	42.6—47.6 [12]	45.2—50.2 [16]	50.3—55.5 [13]	50.7—51.9 [3]	50.6—52.9 [5]
—	100 S SC	Симотический указатель	26.9—38.5 [9]	34.7—42.5 [3]	31.0—35.0 [3]	26.1—36.1 [9]	36.6—36.6 [1]	43.1—46.7 [3]
75(1)	—	Угол носовых костей	16.1—26.0 [10]	14.8—24.7 [6]	13.7—19.1 [8]	12.0—16.1 [10]	19.2—19.2 [1]	22.3—26.5 [3]

ПОЯСНЕНИЕ К ТАБЛИЦЕ 7

Состав групповых серий

I. 1. Калмыки, 43 (Левин и Трофимова, 1936); 2. Калмыки, 55 (сводная, по Ву и Моранту, 1932); 3. Теленгеты, 44 (Дебец, 1931); 4. Тувинцы, 40 (Дебец, 1929); 5. Эвенки, 10 (Рогинский, 1934); 6. Буряты (сводная, по Ву и Моранту, 1932); 7. Буряты тункинские, 29 (Казанцев, 1934); 8. Торгоуты, 13 (Рейхер, 1913—1914); 9. Монголы, 113 (Грдличка, 1924); 10. Монголы, 55 (Чебоксаров, 1940); 11. Орочи, 9 (Левин, 1936); 12. «Ороки», 19 (Трофимова, 1932); 13. Алеуты, 35 (сводная по Ву и Моранту, 1932); 14. Алеуты, 32 (Токарева, 1937).

II. 1. Чукчи, 35 (Фридолин, 1904); 2. Чукчи, 11 (Монтандон, 1926); 3. Чукчи кочевые, 34 (Левин, 1941); 4. Чукчи оседлые, 8 (Левин, 1941); 5. Эскимосы азиатские, 11 (Левин, 1941); 6. Эскимосы о-ва св. Лаврентия, 158 (Грдличка, 1924); 7. Эскимосы Аляски, 27 (Грдличка, 1924); 8. Эскимосы Аляски, 7 (Левин, 1941); 9. Эскимосы «центральные», 10 (Грдличка, 1924); 10. Эскимосы «восточные», 12 (Монтандон, 1926); 11. Эскимосы Гренландии, 39 (Грдличка, 1924); 12. Эскимосы Гренландии, 18 (Гессли, 1916).

III. 1. Китайцы северные, 70 (Коганеи, 1902); 2. Китайцы северные, 13 (Рейхер, 1913—1914); 3. Китайцы Хэбэя и Шаньдуна, 21 (Чебоксаров, 1940); 4. Китайцы Бэйпина, 27 (Габерер, 1902); 5. Китайцы Бэйпина, 27 (Шульц, 1919); 6. Китайцы Бэйпина, 19 (Пакано, 1920); 7. Китайцы Бэйпина, 86 (Блэк, 1928); 8. Китайцы Фушуня, 76 (Сима, 1935); 9. Китайцы Дайрена, 20 (Хасебе, 1910—1911); 10. Китайцы Мукдена, 417 (Намба и Йосими, 1938); 11. Дунгане, 14 (Чебоксаров, 1940); 12. Китайцы южные, 120 (сводная, по Моранту, 1924); 13. Китайцы южные, 26 (Понятовский, 1909, и Климек, 1927); 14. Китайцы Фуцзяни, 36 (Гарровер, 1926); 15. Китайцы Формозы, 14 (Коганеи, 1902); 16. Китайцы Формозы, 49 (Уэда, 1931); 17. Корейцы, 165 (Уэда, 1931); 18. Корейцы, 178 (Сима, 1934); 19. Корейцы, 8 (Чебоксаров, 1940); 20. Гольды, 16 (Чебоксаров, 1940).

IV. 1. Бирманцы А, 45 (Тилдесли, 1921); 2. Нага, 16 (Китсон и Морант, 1933); 3. Сиамцы, 11 (сводная, по Моранту, 1924); 4. Аннамиты, 27 (сводная, по Моранту, 1924); 5. Малайцы, 78 (Шмидт, 19); 6. «Малайцы западные», 26 (Чебоксаров, 1940); 7. «Малайцы восточные», 32 (Чебоксаров, 1940); 8. Яванцы I, 55 (Бонин, 1931); 9. Яванцы II, 65 (Бонин, 1931); 10. Яванцы, 10 (Йокоо, 1931); 11. Даяки, 55 (Бонин, 1931); 12. Даяки, 12 (Йокоо, 1931); 13. Тагалы, 31 (Бонин, 1931).

V. 1. Айны Хоккайдо, 87 (Коганеи, 1893); 2. Айны Сахалина, 21 (Хираи, 1927); 3. Айны Сахалина, 43 (Трофимова, 1932).

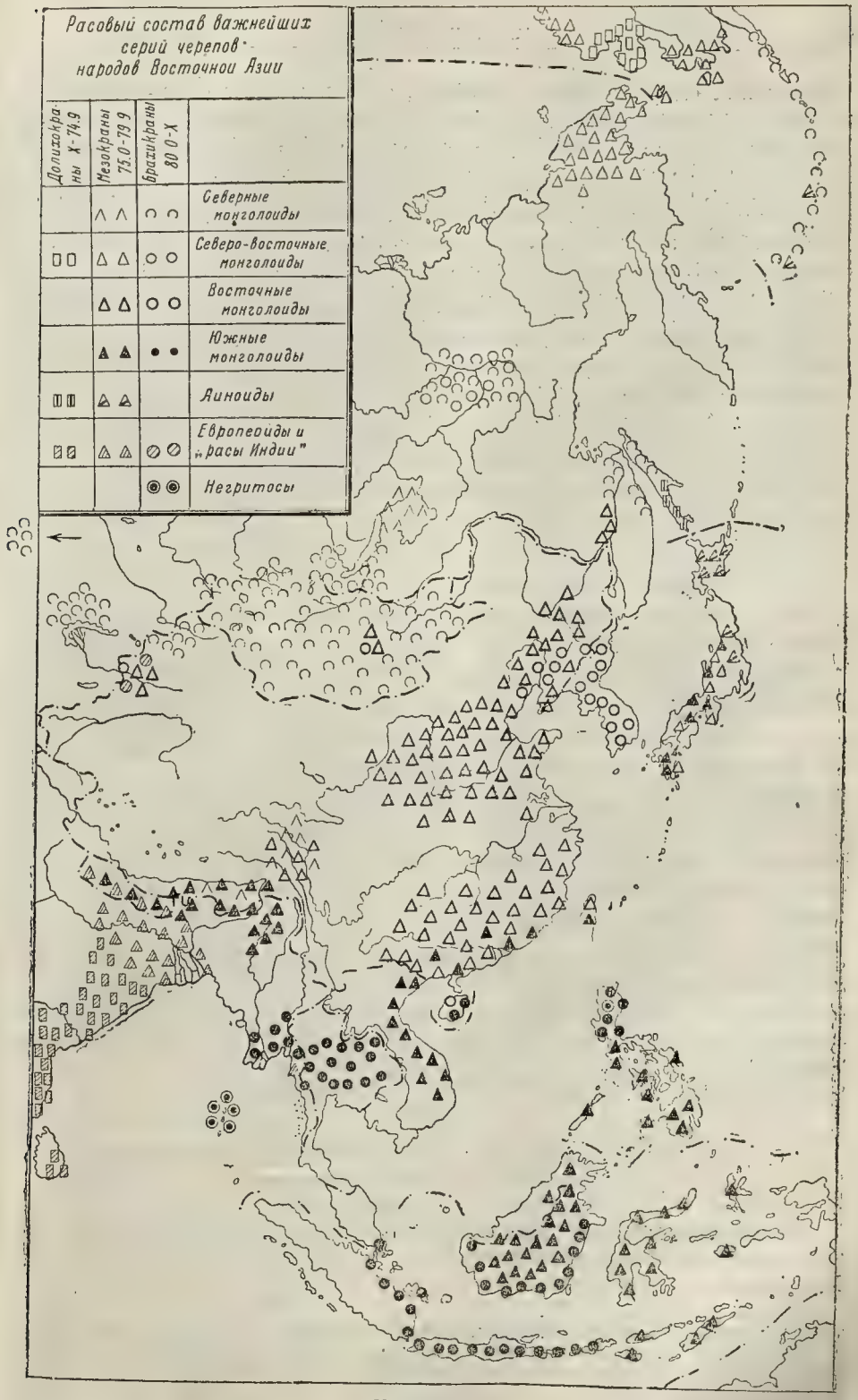
VI. 1. Индусы, 91 (сводная, по Ву и Моранту, 1932); 2. «Дравиды и кола», 32 (сводная, по Стессигер, 1927); 3. «Маравар», 38 (сводная, по Тилдесли, 1921); 4. Тамилы, 35 (Гарровер, 1926); 5. Ведды, 54 (сводная, по Ву и Моранту, 1932).

угла носовых костей. Итак, можно говорить еще об одной ветви азиатского расового ствола — «восточных монголоидах» (Homo sapiens asiaticus orientalis), распространенных в Китае, Маньчжурии, Корее, Приамурье, а частично и в Японии. Морфологически и географически восточные монголоиды бесспорно стоят ближе к южным, чем к северным вариантам азиатской большой расы, но все-таки отличаются от первых настолько резко, что заслуживают выделения в самостоятельную классификационную рубрику.

На крайнем северо-востоке азиатского материка и в соседних областях Полярной Америки от Аляски до Лабрадора и Гренландии сосредоточен ряд чукотских и эскимосских краниологических серий, занимающих по многим расодиагностическим признакам переходные положения между северными и восточными монголоидами. Для всех этих серий характерно сочетание абсолютно длинной, узкой или средне-широкой, высокой мозговой коробки, большей частью наклонного лба, очень плоского мезогнатного высокого и широкого лица, гипсиконхных глазниц, относительно чрезвычайно узкого, слабо или средне выступающего носа. Господствующие здесь формы по их географической локализации удобнее всего назвать северо-восточными монголоидами (для латинского обозначения можно предложить термин Homo sapiens asiaticus arcticus). По горизонтальным размерам черепа, строению лба, основным пропорциям лица, его резкой уплощенности, по углу носовых костей и симотическому указателю формы эти мало отличаются от сибирских и центральноазиатских вариантов монголоидного ствола, зато по значительному развитию вертикальной оси головы и связанной с этим акрокрании, а также по крайней лепторинии и заметной тенденции к прогнатизму они обнаруживают специфическое сходство с дальневосточными типами. Не решая пока вопроса о генетических связях этих своеобразных «эскимоидных» вариантов, можно рассматривать их в качестве особой систематической единицы внутри азиатской большой расы.

Наш обзор основных рас Восточной Азии будет неполным, если мы хотя бы кратко не коснемся вопроса об айнах. Конечно, причислить их к монголоидам невозможно: слишком велики общеизвестные различия в форме волос, развитии третичного волосяного покрова, окраске кожи, строении носа и т. д. Однако различия эти относятся главным образом к тем признакам, изучение которых на черепах неосуществимо. Краниологическое разграничение айнов и соседних с ними монголоидов оказывается далеко не простым делом. По многим очень существенным диагностическим признакам айнские черепные серии вполне укладываются в амплитуду групповых вариаций азиатской большой расы. Положение это справедливо, например, для таких важных особенностей, как скуловой диаметр, высота лица, лицевой угол, носовой и симотический указатель, угол носовых костей (табл. 7). По степени уплощенности лицевого скелета айны стоят, повидимому, на нижней границе изменчивости, характерной для монголоидов (верхний угол горизонтального профиля равен 142°). Из 18 разграничительных признаков, которые мы положили в основу расового анализа, только один орбитный индекс может служить более или менее надежным критерием для проведения демаркационной линии между айнами и другими восточноазиатскими сериями в целом [1].

[1] Вряд ли такое, на первый взгляд странное, заключение следует отнести всецело за счет неудачного выбора разграничительных критериев, среди которых фигурируют признаки высокой таксономической ценности и исключительной чувствительности (углы горизонтальной профилировки лица и носовых костей, симотический указатель и др.). Очевидно, между айнами и соседними монголоидами сущест-


Расовый состав важнейших серий черепов народов Восточной Азии
Долихокраны X-74.9
Мезокраны 75.0-79.9
Брахикраны 80.0-X
Северные монголоиды
Северо-восточные монголоиды
Восточные монголоиды
Южные монголоиды
Айноиды
Европеоиды и „расы Индии"
Негритосы

Карта 20

Картина, однако, резко изменится, если мы будем сравнивать айнов не со всеми монголоидами, а с отдельными их группами. От северных вариантов азиатской большой расы айны, например, резко отличаются пропорциями лица, меньшим углом горизонтального профиля, тенденцией к прогнатизму, низкими орбитами, относительной широконосостью. По двум последним признакам (а также по высоте лица) они легко диференцируются и от восточных монголоидов. Приходится, таким образом, констатировать лишний раз давно отмеченные в антропологической литературе южные расовые связи айнов. Краниологические материалы заставляют предполагать, что связи эти ведут не только к немонголоидным типам Австронезии, но и к южным вариантам монголоидного круга форм. В наших таблицах и на картах айнские серии помещены под условным названием «айноидов», в качестве особой группы, не входящей в состав азиатской большой расы.

Такой же условной группой являются, конечно, и «расы Индии» (табл. 7 и карта 20). Расовая смешанность населения этой страны давно известна, и в нашу задачу не входит анализ вопросов, связанных с ее этнической антропологией. В рамках настоящей статьи необходимо только еще раз подчеркнуть, что различие между всеми индийскими расами и остальными компонентами восточноазиатских народов (в том числе и айнов) гораздо глубже, чем между отдельными группами монголоидов. Для краниологических серий, происходящих из Индии и Цейлона, характерны (в отличие от всех остальных серий Восточной Азии) небольшие размеры трех основных осей мозговой коробки, крайние степени акрокрании, исключительно малые величины скулового диаметра и высоты лица, небольшие углы горизонтального профиля, высокие цифры симотического индекса.

Кроме четырех групп монголоидов, айноидов и рас Индии на карте расового состава важнейших серий черепов народов Восточной Азии (карта 20) фигурируют еще негритосы. Негритосские элементы — темнокожие и курчавоволосые — отмечались, как известно, в составе различных народностей азиатского юго-востока и Индонезии (семангов, андаманцев, аэта и т. д.). Краниологическими данными мы располагаем только по двум последним группам. Андаманские черепа легко диференцируются не только от всех монголоидов, но и от рас Индии исключительно малыми величинами абсолютных размеров мозговой коробки и лица. Верхний угол горизонтального профиля андаманцев такой же, как у айнов (142°), симотический индекс очень мал (табл. 6). Аэта краниологически сильно отличаются от андаманцев, но не обнаруживают никаких специфических особенностей, которые позволили бы выделить их из числа южномонголоидных форм (табл. 6). Возможно, что Бонин имел в своем распоряжении черепа, которые принадлежали какой-нибудь этнической группе, сильно смешанной с окружающим тагальским населением.

6. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ РАС

Восемнадцать диагностических признаков, положенных мною в основу расового анализа, естественно, не обнимают всех характерных особенностей выделенных монголоидных (и других) рас. Остались не учтенными

вуют реальные расогонические связи. Это тем более вероятно, что по тем же углам горизонтального профиля и носовых костей или по симотическому индексу айны без всякого труда диференцируются от всех немонголоидных расовых типов Океании или Западной Евразии (см. соответствующие данные в специальной работе Ву и Моранта, 1934, стр. 222—225).

описательные признаки, а также некоторые существенные абсолютные размеры, углы и индексы (например, носоосновной диаметр, указатель выступания лица, нижний угол горизонтального профиля). К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, которые позволили бы провести по этим признакам такой же анализ групповых вариаций, какой был проделан по основным разграничительным особенностям [1]. До известной степени восполнить образовавшийся пробел можно, сопоставив «типичные» серии черепов, которые заведомо принадлежат к выделенным восточноазиатским расам и были исследованы по одинаковой методике. Для северных монголоидов такой эталонной серией могут служить изученные мною монголы, для восточных — северные китайцы, для южных — малайцы, для северо-восточных — чукчи (по данным Левина), для айноидов — айны Сахалина (по данным Трофимовой). Сравнение этих серий по некоторым дополнительным признакам приведено в табл. 8.

По степени развития надбровья гиперморфные матуризованные монголы, чукчи и айны противостоят более гипоморфным, «ювенильным» северным китайцам и малайцам. Такое направление изменчивости согласуется с вышеописанными вариациями наклона лба и лишний раз подчеркивает, что североазиатские группы обладают более резко выраженным костным рельефом черепа, чем южноазиатские. Интересно, что айны по рассматриваемым особенностям (в отличие от большинства других) стоят к северным монголоидам ближе, чем к южным.

Средние величины нижнего угла горизонтального профиля лица свидетельствуют о резкой плосколицести монголов и чукчей. У северных китайцев и малайцев уплощенность лица не столь велика [2]. Различия идут в том же направлении, что и по аналогичному верхнему углу, но по абсолютному размаху оказываются гораздо бо́льшими.

Глубина собачьей ямки (fossa canina) наиболее значительна у чукчей. К ним близки китайцы и монголы. У малайцев и особенно у айнов средние баллы заметно ниже. Очень возможно, что намечающиеся различия имеют бо́льшое расодиагностическое значение, указывая на связь айнов и малайцев с расами Австронезии, для которых характерно слабое развитие fossa canina.

По альвеолярному углу монголы, северные китайцы и чукчи мало отличаются друг от друга (76—78°), айны и малайцы оказываются более прогнатными (72—73°). Характер вариаций, как видим, не вполне совпадает с изменчивостью общего лицевого угла, по которому более ортогнатные северные монголоиды противопоставляются мезогнатным восточным, северо-восточным и южным, а также айноидам. Несовпадение это, вероятно, зависит от того, что некоторая тенденция к тотальному прогнатизму свойственна всем расам крайнего Востока Азии, от эскимосов до индонезийцев, в то время как альвеолярный прогнатизм наиболее резко проявляется только среди южных их вариантов (в данном случае среди айнов и малайцев).

Указатель высоты переносья (дакриальный) минимален у монголов, у северных китайцев он немного выше, у малайцев — еще выше, у чукчей достигает максимума (в пределах сопоставляемых серий). Статистически различия между монголами и малайцами вероятны (вероятность разницы средних $P_д = 0.991$), между монголами и чукчами — близки к достоверным ($P_д > 0.999$). Характер изменчивости с расодиагностической точки зрения чрезвычайно интересен. Низкие сред-

[1] Главная причина этого недостатка — почти полное игнорирование зарубежными антропологами описательных и отдельных измерительных признаков.

[2] Об айнах данных нет.

Таблица 8

Типичные серии

Серии / Авторы / Признаки	Монголы	Чукчи	Китайцы	Малайцы	Айны
	Чебоксаров	Левин	Чебоксаров	Чебоксаров	Трофимова
Продольный диаметр	184.5 (54)	182.5 (34)	178.7 (38)	173.0 (58)	186.5 (43)
Поперечный диаметр	151.5 (54)	139.0 (34)	139.1 (38)	140.5 (58)	138.5 (43)
Черепной указатель	82.0 (54)	76.3 (34)	77.9 (38)	81.4 (58)	74.5 (43)
Высотный диаметр	131.5 (54)	135.5	136.4 (36)	135.5 (58)	135.1 (41)
Высотно-продольный указатель	71.4 (54)	74.6	76.5 (36)	78.4 (58)	72.6 (41)
Высотно-поперечный указатель	87.2 (54)	97.5	98.5 (36)	96.7 (58)	97.5 (41)
Наименьший лобный диаметр	96.0 (54)	94.5	93.1 (38)	92.0 (58)	95.8 (43)
Угол наклона лба	82.0 (54)	78.0	84.2 (38)	86.4 (58)	81.4 (39)
Надбровье (1—6)	2.50 (54)	2.97	2.00 (38)	2.16 (58)	2.50 (43)
Скуловой диаметр	143.4 (52)	137.9	131.4 (38)	132.2 (58)	137.1 (32)
Высота лица	75.8 (55)	77.8	73.6 (38)	66.7 (58)	71.9 (32)
Вертикальный краниофациальный указатель	57.7 (54)	57.2	53.9 (36)	49.2 (58)	53.2 (32)
Лицевой указатель	53.0 (52)	56.6	56.0 (38)	50.4 (58)	52.3 (28)
Верхний угол горизонтального профиля	147.0 (55)	150.1	145.8 (38)	142.9 (58)	142.0[1] (?)
Нижний угол горизонтального профиля	137.7 (55)	139.0	131.5 (37)	130.2 (58)	—
Собачья ямка (0—4)	1.71 (55)	2.03	1.79 (38)	1.67 (58)	1.40 (39)
Лицевой угол	86.1 (55)	82.1	85.0 (38)	81.9 (57)	82.1 (34)
Альвеолярный угол	78.4 (52)	76.3	78.0 (35)	72.1 (49)	73.0 (?)
Орбитный указатель II	80.9 (55)	84.9	82.1 (38)	80.2 (58)	77.5 (40)
Носовой указатель	49.3 (55)	45.8	47.5 (38)	51.0 (58)	51.8 (40)
Указатель высоты переносья	37.6 (55)	43.1	39.2 (37)	40.8 (55)	—
Симотический указатель	30.6 (55)	34.7	33.5 (37)	30.4 (54)	36.6[1] (?)
Нижний край грушевидного отверстия: % антропинных	50.9 (55)	23.4	48.7 (37)	27.6 (58)	39.6 (41)
Носовой шип (1—5)	1.78 (55)	1.91	1.81 (37)	1.85 (54)	1.90 (32)
Угол носовых костей	19.2	20.1	18.4	14.8	19.2
[1] По Вуи Моранту. 1934.	(46)		(32)	(55)	(33)

ние индексы у монголов бесспорно связаны с характерным для них пониженным «расплывчатым» переносьем, обычно сочетающимся с сильным развитием монголоидных особенностей глаза — эпикантуса и складки верхнего века. Аналогичную комбинацию встречаем и у северных китайцев, хотя «расплывчатость» здесь выражена не столь резко. У малайцев монголоидные черты строения корня носа, очевидно, несколько ослаблены. Что касается чукчей, то у них резкая плосколицесть комбинируется со сравнительно хорошо моделированным переносьем. Такое сочетание типично, как известно, для многих расовых типов Америки, являясь одним из самых существенных элементов своеобразного «американоидного» облика лица. Если вспомнить, что у чукчей сравнительно велик угол носовых костей, то значение вариаций дакриального указателя выступит еще более выпукло. Напомним также, что у алеутов средняя этого индекса еще выше, чем у чукчей.

По строению нижнего края грушевидного отверстия монголы почти не отличаются от северных китайцев: в обеих сериях процент антропинных форм близок к 50. У айнов он заметно снижается, у малайцев и чукчей падает еще больше. Диагностическое значение этих вариаций, однако, сомнительно, так как среди других южно- и северномонголоидных групп встречаются серии с очень различными процентами антропинных типов (табл. 2). Возможно, что здесь играет некоторую роль и субъективность оценки довольно частых «промежуточных» форм строения.

По степени развития носового шипа (spina nasalis anterior) существенных различий между сравниваемыми сериями повидимому нет. Только у чукчей (а также у их соседей — азиатских эскимосов) он выступает более значительно, что, быть может, связано с упомянутыми «американоидными» чертами их лицевого скелета.

Таким образом, сопоставление «типичных» серий по дополнительным краниологическим признакам подкрепляет наши выводы о реальном существовании в Восточной Азии пяти характерных географических комбинаций расовых признаков — айноидной и четырех монголоидных: северной, северо-восточной, восточной и южной. По своему таксономическому рангу комбинации эти более или менее соответствуют элементарным видам Джуфрида-Руджери или большим расам Бунака. Тем самым реальность систематических категорий, выделяемых названными авторами, находит себе опору в новейших краниологических материалах. Однако из практических, главным образом «номенклатурных», соображений я предпочитаю называть выделенные основные географические подразновидности населения Восточной Азии не «большими расами», но просто «расами», сохранив первый термин для обозначения внутривидовых таксономических категорий еще более высокого порядка (например, монголоидов в целом). Удобство такой номенклатуры состоит прежде всего в том, что отпадает необходимость искать для наименования всех азиатских рас с монголоидными чертами искусственных, а подчас и неуклюжих выражений, вроде «круг форм», «пучок рас» и т. д. Кроме того, слово «раса» целесообразно применять именно к основным ареальным подразделениям вида (какими являются наши северные или южные монголоиды), называя группы этих подразделений большими расами, а более дробные второстепенные формы — подрасами или локальными типами. Не все расы обязательно должны входить в состав больших рас: среди них могут быть и такие, которые занимают промежуточное или переходное положение между главными разновидностями человечества, не включаясь ни в одну из них.

Рассматривая выделенные группы монголоидов в качестве основных рас Азии, их можно назвать также североазиатской (H. s. asiaticus septentrionalis), арктической (H. s. asiaticus arcticus), восточноазиатской или дальневосточной (H. s. asiaticus orientalis) и южноазиатской (H. s. asiaticus meridionalis).

7. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ И СМЕШАННЫЕ СЕРИИ

Далеко не все краниологические серии наших таблиц и карт могут быть безоговорочно включены в состав выделенных основных рас: многие из них занимают промежуточное положение, совмещая особенности различных монголоидных, а иногда и немонголоидных подразновидностей. Такие серии естественно представляют большой расоведческий интерес, и поэтому на них мы должны остановиться несколько подробнее.

В восточной Сибири некоторые промежуточные (между северными и северо-восточными монголоидами) особенности выступают среди якутов, которые по большинству основных диагностических признаков примыкают к другим сибирским и центральноазиатским сериям, но по абсолютной величине высотного диаметра и по соответствующим указателям (высотно-продольному и высотно-поперечному) стоят ближе к чукчам или эскимосам. Эта тенденция к гипси- и акрокрании, очень необычная среди северных монголоидов, проще всего может быть объяснена примесью северо-восточных элементов. Географически якуты, очевидно, расположены между очагами концентрации североазиатской и арктической рас. Для этнической антропологии Восточной Азии расовая смешанность якутов представляет огромный интерес, так как открывает новые пути понимания этногенеза не только этой народности, но и других групп населения Сибири и Дальнего Востока [1].

К якутам по вертикальным пропорциям мозговой коробки очень близки аларские буряты, исследованные Казанцевым. Малочисленность серии не позволяет решить, имеем ли мы здесь дело со случайным уклонением от северомонголоидного «стандарта» или же влияние восточноарктических форм сказывается и в этом случае (табл. 2).

Из краниологических серий советского Дальнего Востока своеобразное положение занимают черепа гольдов. В то время как соседние группы (ульчи, орочи и ороки) обладают всеми характерными особенностями северных монголоидов, гольды сильно отличаются от них, обнаруживая настолько большое сходство с китайцами и корейцами, что без всякой натяжки могут быть включены в состав дальневосточной расы (табл. 3). Однако внутри этой расы гольды по многим признакам занимают положение на той границе межгрупповой амплитуды, которая обращена в сторону северных монголоидов (см. в табл. 3 данные о высотном диаметре, высотно-

[1] А. Н. Юзефович на основании внутригруппового анализа выделил среди якутов два расовых типа, один из которых очень близок к типу байкальских эвенков Рогинского, другой же «характеризуется, если и не европеоидными чертами, то, во всяком случае, сильным ослаблением монголоидности». Правильно связывая первый тип с палеосибирской расой (т. е. с северными монголоидами), А. Н. Юзефович оставил открытым вопрос о происхождении второго. Между тем цифры, приведенные в его статье, прямо указывают на «эскимоидность» этого компонента, для которого характерны мезокрания, большая абсолютная и относительная высота черепа, чрезвычайно высокое и широкое плоское лицо, резкая лепториния, слабое развитие «собачьей ямки», большое количество подносовых ямок и т. д. Таким образом, материалы А. Н. Юзефовича прекрасно согласуются с нашими выводами (А. Н. Юзефович. Два типа якутских черепов. Антропологический журнал, № 2, 1937, стр. 73 и 69, табл. 3).

продольном и высотно-поперечном указателе, верхнем угле горизонтального профиля лица, скуловой ширине). Очевидно Приамурье является областью стыка и взаимодействия различных вариантов североазиатской и дальневосточной рас.

Некоторые указания на смешанность могут быть получены при изучении японских черепов. По большинству основных диагностических признаков черепа эти (как и гольдские) относятся к восточным монголоидам (табл. 3) и мало отличаются от северокитайских. Однако высота лица японцев меньше, чем у других представителей дальневосточной расы, вертикальный краниофациальный индекс в связи с этим ниже, верхний угол горизонтальной профилировки острее, орбитный указатель меньше, носовой, напротив, больше. Все эти сдвиги связывают японцев с южными монголоидами и отчасти с айнами (форма глазниц). Хорошо известные факты получают таким образом новое подкрепление в наших материалах.

Исключительный интерес для этнической антропологии Восточной Азии представляют черепа тибетцев Кама (тип «В» Моранта). Характерные особенности северных и восточных монголоидов переплетены здесь настолько мозаично, что включение рассматриваемой серии в какую-либо из основных рас оказывается крайне трудным. Горизонтальные размеры мозговой коробки восточных тибетцев довольно значительны, по длиннику во всяком случае больше, чем у китайцев, корейцев или японцев; зато высотный диаметр меньше, чем у дальневосточных групп (хотя и больше, чем у северных монголоидов). По наклону лба и вертикальному краниофациальному индексу эти черепа мало отличаются от североазиатских, тогда как по углам горизонтального и вертикального профиля лица они выпадают из амплитуды межгрупповых вариаций северных монголоидов, сближаясь с восточно- и южноазиатскими формами. Скуловой диаметр камских тибетцев в сравнении с их южными и восточными соседями очень велик, почти достигая величин, характерных для центральноазиатских и сибирских серий. Нет ни малейшего сомнения, что перед нами морфологически промежуточная, хотя и очень своеобразная группа. Как антропологические, так и историко-географические соображения наводят на мысль об эволютивной переходности физического типа населения Кама, которое можно рассматривать как реальное связующее звено между северными и юго-восточными вариантами азиатской большой расы [1].

Территориально близкая к тибетцам серия непальских черепов, напротив, может служить примером метисной группы, состоящей из разнородных монголоидных и индийских компонентов. Влияние последних сказывается в резком сокращении обоих диаметров лица, в падении угла горизонтальной профилировки, в повышении дакриального и симотического индексов, в заметной тенденции в хамэконхии (табл. 5).

Вряд ли можно сомневаться в смешанном составе многих этнических групп юго-восточной Азии и Индонезии. Однако краниологические материалы, бывшие в моем распоряжении, заставляют предполагать, что смешанность эта не так велика, как обычно думают. Во всяком случае те народности, черепа которых были изучены Бонином, Иокоо, Морантом и другими цитированными авторами, не обнаруживают никаких краниологи-

[1] Давая предварительную оценку антропологическим особенностям восточных тибетцев, необходимо подчеркнуть, что данные краниологии не дают никаких оснований для вывода о присутствии здесь каких-либо немонголоидных включений. По всем основным разграничительным признакам черепа из Кама укладываются в амплитуду групповых вариаций азиатской большой группы рас, в то же время резко отличаясь от ближайших (географически) немонголоидных типов — различных рас Индии.

ческих особенностей, выпадающих из круга вариаций южноазиатской монголоидной расы. Не решая здесь вопроса о возможном метисном происхождении самой этой расы, приходится констатировать, что современное население Малайского архипелага и Индо-Китая в массе принадлежит к монголоидам. Расовые компоненты, входящие в состав других главных разновидностей человечества, анализом черепных серий почти не улавливаются (кроме негритосов) [1].

8. СОМАТОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ

В какой мере основные расы Восточной Азии, выделенные при анализе краниологических материалов, соответствуют крупнейшим географическим комплексам расовых признаков, которые могут быть установлены при изучении живых? Частичным ответом на этот вопрос может служить табл. 9, где я попытался сопоставить некоторые наиболее характерные южные и северные монголоидные группы друг с другом (и с северными китайцами). Северные монголоиды представлены в этой таблице калмыками (Чебоксаров, 1935), казахами Алтая (Ярхо, 1930), алтай-кижи, теленгатами (Ярхо, 1931), кемчикскими тувинцами (Ярхо, 1929), северобайкальскими эвенками и тункинскими бурятами (Рогинский, 1934). К южным вариантам H. s. asiaticus относятся туземцы острова Ниас, около Суматры, исследованные Клейвег де Цвааном (Kleiweg de Zwaan, 1914), баттаки Гагена (Hagen, 1898) и Фольца (W. Volz, 1900), кубу (Гаген, 1908; М. Фольц, 1908), яванцы (Гаген, 1890 и 1898), тенггерезы Явы по данным Кольбрюгге (Kohlbrügge, 1898), даяки Шелфорда (Shelford) и Ньёвенхюйса (Nieuwenhuis), описанные Гэддоном (1912), нфугао Филиппинских островов, изученные на месте Бартоном (Barton) и описанные им совместно с Рогинским (1939). Сомневаться в принадлежности всех перечисленных групп к азиатской большой расе не приходится, так как всем им свойственны такие характерные монголоидные особенности, как резкое преобладание прямых, часто тугих волос, слабое развитие третичного волосяного покрова, значительная уплощенность лица, нередкое появление эпикантуса, пониженное плоское переносье и т. д. [2]

---

[1] Обособленное положение среди краниологических серий Южной Азии занимают бирманские черепа типа «С», описанные Тилдесли (1921, стр. 176—260). В то время как основные группы бирманцев (Инсейн, типы «А» и «В») бесспорно принадлежат к южным монголоидам, черепа эти обнаруживают ряд особенностей, сближающих их с немонголоидными расами Индии (очень узкое лицо, сравнительно сильно выступающий нос, высокие дакриальный и симотический указатели). Указанные черты сочетаются у бирманцев «С» с крупной величиной высоты лица и резкой лепторинией (табл. 5). Наличие в Бирме немонголоидных форм западного происхождения, конечно, очень вероятно. Все же к данным Тилдесли надо подходить с большой осторожностью, так как сам тип «С» выделен морфологическим, а не географическим методом, число же черепов, которые к нему отнесены, крайне мало (всего 8 объектов).

[2] При пользовании табл. 9 необходимо учитывать, что методика определения большинства описательных и некоторых измерительных признаков не у всех исследователей была одинаковой. Особенно велики методические несоответствия могут быть в южномонголоидных группах, изученных в разное время учеными разных национальностей и антропологических школ. Я включил в таблицу только те признаки, по которым возможны хотя бы условные сопоставления. Предварительно пришлось проделать большую работу по ознакомлению с методическими приемами отдельных авторов, а также по сведению и суммированию цифровых данных, часто публикуемых в неудобном для сравнения виде. В процессе этой работы выяснилось, что некоторые группы (например, кубу Суматры), обычно не относимые к монголоидам, в действительности воспроизводят все особенности H. s. asiaticus лучше, чем многие другие бесспорно монголоидные серии.

Сосредоточенные в таблице данные не оставляют ни малейшего сомнения в том, что различия между северными и южными монголоидами очень резки, определенны и охватывают большое количество ведущих расодиагностических признаков.

По росту монголоиды Индонезии явно уступают сибирским и центральноазиатским группам; среди первых средняя длина тела только в редких случаях подымается выше 161 см, среди вторых она обычно превосходит эту величину. При всей невысокой таксономической ценности роста, как расового признака, указанные разницы не могут быть оставлены без внимания.

По форме волос существенных различий между северными и южными монголоидами, повидимому, нет, так как характерная для всех вариантов H. s. asiaticus тенденция к прямо- и туговолосости в той или иной степени выражена как среди народов Сибири и Центральной Азии, так и среди народов Индонезии (конечно, тех, в состав которых входят преимущественно монголоидные компоненты). Очень туговолосыми группами являются, например, с одной стороны, тувинцы, с другой — ифугао. Напротив, у байкальских эвенков и кубу процент тугих волос сравнительно невысок.

Сравнимых данных о развитии третичного волосяного покрова у северных и южных монголоидов в нашем распоряжении нет. Описательные характеристики и фотографии показывают, что во всех группах нашей таблицы рост бороды и волос на теле — слабый.

Окраска кожи принадлежит к числу признаков, по которым различия внутри монголоидного круга форм выступают наиболее резко: северные варианты бесспорно пигментированы гораздо слабее южных. Для тех случаев, когда цвет кожи определялся при помощи шкалы Лушана, глубина различий может быть хорошо иллюстрирована вычислением среднего балла окраски по способу Ярхо (1929 б).

Преобладающий цвет волос во всех монголоидных группах черный или черно-коричневый. Однако процент относительно «светлых» оттенков (N 5—7 по шкале Фишера) в северных сериях заметно выше, чем в южных.

Аналогичное заключение относится к окраске радужины. В Сибири и Центральной Азии темнокарие глаза встречаются только немного чаще светлокарих, смешанные оттенки также не составляют редкого исключения. В Индонезии преобладание темнокарих (иногда почти черных) типов выражено очень резко; светлокарих глаз здесь относительно мало, смешанных и светлых (голубых и серых) нет совсем.

Продольный диаметр сильно варьирует как среди северных, так и среди южных монголоидов. Все же у первых большие величины длинника встречаются заметно чаще, чем у вторых.

Поперечный диаметр дает еще более определенную картину: в северных сериях он никогда не спускается ниже 152 мм (в среднем), в южных — не поднимается выше 151 мм [1].

По головному указателю между сопоставляемыми основными ветвями монголоидного ствола различий, естественно, нет. Признак этот, как и всюду, может служить только для выделения более мелких расовых вариантов.

---

[1] Речь идет, конечно, только о сериях, помещенных в таблице. Указанная грань групповых вариаций поперечника головы (151—152 мм) не должна рассматриваться как абсолютная: она является лишь своего рода «узловой точкой» на кривой, отражающей общую тенденцию к увеличению широтных размеров черепа среди северных вариантов H. s. asiaticus.

Таблица 9

Северные и южные монголоиды

Признаки \ Группы и авторы	Западные калмыки (Чебоксаров)	Казахи Алтая (Ярхо)	Алтай-кижи (Ярхо)	Телеугеты (Ярхо)	Тувинцы (Ярхо)	Байкальские эвенки (Рогинский)	Тункинские буряты (Рогинский)	Северные киргизы (Чебоксаров)	Киасны (Клейнеге-Цвазн)	Баттаки (Гаген и Фольц)	Кубу (Гаген и Фольц)	Яванцы (Гаген)	Тенггерезы (Кольбрюгге)	Даяки (Шелфорд и Печенхуис)	Нфугао (Бартон и Рогинский)
Число исследованных	225	120	188	230	100	91	240	215	1298	66	31	70	120	68	109
Рост: см	161.9	163.0	161.6	162.9	160.5	162.5	164.0	165.3	154.7	160.0	158.6	161.4	160.4	156.7	157.9
Форма волос: тугие, %	33.0	—	75.8	76.4	95.4	—	—	91.6	—	—	52.6	—	—	—	100.0
Форма волос: прямые, %	84.8	—	94.3	84.0	100.0	60.3	—	99.5	99.1	84.3	—	—	93.4	92.4	100.0
Цвет кожи (по шкале Лушана): М (О—IV)	0.79	—	1.12	0.88	1.84	0.42	1.14	1.29	2.52	—	—	—	—	—	2.12
Цвет волос: черные (№ 27.4), %	83.1	96.7	94.0	85.8	95.7	71.2	85.3	99.5	97.3	100.0	95.0	100.0	100.0	—	100.0
Цвет волос: чернокоричневые (№ 5—7), %	16.9	3.3	6.0	14.2	4.3	28.8	14.7	0.5	2.7	0.0	5.0	0.0	0.0	—	0.0
Цвет глаз: темнокарие (№ 1—2), %	44.3	27.8	65.9	51.3	55.6	48.1	44.3	77.2	77.4	97.2	90.9	97.6	62.5	93.2	93.8
Цвет глаз: светлокарие (№ 3—4), %	43.8	26.8	17.6	22.6	24.8	37.7	32.2	21.9	22.5	2.8	9.1	2.4	37.5	6.8	6.2
Цвет глаз: смешанные и светлые, %	11.9	45.4	16.5	26.1	19.6	14.1	23.5	0.9	0.1	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
Продольный диаметр, мм	190.6	188.2	189.0	189.1	192.1	193.9	189.6	188.5	181.0	186.8	183.3	178.1	186.0	184.1	191.6

Поперечный диаметр, мм	153.5	160.7	159.9	159.2	155.5	152.1	161.2	151.4	146.1	150.0	146.9	151.1	148.0	141.9	144.2
Головной указатель	80.7	85.4	84.5	84.3	80.5	78.2	85.0	80.4	80.7	80.3	80.1	84.8	79.7	77.1	75.3
Высота лица (от переносья), мм	121.0	125.2	125.0	125.0	125.4	124.2	120.1	124.6	112.8	114.9	109.5	115.7	-	109.0	117.3
Скуловой диаметр, мм	145.8	151.4	151.6	148.7	147.7	147.2	151.2	143.4	138.0	140.9	134.6	140.6	139.1	136.2	136.4
Лицевой указатель	83.0	82.5	82.3	84.1	84.9	84.4	79.5	87.0	81.6	81.6	81.4	82.3	—	80.0	86.2
Уплощенное лицо, %	84.9	61.7	89.0	66.4	89.6	81.3	62.6	63.7	81.2	86.4	90.8	—	—	—	—
Общий прогнатизм, %	10.4	0.0	—	—	18.6	28.6	22.5	28.4	90.6	90.0	90.8	85.6	—	—	—
Эпикантус, %	48.6	15.5	49.1	47.9	47.0	64.9	83.2	71.6	14.7	30.8	48.4	51.7	—	24.6	24.2
Длина носа, мм	50.2	55.4	53.4	53.9	54.3	55.1	49.0	52.4	49.3	45.5	45.6	46.5	40.0	46.2	49.4
Ширина носа, мм	35.9	36.7	36.2	36.6	37.2	39.0	37.9	36.8	38.1	40.1	40.9	39.0	40.0	39.8	41.6
Носовой указатель	72.0	67.1	67.1	68.0	68.3	70.7	77.1	70.1	77.3	88.1	89.8	82.9	100.4	86.3	85.1
Плоское переносье, %	12.8	20.2	55.7	35.2	87.4	85.5	66.7	58.1	85.5	58.1	90.8	—	—	—	94.0
Спинка носа: вогнутая, %	9.6	15.1	17.5	10.8	18.5	42.8	39.0	15.4	12.1	59.1	81.8	29.0	14.5	60.0	41.5
Спинка носа: выпуклая, %	22.9	42.9	24.2	43.2	31.9	9.9	12.4	25.6	16.2	13.6	9.1	—	0.0	0.0	1.0
Утолщенные губы, %	29.1	13.2	10.7	13.6	16.5	29.7	30.7	38.1	77.7	72.8	63.7	69.2	—	—	—

Высота лица северных монголоидов гораздо больше, чем южных. Межгрупповые различия исключительно велики; наблюдается не только полное незахождение сериальных вариаций, но и значительный разрыв между ними.

По скуловому диаметру разницы не менее резки: в северных группах средняя ширина лица составляет 146—152 мм, в южных — 136—141 мм.

Лицевой указатель затушевывает вариации абсолютных размеров лица, так как корреляция между ними является положительной и внутри групп и в межгрупповом масштабе.

Данные о горизонтальной профилировке лица у южных монголоидов настолько скудны (при исследованиях на живых), что какие-либо определенные заключения в данном случае невозможны. Доля уплощенных лиц у некоторых народов Индонезии оказывается, во всяком случае, не меньше, чем в «типичных» монголоидных сериях Сибири.

Вертикальная профилировка лица у южных монголоидов гораздо сильнее, чем у северных. Процент ясно выраженных случаев прогнатизма среди первых составляет 85—90, среди вторых не поднимается выше 25 [1].

Эпикантус у монголоидов Индонезии встречается заметно реже, чем у представителей той же большой расы в Сибири и Центральной Азии. Если не принимать в расчет казахов Алтая, представляющих метаморфную группу, то различия выявятся очень резко.

Длина носа в северных группах несколько больше, чем в южных. По ширине носа наблюдаются обратные отношения.

Носовой указатель (в отличие от лицевого и головного) подчеркивает межгрупповые вариации носовых диаметров. Для северных монголоидов характерна тенденция к лепторинии, для южных — к хамэринии. Различия между обеими группировками значительны.

Описательные признаки носа южных монголоидов изучены очень слабо. Плоское переносье для них, повидимому, столь же характерно, как для типов Северной Азии. Вогнутые спинки носа на юге встречаются, возможно, несколько чаще, чем на севере. Выпуклые спинки обнаруживают скорее обратное распределение.

Из расовых признаков области рта сколько-нибудь сравнимые материалы мы имеем только о толщине губ. Среди северных монголоидов преобладают тонкие и средние губы, среди южных — толстые и даже вздутые.

Сводка данных о направлении различий между северными и южными монголоидами приведена в табл. 10. Из нее видно, что различия эти по многим важным расодиагностическим признакам настолько глубоки, что амплитуды групповых вариаций внутри обоих основных подразделений H. s. asiaticus не заходят друг за друга. Такое незахождение вариаций имеет место для процента смешанных и светлых глаз, для поперечного диаметра, высоты и ширины лица, прогнатизма, носового указателя, толщины губ, вероятно также для цвета кожи. На грани незахождения находится изменчивость окраски волос, эпикантуса, абсолютных размеров носа.

Северные китайцы по большинству основных диагностических признаков занимают промежуточное положение между северными и южными монголоидами, приближаясь то к тем, то к другим (табл. 9). Таким образом, данные исследований на живых вполне согласуются с краниологическими

[1] Возможно, что величина (но не направление) различий несколько преувеличена, так как исследователи южных монголоидов не вполне четко различали тотальный прогнатизм от альвеолярного.

Таблица 10

Межгрупповые вариации основных расовых признаков монголоидов

Признаки \ Группы	Условные «мировые» амплитуды	Межгрупповые вариации [1]	
		«Северные монголоиды»	«Южные монголоиды»
Рост	142—183	161—164	155—161
Прямые волосы, %	0—100	60—100	84—100
Цвет кожи: M(O—IV)	0.2—4.0	0.4—1.8	2.1—2.5
Черные волосы (№ 27,4), %	0—100	71—97	95—100
Смешанные и светлые глаза (№ 5—12), %	0—100	12—45	0—1
Продольный диаметр	174—199	188—194	178—192
Поперечный диаметр	135—162	152—161	142—151
Головной указатель	70—92	78—85	75—85
Высота лица (от переносья)	106—129	120—125	109—117
Скуловой диаметр	127—155	146—152	136—141
Лицевой указатель	75—95	80—85	80—86
Плоское лицо, %	0—100	62—90	81—91
Общий прогнатизм, %	0—100	0—29	86—91
Эпикантус, %	0—95	47—83 [2]	15—52
Длина носа (от переносья)	38—56	49—55	40—49
Ширина носа	32—45	36—39	38—42
Носовой указатель	56—105	67—77	77—100
Низкое переносье, %	0—100	12—87	58—94
Выпуклая спинка носа, %	0—70	10—43	0—14
Утолщенные губы, %	0—100	11—31	64—78

[1] По данным таблицы 9.
[2] Кроме казахов Алтая (Ярхо).

материалами, значительно дополняя их и позволяя уточнить разграничительные особенности, характерные для северноазиатской, южноазиатской и дальневосточной рас.

Соматологическими аналогиями мы можем закончить первую часть нашего исследования основных направлений расовой диференциации в Восточной Азии. Главные итоги этой части могут быть сведены к следующим положениям:

1. Основная масса аборигенного населения восточной половины азиатского материка (а также соседних островов и Полярной Америки) относится к собственно азиатской (или монголоидной) большой расе, которая является одной из главных разновидностей современного человечества, морфологически, генетически и географически четко отграниченной от других равнозначных ей разновидностей.

2. Внутри монголоидной большой расы намечается два ведущих направления расовой диференциации, захватывающих почти все решающие разграничительные признаки не только групп, но и отдельных индивидов и выявляющихся с огромной яркостью на обширных территориях к северу и югу от центральноазиатского пояса гор и засушливых областей.

3. У берегов Тихого океана эти два круга монголоидных форм (северный и южный) связываются гирляндой переходных типов, разбросанных от Чукотского полуострова до Индо-Китая и образующих в свою очередь две группы расовых вариантов: северо-восточную (арктическую) и восточную.

4. Таким образом, внутри монголоидов могут быть выделены четыре расы, географически ясно локализованные и морфологически своеобразные: северноазиатская, арктическая, дальневосточная и южноазиатская. Каждая из этих рас включает несколько расовариантов, соответствующих «типам второго порядка» классификации Ярхо.

5. Многочисленные промежуточные (метаморфные) группы Восточной Азии частично сложились в результате смешения указанных рас между собою или с другими (немонголоидными) формами (японцы, бирманцы, возможно — якуты), частично же являются реликтами недиференцированных исходных типов, свидетельствуя об общем происхождении всех монголоидов (тибетцы Кама, может быть гольды).

Дальнейшим этапом исследования должно быть раскрытие динамики выделенных типов не только в пространстве, но и во времени, т. е. анализ их истории на фоне этногенетических процессов, которые с глубокой древности развертывались на бескрайних пространствах Азии, крупнейшей части света и вероятной прародины человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Список сокращений

АЖ — Антропологический журнал; Антр. — Антропология, краткий курс, под ред. проф. В. В. Бунака, М., 1941; ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; КСИИМА — Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и Музея антропологии при Московском ордена Ленина Государственном университете им. М. В. Ломоносова за 1938—1939 г., М., 1941; РАЖ — Русский антропологический журнал; СА — Северная Азия; ТАО — Труды антропологического отдела; ТТКОПОРГО — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества; A — L'Anthropologie; AAE — Archivio per antropologia e etnologia; AfA — Archiv für Anthropologie; Bm — Biometrica; JAST — Journal of Anthropological Society of Tokyo; JRAJ — Journal of Royal Anthropological Institute of

Great Britain and Ireland; NF — Neue Folge; RA — Revue antropologique; RdA — Revue d'anthropologie; TSE — Transactions of the Royal Society of Edinburgh; ZMA — Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie.

Богданов А. П. Черепа дунганов, доставленные П. А. Пичугиным. ИОЛЕАЭ, XLIX, 3; ТАО, IX, 3, 509—519, 1886-а.

Богданов А. П. Черепа кульджинских китайцев, доставленные П. А. Пичугиным. ИОЛЕАЭ, XLIX, 3; ТАО, IX, 3, 549—558, 1886-б.

Бунак В. В. Расы. Больш. Мед. Энц. 28, 342—352, 1934.

Дебец Г. Ф. Краниологический очерк танну-тувинцев. СА, № 5—6, 133—140, 1929.

Казанцев А. П. Неопубликованные материалы по краниологии Тункинских и Хларских бурят, 1934.

Левин М. Г. Материалы по краниологии приморских орочей. АЖ, № 3, 323—326, 1936.

Левин М. Г. Краниологический тип ульчей (нани). АЖ, № 1, 82—90, 1937.

Левин М. Г. Краниологический тип ханта и манси. КСНИИМА, 27, 1941-а.

Левин М. Г. Материалы по краниологии северо-восточной Азии. КСНИИМА, 28, 1941-б.

Левин М. Г. и Трофимова Т. А. Калмыки. Краниологический очерк. АЖ, № 1, 73—81, 1937.

Рогинский Я. Я. Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья. АЖ, № 3, 105—126, 1934.

Рогинский Я. Я. Проблема происхождения монгольского расового типа АЖ, № 2, 53—64, 1937.

Рогинский Я. Я. Человеческие расы. Антр., 270—268, 1941.

Талько-Грынцевич Ю. Заметки по антропологии северных китайцев. ТТКОПОРГО, II, вып. 3, 1—81, 1899.

Токарева Т. Я. Материалы по краниологии алеутов. АЖ, № 1, 57—72, 1937.

Трофимова Т. А. К этнической проблеме. АЖ, № 2, 89—104, 1932.

Чебоксаров Н. Н. Калмыки Западного улуса. АЖ, № 1, 21—62, 1935-а.

Юзефович Э. Н. Два типа якутских черепов. АЖ, № 2, 65—78, 1937.

Ярхо А. Н. Антропологический тип темирских танну-тувинцев. СА, № 5—6, 127—133, 1929-а.

Ярхо А. Н. Пигментация волос, глаз и кожи у народностей Алтае-Саянского нагорья. РАЖ, XVII, 3—4, 24—38, 1929-б.

Ярхо А. Н. Казаки русского Алтая. СА, №№ 1—2, 76—99, 1930.

Ярхо А. Н. Расовые типы Алтае-Саянского нагорья (рукопись), 1931.

Biasutti B. Studi sulla distribuzione dei caratteri e dei tipi antropologici. Mem. geogr., VI, 1912.

Black Davidson M. A. A Study of Kansu and Honan Aeneolithic skulls and Specimens from later Kansu prehistoric sites in comparison with North China and other recent Crania. Palaeontologia Sinica, Ser. D, VI, fasc. 1, 1—82, Pei-ing (Peking), 1928.

Bonin G. Beitrag zur Kraniologie Ost-Asiens. Bm., XXIII, 52—113, 1931.

Bonin G. a. Morant G. M. Indian races in the United States. Bm., XXX, 94—129, 1938.

Buxton L. H. D. The Peoples of Asia. L., 1925.

Cuvier J. Le Règne Animal distribué d'après son Organisation. 1-re partie. P., 1817.

Deniker J. Etude sur les Kalmouks. Suite. RdA, 2-e ser., VII, 277—310, 1884.

Deniker J. Les races et les peuples de la terre. P., 2-me ed., 1926.

Eickstedt E. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. St., 1934.

Flower H. W. On the Classification of the varieties of the human species. JRAI, XIV, 378—395, 1885.

Fridolin J. Tschuktschenschädel. AfA, XXVIII, Supplement, 1—17, 1904.

Giuffrida-Ruggeri V. L'uomo attuale una specie collettiva. R., 1913.

Giuffrida-Ruggeri V. Prime linee di un'antropologia sistematica dell'Asia (con le tabella della statura, indice cefalico e indice nasale del vivente). AAE, XLVII, 1917.

Giuffrida-Ruggeri V. Su l'origine dell'uomo. Bologna, 1921.

Haberer K. A. Schädel und Skelettteile aus Peking. Jena, 1902.

Hadden A. C. The Physical Characters of the Races and Peoples of Borneo. Appendix to: «Hose Ch. and Mc Dougall W. The Pagan Tribes of Borneo, Vol. II, L., 1912», 1912.

Haddon A. C. The races of man and their distribution. Cambridge, 1924.
Hagen B. Anthropologische Studien aus Insulinde, Amsterdam, 1890.
Hagen B. Anthropologischer Atlas ostasiatischer und melanesischer Völker. Wiesbaden, 1898.
Hagen B. Die Orang Kubu auf Sumatra. Frankfurt am Main, 1908.
Harrower G. A study of the Hokien and the Tamil Skull. TSE, **61**, 1926.
Harrower G. A Study of the Crania of the Hylam Chinese Bm., XXb, 245—278, 1928.
Hasebe K. On some Skulls discovered from Ancient Burial places in Tairen. JAST, XXVI, № 296, 48—54; № 297, 94—101; XXVII, № 299, 175—184, 1910—1911.
Hoessly H. Kraniologische Studien an einer Schädelserie aus Ostgrönland. Nouveaux Mémoires de la Société Helvetique des Sciences Naturelles **53**, 1—54, 1916.
Holbé T. V. Somatique extrême-orientale, RA, **33**, **34**, 1923—1924.
Hrdlicka. A. Catalogue of Human Crania in the United States. National Museum, Collections I. The Eskimo, Alaska and related Indians, North Eastern Asiatics. Washington, 1924.
Imamura Y. a. Shima G. Racial Relations among Eastern Asiatic Peoples based upon Male Skulls. JAST., L., № 569, 85—117 (яп.), 1935.
Kitson E. a. Morant G. M. A Study of the Naga Skull. Bm., XXV, 1—20, 1933.
Kleiweg de Zwaan J. P. Die Insel Nias bei Sumatra. Anthropologische Untersuchungen über die Njasser. Haag, Band 1—3, 1914.
Koganei Y. Messungen an männlichen Chinesen-Schädeln. Internat. Centralblatt für Anthropol. und Verwandte Wissenschaften, VII, 129—133, 1902.
Kohlbrugge J. H. F. L'anthropologie des Tenggerois. Indonésiens-montagnards de Java. A., IX, 1—25, 1898.
Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Jena, 2-te Aufl., Band I—III, 1928.
Montandon G. Craniologie paléosibirienne. A., XXXVI, 209—296, 447—542, 1926.
Montandon G. L'ologenèse humaine. P., 1928.
Morant G. M. A First Study of the Tibetan Skull. Bm., XIV, 193—260, 1923.
Morant G. M. A Study of certain oriental series of Crania including the Nepalese and Tibetan series in the Britisch Museum (Natural History). Bm., XVI, 1—105, 1924.
Morant G. M. A Contribution to Eskimo craniology based on previously published measurements. Bm., XXIX, 1—20, 1937.
Nakano C. Measurements of Skulls from Peiping (яп.). Zuzenkai Zassi. XXV, № **11**, 1920.
Namba M. a. Yoshimi T. Anthropologische Untersuchungen über die Schädel der Mukden-Chinesen. JAST, LII, Supplement, 1—18, 1937.
Poniatowski S. Przyczynek do kraniologii Chinczykow. Sprawozdań z posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego; Wydział Nauk Anthropologicznych, Społecznych, Historyi i Filozofii, II, 143—180, 1909.
Quatrefages A. et Hamy E. T. Crania Ethnica: Les Crânes des races humaines. P., 1882.
Reicher M. Untersuchungen über die Schädelform der alpenländischen und mongolischen Brachycephalen. ZMA, XV, 421—462, XVI, 1—64, 1913—1914.
Roginsky J. J. a. Barton R. E. Ifugao Somatology. The Philippine Journal of Science, **74**. № 4, 349—365, 1941.
Schmidt E. Die anthropologischen Privatsammlungen Deutschlands I. Catalog der im anatomischen Institut der Universität Leipzig aufgestellten Craniologischen Sammlung des Herrn Dr. Emil Schmidt. Braunschweig, 1887.
Schultz A. H. Anthropologische Untersuchungen an der Schädelbasis. Unaug.—Diss. phil. Zürich, 1917.
Shima G. Anthropological Study of the Chinese Skull obtained from the Suburbs of Fushun, Manchuria. JAST, XLVIII, № 550. 423—537 (яп.). 1933.
Sommier S. Note di Viaggio. II. Mordvá-Popolazione e Astrakan-Kalmucchi. AAE, XIX, 117—157, 1889.
Spengel J. W. Anthropologische Sammlungen Deutschlands. Göttingen Catalogue, 40, 1874.
Stratz C. H. Das Problem der Rasseneinteilung der Menschheit. AfA, NF, I, 189—200, 1904.
Stratz C. H. Naturgeschichte des Menschen. Grundriss der somatischen Anthropologie. III Aufl., St. 1922.
Stratz C. H. Die Rassenschönheit des Weibes. XVIII u. XIX Aufl., St., 1923.
Ten Kate H. Zur Craniologie der Mongoloiden. Beobachtungen und Messungen Diss., B., 1882.

Tildesley M. I. A First Study of the Burmese Skull, Bm., XIII, 176—260, 1921.

Turner W. Contribution to the Craniology of the People of the Empire of India. TSE. 49, 1914.

Vada Y. JAST. LIV, 1939.

Volz M. Zur Kenntnis der Kubus in Südsumatra. AfA, NF, VII, 89—109, 1908.

Volz W. Zur somatischen Anthropologie der Battaker in Nordsumatra. AfA, XXXII, 717—732, 1900.

Woo T. L. a. Morant G. M. A Preliminary Classification of Asiatic Races based on Cranial Measurements. Bm., XXIV, 108—134, 1932.

Woo T. I. a. Morant G. M. A Biometric Study of the «Flatness» of the Facial Skeleton in Man. Bm., XXVI, 196—268, 1934.

Yokoh Y., Anthropological Studies on Skeleton of the Dayak in Landak. JAST, XLVI, № 528, 339—703, 1931.

М. Г. ЛЕВИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОХОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

I

Публикуемые в настоящей работе материалы представляют сводку исследований, произведенных сотрудниками Ногаевской культбазы Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в 1930—1932 гг. с участием автора. Исследование охватило несколько этнических групп Охотского побережья: группу ламутов Ольского района, именуемых в дальнейшем орочелами, по самоназванию «орочел», распространенному среди ламутов всей северной части Охотского побережья, группу ламутов Охотского района, именуемых в дальнейшем изложении эвенами, и группу эвенков-оленеводов Аяно-Майского района. Кроме того, были обследованы: небольшая группа оседлых ламутов селения Армань Ольского района, группа так называемых камчадалов селений Ямск и Туманы Ольского района и группа русского старожилого населения в селении Иня Охотского района.

Этнический состав населения Охотского побережья освещен в литературе недостаточно. Так, по переписи 1926—1927 гг. ламуты Охотского побережья от р. Гижиги на севере до р. Ульи на юге были учтены в качестве тунгусов вместе с эвенками Аяно-Майского и Тугуро-Чумиканского районов. Смешение ламутов с эвенками имело место и в переписи по другим районам.

Вопрос об отношении ламутов к тунгусам (эвенкам), о месте ламутов в этнической классификации тунгусских народностей выходит за пределы настоящей статьи. Здесь укажем только, что на Охотском побережье с различием в самоназваниях отдельных групп [1] совпадают и различия в языке и в целом ряде элементов культуры. Эвены Охотского района занимают промежуточное положение между северными «орочел» и южными эвенками. В дальнейшем изложении мы будем именовать группу «орочел» и группу эвенов Охотского района совместно ламутами в отличие от собственно тунгусов, именуемых эвенками. Оседлое население сел. Армань (как и сел. Олы) называет себя м э н э (мн. число м э н э л), что буквально означает «сидячие люди» и представляет собой, возможно, последний реликт древнего населения, так называемых «пеших тунгусов», известных нам на Охотском побережье по материалам XVII в. [2] «Камчадалы» сел. Ямск и Туманы — весьма смешанная группа, в основном обрусевших сидячих ко-

---

[1] Самоназвание «орочел» распространено в Ольском и Наяханском районах от р. Таун до р. Гижиги на севере. Самоназвание «эвен» (мн. ч. «эвесэл») известно в Охотском районе до р. Ульи на юге.

[2] См. А. М. Золотарев. Новые данные о тунгусах и ламутах в XVIII в. «Историк-марксист», 1938, № 2.

ряков, которые еще в XVII—XVIII вв. были распространены по Охотскому побережью вплоть до р. Олы.

Антропологические данные по населению Охотского побережья в литературе совершенно отсутствуют. Небольшие материалы Джезуповской экспедиции по ламутам относятся к другим районам, и сообщаемые ниже материалы являются первой публикацией по антропологии населения Охотского побережья [1].

Число исследованных и возрастной состав по исследованным группам даны в табл. 1. Группы ламутов и эвенков в общем очень близки по возрастному составу; можно отметить разве только некоторое преобладание более молодых возрастов (20—25 лет) в группе эвенков.

Таблица 1

Возраст (в процентах)

Возрастные градации	Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Армань	Камчадалы	Русские сел. Инн
20—25 лет	24.1	27.5	35.2	20.0	37.1	21.1
26—39 »	41.0	37.2	31.4	28.0	37.1	36.8
40 лет и старше	34.9	35.3	33.4	52.0	25.8	42.1
Число наблюдений	83	51	54	25	35	38

По условиям работы программа исследования была ограничена измерением головных и лицевых размеров и определением пигментации, волосяного покрова и мягких частей лица. Измерения производились в точном соответствии с методикой, принятой в Институте антропологии Московского университета [2]. Цвет волос определялся по шкале Фишера, цвет глаз — по Бунаку. Рост бороды определялся по пятибалльной схеме, рост усов и бровей — по трехбалльной. Ниже в таблицах по описательным признакам указывается система баллов, определения их в масштабе вариации признака у населения всего земного шара.

II

Перейдем к антропологической характеристике ламутов и эвенков.

Рост рассматриваемых нами групп должен быть определен как низкий: 157.6 у орочелов, 158.8 у эвенов Охотского района, 161.5 у эвенков и 160.3 у населения сел. Армань. Группа ламутов по росту заметно отличается от эвенков: различия в средних величинах между орочелами, с одной стороны, и эвенками, с другой — достигают почти 4 см; эвены Охотского района занимают по этому признаку промежуточное положение, в целом приближаясь более к орочелам.

Цвет волос во всех группах темный; преобладает иссиня-черный оттенок (№ 27).

Цвет глаз. При общем преобладании темных глаз процент глаз смешанной пигментации довольно значителен. По этому признаку группы весьма сходны; некоторое отличие обнаруживает лишь арманьская группа, характеризующаяся наибольшим посветлением радужины.

[1] Некоторые данные по нашим материалам опубликованы Г. Ф. Дебецом в его сводной работе «Антропологическое изучение советского Севера» («Советский север», № 6, 1934). Г. Ф. Дебецу мы обязаны постоянной консультацией в настоящей работе.

[2] Методика антропологических исследований, под ред. проф. В. В. Бунака. Изд. 2-е.

Таблица 2

Пигментация (в процентах)

Цвет волос и глаз	Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Армань	Камчадалы	Русские сел. Иня
Число наблюдений	76	47	49	22	33	32
Цвет волос (по Фишеру): № 27	50.0	53.2	53.0	68.2	69.7	28.1
№ 4	15.8	40.4	28.6	9.1	15.2	34.4
№ 5	27.6	2.1	18.4	22.7	12.1	18.8
Остальные №	6.6	4.3	—	—	3.0	18.7
Число наблюдений	80	51	54	24	33	38
Цвет глаз (по Бунаку): темные	64.9	64.7	68.5	50.0	94.0	18.4
светлые	—	—	—	8.3	—	10.6

Волосяной покров на лице. Все группы характеризуются очень слабым развитием растительности на лице. По степени развития волосяного покрова ясно определяется следующий последовательный ряд: орочелы < эвены Охотского района < эвенки < арманьская группа.

И по росту бороды и усов, и по степени развития бровей эвены Охотского района занимают промежуточное положение между орочелами и эвенками, но в целом различия между этими тремя группами невелики.

Таблица 3

Волосяной покров на лице (в процентах)

Рост бороды, усов, бровей	Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Армань	Камчадалы	Русские сел. Иня
Число наблюдений	58	39	39	20	21	32
Рост бороды (старше 25 лет): очень слабый (1)	98.2	97.4	89.7	55.0	80.9	21.9
слабый (2)	1.8	2.6	10.3	30.0	14.3	50.0
средний (3)	—	—	—	15.0	4.8	15.6
сильный (4)	—	—	—	—	—	9.4
очень сильный (5)	—	—	—	—	—	3.1
Число наблюдений	73	50	53	24	33	35
Рост усов: слабый (1)	91.8	76.0	64.2	50.0	63.6	20.0
средний (2)	8.2	24.0	33.9	45.8	36.4	60.0
сильный (3)	—	—	1.9	4.2	—	20.0
Число наблюдений	78	50	54	24	36	38
Рост бровей: слабый (1)	71.8	60.0	44.4	33.3	75.0	15.8
средний (2)	28.2	40.0	53.7	62.5	25.0	73.7
сильный (3)	—	—	1.9	4.2	—	10.5

Более заметные отличия обнаруживает арманьская группа, характеризующаяся усилением волосяного покрова.

Мозговой череп. По строению мозгового черепа наши группы существенных различий не обнаруживают. Все они характеризуются умеренно длинным и широким черепом и по головному указателю относятся к мезокефалам.

Наименьший лобный диаметр межгрупповых различий не обнаруживает и характеризуется во всех группах небольшими средними величинами.

Таблица 4

Размеры головы

Показатели		Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Арманъ	Камчадалы	Русские сел. Иня
Продольный диаметр	N	83	51	54	25	34	38
	M	191.8	192.7	190.7	194.1	190.7	192.9
	σ	5.5	5.7	7.3	6.3	4.2	6.7
Поперечный диаметр	N	83	51	54	25	34	38
	M	155.9	155.7	155.2	155.7	152.8	148.8
	σ	5.3	5.4	4.7	5.5	4.8	3.9
Головной указатель	N	83	51	54	25	34	38
	M	81.6	80.8	81.6	80.3	80.2	77.8
	σ	3.3	3.0	3.0	3.8	3.1	2.6
Наименьшая ширина лба	N	75	51	54	24	35	38
	M	107.3	107.3	106.1	107.3	104.8	106.4
	σ	3.8	4.2	5.0	4.4	3.5	4.0

По наклону лба наши группы обнаруживают следующие различия: при преобладании средненаклонных форм во всех группах, эвенки отличаются значительным повышением процента слабо наклонных и прямых форм, что дает у них и повышение среднего балла. Арманьская группа по этому признаку отличается от эвенков и сходна с ламутами.

Надбровье развито во всех группах ниже среднего. Следует отметить заметное его ослабление у эвенков по сравнению с другими группами, что вполне согласуется с указанными выше отличиями в наклоне лба. Такое соответствие в направлении различий по наклону лба и развитию надбровья придает этим различиям, при небольшом расхождении средних величин, расодиагностическую реальность.

Таблица 5

Лоб и надбровье (в процентах)

Наклон лба и развитие надбровья		Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Арманъ	Камчадалы	Русские сел. Иня
Число наблюдений		81	50	54	24	35	38
Наклон лба	сильно наклонный (1)	7.4	6.0	3.7	8.3	11.4	7.9
	средне-наклонный (2)	69.1	70.0	50.0	62.5	80.0	68.4
	слабо наклонный и прямой (3)	23.5	24.0	46.3	29.2	8.6	23.7
Число наблюдений		77	50	54	24	35	38
Развитие надбровья	слабое (1)	36.4	22.0	51.8	20.8	45.7	15.8
	среднее (2)	63.6	76.0	46.3	66.7	54.3	73.7
	сильное (3)	—	2.0	1.9	12.5	—	10.5

Горизонтальная профилировка лица. Все группы характеризуются очень плоским лицом и по этому признаку сколько-нибудь существенных различий не обнаруживают.

Таблица 6

Горизонтальная профилировка лица (в процентах)

Профилировка лица	Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Арманъ	Камчадалы	Русские сел. Иня
Слабая (1)	95.7	100.0	100.0	90.9	60.0	10.5
Средняя (2)	4.3	—	—	9.1	40.0	79.0
Сильная (3)	—	—	—	—	—	10.5
Число наблюдений	7.0	51	44	22	35	38

Метрически лицо во всех группах умеренно длинное и широкое. Скуловой и нижнечелюстной диаметры характеризуются большими величинами. Эвенки отличаются от остальных групп заметно более низким лицом, что при несколько даже большей у них скуловой ширине обусловливает значительное понижение лицевого указателя. Следует отметить, что по измерительным признакам лица эвены Охотского района занимают среднее место между орочелами и эвенками.

Таблица 7

Общие размеры лица

Показатели		Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Арманъ	Камчадалы	Русские сел. Иня
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей)	N	83	49	54	25	34	38
	M	131.9	130.1	127.8	132.4	134.6	130.7
	σ	8.0	8.8	6.2	9.8	5.0	7.0
Скуловой диаметр	N	82	51	54	25	35	38
	M	148.3	148.4	149.4	148.6	146.0	142.6
	σ	4.9	4.1	4.8	5.1	5.2	4.1
Морфологический лицевой указатель	N	82	49	54	25	34	38
	M	89.5	87.8	85.8	89.6	92.4	91.4
	σ	5.0	5.6	4.0	5.6	4.2	4.9
Нижнечелюстной диаметр	N	77	51	54	24	34	38
	M	118.9	118.1	117.7	117.3	118.7	115.0
	σ	6.9	5.9	7.4	7.5	7.3	6.5

Нос. Различия между группами в длине носа соответствуют в общем указанным выше различиям в длине лица: наименьшая величина отмечена у эвенков, наибольшая — в арманьской группе.

При большой длине носа арманьская группа характеризуется по сравнению с другими меньшей шириной, что дает заметное понижение в ней носового указателя. Последний наиболее высок в группе эвенков.

Все группы характеризуются большим нособровным расстоянием. Следует отметить, что оно несколько меньше в арманьской группе.

По описательным признакам носа наши группы обнаруживают заметные различия: для ламутов характерно низкое переносье (низкое переносье отмечено у орочелов в 53.2%, у эвенов Охотского района в 47.1%), у эвен-

ков же и в арманьской группе преобладает средняя высота переносья (низкое переносье встречается у них в 22.2% и 12.5%) и даже отмечен некоторый процент высокого переносья.

Таблица 8

Измерительные признаки носа

Показатели		Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Армань	Камчадалы	Русские сел. Иня
Высота носа (от нижнего края бровей)	N	83	48	54	24	34	38
	M	60.7	60.6	59.6	62.3	60.2	59.8
	σ	5.5	5.0	4.6	6.2	5.3	4.9
Высота носа (от переносья)	N	83	51	54	24	35	38
	M	50.7	49.0	49.2	53.3	52.6	53.6
	σ	4.3	4.4	3.7	5.0	3.8	4.6
Ширина носа	N	83	50	54	24	35	38
	M	35.9	38.0	37.4	35.8	36.4	35.3
	σ	3.0	2.5	3.0	2.4	2.9	2.7
Носовой указатель I	N	83	48	54	24	34	38
	M	59.6	62.7	63.0	58.1	60.4	59.5
	σ	7.0	5.1	6.0	6.4	5.5	5.4
Носовой указатель II	N	83	49	54	24	35	38
	M	71.5	77.3	75.5	67.5	69.9	66.6
	σ	8.2	5.1	6.1	7.3	6.7	7.2

Различия в профиле спинки носа в общем соответствуют указанным различиям по переносью. Орочелы дают наибольший процент вогнутых и наименьший процент выпуклых спинок носа; крайнее положение занимают эвенки, у которых отмечен наибольший процент выпуклых и наименьший процент вогнутых спинок носа.

У эвенков найден и наибольший процент опущенных форм кончика и основания носа; противоположное место в ряду занимают орочелы. Высота крыльев носа во всех группах средняя. Следует отметить, что наибольший процент высокого типа отмечен также у эвенков. Крыльевые борозды развиты слабо во всех группах. В целом по описательным признакам носа эвены Охотского района занимают среднее положение между северными ламутами-орочелами и эвенками.

Относительно описательных признаков глазной области отметим следующее:

Эпикантус. Обе группы ламутов характеризуются очень большим процентом эпикантуса (68 и 70.6%); эвенки и арманьская группа по этому признаку значительно отличаются: у них эпикантус встречается только в 38.9 и 45.9%.

Складка верхнего века также значительно более развита в группах ламутов (во всех трех своих отделах). В арманьской группе развитие складки должно быть определено как слабое.

В общем по указанным признакам межгрупповые различия выступают достаточно отчетливо: эвенки и арманьская группа дают заметное ослабление монголоидных особенностей глаза по сравнению с обеими группами ламутов.

В строении ротовой области наши группы обнаруживают ряд характерных особенностей. Все они характеризуются высокой верхней губой как по измерительным, так и по описательным данным (в арманьской группе они несколько ниже, чем в других).

Таблица 9

Описательные признаки носа (в процентах)

Признаки	Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Армань	Камчадалы	Русские сел. Иня
Число наблюдений	79	51	54	24	35	38
Переносье: низкое (1)	53.2	47.1	22.2	12.5	54.3	2.6
Переносье: среднее (2)	46.8	52.9	74.1	83.3	42.8	79.4
Переносье: высокое (3)	—	—	3.7	4.2	2.9	18.4
Число наблюдений	80	51	54	24	35	38
Профиль спинки носа: вогнутый (1)	27.5	25.5	9.3	12.5	25.7	5.3
Профиль спинки носа: прямой (2)	62.5	64.7	62.9	62.5	62.9	73.7
Профиль спинки носа: выпуклый (3)	8.8	9.8	27.8	25.0	11.4	21.0
Профиль спинки носа: извилистый (4)	1.2	—	—	—		—
Число наблюдений	80	51	54	24	35	38
Кончик носа: поднятый (1)	35.0	23.5	22.2	12.5	25.7	7.9
Кончик носа: горизонтальный (2)	62.5	76.5	63.0	83.3	71.4	89.5
Кончик носа: опущенный (3)	2.5	—	14.8	4.2	2.9	2.6
Число наблюдений	80	51	54	24	35	38
Основание носа: поднятое (1)	55.0	35.3	27.8	41.7	31.4	13.2
Основание носа: горизонтальное (2)	41.2	64.7	63.0	54.2	60.0	84.2
Основание носа: опущенное (3)	3.8	—	9.2	4.1	8.6	2.6
Число наблюдений	69	49	53	24	35	38
Высота крыльев: малая (1)	29.0	—	—	16.7	37.2	10.5
Высота крыльев: средняя (2)	65.2	79.6	84.9	83.3	57.1	73.7
Высота крыльев: большая (3)	5.8	20.4	15.1	—	5.7	15.8
Число наблюдений	70	49	53	24	35	38
Выраженность крыльевых борозд: слабая	64.3	55.1	56.6	62.5	74.3	57.9
Выраженность крыльевых борозд: средняя	32.9	34.7	37.7	33.3	25.7	31.6
Выраженность крыльевых борозд: сильная	2.8	10.2	5.7	4.2	—	10.5

По профилю верхней губы наблюдается значительное преобладание прохейличных форм в группе орочелов, при ничтожном проценте у них опистохейличных форм, и заметное ослабление прохейлии у эвенков и в арманьской группе — при значительном повышении у них процента опистохейличных форм.

По среднему баллу профиля верхней губы намечается определенно последовательный ряд от орочелов через эвенов к эвенкам и арманьцам. По толщине губ между нашими группами различий не обнаруживается: все они характеризуются баллом выше среднего.

Таблица 10

Описательные признаки губ (в процентах)

Признаки		Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Арманъ	Камчадалы	Русские сел. Иня
Число наблюдений		79	50	49	20	29	29
Высота верхней губы	малая (1)	1.3	—	—	5.0	10.3	13.8
	средняя (2)	31.6	34.0	38.8	50.0	65.5	69.0
	большая (3)	67.1	66.0	61.2	45.0	24.2	17.2
Число наблюдений		69	47	38	16	28	24
Профиль верхней губы	прохейлия (1)	68.1	38.3	31.6	37.5	39.2	—
	ортохейлия (2)	29.0	61.7	55.3	43.7	42.9	58.3
	опистохейлия (3)	2.9	—	13.1	18.8	17.9	41.7
Число наблюдений		77	48	51	24	34	34
Толщина губ	тонкие (1)	1.3	—	2.0	4.2	—	—
	средние (2)	64.9	66.7	64.7	58.3	58.8	64.7
	толстые (3)	33.8	33.3	33.3	37.5	41.2	35.3

При рассмотрении отдельных признаков мы отмечали те особенности, которые различают наши группы между собой. Мы указывали уже, что межгрупповые различия по целому ряду признаков идут в определенном направлении и укладываются в последовательный ряд, в котором ламуты Охотского района занимают промежуточное положение между орочелами и эвенками.

Арманьская группа занимает особое место; по некоторым признакам она продолжает ряд: ламуты ольские → ламуты охотские → эвенки, по другим уступает крайнее место эвенкам и, наконец, по третьим признакам обнаруживает своеобразные черты (см. табл. 11).

Суммируя сказанное выше по отдельным признакам и располагая последние по степени их таксономической значимости, мы можем сформулировать различия в антропологическом типе исследованных групп следующим образом.

Эвенки отличаются от ламутов в целом:

1. Строением глазной области — меньшим процентом эпикантуса и более слабым развитием складки верхнего века.
2. Более высоким переносьем.
3. Большим процентом выпуклых спинок и опущенных форм основания и кончика носа, большей высотой крыльев и большей выраженностью крыльевых борозд.
4. Более прямым лбом и менее развитым надбровьем.
5. Увеличением процента опистохейличных форм верхней губы.
6. Более коротким и более широким лицом и соответственно меньшим лицевым указателем.
7. Более высоким ростом.

III

Последовательный сравнительный расовый анализ отдельных групп предполагает установление в каждой группе слагающих ее расовых компонентов, определение удельного веса в ней каждого из компонентов и вы-

Таблица 11

Сводка основных признаков

Признаки	Ламуты ольские (орочел)	Ламуты охотские (эвены)	Эвенки	Сел. Армань	Камчадалы	Русские сел. Иня
Рост	(1576)	1588	1615	1603	1614	1626
Продольный диаметр	191.8	192.7	190.7	194.1	190.7	192.9
Поперечный »	155.9	155.7	155.2	155.7	152.6	148.8
Головной указатель	81.6	80.8	81.6	80.3	80.2	77.8
Наименьшая ширина лба	107.3	107.3	106.1	107.3	104.8	106.4
Наклон лба М (1—3)	2.16	2.18	2.43	2.21	1.97	2.16
Развитие надбровья М (1—3)	1.64	1.80	1.50	1.92	1.54	1.95
Горизонтальная профилировка лица М (1—3)	1.04	1.00	1.00	1.09	1.40	2.00
Скуловой диаметр	148.3	148.4	149.4	148.6	146.0	142.6
Морфологическая высота лица	131.9	130.1	127.8	132.4	134.6	130.7
Нижнечелюстный диаметр	118.9	118.1	117.7	117.3	118.7	115.0
Высота носа (от нижнего края бровей)	60.7	60.6	59.6	62.3	60.2	59.8
Высота носа (от переносья)	50.7	49.0	49.2	53.8	52.6	53.6
Ширина носа	35.9	38.0	37.4	35.8	36.4	35.3
Носовой указатель I	59.6	62.7	63.0	58.1	60.4	59.5
Носовой указатель II	71.5	77.3	75.5	67.5	69.9	66.6
Высота переносья М (1—3)	1.47	1.53	1.82	1.92	1.49	2.16
Профиль спинки носа, % вогнутых	27.5	25.5	9.3	12.5	25.7	5.3
Профиль спинки носа, % выпуклых	8.8	9.8	27.8	25.0	11.4	21.0
Положение кончика носа М (1—3)	1.68	1.77	1.93	1.92	1.77	1.95
Положение основания носа М (1—3)	1.49	1.65	1.81	1.62	1.77	1.89
Высота крыльев носа М (1—3)	1.77	2.20	2.15	1.83	1.69	2.05
Выраженность крыльевых борозд М (1—3)	1.39	1.55	1.49	1.42	1.26	1.53
Эпикантус (% присутствия)	68.0	70.6	38.9	45.9	51.4	8.1
Складка верхнего века М (0—3), проксимальный отдел	1.44	1.49	1.13	0.79	0.69	0.26
Складка верхнего века М (0—3), медиальный отдел	1.77	1.92	1.78	1.12	1.33	0.74
Складка верхнего века М (0—3), дистальный отдел	1.75	1.88	1.74	1.12	1.30	0.70
Высота верхней губы *мм*	18.6	17.1	17.4	17.0	17.5	15.7
Высота верхней губы М (1—3)	2.66	2.66	2.61	2.40	2.14	2.03
Профиль верхней губы М (1—3)	1.35	1.62	1.81	1.87	1.79	2.42
Толщина губ М (1—4)	2.33	2.33	2.31	2.33	2.41	2.35
Рост бороды (старше 25 лет) М (1—5)	1.02	1.03	1.10	1.60	1.23	2.22
Форма волос, % прямых	95.8	83.3	75.0	95.7	79.3	29.7
Цвет волос М (0—4)	3.93	3.96	4.00	4.00	3.88	3.81
Цвет глаз М (0—2)	1.65	1.65	1.69	1.42	1.94	1.08

яснение конкретной истории сложения на их основе современного антропологического типа сравниваемых групп.

Начальным этапом расового анализа должен явиться, следовательно, внутригрупповой анализ материала. Но методы внутригруппового анализа разработаны еще очень недостаточно, особенно для тех случаев, в которых процесс смешения слагающих гетерогенную группу компонентов зашел настолько далеко, что исторически сложившиеся для каждого слагаемого корреляции признаков оказались в результате метисации рассеянными. Как показали специальные исследования (Игнатьев), процесс распада корреляций между физиологически не связанными морфологическими признаками совершается в результате метисации разных расовых групп на протяжении сравнительно коротких отрезков времени, если отсутствуют особые условия, закрепляющие в смешанной популяции первоначальные исторические корреляции признаков. Методы внутригруппового анализа, нашедшие себе применение в антропологии, относятся преимущественно к случаям предполагаемого смешения двух элементов. Еще менее обоснованными оказываются приемы анализа, если принять, что в формировании гетерогенной группы участвовало более двух первоначальных компонентов. Малое число исследованных в каждой из рассматриваемых нами групп не позволяет использовать методы внутригруппового анализа и диктует отказ от намеченной выше последовательности.

Надо особо указать, что уже во время сбора материалов отмечалась сравнительно большая однородность в антропологическом типе внутри как ламутов, так и эвенков; поэтому так называемый метод определения индивидуальных расовых типов (расовая диагностика отдельных субъектов в ходе самих полевых работ) не дал ощутимых результатов.

Как уже указывалось, различия между нашими группами по большинству признаков, взятых каждый в отдельности, в общем невелики. К этому следует добавить, что внутригрупповые варианты признаков должны быть сочтены достаточно значительными, о чем говорят большие величины квадратического уклонения. При этих условиях встает вопрос о расодиагностическом значении установленных различий. Являются ли они отражением реальных расовых различий между рассматриваемыми группами или должны расцениваться как результат случайного распределения? Ответ может быть дан только на основе более широкого применения географического метода, путем анализа данных как по соседним, так и более отдаленным группам. Но, и оставаясь в пределах исследованной территории, можно констатировать, что установленные выше различия имеют так называемый типологический характер: большинство признаков, по которым эвенки отличаются от ламутов, обнаруживает определенную направленность — ослабление монголоидных особенностей. Сюда относятся такие признаки, как понижение процента эпикантуса, ослабление складки верхнего века, некоторое усиление волосяного покрова, особенности в строении носа и верхней губы.

Какова природа этих различий, какими генетическими или историческими связями они обусловлены? Приступая к анализу этого круга вопросов, методически правильно итти по пути сравнения рассматриваемых групп с ближайшими этногеографическими группами, постепенно расширяя круг искомых связей.

Когда мы встречаемся с комплексом ослабленных монголоидных признаков на территории Северной Азии — в зоне как древних, так и позднейших проникновений европеоидных элементов, вполне естественно предположение о метисном происхождении указанного комплекса. По отношению

к территории Охотского побережья мы должны, в первую очередь, учитывать контакт аборигенного населения с русскими в течение целых трех столетий.

Как ведут себя отдельные морфологические расовые признаки при различных степенях смешения монголоидных и европеоидных типов? В какой степени они обнаруживают в производном типе промежуточный характер по отношению к исходным средним величинам? Какое место занимают здесь явления так называемой люксурации и пауперизации? Все эти вопросы разработаны в антропологии еще очень недостаточно.

Однако то сочетание признаков, которое характерно для эвенков, не укладывается в эмпирические схемы, полученные при изучении различных заведомо метисных популяций. Наряду с ослаблением монголоидных особенностей глазной области, повышением переносья и некоторым укорочением лица по сравнению с ламутами эвенки не обнаруживают отклонений в горизонтальной профилировке, в ширине лица, в пигментации — т. е. в таких признаках, в которых мы вправе были бы ожидать проявления примеси европеоидных компонентов.

Когда антропологу приходится иметь дело со столь малочисленными группами, как исследованные нами, притом же группами, в силу своего географического положения и хозяйственных условий (кочевое хозяйство) достаточно изолированными друг от друга, необходимо особо учитывать и значение стохастических процессов — влияние случайного распределения отдельных морфологических признаков. Как мы уже упоминали, направление различий между ламутами и эвенками указывает, что если стохастические процессы и имели в нашем случае известное значение, то сводить к ним установленные межгрупповые различия нет оснований.

Но не могли ли эти стохастические процессы определить антропологический тип той гипотетической группы русских, в смешении с которой мы вправе ожидать объяснение «европеоидных» черт эвенков? Иными словами, не обнаруживали ли в силу случайных сочетаний признаков русские Охотского побережья таких особенностей, которые смогли определить в качестве примеси своеобразие в антропологическом типе эвенков?

Мы располагаем, как указывалось, сравнительными данными по русскому населению сел. Иня Охотского района. Рассмотрение антропологических особенностей русских сел. Иня, которые, по имеющимся у нас сведениям, являются здесь старожилами, должно дать ответ на этот вопрос.

В таблицах мы приводим сравнительные данные по русским. Сопоставление основных признаков показывает, что если по некоторым из них эвенки в действительности обнаруживают приближение к данной группе русских, то по целому ряду других они ни в какой степени не занимают промежуточного положения. Так, по степени уплощенности лица эвенки не отличаются от ламутов, по скуловому диаметру их превосходят, тогда как, исходя из указанного предположения, мы должны были бы ожидать заметных сдвигов в сторону усиления горизонтальной профилировки и уменьшения скулового диаметра.

По высоте лица и высоте носа (эти признаки должны рассматриваться вместе, как связанные физиологической корреляцией) эвенки значительно уступают русским, а арманьская группа их превосходит, не обнаруживая таким образом и здесь промежуточного характера.

Эвенки характеризуются более прямым лбом по сравнению как с ламутами, так и с русскими. Надбровье у эвенков развито слабее, чем у ламутов, тогда как для русских характерно и более сильное развитие надбровья. Эвенки не обнаруживают сдвига в сторону русских и по пигментации.

Все это заставляет нас искать иных объяснений того своеобразного комплекса морфологических признаков, который мы находили у эвенков и который характеризуется ослаблением «монголоидности».

Выбор этнических групп, привлекаемых при антропологическом анализе для сопоставления с исследуемой группой, диктуется в каждом отдельном случае характером предполагаемых между ними связей и имеет целью проследить их генетические и исторические взаимоотношения на различных этапах формирования современного расового типа. В нашей работе мы должны обратиться в первую очередь к антропологическим материалам по другим тунгусским и ламутским группам. Последние изучены, однако, в антропологическом отношении крайне слабо. По территориально ближайшим группам тунгусов бассейна Амура и Якутии, ламутов Чукотки и Камчатки антропологические данные совершенно отсутствуют, материалы отдельных старых исследований по другим группам весьма скудны и мало сравнимы с нашими как из-за различия в методике, так и из-за отсутствия в них сведений по ряду основных описательных признаков.

Мы располагаем полными материалами только по одной группе — по тунгусам Северного Прибайкалья, изученным в 1927 г. Рогинским при участии автора [1]. Сравнительные данные по этой группе приведены в табл. 12.

Таблица 12

Сопоставление ламутов и эвенков Охотского побережья с тунгусами Прибайкалья

Показатели, в % %	Тунгусы Прибайкалья	Ламуты	Эвенки Охотского побережья
Присутствие эпикантуса	64.9	68.0	38.9
Переносье — низкое	85.5	53.2	22.2
Профиль спинки носа { вогнутые	24.2	27.5	9.3
Профиль спинки носа { выпуклые	9.9	8.8	27.8
Кончик носа — поднятый	33.7[2]	35.0	22.2
Профиль верхней губы — прохейличный	61.8	68.1	31.6
Наклон лба — прямой	13.0	23.5	46.3
Надбровье — слабо развитое	30.7	36.4	51.8

Эти данные показывают следующее.

1. Наибольшее и весьма значительное сходство с тунгусами по нашим материалам обнаруживают северные ламуты-орочелы [3]. По основным описательным признакам эти группы очень близки. Различия касаются наклона лба (более прямой лоб у орочелов) и высоты переносья (более высокое переносье у орочелов). В метрических признаках орочелы отличаются несколько более низким лицом, более коротким и узким носом и более вы-

[1] Я. Я. Рогинский. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья. Антропологический журнал, № 3, 1934.

[2] У Рогинского эта цифра фигурирует в графе «основание носа». Однако на основе личных указаний автора удалось выяснить, что «основание» определялось по положению носовой перегородки, т. е. так же, как кончик носа в охотских материалах.

[3] Надо отметить, что на сходство тунгусов Прибайкалья с ламутами указал уже Рогинский, располагавший в то время только неполными данными по измерениям Сокольникова.

соким головным указателем за счет некоторого увеличения поперечного диаметра

2. Различия между орочелами и тунгусами Прибайкалья по основным признакам еще в большей степени проявляются у эвенов.

3. Эвенки по целому ряду признаков отстоят от тунгусов Прибайкалья значительно дальше.

IV

Этнографические и исторические данные свидетельствуют о длительных в прошлом культурных связях между населением южной части Охотского побережья и населением Амура и Приморья [1].

Население Амура обнаруживает в антропологическом отношении весьма пеструю картину. Сложные межплеменные и межродовые отношения при практиковавшейся экзогамии, длительные связи Амура с югом, наконец, в недавнее время примесь русского и китайского населения — все это привело к сложным расовым переплетениям.

Схематически можно наметить в составе аборигенного населения Амура и Приморья следующие расовые типы:

1-й тип характеризуется плоским, длинным и сравнительно узким лицом, умеренной долихокефалией при средней длине и небольшой ширине мозгового черепа, слабо наклонным лбом, длинным и нешироким, выраженно лепторинным носом с низким переносьем, типично монголоидным строением глазной области и очень слабым развитием третичного волосяного покрова. Этот тип наиболее выраженно выступает среди гольдов и может быть условно назван амурским.

Амурский тип по всем основным расовым признакам близок к северокитайскому типу и, повидимому, с ним генетически связан.

2-й тип характеризуется, как и первый, выраженными монголоидными признаками, плоским, высоким, но в отличие от первого типа широким лицом, дающим значительно более низкий лицевой указатель; брахикефалией при умеренно коротком и сравнительно широком черепе, также прямым лбом, незначительным процентом выпуклых спинок носа и типично монголоидным строением глазной области; слабым развитием третичного волосяного покрова. Этот тип наиболее выраженно представлен у сахалинских ороков, в значительной степени — у негидальцев. Он морфологически близок к центральноазиатскому и может рассматриваться как его дальневосточный вариант.

3-й тип по большинству метрических признаков близок ко 2-му типу. Для него также характерно высокое, плоское и широкое лицо, брахикефалия, прямой лоб; но наряду с этим он обнаруживает и ряд существенных отличий как от второго, так и от первого типов. Сюда относятся такие признаки, как значительно более высокий процент выпуклых спинок носа, несколько более короткий и широкий нос, значительное понижение процента эпикантуса и несколько большее, повидимому, развитие третичного волосяного покрова. Этот тип представлен, по нашим материалам, наиболее выраженно у орочей и может быть условно обозначен как приморский.

Для 4-го типа характерно значительное усиление третичного волосяного покрова. Этот признак резко отличает его от остальных и сближает с айнами. В остальных признаках этот тип обнаруживает выраженные

[1] Эти вопросы специально рассматриваются нами в работе, посвященной антропологии народов Амура и основанной на обработанных нами материалах А. Н. Покровского и А. М. Золотарева (подготовлена к печати).

монголоидные черты. Лицо высокое, плоское и широкое, лоб прямой, процент эпикантуса и складки верхнего века высокий. Этот тип распространен среди гиляков и может быть назван условно сахалинским. Он представлен в двух вариантах: долихокефальном, распространенном у нижнеамурских гиляков, и выраженно брахикефальном у сахалинских гиляков.

Можно предположить наличие 5-го типа—палеосибирского, в наиболее характерном виде описанного среди тунгусов Северного Прибайкалья. Этот тип вошел, повидимому, в наибольшем количестве в состав ульчей.

Каково отношение этих расовых типов к антропологии Охотского побережья? Если вспомнить, что отличительными признаками эвенков по сравнению с ламутами являются такие, как понижение процента эпикантуса, усиление волосяного покрова, повышение переносья и увеличение процента выпуклых спинок носа, то намеченные нами в населении Амура типы 1-й и 2-й могут быть оставлены вне рассмотрения, так как по всем этим признакам они обнаруживают как раз противоположную направленность.

Предположение об участии гиляцкого элемента в формировании антропологического типа эвенков как объяснение отличающих их от эвенов особенностей (предположение тем более естественное, что исторические данные указывают на более далекое в прошлом расселение гиляков к северу от района их современного обитания) — также должно быть оставлено. В пользу этого предположения могло бы говорить усиление волосяного покрова у эвенков, но по целому ряду других основных признаков гиляки и эвенки занимают, напротив, крайние места в ряду рассматриваемых нами групп. Так, гиляки ни в какой степени не обнаруживают тенденции к ослаблению эпикантуса, к большему проценту выпуклых спинок и опущенных кончика и основания носа, к ослаблению прохейлии; среди рассматриваемых нами групп гиляки занимают также одно из первых мест и по высоте лица. Но как раз эти признаки, включая и некоторую тенденцию к усилению волосяного покрова, сближают эвенков с тем типом, который мы выше обозначили как приморский, исходя из локализации его у орочей.

Народы северо-восточной Азии недостаточно изучены в антропологическом отношении. Однако из предварительных сообщений Г. Ф. Дебеца о производимых им в настоящее время исследованиях известно, что эскимосы, по сравнению с ламутами и чукчами, характеризуются значительно меньшей частотой эпикантуса, более резко очерченным и более выпуклым носом, более сильным развитием бороды. Эти признаки эскимосского антропологического типа являются в значительной степени общими с теми, которые мы установили в нашей группе кочевых эвенков и далее к югу среди орочей [1].

Таким образом устанавливается наличие на Тихоокеанском побережье Сибири (от орочей на юге через эвенков Охотского побережья и далее к эскимосам на Крайнем Севере) своеобразного расового типа, отличающегося рядом особенностей. Для этого типа характерно: ослабление эпикантуса, усиление волосяного покрова на лице, повышение переносья,

---

[1] В нашей заметке «Антропологические типы Амура и Охотского побережья» (Краткие сообщения Института этнографии, вып. I, 1946) мы указывали на «американоидные» особенности в антропологическом типе чукчей и коряков. Мы не располагали в то время достаточными антропологическими материалами и основывались на описательной характеристике антропологического типа чукчей, принадлежащей работавшим среди чукчей этнографам и путешественникам. Как показали новейшие исследования Г. Ф. Дебеца («К антропологии чукчей», Краткие сообщения Института этнографии, вып. I), «американоидные» черты выявляются среди эскимосов, а не среди чукчей.

значительное увеличение выпуклых спинок носа и, повидимому, опущенных кончиков и оснований носа. Общими для указанных выше групп являются также прямые и тугие в целом волосы, темная пигментация, слабая горизонтальная профилировка лица, достаточно высокое и широкое лицо, длинный и умеренно широкий нос, брахи- и мезокефалия.

Выделенный нами расовый тип может быть условно назван приморско-охотским.

V

Каково место этого типа в расовой систематике? Каково его отношение к другим расовым типам Северной и Восточной Азии? Какова та этническая среда, в которой исторически складывалось указанное выше сочетание расовых признаков? Вот тот круг вопросов, в который вводит нас дальнейший ход исследования.

Та комбинация признаков, которая характеризует выделенный нами расовый тип, не стоит изолированно на территории Сибири, а выступает более или менее выраженно в различных этнических группах далеко на запад от Тихоокеанского побережья.

В старой работе И. И. Майнова о тунгусах, в которой, к сожалению, почти отсутствуют метрические данные, приводится весьма содержательная описательная характеристика двух антропологических типов, выделяемых автором среди тунгусов [1]. Оба типа, пишет Майнов, распределены среди тунгусских племен крайне неравномерно и могут быть лишь условно названы северным и южным типами. Южный тип характеризуется, по Майнову, широким и низким лбом, густыми бровями, развитыми надбровными дугами, прямым разрезом глаз, высоким переносьем, часто прямой, а иногда и выпуклой спинкой носа, широким лицом, очень широким ртом с длинными и большей частью тонкими губами, совершенно черными волосами и без исключения темнокарими, почти черными глазами, более развитой, по сравнению с северным типом, растительностью на лице, очень смуглым цветом кожи, почти коричневым, у многих с красноватым оттенком. Северный тип отличается гораздо более светлой кожей, более покатым лбом, более низким ростом, более низким головным указателем и несколько меньшей широтой лица.

Приведенное описание, тем более ценное, что принадлежит объективному наблюдателю, свободному от всякой заранее намеченной концепции, убедительно показывает, что различия между выделяемыми Майновым южным и северным типами идут по всем основным признакам в том же направлении, что и различия между эвенками и эвенами Охотского побережья. В целом характеристика южного типа совпадает с той, которая была дана выше устанавливаемому на Тихоокеанском побережье Сибири приморско-охотскому типу.

По народностям Западной Сибири мы располагаем значительным материалом, собранным за последние несколько лет сотрудниками Научно-исследовательского института и музея антропологии Московского университета: Н. Н. Чебоксаровым и Т. А. Трофимовой по манси [2], С. А. Шлугером по ненцам [3], Г. Ф. Дебецом по селькупам и кетам [4]. Эти материалы

[1] И. И. Майнов. Два типа тунгусов. Русский антропологический журнал, 1901, № 2.

[2] Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова. Антропологическое изучение манси. Краткие сообщения ИИМК, вып. IX, 1941.

[3] С. А. Шлугер. Антропологический тип ненцев (самоедов) в связи с вопросами этногенеза народов Севера, 1940. Диссертация (рукопись).

[4] См. статью в настоящем сборнике.

позволили по-новому осветить основные вопросы расовой антропологии Сибири и приблизиться к разрешению той антропологической загадки, которую представлял собой описанный более 30 лет назад Н. А. Спиельниковым [1] антропологический тип кетов. Обработав собранные этнографом В. И. Анучиным антропологические материалы по кетам, Н. А. Спиельников указал на наличие среди них типа, сходного с типом американских индейцев. Это сходство, неоднократно отмечавшееся в этнографической литературе по кетам [2], упрочило представление об их антропологическом типе, как изолированно стоящем среди других народностей Западной Сибири. Новейшие исследования показали, что такое представление нуждается в пересмотре и что «американоидный» тип, отмеченный у кетов, имеет широкое распространение в Западной Сибири, выступая среди различных этнических групп.

Так, Чебоксаров и Трофимова, проводившие исследования манси Ивдельского района, расселенных в верховьях р. Лозьвы и ее притоков и в верховьях р. Пелыма, отмечают большое физиономическое сходство многих из них с енисейскими кетами и устанавливают наличие среди них антропологического типа, названного ими «енисейским». Этот тип, имеющий среди ивдельских манси определенную территориальную локализацию и представленный наиболее рельефно в определенных родовых группах, характеризуется прямыми волосами, слабым развитием третичного волосяного покрова, широким уплощенным лицом и в то же время сравнительно выступающим носом, часто с выпуклой спинкой и опущенным кончиком и основанием, и ослаблением монголоидных особенностей в строении глазной области. Ивдельские манси, реализующие этот тип, отличаются от других групп манси именно указанными особенностями в строении носа и в то же время обнаруживают более темную пигментацию волос и глаз, отличаются большей шириной лица, более слабой горизонтальной профилировкой и меньшим ростом.

Указанное сочетание признаков, как отмечают авторы, не позволяет объяснить отличия ивдельских манси европеоидной примесью и говорит о свободном антропологическом комплексе, который можно назвать «американоидным».

Сходный антропологический комплекс был описан Шлугером среди ямальских и тазовских ненцев [3]. Особенно отчетливо «американоидные» черты выступают у ненцев Северного Ямала, обнаруживая и здесь территориальную локализацию и концентрацию в определенном роде («яптик»). Ямальские ненцы, отличаясь от мало- и большеземельских значительно большим процентом прямых и выпуклых спинок носа и более высоким переносьем, обнаруживают вместе с тем по сравнению с ними меньший рост бороды, более высокий процент эпикантуса, более высокое и широкое лицо и отсутствие различий в пигментации глаз и волос. Указанное сочетание признаков, равно как и этнографические и исторические данные, свидетельствующие о большой и длительной культурной изоляции ямальских ненцев, препятствуют видеть в особенностях их антропологического типа результат большей у них (по сравнению с их западными сородичами) европеоидной примеси.

В целом по своему антропологическому типу ямальские ненцы сходны с кетами. Самодийские группы Таймырского полуострова, к сожалению,

[1] Н. А. Спиельников. Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В. И. Анучина. Труды Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 28, вып. 1, 1911.

[2] См. Б. О. Долгих. Кеты. Иркутск, 1934.

[3] С. А. Шлугер. Указ. сочинение.

совершенно не изучены в антропологическом отношении, но на основании общих характеристик нганасанов, которые приводятся в антропологической литературе, можно предполагать значительное распространение и среди этой группы «американоидного» антропологического комплекса. На очень большое физиономическое сходство нганасанов с кетами указывает Б. О. Долгих, лично изучавший обе эти группы [1].

Вопрос об «американоидных» элементах в населении Северной Азии имеет в антропологии сравнительно длительную историю. Он впервые был поставлен американским антропологом А. Грдличкой, отметившим внешнее сходство отдельных индивидуумов у народностей Сибири с индейцами Северной Америки и видевшим в этом одно из доказательств азиатского происхождения американских индейцев [2].

Г. Ф. Дебец в работе «Антропологическое изучение Советского Севера» [3], представляющей собой первую систематизацию материалов по антропологии северной Азии, касается этого вопроса в связи с рассмотрением антропологического типа кетов. Указывая на близость типа кетов к типу некоторых американских рас и отмечая уклонения этого типа в сторону некоторой европеоидности, Дебец склонен объяснить эти черты не как результат древней, а тем более новой примеси европеоидных элементов, а сохранением в этом типе признаков той стадии расогенеза, когда черты архиморфной большой монгольской расы еще не получили законченного оформления.

Вопрос об эволютивном значении отдельных монголоидных признаков получил теоретическую разработку в статье Я. Я. Рогинского «Проблема происхождения монгольского расового типа» [4]. Указывая на слабое развитие эпикантуса у основных рас Америки и отмечая сходство в этом (как и в некоторых других признаках) между расовым типом современных американских индейцев и типом некоторых народностей Центральной и Восточной Азии, автор приходит к заключению, что историческая давность различных монгольских признаков неодинакова и что эпикантус, в частности, развился в процессе формирования монгольского расового типа сравнительно поздно.

Концепция автора об эволютивном характере отдельных расовых признаков монгольского типа отнюдь не исключает вместе с тем и возможности метисного происхождения переходных морфологических типов, т. е. типов, в которых выступает ослабление характерных монголоидных признаков и большая европеоидность.

Теоретически возможны следующие предположения:

1. Все рассмотренные нами в населении Северной Азии переходные формы, обозначаемые условно как «американоидные», генетически связаны и выявляют определенную стадию в развитии архиморфной монголоидной расы.

2. Эти формы являются результатом примеси к монголоидным элементам одного или разных европеоидных компонентов в один или в разные исторические периоды.

3. Эти формы имеют различное происхождение и являются частью метисными, частью остатком определенного этапа в эволюции архиморфного монгольского типа.

---

[1] Б. О. Долгих. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района. Северная Азия, № 2, 1929.

[2] См. нашу статью «Алеш Грдличка. Жизнь и деятельность» в Кратких сообщениях Института этнографии, вып. 1, М., 1946.

[3] Журн. «Советский север», № 6, 1934.

[4] Антропологический журнал, № 2, 1937.

Последняя точка зрения была высказана, в частности, Чебоксаровым и Трофимовой[1], которые, рассматривая вопрос о происхождении американоидных форм в населении Сибири, указывают, что они могут иметь различное происхождение и что образование этих форм к западу и к востоку от Енисея происходило, повидимому, по-разному.

Так, для Восточной Сибири эти авторы принимают эволютивный путь генезиса «американоидных» форм, тогда как морфологически сходные с восточно-сибирскими «американоидами» сочетания признаков в Западной Сибири (зоне древнего смешения архиморфных больших рас: европеоидов и монголоидов) авторы склонны объяснять как результат метисации.

Следует подчеркнуть, что сторонники альтернативного решения вопроса склонны переоценивать морфологическое сходство различных американоидных типов Сибири. При суммарно сходном облике, обусловленном общим ослаблением монголоидности, эти формы обнаруживают существенные различия как в степени ослабления монголоидных особенностей строения глазной области, повышения переносья, увеличения процента выпуклых спинок носа, так и в сочетании этих признаков с другими — горизонтальной профилировкой лица, высотой лица, пигментацией, степенью развития волосяного покрова и т. п.

Антропологические материалы Дебеца по Западной Сибири показывают, что различия между отдельными формами в указанных выше направлениях могут обнаруживаться и на узкой сравнительно территории.

Выбор того или другого из теоретически возможных предположений в объяснении генезиса американоидных форм должен решаться конкретным анализом в каждом отдельном случае.

Для решения этого вопроса в отношении охотско-приморского антропологического типа нам надлежит выйти за территориальные рамки Сибири. Уже Грдличка указывал на распространение «американоидных» типов за пределами Сибири среди различных народностей восточной и юго-восточной Азии. Он приводит ряд примеров, свидетельствующих о наличии здесь групп, характеризующихся таким сочетанием морфологических признаков, которое сближает их с американскими индейцами: плоское лицо, тугие или прямые волосы, слабый третичный волосяной покров при сравнительно высоком переносье и слабо выраженном эпикантусе.

Следует подчеркнуть, что указанный комплекс встречается преимущественно в группах, обнаруживающих сильную географическую и культурную изоляцию — на Филиппинских островах, на Формозе, в Тибете, Восточном Китае. Одной из таких характерных групп является племя Лоло, среди которых, по исследованиям Лежандра[2], «американоидный» комплекс выступает весьма отчетливо.

Сходный компонент отмечен в Индо-Китае Эйкштедтом (тип Палаунг)[3], а также среди ряда других групп.

Резюмируя исследования различных авторов по данному вопросу, Рогинский приходит к выводу, что «американоидные» формы юго-восточной Азии хотя и обнаруживают значительные вариации (вариации эти касаются, главным образом, роста, головного указателя, т. е. таких признаков, которые сильно варьируют и по разным областям Америки), но мо-

---

[1] Указ. сочинение.

[2] A. F. Legendre. Les Lolos. Bull. Mém. Soc. Anthrop. Paris. 1910.

[3] Eg. Eickstedt. Die anthropologische Stellung von Indochina. Zeitschr. Morphol., Anthrop. XXXIV, 1934.

гут рассматриваться как остатки более древнего антропологического пласта на территории Восточной Азии [1].

Наряду с отмеченными уже признаками этого американоидного типа Рогинский указывает на меньшую, по сравнению с архиморфными монголоидами, концентрацию группы крови «В» и меньшую концентрацию круговых узоров на пальцах рук среди «американоидных» форм по побережью Тихого океана [2]. Именно из этих восточных прибрежных областей и происходило, по мнению Рогинского, распространение на север и далее на американский материк носителей американоидного расового типа.

Современные «американоидные» формы, выступающие среди разных изолированных групп, представляют собой разорванные звенья древнего «американоидного ожерелья» по побережью Тихого океана. Дальнейшая расовая история Восточной Азии рисуется, как распространение сюда из глубины материка носителей выраженного архиморфного монголоидного типа, перекрывших древний «американоидный» пласт, отдельные признаки которого выступают среди разрозненных ныне американоидных типов Тихоокеанского побережья.

В свете изложенной выше концепции является соблазнительной гипотеза, согласно которой и охотско-приморский расовый тип, представленный, как мы старались показать, на Охотском побережье, от орочей на юге до эскимосов на севере, является частью в той цепи «американоидных» типов, которая тянется далее к югу в области Юго-восточной Азии, а на севере смыкается с расовыми типами американского материка.

---

[1] Я. Я. Рогинский. Проблема происхождения монгольского расового типа. Антропологический журнал, № 2, 1937.

[2] Я. Я. Рогинский. «Человеческие расы» в учебнике антропологии, под ред. проф. В. В. Бунака, стр. 360—362, 1941.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

СЕЛЬКУПЫ

(Антропологический очерк)

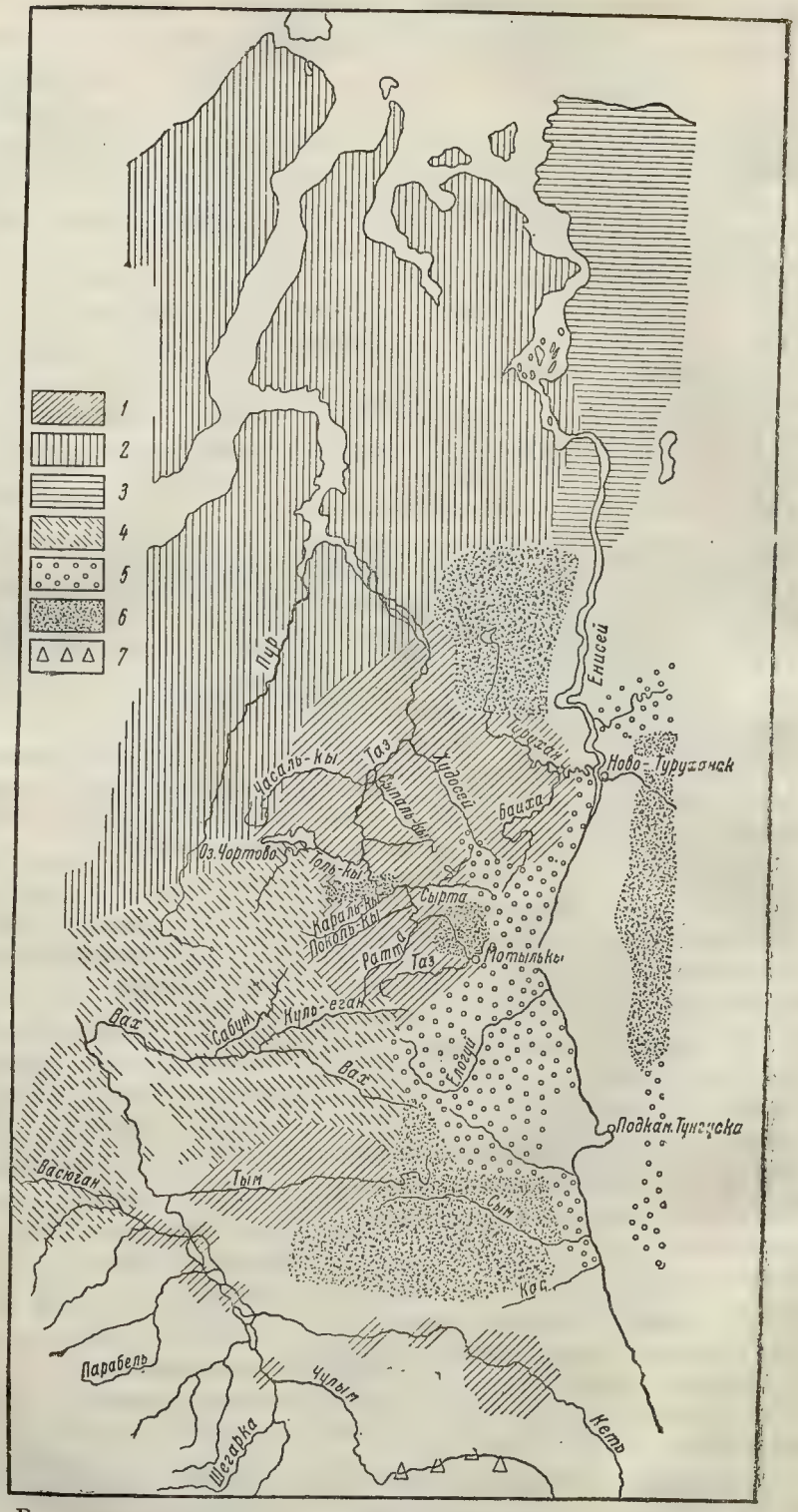
ВВЕДЕНИЕ

Еще в XVIII в. Г. Ф. Миллер установил, что так называемые нарымские и томские остяки по языку близки к ненцам (самоедам). Позднее Клапрот показал, что к этой же группе относится язык «остяков», живущих по р. Тазу, а Кастрен причислил сюда живущих по р. Кети. В дореволюционной научной литературе для обозначения этой разбросанной и малочисленной народности был принят компромиссный термин: остяко-самоеды. Первая часть этого двойного этнонима является наименованием, бытующим у соседнего русского населения и проникающим в официальную статистику (даже в итоги переписи 1926 г.); вторая основывается на данных лингвистики. Однако это наименование явно неудобно, так как оно использовалось иногда (например, у С. И. Руденко) также для обозначения метисов между угорскими остяками (хантами) и ненцами (самоедами).

В последние годы в этнографической литературе утвердился этноним селькупы, который является самоназванием только для тазовской группы, где он привился, и в языке русского населения Туруханского района и в официальной статистике. В бассейне Оби Кастрен зарегистрировал четыре самоназвания: tschûmel-gop по р. Оби ниже Нарыма, sysse-gom — по р. Кети, schösch-kom—по р. Оби выше Нарыма и tjûje-gom—по р. Чулыму. Г. И. Прокофьев отмечает только два первых. В его транскрипции они выглядят несколько иначе, чем у Кастрена: çumы qup — по рекам Тыму, Парабели, низовьям Васюгана и по Оби и sysse qum — по р. Кети. Теперь чумылькупы почти все переселились на р. Тым, где образован Тымский национальный район. Чуекумы совсем обрусели, и в живой речи это самоназвание не сохранилось. Шешкумы сохранились в числе около 30 семей по р. Кети. По Оби людей, именующих себя шешкумами, нет. Название селькупы в бассейне Оби не принято ни ими самими, ни русским населением, ни официальной статистикой, которая продолжает именовать нарымских селькупов остяками, как они и сами себя называют, когда говорят по-русски. Для научной терминологии все же необходимо сохранить общий этноним «селькупы», которым мы и будем пользоваться, несмотря на его «академический» (в применении к бассейну Оби) характер.

Территориально современные селькупы разделены и образуют две не соприкасающиеся между собой группы[1]: тазовско-туруханскую, числен-

[1] Соединение, обозначенное на карте З. Е. Чернякова (в приложении к коллективному труду «Языки и письменность народов Севера»), является вымышленным. Впрочем, разрыв произошел сравнительно не так давно. Б. О. Долгих сообщил мне, что переселение селькупов на Таз происходило с Тыма через Вах в XVII в.



Расселение народностей Обь-Енисейского водораздела: 1. селькупы; 2. кенцы; 3. энцы; 4. ханты; 5. кеты; 6. эвенки; 7. чулымцы.

ностью около 1500 человек, и нарымскую, численностью около 4500 человек, из которых около 2 тыс. говорят только по-русски. У остальных имеется значительная доля русской примеси. Первая группа (собственно селькупы) гораздо полнее сохранила территориальную компактность, язык и этническую обособленность, вторая (чумылькупы и шешкумы) сильно обрусела и вкраплена среди русского населения, с которым быстро ассимилируется. Этнологически селькупы представляют весьма сложный конгломерат. Некоторые фамилии тазовских селькупов встречаются и у соседних народностей: Полин у энцев низовьев Енисея, Ириков у елогуйских кетов, Кунин у ваховских хантов. Правда, в литературе существует тенденция считать елогуйских Ириковых и ваховских Куниных селькупами (Долгих, Прокофьев), но это совершенно не соответствует их языку и этническому самосознанию. В том и другом отношении первые теперь кеты, а вторые ханты, что твердо установлено моими личными наблюдениями. Этнографически Прокофьев установил значительную близость селькупов и кетов. По р. Туруханy и в верховьях Таза смешанные браки между этими народами представляют обычное явление. На р. Тольки (Толька) селькупы, как правило, берут жен у ваховских хантов. В верховьях Таза обычным явлением можно считать также смешанные браки селькупов с эвенками (тунгусами). Имеется, наконец, и русская примесь. Фамилия Андреевых, распространенная в среднем течении Таза, имеет своим родоначальником русского. Нарымские селькупы также очень часто женятся на русских.

С другой стороны, самодийские [1] элементы, как указано Палласом, Кастреном и Радловым, несомненно играли значительную роль в этногенезе тюркоязычных народов, частью еще сохранившихся по р. Чулыму (чулымцы — см. ниже — и некоторые племена, вошедшие в состав хакасов, особенно койбалы), в отрогах Саян (тофалары или карагасы), частью уже исчезнувших (маторы, камасинцы, или калмажи, в районе Канска). Несомненно, что эти южные самодийские племена в какой-то степени имели в прошлом общую судьбу с народами, объединяемыми теперь под именем селькупов.

Все это делает весьма привлекательной задачу разрешения проблемы этногенеза селькупов. До последнего времени антропологические данные почти не привлекались для этой цели. В 1911—1914 гг. финляндский этнограф Кай Доннер измерял мужчин-селькупов, уроженцев разных мест Нарымского округа. Эти материалы опубликованы в 1939 г. К. Хильденом. Из описательных признаков статистические данные имеются только по пигментации.

Цвет волос

Черный	20
Темнокоричневый	9
Коричневый	1
Светлорусый	2
Белокурый	1

Цвет глаз

Темнокарий	24
Светлокарий и серовато-карий	7
Зеленый	2
Серый	3

По мнению Хильдена, примесь светлых оттенков объясняется скорее всего русской примесью, но возможно также влияние загадочной белокурой расы Центральной Азии.

Отмечено отсутствие монгольской складки.

[1] По предложению Прокофьева, всю группу в целом (т. е. ненцев, энцев, нганасан и селькупов) лучше, ввиду упразднения термина «самоеды», называть самодийской.

Из числа измерительных признаков могут быть использованы данные о длине тела и размерах головы:

	№	M ± m	± σ
Длина тела	29	158.1±0.9	4.7
Продольный диаметр	29	189.6±1.0	5.2
Поперечный »	29	155.7±1.0	5.5
Головной указатель	29	82.1±0.6	3.1

Измерения лица произведены явно ошибочно — скуловой диаметр, например, равен 130 мм.

В общем материалы Кай Доннера содержат мало данных для антропологической характеристики селькупов.

Большего внимания заслуживают замечания Е. Н. Орловой и Г. Н. Прокофьева. Первые относятся к нарымским селькупам. Приводим их целиком.

«Они среднего роста, коренасты, темноволосы, смуглы, с характерным выступанием скул, полными губами, широким носом и темными, не очень узкими глазами. В верховьях Кети встречаются типы худощавые, с узкими, длинными лицами, тонкими губами, прямым, узким, но невысоким носом».

Прокофьев описывает антропологические особенности тазовско-туруханских селькупов.

«Кровные узы, связующие остяко-самоедов с енисейцами, наложили свой отпечаток на типе этих народностей. Особенно резко это бросается в глаза на нижнем течении Туруханa. Тип баишинского остяко-самоеда, живущего в этом районе, поражает своей обособленностью и определенностью. Это тип черноглазый, черноволосый, с очень смуглой кожей. Черты лица правильны, монголоидность выражена слабо, а иногда вовсе отсутствует. Тип этот не наблюдается ни у юраков, ни у тунгусов, ни у угро-остяков. Зато он очень характерен для енисейцев-кетов; особенно часто он наблюдается у представителей нижне-инбацкого рода этого племени. Такую же общность мы наблюдаем между остяко-самоедами верховьев Таза и енисейцами-кетами верхне-инбацкого рода. Но здесь в отличие от только что описанного смуглого типа преобладает тип менее сильно пигментированный, с коричневыми и темнорыжими оттенками волос, карими и серыми глазами... Вообще же среди тазовских остяко-самоедов наблюдается очень большое разнообразие в типологическом отношении. Наряду со смуглыми индивидами мы здесь встречаемся с индивидами русо- и рыжеволосыми, с серыми и голубыми глазами, часто по чертам лица напоминающими прибалтийских финнов. Наряду с этим финским типом наблюдается тип тюрко-татарский... Встречаются также индивиды самоедско-юрацкого типа. Наконец, в некоторых семьях сильно сказалось влияние русской крови».

I. МАТЕРИАЛ

В 1939 г. мною вместе со студенткой К. В. Вильшау, по заданию Института антропологии МГУ, произведено антропологическое обследование нарымских селькупов (чумылькупов) по р. Тыму. Как уже сказано, в Тымском районе живут теперь уроженцы районов, расположенных по Оби и ее левым притокам — Парабели и Васюгану. Всего исследован 71 взрослый мужчина без зарегистрированной русской примеси, что составляет около 80% лиц этой категории в Тымском районе и не менее 20% по б. Нарым-

скому округу. По месту рождения исследованные распределяются следующим образом.

С р. Васюган (пос. Навпак, Маргины, Березов Яр, Усть-Чатанка)	8 человек
С р. Парабель (пос. Минеевы, Невальцевы, Золотые Юрты, Пудины, Саиспаевы, Чарух, Карело-Яр, Моноково, Горбуновы, Юрты Сариных)	19 »
С р. Обь (пос. Капаскины, Иванкины, Казыльцевы, Пятковы, Сагандуковы, Типгинак, Сунгуровы, Петровы, Игаткины, Островные, Ширяево, Пыкино)	28 »
С р. Тым (пос. Пыль-Карама, Капапак, Июлядровы, Лымбель-Карамо, Неготка, Папас, Кулеевы)	16 »

Не охвачены, следовательно, селькупы с р. Кети (шешкумы). Но так как группа эта очень малочисленна, то вряд ли можно считать данное обстоятельство серьезным пробелом в наших данных.

В 1941 г. мною, при участии С. А. Шлугера, по заданию того же Института исследованы селькупы р. Таза. Удалось обнаружить всего 84 взрослых мужчин без зарегистрированной примеси других народов [1], что составляет не менее 50% лиц этой категории в Туруханском районе (по рр. Тазу, Туруханy и их притокам). Территориально по месту рождения обследованные распределялись следующим образом:

а) по р. Тазу и его притокам

Матыль-кы	2 человека	Печаль-кы	8 человек
Ратта	12 »	Сыпаль-кы	1 »
Ширта	3 »	Толь-кы и Чортово озеро	8 »
Кикиняк	5 »	Часаль-кы	13 »
Караль-кы (не смешивать с притоком р. Вах того же наименования)	2 »	Худосей и Таз от быв. с. Церковенского до Сидоровской пристани	19 »
Поколь-кы	3 »		

б) по р. Туруханy и его притокам — 8 человек

Эти группы гораздо более смешаны между собой, чем четыре нарымские. В последних каждая имеет свойственные ей фамилии, в то время как по Тазу одна фамилия встречается в разных районах, хотя все же некоторая территориальная обособленность наблюдается. Ввиду того, что у народов этой области фамилия является указанием на родовую принадлежность, а иногда и на этническое происхождение родоначальника, привожу список исследованных по фамилиям: Агичевы — 8, Андреевы — 8, Аксадамов — 1, Безруких — 4, Ириковы — 3, Кагалевы — 8, Калины — 10, Каргачевы — 2, Карсавины — 10, Киприны — 3, Куболевы — 3, Нерины — 2, Полины — 1, Сайготины — 5, Саргаевы — 2, Тамелькины — 4, Тетерины — 3, Тончины — 3 и Чекурмины — 4 человека.

В числе смешанных достаточно большие группы образовали метисы селькупов и хантов (исключительно в районе Толь-кы), которых оказалось 28 взрослых мужчин, и лица селькупско-эвенкийского, а также эвенкийско-селькупского происхождения (в верхнем течении Таза до Кикияка включительно), которых мы исследовали 47 человек.

[1] В число смешанных я не включаю селькупов с фамилией Андреев. Хотя родоначальник ее русский, но за несколько поколений русская примесь совершенно растворилась, и антропологически Андреевы обладают специфически «русскими» признаками не в большей мере, чем селькупы с другими фамилиями.

II. СУММАРНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕЛЬКУПОВ

Форма волос. Типичные для монголоидов жесткие и прямые волосы отнюдь не составляют большинства. Микрометрическое исследование образцов волос пока не произведено, но на ощупь они в 90% случаев такие же мягкие, как у русских. Наблюдается заметная примесь широковолнистых (не менее извилистых, чем группа *d* по схеме Мартина). В общем по форме волос селькупы ближе к русским, зырянам или вепсам, чем к бурятам или китайцам.

Рост бороды. По этому признаку селькупы занимают промежуточное место между типичными представителями светловолосых европеоидов и сибирских монголоидов. У нарымских борода растет гуще, чем у тазовских.

Пигментация. Цвет кожи (на внутренней поверхности плеча) определялся только у нарымских селькупов. На закрытых местах кожа в подавляющем большинстве случаев очень светлая, резко контрастируя со смуглыми от загара лицами [2]. Алтае-саянские народности и буряты гораздо более темнокожи (Ярхо, Рогинский). Цвет глаз тоже значительно светлее, чем у монголоидных форм Восточной Сибири: чисто темные глаза (по московской схеме Чепурковского — Бунака) встречаются только у $^1/_3$ обследованных, чисто светлые нередки, большинство же падает на смешанные оттенки. Депигментация проявляется и в цвете волос: примесь темнорусых оттенков весьма ощутительна, а среди черных № 27 шкалы Фишера (чисто черный, с синеватым отблеском) встречается редко и только у тазовских.

Лицо в целом. Селькупы далеко не так скуласты, как буряты или тунгусы. Однако случаев сильной горизонтальной профилировки тоже почти не отмечено. По размерам лица тазовские селькупы резко отличаются от нарымских: у первых лицо очень большое (не меньше, чем у якутов или бурят), у вторых заметно меньше как по высотным, так и по широтным размерам, вследствие чего по лицевым указателям разница почти отсутствует.

Нос. Селькупы, как и большинство народов СССР, характеризуются лепто- или мезоринией. У нарымских указатель немного выше, т. е. нос относительно более широкий, но не за счет абсолютной ширины (последняя у тазовских даже немного больше), а за счет заметно меньшей высоты. Низкое, как у большинства бурят, переносье отмечено только у $^1/_3$ исследованных, у остальных оно выше, хотя собственно высоких форм (в общечеловеческом масштабе) все же почти нет. Точно так же и по поперечному профилю спинки носа плоская форма, слабо отграниченная от щек, встречается редко. В соответствии с небольшой шириной и умеренным выступанием носа положение осей ноздрей в подавляющем большинстве случаев среднее: сагиттальное (как у кавказцев или северных европейцев) и поперечное (как у малайцев) расположение встречается редко, и обе эти крайние формы не сильно выражены. Профиль спинки носа преобладает прямой; у нарымских чумылькупов много вогнутых форм, выпуклые встречаются только по р. Тазу, но редко. Положение кончика и основание большей частью приподнятые, случаев опущенного положения почти не встретилось, несмотря на довольно высокий средний возраст обследованных.

---

[1] Таблицы описательных признаков см. Приложение.

[2] По шкале Лушана: № 3 — 1 человек, № 7 — 43, № 9 — 14, № 11 и 13 — по 1 человеку.

Веко. Эпикантус отмечен у $^1/_4$ исследованных, т. е. гораздо меньше, чем в Восточной Сибири, но больше, чем в любой группе к западу от Урала. Собственно складка века имеется более чем у 90%, степень развития ее в среднем умеренная, но гораздо большая, чем, например, у русских.

Губы. Высота кожной части верхней губы средняя, реже большая; профиль вертикальный или выступающий примерно в равном числе случаев. По этим признакам селькупы также занимают среднее место между типичными европеоидами и монголоидами. «Толщина» губ умеренная, примерно как у русских, и несколько меньше, чем у бурят или алтайцев.

Мозговой череп в целом. Оба горизонтальных размера характеризуют тазовских селькупов как очень большеголовую группу, у нарымских абсолютные размеры значительно меньше. По головному указателю разница меньше — обе группы умеренно брахикефальны.

Лоб. Ширина лба небольшая, в особенности по отношению к поперечному диаметру головы. Эта особенность, рассматриваемая иногда как специфическое отличие мозгового черепа монголоидных брахикефальных форм от европеоидных, при измерении на живых слабо диференцирует оба круга форм, очевидно, вследствие меньшей точности. Наклон лба большей частью слабый, так же как и степень развития надбровных дуг, особенно у нарымской группы.

Длина тела у обеих групп малая; тазовские селькупы, несмотря на большие абсолютные размеры головы и лица, несколько более низкорослы, чем нарымские.

III. ВЫДЕЛЕНИЕ ТИПОВ

Величины квадратического уклонения в общем не больше, чем у групп, считающихся более или менее «чистыми» в расовом отношении. Распределение описательных признаков также не обнаруживает таких сочетаний, которые бесспорно указывали бы на смешанность группы. Таким распределением можно было бы считать большое количество крайних форм при относительно малом числе средних. Однако среди селькупов подобного соотношения не наблюдается. Но это отнюдь не говорит против смешанного происхождения селькупов. Изучение заведомо смешанных групп (неопубликованные материалы Ярхо о русско-алтайских метисах, данные А. Скрайнер о норвежско-лопарских помесях и пр.) показало, что метисация не отражается в сколько-нибудь явной форме на величине статистических параметров. Увеличение квадратического уклонения и коэффициента вариации наблюдается только в случае механического смешения, не сопровождающегося брачными связями. Поэтому при анализе расового состава селькупов нецелесообразно итти путем рассмотрения строения вариационных рядов. Комбинации признаков, напоминающие зырян или финнов, с одной стороны, кетов или даже тунгусов — с другой, действительно встречаются, но вряд ли могут сами по себе рассматриваться как серьезное основание для выделения типов. Дело в том, что частота этих комбинаций примерно соответствует теоретически ожидаемой по теореме умножения вероятностей. На таблицах 1—4 представлены эмпирические и теоретические частоты комбинаций противоположных типов пигментации глаз, роста бороды, высоты переносья и профиля губы. Вероятность разницы между эмпирическими и теоретическими частотами во всех случаях очень мала (ни разу не достигает 0.9).

Однако если следовать одному из основных принципов расового анализа, предложенных А. И. Ярхо (1934), и рассматривать соотношение эмпи-

Таблица 1

Комбинация цвета глаз, роста бороды и высоты переносья у селькупов

Цвет глаз	Рост бороды	Переносье	Нарымские (59)			Тазовские (71)		
			Эмпирич.	Теоретич.	P (d) на 1000	Эмпирич.	Теоретич.	P (d) на 1000
«Темный» (№ 1—5)	Очень слабый (1)	Низкое (1)	8.5	6.4	669	5.6	8.2	726
То же	То же	Среднее и высокое (2—3)	10.2	11.5	590	19.7	16.0	718
»	Не очень слабый (2—4)	Низкое (1)	16.9	12.3	761	12.7	9.0	761
»	То же	Среднее и высокое (2—3)	16.9	22.3	770	12.7	17.5	788
«Светлый» (№ 6—11)	Очень слабый (1)	Низкое (1)	3.4	5.7	728	5.6	8.0	715
То же	То же	Среднее и высокое (2—3)	11.9	10.4	602	16.9	15.6	583
»	Не очень слабый (2—4)	Низкое (1)	6.8	11.2	796	9.9	8.7	593
»	То же	Среднее и высокое (2—3)	25.4	20.2	751	16.9	17.0	508

Таблица 2

Комбинация цвета глаз, роста бороды и профиля верхней губы у селькупов

Цвет глаз	Рост бороды	Профиль верхней губы	Нарымские (58)			Тазовские (69)		
			Эмпирич.	Теоретич.	P (d) на 1000	Эмпирич.	Теоретич.	P (d) на 1000
«Темный» (№ 1—5)	Очень слабый (1)	Прохейлия (1)	12.1	9.6	673	16.0	11.9	758
То же	То же	Ортохейлия (2)	6.9	8.8	648	10.1	12.3	659
»	Не очень слабый (2—4)	Прохейлия (1)	17.2	18.1	551	14.5	13.0	598
»	То же	Ортохейлия (2)	17.2	16.9	516	10.1	13.4	726
«Светлый» (№ 6—11)	Очень слабый (1)	Прохейлия (1)	8.6	8.3	524	10.1	11.6	610
То же	То же	Ортохейлия (2)	6.9	7.8	575	11.6	12.0	528
»	Не очень слабый (2—4)	Прохейлия (1)	13.8	15.8	618	8.7	12.7	773
»	То же	Ортохейлия (2)	17.2	14.7	644	18.9	13.1	823

рических и теоретических частот комбинаций не в отрыве от межгрупповой корреляции этих признаков на территории северной Евразии, а в связи с ней, то можно заметить, что те из этих комбинаций, которые характеризуют различия между европеоидным и монголоидным комплексами, встречаются все же несколько чаще, чем следовало бы ожидать, основываясь на произведении вероятностей.

Та же тенденция несколько яснее выступает при разбивке исследованных на более мелкие популяции. На таблице 5 представлены средние ве-

Таблица 3

Комбинация цвета глаз, высоты переносья и профиля верхней губы у селькупов

Цвет глаз	Переносье	Профиль верхней губы	Нарымские (69)			Тазовские (82)		
			Эмпирич.	Теоретич.	P (d) на 1000	Эмпирич.	Теоретич.	P (d) на 1000
«Темный» (№ 1—5)	Низкое (1)	Прохейлия (1)	14.5	10.1	785	13.4	9.0	816
То же	То же	Ортохейлия (2)	10.2	8.3	651	4.9	9.0	846
»	Среднее и высокое (2—3)	Прохейлия (1)	18.8	20.2	583	14.6	14.1	536
»	То же	Ортохейлия (2)	11.6	16.5	796	13.4	14.1	543
«Светлый» (№ 6—11)	Низкое (1)	Прохейлия (1)	5.8	8.2	711	11.0	10.5	540
То же	То же	Ортохейлия (2)	2.9	6.7	852	9.7	10.5	567
»	Среднее и высокое (2—3)	Прохейлия (1)	15.9	16.5	540	11.0	16.4	841
»	То же	Ортохейлия (2)	20.3	13.5	857	22.0	16.4	821

Таблица 4

Комбинация роста бороды, высоты переносья и профиля верхней губы у селькупов

Рост бороды	Переносье	Профиль верхней губы	Нарымские (58)			Тазовские (69)		
			Эмпирич.	Теоретич.	P (d) на 1000	Эмпирич.	Теоретич.	P (d) на 1000
Очень слабый (1)	Низкое (1)	Прохейлия (1)	6.9	6.2	563	10.2	8.2	659
То же	То же	Ортохейлия (2)	5.2	5.7	547	1.4	8.4	973
»	Среднее и высокое (2—3)	Прохейлия (1)	13.8	11.7	633	15.9	15.4	532
»	То же	Ортохейлия (2)	8.6	10.9	662	20.3	15.8	755
Не очень слабый (2—4)	Низкое (1)	Прохейлия (1)	13.8	11.7	633	10.2	8.9	598
То же	То же	Ортохейлия (2)	8.6	10.9	662	13.0	9.2	764
»	Среднее и высокое (2—3)	Прохейлия (1)	17.3	22.2	744	13.0	16.8	731
»	То же	Ортохейлия (2)	25.8	20.6	747	15.9	17.2	583

личины и частоты некоторых признаков нарымских селькупов (чумылькупов) по долинам рек, представляющих в условиях Западной Сибири естественные области относительной изоляции. Количественно группы получились, конечно, очень незначительные, и разницы почти всегда меньше своих утроенных ошибок. Однако и здесь в свете общих межгрупповых корреляций можно наметить две группы: обско-васюганскую и тымско-парабельскую. В первой группе намечается тенденция к более прямым

Таблица 5

Средние величины и частоты некоторых расовых признаков нарымских селькупов (чумылькупов) по географическим группам (по рекам)

Расовые признаки	Обь	Васюган	Парабель	Тым
Форма волос, % волнистых	0	0	14.3	25.0
Рост бороды (старше 25 лет) М (1—5)	1.84	2.00	2.37	2.31
Цвет глаз, % светлых	3.6	0	10.5	18.8
Цвет волос, % темнорусых и русых (6—12)	26.0	50.0	42.1	66.7
Горизонтальная профилировка лица М (1—3)	1.50	1.38	1.63	1.25
Скуловой диаметр, мм	145.7	143.6	144.1	145.3
Морфологическая высота лица, мм	127.6	126.1	128.8	123.0
Высота переносья М (1—3)	1.68	1.50	1.84	1.53
Профиль спинки носа: % вогнутых	53.5	62.5	31.6	20.0
Профиль спинки носа: % выпуклых	0	0	0	0
Носовой указатель (от переносья)	71.1	72.8	68.5	74.3
Эпикантус, частота	28.6	25.0	21.0	25.0
Складка века М (0—3): проксимальный отдел	1.58	1.50	0.89	1.06
Складка века М (0—3): медиальный отдел	2.04	1.63	1.63	1.81
Складка века М (0—3): дистальный отдел	2.07	1.63	1.63	1.81
Высота верхней губы М (1—3)	2.46	2.38	2.26	2.29
Профиль верхней губы М (1—3)	1.39	1.25	1.63	1.43
«Толщина» верхней губы М (1—4)	1.57	1.87	1.42	1.21
«Толщина» нижней губы М (1—4)	1.82	2.25	1.95	1.57
Продольный диаметр, мм	191.2	188.9	186.5	187.3
Поперечный диаметр, мм	152.9	149.8	153.7	158.3
Головной указатель	79.9	79.3	82.3	84.5
Наклон лба М (1—3)	2.52	2.87	2.84	2.69
Развитие надбровья М (1—4)	1.41	1.13	1.11	1.13
Длина тела, мм	1604	1598	1586	1577
Число наблюдений (максим.)	28	8	19	16
Средний возраст	40	35	46	37

волосам, более слабому росту бороды, более темной пигментации, более вогнутой спинке носа, более высокой и прохейличной верхней губе, более низкому головному указателю. В свете межгрупповых корреляций эти незначительные сами по себе отличия также соответствуют направлению разницы между сибирскими монголоидами и светлыми европеоидами. На Парабели и на Тыме чаще встречаются волнистые волосы, сильнее рост бороды, пигментация светлее, профиль носа более прямой, губа более низкая и менее прохейличная, головной указатель выше. Несоответствие с межгрупповой корреляцией заключается в слабой горизонтальной профилировке лица у тымских чумылькупов. Однако на Парабели плоских лиц меньше, чем в других группах, и скуластость тымских чумылькупов можно без большой натяжки отнести за счет недостаточности наблюдений и малой численности группы. Характеру межгрупповой корреляции противоречит также направление различий в длине тела. Более светлые и вообще более «европеоидные» группы скорее даже более низкорослы.

В тазовской группе разбивка по географическим районам (таблица 6) дает гораздо менее определенный результат, что и понятно, так как степень взаимной изолированности населения верхнего и нижнего Таза (а иного способа подразделения предложить нельзя) гораздо меньше, чем на Оби и ее притоках. Только немногочисленная туруханская группа выделяется заметно более темной пигментацией (что отмечал уже Про

кофьев) и вообще более монголоидным обликом (исключая, впрочем, высоту переносья). Однако количество наблюдений здесь слишком мало, и туруханские селькупы должны быть доследованы дополнительно.

Таблица 6

Средние величины и частоты некоторых расовых признаков тазовских селькупов по географическим группам

Расовые признаки	Верхнетазовские	Среднетазовские	Нижнетазовские	Туруханские
Форма волос, % волнистых	7.7	33.3	36.4	14.2
Рост бороды (старше 25 лет) М (1—5)	1.75	2.10	1.72	1.29
Цвет глаз, % светлых	14.8	33.3	17.7	0
Цвет волос, % темнорусых и русых (6—12)	14.8	50.0	28.1	0
Горизонтальная профилировка лица М (1—3)	1.37	1.27	1.62	1.25
Скуловой диаметр, мм	150.2	153.2	149.7	148.5
Морфологическая высота лица, мм	132.2	135.1	134.9	129.6
Высота переносья М (1—3)	1.70	1.53	1.59	1.75
Профиль спинки носа: % вогнутых	11.1	6.7	14.7	37.5
Профиль спинки носа: % выпуклых	7.4	6.7	11.8	0
Носовой указатель (от переносья)	69.8	69.4	67.7	69.2
Эпикантус, частота	11.1	13.3	36.4	50.0
Складка века М (0—3): проксимальный отдел	1.59	0.94	1.49	1.25
Складка века М (0—3): медиальный отдел	2.11	1.27	1.82	2.00
Складка века М (0—3): дистальный отдел	2.04	1.27	1.76	2.00
Высота верхней губы М (1—3)	2.27	2.33	2.27	2.25
Профиль верхней губы М (1—3)	1.50	1.40	1.61	1.38
«Толщина» верхней губы М (1—4)	1.39	1.40	1.61	1.50
«Толщина» нижней губы М (1—4)	1.88	1.93	1.97	1.87
Продольный диаметр, мм	192.5	195.2	192.9	189.8
Поперечный диаметр, мм	159.7	160.6	157.0	159.4
Головной указатель	82.9	82.4	81.5	84.1
Наклон лба М (1—3)	2.63	2.33	2.61	3.00
Развитие надбровья М (1—4)	1.41	1.40	1.47	1.13
Длина тела, мм	1593	1599	1580	1569
Число наблюдений (максим.)	27	15	34	8
Средний возраст (приблиз.)	42	39	40	30

По совету Г. Н. Прокофьева произведен подсчет средних и процентов по двум наиболее крупным родам: роду кедровки (Казыль-тамдэр) и роду орла (Лымбель-тамдэр).[1] Кроме того, особо выделены лица, носящие фамилию Андреев, имеющие русского родоначальника[2] и не входящие ни в один из родов. Оказалось (табл. 7), что индивиды, принадлежащие к роду Казыль-тамдэр, более светло пигментированы и вообще более европеоидны по всем описательным признакам, чем лица рода Лымбель-тамдэр. Надо, однако, заметить, что представители рода Казыль-тамдэр чаще встречаются по Толь-кы (табл. 8), где заведомо имеется хантская примесь, зарегистрировать которую мы смогли только в первом поколении. А сель-

[1] Оба рода взаимно экзогамны, и, казалось бы, от такой разбивки вряд ли можно ожидать результатов. Однако, как правильно указал мне в личной беседе Б. О. Долгих, в каждом из родов заключаются браки и с другими народами (хантами, кетами, эвенками). Поэтому, если первоначально между ними существовали какие-либо антропологические различия, то тенденция в направлении этих различий все же может сохраниться.

[2] По данным Щапова, в 60-х годах прошлого столетия потомки Андрея (сына тазовского священника) имели 3/16 «русской крови». С тех пор эта концентрация, конечно, еще более уменьшилась.

Таблица 7

Средние величины и частоты некоторых расовых признаков у тазовских селькупов по родовым группам

Расовые признаки	Лымбель-тамдэр	Казыль-тамдэр	Андреевы
Форма волос, % волнистых	13.6	30.0	37.5
Рост бороды (старше 25 лет) М (1—5)	1.62	1.96	1.57
Цвет глаз, % светлых	12.5	30.0	0
Цвет волос, % темнорусых и русых (6—12)	21.8	34.2	12.5
Горизонтальная профилировка лица М (1—3)	1.38	1.40	1.88
Скуловой диаметр, мм	149.7	151.3	150.0
Морфологическая высота лица, мм	133.9	134.2	134.1
Высота переносья М (1—3)	1.46	1.65	1.75
Профиль спинки носа { % вогнутых	20.8	7.5	12.5
Профиль спинки носа { % выпуклых	4.2	15.0	0
Носовой указатель (от переносья)	70.4	68.0	68.7
Эпикантус, частота	33.3	15.0	37.5
Складка века М (0—3) { проксимальный отдел	1.54	1.28	1.74
Складка века М (0—3) { медиальный отдел	2.04	1.63	1.98
Складка века М (0—3) { дистальный отдел	2.04	1.58	1.74
Высота верхней губы М (1—3)	2.50	2.15	2.13
Профиль верхней губы М (1—3)	1.38	1.58	1.88
«Толщина» верхней губы М (1—4)	1.58	1.45	1.50
«Толщина» нижней губы М (1—4)	2.08	1.84	1.87
Продольный диаметр, мм	192.6	193.6	192.8
Поперечный диаметр, мм	158.8	159.3	155.9
Головной указатель	82.5	82.5	80.9
Наклон лба М (1—3)	2.67	2.55	2.63
Развитие надбровья М (1—4)	1.25	1.48	1.63
Длина тела, мм	1568	1586	1611
Число наблюдений (максим.)	24	40	8
Средний возраст	41	39	42

Таблица 8

Соотношение географического и родового распределения тазовских селькупов

Географическое распределение	Лымбель-тамдэр	Казыль-тамдэр	Андреевы	Прочие
Верхне-тазовские	11	13	—	3
Средне-тазовские	2	13	—	—
Нижне-тазовские	11	14	8	1
Туруханские	2	—	—	6

купо-хантские метисы также имеют более европеоидный облик, чем условно «чистые» селькупы. Чтобы выяснить, не объясняются ли только примесью хантов черты светлого европеоидного типа, произведен подсчет по некоторым признакам для обоих родов, отдельно по верхне- и нижнетазовской группе, исключив уроженцев рек Толь-кы и Печаль-кы. Направление различий между обоими родами не только сохранилось, но даже усилилось (табл. 9). Правда, вследствие малой численности полученных таким способом групп реальность отдельных разниц значительно уменьшилась, но сохранился, по выражению Ярхо, «типологический характер» различий.

Таблица 9

Частоты некоторых расовых признаков у тазовских селькупов по географическим и родовым группам

Расовые признаки	Верхне-тазовские		Нижне-тазовские	
	Казыль-тамдэр	Лымбель-тамдэр	Казыль-тамдэр	Лымбель-тамдэр
Волнистые волосы	15	0	43	20
Средний и сильный рост бороды	18	10	33	11
Темнорусые и русые волосы	23	9	46	20
Светлые глаза	23	9	36	9
Среднее и высокое переносье	69	64	71	27
Эпикантус	8	18	21	43
Высокая верхняя губа	8	36	14	54
Прохейлия	50	36	23	82

Так как в масштабе северной Евразии общее направление связи между формой волос, ростом бороды, пигментацией и частотой эпикантуса имеет вполне определенный характер, то сохранение этой связи у наших групп нельзя признать случайным, что можно доказать и статистически. Вероятность разницы (на тысячу) между родами Казыль-тамдэр и Лымбель-тамдэр в нижнетазовской группе по отдельным признакам равна:

	Частота
светлых глаз	972
эпикантуса	874
сильно развитой бороды	892
волнистых волос	892

Однако вероятность разницы в данном сочетании признаков, соответствующем общему направлению межгрупповой корреляции, равна произведению отдельных вероятностей и равна 999.5 на 1000, что можно считать вполне достаточным, тем более что и другие признаки (высота и профиль губы, высота переносья) отличаются в том же направлении.

Таким образом, внутригрупповой анализ нарымских и тазовских селькупов приводит к выделению следующих комбинаций признаков:

а) Тип умеренно монголоидный, мезокефальный со средними абсолютными размерами головы и лица и вогнутым носом. Распространен преимущественно на Оби.

б) Тип более монголоидный, [1] брахикефальный с большими размерами головы и лица, тоже с вогнутым носом, хотя в меньшей степени, чем у первого типа. Распространен по р. Тазу, главным образом среди представителей рода Лымбель-тамдэр и, возможно, по р. Туруханy.

в) Тип, обнаруживающий европеоидные черты, сравнительно светло пигментированный, повидимому брахикефальный, скорее с прямым носом. Распространен, главным образом, по р. Тыму, по р. Тазу, встречается чаще у

[1] Терминология, установившаяся в нашей антропологической литературе, далека от совершенства. Под термином «монголоидный» понимают как категорию первого порядка, включающую также и американоидные формы, так и категорию более низкого порядка, противопоставляемую американоидам. В первом случае мы говорим просто о монголоидах, или об азиатско-американском стволе, во втором — о «монголоидах в узком смысле слова» или о «выраженных монголоидах».

представителей рода Казыль-тамдэр и у селькупско-хантских метисов. Между нарымскими и тазовскими вариантами этого типа отмечены большие различия в абсолютных размерах, особенно в высоте лица.

IV. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Дальнейшая детализация проблемы расового состава селькупов и выяснение характера связи выделенных типов с теми или иными этническими группами требует привлечения сравнительного материала по соседним народам.[1] Большинство из них было исследовано нами одновременно с селькупами. Ценность этих данных для сравнительного анализа повышается в связи с тем обстоятельством, что все измерения и определения описательных признаков произведены лично автором настоящей статьи, что сводит к минимуму неизбежные различия в масштабе оценки. Только у чулымцев описательные признаки определены Т. А. Трофимовой, но при моем непосредственном участии и постоянной взаимной консультации.

Кеты. Расовые особенности этой интересной народности неоднократно описывались в антропологической литературе. Даже Кастрен, несмотря на его принципиально отрицательное отношение к использованию данных антропологии для разрешения этнологических проблем, отмечает, что «в наружности их монгольские черты выступают не так резко, как у самоедов или тунгусов», и что в лицах их «было более татарского, нежели монгольского». Позднее то же самое отмечает Мордвинов: «Черты лица не заключают в себе общего характера азиатского типа... скулы маловыдавшиеся... нос обыкновенный, глаза широкие... вообще росту посредственного, но более рослы, нежели тунгусы». Третьяков, описывая, с одной стороны, «волосы, растущие на бороде весьма редко... смуглое лицо... черные волосы», упоминает все же о «синих, серых, но еще более черных глазах», а также отмечает вслед за Мордвиновым «маловыдавшиеся... скулы..., прямой нос..., рост... большей частью выше среднего». Специальному антропологическому исследованию кеты были подвергнуты в 1905—1906 гг. этнографом В. И. Анучиным, работавшим по программе Антропологического отдела об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. В. И. Анучин установил в составе кетов два расовых типа, которые он назвал тюркоподобным и арийцеподобным. О первом он пишет: «Среди них есть особи, напоминающие качинца, якута, киргиза, монгола, и много похожих на тунгуса». Что касается арийцеподобного типа, то, по мнению Анучина, это «в общем — тип русского крестьянина и часть похожа на финляндцев».

Систематизируя данные по отдельным признакам, получаем следующую характеристику.

Тюркоподобный тип	Арийцеподобный тип
Прямые волосы	Волосы и прямые, и волнистые, и курчавые, и шерстистые
Меньшая волосатость тела	Более обильная волосатость тела; чаще борода и усы

[1] Необходимость сравнений в широком масштабе диктуется малой численностью исследованной популяции, вследствие чего повышается вероятность случайных отклонений частот и средних отдельных признаков. Впрочем, надо также иметь в виду, что хотя близкое родство между исследованными понижает представительность выборки, но последняя составляет весьма значительную долю генеральной совокупности, что, несомненно, повышает ее представительность. Настоятельно необходима разработка поправок к биометрическим формулам в применении к изолированным популяциям.

Более темная окраска кожи	Белая кожа. Румянец, веснушатость.
Карие глаза	Цвет радужной оболочки серый, светло-голубой
Всегда черные волосы	Волосы... темнорусые — рыжие. У детей волосы цвета льна
Заметная скуластость	Малая скуластость и очень часто отсутствие ее
Косоглазие... и, хотя очень редко, монгольская складка.	Нет косоглазия и монгольской складки

Статистически реальность этих типов не проверена. Н. А. Синельников, обработавший данные В. И. Анучина, приводит также дополнительное указание этого исследователя о наличии в их составе индивидов, напоминающих «индейцев Северной Америки и именно наиболее характерный тип их, как он представлен, например, особями племени апахов». Однако Синельников обратил основное внимание не на описательные признаки (они даже не опубликованы в таблице индивидуальных данных, за исключением цвета волос и глаз), а на измерительные. В этом сказалось влияние А. А. Ивановского, работы которого пользовались в то время довольно значительным авторитетом у русских антропологов. Разделив всех исследованных на две группы по длине тела, Синельников нашел, что более высокорослые менее брахикефальны, более узколицы и узконосы и несколько светлее пигментированы. Эти наблюдения мало способствуют делу расового анализа: отличия в измерительных признаках идут в направлении нормальной функциональной корреляции, отличия же в пигментации статистически не реальны, а в отношении цвета глаз даже идут в направлении, противоположном указанному Синельниковым.

		Низкорослые Абсол.	%	Среднерослые Абсол.	%
Цвет глаз	Черный, карий и светло-карий	23	74±8	15	79±9
	Серый и серо-зеленый	8	26±8	4	21±9
Цвет волос	Черный	23	70±8	12	63±11
	Темнорусый и темнорыжий	10	30±8	7	37±11

Краткое описание расовых типов кетов дает Г. Финдейзен. Он отмечает наличие в их составе светлого элемента, но склоняется к мысли, что он является результатом скрещения с русскими. Что же касается темного элемента, то он, по его мнению, тоже не единообразен. «Всем бросается в глаза наличие двух различных типов. Один из них имеет узкое и длинное лицо со смелыми красивыми чертами и длинным носом, напоминающим тип североамериканских индейцев; другой тип с широкими и высокими скулами обнаруживает монгольское влияние». Итогом наблюдений разных авторов (в том числе и своих собственных) можно считать формулировку Б. О. Долгих: «Американоидный тип, являющийся основным для кетов, сильно смешан с монголоидным и даже светлым европеоидным».

Экспедицией 1941 г. было исследовано 79 кетов по р. Елогую. В этом числе было несколько человек, носящих фамилию Ириковых, которая встречается и у селькупов. Так как представители этой фамилии среди кетов вступают в браки с остальными и вообще не отличаются от них по

языку и быту, то и антропологически они не обнаружили сколько-нибудь существенных отличий. Поэтому они включены в общую кетскую группу. Отличие кетов от селькупов действительно идет в направлении, указывающем на «американоидные» особенности. У кетов чаще встречаются тугие волосы, менее интенсивный рост бороды, глаза и волосы заметно темнее, причем это особенно заметно в частоте появления черных волос (№ 27 шкалы Фишера). По профилировке лица кеты почти не отличаются от селькупов, по размерам его занимают среднее положение между нарымскими и тазовскими. Упомянутый выше «американоидный» характер отличий заключается в том, что при более тугих волосах, меньшем росте бороды и более темной пигментации кеты имеют более высокое переносье, а выпуклый профиль спинки носа встречается чаще. По строению века и губ обе народности в общем довольно сходны; в мозговом черепе резко бросается в глаза, что у кетов более покатый лоб и сильнее развиты надбровные дуги, чем они вообще заметно отличаются от соседних народов.

Х а н т ы. Наибольший интерес для наших целей представляют ханты, живущие по р. Ваху. Еще Чугунов установил, что они отличаются от обских по ряду признаков, в том числе по головному указателю. Экспедицией 1939 г. было исследовано 128 хантов верховьев Ваха. Они описаны в работе К. В. Вильшау, которая выделяет в их составе «кетский» и уральский компоненты. Последний в свою очередь является смешанным и включает светлый европеоидный элемент. По сравнению с селькупами ваховские ханты заметно более светловолосы; по цвету глаз отличия не велики. В общем из всех исследованных групп ваховские ханты ближе всего стоят к тазовским селькупам. Но ваховские ханты не характерны для обских угров вообще. Основным типом хантов и мансов, по работам Соммье, Чугунова, Руденко и др., следует считать тип, фигурирующий в классификации Деникера под именем угорской расы. Тип этот отличается умеренной степенью выраженности признаков монголоидного комплекса, небольшой, но вполне определенной депигментацией волос и глаз, вогнутой спинкой носа, мезокефалией, низким черепом, малой длиной тела.

Э в е н к и. Все наблюдатели единогласно отмечают выраженные монголоидные черты этого народа, чем он резко отличается от других народов севера Красноярского края. Миддендорф отмечает, что у всех виденных им тунгусов между Авамом, Хатангой и оз. Ессей «были монгольские лица». По Третьякову, у туруханских тунгусов «весьма жесткие и прямые волосы», борода и усы «растут весьма редко», «скулы выдавшиеся... нос плоский». По Рычкову, енисейские тунгусы, не смешанные с якутами, характеризуются следующими чертами: «волосы прямые... растительность на лице слабая... плоский нос, продолговатые ноздри, длинный поперечник которых параллелен верхней губе... разрез глаз очень узкий... губы толстые, иногда оттопыренные». Антропометрические исследования енисейских эвенков производила М. А. Чаплицкая, но, насколько мне известно, опубликованы только имеющиеся в работе Джуфрида-Руджери средние величины длины тела (1580 мм), головного (85.1) и носового (76.6) указателей 116 взрослых мужчин. В 1941 г. мы исследовали 31 эвенка по р. Тазу и, кроме того, 47 человек селькупско-эвенкийских метисов. Отличия от селькупов очень значительны, причем метисы почти по всем признакам занимают промежуточное положение. У эвенков нет ни европеоидных, ни «американоидных» особенностей. Только волосы у них тоже большей частью мягкие, что отметил также Рогинский у эвенков северного Прибайкалья.

Ч у л ы м ц ы. Эта небольшая тюркоязычная народность рассматривается иногда как тюркизированные селькупы или кеты. Большинство их теперь обрусело, и только несколько сот человек по среднему течению

Чулыма сохранили некоторую этническую обособленность. Сами себя они называют татар-кижи или бестэн-кижи;[1] в старой литературе они известны под именем мелецских татар, перепись 1926 г. зарегистрировала их под именем хакасов в Красноярском крае и карагасов (sic!) в Томской области. До революции небольшие антропологические материалы были собраны и опубликованы К. Горощенко и разработаны Ивановским. Они мало дали для уяснения расовых особенностей этого народа. В 1937 г. мной и Т. А. Трофимовой исследовано 144 взрослых мужчины, без зарегистрированной русской примеси. За исключением формы волос головы, которая вообще мало отличается у всех народов рассматриваемой области, чулымцы заметно более монголоидны, чем селькупы, и по многим расодиагностическим признакам первого порядка морфологически стоят ближе к эвенкам. У них гораздо слабее, чем у селькупов, растет борода, более темные глаза (но не волосы), гораздо более плоское лицо и переносье, чаще встречается эпикантус, где верхняя губа более высокая и прохейличная, губы вообще толще.

Ненцы. Лингвистически это близкая к селькупам народность, чего, по мнению Прокофьева, нельзя сказать с этнографической точки зрения. В антропологическом отношении все исследователи отмечали отличие тазовско-енисейских ненцев (юраков) от тунгусов. Так, по Кривошапкину, юраки «более подходят к остякам, чем к тунгусам». Третьяков пишет, что «в лице юраков есть монгольский тип, но более походят они на татар». Антропометрические данные о 21 юраке, собранные Чаплицкой, характеризуют их как низкорослую (1587 мм), брахикефальную (84.8) и мезоринную (76.9) группу. По этим признакам они мало отличаются от эвенков, но диагностическое значение их невелико.

В 1941 г. мы исследовали небольшую группу ненцев (юраков) в устье р. Таза. По особенностям волосяного покрова, по пигментации, по горизонтальной профилировке лица, по строению носа они занимают промежуточное положение между селькупами и эвенками.

Энцы. В описаниях старых авторов не всегда отделяются от нганасанов. Однако безусловно к энцам относится замечание Миддендорфа о том, что лица их «отличались от тунгусских менее выдающимися, особенно вперед, скулами». По Кривошапкину, у енисейских самоедов (т. е. энцев и нганасанов) «волосы более (т. е. чаще — *Г. Д.*) прямые, но есть и курчавые... бороды и усов нет», по цвету волосы чаще «черные, но есть и русые», лицо «продолговатее, чем у тунгусов... переносье выше и нос длиннее, чем у тунгусов» Третьяков отмечает: «черные волосы... глаза черные, а иногда карие или серые... скулы маловыдавшиеся... нос прямой». В итоге можно сказать, что энцы менее монголоидны, чем тунгусы, однако это не подчеркивается в такой степени, как по отношению к кетам. Данные Чаплицкой о 31 «тавгийце», вероятно, относятся к энцам. Они мало отличаются по опубликованным измерениям от остальных групп, измеренных этой исследовательницей: длина тела 1570 мм, головной указатель 85.6, носовой — 78.1. Экспедициями Института антропологии энцы пока не изучались. Судя по приведенным данным, они, повидимому, сходны с ненцами (юраками).

Нганасаны. Хотя эта народность непосредственно с селькупами не соприкасается, но поскольку она также относится к самодийской языковой группе, ее антропологические особенности могут представлять интерес при анализе расового состава селькупов. Миддендорф дает довольно подробную характеристику обеих нганасанских групп, авамской и вадеев-

[1] Это означает просто «наши люди».

ской. По общему впечатлению у авамских «физиономия... напоминала финский тип и далеко не казалась такою монгольскою, как физиономия тех самоедов, которых я видел на восточном берегу Белого моря». У вадеевских также «нельзя было подметить ничего тунгусского», и хотя у девушек «резко выступали монгольские черты лица... у мужчин они часто совершенно отступали на второй план». Вместе с тем Миддендорф отмечает, что у вадеевских самоедов «волосы без исключения... жесткие... у мужчин очень реденькие усы... вместо бороды также кое-где являются волоски под подбородком».

Развернутую характеристику нганасан, вполне отвечающую требованиям антропологии (насколько это возможно без статистических данных), дает Б. О. Долгих. «Волосы прямые, жесткие... волосяной покров слаб, ни бороды, ни усов (за одним исключением) самоеды «ня» не имеют... кожа светлая... глаза и волосы темные... лицо скуластое... нос средней высоты, иногда и высокий, часто с горбинкой. По сравнению с долганами и тунгусами самоеды «ня» определенно производят впечатление более носатых. Но узким... нос тоже назвать нельзя, он высок, но широк... сильная складка верхнего века, часто эпикантус, но разрез глаз менее косой, чем у тунгусов... губы тонкие... черепа брахицефальные (82—83)... довольно хорошо развиты надбровные дуги... рост средний и ниже среднего, но во всяком случае выше своих соседей — тунгусов и долган... телосложение крепкое». В заключение Долгих подчеркивает сходство самоедов «ня» с кетами, которое, по его мнению, меньше выражено у энцев и отсутствует у юраков.

Комментируя вышеприведенную характеристику, П. Е. Островских, работавший на Таймыре в 1899—1904 гг., также отмечает, что «среди авамских самоедов встречаются типы, чрезвычайно напоминающие североамериканских индейцев». Нашими исследованиями нганасаны также пока не охвачены. Однако нет оснований сомневаться в том, что цитированные выше замечания этнографов действительно отражают основные расовые особенности этого народа.

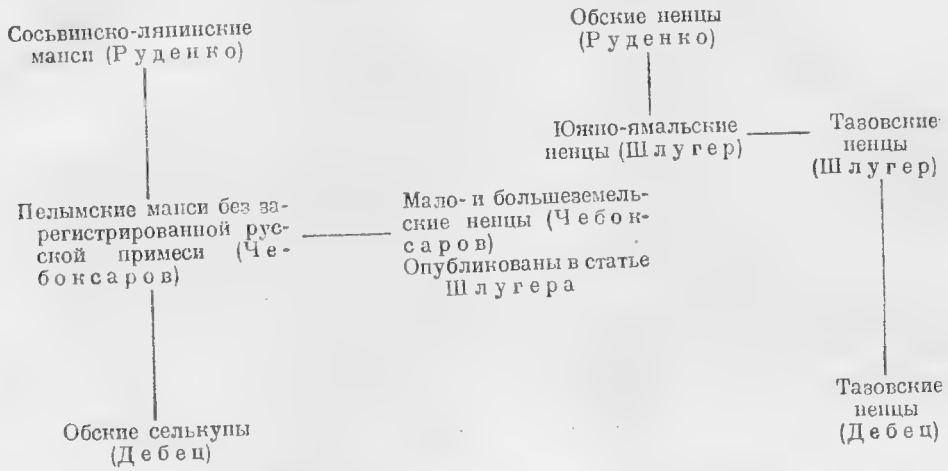
V. СРАВНЕНИЕ СЕЛЬКУПОВ С СОСЕДНИМИ ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

Уже из суммарного рассмотрения антропологических особенностей селькупов ясно, что они занимают в общем промежуточное место между сибирскими монголоидами, характерными представителями которых можно считать бурят и тунгусов, и светлыми европеоидами восточной Европы, например карелами или вепсами и коми-зырянами. В общей форме это заключение относится и к другим народам Западной Сибири (кетам, енцам, хантам, мансам) и многим тюркским народам: коренным сибирским татарам, шорцам, северным племенным группам ойротов и хакасам.

Сравнение селькупов с этими народами сталкивается с рядом методических затруднений, которые сводятся главным образом к неизбежной субъективности разных исследователей в масштабе оценки признаков, определяемых описательным путем, и в выборе признаков для сравнения. Для сравнимости определений разных авторов приходится прибегать к косвенным сопоставлениям путем условного отождествления групп, исследованных разными авторами. Ниже приводится схема для данной территории, необходимость в которой возникла в связи с очевидным различием в масштабе между Чебоксаровым и Дебецем, с одной стороны, и Шлугером — с другой, не говоря уже о Руденко. На одной горизонтали расположены группы, исследованные одним автором и потому сравни-

мые; на одной вертикали группы, условно отождествляемые на основе морфологических и этнографических соображений.

Схема коннексии данных разных авторов



Критерием для выбора признаков являются общие направления дифференциации расовых типов. На данной территории таковыми являются:

а) Различия признаков, диференцирующих монголоидный и европеоидный комплекс (рост бороды, горизонтальный профиль лица, пигментация, частота эпикантуса, профиль верхней губы и т. п.).

б) Головной указатель.

в) Профиль спинки носа.

г) Наклон лба и развитие надбровья.

Исходя из этих предпосылок устанавливаются дальнейшие выводы.

Комбинация признаков, выступающая у обских селькупов (чумылькупов), отвечает характеристике типа, фигурирующего в классификации Деникера под именем угорской расы. Теперь он обычно именуется, следуя предложению Бунака, уральским типом. Руденко описал этот тип у сосьвинско-ляпинских мансов. В материалах Чебоксарова он представлен пелымскими мансами без зарегистрированной русской примеси.[1] В табл. 10 приведены сравнительные данные. Близкий вариант описан Ярхо (1936) у шорцев.

Интересно, что кондинские мансы, исследованные Доскач по методике Руденко (опубликованы в статье Чебоксарова и Трофимовой), отличаются от сосьвинско-ляпинских более высоким головным указателем, более светлой пигментацией, меньшей частотой эпикантуса и менее вогнутым носом, т. е. совершенно в том же направлении, в котором идут отличия между локальными группами пелымских селькупов. У других народов Западной Сибири подобной комбинации признаков не обнаружено.

Тазовские селькупы по суммарным данным обнаруживают наибольшее сходство с ваховскими хантами. У них есть, конечно, много общего и с тазовскими ненцами и с кетами, но от первых их отделяет меньшая выра-

[1] В предварительной публикации приведены суммарные данные, т. е. вместе с лицами, у которых имеется бесспорная русская примесь, устанавливаемая анамнезом. Данные о «чистых» манси предоставлены мне по моей просьбе Н. Н. Чебоксаровым.

женность монголоидных особенностей, а от вторых американоидный комплекс, значительно слабее представленный у тазовских селькупов, а также пигментация и такие специфические в этом случае признаки, как форма лба и профиля спинки носа.

Таблица 10

Сравнение данных о селькупах (чумылькупах) с Оби и пелымских мансах без зарегистрированной русской примеси

Расовые признаки	Обские селькупы (чумылькупы)	Пелымские мансы без зарегистрированной русской примеси
Частота тугих волос	14	11
Рост бороды (старше 25 лет) М	1.84	1.73
Цвет глаз М	1.32	1.47
Частота черных волос (27; 4—5)	74	54
Горизонтальная профилировка лица М	1.50	1.51
Скуловой диаметр	145.7	143.2
Морфологическая высота лица	127.6	125.6
Высота переносья М	1.68	1.97
Частота вогнутых носов	53.5	37.9
Эпикантус, частота	29	14
Высота верхней губы М	2.46	2.26
Профиль » » »	1.39	1.31
Продольный диаметр	191.2	189.8
Поперечный »	152.9	151.2
Головной указатель	79.9	79.6
Длина тела	1604	1565

Таким образом, селькупы антропологически стоят ближе всего к обским уграм. Ненцы по всем данным более монголоидны (средние величины высоты переносья и горизонтальной профилировки лица у ямальских и тазовских ненцев по данным Шлугера надо несомненно понизить; это устанавливается как при сравнении обеих тазовских групп, так и специально произведенными исследованиями гипсовых масок и фотографий).

Однако поскольку в масштабе северной Евразии селькупы и обские угры занимают в общем то же положение, что и ненцы и даже кеты, а также принимая во внимание тесную территориальную и этническую близость всех этих групп, представляется вероятным, что отличие селькупов от ненцев и кетов объясняется не столько тем, что в их состав вошли разные расовые компоненты, сколько тем, что эти компоненты представлены у них в разном процентном соотношении. Задача дальнейшего исследования состоит в том, чтобы подвергнуть более глубокому анализу те типы, которые представлены у селькупов и обских угров.

VI. ВОПРОС О СВЕТЛОПИГМЕНТИРОВАННОМ КОМПОНЕНТЕ

Селькупы не составляют исключения среди народов Западной Сибири в отношении наличия довольно большого процента сравнительно светлых глаз и особенно волос. И старые и новые исследователи отмечали примесь депигментированных элементов у обских угров, у ненцев и, наконец, у

народов Алтае-Саянского нагорья. Происхождение этих элементов объясняли трояко. Одни, в том числе особенно последовательно и настойчиво Грумм-Гржимайло, видели в светлоглазых особях, встречающихся среди разных народов Западной Сибири, остаток древней «белокурой расы» Центральной Азии, описанной китайскими хронистами. Другие сводили дело к русской примеси. Третьи считали, что депигментация является, в основном, автохтонным процессом в среде западносибирских монголоидов. Эта точка зрения особенно подробно развита Ярхо (1929).

Последняя точка зрения заслуживает серьезного внимания. Параллельное возникновение многих внешне сходных расовых признаков может считаться бесспорным фактом. Между тем в конкретных антропологических исследованиях этому обстоятельству часто не уделяется должного внимания. В общей форме критерием для установления метисного или эволюционного происхождения тех или иных особенностей является изучение характера межгрупповой корреляции. В данном случае задача сводится к тому, чтобы выяснить соотношение депигментации с другими признаками, по которым светловолосые европеоиды отличаются от сибирских монголоидов. С этой целью вычислены коэффициенты ранговой корреляции между пигментацией и другими признаками по всем группам, исследованным экспедициями Института антропологии МГУ в данной области. Результаты представлены на табл. 11.

Таблица 11

Коэффициенты межгрупповой ранговой корреляции некоторых расовых признаков первого порядка

Расовые признаки	Цвет глаз М	Цвет волос М	Волнистые волосы—частота	Рост бороды М	Горизонтальная профилировка лица М	Высота переносья М	Положение осей ноздрей М	Эпикантус, частота	Высота верхней губы М	Профиль верхней губы М
Цвет глаз М	×	+.53	—.50	.82	—.79	—.55	—.70	+.65	+.35	—.87
Цвет волос М	+.53	×	—.40	—.70	—.42	—.50	—.52	+.62	+.16	—.62
Волнистые волосы, частота	—.50	—.40	×	+.24	+.52	+.46	+.89	—.58	—.20	+.70
Рост бороды М	—.82	—.70	+.24	×	+.78	+.67	+.63	—.75	—.55	+.89
Горизонтальная профилировка лица М	—.79	—.42	+.52	+.78	×	+.80	+.89	—.76	—.45	+.86
Высота переносья М	—.55	—.50	+.46	+.67	+.80	×	+.85	—.86	—.35	+.77
Положение осей ноздрей М	—.70	—.52	+.89	+.63	+.89	+.85	×	—.84	—.35	+.92
Эпикантус, частота	+.65	+.62	—.58	—.75	—.76	—.86	—.84	×	+.65	—.90
Высота верхней губы М	+.35	+.16	—.20	—.55	—.45	—.35	—.35	+.65	×	—.52
Профиль верхней губы М	—.87	—.62	+.70	+.89	+.86	+.77	+.92	—.90	—.52	×

В истолковании этих результатов не может быть двух мнений. Все 45 коэффициентов имеют знак, указывающий на связь депигментации с признаками европеоидного комплекса: волнистыми волосами, повышенным ростом бороды, меньшей скуластостью, более высоким переносьем и более сагиттальным положением ноздрей, меньшей частотой эпикантуса, более низкой и ортохейличной верхней губой. Так как корреляции признаков между отдельными группами внутри селькупов приводят в общем к тем же выводам, то можно смело утверждать, что если автохтонный процесс депигментации и играл какую-то роль в расогенезе народов Западной Сибири, то, во всяком случае, не единственную. Наличие в составе селькупов и соседних народов примеси депигментированного европеоидного компонента не подлежит сомнению.

Несколько сложнее вопрос о времени, путях и обстоятельствах проникновения этого компонента на исследуемую территорию. Прежде всего следует разобрать вопрос о роли русской примеси. Выше неоднократно отмечалось, что наличие ее не подлежит сомнению. Чисто антропологическим способом этот вопрос при современном состоянии наших знаний решить нельзя. Для этого надо было бы знать какие-либо специфические признаки, характеризующие именно тот вариант светлой европеоидной расы, который чаще всего встречается у русских. Таких признаков мы не знаем. Поэтому приходится привлекать данные историко-этнографического характера.

Прежде всего уместно поставить вопрос о русской примеси с количественной стороны. Б. О. Долгих познакомил меня с архивными данными о смешанных русско-селькупских браках с 1789 по 1917 г. На 600 сохранившихся записей таких браков 20, т. е. около 3%. Б. О. Долгих считает, что в церковных книгах записано около 30% совершенных за этот период браков и что сохранилось около 50% записей. Последнее обстоятельство как будто не должно элиминировать селькупско-русские браки в том или ином направлении. Иначе обстоит дело с регистрируемостью. Несомненно, что браки с русскими имели больше шансов попасть в церковные книги, чем чисто селькупские или вообще туземные, поэтому фактический процент браков с русскими следует еще понизить. Однако на повышение русской примеси может влиять неучтенное отцовство и, возможно, большая плодовитость селькупско-русских браков, хотя специального демографического исследования в этом направлении, насколько мне известно, произведено не было. Количественный учет этих факторов, следовательно, невозможен. В нашем материале 8 человек носят фамилию Андреев — это около 10% исследованной популяции. Между тем частота светлых и смешанных оттенков глаз у селькупов примерно такая же, как у метисов русских с тюркскими народами Алтае-Саянского нагорья (Ярхо, 1929), у которых заведомо имеется 50% «русской крови».

	Тазовские селькупы	Алтае-саянские метисы
Темные глаза . . .	29.8±5.0	25.8±3.9
Смешанные » . . .	52.4±5.4	55.5±4.4
Светлые » . . .	17.9±4.2	18.8±3.5

Следует учесть при этом, что туземный компонент в Алтае-Саянском нагорье также имеет в своем составе депигментированный элемент. При самых широких допущениях вряд ли можно считать, что русская примесь у селькупов столь значительна, чтобы привести к такому резкому повышению частоты светлых оттенков.

При смешении с чисто темноглазыми формами заведомая русская примесь мало дает себя чувствовать. Говорящие по-русски жители с. Маркова Чукотского национального округа, у которых «русской крови» вряд ли меньше, чем у селькупов, имеют 62% темных глаз и 96% черных волос, в том числе 42% — № 27 (неопубликованные данные К. В. Вильшау). Так называемые «камчадалы» Охотского побережья, также имеющие в своем составе бесспорную примесь русских и говорящие по-русски, дали даже 94% темноглазых и 97% черноволосых, из которых 70% — № 27 (материалы Левина); русско-бурятские метисы Тункинского аймака, у которых не менее половины «русской крови», имеют 40% темноглазых (неопубликованные материалы А. И. Казанцева).

Другой путь изучения вопроса состоит в сравнении географического распределения русской примеси и депигментации. На Тазу русское влияние шло с севера. Между тем наиболее депигментировано население средней части Таза.[1] В Нарымском округе наиболее удаленным от русских было население р. Тыма. Между тем именно у тымских уроженцев больше всего светлых волос и глаз. Верховья р. Ваха представляют собой один из наиболее «глухих» районов Западной Сибири, здесь еще в 1939 г. ханты совсем не знали русского языка — явление, с которым теперь больше нигде не приходится встречаться в лесной полосе Западной Сибири. Между тем именно здесь отмечена наименьшая частота черных волос.

Наконец, имеется еще одно обстоятельство, которое говорит скорее против сведения проблемы депигментации к одной только русской примеси, хотя и не поддается пока удовлетворительному разрешению. Дело в том, что смешение с русскими в Сибири всегда приводит к увеличению длины тела по сравнению с туземным компонентом метисации, что видно из следующей таблицы.

Районы	«Чистые» туземцы	Метисы с русскими	Авторы
Пелым (манси)	1565	1642	Чебоксаров (неопубл.)
Хакассия	1612	1645	Ярхо и Белкина
Ойротия	1623	1675	
Тункинский аймак Бурят-Монгольской АССР	1625	1656	Казанцев (неопубл.)
Якутия	1624	1652	Майнов

Между тем исследованные нами народы совсем не обнаруживают связи депигментации с увеличением длины тела. Правда, не только русские, но и любая из современных или доисторических популяций, которая могла внести в состав селькупов светлый европеоидный компонент, характеризуется относительно большей длиной тела. Но, принимая во внимание сравнительно быстрый темп эпохальных изменений этого признака, малочисленность светлого элемента можно объяснить древностью метисации. За сравнительно долгий срок величина длины тела могла претерпеть изменения под влиянием иных факторов, действовавших в уже смешанной популяции.

[1] Хотя Андреевых исследовано всего 8 человек, но именно среди них ни разу не отмечены светлые глаза. По сравнению с селькупскими группами, выделенными по родовому принципу, у Андреевых слабее рост бороды, чаще встречается эпикантус (хотя в то же время наиболее европеоидное строение верхней губы, наибольший процент волнистых волос).

Таким образом, мы приходим к выводу, что наличие в составе селькупов и соседних народов светлого европеоидного компонента не сводимо исключительно к русской примеси.

Однако это еще не приводит нас к решению вопроса в положительном смысле. Искомый компонент мог проникнуть в Западную Сибирь с запада, из-за Урала, где он хорошо выражен, например, у коми-зырян. Но не исключена также возможность того, что древний европеоидный тип Алтае-Саянского нагорья (Дебец, 1931) также характеризовался известной степенью депигментации. На это указывают как данные китайских хронистов, так и результаты антропологических исследований. Среди современных тюркских племен Алтая и Ала-тау наиболее европеоидные (шорцы, кумандинцы) вместе с тем менее темно пигментированы (Ярхо, 1936). Гипотеза о русской примеси и в этом случае не исчерпывает вопроса, так как палеоантропологические материалы (Дебец, неопубликованные данные) указывают, что уже в VIII—X вв. н. э. направление и степень различий между антропологическими особенностями населения северного и южного Алтая не отличались от современных, насколько об этом можно судить при сравнении краниологических данных с наблюдениями на живых.

По археологическим, этнографическим и лингвистическим данным связи лесной полосы Западной Сибири с Алтае-Саянской областью были не менее интенсивными, чем с европейским Зауральем. Сложность вопроса усугубляется тем обстоятельством, что его совсем не обязательно ставить в альтернативной форме. Иными словами, светлые европеоиды могли проникать в Западную Сибирь как из-за Урала, так и из Алтае-Саянской области. Опираться в разрешении этого вопроса на данные других этнологических наук можно с большой осторожностью, ибо они пока имеют характер гипотез, часто противоречивых. Прокофьев (1940), возражая Кай Доннеру и Сетэлэ, отвергает выставленную ими гипотезу уральского происхождения самодийских народов. Однако он признает в то же время наличие в Западной Сибири древнего этнического пласта «кум», этнонимика которого ведет на запад, к коми.

С чисто антропологической точки зрения можно пока сказать немногое. Однако локализация светлого элемента в Западной Сибири имеет довольно определенный характер. Она связана в первую очередь с обскими уграми и селькупами. С севера (ненцы), востока (кеты, эвенки) и юга (тюркские народы) к ним примыкают народы, у которых депигментация гораздо слабее. С запада «светлый клин» широкой полосой примыкает к области распространения светлых европеоидов. При этом выраженность европеоидных признаков явно усиливается к западу. В свете этих данных следует признать несколько поспешным мое заключение (Дебец, 1941) о связи европеоидов Западной Сибири с Алтае-Саянским нагорьем. С другой стороны, работы Жирова о неолитическом населении Карелии и, особенно, Трофимовой (1941) по палеоантропологии ананьинской культуры с полной несомненностью доказывают, что монголоиды жили в лесной полосе Восточной Европы задолго до начала новой эры. Проникнуть туда они могли только из Западной Сибири, притом скорее всего из ее лесной полосы, так как степная издавна была областью расселения европеоидов. Впрочем, здесь нет противоречия, так как монголоидные особенности у ананьинцев выражены не более резко, чем у мансов или селькупов. Общий вывод из этих данных таков, что смешение европеоидного и монголоидного элементов на территории Западной Сибири предшествовало не только русскому завоеванию, но, повидимому, и гипотетическим переселениям из Алтае-Саянского нагорья, около начала новой эры.

Выделенный нами светлый компонент является, следовательно, смешанным с монголоидным уже издавна, может быть с первых этапов заселения человеком этой области.

VII. ВОПРОС ОБ АМЕРИКАНОИДНОМ КОМПОНЕНТЕ

Основное направление дифференциации современных сибирских монголоидов идет по пути степени выраженности монголоидных особенностей в строении переносья и морфологических особенностях верхнего века. Наряду с формами, обладающими очень низким переносьем и высокой частотой эпикантуса (монголоиды в узком смысле слова), мы встречаемся с формами, обычно фигурирующими под наименованием «американоидных» и характеризующимися относительно высоким переносьем и явно пониженной частотой эпикантуса (эскимосы, кеты). Сложность диагностики, неоднократно подчеркнутая рядом исследователей и ясно изложенная, например, в работе Чебоксарова и Трофимовой (1941), состоит в том, что «американоидные» черты могут объясняться как сохранением признаков менее дифференцированной исходной формы, так и смешением с европеоидами. Особенно усложняется диагноз в тех случаях, когда мы одновременно имеем дело с обоими факторами.

Поэтому очень трудно установить, каков был тот древнейший монголоидный компонент, который издавна смешался со светлыми европеоидами на территории Западной Сибири и следы которого проявляются далеко на западе в черепах из могильника на Южном Оленьем Острове и Луговского могильника ананьинской культуры. Поскольку «американоидные» формы в процессе расогенеза азиатско-американского ствола являются, повидимому, более древними, постольку допустима гипотеза, что древнейший монголоидный компонент характеризовался американоидными особенностями.

Выше приведено мнение Прокофьева о сходстве антропологических особенностей одного из компонентов селькупов с кетами. В наших материалах нет данных для прямого ответа на этот вопрос. Туруханские или, точнее, баишинские селькупы нами не обследованы. Те 8 человек, которые случайно оказались среди исследованных, не обнаруживают «кетских» черт. Они, правда, темнее остальных, но нос у них скорее вогнутый, эпикантус встречается чаще (хотя переносье выше),[1] лоб совершенно прямой. Вообще обследованные нами селькупы с р. Туруханa больше походят на ненцев, чем на кетов. Впрочем, они большею частью происходят не с низовьев Туруханa и Баихи, где кетская примесь наиболее значительна. Организация исследований в этом районе представляется крайне желательной.

В данный момент вряд ли стоит подробнее останавливаться на рассмотрении слишком незначительной группы туруханских селькупов, оказавшихся в нашем распоряжении.

Однако рассматривая направление отличий тазовских селькупов от нарымских, мы должны признать, что это направление не объясняется только бо́льшим или меньшим удельным весом светлого европеоидного компонента, входящего в состав обеих групп. Рост бороды у тазовских селькупов по сравнению с нарымскими явно более слабый. Но у обеих групп примерно равная частота эпикантуса, одинаковая высота переносья,

[1] Надо иметь в виду более молодой средний возраст обследованных нами туруханских селькупов.

сходное распределение типов положения осей ноздрей. Кроме того, тазовские селькупы при меньшей длине тела имеют гораздо более крупные размеры головы и лица. У них более покатый лоб, сильнее развиты надбровные дуги, меньше вогнутых спинок носа.

Эти факты нашли бы себе объяснение, если бы предположить, что в состав тазовских селькупов вошел тип, характеризующийся слабым ростом бороды, но довольно высоким переносьем, относительно малой частотой эпикантуса, большими размерами головы и лица, брахикефалией, покатым лбом и развитыми надбровными дугами. Наша группа елогуйских кетов отчасти и выявляет именно эту комбинацию признаков, однако не в полной мере. При сравнении кетов с нарымскими селькупами отличия идут по всем признакам именно в этом направлении, но, сопоставляя кетов с тазовскими селькупами, нельзя не отметить, что по абсолютным размерам головы и лица тазовские селькупы не только не уступают елогуйским кетам, но даже превосходят их. Теоретически реконструируемый третий компонент, таким образом, не вполне реализуется в межгрупповых связях. Он должен был бы быть сходен с елогуйскими кетами, но отличаться от них еще большими размерами головы и лица. Кеты, измеренные В. И. Анучиным (очевидно, преимущественно с Подкаменной Тунгуски), более подходят в этом отношении к искомому компоненту, но тоже не в полной мере. И вообще вряд ли можно будет найти среди современных народов тип, у которого все размеры головы и лица были бы заметно больше, чем у тазовских селькупов. Надо также отметить, что селькупы с р. Тольки и селькупо-хантские метисы, так же как и селькупы рода Казыль-тамдэр, у которых намечается тенденция к концентрации признаков светлого европеоидного типа, характеризуются не меньшими, а даже несколько большими размерами головы и лица.

Эти факты не укладываются, таким образом, в концепцию промежуточности морфологических особенностей метисов, лежащую в основе всех предыдущих построений и доказанную в общей форме всей совокупностью антропологических данных по земному шару. Отдельные исключения из этого общего правила были известны и раньше и объяснялись явлениями так называемой люксурации и пауперизации, а также дальнейшим ходом расогенетических процессов, протекающих в уже смешанной группе. Ссылка на явления этого рода в отношении тазовских селькупов носит чисто умозрительный характер, но при современном состоянии наших знаний другое объяснение вряд ли возможно.

Таким образом, американоидные черты у селькупов, если и могут быть установлены, то только в тазовской группе. Поэтому вероятно, что «американоидный» компонент вошел в состав селькупов сравнительно поздно, уже при переселении их на север, в бассейн Таза. Что же касается древней примеси, о которой шла речь выше, то гипотеза о ее американоидном характере не может быть ни подтверждена, ни опровергнута данными по антропологии селькупов.

VIII. ВОПРОС О СОБСТВЕННО МОНГОЛОИДНОМ КОМПОНЕНТЕ

Антропологические особенности селькупов не могут быть объяснены только за счет смешения светлого европеоидного и американоидного компонентов. Уральский тип, так хорошо представленный на Оби, имеет, по всей вероятности, метисное происхождение, но монголоидный компонент, вошедший в его состав, был именно монголоидным в узком смысле слова, а не американоидным, т. е., несмотря на очевидную европейскую примесь

он все же характеризуется большей частотой эпикантуса и более низким переносьем, чем кеты, а тенденция к резкому увеличению частоты вогнутых форм спинки носа более чем очевидна. У селькупов по сравнению с кетами почти столь же скуластое лицо, высота верхней губы больше, переносье немного ниже, эпикантус и складка верхнего века встречаются во всяком случае не реже и развиты не слабее, чем у кетов. Если бы тазовские селькупы представляли собой смесь «кетского» и светлого европеоидного компонента, то монголоидный комплекс должен был бы быть выражен у них менее резко, так как примесь светлого европеоидного типа у селькупов, несомненно, больше, чем у кетов. Кроме того, род Лымбельтамдэр, в котором, как показано на таблице 7, особенности монголоидного компонента выявляются наиболее рельефно, также не обнаруживает специфически «кетских» признаков в строении носа, века, губ и лба.

Короче говоря, наш материал, не давая оснований отрицать наличие «кетского» компонента в составе тазовских селькупов, указывает все же, что независимо от наличия или отсутствия этого компонента мы должны предположить, что в формировании антропологического облика исследуемой группы участвовал тип, характеризующийся резко выраженными монголоидными особенностями, т. е. более низким переносьем, чем у кетов, более развитыми складками века и, повидимому, более прямым лбом и более вогнутым носом. Вопрос о происхождении этого компонента и должен явиться следующей задачей нашего исследования.

При решении этого вопроса мы вряд ли сможем сейчас выйти из предела более или менее правдоподобных гипотез.

Во-первых, выставленная выше гипотеза об американоидных чертах древнейшего монголоидного компонента может и не подтвердиться. Может быть, намечаемый резко монголоидный тип именно и является этим древним азиатским компонентом. Такая возможность не исключена, хотя и представляется, пожалуй, менее вероятной, так как этот древний компонент (независимо от того, характеризовался ли он американоидными или собственно монголоидными чертами) был, повидимому, смешан со светлыми европеоидами и вряд ли теперь поддается выделению в более или менее чистом виде. Между тем в наших материалах он выделяется без особого труда.

Во-вторых, монголоидные черты в узком смысле слова могли образоваться среди народов Западной Сибири в процессе эволюции древних американоидов. В целом расогенетические процессы внутри азиатского ствола идут, повидимому, именно в этом направлении, и нет ничего невероятного в том, что утрата американоидных черт (т. е. увеличение частоты эпикантуса, понижение переносья и т. п.) могла иметь место и в Западной Сибири. Однако и это только гипотеза. Не имея возможности отвергнуть, мы должны разобрать и другую возможную гипотезу, а именно проникновение выраженно монголоидного компонента извне.

В тех материалах, которыми мы располагаем, имеется группа, по всем признакам соответствующая особенностям искомого выраженно монголоидного компонента, — это тазовские (можно, вероятно, сказать шире — енисейские) эвенки. Несомненно, что мы не смогли учесть при опросе и элиминировать при подсчетах всю эвенкийскую примесь, представляющую обычное явление среди тазовских селькупов. Примесь эта представляет собой сравнительно позднее явление — тунгусы перешли на левый берег Енисея уже после русского завоевания (устное сообщение Долгих), но на данных о селькупах мы не можем пока определить возраст этой примеси. Однако вряд ли можно отнести целиком за счет тунгусов примесь монголоидного компонента. Все, что сказано выше о признаках, по которым мон-

голоидность выражена у тазовских селькупов сильнее, чем у кетов, можно повторить и по отношению к ваховским хантам, но нет никаких оснований предполагать у них наличие сколько-нибудь значительной тунгусской примеси. Кроме того, тазовские ненцы (юраки) антропологически еще ближе к тунгусам, чем селькупы, но примесь тунгусов как этнического элемента у них отсутствует. Мы должны, следовательно, притти к выводу, что выраженно монголоидный компонент с вогнутой спинкой носа, вошедший в состав тазовских селькупов и соседних народов хотя и сходен морфологически с типом тунгусов, но не объясняется (по крайней мере исключительно или главным образом) за счет тунгусской примеси.

Еще Горощенко (1901), а впоследствии Руденко (1914) и Силинич (1916) устанавливали сходство ненцев с тувинцами. Правда, сходство это, как правильно заметил Ярхо (1929), не специфично, и наши материалы показывают, что чисто морфологически можно провести такие же параллели и с тунгусами, но если принять во внимание историко-этнографические данные, то Алтае-Саянское нагорье является единственной областью, откуда искомый монголоидный компонент мог проникнуть в северо-западную Сибирь.

Мы знаем, однако, что Алтае-Саянское нагорье до начала н. э. было областью расселения европеоидных форм, что впервые было отмечено Горощенко (1900). Отсюда можно, казалось, сделать вывод, что распространение монголоидного элемента с верховьев Енисея на север могло иметь место только после того, как монголоиды распространились в Алтае-Саянском нагорье, т. е. уже после начала нашей эры. Но это предположение плохо увязывается с данными других этнологических наук. Исторические события, которые привели к «монголизации» Алтае-Саянской области, связаны вместе с тем с распространением в этой области языков тюркской группы. Между тем тюркское влияние между Обью и Енисеем не распространялось севернее Чулыма. Поэтому уместно поставить вопрос: не ограничивалось ли распространение европеоидного элемента в Алтае-Саянской области ее степными районами, откуда происходит весь наш палеоантропологический материал? Не были ли лесные районы южной части нынешнего Красноярского края населены монголоидами гораздо раньше той эпохи, когда палеоантропологические данные указывают нам на резкое усиление доли монголоидного компонента?

Мне кажется, что, несмотря на крайнюю скудость и фрагментарность данных, имеющихся в нашем распоряжении, они все же дают основание положительно ответить на этот вопрос.

Два черепа из могильника у с. Базаиха под Красноярском (Дебец, 1932), датируемые по меньшей мере началом I тысячелетия до н. э., не имеют европеоидных черт. Кроме опубликованных в упомянутой статье данных о выступании носа, могу отметить, что оба эти черепа характеризуются сильно выступающими скуловыми костями, чем резко отличаются от андроновских, тагарских и даже карасукских, хотя у последних и имеется небольшая монголоидная примесь. Представляется крайне необходимой организация специальных археологических работ в районах Канска и Тайшета для получения более обширного палеоантропологического материала о лесной части Саянской области.

Нам мало известны антропологические особенности саянских племен, говоривших на языках самодийской группы. Однако беглые замечания А. Я. Тугаринова о последних камасинцах (калмажах) дер. Абалаковой не оставляют сомнения: «Не нужно было обладать особой наблюдательностью, чтобы во входящих заметить людей другой расы: узкий разрез глаза, широкий, часто приплюснутый нос, редкая растительность на лице у

мужчин, маленький рост женщин, черные волосы, смуглый цвет лица— все выдавало нерусское происхождение жителей». Принимая во внимание наличие русской примеси, эту характеристику нельзя не признать весьма показательной. Однако у камасинцев имеется все же тюркская примесь, и возможно, хотя и мало вероятно, что именно ею и объясняется наличие монголоидных черт, тем более, что о степени выраженности монголоидных особенностей по приведенным данным судить нельзя.

В 1939 г. К. Хильден опубликовал антропометрические данные о пяти мужчинах-камасинцах и трех женщинах без зарегистрированной русской примеси. Данные собраны в 1914 г. Кай Доннером. У всех «чистых» камасинцев волосы и глаза темные. Длина тела у мужчин 1596 мм, продольный диаметр 185 мм, поперечный 159.6 мм, головной указатель 86.3. Измерения лица произведены неверно. К статье приложены фотографии. Они не производят впечатления «американоидных», но европейская примесь несомненна. Однако материал недостаточен для уверенного суждения.

Таблица 12

Сопоставление сагайцев и бельтиров с чулымцами по расовым признакам первого порядка

Расовые признаки	Сагайцы	Бельтиры	Чулымцы
Рост бороды (старше 25 лет) M	1.59	1.43	1.23
Горизонтальная профилировка лица M	1.91	1.87	1.17
Высота переносья M	1.75	1.77	1.56
Эпикантус, частота	32.7	29.6	45.0

Весьма показательны данные о чулымцах. По языку это бесспорно тюрки, но их этнографические особенности и географическое положение делают весьма вероятной гипотезу о том, что в их состав вошли иные этнические, не тюркские (самодийские или кетские) элементы. Как уже указано выше, чулымцы значительно более монголоидны, чем селькупы или кеты, и лишь немного уступают в этом отношении тунгусам. Можно было бы отнести это за счет того монголоидного типа, появление которого в Южной Сибири связано с распространением тюркских языков. Но у чулымцев выраженность признаков монголоидного комплекса проявляется более ясно по сравнению не только с народами лесной полосы Западной Сибири, но и со многими тюркскими группами более южных районов. Приводим (табл. 12) данные о некоторых хакасских племенах (Ярхо, 1936). Определение описательных признаков у хакасов и чулымцев изучалось, правда, разными лицами и в разное время (у первых Ярхо в 1925 г., у вторых — Трофимовой в 1937 г.), вследствие чего возможны различия в масштабе, но согласованность в направлении отличий доказывает, что субъективный фактор не играет в данном случае большой роли. Относительно слабая монголоидность хакасов, по всей вероятности, объясняется сохранением в их составе древнего европеоидного типа минусинских степей, господствовавшего там в тагарское время. Погребальные маски таштыкской культуры (первые века около начала н. э., Дебец, 1941) характеризуются теми же признаками, что современные сагайцы и бельтиры.

С другой стороны, элементы этнической и расовой преемственности между носителями таштыкской и тагарской культуры не вызывают сомнения.

Более выраженные монголоидные особенности чулымцев по сравнению с сагайцами и бельтирами могут быть объяснены двояко: а) монголоидный элемент, пришедший на Алтае-Саянское нагорье одновременно с распространением тюркских языков, играл бо́льшую роль в расогенезе чулымцев, чем сагайцев и бельтир; б) автохтонный нетюркский элемент, вошедший в состав чулымцев, тоже характеризовался монголоидными особенностями. Второе предположение представляется более обоснованным как по соображениям историко-географического характера (маловероятно, чтобы тюркский элемент сохранился в чулымской тайге в большей чистоте, чем в абаканских степях), так и по некоторым морфологическим данным. Последние сводятся, впрочем, только к относительно малой высоте лица у чулымцев, в то время как везде в Алтае-Саянском нагорье усиление монголоидных особенностей связано с увеличением высоты лица.

Мы приходим, таким образом, к выводу о южном происхождении выраженно монголоидного компонента, вошедшего в состав селькупов.

IX. ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Несмотря на то, что сопоставление антропологических данных с выводами, построенными на лингвистических и этнографических данных, требует сугубой осторожности, которая диктуется как гипотетичностью этих выводов, так и недопустимостью априорного отождествления этнических элементов с расовыми типами, нельзя не отметить, что антропологические данные в целом не противоречат этногенетической концепции Прокофьева, построенной на данных этнографии и лингвистики и в общих чертах совпадающей с выводами Черенцова, оперирующего этнографическими и археологическими данными. Если комбинировать выводы обоих исследователей, то история образования народов северо-западной Сибири рисуется как процесс смешения четырех этнических «пластов».

1. Древний западный пласт. По терминологии Прокофьева — пласт «кум». По данным этнонимики связывается с коми, по археологическим данным также обнаруживает тяготение к Восточной Европе. Составляет основу обских угров и селькупов.

2. Древний восточный пласт. По терминологии Прокофьева — пласт «тянь». Тяготеет к палеоазиатам северо-восточной Сибири, археологически представлен древней циркумполярной культурой побережий Арктического океана. Составляет основу ненцев и нганасанов, в наименее измененном виде представлен кетами.

3. Саянский компонент. Носитель общих элементов южной (селькупы, камасинцы, маторы и др.) и северной (ненцы, энцы, нганасаны) ветвей самодийской группы. Проник на север из Саянской области. В смешении с пластом «кум» образовал селькупов, с пластом «тянь» — ненцев, энцев и нганасанов.

4. Коневодческий угорский компонент. Носитель угорского языка. Проник на север из степей. Отождествляется с гуннами. В смешении с племенами «кум» образовал современных обских угров.

Было бы, пожалуй, преждевременно считать, что пласт «кум» антропологически представлен светлым европеоидным типом, пласт «тянь» — американоидным, а саянский и коневодческий угорский компоненты — нашими монголоидами саянского происхождения. Но надо отметить, что данные антропологии (а также лингвистические и этнографические) указывают

на параллели и связи исследуемых народов с Восточной Европой, северо-восточной Азией и, возможно, Саянской областью Южной Сибири.

Нельзя не обратить внимания также на сходство антропологического типа нарымских селькупов с обскими уграми, что соответствует лингвистическим связям, устанавливаемым между этими народами. Что касается близкого родства селькупов с кетами, на котором настаивает Прокофьев, то оно лишь отчасти находит себе параллель в антропологических данных, и то только в отношении тазовских селькупов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Антропологические особенности селькупов представляют собой результат сложного смешения типов азиатского и европейского происхождения.

2. Происхождение светлого европеоидного компонента, встречающегося как у нарымских, так и у тазовских селькупов, не сводимо к русской примеси.

3. Вместе с тем оно скорее связано с Восточной Европой, а не с древними европеоидами Алтае-Саянского нагорья, хотя участие последних тоже не может быть с уверенностью отвергнуто.

4. Время проникновения светлого европеоидного элемента на территорию северо-западной Сибири относится, повидимому, к древнейшим этапам заселения ее человеком.

5. Однако уже на этом этапе европеоидный компонент был смешан с каким-то типом азиатского расового ствола, более точное определение которого представляется затруднительным. Гипотетически ему можно приписать американоидные черты.

6. Среди современных селькупов американоидный компонент выявляется, но только в виде сравнительно слабой примеси в тазовской группе.

7. Третьим компонентом, вошедшим в состав селькупов, является собственно монголоидный (в узком смысле слова).

8. Если этот компонент не является древнейшим монголоидным типом (см. п. 5) и если он не сформировался на изучаемой территории в процессе эволюции американоидного типа (что возможно, хотя и не доказано), то он не сводим к тунгусской примеси, а происходит из Саянской области.

9. Вместе с тем это и не тот монголоидный тип, который пришел в степные районы Алтае-Саянской области с юга вместе с этнически тюркским (или прототюркским) элементом.

10. Его происхождение связано скорее с типом, населявшим лесную часть Саянской области и представленным ныне среди чулымцев.

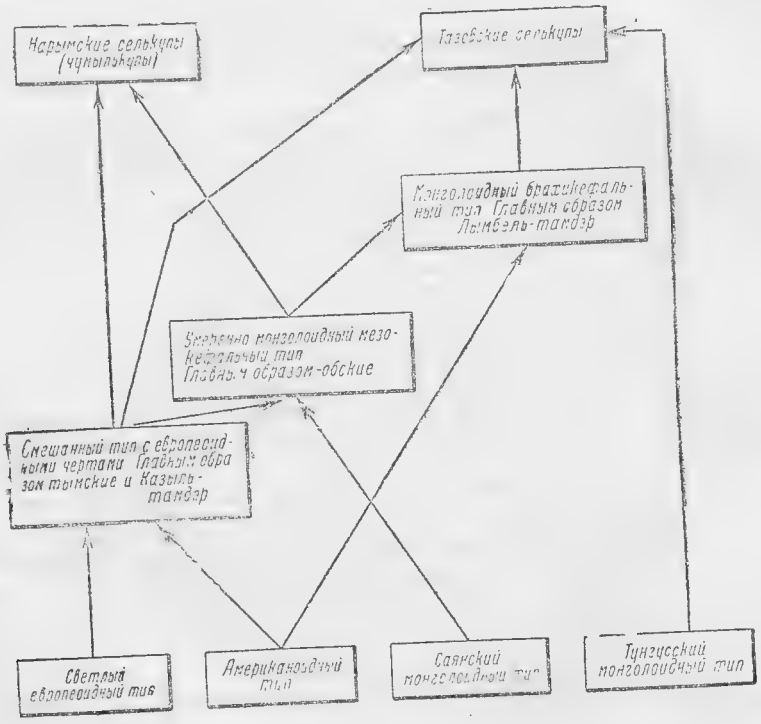
11. Так называемый уральский тип, входящий в состав обских селькупов и угров, образовался вследствие смешения саянского монголоидного компонента с древним населением северо-западной Сибири, которое тоже было уже смешанным из светлого европеоидного и древнего азиатского (гипотетически американоидного) компонентов.

12. Исходя из всех предыдущих положений, нужно думать, что формирование расового облика селькупов проходило три основных этапа.

а) Смешение светлых европеоидов и американоидов в эпоху первоначального заселения человеком северо-западной Сибири. Это смешение происходит главным образом в среде того этнического комплекса, который впоследствии вошел в состав селькупов и обских угров. В области расселения нынешних ненцев и кетов американоидный компонент сохраняется в более чистом виде.

б) Проникновение с юга выраженно монголоидного саянского компонента. Смешение его с уже ранее смешанным типом, имеющим в своем составе европеоидный и американоидный компонент, приводит к образованию уральского типа. В группах, давших начало ненцам, саянский компонент смешивается с относительно более чистыми американоидами.

в) При переселении селькупов на север, в бассейн Таза, к ним дополнительно примешивается американоидный компонент (результат связей с кетами). Тот же процесс происходит у ваховских хантов. Кроме того, в состав тазовских селькупов входит монголоидный тунгусский компонент. Графически намечаемые соотношения могут быть выражены следующей схемой.



Средством дальнейшего антропологического контроля намечаемых этно-расовых параллелей является изучение распространения выделенных типов во времени. Здесь, как и во многих других вопросах, решающую роль должны сыграть палеоантропологические данные. Отыскивание и исследование древних могильников на территории северо-западной Сибири представляет собой наиболее назревшую потребность этнологических исследований на данной территории. Важно также исследовать антропологические особенности тофаларов (карагасов).

В заключение считаю долгом выразить искреннюю признательность Б. О. Долгих за товарищескую помощь и ряд ценных сведений, сообщенных им в связи с данной работой.

Приложение

Таблица 13

Возраст

	Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
					селькупы × ханты	селькупы	селькупы × ненцы	эвенки	ненцы
Общее число наблюдений	71	144	79	128	28	84	47	31	52
I. 20—24 года	15.5	13.9	16.4	22.6	25.0	15.3	21.0	12.9	26.9
II. 25—39 лет	39.4	53.4	49.4	41.4	39.4	44.1	55.5	45.2	44.2
III. 40 лет и старше	45.1	32.7	34.2	36.0	35.6	40.5	23.5	41.9	28.9

Таблица 14

Волосяной покров

		Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
						селькупы × ханты	селькупы	селькупы × эвенки	эвенки	ненцы
Форма волос головы N		45	127	76	106	26	81	45	23	51
Тугие		8.9	10.2	27.6	26.4	19.2	12.3	22.2	26.2	33.3
Прямые мягкие		80.0	69.3	57.9	61.3	57,7	63.0	66.7	65.1	54.9
Широковолнистые		11.1	20.5	14.5	12.3***	23.1*	24.7	11.1	8.7	11.8
Рост бороды (старше 25 лет)	Число наблюдений	60	124	66	99	21	71	37	27	38
	Очень слабый (1)	33.3	80.7	69,7	48.5	47,6	47.8	75.8	78.0	60.5
	Слабый (2)	28,3	16.1	18,2	12.1	19.0	31.0	21.5	22.0	21.1
	Средний (3)	33.3	3.2	12.1	38.4	28.5	19.7	2.7	—	15.8
	Сильный (4)	5.0	—	—	0	4.8	1.4	—	—	2.6
	Очень сильный (5)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Средний балл	2.10**	1.23	1.42	1.92	1.90	1.75	1.27	1.22	1.61

* В том числе у 1 чел. жесткие.

** В предварительном сообщении значится 2.14. Разница объясняется тем, что там индивиды в возрасте 25 лет причислены к младшей возрастной группе.

*** В том числе у 2 чел. жесткие.

Таблица 15

Пигментация

	Селькупы на Ямские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
					селькупы × ханты	селькупы	селькупы × эвенки	эвенки	ненцы
Цвет глаз N	71	144	76	126	28	84	47	31	52
1. Черные	—	0.7	5.3	2.4	—	—	—	3.2	—
2. Темнокарие	14.1	22.9	40.8	15.1	3.6	12.0	34.1	42.0	25.0
3. Карие	18.3	37.5	26.3	23.0	14.2	17.8	23.5	42.0	25.0
4. Желтые	1.4	—	—	—	—	—	—	—	1.9
5. Каре-зеленые	19.7	23.6	10.5	16.7	35.7	16.7	25.5	9.7	9.6
6. Зеленые	7.0	1.4	1.3	9.5	10.7	4.7	4.2	—	3.9
7. Серо-зеленые	21.2	2.1	7.9	11.9	25.0	13.2	2.1	—	15.4
8. Серые с венчиком	9.9	9.0	1.3	9.5	3.6	17.8	6.4	3.2	9.6
9. Серые	7.0	0.7	6.6	5.5	3.6	16.7	4.2	—	7.7
10. Серо-голубые	1.4	—	—	4.0	3.6	1.2	—	—	1.9
11. Голубые	—	—	—	2.4	—	—	—	—	—
12. Синие	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Светлые (0)	8.4	2.8	6.6	11.9	7.2	17.9	4.2	—	9.6
Смешанные (1)	57.8	36.1	21.0	47.6	75.0	52.4	38.2	12.9	38.5
Темные (2)	33.8	61.1	72.4	40.5	17.8	29.8	57.6	87.2	51.9
Средний балл	1.25	1.58	1.66	1.28	1.11	1.12	1.53	1.87	1.42
Цвет волос N	64*	139**	70	109	25	80	45	27	49
27	—	10.1	21.4	2.8	—	5.0	4.5	7.3	8.2
4	35.9	24.5	45.7	16.5	28.0	42.5	60.0	78.0	55.1
5	20.3	30.2	20.0	23.8	44.0	27.5	24.5	14.7	24.5
6	7.8	23.0	—	13.8	—	7.5	—	—	—
7	23.4	11.5	8.6	34.0	28.0	10.0	11.0	—	8.2
8	9.4	0.7	1.4	4.6	—	5.0	—	—	2.0
9	3.2	—	2.9	3.7	—	2.5	—	—	2.0
10	—	—	—	0.9	—	—	—	—	—
11	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9—12. Русые (2)	3.2	—	2.9	4.6	—	2.5	—	—	2.0
6—8. Темнорусые (3)	40.6	35.3	10.0	52.3	28.0	22.5	11.0	—	10.2
27; 4—5. Черные (4)	56.2	64.7	87.1	43.1	72.0	75.0	89.0	100.0	87.8
Средний балл	3.53	3.65	3.84	3.38	3.72	3.72	3.89	4.00	3.86

* Кроме того, 1 рыжий (№ 1), не вошедший в подсчет
** » » » (№ 3), » » » »

Таблица 16

Горизонтальная профилировка лица

	Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
					селькупы × ханты	селькупы	селькупы × эвенки	Эвенки	ненцы
Число наблюдений . .	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Слабая (1)	52.9	82.6	59.5	79.7	42.8	57.2	83.0	93.5	69.1
Средняя (2)	47.1	17.4	40.5	20.3	57.2	41.6	17.0	6.5	30.9
Сильная (3)	—	—	—	—	—	1.2	—	—	—
Средний балл	1.47	1.17	1.41	1.20	1.57	1.44	1.17	1.07	1.31

Таблица 17

Размеры лица

		Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
						селькупы × ханты	селькупы	селькупы × эвенки	эвенки	ненцы
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей)	n	71	143	72	127	28	83	47	30	51
	M	126.7	127.2	128.4	129.4	135.0	133.5	134.2	131.9	128.9
	$\pm m$	0.8	0.5	0.6	0.6	1.2	0.7	0.9	1.2	0.8
	$\pm \sigma$	6.5	6.0	4.9	7.1	6.4	6.7	6.4	6.4	5.3
Скуловой диаметр	n	71	144	79	127	28	84	47	31	52
	M	145.2	146.1	147.3	149.7	151.8	150.3	150.2	150.7	147.8
	$\pm m$	0.6	0.4	0.6	0.4	0.7	0.5	0.6	0.8	0.7
	$\pm \sigma$	4.8	4.3	5.0	5.0	3.8	4.4	4.4	4.3	5.1
Физиономическая высота лица	n	70	141	71	127	28	83	47	30	51
	M	187.5	190.3	189.1	189.8	193.6	194.0	196.3	197.7	191.5
	$\pm m$	1.0	0.8	1.0	0.8	1.9	0.9	1.2	1.6	1.3
	$\pm \sigma$	8.7	9.6	8.4	9.2	10.2	8.0	8.0	8.7	8.9
Морфологический лицевой указатель	n	71	143	72	127	28	83	47	30	51
	M	87.6	87.2	87.3	86.5	89.6	88.8	89.4	87.7	87.4
	$\pm m$	0.5	0.4	0.6	0.4	0.8	0.5	0.6	0.8	0.6
	$\pm \sigma$	4.5	4.3	5.2	4.7	4.4	4.4	4.1	4.4	4.3
Нижнечелюстной диаметр	n	71	144	78	128	28	84	47	31	51
	M	112.9	112.4	114.4	115.2	113.4	115.5	114.7	115.5	113.2
	$\pm m$	0.8	0.5	0.8	0.5	1.4	0.7	0.5	1.2	0.9
	$\pm \sigma$	6.4	6.0	6.7	6.0	7.2	6.5	3.7	6.8	6.7
Физиономический лицевой указатель	n	70	141	71	127	28	82	47	30	51
	M	78.0	76.9	77.9	79.1	76.1	77.5	76.6	76.1	77.6
	$\pm m$	0.5	0.3	0.5	0.4	0.6	0.4	0.6	0.7	0.7
	$\pm \sigma$	3.8	4.0	4.0	4.1	3.4	3.5	4.3	3.8	4.8

Таблица 18

Размеры носа

		Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
						селькупы × ханты	селькупы	селькупы × эвенки	эвенки	ненцы
Высота носа от нижнего края бровей	*n*	69	144	79	128	28	84	47	31	52
	M	56.9	57.3	58.8	57.8	61.3	60.6	60.8	61.8	58.6
	± *m*	0.5	0.3	0.4	0.4	0.7	0.5	0.7	1.3	0.4
	± σ	4.1	3.7	3.7	4.3	3.6	4.8	4.7	4.0	3.2
Высота носа от переносья	*n*	69	144	79	128	28	84	47	31	52
	M	50.9	50.4	51.6	51.1	54.1	53.6	52.9	52.7	51.1
	± *m*	0.4	0.2	0.4	0.4	0.8	0.5	0.5	0.6	0.7
	± σ	3.6	3.2	3.4	4.2	4.2	4.1	3.6	3.2	3.4
Ширина носа	*n*	69	144	78	128	28	84	47	31	52
	M	36.2	36.6	36.1	36.1	36.9	36.7	37.5	39.6	37.7
	± *m*	0.3	0.2	0.3	0.2	0.5	0.3	0.4	0.5	0.4
	± σ	2.5	2.5	2.8	2.6	2.5	2.8	2.6	2.6	3.0
Носовой указатель от нижнего края бровей	*n*	69	144	78	128	28	84	47	31	52
	M	63.9	64.3	62.6	63.5	60.4	60.8	61.6	64.0	65.0
	± *m*	0.6	0.5	0.6	0.5	1.0	0.7	0.7	0.8	0.8
	± σ	5.1	5.8	5.8	6.0	5.3	6.1	4.8	4.6	5.7
Носовой указатель от переносья	*n*	69	144	78	128	28	84	47	31	52
	M	71.3	72.8	71.0	71.8	68.4	69.1	71.3	75.3	74.2
	± *m*	0.7	0.5	0.8	0.6	1.5	0.8	0.9	0.8	1.0
	± σ	6.1	6.5	6.6	7.2	7.7	7.2	6.4	4.5	7.3

Таблица 19

Описательные признаки носа

	Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
					селькупы × ханты	селькупы	селькупы × энцы	энцы	ненцы
Высота переносья *N*	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Низкое (1)	34.3	46.5	20.2	38.3	14.2	38.1	40.3	64.5	55.8
Среднее (2)	64.3	50.7	78.5	58.6	85.8	60.7	59.7	35.5	44.2
Высокое (3)	1.4	2.8	1.3	3.1	—	1.2	—	—	—
Средний балл	1.67	1.56	1.81	1.65	1.86	1.63	1.60	1.36	1.44
Поперечный профиль спинки носа *N*	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Плоский (1)	12.9	20.1	10.1	16.4	—	9.5	14.9	29.0	15.4
Средний (2)	77.1	61.1	69.7	57.8	67.9	59.5	72.3	61 3	69.2
Выступающий (3)	10.0	18.8	20.2	25.8	32.1	31.0	12 8	9.7	15.4
Средний балл	1.97	1.99	2.10	2.09	2.32	2.21	1.98	1.81	2.00
Профиль костной спинки носа *N*	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Вогнутый (1)	8.6	9.0	1.3	7.8	—	2.4	—	3.2	—
Прямой (2)	80.0	61.1	68.3	82.0	85.7	78.5	89.4	83.9	86.5
Выпуклый (3)	11.4	29.9	30.4	10.2	14.3	19.1	10.6	12.9	13.5
Средний балл	2.03	2.21	2.29	2.02	2.14	2.17	2.11	2.10	2.14
Профиль хрящевой спинки носа *N*	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Вогнутый (1)	50.0	45.8	32.9	39.1	21.4	17.9	19.1	25.8	34.6
Прямой (2)	48.6	47.9	67.1	60.9	78.6	82.1	80.9	74.2	65.4
Выпуклый (3)	1.4	6.3	—	—	—	—	—	—	—
Средний балл	1.51	1.62	1.67	1.61	1.79	1.82	1.81	1.74	1.65
Общий профиль спинки носа *N*	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Вогнутый	41.4	25.7	17.7	30.5	14.3	14.3	10.5	22.5	21.2
Прямой	47.2	42.4	52.0	59.4	71.5	66.8	78.9	64.5	65.2
Выпуклый	—	10.5	15.2	0.8	7.1	8.2	2.1	3.2	—
Извилистый	11.4	21.5	15.2	9.4	7.1	10.7	8.5	9.7	13.5
Положение осей ноздрей *N*	69	143	79	127	28	84	47	31	52
Поперечное (1)	10.1	14.0	7.6	15.8	—	4.3	17.0	35.5	15.2
Среднее (2)	84.1	77.6	86.1	74.0	89.5	82.4	80.9	64.5	80.8
Сагиттальное (3)	5.8	8.4	6.3	10.2	10.5	13.3	2.1	—	3.9
Средний балл	1.96	1.94	1.99	1.95	2.11	1.99	1.85	1.65	1.89

Таблица 20

Описательные признаки носа (продолжение)

	Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
					селькупы × ханты	селькупы	селькупы × эвенки	эвенки	ненцы
Форма ноздрей *N*	69	143	79	127	28	84	47	31	52
Круглые	—	3.5	1.2	2.4	—	—	8.5	3.2	—
Треугольные	14.5	37.1	5.1	7.9	10.7	20.2	21.3	38.7	25.0
Овальные	85.5	59.4	93.7	89.7	89.3	79.8	70.2	68.1	75.0
Положение кончика *N*	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Поднятое (1)	60.0	47.9	49.4	46.1	60.4	51.2	65.9	38.6	46.1
Горизонтальное (2)	40.0	25.0	49.4	53.1	39.6	47.6	34.1	51.7	50.0
Опущенное (3)	—	27.1	1.2	0.8	—	1.2	—	9.7	3.9
Средний балл	1.40	1.79	1.52	1.55	1.40	1.50	1.34	1.71	1.58
Положение основания *N*	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Поднятое (1)	64.3	67.4	62.1	54.7	75.0	64.3	80.8	32.2	50.0
Горизонтальное (2)	34.3	15.3	36.7	44.5	25.0	35.7	19.2	67.8	48.1
Опущенное (3)	1.4	17.4	1.2	0.8	—	—	—	—	1.9
Средний балл	1.37	1.50	1.39	1.47	1.25	1.36	1.19	1.68	1.52
Высота крыльев *N*	69	144	75	128	28	84	47	31	52
Малая (1)	13.0	48.6	22.7	23.4	14.3	22.6	10.6	6.5	9.6
Средняя (2)	84.1	46.5	76.0	73.4	85.7	75.0	87.3	87.0	90.4
Большая (3)	2.9	4.9	1.3	3.1	—	2.4	2.1	6.5	—
Средний балл	1.90	1.56	1.78	1.80	1.86	1.80	1.91	2.00	1.90
Выраженность крыльевой борозды *N*	69	143	75	128	28	84	47	31	52
Слабая (1)	47.8	31.5	65.3	55.5	50.0	47.6	57.5	32.2	50.0
Средняя (2)	31.9	42.7	21.4	28.1	32.1	38.1	25.5	45.2	36.5
Сильная (3)	20.3	25.9	13.3	16.4	17.9	14.3	17.0	22.6	13.5
Средний балл	1.73	1.95	1.48	1.61	1.68	1.67	1.60	1.90	1.64
Слияние крыльевой борозды с носогубной *N*	69	143	75	128	28	84	47	31	52
Не сливается (1)	46.4	29.4	70.7	53.9	64.3	65.5	68.1	45.2	59.6
Сливается (2)	34.8	67.1	22.6	32.0	25.0	28.6	31.9	45.2	34.6
Образует одну линию (3)	18.8	3.5	6.7	14.1	10.7	5.9	—	9.7	5.8
Средний балл	1.72	1.74	1.35	1.60	1.46	1.40	1.32	1.65	1.46

Таблица 21

Строение верхнего века

		Селькупы парымские	Чулымцы	Ленские татарские	Ханты васюганские	Тазовские				
						селькупы Ханты	селькупы	селькупы вейки	ненцы	ненцы
Число наблюдений		71	142	79	128	28	83	47	31	51
Эпикантус	Отсутствует (0)	74.6	55.0	76.0	76.4	82.3	74.6	46.9	45.3	62.6
	Слабо развит (1)	21.2	28.9	19.0	21.3	17.7	25.4	44.6	35.4	29.6
	Средне » (2)	4.2	15.5	5.0	2.4	—	—	6.4	19.4	7.8
	Сильно » (3)	—	0.7	—	—	—	—	2.1	—	—
Преназальная	Отсутствует (0)	39.4	42.3	24.1	29.1	14.2	23.0	6.4	6.5	15.6
	Слабо развит (1)	19.7	16.9	31.6	22.1	39.6	28.9	19.1	16.1	49.1
	Средне » (2)	22.6	18.3	31.6	37.8	25.0	33.7	42.6	48.4	23.5
	Сильно » (3)	18.3	22.5	12.7	11.0	21.4	14.4	31.9	29.0	11.8
	Средний балл	1.20	1.21	1.33	1.31	1.54	1.40	2.00	1.91	1.32
Медиальная	Отсутствует (0)	9.9	10.6	8.9	6.3	3.6	7.1	2.1	—	3.9
	Слабо развит (1)	31.0	23.9	35.4	26.8	39.6	28.9	19.1	16.1	49.1
	Средне » (2)	25.3	25.4	34.8	41.7	25.0	37.4	46.9	51.6	27.4
	Сильно » (3)	33.8	40.1	13.9	25.2	31.9	26.6	31.9	32.3	19.6
	Средний балл	1.82	1.95	1.61	1.86	1.85	1.84	2.09	2.16	1.63
Дистальная	Отсутствует (0)	8.5	12.7	10.1	6.3	3.6	9.6	6.4	—	3.9
	Слабо развит (1)	32.4	24.7	35.4	26.8	39.6	28.9	19.1	16.1	49.1
	Средне » (2)	25.3	26.1	40.5	41.7	25.0	34.9	42.6	51.6	27.4
	Сильно » (3)	33.8	36.6	13.9	25.2	31.9	26.6	31.9	32.3	19.6
	Средний балл	1.83	1.87	1.58	1.86	1.85	1.79	2.00	2.16	1.63
Складка отсутствует на всем протяжении		8.5	10.6	8.9	6.3	3.6	7.1	2.1	—	3.9

Таблица 22

Измерительные признаки губ

		Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
						селькупы × ханты	селькупы	селькупы × эвенки	эвенки	нганасаны
Высота верхней губы	n	68	139	68	124	28	80	47	28	49
	M	18.5	18.9	16.8	17.0	17.0	18.0	18.5	18.5	15.4
	$\pm m$	0.3	0.2	0.3	0.2	0.5	0.3	0.3	0.6	0.4
	σ	2.5	2.5	2.3	2.4	2.6	2.5	2.0	3.1	2.4
«Толщина» обеих губ	n	68	139	67	122	28	79	47	28	49
	M	13.7	16.4	14.1	13.5	13.1	13.6	15.1	15.4	14.3
	$\pm m$	0.5	0.3	0.4	0.4	0.8	0.4	0.4	0.8	0.6
	σ	4.0	4.0	3.3	4.0	4.3	3.9	2.9	4.1	4.2
Ширина рта	n	68	139	67	122	28	78	47	27	49
	M	52.2	52.1	51.8	52.5	53.8	54.1	53.4	54.4	53.4
	$\pm m$	0 5	0.3	0.4	0.3	0.6	0.4	0.4	0.6	0.6
	σ	4.0	3.5	3.3	3.7	3.4	3.1	2.6	3.0	3.9

Таблица 23

Описательные признаки губ

	Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские				
					селькупы × ханты	селькупы	селькупы × эвенки	эвенки	нганасаны
Высота верхней губы N	69	143	76	128	28	82	47	30	51
Малая (1)	—	—	—	—	—	1.2	—	—	3.9
Средняя (2)	66.7	42.0	80.3	82.0	78.6	69.3	65.9	63.3	90.2
Большая (3)	33.3	58.0	19.7	18.0	21.4	29.5	34.1	36.7	5.9
Средний балл	2.33	2.58	2.20	2.18	2.21	2.28	2.34	2.37	2.02
Профиль верхней губы N	69	139	76	123	28	82	47	30	51
Прохейлия (1)	55.1	83.5	57.9	55.3	50.0	50.0	83.0	86.7	64.7
Ортохейлия (2)	44.9	13.7	42.1	42.3	46.4	48.8	17.0	13.3	33.3
Опистохейлия (3)	—	2.9	—	2.4	3.6	1.2	—	—	2.0
Средний балл	1.45	1.20	1.42	1.47	1.54	1.51	1.17	1.13	1.37
«Толщина» верхней губы N	69	143	76	123	28	82	47	30	51
Тонкая (1)	56.5	52.5	54.0	61.8	57.1	54.7	31.9	46.7	27.4
Средняя (2)	39.1	37.1	42.1	32.5	39.3	43.9	63.8	43.3	60.8
Толстая (3)	4.4	9.8	3.9	5.7	3.6	2.4	4.3	10.0	11.8
Вздутая (4)	—	0.7	—	—	—	—	—	—	—
Средний балл	1.52	1.59	1.50	1.44	1.46	1.49	1.72	1.63	1.84
«Толщина» нижней губы N	69	143	76	123	28	82	47	30	51
Тонкая (1)	27.6	25.9	32.9	20.3	28.6	25.6	10.6	13.3	13.7
Средняя (2)	60.9	46.2	52.6	61.8	57.1	56.1	78.7	53.3	70.6
Толстая (3)	10 1	26.6	14.5	17.9	14.3	18.3	10.6	30.0	15.7
Вздутая (4)	1.4	1.4	—	—	—	—	—	3.3	—
Средний балл	1.85	2.04	1.82	1.98	1.86	1.93	2.00	2.23	2.02

Таблица 24

Размеры головы

		Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские: селькупы × ханты	Тазовские: селькупы	Тазовские: селькупы × эвенки	Тазовские: эвенки	Тазовские: ненцы
Продольный диаметр	n	71	144	79	127	28	84	47	31	52
	M	188.8	190.2	190.9	192.1	195.3	192.9	189.6	191.9	189.2
	$\pm m$	0.7	0.5	0.6	0.6	0.9	0.7	0.7	0.9	0.6
	$\pm \sigma$	6.1	6.2	5.3	6.5	5.0	6.2	4.5	5.2	4.6
Поперечный диаметр	n	71	144	79	127	28	84	47	31	52
	M	153.9	153.0	157.0	159.7	160.4	158.8	158.8	157.5	155.8
	$\pm m$	0.7	0.4	0.6	0.6	0.8	0.5	0.6	0.8	0.6
	$\pm \sigma$	5.5	4.8	5.5	6.5	4.2	5.0	3.8	4.5	4.5
Головной указатель	n	71	144	79	127	28	84	47	31	52
	M	81.5	80.6	82.2	83.2	82.3	82.4	83.9	82.3	82.4
	$\pm m$	0.4	0.3	0.3	0.3	0.6	0.3	0.4	0.4	0.4
	$\pm \sigma$	3.2	3.3	2.7	2.9	2.9	2.8	2.5	2.2	2.7
Наименьшая ширина лба	n	69	144	79	127	28	84	47	31	52
	M	104.9	105.9	103.8	107.2	106.7	105.6	106.4	103.8	106.3
	$\pm m$	0.5	0.4	0.5	0.4	0.7	0.4	0.7	0.9	0.6
	$\pm \sigma$	4.4	4.7	4.3	4.3	3.7	4.1	4.5	4.8	4.4

Таблица 25

Описательные признаки лба

	Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские: селькупы × ханты	Тазовские: селькупы	Тазовские: селькупы × эвенки	Тазовские: эвенки	Тазовские: ненцы
Наклон лба N	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Сильно наклонный (1)	4.3	2.1	24.0	8.6	7.2	7.1	—	6.5	—
Средне наклонный (2)	22.9	42.4	32.9	27.[illegible]	28.5	25.1	23.5	19.5	27.0
Прямой и слабо наклонный (3) . . .	72.8	55.5	43.1	64.1	64.2	67.8	76.5	74.0	73.0
Средний балл . . .	2.69	2.53	2.19	2.56	2.57	2.61	2.77	2.67	2.73
Развитие надбровья N .	70	144	79	128	28	84	47	31	52
Слабое (1)	78.1	45.8	52.0	70.3	78.7	65.5	72.3	96.8	90.5
Среднее (2)	22.1	49.3	35.4	27.3	17.7	26.2	27.7	3.2	9.5
Сильное (3)	—	4.9	10.1	2.4	3.6	7.2	—	—	—
Очень сильное (4) . .	—	—	2.5	—	—	1.2	—	—	—
Средний балл . . .	1.22	1.59	1.63	1.32	1.25	1.44	1.28	1.03	1.10

Таблица 26

Длина тела

		Селькупы нарымские	Чулымцы	Кеты елогуйские	Ханты ваховские	Тазовские: селькупы × ханты	Тазовские: селькупы	Тазовские: селькупы × эвенки	Тазовские: эвенки	Тазовские: ненцы
	n	68	122	68	120	26	77	44	29	50
	M	1592	1603	1581	1593	1604	1579	1581	1572	1566
	$\pm m$	6	5	6	6	13	6	8	10	9
	σ	46	51	52	60	65	50	50	53	60

ЛИТЕРАТУРА

Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VI. Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. Москва, 1928.

Горощенко К. И. Курганные черепа Минусинского округа. Описание Минусинского музея, вып. 2. Минусинск, 1900.

Горощенко К. И. Сойоты. Русский антропологический журнал, кн. VI, М., 1901.

Горощенко К. И. Материалы по антропологии Сибири. Записки Красноярского п/отдела Вост.-Сиб. Отд. РГО по этнографии, т. I, вып. 2. Красноярск, 1905.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926.

Дебец Г. Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. Советская Азия, № 5—6, 1931.

Дебец Г. Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. Антропологический журнал, № 2, 1932.

Дебец Г. Ф. Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры. Краткие сообщения о научных работах Ин-та и Музея антропологии МГУ. М., 1941.

Дебец Г. Ф. Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии. Краткие сообщения о докладах и полевых исследоганиях Ин-та истории материальной культуры. IX, Л., 1941.

Долгих Б. О. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района. Северная Азия, № 2, 1929.

Долгих Б. О. Кеты. Иркутск. 1934.

Жиров Е. В. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего Острова. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, VI, Л., 1940.

Кастрен А. Путешествие по Лапландии, северной России и Сибири. Магазин землеведения и путешествий, т. VI, ч. 2, М., 1860.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь, т. II, СПб., 1865.

Майнов И. И. Помесь русских с якутами. Русский антропологический журнал. кн. IV, М., 1900.

Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отд. VI. Коренные жители Сибири. СПб., 1878.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750.

Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае. Вестник РГО, кн. 28, СПб. 1860.

Орлова Е. И. Население по Кети и Тыму. Работы научно-промысловой экспедиции по изучению Оби и ее бассейна, т. I, вып. 4. Красноярск. 1928.

Островских Н. Е. К вопросу о населении Таймырского полуострова. «Северная Азия», № 2, 1929.

Прокофьев Г. И. Остяко-самоеды Туруханского края. Этнография, кн. VI, Л., 1928.

Прокофьев Г. И. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Н.-и. ассоциация Ин-та народов Севера. ЦИК СССР. Труды по лингвистике, т. IV, вып. 1, Л., 1935.

Прокофьев Г. И. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. Советская этнография, III, Л., 1940.

Рогинский Я. Я. Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья. Антропологический журнал, № 3, 1934.

Руденко С. И. Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири. Записки АН по физ.-мат. отделению, т. XXXIII, № 3. Пгр. 1914.

Рычков К. М. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. I—II. Приложение. 1917.

Силинич И. П. К вопросу об антропологическом типе населения северо-западной Сибири. Русский антропологический журнал, кн. XXXIX—XL. М., 1916.

Синельников Н. А. Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В. И. Анучина. Труды Антр. отдела Об-ва люб. ест., антр. и этн., т. 28, вып. 1, М., 1911.

Третьяков Н. Туруханский край. Записки РГО по общей географии, т. II, СПб, 1869.

Трофимова Т. А. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Ученые записки МГУ, вып. 63, М., 1941.

Тугаринов А. Я. Последние калмажи. Северная Азия, кн. 1, 1926.

Финдейзен Г. Из поездки к кэто (енисейским остякам). Северная Азия, № 2, 1929.

Чебоксаров Н. Н. и Трофимова Т. А. Антропологическое изучение манси. Краткие сообщения ИИМК, IX, Л., 1941.
Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских югров. Краткие сообщения ИИМК, IX, Л., 1941.
Чугунов С. Антропологический очерк остяков Сургутского края. Сиб. Вестник, № 85, 88, 90, 1890.
Чугунов С. Материалы для остеологии остяков. Изв. Томского ун-та, т. VI, Томск, 1893.
Шлугер С. А. Антропологическое исследование ненцев. Краткие сообщения о научных работах Ин-та и Музея антропологии МГУ. М., 1941.
Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении. Изв. Сиб. отд. РГО, т. III, № 3, Иркутск, 1872.
Ярхо А. И. и Белкина В. И. Физическое развитие населения Хакасского округа СА, № 5—6, 1928.
Ярхо А. И. Антропологический очерк кемчикских тайну-тувинцев. Северная Азия, № 5—6, 1929.
Ярхо А. И. Пигментация волос, глаз и кожи у народностей Алтае-Саянского нагорья. Русский антропологический журнал, т. 17, вып. 3—4, М., 1929.
Ярхо А. И. О некоторых вопросах расового анализа. Антропологический журнал. № 3, 1934.
Ярхо А. И. Краткий обзор антропологического изучения туземных народностей за 10 лет. Антропологический журнал, № 1, 1936.
Castren M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Ptsb. 1854.
Giuffrida-Ruggeri V. Prime linee di un'antropologia sistematica dell'Asia. Archivio per l'antropologia e la etnologia. Vol. 47, fase 1—4. Firenze, 1917.
Hilden K. Notes on the physical anthropology of the Ostyak-Samoyeds based upon data collected by Kai Donner. Journal de la Société finno-ougrienne, t. L, Helsingfors. 1938—1939.
Hilden K. Some Notes on the Anthropology of the Kamasses made by Kai Donner. Journal de la Société finno-ougrienne, t. L. Helsingfors. 1938—1939.
Klapproth J. Asia Polyglotta. Paris, 1823.
Schreiner A. Die Nord-Norweger. Skrifter av det Norske Videnskaps Akademi i Oslo. Bd. 2, 1929.
Sommier S. Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob. Archivio per l'antropologia e la etnologia. Vol. 17, Firenze, 1887.

В. В. ГИНЗБУРГ

ОБ УВЕЛИЧЕНИИ РАЗМЕРОВ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОДЕ ВОЗМУЖАЛОСТИ

Изучение возрастных изменений строения тела и его физического типа, выражающих динамику развития организма, представляет большой теоретический и практический интерес, с которым связан целый ряд вопросов биологии, антропологии и практической медицины.

Изучением динамики роста и развития организма в его так называемом «стабильном» периоде занимались очень мало, так как неизменяемость размеров и пропорций тела в этом возрасте считалась установленной.

На указанную тему наиболее подробной остается до сих пор работа Вайсенберга (Weissenberg, 1911), с очень интересным фактическим материалом, но с совершенно не приемлемыми для нас методологическими установками. Вайсенберг отметил, что у взрослого размеры тела продолжают нарастать и в ширину.

Из новых публикаций наиболее интересными и детальными являются работы советского антрополога Ярхо и американского ученого Грдлички. Ярхо (Jarcho, 1935) приводит данные о размерах тела и головы в различных возрастных группах взрослых людей, а также возрастные изменения описательных признаков, имеющих значение как для антропологии, так и для судебной медицины. Но он взял большие возрастные интервалы, в которых теряются детали, хотя основная линия возрастного развития прослеживается им очень хорошо. Ярхо показывает, что рост тела, не говоря уже об изменениях физического типа, во многих исследованных им группах не останавливается к 25 годам или около этого, а продолжается и дальше.

Новейшими данными в этом направлении является сводка крупнейшего американского антрополога Грдлички (Hrdlička, 1936), сделанная им на основании целой серии своих работ в течение нескольких десятков лет. Грдличка приводит большое количество своих исследований в Америке, а также литературные материалы по другим странам и показывает, что рост тела продолжается довольно долго, во всяком случае гораздо дольше того периода, в который, по обычным представлениям, происходит синостозирование костей.

Проводя очень детальное антропометрическое изучение горных таджиков (Гинзбург, 1937), мы обратили внимание на то, что размеры тела увеличиваются в более старших возрастных группах и это увеличение продолжается до 40—50 лет.

Так как исследованная нами группа горных таджиков являлась однородной в расовом и социальном отношении, т. е. представляла очень удач-

ный объект для исследования, то мы решили детально проследить возрастные изменения на большом количестве измерительных и описательных признаков строения тела и физического типа.

При этом нас интересовал, главным образом, так называемый средний возраст жизни человека, т. е. возраст возмужалости и зрелости (adulitas и maturitas), как наименее изученный,

Нами было изучено 748 мужчин, от 18 до 80 лет.

Приводим вкратце полученные нами данные.

Нарастание средних размеров общей длины тела (роста) у мужчин происходит с различной интенсивностью до 45 лет. От 18 до 23 лет длина тела увеличивается в среднем на 2 см. В дальнейшем рост резко замедляется, но не останавливается, продолжаясь до 45 лет. За это время, т. е. с 24 до 45 лет, величина прироста тела достигает в среднем 3 см.

После 45 лет начинается медленное непрерывное понижение длины тела.

Длина тела (рост) горных таджиков в разных возрастных группах

Возраст	Число обследованных	Длина тела в см
18—20	123	163.23
21—23	91	165.33
24—26	140	165.11
27—30	117	165.32
31—35	84	166.43
36—40	70	165.24
41—45	49	168.25
46—50	32	166.62
51—60	27	166.83
61—80	15	162.50

Длина передней стенки туловища за период от 24 до 45 лет увеличивается на 1 см.

Ширина плечевого и тазового поясов (диаметры биакромиальный и тазогребенный) увеличиваются за период 24—45 лет на 1 см.

Длина верхней конечности в целом показывает увеличение за этот срок до 2.5 см, а длина кисти до 8 мм.

Длина нижней конечности возрастает до 45 лет, причем за период 24—45 лет — до 1.5 см. До полусантиметра увеличивается за этот период и длина стопы. После 50 лет длина нижней конечности значительно (около 2 см) убывает, что, повидимому, зависит главным образом от уплощения свода стопы, так как истончение суставных хрящей, даже суммируясь, вряд ли может достигнуть такой величины.

Мы детально изучили и возрастные изменения размеров и формы головы и лица.

Продольный диаметр головы увеличивается почти до 60 лет, после чего несколько уменьшается. За период возмужалости этот размер увеличивается до 2.5 мм. Поперечный диаметр увеличивается несколько меньше, результатом чего является небольшое понижение (с возрастом) головного указателя.

Высота лица увеличивается с 24 до 45 лет на несколько миллиметров, главным образом за счет увеличения верхней (лба) и нижней его трети

(челюсти). Уменьшение этого размера после 45 лет идет сначала медленно, потом быстро, что связано с атрофией жевательного аппарата.

Широтные размеры лица развиваются неодинаково. Ширина лба (между височными гребнями), относящаяся собственно к мозговому отделу черепа, достигает максимума своей величины уже к 23 годам. Затем до 50 лет этот размер почти не изменяется, а после этого возраста несколько уменьшается. Ширина лицевого отдела головы (скуловая и нижнечелюстная) увеличивается на 1.5—2 мм.

Соотношение размеров лица показывает, что после 18 лет форма лица постепенно удлиняется, и этот процесс продолжается до 45 лет, после чего лицо начинает приобретать все более широкую конфигурацию, зависящую главным образом от уменьшения его высоты.

Изучение изменений размеров и формы носа и уха показывает, что эти органы становятся с возрастом длиннее и относительно уже.

Изучение материала показало, что в так называемый «стабильный» период жизни организма происходит непрерывное нарастание не только широтных, но и длиннотных размеров тела, протекающее очень медленно, но все же продолжающееся до самого начала периода инволюции. Это увеличение невелико, в пределах 2—3 см, однако оно ощущается довольно реально и может быть прослежено не только на общей длине тела, но и на длине отдельных частей его.

Однако из проделанной работы вытекла необходимость тщательной проверки указанного выше положения о длительности нарастания размеров тела, причем лучшей проверкой этого положения могло явиться только повторное обследование одних и тех же лиц. Окончательное решение этого было принято весной 1939 г., когда А. Грдличка приехал для научной работы в СССР.

Летом 1939 г. я снова поехал в один из районов Таджикской ССР (где был летом 1932 г., за 7 лет до того) с целью провести повторное обследование лиц среднего возраста, представлявших наибольший интерес для проверки высказанных выше положений.

Для этой цели был заранее составлен список лиц данного района, обследованных мной в 1932 г., которым тогда было от 24 до 45 лет и, следовательно, в 1939 г. от 31 до 52 лет.

Таких людей было намечено 180. Однако по ряду причин налицо оказалось всего 60 человек, которые и были нами снова подробно обследованы. При этом мы по возможности старались сохранить те же условия, в которых обследование проводилось в 1932 г. (место обследования, инструментарий, время дня и пр.).

Предварительная разработка материалов показала, что из 60 обследованных лиц 49 человек, т. е. 81.67%, показали увеличение роста, 4 человека, т. е. 6.67%, остались без изменений и 7 человек — 11.67% — дали снижение роста. Если же в целях перестраховки откинуть возможную ошибку при измерениях антропометром до 0.5 см, и увеличение, а также уменьшение роста до этой величины причислить к группе лиц, оставшихся без изменений, то тогда окажется: в группе, показавших увеличение роста, остается 41 человек — 68.34%, в группе, давших уменьшение роста, остается всего 3 человека — 5%. В средней группе при этом оказывается 16 человек — 26.67%.

Таким образом, громадное большинство обследованных показало прибавление общего роста, причем средняя величина прибавки для всей группы в целом оказалась 8.4 мм (165.78 см в 1932 г. и 166.62 см в 1939 г.)

Для детального анализа полученных данных мы, несмотря на сравни-

тельно небольшое общее количество обследованных, сочли возможным разбить материал на пять возрастных групп.

При этом оказалось, что в младших группах лиц, которым в 1932 г. было от 24 до 30 лет (а в 1939 г., следовательно, от 31 до 37 лет) все 100% обследованных показали повышение роста за 7 лет в среднем на 10.6 мм.

В старших группах лиц, которым в 1932 г. было от 31 до 45 лет, повышение роста отмечено у 61% обследованных, а понижение — 25%. Вся старшая группа дала среднее повышение за 7 лет около 4.7 мм, т. е. вдвое меньше, чем младшая группа. Необходимо отметить, что в наиболее старшей группе (от 41 до 45 лет) большинство обследованных (5 из 7 человек) дали повышение роста и лишь один — незначительное понижение.

Погодовое среднее увеличение длины тела в течение 7 лет у лиц возраста 24—30 лет равнялось 1.3—1.5 мм, а у лиц в возрасте 31—45 лет — 0.6—0.7 мм.

Следовательно, начиная с 24-летнего возраста до 30 лет длина тела отдельного индивидуума увеличивается в среднем на 1 см с небольшим, а дальше, от 31 до 45 лет, на величину тоже около 1 см.

Общее увеличение роста (длины) тела за период от 24 до 45 лет, достигающее около 2 см, является величиной довольно ощутительной. Эта величина близко подходит к эмпирической интерполированной кривой годового прироста и общего нарастания длины тела за весь период, а также к теоретически вычисленному росту по коэффициенту регрессии.

Полученная общая величина прироста (около 2 см) приближается к той разнице в величине длины тела, которая была обнаружена между этими возрастными группами (24—45 лет) при одновременном массовом исследовании горных таджиков в 1932 г.

Это подтверждает положение, отмеченное в начале 900-х годов Заком и Бондыревым, что для изучения возрастных изменений организма пригоден как генерализирующий метод, т. е. метод одновременного исследования больших групп, так и индивидуализирующий, т. е. метод разновременного исследования одних и тех же особей.

Рост организма — явление сложное и не представляет собой простую сумму роста отдельных его частей; однако, чтобы иметь возможность представить себе динамику роста, нужно иметь представление об изменениях в процессе роста отдельных тканей, органов и частей тела. Нам доступно было только последнее, и мы, кроме длины тела, в целом изучили изменения отдельных его частей.

Измерение толщины слоя подкожной клетчатки, которое мы производили на плече и животе, убедило нас в том, что увеличение размеров как тела в целом, так и отдельных его частей нельзя объяснить приростом мягких тканей, так как толщина складок плеча и живота даже несколько уменьшилась.

Возможное увеличение мышечной массы не могло отразиться на увеличении общей длины тела, так как на макушке головы мышц нет, а точки опоры стопы не имеют мышечных подушек. Что касается возможности увеличения толщины подкожной клетчатки подошвы, то в противовес этому, если бы это и было, свод стопы с возрастом понижается. Также известно, что с возрастом уменьшается толщина межпозвоночных хрящей. Уменьшается и толщина суставных хрящей.

Остается предположить, что увеличение общей длины тела (т. е. роста его в целом) в периоде возмужалости происходит за счет увеличения твердых частей скелета, т. е. за счет продолжающегося роста костей.

Диаэпифизарные зоны роста ликвидируются годам к 23—25, значит, длинные кости продолжают расти помимо диаэпифизарных зон, что яв-

ляется правилом для многих коротких костей, не имеющих эпифизов, например костей запястья и предплюсны и других.

Констатировав общий рост длины тела, нужно определить, за счет каких отделов главным образом происходит увеличение длины тела. Рассмотрим динамику изменений отдельных длинотных размеров.

Высота верхнего края симфиза лобковых костей увеличилась для всей группы в среднем на 8.8 мм, т. е. на столько же, на сколько увеличился и средний рост. При этом можно отметить, что у лиц до 35-летнего возраста высота симфиза возросла значительно больше, чем у лиц старше этого возраста.

Высота передней верхней ости возросла за 7 лет еще значительнее, в среднем для всей группы на 17.2 мм. Это указывает, что рост тазовых костей и, в частности, крыла подвздошной кости идет довольно интенсивно в течение всего изученного нами возрастного периода.

Вычисленная длина нижних конечностей показала среднее увеличение для всей группы в 1.3 см, т. е. бо́льшую, чем рост тела. При этом оказалось, что прирост длины нижней конечности в возрасте до 35 лет вдвое интенсивнее, чем в возрасте после 35 лет, достигая 1.5 см. Однако и в старшем возрасте прирост достаточно интенсивен. Эта цифра станет еще нагляднее, если учесть, что свод стопы с возрастом уплощается.

Длина передней стенки туловища увеличилась незначительно (в среднем на 2.7 мм). Это указывает, что в увеличении общей длины тела туловище участвует мало.

Увеличение роста происходит главным образом за счет увеличения длины нижних конечностей; длина туловища в некоторых случаях при этом даже уменьшается, что является результатом увеличения сутуловатости и уплощения межпозвоночных хрящей.

Обращает на себя внимание общее укорочение проекционной высоты шеи с возрастом. В более молодом возрасте (до 35 лет) среднее укорочение шеи за 7 лет около 3 мм, а после 35 лет укорочение достигает за тот же период 7 мм, т. е. вдвое больше.

Материалы одновременного обследования в 1932 г. также наглядно показали, что длина шеи в старших возрастных группах уменьшается, и в такой же степени, как в нашем новом материале. Может быть, это является результатом увеличения лордоза шеи в связи с большей сутуловатостью осанки.

Длина верхней конечности увеличилась, и в более молодой группе несколько больше, чем в старшей (около 10 мм и около 4 мм).

Изучение грудной клетки показало, что периметр ее в состоянии дыхательной паузы увеличился в среднем на 7.6 мм. В более молодой группе (до 30 лет) это увеличение превосходит 1 см, а в старшей группе — около 0.5 см.

Плечевой диаметр (биакромиальный) увеличился в среднем на 11.6 мм, причем в более старших группах (выше 35 лет) увеличение этого размера несколько меньшее (около 9 мм), чем в группах до 35-летнего возраста. Увеличение этого размера стоит в связи с увеличением поперечного диаметра грудной клетки.

Гораздо разительнее является увеличение тазогребенного диаметра, в среднем на 12.3 мм за 7 лет, но этот результат для нас не является неожиданным, так как такой же результат получился при одновременном исследовании разных возрастных групп в 1932 г.

Полученный материал показывает, что в связи с непрекращающимся ростом организма и в периоде возмужалости происходят изменения пропорций тела, с которыми организм подходит уже к периоду инволюции.

Эти изменения в строении тела сводятся к следующему:

1. Увеличивается общая длина тела, главным образом, за счет увеличения нижних конечностей.

2. Относительные размеры туловища уменьшаются, повидимому, не только за счет меньшего нарастания его, но и за счет изменения конфигурации позвоночника (увеличение его кривизны).

3. Вместе с тем происходит увеличение размеров туловища и поясов конечностей в ширину.

Получается, с одной стороны, как бы усиление долихоморфных признаков (отношение конечностей к общей длине тела), а с другой — усиление и брахиморфных признаков (увеличение широтных размеров туловища и поясов конечностей, относительное укорочение самой формы туловища, укорочение шеи).

Изучение размеров головы и лица показало, что за истекшие 7 лет и эти размеры увеличились.

Продольный и поперечный диаметры головы увеличились в среднем на 1.5 мм. Морфологическая высота лица увеличилась почти на 2 мм, за исключением группы старше 40 лет, в которой это увеличение достигает в среднем 0.7 мм.

Увеличились и широтные размеры лица: ширина скуловых дуг — в среднем на 1.3 мм, а ширина углов нижней челюсти на 2 мм. Ширина лба оказалась наиболее стабильной величиной: в возрасте до 35 лет ее увеличение в среднем на 0.5 мм, а в возрасте старше 35 лет эта величина даже немного уменьшается. Материалы обследования 1932 г. также показали прирост всех размеров головы и лица, за исключением наименьшей ширины лба, величина которой не только не обнаруживает тенденции к нарастанию, но даже незначительно (постепенно) убывает.

Этот факт требует специального изучения.

Изучение размеров носа и уха показывает их бо́льший продольный рост, чем поперечный, благодаря чему они становятся абсолютно длиннее и шире и относительно у́же, что вполне совпадает и с данными одномоментного обследования разновозрастных групп.

Итак, рост человеческого организма в периоде его возмужалости, в так называемом «стабильном» периоде развития, не останавливается с наступлением этого периода, но, резко замедляясь, продолжается и дальше, вплоть до начала периода инволюции.

Мы склоняемся к выводу, что это явление, отмеченное нами на очень однородной группе горных таджиков, не является специфичным, а представляет собой общее явление, на которое почти не обращалось внимания. Объясняется это тем, что, с одной стороны, исходили из априорного предположения об окончании развития и роста организма с наступлением «стабильного» периода; с другой стороны — отмеченная закономерность плохо или совсем не выявляется на менее однородных группах, какими является население больших городов, и, наоборот, хорошо прослеживается на однородном, хотя и более малочисленном материале. Конечно, у разных народов и в различных условиях быта и труда ход развития организма и сроки этого развития будут различны, но общее положение от этого не изменяется.

Рост в периоде возмужалости происходит главным образом за счет увеличения костей. Это более заметно на крупных длинных костях и костях с большой широкой поверхностью, например тазовых, черепных.

Подтверждение этого мы получили при исследовании нескольких десятков мужских скелетов из одного могильника IX—X вв. При этом ока-

залось, что в зрелом возрасте (maturitas) размеры костей как в длину, так и в ширину в среднем больше, чем в возмужалом (adulitas).

Так как в изучаемом периоде диаэпифизарный рост костей уже не происходит, то естественно предположить, что существует и другой рост костей помимо диаэпифизарного, становящийся заметным после прекращения последнего.

Идет ли этот другой рост равномерно во всей кости, или он тоже приурочен к определенным зонам (может быть, к околосуставным), должно показать дальнейшее изучение этого специального вопроса уже другими методами.

Ю. П. АВЕРКИЕВА

ПЕРЕЖИТКИ МАТЕРИНСКОГО РОДА У ИНДЕЙЦЕВ КВАКИЮТЛЬ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Индейцы квакиютль являются одной из народностей северо-западного побережья Северной Америки. Они населяют северную часть острова Ванкувер и противолежащую часть материка в Британской Колумбии.

В этнографической литературе это племя известно благодаря исследованиям покойного американского этнолога Ф. Боаса, изучавшего его 50 с лишним лет. Изданные им многотомные записи фольклора квакиютль и его труды дают богатейший материал по исследованию культуры этого народа.[1]

Вопрос о социальной организации квакиютль занял особое место в этнографической литературе. Объясняется это тем, что эти племена дают материал, якобы опровергающий теорию марксизма о путях развития первобытного общества и подтверждающий правильность патриархальной теории. Почвой для этих рассуждений является положение Боаса о том, что квакиютль находятся на переходной ступени развития от отцовского рода к материнскому. «Среди квакиютль, — пишет Боас, — роды (clans) так же экзогамны, как и у северных племен, и некоторые привилегии наследуются по отцовской линии, тогда как большая часть их приобретается через брак. На севере положение и привилегии женщин всегда передаются по женской линии. Этот же результат получается и у квакиютль, но таким путем, который указывает на то, что народ с патриархальной организацией приспособил законы матриархальной организации к своим обычаям.[2] Своеобразный способ наследования у квакиютль, пишет Боас далее, «не может быть понят иначе как адаптация законов материнского рода племенем, находящимся на патриархальной стадии».[3] Генеалогии отдельных родов, по мнению Боаса, также являются «бесспорным доказательством того, что патриархальная организация племени предшествовала современной организации». Современная же организация квакиютль «показывает особенную, переходную ступень»,[4] от отцовского рода к материнскому, — так заключает Боас.

Как известно, в буржуазной этнографической литературе господствует тенденция опровергнуть материалистическое учение о развитии перво-

---

[1] За исключением Боаса никто не изучал детально индейцев квакиютль, хотя они упоминаются в ряде работ по истории первобытного общества.

[2] F. Boas. Social organisation and secret societies of the Kwakiutl Indians. Ann. Report U. S. National Museum for 1895, Washington, 1897, стр. 334.

[3] Там же, стр. 335.

[4] Там же, стр. 323

бытного общества или умолчать об этом учении. Книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», как и вообще взгляды классиков марксизма на первобытное общество, обычно замалчиваются в буржуазных исследованиях по этому вопросу. В американских же работах, несмотря на то, что индейцы занимают довольно солидное место в книге Энгельса, книга эта никогда не упоминается. Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, перелистать работы Lowie, Swanton, Kroeber, Wissler и др. Все выступления американских и европейских этнографов направлены против трудов Моргана, которые, как известно, явились фактической основой, позволившей Марксу и Энгельсу конкретизировать свои взгляды на первобытное общество.

Положения Моргана иногда пытаются объяснить психологическими причинами, чтобы подорвать их фактическую обоснованность, как это делает, например, R. Lowie: «Морганово объяснение человеческого общества как целого было результатом не только его личных наблюдений среди ирокезов, но также отразило тенденцию к искусственным эволюционным схемам, присущую его годам». [1]

Все возражения буржуазных этнографов направлены, главным образом, против важнейшего открытия Моргана, доказавшего первичность материнского рода и вторичность отцовского рода, т. е. против того открытия великого исследователя, которое особенно ценили Маркс и Энгельс.

«Открытие первичного материнско-правового рода, — пишет Энгельс,— как стадии, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии». Значение этого открытия заключается в том, что «оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития». [2]

Против этого открытия Моргана ополчилось большинство буржуазных этнографов, в том числе американских. Опровергнуть Моргана столпы буржуазной этнографии пытаются, основываясь на материале североамериканских индейцев и австралийцев (первые, как известно, послужили исходной точкой для теории и выводов Моргана). На основе изучения этих племен они допускают существование материнского рода только для отдельных племен, для которых это является оригинальной чертой, у других же племен с отцовским счетом родства существование матриархата совершенно не допускается. Так как факты не дают возможности совершенно отрицать материнский род, то американские этнографы выступают против положения, что счет родства по женской линии во всех случаях предшествовал счету родства по мужской линии. [3] В работах Lowie, Kroeber, Swanton, Boas и др. проводится основная мысль, что нет общих законов развития человеческого общества, что каждый народ, каждое племя развивается своими особыми путями. Эта же мысль проводится и в вопросе первичности материнского рода. «Допущение... что развитие всегда шло в одном направлении от матрилинеального к патрилинеальному, представляется мне, — пишет Swanton, — не оправдывающимся данными, имею-

---

[1] R. Lowie. Social organisation. The American Journal of Sociology, 1914, стр. 69.

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1937, стр. 23.

[3] R. Lowie, Op. cit., стр. 86.

щимися на руках».[1] По Lowie, Swanton и др. материнский род и отцовский род сосуществуют в непосредственном соседстве друг с другом.[2] Они «представляют собою параллельное развитие из более неупорядоченного состояния».[3] Допускаются даже отдельные случаи, когда материнский род предшествовал отцовскому, однако наряду с этим возможны якобы и случаи, «когда клан развивается из генса».[4] И в качестве единственного доказательства этого положения приводятся индейцы квакиютль. Утверждение Боаса, что квакиютль находятся на степени перехода от отцовского рода к материнскому, было принято американскими этнологами, и в позднейших их работах оно выставлялось как их собственное. Оно дало им возможность не только пытаться опровергнуть положение Моргана, но и доказывать совершенно обратное ему.

Против выводов Боаса о социальной организации квакиютль первым выступил английский этнолог Hartland, известный сторонник матриархальной теории. В своей работе «Матрилинеальный род и вопрос о его приоритете»[5] он разбирает несостоятельность антиморгановских теорий, показывая это на материале тех же индейских племен, которыми пользуются и антиморганисты. На выводах Боаса относительно квакиютль Hartland останавливается довольно подробно, доказывая их противоречивость и несостоятельность.

Свою аргументацию несостоятельности теории Боаса Hartland строит, к сожалению, не на материале квакиютль; он ограничивается только ссылкой на другие индейские племена. «При современном состоянии знаний, — пишет он, — совершенно напрасно высказывать какие-либо предположения относительно того, каковы были их (квакиютль. — *Ю. А.*) первоначальные институты. Но нет оснований предполагать, что они были отличны от институтов других племен с подобной же историей. Детальное изучение не подтверждает предположения, что квакиютль находятся в состоянии перехода от патрилинеального счета родства к матрилинеальному».[6] Что же касается социальной организации квакиютль, то автор говорит, что эта организация «совершенно очевидно, не примитивна. Она ни патрилинеальна, ни матрилинеальна и является результатом долгой эволюции, в течение которой социальное родство совершенно отделилось от генетического родства, из которого оно выросло».[7] При изучении социальной организации квакиютль мы имеем дело, по мнению автора, «не с системой родства, а с высоко-искусственным образованием особой социально-религиозной структуры и механизмом ее увековечения».[8]

Все это является по существу отрицанием рода. Нам представляется этот вывод не совсем правильным. Автор вслед за Боасом слишком усложняет социальную структуру квакиютль.

РОД

Материалы показывают, что у квакиютль род существовал и действовал как социальный институт в не столь отдаленном прошлом. Это был род патриархальный, но еще со многими пережитками материнского рода.

[1] J. Swanton. Anthoropos, IX, 297.
[2] Там же, стр. 296.
[3] Там же, стр. 297.
[4] R. Lowie. Op. cit., стр. 76. В американской литературе материнский род обозначается словом clan, а отцовский — gens. — *Автор.*
[5] E. E. Hartland. Matrilineal kinship and question of its priority. Memoirs of the American Anthropological Association, vol. IV, № 1, 1917.
[6] E. E. Hartland. Op. cit., стр. 58.
[7] Там же, стр. 52.
[8] Там же, стр. 56.

Это показывают и тексты квакиютль, многие из которых записывались в 90-х годах XIX в.

Основным источником нашей работы являются многотомные тексты квакиютль, которые были записаны Боасом с помощью Георгия Хонта, а также работы Боаса общего характера, например: Social organisation and secret societies of the Kwakiutl Indians, Current beliefs of the Kwakiutl Indians, Kwakiutl Religion, Houses of the Kwakiutl Indians, Ethnology of the Kwakiutl, его отчеты о поездках на северо-западное побережье и др. Кроме того, я воспользовалась собственными наблюдениями, правда, более позднего периода (1930).

Первый и несомненный факт, который легко устанавливается даже при беглом взгляде на материал о социальной структуре индейцев квакиютль, это — существование у них рода. Боас в одной из своих первых работ о квакиютль писал: «Оказывается, что племя квакиютль может быть охарактеризовано, как серия родов, предки которых появились в определенных районах». [1]

В своей главной работе по социальному строю квакиютль [2] Боас писал также: «Квакиютль разделены на множество племен, которые в свою очередь подразделены на септы и р о д ы». [3] Все тексты квакиютль неизменно говорят о роде. Таким образом, Боасом и всеми американистами вполне признается наличие рода у квакиютль. Вопрос только в том, каковы функции этого рода и какова его история. Остановимся только на истории рода у квакиютль, так как здесь существует коренное расхождение между марксистским пониманием истории рода и трактовкой ее в американской этнографии.

«Квакиютль в старое время, — писал Боас, — представляли собою серию деревенских общин, в которых счет родства велся по отцовской линии и члены одной общины считались потомками одного предка. Эти общины объединялись в группы, составные элементы которых сохраняли известную степень независимости и продолжали считаться родственниками. Каждый клан, как можно назвать составной элемент племени, развил родовую легенду, которая была основана на приобретении манитоу мифическим предком, после чего это манитоу стало наследственным в роде. Благодаря влиянию северных племен это манитоу было уподоблено гербу, который, в силу этого же влияния, наследовался не по отцовской линии, а передавался в приданое дочери и наследовался таким образом детьми дочери». [4]

Таким образом, согласно этой концепции Боаса, первоначальной социальной единицей у квакиютль был не род, а «сельская община». Доказывается это положение тем, что «у квакиютль каждый род ведет свое происхождение от мифического предка, который построил свой дом в определенном месте, где впоследствии жили его потомки. В большинстве случаев эти места оказывались старыми поселками. Большие скопления раковин, находимые в этих местах, указывают на то, что они были обитаемы в течение долгого времени. Из этого мы заключаем, что род первоначально был деревенской общиной, [5] которая, вследствие изменений в числе членов и в целях самозащиты, оставляла свое местожительство и присоединялась

[1] F. B o a s. First general Report on the Indians of British Columbia, стр. 800. Annual Report of the British Association for the Advance of Science, 1889.

[2] F. B o a s. Social organisation and secret societies of the Kwakiutl Indians. Annual Report U. S. National Museum for 1895, Washington, 1897.

[3] F. B o a s, Op. cit., стр. 328.

[4] Там же, стр. 337—338.

[5] Village community.

к другой общине». [1] Таким образом, существование деревенской общины доказывается как будто археологическими данными, т. е. наличием кухонных куч. О сущности этой общины Боас в цитируемой работе не пишет. В качестве второго доказательства своей теории он ссылается на соседние племена, заявляя, что якобы наличие деревенской общины у квакиютль «вполне соответствует социальной организации племени селиш южной части о-ва Ванкувера и побережных племен штатов Орегон и Вашингтон». [2] Сельские общины этих племен характеризуются как экзогамные и патрилокальные. [3] Более детальных описаний этих сельских общин не дают ни Боас, ни какой-либо другой автор. В своей интересной работе о береговых селиш Барнетт суммирует весь материал по культуре именно тех племен, на которые ссылается Боас в вопросе о деревенской общине. А так как Барнетт приводит сводный материал, то мы вправе были бы ожидать здесь указаний на столь важный вопрос, как деревенская община, которая якобы является основной единицей социальной структуры этих племен. Однако в работе Барнетта мы не находим ни одного намека на сельские общины. Автор указывает, что социальной единицей у селиш являлись длинные дома, в которых жили несколько братьев со своими семьями, включая и кузенов, а иногда и зятьев. Родство по мужской линии было, по указанию автора, основным принципом образования деревень, а иногда и целой группы деревень. [4] Несомненно, что здесь идет речь об отцовском роде, живущем чаще всего в большом доме. Автор указывает, что наряду с отцовским счетом родства существует также счет родства и передача имущества по женской линии. Нередки случаи выселения членов отцовского дома в дом материнский. Но, как и Боас, автор не допускает, чтобы наличие счета родства по женской линии указывало на первоначальный материнтет селишей. [5]

Таким образом и здесь дородовая деревенская община остается совершенной загадкой.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА

Итак, мы видим, что в вопросе о родовой организации квакиютль Боас стоит на совершенно оригинальной точке зрения, которая заключается в том, что, во-первых, род не изначален и, во-вторых, что род находится на стадии перехода от отцовского рода к материнскому. Так ли это в действительности? Обратимся прежде всего к наиболее древнему свидетельству о характере социальной организации квакиютль — к терминологии родства. Систему родства Боас совершенно игнорировал.

Между тем ее громадное значение для изучения социальной организации того или иного народа прекрасно показано Энгельсом: «Но с такою же достоверностью, — пишет он, — с какою Кювье по найденным около Парижа сумчатым костям скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, — с такою же достоверностью можем мы по дошедшей до нас из исторического прошлого системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи». [6]

---

[1] F. Boas. Social Organisation, стр. 334.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Barnett. Coast salich of Canada. American Anthropologist, vol. 40, 1938, стр. 129.
[5] Там же, стр. 130.
[6] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 41.

Морган в своем «Древнем обществе» пишет, что достаточно самого наличия системы родства «для доказательства того, что им предшествовала форма семьи и брака, с которыми каждая из них связана». [1]

Термины родства[2]

Прадеды	he$^{\varepsilon}$los	предки
Дед	gagɛm	
Братья деда	»	деды
Сестры деда	»	
Бабушка	gagas	бабушка
»	hado$^{\varepsilon}$	
Отец	omp	отец
Братья отца	wiwomp	отцы (по Боасу—отец и дядя)
Отчим	awatso$^{\varepsilon}$	отчим (по Боасу — муж сестры отца или муж сестры матери)
Мать	abɛmp	мать
Сестры матери	ebɛmp	матери (по Боасу — мать и тетки)
Мачеха	abatso	мачеха (по Боасу — жена брата отца или брата матери)
Дитя	xunoku	дитя
Дети	sasɛm	дети
Внук	ts!oxu ʟɛma	внук
Внучка	ts!oxu ʟɛmgas	внучка
Правнук	he$^{\varepsilon}$lokwinē	правнук
Правнучка	he$^{\varepsilon}$lokwinegas	правнучка
Старший брат	no$^{\varepsilon}$la	старший в моем поколении одного со мною пола
Младший брат	ts!la$^{\varepsilon}$e	младший в моем поколении одного со мною пола (мужчина)
Старшая сестра	no$^{\varepsilon}$la	старшая в моем поколении одного со мною пола
Младшая сестра	ts!la$^{\varepsilon}$e	младшая в моем поколении одного со мною пола
Сестра (Ego мужчина)	wuq!wa	
Брат (Ego женщина)	wuq!wa	

Система родства у квакиютль, подобно системам родства большинства народов, не соответствует их фактическим семейным отношениям. Установление подобного факта у целого ряда племен привело Моргана к такому выводу: «Семья представляет собою активный элемент, она никогда не стоит на месте, а движется от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны, лишь через долгий промежуток времени они регистрируют прогресс, проделанный семьею, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально изменилась семья». [3] Этот момент прекрасно иллюстрируется терминологией родства квакиютль при сравнении ее с системами родства у индейцев цимшиян, хайда, тлинкит. Системы родства всех этих племен таковы же, как и у ирокезов. Терминоло-

[1] Л. Морган. Древнее общество, стр. 217.
[2] F. Boas. Tsimshian Mythology. 31 Annual Report Bureau of American Ethnology. Washington, 1916, стр. 494.
[3] Л. Морган. Древнее общество.

гия родства квакиютль в основе своей такова же, но в отдельных моментах она ушла дальше, регистрируя больший прогресс семьи, которая была сложнее семьи указанных племен. Род цимшиян, хайда, тлинкит всеми американистами признается бесспорно материнским, тогда как род квакиютль, как мы частично уже видели выше, считается уже отцовским.

Необходимо оговориться, что материалы по терминологии родства квакиютль не полны, порою фрагментарны.

По Боасу, у квакиютль не различаются боковые родственники отца и матери, и в связи с этим термины, приводимые им, интерпретируются как общие для обеих линий. Несостоятельность этого положения будет показана ниже.

Боковая линия[1]

Дядя — q!ule	дядя (по Боасу — дядя и по отцовской, и по материнской линии[1])
Тетка — anés	тетка (по Боасу — тетка и по матери, и по отцу)
Племянник — Lo^{e}le	
Племянница — Lōlegas	
Дитя кузена — Lolek!ol	

Термины свойства[2]

Жена сына — nɛgump	Муж дочери — nɛgump
Жена — qanɛm	Муж — ławunɛm
Деды жены — selan	Деды мужа — selan
Родители жены — nɛgump	Родители мужа — nɛgump
Сестры жены — ginp	Сестра мужа — p!ɛlwump
Муж сестры (говорит женщина) — ginp	Муж сестры (говорит мужчина) — q!ules
Брат жены — q!ules	Брат мужа — ginp
Жена брата (говорит женщина) — pɛlwump	Жена брата (говорит мужчина) — ginp

Термины свойства объединяют людей в пять классов:

I класс	selan	деды мужа и жены	
II класс	nɛgump	тести и зятья	
III класс	ginp	сестры жены и их мужья братья мужа и их жены	Женщины термином ginp обозначали братьев мужа и мужей своих сестер-мужчины — сестер жены и жен братьев
IV класс	pɛlwump	сестры мужа, жены братьев жены	
V класс	q!ules	брат жены, муж сестры (мужчины).	Этот термин, как мы видели выше, обозначает также дядю.

Боас в приводимой им терминологии родства проводит мысль, что термины квакиютль, в отличие от системы родства у индейцев цимшиян, не

1 F. Boas. Tsimshian Mythology, стр. 494.
2 Там же.

различают родственников отца от родственников матери.[1] Поэтому и термин wiwomp — «отцы» он переводит «отец и дяди», указывая тем самым, что в понятие этого термина могут входить и братья матери и братья отца. Точно так же и термин q!ule — дядя — Боас переводит как дяди по отцу и по матери.[2] Самый факт бытования этих двух терминов указывает на наличие разницы в обозначении отцовских и материнских родственников. Термином wiwomp могли обозначаться наряду с отцом только братья последнего; братья матери всегда находились в другой группе и только к братьям по матери мог применяться термин q!ule. Интересно отметить, что этим же термином мужчина обозначает брата жены, а термин q!ule'kot — означает кузенов по матери. Несомненно, термин q!ule может быть понят, как обозначающий мужских родственников матери. Так же обстоит дело с обозначением теток. Термин ebemp (множественное число) — матери — Боас переводит «мать и тетки». Но наряду с этим существует еще — термин anēs — тетка. Здесь мы имеем аналогичное явление с вышеприведенными терминами для дядей. Несомненно, что в понятие термина ebemp — матери входили только сестры матери. Обычай обозначения общим именем матери и ее сестер почти универсален. Термин anēs мог обозначать только сестер отца.

Возможно, что за последние несколько десятилетий термины q!ule и anēs стали в одинаковой мере применяться к родственникам и по отцовской и по материнской линиям. Это дало повод Боасу заключить, что «квакиютль не различают отцовскую линию от материнской. Термины тетки и дяди одинаково применяются к материнским и отцовским братьям».[3] Этот вывод Боаса был принят и стал господствующим в американистике. Spier в своей работе о распространении системы родства в Северной Америке причисляет термины квакиютль к типу терминологий родства, обозначаемому им «салиш» и характеризуемому тем, что «родственники отца и матери не различаются».[4] Рассмотрение же терминов в их развитии показывает, что это различие проводилось.

Оригинально существование у квакиютль наряду с терминами мать и отец терминов для мачехи и отчима. Согласно трактовке Боаса, мачехой — abatso — называют жену брата отца или жену брата матери, а отчимом — мужа сестры отца или мужа сестры матери. Такое объяснение этих терминов, вероятно, является результатом той же установки Боаса — об отсутствии различия в обозначении родственников по матери и по отцу. К кому же в действительности применялись эти термины, судить трудно, ибо мы не располагаем достаточным материалом для освещения этого вопроса.

Возможно, что термины мачеха и отчим возникли следующим образом: если братья отца были моими отцами, а сестры матери моими матерями, то брак между братьями отца и сестрами матери был нормальным браком; если же этот нормальный брак нарушался и один из родственников отца женился не в роде матери, не на ее родственнице, то жена его обозначалась не матерью, а мачехой. С другой стороны, если мужем родственницы матери становился не родственник отца, то он назывался термином отчим. Но такой вывод является лишь гипотезой.

В терминах же свойства у квакиютль совершенно бесспорно проводится различие между родственниками мужа и жены.

---

[1] F. Boas. Tsimshian Mythology, стр. 495.
[2] Там же, стр. 494.
[3] Там же, стр. 495.
[4] L. Spier. The Distribution of kinship systems in North America. University of Washington Publications in Anthropology, vol. I, № 2, Seattle, 1925, стр. 74.

Термином «тесть» квакиютль обозначают всех родственников жены одного с ее родителями поколения, точно так же как зятьями обозначаются все мужские родственники зятя одного с ним поколения. Под этими терминами фактически выступают два рода: род зятьев и род тестей. Эти роды, однако, могут взаимно быть и родом тестя, и родом зятя и наоборот. На это указывают другие термины: например, термин ginp, которым женщины обозначают братьев мужа и мужей своих сестер, а мужчины — жен братьев и их сестер. Таким образом, для женщины братья мужа и мужья сестер относятся к одному и тому же классу, точно так же как для мужчины жены братьев и их сестры, сестры его собственной жены относятся к этому же классу ginp. Термин ginp по своему значению аналогичен термину k!atks у цимшиян, который объединяет следующий класс лиц: сестры жены, жены братьев — для мужчины, а также братьев мужа и мужей сестер для женщины.[1] Все лица, входящие в класс ginp, несомненно, образуют одну брачную группу, в которой каждый мужчина является потенциальным мужем женщины, входящей в этот класс, и наоборот. Жены братьев и их сестры были потенциальными женами других братьев. А братья мужа были потенциальными мужьями женщины и ее сестер. Материалы текстов уточняют этот вопрос в том отношении, что только жены старшего брата и его м л а д ш и е б р а т ь я называют друг друга ginp.

Это указывает на возможность и допустимость брачных связей только между этими категориями лиц. Материал текстов подтверждает это. В легендах квакиютль часто младшие братья выступают в роли любовников жен старших братьев. Старшему брату это бывает неприятно, но легальными путями он противиться этому не может. В одной из легенд рода Llasq!enox[u] группы коскимо рассказывается о четырех братьях. Старший брат имел четырех жен, и одна из них была в связи со следующим братом мужа по нисходящей линии. Муж зазывает этого брата в лес и убивает его. Тогда следующий после убитого брат становится любовником жены убийцы, и его постигает та же участь. Только с самым младшим братом старший не может ничего поделать: наоборот, этот брат с помощью громовой птицы убивает старшего брата и воскрешает двух убитых им братьев. Самый способ, которым старший брат умерщвляет младших, весьма характерен. Он раскалывает кедр, роняет в расселину топор и просит младшего брата достать его. Как только брат входит в расселину, старший брат отпускает клинья, расколотые части дерева с силой соединяются и раздавливают находящегося там брата. На расспросы же родственников о братьях убийца отвечает, что, вероятно, они заблудились.[2]

Все это, а также помощь сверхъестественного существа при расправе со старшим братом указывает на незаконность действий старшего брата. В другой легенде квакиютль старший брат говорит младшему: «Твое сердце не лежит ко мне, так как ты являешься любовником моей жены», и советует ему жениться.[3] В легенде о вороне жена последнего, утка, находилась в связи от его младшими братьями — россомахами. Ворон чуть не умирает от горя и просит свою жену сказать россомахам, чтобы ее не трогали, но последние только смеются над этой просьбой.[4]

Это происходит потому, что младшие братья имели право на жен старших братьев вследствие законов группового брака, равно как муж женщины имел право на младших ее сестер. В одной легенде жена покидает

---

[1] F. B o a s. Tsimshian Mythology, стр. 493.
[2] F. B o a s. Kwakiutl Texts, II, vol. V, стр. 365—374.
[3] F. B o a s. Kwakiutl Texts, I, стр. 113.
[4] Там же, стр. 282—286.

мужа потому, что он вступил в связь с ее младшей сестрой. [1] Муж поступил законно, но легенда относится к тому, вероятно, времени, когда подобная связь была уже пережитком.

Наличие особых терминов для старших братьев и младших братьев, для старших сестер и младших сестер также вызвано практикой, согласно которой младшие братья имели право на связь с женами старших братьев, но не наоборот. Младшие сестры могли вступать в связь с мужьями старших сестер, но также не наоборот, т. е. старшие братья не могли вступать в связь с женами младших, а старшие сестры — с мужьями младших сестер.

В фольклоре встречаются упоминания о связях мужа женщины с ее дочерью от первого брака,[2] а женщин — с сыновьями мужа от первого брака. Об одном из последних случаев мне лично рассказывали в форте Руперт. Все эти данные несомненно указывают на существование некогда у квакиютль семьи пуналуа.

Класс ginp, следовательно, объединяет женских родственников женщины одного с нею поколения, но моложе ее, и мужских родственников ее мужа одного с ним поколения, но моложе его.

Другой брачный класс pɛlwump объединяет женских родственников мужа одного с ним поколения и мужских родственников жены одного с нею поколения. Относительно этого класса людей существуют два термина: один, мы бы сказали, женский, другой — мужской. Женщина называет сестру своего мужа и жену своего брата pɛlwump. Следовательно, это одна категория лиц. Мужчина же мужа своей сестры и брата своей жены называет q!ules.

Какова же форма семьи, некогда существовавшая у квакиютль и давшая основание возникновению этой терминологии родства? Нам представляется несомненным, что такой формой семьи была семья пуналуа, при которой группа мужчин-родственников одного поколения женилась на группе женщин-родственниц одного поколения. Их дети были их общими детьми и называли всех одинаково матерями и отцами. На семью пуналуа указывают не только термины «матери», «отцы», обозначающие целую группу мужчин и женщин, но также термины ginp, pɛlwump, обозначающие детей, братьев, сестер. Каждый из этих терминов охватывает целую группу лиц.

Пережитки семьи пуналуа можно видеть также в брачной терминологии. Возьмем, например, описание свадьбы вождя одного из родов Mamaleleqala. Прежде всего вождь созывает всех молодых людей и, называя их братьями, сообщает о своем намерении жениться и просит их собрать весь народ. Затем молодые люди ходят по домам и созывают народ стереотипной фразой: «Идите и помогите нам принести нашу невесту». Эти молодые люди, во-первых, люди одного поколения, и поэтому они братья, и во-вторых, люди, составлявшие группу пуналуа, имевшие общих жен. Только этим можно объяснить их обращение к приглашаемым сородичам и соплеменникам: «Помогите нам принести н а ш у невесту». [3]

Самый термин nᵉɛmwot, с которым обычно обращаются в таких случаях, означает друзей, братьев и кузенов, т. е. всех родственников мужского пола одного поколения. Кроме этого, существует еще термин nᵉɛmats, который переводится Боасом, как обозначающий двух мужчин, женившихся на двух сестрах. Этот термин объединяет двух мужчин (не обязательно

[1] F. Boas. Kwakiutl Tales, N. S., vol. XXVI, стр. 195.
[2] F. Boas. Kwakiutl Texts.
[3] F. Boas. Social Organisation, стр. 360.

родственников) на основе их брачных уз. Он соответствовал гавайскому термину «пуналуа». Этот термин — яркое указание на пережитки группового брака, некогда существовавшего у квакиютль. На это же указывает наличие термина, которым женщины, имеющие общего мужа, называют друг друга, — daginoł.

Таким образом, терминология родства квакиютль указывает, что ей предшествовала одна из форм группового брака — семья пуналуа. Этот факт имеет главное значение при разрешении вопроса, что чему предшествовало в развитии социальной организации квакиютль — отцовский ли род предшествует материнскому, как утверждает Боас, или материнский — отцовскому, как это имеет место у большинства народов мира. «При всех формах групповой семьи, — пишет Энгельс, — неизвестно, кто является отцом ребенка, но известно, кто его мать. Если она и называет *всех* детей общей семьи своими и по отношению к ним несет материнские обязанности, то она все же знает своих родных детей среди остальных. Отсюда ясно, что раз существует групповой брак, то происхождение может быть установлено лишь с *материнской* стороны, а потому признается только *женская линия*». [1] Следовательно, поскольку у квакиютль существовал групповой брак, о чем свидетельствует терминология родства, то и счет родства мог быть только по женской линии. И род, возникший из семьи пуналуа, мог быть только материнским родом, а никак не отцовским. В этом не может быть сомнения потому, что системы родства, как пишет Морган, «воплощают в себе сжатое и решающее свидетельство, свободное от всякого подозрения в предумышленности... они говорят с таким авторитетом и определенностью, которые не оставляют места для сомнения в сделанных из них выводах». [2]

ФОРМЫ БРАКА

Кроме этого основного свидетельства, мы имеем еще целый ряд фактов из жизни квакиютль, говорящих о первичности материнского рода. Одним из институтов, более всего сохранившим следы материнского рода, является у квакиютль институт брака. Он до последнего времени играл в жизни квакиютль решающую роль, о чем свидетельствует огромное количество фольклорного материала. Заключение браков — основной мотив большинства легенд племени. Это объясняется ролью брака у квакиютль, как института передачи наследства, о чем подробнее ниже.

Вне пределов рода брачные связи квакиютль ничем не ограничиваются; ими охватываются все подразделения племени. Квакиютль женятся на женщинах комокс, комокс — на женщинах тлавитсес, мамалелекала, наквахдох — на женщинах авикьенох и т. д. Браки заключаются между фратриями одного племени. Нередко жены берутся из одной и той же фратрии. В текстах мы встречаем случай двух браков, заключенных членом рода Sentlem, фратрии Gwetɛla в двух родах фратрии Qlomoyue этого же племени. Первая жена была взята из рода Haailak'ɛmaē, вторая жена из рода Yaaix'aqɛmae.[3] Третья жена была из рода Laalaxsɛntaio своей же фратрии Gwetɛla. [4]

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1937, стр. 54—55.

[2] Л. Морган. Древнее общество, стр. 217.

[3] F. Boas. Ethnology of the Kwakiutl. 35 Annual Report Bureau of American Ethnology, 1921, стр. 979—981.

[4] Там же, стр. 987.

Выбор невесты со временем стал строго кастовым. Вожди и богатые искали себе пару в семьях вождей и богатых, в семьях людей, имеющих много гербов и имен. В текстах описываются браки исключительно вождей. Вожди женятся не только в пределах своего племени, но и за пределами его, на дочерях вождей. При этом всегда подчеркивается, что вождь женится на дочери вождя такого-то рода и племени, потому что он известный вождь. Например, в одной из легенд квакиютль вождь рода хотел жениться на дочери Goxołane потому, что последний был главным вождем племени Bella-coola. «Он хотел жениться на ней только ради ее богатства, потому что он хотел приобрести в приданое много имен и привилегий от своего тестя». [1] Брак с дочерью видного вождя не только обогащал мужа, но и давал ряд привилегий и имен рода жены.

Заключение браков было делом всего рода. Богатейший материал по этому вопросу дают легенды. Случаев, когда индеец едет сватать себе жену один или только с родителями, очень мало. Чаще всего брак обсуждается на совете рода и осуществляется только с согласия последнего. Например, в родовой легенде рода SentłEm, фратрии GwetEla, вождь собирает свой род и объявляет о своем намерении жениться: «Род его был рад этому, — говорится в легенде, — и утром предки рода отправились с вождем за женой ему». [2] Или вождь рода Walas подразделения Naqoaqtôq собирает свой род и объявляет о своем намерении женить сына. Род одобряет его, и на утро родичи едут сватать невесту [3] и т. д.

Один из вождей Lekwiltoq, по имени YaqałEnala, объявил, что его дочь может быть выдана замуж за сыновей вождей племен. Немедленно Gayosdas, вождь рода SentłEm, в форте Руперт пригласил своих сородичей в свой дом. Затем он сообщил им, что он хочет жениться на дочери YaqałEnala. Его род был очень рад этому. Они все приготовились. На утро предки рода Senłem отправились «в пяти лодках сватать невесту своему вождю. Они ехали два дня. Одну лодку послали вперед, в ней были 4 глашатая, чтобы сообщить YaqałEnala, что они посланы своим вождем, который хочет жениться на его дочери и уплатить плату за нее». Родичи же вносят плату за невесту. [4]

В другом месте той же легенды род изъявляет желание, чтобы вождь женился на дочери вождя Lauitsis. Вождь соглашается. Все его родичи приготовились и отправились сватать невесту. [5] Они платят за невесту. Плата вносится обычно родичами, но имуществом вождя; однако нередки случаи, когда вождь обращается к родичам с просьбой помочь ему материально. Но и все полученное от тестя поступает всему роду, иногда всей фратрии и даже племени.

В выдаче девушки замуж принимал участие также весь ее род. Родичи жениха обычно обращались к роду невесты, который собирался устраивать угощение зятю и его роду.

Суммируя материал легенд, видим, что обряд заключения брака состоял в следующем. После согласия рода на брак родичи вместе с женихом едут в поселок, где живет невеста. По прибытии туда сейчас же вносится «калым». Приняв его, отец невесты приглашает род зятя в дом, где род невесты устраивает им угощение.

В одной из легенд тесть принял калым и вынес зятю в качестве приданого шкуры куницы и рыси, а затем вернулся в дом со своей дочерью, но

[1] F. Boas. Ethnology of the Kwakiutl, стр. 1013.
[2] Там же, стр. 954.
[3] Там же, стр. 1003—1004.
[4] Там же, стр. 954.
[5] Там же, стр. 961.

пригласив в дом род зятя. Жених был этим оскорблен и уехал, захватив с собой полученное от тестя, а ночью этот род напал на поселок тестя, и жителей частью перерезали, частью взяли в рабство.

В доме тестя зять или только ночует, или живет четыре дня, или остается навсегда, а родичи его уезжают домой. Иногда при приближении к поселку рода невесты устраивается фиктивная битва.

Приведем одно из описаний такой битвы. «Когда Nāqoaqtoq подъехали к поселку Mamaleleqala, их встретили притворным боем. Но Naqoaqtoq не испугались, они подъехали к берегу, начали бросать в Mamaleleqala камни. Многие из них, как и люди Mamaleleqala, получили ранения. Битва стала почти настоящей, когда завязалась борьба между двумя воинами этих подразделений между K'ilem, воином Naqoaqtoq, и KilEmalagilis, воином Mamaleleqala. Последний поранил первого, и вождь его рода в качестве лекарства дал ему большую лодку. Этим битва окончилась». [1]

Мы встречаем также указания на то, что иногда зять и его род подвергались всевозможным испытаниям со стороны тестя, например, его заставляли перепрыгнуть через костер и не обжечься и т. д. Только после этих испытаний принимался калым и заключался брак.

Чтобы показать брачные обычаи квакиютль, приведем легенду о предках GwasElaподразделения Lekwiltoq. YaqałEnala был предком людей GwasEla. Он был китом. Выбросившись на берег, он стал человеком и построил себе большой дом. Вскоре к нему приехал Senl!e с женой и дочерью (предок рода SenlEm). YaqałEnala женился на дочери Senl!e и стал жить вместе с тестем. Senl!e дал своему зятю новое имя Sesaxalas, и YaqałEnala стал называться теперь Sesaxalas. После рождения ребенка он оставил свою жену и ее родителей, а сам уехал к Nimqis. Здесь Sesaxalas женился на дочери вождя рода Nenelkēnox и поселился у тестя. В качестве калыма он дал тестю свой челнок, а тесть дал ему новое имя Walas NEmogwis, свой герб, 4 резных деревянных праздничных блюда, 2 рабов, 10 накидок из шкур выдры, 25 горностаевых накидок и 20 медвежьих. Зять, которого звали теперь Walas NEmogwis, роздал эту пушнину членам рода тестя, потому что он жил с ними. После рождения первенца у Walas NEmogwis тесть дал ему 10 накидок из выдры, 30 горностаевых накидок и 10 медвежьих и имя ребенку. Когда родился второй ребенок, тесть дал зятю 4 накидки из шкур выдры, 10 накидок из шкур горностая, 7 накидок из шкур бурого медведя, 35 накидок из шкур норки, 50 накидок из шкур оленя, имя ребенку и зятю. Каждый раз подарки тестя раздавались в роде тестя (обычно они раздаются в роде зятя).

У Walas NEmogwis родилось 4 дочери и 2 сына. Вождь рода Loyalaława, племени квакиютль, женился на старшей дочери Walas NEmogwis и уплатил за нее в качестве калыма отцу невесты 150 цыновок из кедровой коры, 54 лосиных шкуры и 2 лодки, а 50 цыновок из кедровой коры и 50 лосиных шкур — деду по матери, т. е. тестю Walas NEmogwis. NEmogwis со своим тестем дали зятю первого 8 накидок из шкур бобра, 50 накидок из шкур норки, 70 накидок из шкур оленя. Кроме того, он дал своему зятю свое имя, полученное им от своего тестя, деда невесты по матери, т. е. имя Walas NEmogwis, а сам стал носить другое имя, полученное им от тестя — имя LaleliL!adze.

Дед невесты по матери дал жениху 10 накидок из шкур выдры, 100 накидок из шкур оленя, 50 накидок из шкур горностая, 10 накидок из шкур медведя и имя G'ayosdedzas, которое сам дед невесты некогда получил от

[1] F. Boas. Ethnology of the Kwakiutl, стр. 1022—1023.

деда (по матери) своей жены. Интересно отметить, что дед дал приданое значительно большее, чем отец невесты. И зять в дальнейшем носил не то имя, что дал ему тесть, а имя, которое он получил от деда невесты; его имя стало G'ayosdedzas. После всех церемоний предки рода Loyalaława сели в свои челноки и вместе с невестой и ее приданым вернулись в свой поселок. G'ayosdedzas роздал своим родичам полученное им приданое.

LaleliLladze прослышал, что у одного из вождей Naqwaqtoq есть дочь, и он решил женить на ней своего старшего сына. Он созвал свой род (т. е. род тестя) и объявил о своем решении женить сына. Затем он погрузил в свою лодку 5 накидок из шкур выдры, 10 накидок из шкур бурого медведя, 40 накидок из шкур куницы, 80 накидок из шкур оленя, все это заплатил в качестве калыма за невесту сына. В приданое же он получил имя для себя и для своего сына и несколько танцев: танец каннибала, танец огня, танец богатой женщины; ящик с принадлежностями к танцам; 100 накидок из шкур горных коз, 9 медвежьих накидок, 24 рысьи накидки, 50 оленьих накидок, 60 цыновок из кедровой коры и 2 рабов. Тесть передал зятю также свой дом и праздничные блюда: блюдо-медведь, блюдо-волк, блюдо-орел, блюдо-двуглавый змей. Вскоре вождь Naqwaqtoq умер и передал свое имя и звание вождя зятю. LaleliLladze уехал, оставив своего сына в роде его жены. [1]

Эта легенда относится к концу XIX в., когда еще в ходу были звериные шкуры. В 1930 г., когда я была у квакиютль, формы брака в основном остались те же, изменились только материальные объекты калыма и приданого. Приведу собранные мною сведения относительно брачных обычаев квакиютль. По рассказу одной индианки форта Руперт, она была выдана замуж еще очень молодой. Калым за нее принимал ее дядя. Калым состоял из 600 шерстяных одеял, стоимостью 5 долларов каждое. Ее отец дал жениху медную доску. За ней приехали все Nimqic; сначала сваты не выходили из лодки. Получив медную доску, Nimqic вышло из лодки. Отец невесты взял обратно медную доску и дал вместо нее 700 одеял и имя. Эти одеяла жених тут же роздал своим соплеменникам и сородичам. После угощения, данного отцом невесты, сваты уехали, увезя с собою и невесту с ее приданым. После смерти отца приношения ее мужу сделала ее сестра. После этого она сама устраивала мужу xawanaka; [2] она передала ему на празднестве, собранном по этому поводу, 700 одеял, обшитых перламутровыми пуговицами, 1060 двадцатипятицентовых монет, 120 серебряных браслетов, 13 плетеных индейских шляп, 60 танцовальных масок, 30 зеркал разных размеров, 9 граммофонов, 1050 эмалированных мисок и медную доску.

Приводимые здесь цифры кажутся сказочными; рассказчица накапливала это состояние в течение нескольких лет, и помогали ей в этом ее родственники. «Жила с мужем до самой его смерти, не разводясь с ним», — подчеркивает она, ибо xawanaka освобождала ее от брачных уз. Это был ее второй брак.

После смерти второго мужа эта индианка вышла замуж в третий раз. Так как ее родители уже умерли, то сватали ее у племянника, и плата в размере 600 одеял была вынесена из лодок сватов и выложена перед домом ее племянника. Она вышла из дома, неся медную доску, и передала ее жениху. Племянник ее тут же взял доску обратно и дал за нее 500 одеял, которые ее жених роздал своим родичам. Когда та же индианка выходила замуж четвертый раз, то за нее жених платил 500 долларов ее дочери. Дочь

[1] F. Boas. Ethnology of the Kwakiutl, стр. 836—885.

[2] Xawanaka — обычай, согласно которому жена или ее сородичи устраивают мужу празднество и подносят ему дары.

же и собирала мать замуж и устраивала угощение, которое обошлось в 300 долларов. Дочь покупала приданое для матери и подарки ее жениху, всего на тысячу долларов. Это приданое было таково: сахар, мука, 60 шерстяных одеял, 12 сундуков, 300 штук эмалированной посуды, одежды на 40 долларов, 4 женских пальто, 20 пар чулок, джемперы, 16 шелковых платков, 8 индейских шляп, 35 серебряных браслетов. Все это жених роздал своим родичам.

Мы привели полный перечень предметов, составляющих калым и приданое. В более раннюю эпоху и приданое и калым состояли исключительно из шкур зверей. Теперь же они в основном состоят из фабричных изделий, но наряду с последними фигурируют такие вещи, как индейские шляпы и серебряные браслеты местного кустарного изготовления с орнаментом, характерным для местного искусства. Приданое обычно почти вдвое превышает «калым». Предметы, составляющие «калым» невесты, весьма однообразны, чаще всего это одеяла.

Чем чаще женщина устраивает xawanaka своему мужу, тем выше ее честь и честь мужа. Одна старуха устраивала xawanaka 5 раз, она передала мужу много лодок и 5 медных досок. А ее дочь, устроив xawanaka, передала мужу 15 лодок, много браслетов, танцовальных масок, эмалированной посуды, одеял, мебели и медную доску.

Сейчас почти все индианки летом работают на рыбоконсервных фабриках и зарабатывают в сезон 50—150 долларов Эти деньги они не тратят, а копят для приданого и для xawanaka. Из опрошенных мною 9 индианок форта Руперт, работавших на фабриках в сезон 1930 г., две заработали по 75 долларов, две — по 50, три — по 100 и две — по 125 долларов. Эти заработки составляют фонд, из которого устраиваются потлатчи, xawanaka и пр. На повседневные нужды тратят заработки мужей. Мужчины отдают все свои заработки женам, которые ими распоряжаются, самостоятельно ведя все хозяйство. Эту самостоятельность и известную степень преобладания женщин в домашнем хозяйстве (хотя главную роль играет заработок мужчины) можно также объяснить как пережиток материнитета, эпоха господства которого характеризуется приоритетом женщины в домашнем хозяйстве. Характерно и то, что свой заработок женщина хранит отдельно и бережет его только для специальных целей, указанных нами выше.

В легендах мы встречаем указания на наличие 3—4 жен у отдельных вождей квакиютль. Первая жена считается старшей и использует других на хозяйственных работах. Существует специальный термин со-жена, подтверждающий наличие многоженства. Но, судя по фольклорному материалу, несколько жен одновременно не такое уж частое явление. Чаще всего описывается 5—6 браков одного вождя, но они заключаются после развода с предыдущими женами.

Одной из своеобразных черт брака квакиютль является то, что приданое во много раз превышает «калым»—плату за невесту. При этом тесть вносит приданое своей дочери в несколько приемов. Первая часть приданого дается при заключении брака, и зять сейчас же все это распределяет между своими родичами. Последующие части даются с рождением детей и с наступлением того возраста, когда меняются их имена. Рождение каждого ребенка сопровождается обильным приношением тестем шкур, одеял, пищи и имени для новорожденного. Тесть не оставляет своих внуков в течение всей их жизни, нередко принимает участие в заключении их браков. Внуки живут попеременно то с отцом, то с дедом по матери; нередки случаи, когда дети все время живут в роде своей матери вместе с нею.

«Калым» у квакиютль бывает весьма скромен не только по количеству, но и по качеству, тогда как приданое и больше размером и разнообразнее.

Чем это объяснить? Между прочим, Штернберг отметил, что у гиляков калым и приданое равноценны. [1] Эта практика и у гиляков, и у квакиютль по существу аннулирует калым, делает его чисто условным. Мы склонны объяснить этот оригинальный обычай следующим образом. Калым, или плата за невесту, — атрибут патриархального рода. Он как бы закрепляет, закабаляет женщину, подчиняет ее отцовскому роду. Но такое положение в корне противоречит нормам матриархата, который еще не изжил себя и оказывает сопротивление устанавливающимся нормам патриархата. Приданое женщины, во много раз превышающее калым, аннулирует последний, делает его условным и тем самым освобождает женщину, дает ей свободу при желании покинуть мужа в любое время. В действительности, согласно обычаям квакиютль, по внесении тестем приданого брак считается как бы аннулированным, и если мужчина хочет брак продолжать, он должен внести новую «плату» за нее, новый «калым».

Вследствие этого у квакиютль долгое время сохранялась парная семья, как спутник матриархата, хотя калым характеризует тенденцию к патриархальной семье. Следовательно, обычай квакиютль, согласно которому приданое превышает калым, можно правильно объяснить только как пережиток матриархата. Так же объясняется и практика приношений тестя и дачи имен новорожденному. Имя делает ребенка членом рода своей матери, богатые подарки деда по матери ослабляют права отцовского рода на ребенка. Оригинальный обычай xawanaka, по которому женщина за неимением родных время от времени подносит мужу ценные подарки, также можно понять только как пережиток материнского рода. Устраивая мужу xawanaka, женщина как бы выкупала себя, обеспечивала себе свободу жить с мужем или оставить его. Женщины, не устраивающие подобных xawanaka, не в почете, и мужья с ними обращаются плохо. Xawanaka, конечно, выгодна и льстит мужу, так как дары подносит ему жена публично, а он тут же их раздает, и тем самым увеличивается его социальный вес. Женщины заготовляли для этого обычая предметы и ценности иногда в течение нескольких лет. Мне лично пришлось наблюдать в форте Руперт два случая: одна женщина плела по особому образцу корзины, которых у нее было уже около 20 штук, и в течение трех лет накапливала мануфактуру, чтобы устроить мужу xawanaka; другая женщина связала 10 шерстяных шарфов, чтобы наряду с другими ценностями подарить их мужу.

Боас объясняет брачную практику квакиютль, исходя из точки зрения на потлатч, как на способ вложения капитала в рост. «Брак среди квакиютль, — писал Боас, — должен рассматриваться как покупка, которая проводится на основе тех же принципов, как покупка медной доски. Но покупается не только женщина, но также право на членство в ее роде детей пары». [2] Согласно обычаям потлатча квакиютль, каждый подарок, полученный на празднестве, должен быть отдарен вдвойне. Этот же принцип, по мнению Боаса, лежит в основе их брачной практики. Приданое есть отплата калыма. «Жена дается, как первая часть отплаты долга. Герб рода, его привилегии и, кроме того, большое количество имущества дается позже, когда у пары будут дети, и процент, с которым производится отплата, тем больше, чем больше детей они имеют». [3]

Это объяснение Боаса модернизирует социальные отношения квакиютль и совершенно не соответствует действительному положению вещей.

---

[1] Л. Я. Штернберг. Гиляки.
[2] F. Boas. Social Organisation, стр. 358.
[3] Там же.

В действительности, мы имеем дело с весьма архаическими пережитками эпохи господства материнского рода.

Об этом же говорят и неопределенность места жительства брачной пары. Оно весьма определенно при господстве материнского рода и находится в пределах этого рода, а при господстве отцовского рода — в пределах последнего. У квакиютль же оно неопределенно, что является одним из доказательств того, что квакиютль находятся на переходной стадии. Брачная пара не всегда тотчас же переезжает в поселок мужа. Очень часто молодожены в течение четырех дней живут в поселке тестя, нередко здесь они остаются до появления первенца. В ряде легенд о норке самец при всех четырех браках уходит к своим женам и после развода возвращается к своей матери. [1] Здесь хорошо отражена брачная практика, существовавшая при матриархате. В легендах квакиютль нередко зять вообще остается в роде тестя и наследует ему. Это бывает тогда, когда тесть не имеет сыновей, а зять является не первенцем. В противном случае он должен наследовать своему отцу. Нередко, однако, первенцы наследуют и тестю и своему отцу одновременно.

Женщина, придя в род своего мужа, сохраняет имя своего рода и никаких имен и прав рода мужа не получает. Наоборот, муж, живя даже в своем роде, носит имя рода жены и пользуется гербами ее же рода. Все это несомненные пережитки матриархата.

Род женщины все время принимает активное участие в ее семейных делах. Если с нею дурно обращается муж, то отец забирает ее домой. В легендах довольно часты указания на то, что оскорбление детей дедом или бабушкой по отцу хотя бы грубым словом ведет к тому, что мать отправляет своих детей в свой род, иногда отправляется с ними и сама.

ПОРЯДОК НАСЛЕДОВАНИЯ

Весьма важной и оригинальной чертой брака квакиютль является то, что у них через брак осуществляется наследование социальных привилегий и имен по женской линии.

Наследование у индейцев квакиютль идет по двум линиям: «Часть родовых прав наследуется по отцовской линии, но большинство наследуется через брак». [2] Насколько можно судить по материалу легенд, по отцовской линии передаются звание вождя в роде, право участия в некоторых тайных обществах. Но и здесь нередки случаи перехода звания вождя зятю; это делается при неимении сыновей — тогда звание вождя переходит как бы к дочери, а через нее — к зятю. Замещение умершего производится решением совета рода. В одной из легенд женщина собирает род своего отца, выходит с сыном и объявляет свое желание, чтоб ее сын занял место ее отца. Род соглашается, сын устраивает потлатч и становится вождем рода деда. Вместе с званием наследуются и все долги занимавшего его. Родовые угодья остаются в роде и наследуются также по мужской линии. В легендах неизменно говорится о том, что передается по женской линии. «Этим путем, — пишет Боас, — передается большинство родовых прав». [3] Сюда входит то, что передается тестем зятю, — имена, родовые тотемы, изображенные на доме, домовых столбах и блюдах, танцы и маски и право состоять членом в каком-либо тайном обществе. Все эти права связаны с родовой легендой рода женщины. Но характер такого наследования у ква-

[1] F. Boas. Kwakiutl Tales, II, 123—133.
[2] F. Boas. Social Organisation, стр. 334.
[3] Там же.

кинютль весьма оригинален: наследование шло по женской линии, но через мужа, от отца женщины, женщина играла при этом пассивную роль. Все, что передавалось по этой линии, передавалось через брак в качестве приданого. [1] Отсюда то огромное значение, какое занимает в жизни квакиютль брак, являющийся по существу институтом передачи наследства. И закон передачи через брак настолько строг, что человек, не имеющий дочери, не может просто передать кому-либо свои имена и привилегии, полученные им из рода жены. Человек, изъявивший желание унаследовать эти имена и все прочее, устраивает символический брак с ногой, рукой, боком носителя имен. Только после этого имена и все остальное могут быть переданы.

Чем же объяснить такой, казалось бы, запутанный характер наследования у квакиютль? По мнению Боаса, наследование привилегий и имен через брак из рода женщины может быть понято только «как адаптация прав материнского рода племенем, находившимся на патриархальной стадии». [2]

Однако в своей чуть ли не первой работе о квакиютль Боас писал: «Свадебные церемонии квакиютль как будто указывают на то, что и среди них первоначально преобладал материнтет». [3] Этот вывод, сделанный без всякой предвзятости, отражал действительное положение вещей.

Ленуар (Lenoir), изучавший институт потлатча у племен северо-западного побережья, также обратил внимание на своеобразность характера наследования у квакиютль. Он не дал исчерпывающего объяснения этого института, но сделал весьма глубокое замечание по поводу него. Он пишет, что племя квакиютль «semble se retrouver dans le régime successoral le plus archaïque que nous offrent le droit germanique et le droit romain». [4]

Германское и романское право наследования были чисто патриархальными, и Ленуар, указывая на то, что у квакиютль порядок наследования значительно архаичнее, тем самым отсылает нас к стадии, предшествующей отцовскому роду, т. е. к матриархату.

Мы считаем, что единственно правильным будет объяснение этого института нормами материнского рода. Наследование у квакиютль представляет собой модификацию нормами патриархального рода наследования по женской линии, характерного для материнтета. Отсюда большое значение женщины у квакиютль, что особенно подчеркнуто в легенде рода Maamtagila племени квакиютль. Двум старшим мальчикам имена дает дед по матери, т. е. имена материнского рода, а третьему ребенку — девочке — отец дает имя своего рода, объясняя это тем, что «она — девочка». Когда жена уходит от мужа, то берет с собой второго и четвертого ребенка — мальчиков, оставляя мужу старшего сына и дочь. [5] Это вполне понятно: и тот, и другая — основные наследники мужа; старший сын наследует то, что передается по отцовской линии, а через дочь наследуется то, что переходит по женской линии.

Передача имущества зятю, однако, являлась делом всего рода тестя. Тесть собирал свой род и сообщал ему о своем намерении передать определенные имена и привилегии зятю.

---

[1] Боас рассказывает о слышанном им интересном случае, когда тесть медлил с отплатой зятю, тянул, пытаясь, видимо, избегнуть ее. Зять был недоволен и зол на тестя. Чтобы отомстить ему, он вырезал из дерева изображение своей жены, пригласил своих родичей, публично накинул на шею куклы-жены петлю и выбросил ее в море. Этим актом он предал унижению и тестя и жену свою. Случай показывает, насколько обязательна отплата тестя зятю. F. Boas. Social Organisation, стр. 366.

[2] F. Boas. Social Organisation, стр. 334.

[3] F. Boas. First general Report on the Indians of Britich Columbia, стр. 829.

[4] Lenoir. Sur l'institution du Potlatch, стр. 244.

[5] F. Boas. Social Organisation, стр. 333.

Мы видим, что брачные нормы квакиютль и связанный с ними порядок наследования носят несомненную печать некогда существовавшего у этого народа материнского рода. Об этом же говорит и обычай давать ребенку, наряду с именем рода отца, имя рода матери, которое дается отцом матери.

Некоторые легенды дают материал, указывающий на пережитки авункулата. Боас совершенно прав, когда говорит, что у квакиютль «нет никаких указаний на наследование от брата матери». [1] Но он не прав, считая это явление доказательством того, что материнский род не предшествовал отцовскому. Кроме того, если мы не имеем указаний на наследование, то материалы, указывающие на авункулат, имеются. Например, в одной легенде мать посылает сына-подростка к своим родителям (мотив отправки детей в род матери нередок в фольклоре этого народа). Его встречает бабушка (мать матери). Мальчик здесь вырастает. Когда он становится взрослым, брат матери устраивает в честь его потлатч, на котором, однако, молодой человек исполняет танец, полученный им от своего отца. Здесь мы видим смешение двух форм родового быта, материнского и отцовского. В другой легенде женщине, за отсутствием мужа, помогает воспитывать дитя ее брат. Два брата, рассказывает третья легенда, отец которых был убит, спасаются с братьями своей матери. [2] Все эти сведения можно рассматривать, как несомненные пережитки института авункулата у квакиютль.

РОДОВЫЕ ПРЕДКИ

Неоспоримым доказательством первичности отцовского рода и вторичности материнского рода Боас считает генеалогию отдельных родов квакиютль.

Каждый род квакиютль ведет счет родства от одного мифического предка, имя которого является именем вождя рода и передается из поколения в поколение вместе с родовой легендой. Эти легенды повествуют о появлении на свет предка данного рода, о его деятельности, которая обычно начинается с выбора места жительства и постройки на нем большого дома. Затем предок отправляется путешествовать, встречается с предками других родов и женится на их дочерях. В легендах рассказывается вся родословная рода. Основное место в них занимают браки, заключаемые предками рода, и приобретаемые через них привилегии: имена, танцы, гербы и т. д.

Кроме того, описываются приключения предков в связи со встречами их с животными и духами, являющимися им в человеческом образе. Нередко предок живет с животными несколько лет, обучается ими различного рода танцам и награждается сверхъестественными подарками, как-то: водой жизни, палочкой-смертоносицей или же магическими средствами, облегчающими охоту на зверей, чаще всего крошечной собачкой, которую можно спрятать в ожерелье и которая обладает способностью моментально достигать огромных размеров и удушить целое стадо горных коз. Эти животные и духи становятся добрыми гениями рода и покровительствуют членам его. Чаще всего являются человеку волк, медведь, горная коза, морской лев, касатка. Сверхъестественные существа, упоминаемые в родовых легендах, — громовая птица, sisiuL — двуглавый змей с человеческим лицом посредине тела, цонока — дикая лесная женщина, питающаяся детьми, комоква — защитник тюленей, морской дух, часто убивающий морских охотников.

[1] F. Boas. Kwakiutl Texts, vol. III, стр. 140.
[2] F. Boas. Kwakiutl Tales, vol. II, стр. 475.

Предки родов или спустились с неба в образе птиц, или приплыли к берегу, или вышли из леса в образе животных и реже в образе человека. Но во всех легендах предки родов являются мужчинами, либо превращаются в них из животных. Этот факт, по мнению Боаса, является одним из доказательств того, что род квакиютль с момента возникновения является патриархальным родом. «Если бы деревенская община (квакиютль. —*Ю. А.*), — пишет Боас, — была на матрилинеальной стадии, то племена (роды. — *Ю. А.*) считались бы потомками сестры предка, как это всегда имеет место в легендах северных племен». [1] Как известно, при материнстве счет родства обычно ведется от женщины-основательницы рода, а счет родства от сестры предка, на который ссылается Боас, означает уже некоторую модификацию норм материнства нормами патриархального рода. Что же касается родовых легенд квакиютль, то в них не столько характерно то, что предок — мужчина, сколько то, что уже после первого брака, в который он вступает как только появляется на свет, он принимает имя рода своей жены. Дети его получают также имена рода своей матери. Таким образом, фактически родство идет по женской линии.

Предком родов квакиютль всегда считается мужчина. Но это, по нашему мнению, свидетельствует только о том, что родовые легенды этого народа — образование сравнительно недавнего времени, что они могли возникнуть только в период становления отцовского рода. Здесь мы имеем дело с явлением, аналогичным тому, которое отметил К. Маркс в отношении греческих родов, когда он писал по поводу работы Грота о социальном строе греков. «Г-ну Гроту следует далее заметить, — прибавляет Маркс, — что, хотя греки и выводят свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная *ими самими* мифология». [2] Роды квакиютль точно так же древнее созданных ими родовых легенд. Сами легенды наряду с другими материалами прекрасно это показывают, ибо в них нашли отражение также архаические черты глубокой старины.

В большинстве легенд о происхождении родов предком рода является животное, потом становящееся человеком. Так, например, предок Gwasela был китом; он пристал к берегу, построил там свой дом и стал человеком. К нему спустился с неба Sentles, основатель рода Sentles, с дочерью и женой. Он женился на дочери Sentles и живет вместе с тестем до рождения ребенка, затем уезжает к Nimkic, женится там и живет все время в роде тестя. [3] Предок рода Gligilqam подразделения Haxuamis был бурым медведем, который пришел в Залив Рыцаря, снял свою медвежью шкуру и стал человеком. [4] Предок рода Gligilqam подразделения Nimkic был лососем [5]. Предком Nakiwaxidaᵉxᵘ была касатка, ставшая человеком. [6] Предок рода Maamtagila, фратрии Gweɬela, был Matagila — чайка: «она сняла свою птичью маску и стала человеком». Члены этого рода употребляют маску чайки во время празднеств. Сын Matagila был основателем рода Lᵉoᵉyalaɬawaᵉ этой же фратрии. Предок рода Wiwomasgem, племени Qwequsotlenoxᵘ был громовой птицей, а младший брат ее основал род Tslotslena, племени AweiLela. Предок рода OmeaL подразделения LlaLlasiqwala был вороном.

Указания легенд на происхождение родов от животных предков несомненно свидетельствуют о древнем происхождении этих родов. А тот факт,

[1] F. Boas. Social Organisation, стр. 335.
[2] Цит. по Ф. Энгельсу. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 133.
[3] F. Boas. Ethnology of the Kwakiutl, стр. 386.
[4] F. Boas. Kwakiutl Tales, vol. XXVI, стр. 80.
[5] F. Boas. Indianische Sagen, стр. 147.
[6] F. Boas. Ethnology of the Kwakiutl, стр. 885—886.

что животные предки неизменно превращаются в мужчин, можно объяснить только как новейшую модификацию старых родословных. Кроме животных, встречаются и другого рода предки: например, предок рода Omanits!enox подразделения L!asq!enoxᵘ отожествляется с солнцем, род Gag!exɛla подразделения Gwawaenoxᵘ ведет счет родства от горы K!wa.

Названия родов квакиютль уже не связаны с животными предками этих родов, но последние считаются добрыми гениями и покровителями, помогающими в войне и добыче пищи. Каждый род изображал свои тотемы на домах, тотемных столбах, масках, утвари и орудиях. Все искусство квакиютль, как и других племен побережья, проникнуто тотемизмом.

Мы установили в родовых легендах квакиютль архаические черты, характерные для материнского тотемического рода, и позднейшие изменения, внесенные в связи со становлением норм патриархального рода.

Исходя из всего сказанного, мы приходим к заключению, что терминология родства, формы брака, порядок наследования и родовые легенды квакиютль с несомненностью свидетельствуют о первичности материнского рода у квакиютль, находившегося в момент исследования на стадии перехода к отцовскому роду.

А. И. БЛИНОВ

ПАРТНЕРСТВО

(К вопросу о ранних формах обмена)

I

Трудно не поразиться, рассматривая данную Марксом схему развития обмена (простая форма стоимости — развернутая — всеобщая — деньги), ее полному соответствию объективному этнографическому материалу, собранному главным образом уже после смерти ее автора.

Но, давая общую схему развития обмена, Маркс не ставил своей задачей ни показ, ни анализ конкретных ранних форм и способов обмена, существовавших исторически у различных племен и народов в пределах одной и той же формы стоимости. Этнографическая, если так можно выразиться, сторона вопроса им не затрагивалась.

Новейшие исследователи выявили немало конкретных форм и способов обмена. Все они, взятые вместе и порознь, при внимательном рассмотрении полностью подтверждают схему Маркса. Однако зарубежные исследователи, не признавая достижений марксистской политической экономии, безнадежно путаются в своих попытках широких обобщений — см., например, чрезвычайно интересные по своему фактическому материалу и многим частным выводам работы Гриерсона о немом обмене (1903), Шомло о первобытном обмене (1909), Хойт о первобытной торговле (1926) и др.

Имеющиеся на русском языке исследования о происхождении обмена, вышедшие во второй половине прошлого века «Очерки сравнительной этнографии и культуры» М. И. Кулишера[1] и «Очерки первобытной экономической культуры» Н. И. Зибера,[2] несмотря на имеющийся в них, особенно у Зибера, богатый материал, устарели. Оба автора исходят из порочной концепции происхождения обмена из взаимного грабежа, причем Зибер даже пытается обосновать ее искаженной цитатой из «Капитала», что только ухудшает дело. Даже прекрасная работа М. О. Косвена «Происхождение обмена и меры ценности», вышедшая в 1927 г., сейчас значительно устарела.

Особо хочется отметить превосходную работу Билибина «Обмен у коряков» (1934), хотя и посвященную обмену у одного народа, но затрагивающую также ряд общих вопросов.

Позднейшие советские исследователи мало занимались общими проблемами происхождения обмена не только специально, но и попутно — за исключением, пожалуй, проф. С. П. Толстова.

При этих условиях предлагаемая читателю работа, посвященная изучению конкретной формы раннего обмена — партнерства — в связи с об-

---

[1] М. И. Кулишер. Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб, 1887.
[2] Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Соцэкгиз, 1937.

щей схемой развития обмена, установленной Марксом, может представить некоторый интерес как для этнографов, так и для экономистов. [1]

Самый термин «партнерство», принятый пока условно для обозначения исследуемой формы обмена, заимствован из английской этнографической литературы, где он прилагается к отдельным случаям обмена, хотя еще и не имеет установившегося обобщающего значения.

Эпоха, к которой можно отнести зарождение наиболее примитивных видов партнерства, характеризуется прежде всего изобретением лука и стрел, с одной стороны, и переходом к более прочному материалу для изготовления прочих орудий и оружия — с другой. Это та эпоха, которую можно условно назвать (вслед за Морганом) высшей стадией дикости.

Охота на этой стадии общественного развития стала одной из нормальных отраслей труда. [2] Это, как и применение других новых орудий, повысило производительность труда и вызвало появление если еще не постоянных, то, по крайней мере, менее случайных излишков — первой предпосылки возникновения обмена. С другой стороны, в результате появления новых орудий человек стал менее зависим от окружающей его среды и смог выйти за пределы прежней ойкумены. Это, в свою очередь, вызвало соответствующую дифференциацию хозяйственных укладов. [3]

Таким образом возникло более или менее прочное естественное разделение труда и, следовательно, получила свое дальнейшее развитие вторая предпосылка возникновения обмена. [4] Это хотя и не создавало еще экономической зависимости первобытных общин друг от друга, но по крайней мере вызывало известную взаимную заинтересованность.

Можно согласиться с С. П. Толстовым, что введение более сложных и совершенных средств производства привело к повышению роли индивидуального производителя, ибо новые средства производства требовали от каждого члена общества значительного технического навыка. В частности, все это не могло не привести к росту значения индивидуальной охоты. [5]

В свою очередь, повышение роли индивидуального производителя привело к тому, что на него стала возлагаться функция представителя своей общины в обмене с другими общинами. В результате такой производитель или несколько таких производителей могли ощутить потребность в продуктах, получаемых обычно путем обмена, тогда, когда вся группа в целом такой потребности не испытывала или испытывала ее в степени недостаточной для того, чтобы всей группой отправиться, иногда на значительное расстояние, к другой группе — за потребными предметами.

Представителей первобытной общины, отправляющихся отдельно от всей своей общины в чужую общину специально для обмена, я называю **примитивными посредниками**.

Характерным примером примитивного посредничества, являющегося наиболее ранней, зачаточной формой партнерства, может служить описанный Хауиттом австралийский обычай «ючина»: «Когда туземец отправляется на некоторое расстояние от своего дома или в какую-нибудь из других орд

---

[1] Вопрос о взаимоотношениях партнерства с другими формами раннего обмена подробно разбирается автором в его другой работе — «Возникновение обмена».

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1937, стр. 22.

[3] С. П. Толстов. Проблемы дородового общества. Советская этнография, № 3—4, 1931, стр. 91—95. С. П. Толстов. Очерки первоначального исламa. Советская этнография, № 2, 1932.

[4] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 189.

[5] С. П. Толстов. Проблемы дородового общества. Советская этнография, № 3—4, 1931, стр. 91—95.

Диэри, или в одно из ее меньших подразделений, или к соседнему племени, кто-нибудь из его стойбища становится его ю ч и н о м. Это производится обвязыванием вокруг его шеи шнурка, сделанного из человеческого волоса или из туземного льна, чтобы напоминать ему о его обещании принести подарки.

Таким образом, его обязанностью является принести с собой предметы для своего ючина, который, пока он отсутствует, также собирает для него подарки... Если данное лицо не оправдает возложенных на него надежд, то оно восстановит против себя всех людей стойбища... Эта процедура устраивается для производства меновой торговли. Если, например, кто-нибудь увидит украшенный резьбой бумеранг и захочет получить его, он должен сказать его владельцу: «Я дам тебе за него такие-то и такие-то вещи, если ты хочешь быть моим ючином». Если они сговорятся и предложивший сделку после того, как побывает в каком-нибудь другом месте, принесет условленные вещи, то совершится обмен.

Когда Диэри видит мужчину или женщину со шнурком на шее, он спрашивает: «Для кого ты являешься ючином?» [1]

Другим примером примитивного посредничества является описанный тем же Хауиттом австралийский обычай «каниннура». [2]

В результате распространения и развития обмена все больше и больше усиливалась взаимная экономическая заинтересованность членов различных первобытных общин, базировавшаяся на возникшем вследствие роста производительных сил естественном разделении труда. Следствием этой крепнущей взаимной заинтересованности обменивающихся производителей явился переход к новым формам обмена, уже более регулярным и надежным, чем прежние.

Примитивное посредничество постепенно переходило в более развитую форму, которая в настоящей работе условно называется п а р т н е р с т в о м.

Это выражалось в том, что с течением времени утвердился обычай вступать в обмен только с каким-нибудь одним или с несколькими определенными членами других первобытных общин. Лица, более или менее регулярно вступающие в обмен друг с другом, будут в дальнейшем называться п а р т н е р а м и.

Поскольку и на этой стадии своего развития обмен все еще не мог носить чисто экономического характера, постольку и экономические причины, вызвавшие переход к партнерству, были хотя и решающими, но не единственными.

Несомненно, что развитие института партнерства находилось в тесной связи с обычаем гостеприимства. Лица, пользовавшиеся взаимным гостеприимством, легче всего вступали в обмен друг с другом.

Вполне вероятно также, что установление отношений взаимного гостеприимства и партнерства находилось в связи с установлением брачных или, говоря несколько шире, родственных отношений. Это еще в большей степени должно было способствовать развитию обмена именно между определенными лицами, ибо родственники по самым разнообразным поводам довольно часто обменивались между собой подарками.

Каким же образом партнерство — явление чисто индивидуального характера — оказалось совместимым с первобытно-общинным способом производства? Однако здесь противоречия на самом деле не существовало, ибо позади партнеров стояли члены их общины, ибо партнеры произво-

[1] A. W. H o w i t t. The Native Tribes of South-East Australia. London, 1904, стр. 713—714.

[2] Там же, стр. 716—717.

дили обмен не только в своих интересах, но и в интересах всех членов своей общины, выполняя для них всевозможные обменные поручения.

Именно на этой ступени развития обмена произошло завершение процесса вовлечения предметов личной собственности в сферу обмена. Поскольку обмен производился уже в основном между определенными партнерами и, в известной степени, в их личных интересах, — постольку и сами предметы обмена должны были стать в основном предметами, находящимися в их полном личном распоряжении, т. е. предметами их личной собственности. При этом несколько изменился и характер самих обмениваемых продуктов.

Если первоначально обменивались главным образом съестные припасы, то в последующих формах обмена их начинают вытеснять орудия труда, оружие и украшения. Причина этого заключалась в том, что при господствовавшем тогда уровне техники не было еще места общественному разделению труда, а естественное разделение труда было еще столь примитивно и неразвито, что не могло создать постоянной потребности в обмене чужих съестных припасов на свои. Поэтому диференцированность природных условий проявлялась главным образом в производстве различных орудий труда, оружия, одежды и украшений, которые и представляли собой основной материал для обмена.

Вследствие все учащавшихся актов обмена эквивалентность в своем простейшем виде, как противопоставление продукта продукту, стала не только естественной, но и обязательной. Она стала уже обычаем, хотя на этой ступени общественного развития никаких особых репрессий, так сказать, государственного характера против провинившегося, конечно, еще не применялось.

Крашенинников в своей известной работе «Описание земли Камчатки» дает очень интересный пример зачаточной формы партнерства. По его свидетельству, обмен у ительменов производился «под видом сведения дружбы», из чего можно заключить, что у них уже были какие-то зачатки партнерства. Обмен заключался в том, что хозяин забирал у приехавшего к нему гостя все, что ему требовалось, и отпускал его домой, по выражению Крашенинникова, «почти нагова». После этого хозяин должен был в свою очередь отправиться с визитом к своему гостю и обирался там подобным же образом. Если же хозяин, получивший от гостя нужные ему предметы, медлил с ответным визитом, то тот сам приезжал к нему за отдарками. Если и в этом случае он ничего не получал, то между партнерами возникала неприязнь и вражда. Однако дело обычно до такой крайности не доходило, ибо обман партнера считался у ительменов позорным поступком, и совершивший его навлекал на себя всеобщее осуждение. [1]

Приведенный выше пример вряд ли можно считать типичным для той ступени развития, на которой находятся ительмены. Гораздо более характерным (хотя уже для сравнительно развитых форм партнерства) оказывается австралийский обычай нгиа-нгиампе, который великолепно раскрывает коллективный в действительности характер этого обмена.

Таплин в своей вышедшей в 1879 г. книге «Нарриньери» пишет: «Оказывается, между племенами Мюррея и береговыми племенами существовала разновидность торговли, для чего заключались любопытные условия, предметом которых должно было быть обеспечение ведения дел между племенами — агентами, заслуживающими абсолютного доверия, — агентами, которые не станут путем тайного соглашения обманывать своих до-

[1] С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. II. СПб., 1755. стр. 117—118.

верителей и обогащать себя таким образом. Эти условия устанавливаются следующим способом: когда у человека родится ребенок, он сохраняет его пуповину, заворачивая ее в пучок из перьев. Это называется калдуке. Отец затем отдает ее отцу одного или нескольких детей, принадлежащему к другому племени, и эти дети становятся с этого времени нгиа-нгиампе по отношению к ребенку, от которого была получена калдуке, а этот ребенок становится нгиа-нгиампе по отношению к ним. С этого времени ни один ребенок человека, получившего калдуке, не может говорить со своим нгиа-нгиампе или даже коснуться его, или подойти к нему близко. Также и он сам не может говорить с ними... Когда два лица, которые находятся в таком положении по отношению друг к другу, достигают совершеннолетия, они становятся агентами, через которых соответствующие родовые группы ведут меновую торговлю.

Например, туземец из рода Мунду, имевший нгиа-нгиампе, принадлежащего к племени, находящемуся на некотором расстоянии вверх по Мюррею, должен был снабжаться специфическими предметами вроде мешков, цыновок или ковров, поставлявшихся племенами Мунду, для того чтобы передавать своему нгиа-нгиампе, который должен был присылать в обмен вещи, изготовляемые его племенем. Так, например, туземец Джек Гамильтон... некогда имел нгиа-нгиампе в племени Мунду. Пока он жил на Мюррее, он посылал своему агенту в племени Мунду вниз по реке копья и дубинки, в то время как последнего его племя снабжало цыновками, сетями и коврами для того, чтобы он отсылал их Гамильтону». [1]

Так как институт партнерства возникает в результате необходимости как-то упорядочить и оформить отношения обмена, то он, как это видно на приведенном выше примере, почти с самого начала принимает довольно сложную церемониальную форму. Однако более или менее развитые формы партнерства для Австралии не характерны, ибо у австралийцев не сложились еще экономические предпосылки для их развития.

Только в отдельных районах Австралии, под влиянием особо благоприятных условий, сложились сложные церемониальные формы обменных отношений. Самой сложной формой австралийского обмена можно считать систему мербок, описанную Станнером в его работе «Церемониальная экономика племени Муллук-Муллук и Маднгелла».

Система мербок представляет собой цепочку партнеров, связанных родственными отношениями и обязанных обычаем поддерживать между собой более или менее регулярный обмен. По этой цепочке партнеров двигаются по противоположным направлениям, обмениваясь друг на друга, различные продукты обмена. Экономической предпосылкой мербока является чрезмерно развитое для Австралии естественное разделение труда между отдаленными друг от друга районами, которые мербок связывает друг с другом.

При этом обмен в форме мербока, несмотря на то, что он является высшей формой партнерства — церемониальным партнерством, — полностью сохраняет свой коллективный характер, ибо он обслуживает интересы не отдельных личностей, а жителей целых районов. Это находит свое выражение в том, что продукты мербока при своем прохождении вдоль цепочки партнеров потребляются лишь частично и в основном всегда доходят до места своего назначения. [2]

---

[1] F. Mc-Carthy. «Trade» in aboriginal Australia and «trade» relationships with Torres Strait, New Guinea and Malaya. Oceania, vol. IX, № 4; vol. X, № 1—2.

[2] W. Stanner. Ceremonial economics of the Mulluk-Mulluk and Madngella tribes of the Daly River, North Australia. Oceania, vol. IV, 1933—1934.

Эквивалентность обмена при отношениях партнерства принимает форму обязательного требования дара за дар.

Мэн сообщает об андаменцах, что «их способ торговых отношений заключается в том, чтобы д а т ь желаемый кем-нибудь предмет в надежде получить обратно что-нибудь, что является предметом выраженного ими желания. При этом молчаливо подразумевается, что... никакой «подарок» не может быть принят без эквивалентного отдарка». [1]

Особый интерес представляет австралийский обычай копара, описанный проф. Элькиным. Копара представляет собой, так сказать, карательную экспедицию, предпринимаемую, в частности, в случае чьего-либо отказа от дачи ответного подарка. [2]

О том значении, которое придается австралийцами эквивалентности в обмене, можно судить по замечанию Станнера, что стычки на почве невозвращения подарка в мербоке носили очень серьезный характер, ибо копья, употреблявшиеся при таких столкновениях, были намного тяжелее обычных. [3]

Следует подчеркнуть, что никакого определенного соотношения между обмениваемыми продуктами, несмотря на строгое соблюдение принципа дара за дар, не соблюдалось, и обмен сохранял свою простую, единичную и случайную форму. Например, у австралийцев, как пишет Эйстон, «стоимость в продаже не имеет никакого значения. Представляется вполне возможным, что большой мешок наркотического растения пичери мог бы быть обменен на один бумеранг, но был также возможен его обмен на полдюжины бумерангов и, может быть, на щит и еще что-нибудь; это всегда зависело от того, чего хотели покупатель и продавец». [4]

Поскольку предшествующее изложение строилось почти исключительно на австралийском материале, необходимо сделать здесь несколько общих замечаний о характере обмена у австралийцев. Наиболее характерными для них формами обмена можно считать примитивное посредничество и непосредственный обмен продукта на продукт без всякого посредника. Прочие же формы обмена, даже простое партнерство, встречаются у австралийцев сравнительно редко и не являются для них типичными. Следует отметить, как результат отсутствия сколько-нибудь развитого общественного разделения труда, состав продуктов, поступающих в обмен даже в самой высокой форме австралийского обмена — мербоке. Это попрежнему орудия производства, оружие, одежда и украшения, что является характерным для низших стадий развития обмена.

II

Рассмотренное выше постепенное развитие обмена не могло не оказать обратного влияния на экономику первобытно-родового общества, не могло не привести к появлению товара, к производству части продуктов для продажи на рынке.

Одним из первых шагов в этом направлении явилось значительное изменение так называемого института л и ч н о й с о б с т в е н н о с т и, постепенно вовлекавшейся, как уже было отмечено, в сферу обмена. Что же вызывало эти изменения и какие это были изменения?

[1] E. H. M a n. On the aboriginal inhabitants of the Andaman Islands. Journal of the Royal Anthropological Institute, vol. XII.

[2] A. P. E l k i n. The Kopara. Oceania, vol. II, № 2, 1937.

[3] W. S t a n n e r. Цит. сочинение, стр. 171.

[4] A i s t o n. Aboriginal Narcotic Pitcheri. Oceania, vol. VII, № 3, 1937, стр. 372—377.

В результате бесчисленного повторения актов обмена люди стали придавать большое значение имеющимся в их распоряжении предметам личной собственности, начали рассматривать с точки зрения возможного обмена тех из них, которые имелись в избытке, на иные предметы, которых не было вовсе или в которых испытывался недостаток.

Пока (как это было на рассмотренных ранее ступенях общественного развития) наличие избытка тех или иных продуктов являлось делом случайным и непостоянным, до тех пор и самый обмен носил довольно случайный характер.

Только дальнейший рост производительных сил общества и вызванное им первое крупное общественное разделение труда привели к появлению прочных предпосылок для развития регулярного обмена.

В результате изменения производительных сил общества, выразившегося в одних районах в приручении домашних животных, в других районах — в разведении съедобных растений и во всех районах — в появлении новых, более совершенных орудий производства, выделились группы, специализировавшиеся на определенных отраслях скотоводства, земледелия, охоты, собирательства и рыболовства.

Наиболее распространенной и типичной (хотя ни в коем случае не господствующей полностью) формой первого крупного общественного разделения труда было отделение скотоводов от остальной массы варваров. На этом примере особенно хорошо можно проследить, как в результате разделения труда закладываются первые прочные основы для регулярного обмена, ибо, как говорит Энгельс, скотоводческое хозяйство «... при известной величине стад регулярно доставляет некоторый излишек над собственным потреблением; одновременно мы застаем разделение труда между пастушескими народами и остальными племенами без стад, две рядом стоящие различные ступени производства и вместе с тем условия для регулярного обмена». [1]

В качестве иллюстрации этого положения можно привести следующий пример, относящийся к корякам: «Важнейшей чертой, характеризующей экономику коряцкого народа в целом, является обмен, основывающийся на разделении труда между оленеводами и морскими зверобоями. Обе хозяйственные системы связаны крепкой хозяйственной зависимостью друг от друга. В обмене продукции оленеводства на продукцию морского зверобойного промысла зависимость эта находит свое разрешение.

Оленевод нуждается в крепкой подошве для обуви, ремнях, которые он получает от береговых в виде шкур нерпы (лахтака), и в осветительном материале — жире морского зверя. Береговой коряк нуждается в мясе оленей и в оленьих шкурах для одежды. Взаимоснабжение этими видами продукции и составляет содержание обмена, единственного вида широких (выходящих за пределы родственных) общественных связей коряцкого народа. [2]

В результате отмеченного здесь изменения производительных сил создалась возможность постепенного перехода от коллективного к частному производству. Этот переход, как будет показано ниже, определил и соответствующее изменение формы обмена.

В связи с появлением регулярных излишков продуктов и, главное, в связи с появлением первого крупного общественного разделения труда, как предпосылки регулярных излишков, в соответствии с постепенным пе-

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1937, стр. 158.

[2] Билибин. Обмен у коряков. Л., 1934, стр. 8—9.

реходом к частному производству начало постепенно развиваться сознательное производство части продуктов специально для обмена. На этой базе у продуктов первобытно-общинного производства появилась новая потребительная стоимость — способность обмениваться на другие, нужные данному производителю продукты.

«Вспоминается случай, — рассказывает тот же Билибин, — когда осенью 1930 года, во время довольно удачной охоты на нерпу, мы обратились к некоторым из охотников, с которыми у нас установились дружеские отношения, с просьбой продать на обувь для строительных рабочих культбазы несколько нерпичьих шкур. Они довольно охотно принесли каждый по одной, по две шкуры, но никто не принес того количества, о котором первоначально шла с ними речь на основании знакомства с их запасами шкур.

Потом они объяснили, что всех отдать не могут, так как они пойдут в обмен с кочевниками на мясо, которого мы дать не можем». [1]

Таким образом, продукты, находившиеся в личной собственности того или иного члена родовой общины, приобрели новую, своеобразную полезность. Владелец их, с одной стороны, старался заполучить таких предметов личной собственности как можно больше, с другой стороны — закрепить их за собой как можно крепче. Все больше и больше недавних предметов коллективной собственности постепенно переходило в личную собственность отдельных членов родовой общины.

Началось постепенное перерождение личной собственности в частную. Самый акт обмена, при котором обе обменивающиеся стороны предлагали друг другу свои продукты и совершали друг с другом сделку, предполагал молчаливое признание ими друг друга равными личностями и собственниками обмениваемых ими продуктов. [2]

Вместе с этим создавалась возможность накопления продуктов в руках отдельных членов родовой общины, возможность имущественного неравенства. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при всех данных исторических условиях, сделало возможной эксплоатацию человека человеком и с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплоататоров и эксплоатируемых. [3]

Классовая диференциация, постепенно развивавшаяся в родовом обществе, как одно из следствий перехода к частному производству, в свою очередь содействовала дальнейшему развитию обмена. Именно на этой степени общественного развития вследствие наступившего имущественного расслоения стал возможен индивидуальный обмен. Это вполне соответствовало новому способу производства, все более и более принимавшему частный, индивидуальный характер, разделение общества на классы, классовый антагонизм — имели необходимым следствием появление частного обмена. [4]

На этой основе, а также в связи с сознательным производством части продуктов специально для обмена, все прежние формы обмена получили теперь совершенно новое содержание: изменился самый состав обмениваемых продуктов, и получили особое развитие чисто индивидуальные формы обмена.

---

[1] Билибин. Обмен у коряков, Л., 1934, стр. 32.
[2] Маркс и Энгельс. Соч., т. XV, стр. 477.
[3] Ф. Энгельс. Цит. сочинение, стр. 154.
[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 338.

Если прежде основными предметами обмена были орудия производства, оружие, одежда, украшения и т. д., то теперь, выражая необходимо возникающую в результате общественного разделения труда связь между различными общинами, — предметами обмена стали продукты, на производстве которых специализировалась данная община, продукты, без которых уже не могли свободно существовать другие общины, специализировавшиеся на производстве других продуктов.

Это были главным образом съестные припасы, производимые общинами в результате их специализации в определенных отраслях скотоводства, земледелия, охоты, собирательства и рыболовства.

Особое значение получило после первого крупного общественного разделения труда партнерство — форма обмена, получившая полное развитие в результате усиления взаимной экономической зависимости людей и в то же время усиления враждебных отношений между ними.

Один из лучших примеров этой новой формы партнерства можно найти у Билибина, в его цитированной уже выше работе «Обмен у коряков».

«С появлением снега прекращается летняя изоляция коряцких групп, сосредоточенных каждая на своей территории, с которой каждую группу связывает ее производство. Со всей береговой полосы отправляются к кочевникам коряки береговых селений. Выезжают они обычно вместе по 3—4 нарты, и каждый берет с собой что-нибудь, представляющее ценность для оленевода: шкуру нерпы, сделанный из нее ремень, куски нерпичьего жира, полученные на фактории за сданную летом продукцию рыбного лова — чайную посуду, табак, чай и пр. Все эти предметы везутся как «подарки» тем кочевникам, с которыми у берегового в течение долгого ряда лет такой практики установились отношения дружбы». [1]

Вот еще несколько примеров партнерства.

В Суринаме (Гвиана) многие негры — жители лесов — имеют среди индейцев своих «матти» (товарищ, друг). Такой матти играет главным образом роль торгового агента и коммивояжера. «Когда негр из леса приходит в индейское становище, то главной обязанностью матти является проследить за тем, чтобы с ним хорошо обращались и заботились о нем». [2]

В Манаме (Новая Гвинея) «прежде... обмен поддерживался системой подарков и отдарков. Каждый человек на Манаме имел «т а в а» в одном или в нескольких селениях большого острова. Это слово обозначает, вообще говоря, друга, не являющегося членом данной общины, но оно почти всегда употребляется для обозначения человека, с которым данное лицо производит обмен подарками». [3]

При отношениях партнерства предметы обмена, как было отмечено, сознательно отбирались своими владельцами для этой цели, т. е. для обмена, из числа продуктов, находившихся в избытке. Наличие постоянного избытка некоторых продуктов явилось следствием первого крупного общественного разделения труда. Поэтому избыточные продукты для каждой данной родовой общины не являлись чем-то случайным, а должны были быть продуктами той отрасли общественного производства, в которой специализировалась данная община. Иллюстрацией этого положения может служить уже приведенный отрывок из книжки Билибина «Обмен у коряков».

---

[1] Б и л и б и н. Обмен у коряков. Л., 1934, стр. 18—19.

[2] N. R o t h. An introductory study of the arts, crafts and customs of the Guinea indians. 38-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology, 1916—1917. Washington, 1924, стр. 634.

[3] C. W e d g w o o d. Woman in Manam. Oceania, vol. VIII, № 2, 1937, стр. 181.

Именно вследствие этого получается, что «... один какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары». [1]

Стоимость продукта принимает здесь свою полную или развернутую форму. В общем виде она выражается следующим образом:

x товара $A = y$ товара B, или $= Z$ товара C, и т. д.

или $xA = yB$;

$xA = zC$ . . . . и т. д.

На той стадии обмена, которая называется партнерством, коэффициенты x, y, z и т. д., в отличие от простой формы стоимости, уже не являются совершенно произвольными и случайными величинами. Не следует, однако, думать, что они имеют какое-либо прямое отношение к меновой стоимости продуктов. До этого еще очень и очень далеко.

Маркс пишет, что «непосредственная меновая торговля — первоначальная форма процесса обмена — представляет собой начало превращения потребительных стоимостей в товары, а не товаров в деньги. Меновая стоимость не получает еще самостоятельной формы, она еще непосредственно связана с потребительной стоимостью». [2]

Поэтому величина коэффициентов x, y, z и т. д. определяется на этой стадии обмена всей совокупностью интересов, связывающих владельцев данного продукта с его партнерами. Это отношение будет в дальнейшем именоваться условной эквивалентностью продуктов.

Реальное значение этого термина лучше всего показывает Билибин в своей неоднократно упоминаемой нами работе «Обмен у коряков»: «Если коряка, собравшегося к оленеводу с одним из ... подарков, спросить: «зачем ты едешь?» — всякий прямо скажет: «еду за мясом», но предмет, который он берет для обмена, все равно называется подарком. Чем бы конкретно этот подарок ни был—ремнем, маленькой шкурой или шкурой больших размеров, никогда никто не может сказать и никогда не предугадывает, сколько и какого качества нужной ему продукции он получит в ответ на этот подарок.

За одну и ту же вещь, например за нерпичью шкуру определенного размера, один может получить две оленьи туши, другой — три, третий— одну, причем и по качеству эти туши могут быть и хорошо откормленных быков, и «сухих», т. е. без жира, не нагулявшихся животных». [3]

Вот еще один пример: «За десяток ножей Инамоат получает две кухлянки (ездовую и спальную). За десяток таких же ножей Кавав получает одну кухлянку (ездовую)».[4]

Однако, как уже было указано выше, случайность соотношения, в котором находятся обмениваемые друг на друга продукты, только внешняя. Вот что пишет Билибин по поводу «случайности» отношения нерпичьей шкуры к оленьим тушам в только что приведенном примере: «Оленевод в каждом отдельном случае отдаривания имеет в виду (учитывает) не ту конкретную вещь в ее количестве и качестве, которая служит поводом к этому отдариванию («подарок»), а в целом всю сумму материального интереса к поддержанию связей, реализуемых данным случаем обмена». [5]

Эквивалентность при отношениях партнерства соблюдается еще более строго, чем прежде. Здесь следует напомнить слова Энгельса о том, что «... возникает потребность ... позаботиться о том, чтобы индивидуум

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Соч., т. XVII, стр. 75.
[2] К. Маркс. К критике политической экономии. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 36—37.
[3] Билибин. Обмен у коряков. Л., 1934, стр. 18—19.
[4] Там же, стр. 23.
[5] Там же, стр. 19.

подчинился общим условиям... обмена». [1] Можно привести огромное количество примеров, подтверждающих, что на данной ступени развития обмена требование соблюдения условной эквивалентности при обмене предмета на предмет приобретает силу обычая; несоблюдение этого правила влечет за собой некоторые (хотя и весьма примитивные) санкции против нарушителя.

Хойт отмечает, что обычай требовать подарок за подарок был настолько распространен среди американских индейцев, что под термином «индейский подарок» подразумевается теперь такой, который требует непременного отдаривания.[2]

В Гвиане, по словам Рота, «если Унаунский индеец оказывает кому-нибудь гостеприимство, предоставляя ему кассаву, копченую рыбу и т. д., то он ожидает получить что-нибудь в обмен за это и часто выказывает себя в этом отношении весьма требовательным». [3] Немного ниже тот же автор пишет: «Крево был первый, кто обратил внимание на незнакомство туземцев с обычаем делать подарки: «Когда я даю нож, — говорит он.— они всегда спрашивают меня: «что ты хочешь?» [4] У канадских индейцев Дене господствует обмен подарками, однако было бы большой ошибкой предположить, что им знакома дача подарка без задней мысли об ответном даре. Наоборот, если получивший подарок медлит с отдариванием, к нему направляется третье лицо, которое и напоминает ему о его обязательствах. Если ответный дар кажется несоответствующим первоначальному подарку, то он отвергается получившим, и его владельцу приходится подыскивать что-либо более подходящее. [5]

Интересны и примеры из книги Р. Фирза «Примитивная экономика маорийцев», иллюстрирующие возникновение упомянутой выше потребности охватить общим правилом ежедневно повторяющиеся акты обмена: «Под поверхностью непредумышленности и щедрости работал ряд сил, которые вынуждали людей обмениваться более или менее эквивалентно и обеспечивали каждому человеку получение примерно того, что ему следовало». [6]

Общий принцип обмена у маорийцев был таков: за каждый подарок должен был быть сделан другой подарок, по меньшей мере равной ценности. Это был принцип «уту» или компенсации, который пронизывал собой всю жизнь маорийцев.

За всякий предмет, за всякую услугу следовало непрерывно отплачивать условно эквивалентным предметом. Забавная песенка татуировщика, исполняемая им во время работы, превосходно это иллюстрирует:

Пусть линии будут верные и прямые
На человеке, который богат и щедр.
Сделай их кривыми, грубыми и скошенными
На человеке, который не заплатит. [7]

Р. Фирз замечает, что исполнение этой песенки оказывало благотворное действие на ненадежного клиента.

---

[1] Ф. Энгельс. Жилищный вопрос. Соцэкгиз, 1932, стр. 81.
[2] E. Hoyt. Primitive trade. London, 1926, стр. 99.
[3] N. Roth, цит. соч., стр. 633.
[4] Там же.
[5] A. G. Morice. The Great Dene Race. Anthropos. Bd. V, Heft 4, 1910, стр. 643.
[6] R. Firth. Primitive Economic of the New Zealand Maori. London, 1929, стр. 405.
[7] Там же, стр. 407.

Не менее интересна приводимая им же маорийская сказка, проникнутая теми же идеями: «В прежние дни жил-был человек по имени Токоаху, который работал мало и лишь шатался с места на место, навещая своих приятелей и получая от них подарки. Взамен он не давал ничего. Это продолжалось столь долго, что его друзья устали, ожидая, ожидая, ожидая отплаты, которая никак не наступала. Один человек, в конце концов, объявил во всеуслышание: «Мои вещи были почти украдены этим парнем» и, выйдя из себя после долгого терпения, наложил на Токоаху проклятие посредством взятых им подарков, так что тот умер». [1]

Если кто-либо из маорийцев нарушал условную эквивалентность обмена, то это влекло для нарушителя ряд неприятных последствий: во-первых, у нарушителя возникала боязнь, как бы не была потеряна возможность обмена в будущем; затем страх, как бы не пострадала его репутация от рассказов о неисполнении им своих обязанностей (что является серьезным делом в маорийском обществе), и, наконец, страх перед колдовством. [2]

Следует напомнить, что при определении эквивалентности обмена учитывается вся совокупность экономических и социальных интересов, связывающих данных партнеров. Предмет при этом получает еще одну новую потребительную стоимость: не только способность обмениваться на другие предметы, но также и способность поддерживать определенные экономические и социальные отношения с партнерами данного лица.

Эта новая потребительная стоимость продукта явилась одним из результатов развития первого крупного общественного разделения труда.

Обмен стал теперь не только возможностью, но и необходимостью. Часть продуктов производства (правда, пока еще очень ограниченная) начала отбираться для обмена, который объективно отражал связь между отделенными ныне друг от друга, но экономически взаимно зависящими основными типами хозяйства. Субъективно это выражалось в том, что некоторые продукты отбирались для поддержания определенного комплекса отношений с партнерами данного лица. При этом, поскольку отбирались излишки собственного нормального производства, обмениваемые продукты продолжали оставаться потребительными стоимостями для своих производителей. Меновая стоимость не отделилась еще от потребительной стоимости, стоимости товара еще не существовало.

Это хорошо видно на примерах обмена у коряков:

«В 1932 г., при проведении массовой работы с кочевниками в верховьях реки Пенжиной, у одного крупного оленевода был обнаружен архив бывшего старосты (царского времени) этого кочевья. Просмотр документов архива происходил в присутствии большого количества коряков, главным образом пастухов. Некоторые документы, в которых моменты эксплоатации туземцев царской властью были отражены наиболее четко, оглашались в интересах наглядного разъяснения собравшимся разницы между царским и советским строем. Так, был оглашен документ, содержавший справку об оплате 300 голов оленей, взятых в 1922 г. в этом кочевье белыми, 40 кирпичами чаю. Чтобы вовлечь в обсуждение этого грабительского случая коряков, их спросили: «Вот как поступало раньше начальство; правильно по-вашему?»

Самый старший из них — старик Эннины ответил: «Правильно». Старика с изумлением переспросили: «Так вот, мы у вас купили 600 голов (покупка была сделана за несколько дней до описываемого разговора, и расчета по ней еще не было) — хватит вам за них 80 кирпичей?»

---

[1] R. Firth, Цит. соч., стр. 410.
[2] См. там же, стр. 411.

Старик совершенно спокойно ответил: «Хватит». — «Как ты смеешь говорить так за всех, — стали укорять старика, — когда у некоторых пастухов совсем нет ни чаю, ни табаку». Тогда высказались и другие из присутствовавших пастухов. Смысл их высказываний не обнаруживал никакого интереса к пропорции оплаты оленей. Чай им нужен, табак тоже, получить их они хотят, но сколько им дадут — им все равно». [1]

Несколько ниже Билибин рассказывает, как небогатый оленевод Авдичан взял, вместо полагавшихся ему 80 рублей за купленных у него оленей, чаю и табаку на очень небольшую сумму и отказался получить товар на оставшиеся деньги. Добрать имевшийся товар на полную стоимость оленей удалось убедить только его жену, потому что сам он, повидимому, не знал, что с ним делать. Предложение взять больше товаров, чем ему в данное время было необходимо, показалось ему необычайным, ибо иного отношения к продукту, кроме потребительского, у него не было. [2]

Производитель пока еще не мог видеть стоимости продукта и производил обмен только в случае непосредственной необходимости. Это хорошо показывает еще пример из жизни тех же коряков.

«С началом весенних оттепелей собачий транспорт испытывает острую нужду в подполозниках (железной или костяной обшивке полозьев). Передвижение по мокрому снегу на партах с необитыми полозьями делается на сколько-нибудь значительное расстояние невозможным. Культбаза предусмотрительно заготовила для коряков железные подполозники задолго до оттепелей. Но не нашлось ни одного коряка, который согласился бы взять даже в виде подарка подполозники вплоть до самого наступления тепла». [3]

Аналогичный характер носит рассказ Лаба о том, что карайбы никогда не согласятся продать гамаки перед тем, как они ложатся спать, а поутру готовы отдать их совсем за бесценок. [4]

Рот сообщает, что для индейцев Гвианы цена продукта в меновой торговле зависит от временно испытываемой в нем необходимости, а не от его стоимости. [5]

III

В связи с дальнейшим усилением взаимной экономической зависимости различных общин отношения партнерства снова подвергаются существенным изменениям. На базе прежнего партнерства развиваются церемониальное партнерство и торговое посредничество.

Развитие предпосылок частного производства сказалось не только в изменении состава обмениваемых продуктов, но, как было уже отмечено выше, и в изменении характера обмена и самого состава обменивающихся партнеров.

Если на ранних стадиях развития партнерства сами отношения партнерства носили, как было отмечено, зачаточный характер, то теперь они достигают полного развития. Обмен продуктами уже утрачивает свой коллективный характер, и хотя взаимные посещения продолжают еще часто носить коллективную форму, однако эта форма уже является только внешней оболочкой, сохраняясь в дальнейшем лишь в виде пережитка. Каждый

[1] Билибин. Обмен у коряков. Л., 1934, стр. 7.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Соцэкгиз, 1937, стр. 340.
[5] N. Roth. An introductory study of the arts, crafts and customs of the Guinea Indians. 38-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology, 1916—1917. Washington, 1924, стр. 632.

участник такой коллективной по форме экспедиции ведет обмен за свой собственный страх и риск. Скоро стала, однако, нарушаться и эта коллективная форма посещения партнерами друг друга, как следствие окончательного перехода от коллективного обмена к частному. Стремление к частному обмену могло успешно удовлетворяться только путем укрепления отношений партнерства с членами чужих общин, ибо без такого партнерства индивидуальное посещение чужой общины для целей обмена на данной стадии общественного развития представлялось почти невозможным.

Опасность, которой подвергался в те времена предприимчивый любитель обмена при отсутствии партнера в чужой общине, превосходно иллюстрируется историей, рассказанной Б. Малиновскому туземцами во время его пребывания на южном берегу Новой Гвинеи.

«Человек по имени Кайпойла, с маленького островка Каява, одного из западных Тробриандовых островов, сел вместе с экипажем своей лодки на мель где-то на восточном берегу острова Фергюссона, но не в том районе, где они имели обыкновение вести торговлю. Его спутники были убиты и съедены. Сам он был захвачен живьем и оставлен жиреть для ближайшего пиршества. Его хозяин или, лучше сказать, хозяин пира, для которого он был предназначен в качестве важнейшего блюда, уехал с острова приглашать гостей. В то время, когда жена хозяина вышла на некоторое время из дома, Кайпойла выскочил и побежал к берегу. Преследуемый несколькими другими людьми из селения, он спрятался в ветвях стоящего на берегу огромного дерева и не был найден преследователями. Ночью он слез с дерева, взял лодку и стал грести вдоль берега. Ночью он спал на берегу, а днем греб. Однажды ночью он заснул среди саговых пальм и, проснувшись утром, нашел себя, к своему ужасу, окруженным людьми Канана. Каково же было его приятное изумление, когда он узнал среди них своего друга и партнера в церемониальном обмене кула, с которым он всегда имел обыкновение торговать. Через некоторое время он был отправлен обратно домой в лодке своего партнера». [1]

Можно согласиться с Б. Малиновским, что на рассматриваемой ступени общественного развития «... факт, что для туземца каждый чужестранец является врагом, оказывается этнографической особенностью, о которой сообщают со всех концов земного шара». [2] Поэтому партнерство становится одной из основных форм обмена.

Вот еще одно интересное сообщение.

«На примере племени Анагами-Нагас, обитающего в горах Ассама, лучше всего можно показать, что... система гощений служила основой развития торговых отношений. Это племя политически раздроблено на отдельные мелкие общины, постоянно враждующие между собой. Кроме того, они имеют страсть к охоте за черепами. Казалось бы, что такой народ очень мало пригоден для заведения и поддержания оживленных торговых сношений. Несмотря на это, мужское население этого народа с большим рвением и успехом занимается торговлей. «Трудности торговых сношений, — по замечанию Пена, — устраняются при помощи широко развитой системы гощений. Анагами из какой-нибудь деревни всегда имеет хоть один дом в другой, где он найдет и кров, и пищу, и убежище от убийц. Между деревней пришлеца и домом, где последний находит себе приют, устанавливается род союза гостеприимства. Самая яркая ненависть не позволит себе нарушить этот обычай». [3]

---

[1] B. Malinowski. Argonauts of the Western Pacific. London, 1922, стр. 297.

[2] Там же, стр. 345.

[3] К. Шурц. История первобытной культуры. СПб. 1910, стр. 276.

Р. Карстен в своей книге «Охотники за черепами Западной Амазонки» указывает, что, несмотря на постоянные враждебные отношения между жителями этого района, под влиянием различных экономических условий они оказываются вынужденными поддерживать между собой известные экономические отношения. [1]

На этой базе (одновременно с посредничеством) из партнерства обычного или примитивного развивается его полная и законченная форма — церемониальное партнерство.

На этой стадии развития обмена возникают отношения партнерства внутри одного и того же племени или общины. Одной из наиболее характерных черт церемониального партнерства является связывание отдельных партнерских пар в более или менее длинную цепь, причем обмен в обе стороны именно по этому направлению фиксируется обычаем и становится обязательным.

Интересное описание ранних форм церемониального партнерства на Новой Гвинее дает Маргарета Мид в своей работе «Горные Арапеши». В результате общественного разделения труда между береговыми жителями и жителями равнины, отделенной от моря трудно доступным горным районом, весь этот горный район оказался пронизан наследственными цепочками партнеров, по которым продукты экономически зависящих друг от друга общин двигались навстречу друг к другу. «Разукрашенные плетеные сумки с широкими ячейками всегда появляются с равнины, где производят равнинные Арапеши. Небольшие плетеные сумки с узкими ячейками, изготовляемые людьми Сувейн, приходят с берега. Тяжелая разукрашенная обиходная глиняная посуда и определенные типы больших горшков для варки пищи приходят с равнины, в то время как все другие типы посуды приходят с берега. Луки и стрелы всегда приходят с берега». [2]

Подобные явления наблюдаются и в других местах. Хогбин сообщает, что «... каждый человек из Вогео (островок к северу от Новой Гвинеи) имеет по крайней мере по одному торговому партнеру в каждой из посещаемых деревень... Партнерство обычно передается от отца к сыну, но ничто не мешает человеку, если он этого хочет, заключить новый союз». [3]

Поскольку цепочки церемониальных партнеров располагаются примерно параллельно друг другу от одной деревни к другой, то часто образуется как бы род коллективного церемониального партнерства между различными деревнями.

У упомянутых выше горных Арапешей образовалась целая цепочка деревень, через которые проходил обмен между равнинными и приморскими районами.[4]

Билибин, говоря о коряках, приводит примеры подобных же форм коллективного партнерства: «При наблюдении за процессом обмена в 1930—1932 гг. получалось впечатление, что ... береговые селения как бы «прикреплены» к соответствующим кочевым группам, хотя не установлено никаких оснований считать такое прикрепление устойчивым правилом». [5]

По сообщению Риверса отношения обмена между индейскими племенами Тода и Кота строго урегулированы, причем каждая деревня Кота снаб-

---

[1] R. Karsten. The Head-Hunters of Western Amazonas. Helsingfors, стр. 299.

[2] M. Mead. The Mountain Arapesh. I. An important Culture. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXVI, part III. N.-Y., 1938, стр. 328.

[3] J. Hogbin. Trading expedition in Northern New Guinea. Oceania, vol. V, № 4, 1935, стр. 398.

[4] M. Mead. Цит. соч., стр. 331.

[5] Билибин. Обмен у коряков. Л., 1934, стр. 18.

жает определенные роды Тода. [1] Он указывает, что связь между родами и деревнями зависит, повидимому, от их взаимного географического расположения. Тоды снабжаются теми деревнями Кота, которые всего ближе к их центрам. [2]

На Адмиралтейских островах имеется система непосредственного обмена внутри каждой племенной группы, которая связывает одну деревню с другой. [3]

Б. Малиновский в своей книге «Аргонавты западной части Тихого океана» отмечает подобные же явления — «прикрепление» рыбачьих деревень к деревням внутри страны для обмена своей продукции. [4]

Отмеченная выше тенденция вести отношения обмена по определенной линии характеризует наиболее примитивную форму церемониального партнерства.

Термин «церемониальное партнерство» не совсем удачен, так как вся церемониальность партнерства на ранних стадиях его развития заключается только в том, что обмен производится непременно с определенным партнером и непременно в определенном направлении (вдоль цепочки партнеров), причем обмениваемые предметы непременно движутся в противоположных направлениях. Только на самых высоких ступенях своего развития церемониальное партнерство начинает сопровождаться магическими действиями, которые должны обеспечить совершающим их успех в обмене, а самый обмен принимает ярко выраженный церемониальный характер, начинает выполняться в виде последовательной системы сложных и обязательных обрядов. Здесь церемониальность на высших ступенях обмена становится выражением социально-экономических связей общества.

Риверс так описывает церемониальный обмен между Тода и Кота: «При церемонии Кар, Тода отправляются в назначенный день в деревню Кота, возглавляемые человеком, несущим топленое масло. За деревней их встречают два жреца Кота, называемые «теннули», несущие с собой двойной сосуд из тех, которые Тода называют «му», наполненный зерном п а т м. Остальные Кота сопровождают их с музыкой. Все останавливаются перед деревней, и один из Кота кладет зерно в карман плаща предводителя Тода, а жрецы передают ему «му», наполненный тем же самым зерном.

Затем жрецы отправляются в храм и возвращаются, неся с собой каждый по одному «му». Топленое масло, принесенное Тода, разделяется на две равные части, причем каждая половина вливается в один из «му». Тогда предводитель Тода берет немного масла и натирает им головы двух жрецов Кота, которые простираются на земле, каждый у одной из ног предводителя, и он молится...

Затем предводитель Тода передает два «му», содержащие топленое масло, жрецам Кота, и он и его спутники возвращаются домой». [5]

За церемониальным характером обмена масла на зерно между Кота и Тода скрывается их тесная взаимная экономическая зависимость. Тода получают от Кота большую часть своей глиняной посуды и металлических изделий. Кота же получают от Тода необходимое им мясо. [6]

---

[1] N. R i v e r s. The Todas. London, 1906, стр. 636.

[2] Там же, стр. 637.

[3] M. M e a d. Kinship in the Admiralty Islands. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXIV, part II. N. Y., 1934, стр. 189.

[4] B. M a l i n o w s k i. Argonauts of the Western Pacific. London, 1922, стр. 187.

[5] N. R i v e r s. The Todas. London. 1906, стр. 636—638.

[6] Там же.

Вследствие постепенного развития непосредственного обмена нецеремониальными, необходимыми для жизни продуктами, всегда сопровождающего церемониальное партнерство, последнее все более получает значение средства проведения такого обмена, ибо, как было указано, без наличия партнера было бы трудно или даже почти невозможно вести обмен с членами соседних враждебных общин. Отношения партнерства поэтому получают особое значение, превращаясь в средство поддержания экономических связей с соседними общинами.

Как было уже отмечено, отношения, в которых обменивались продукты друг на друга на данной стадии общественного развития, определялись еще всей совокупностью интересов, связывавших обменивавшихся производителей. Поэтому предметы, которыми чаще других обменивались церемониальные партнеры, получили большую условную стоимость, приобрели еще одну дополнительную потребительную стоимость — способность поддерживать через посредство партнеров определенные экономические отношения с соседними общинами.

Примером этой новой стадии развития церемониального партнерства является практикуемый на островах у крайней юго-восточной оконечности Новой Гвинеи обычай «кула».

Подробное описание кула дано Малиновским в его уже цитированной нами работе «Аргонавты западной части Тихого океана».

Кула является типичной формой церемониального партнерства, в которой благодаря случайности географических условий цепочка церемониальных партнеров замкнулась, образовав кольцо. По этому кольцу по часовой стрелке постоянно циркулируют соулава или ожерелья из раковин, а против часовой стрелки — мвали или раковинные браслеты. Они постоянно церемониально обмениваются друг на друга, причем обычай запрещает оставлять у себя полученные в результате обмена церемониальные предметы более чем на два года.

Возникновение этой с первого взгляда весьма странной формы обмена было связано с общественным разделением труда между отдельными входившими в кольцо кула островами и группами островов, разделением, которое зашло уже так далеко, что самое существование жителей островов было бы невозможно без постоянного обмена продуктами. Именно в жизненной необходимости обмена для жителей района кула и кроется разгадка замыкания в кольцо цепочки церемониальных партнеров.

Теоретическая возможность замыкания всякой цепочки церемониальных партнеров на определенной стадии общественного развития заложена уже в том, что продукт обмена, становясь церемониальным продуктом, как это было уже отмечено, получает новую потребительную стоимость. Малиновский пишет: «... драгоценности кула с некоторой точки зрения являются предметами, бывшими некогда полезными. Они, однако, являются также церемониальными предметами в узком и точном смысле этого слова...». [1]

Обмен такими предметами все больше и больше принимал церемониальный характер, причем параллельно с этим обменом шел обычный обмен обычными продуктами, для которых первый являлся как бы стимулом.

Если бы простой продукт, производимый в данном районе, начал двигаться в результате сближения концов цепочки церемониальных партнеров по направлению к этому же самому району, то он скоро прекратил бы свое продвижение, так как в центре своего производства он как по-

[1] B. Malinowski. Argonauts of the Western Pacific. London, 1922, стр. 90.

требительная стоимость никому не нужен, никто его там не станет выменивать. Но если это уже не просто продукт, а церемониальный продукт, и тем более такой, который производится с большим трудом и часто в недостаточном количестве, то он будет приобретаться и в месте своего первоначального производства, но уже не для потребления, а для поддержания вышеупомянутых экономических и социальных связей приобретшего его лица через своих партнеров с другими соседними общинами. [1]

Церемониальное партнерство, как указывалось выше, знаменовало собой переход от коллективного к индивидуальному обмену. Можно вообще сказать, что в результате изменения способа производства и, как его следствия, появления первого крупного общественного разделения труда, «... все больше стал преобладать и наконец сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами». [2]

Другой формой индивидуального обмена, в которую развилось партнерство и которую, пожалуй, можно считать более поздней формой даже по сравнению с церемониальным партнерством, с которым она сосуществует и которое она часто сменяет, является торговое посредничество.

Его можно определить как партнерство, характеризуемое бо̀льшим, чем обычно, расстоянием между партнерами и более слабой связью между ними, а главное тем, что данный посредник начинает обслуживать уже не только своих партнеров, как было прежде, а многих лиц как своей общины, так и в общинах своих партнеров, причем уже не в интересах общины, а только в своих собственных. Партнерство, таким образом, перестает быть институтом коллективного характера.

Очень интересный пример перехода партнерства в торговое посредничество можно найти у Б. Малиновского. По его словам, на юге Новой Гвинеи часто «имеет место торговля между посетителями и местными туземцами, которые не являются их партнерами, но они должны непременно принадлежать к общине, с которой производится кула (церемониальный обмен)». [3]

Маргарета Мид сообщает, что на Адмиралтейских островах существует «система торгового партнерства, иногда между членами весьма отдаленных друг от друга племен, посредством которой от одного племени к другому передаются такие крупные предметы торговли, как дюгонг-черепахи, резные кровати, большие барабаны и т. д.». [4]

Так как каждый производитель уже имел партнеров не в одной только соседней общине, то он, превратившись в торгового посредника, становился связующим звеном не только между своей общиной и чужой, но и между несколькими соседними с его собственной общинами. Это являлось более высокой ступенью развития торгового посредничества, отражающей еще большее расширение общественного разделения труда. При достаточно благоприятных условиях таким посредничеством могли заниматься даже целые общины и племена. Маргарета Мид указывает, что на Новой Гвинее «...на всей арапешской территории горные местности являются самыми бедными, так как они не имеют никаких излишков производства и, обладая беднейшей землей, получают слишком скудную растительную продукцию, чтобы экспортировать ее. За исключением небольшого коли-

---

[1] B. Malinowski. Argonauts of the Western Pocific.

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1937, стр. 152—153.

[3] B. Malinowski. Argonauts of the Western Pacific. London, 1922, стр. 362.

[4] M. Mead. Kinship in the Admiralty Islands. Anthropological papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXIV, part II. N. Y., 1934, стр. 190.

чества птичьих шкурок и табака они не имеют ничего, чем можно было бы отплатить за подарки своих партнеров на побережье и на равнине. Этот недостаток в материале для отдарков они заменяют работой по переноске продуктов с побережья на равнину и обратно». [1]

В Гвиане торговое посредничество достигло довольно высокого развития. «Когда покупатель и продавец не находятся друг с другом в непосредственном контакте, посредничество между ними может носить прямой и непрямой характер. Авторан получают свои подарки от Тарума не только для своего собственного потребления, но и для того, чтобы продать их снова индейцам Такута. Араваки иногда предпринимают путешествия в отдаленные селения Варрау, чтобы купить каноэ, которое они в свою очередь продают поселенцам». [2]

Тот же автор рассказывает, что «имеются определенные деревни, где эти бродячие торговцы получают хлеб из кассавы во время своих продолжительных путешествий. Эти экспедиции иногда продолжаются месяцы, иногда годы». [3]

Пример очень развитого посредничества можно найти у Богораза в его работе «Чукчи»: «Соседние стойбища при перемене пастбища обычно идут по одному и тому же пути и таким образом надолго сохраняют соседство. Они собирают вместе все имеющиеся у них меха и шкурки и отдают их кому-нибудь одному, который свезет их на продажу в очень отдаленный район». [4]

В другом месте Богораз отмечает: «Развитие такого обмена привело даже к возникновению особого рода торговцев, так называемых «поворотчиков», которые всю жизнь странствовали между морским берегом и внутренней оленьей тундрой, совершая экспедиции туда и обратно и каждый раз возвращаясь к исходному пункту. Исходным пунктом было морское прибрежье. Поворотчики были приморского происхождения, они привозили к оленеводам приморские товары: ворвань, широкие связки ремней, нарезанных из моржовой кожи, и лахтачные шкуры, совершенно необходимые в тундренном хозяйстве, — далее, особо шкуры тюленя-лахтака, дававшие лучший подошвенный материал для летней и осенней обуви.

Поворотчики выменивали эти товары на мягкие пыжиковые шкурки, которые служили и служат до сих пор незаменимым материалом для зимней одежды всех племен, обитающих на севере». [5]

Однако наибольшего развития торговое посредничество достигло в Африке, где в результате широкого разделения труда между отдельными районами целые племена, занимавшие промежуточное положение между такими районами, специализировались на обслуживании обмена между ними.

Дю-Шалью сообщает, что в Африке различные привозные товары сплавляются внутрь страны или оттуда обычно по рекам — единственным большим путям страны. Берега рек заняты различными племенами. Каждое из этих племен присваивает себе привилегию действовать как посредник или складчик товаров относительно смежных ему племен и берет за эти услуги тяжелый налог в свою пользу. Такой порядок не допускает ни малейшего нарушения под страхом войны. Предположим, что негр из внутренней страны, обладающий слоновым зубом или куском черного

[1] M. Mead, Цит. соч., стр. 329.
[2] N. Roth, Цит. соч., стр. 634.
[3] Там же, стр. 635.
[4] В. Г. Богораз. Чукчи. Л., 1934, стр. 154.
[5] Там же, стр. XV.

дерева, желает обменять их на колониальный товар белого человека, но никогда не решится сам отнести их на рынок. Если бы он вздумал это сделать, его имущество было бы конфисковано, а сам он, попав в руки тех, на торговлю которых он посягнул, был бы приговорен к штрафу или продан в рабство. По правилам торговли, следует доверить предмет человеку из соседнего племени, ближайшего к речному берегу; человек из этого племени, в свою очередь, передает предмет начальнику или другу из следующего племени. Таким образом продукты должны пройти через много рук прежде, чем они достигнут своего назначения. [1]

Линдблом в своей работе «Акамба» рассказывает, что негритянские торговые партии из Укале-Рани продавали слоновую кость ванийкам, а эти посредники перепродавали ее с большой для себя выгодой горожанам Момбасы. [2]

Такое развитие торгового посредничества отражает расширение экономических связей между общинами, ранее изолированными друг от друга, их взаимную экономическую зависимость.

В дальнейшем посредничество, развиваясь, переходит в караванную торговлю, подробное рассмотрение которой выходит за рамки настоящей работы.

Функция торгового посредничества становится настолько необходимой для нормальной экономической жизни общества, что обычай постепенно фиксирует ряд правил, обеспечивающих успешное выполнение этой функции. Прежде всего, обычай должен был гарантировать торговым посредникам безопасность и неприкосновенность. В дальнейшем обычай взаимного покровительства партнеров распространился и на их посредников, т. е. уже на лиц, только более или менее случайно связанных с членами посещаемых ими общин.

В этом отношении интересен живой рассказ Им Турна: «... у каждого племени (в Гвиане) свое особое ремесло, и его соплеменники постоянно заходят к другим племенам, даже враждебным, для продажи своих изделий на изготовленные последними. Эти индейцы-торгаши могут, не боясь обид, странствовать по враждебной территории. Когда я жил среди Макури, часто мне случалось видеть, как целая группа индейцев бежала сломя голову к моему дому, в стенах которого было проделано окошко, и затем наблюдать, как они, затаив дыхание, в настроении, где к веселью примешивалась некоторая доля боязни, указывали мне на группу своих неприятелей Арекуно, которые пришли сюда выменивать духовые ружья и принадлежности к ним, шарики из хлопчатой бумаги. Это были торговцы, которые разносили по стране различные новости». [3]

Может быть, не так уж далека от истины (здесь не представляется возможным останавливаться на этом вопросе) мысль Гриерсона о происхождении позднейшего института гостеприимства и куначества (в широком смысле этого слова) из отношений партнерства. Она была высказана Гриерсоном (хотя и недостаточно четко) в его вышедшей в 1903 г. работе «Немая торговля»: «На ранних стадиях этого нового отношения в чужестранце все еще видят врага, но в течение ограниченного времени и с особой целью с ним обращаются как с другом. Он может рассчитывать в течение того времени, пока он находится в жилище своего хозяина, по крайней мере на еду, кров и защиту. В некоторых случаях он может продлить свое пребывание сколько ему угодно; в других случаях он должен прекратить его

[1] Дю-Шалью. Путешествие во внутреннюю Африку, СПб., 1871, ч. 1, стр. 18.
[2] G. Lindblom. The Akamba. Upsala, 1920, стр. 352.
[3] К. Шурц. История первобытной культуры, СПб., 1910, стр. 279.

по окончании определенного срока. Иногда его хозяин охраняет его даже после его удаления, провожая его до следующей деревни или снабжая его знаком, который должен обеспечить ему дружественный прием. Нередко эти отношения обозначаются обменом имен или какой-нибудь церемонией вроде кровного побратимства... В дальнейшем во многих случаях покровительствующее чужестранцу племя относится к нему как к своему протеже; и в этом отношении общества к отдельной личности мы видим зарождение того общественного гостеприимства, которое образует характерную черту классической древности. Позднее замечается, что отказ от гостеприимства рассматривается общественным мнением, как заслуживающий порицания и в некоторых случаях наказуемый по закону». [1]

В Цудакарском обществе Даргинского округа (Дагестан) существовал следующий любопытный способ обмена. Владелец яблок, желая обменять их, отправлялся с ними в соседний аул, где находил себе пристанище в доме своего кунака. Две-три девочки с крыши этого дома начинали кричать: «Кто желает променять кукурузу, пшеницу или ячмень на яблоки?» В ответ на этот призыв к дому кунака спешили десятки желающих меняться женщин. Таким же способом менялась и буза (хмельной напиток). [2] Этот пример говорит о связи куначеска с партнерством, что подтверждает мысль Гриерсона.

К концу рассматриваемого периода стал назревать постепенный переход торговых посредников в настоящих торговцев: посредники начали совершать торговые экспедиции уже не только к своим партнерам или даже просто к знакомым, но и в совершенно новые места. Посредник начал рыскать по ближним и дальним районам, стремясь приобрести побольше ценных продуктов для обмена. Часто он прибегал при этом даже к прямому насилию.

«Во второй главе повести об Эленди и его сыновьях, — пишет Богораз о чукчах, — подробно описано течение такой заморской торговли, смешанной с пиратством.

Вот Эленди приехал в гости к богатому айвану (эскимосу). Сидят, едят. Гость видит: на ремнях висит всякое мясо, тюлени, рыба, моржатина, на другой стороне — лахтачные ремни, еще дальше — мешки из некроенной тюленьей шкуры.

Все сидят молча. Эскимос долго думает, потом спрашивает гостя: «Что же ты, разве попусту сюда приехал?» Гость отвечает: «Двадцать своих лахтаков достань, по двадцати связок ремней белых и черных, тюленьих чемоданов, всего что есть по двадцати». — «Что же привезли на продажу?» — «Ничего». — «Даром не дам». — «Да ведь я увезу. Или, пожалуй, я убью тебя. Разве кто-нибудь жалеть станет?».

Эленди побеждает эскимоса, приказывает жителям поселка выдать ему все то, что он требовал, и возвращается домой, увозя побежденного врага в качестве невольника». [3]

Из всего вышесказанного можно сделать следующие краткие выводы:

Форма обмена, при которой данное лицо обычно вступает в обмен только с одним или несколькими определенными членами других первобытных общин (или, позднее, и своей общины), называется партнерством. Лица,

---

[1] E. Hoyt. Primitive Trade. London, 1926, стр. 127—128.

[2] Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане. Военный сборник, т. XII, кн. 4.

[3] В. Г. Богораз. Чукчи. Л., 1934, стр. 79.

более или менее регулярно вступающие в обмен друг с другом, называются партнерами.

Партнерство, как конкретная форма обмена, является результатом развития противоположности между появившейся вследствие первого крупного общественного разделения труда и все растущей экономической зависимостью людей друг от друга и одновременно все усиливающейся враждебностью между их отдельными группами. Партнерство в этих условиях наиболее удачно разрешало задачу поддержания более или менее регулярного обмена между постоянно враждовавшими поселениями в эпоху (условно говоря) средней ступени варварства и в начале высшей ступени варварства.

В эту эпоху партнерство отнюдь не являлось единственной возможной формой обмена. Оно получало особое развитие в тех обществах, где вследствие конкретных особенностей исторического развития (например, в Меланезии) задерживались процессы, ведущие к объединению людей в более крупные социальные единицы.

Партнерство развилось из примитивного посредничества, зародившегося еще на высшей ступени дикости, и впоследствии, в конце высшей ступени варварства, перешло в торговое посредничество.

Имеющийся у всех народов институт гостеприимства и купачества, повидимому, был в свое время тесно и неразрывно связан с партнерством и является в значительной мере его пережитком.

В заключение считаю долгом выразить благодарность проф. С. П. Толстову, а также проф. С. А. Токареву, чьи ценные указания способствовали успешному завершению настоящей работы.

Н. Ф. ЯКОВЛЕВ

ДРЕВНИЕ СВЯЗИ ЯЗЫКОВ КАВКАЗА, АЗИИ И АМЕРИКИ

1. СТРОЙ РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ

Человеческий язык представляет собой ряд напластований как бы окаменелых отпечатков мышления минувших исторических эпох. По дожившим до нашего времени архаичным по своему строю языкам мы можем судить о материальной культуре и мышлении давно исчезнувших человеческих обществ.

Исследуя на территории Советского Союза две наиболее архаические группы языков — яфетическую на Кавказе и палеазиатскую на крайнем северо-востоке Азии, мы поражаемся наличию в тех и других языках многих грамматических схождений, которые не могут быть объяснены лишь случайным совпадением. Прослеживая те же явления в языках индейцев северо-запада Америки, мы и здесь наталкиваемся на тождественные или сходные лингвистические черты. Вряд ли они могут быть объяснены иначе, как древнейшими миграционными и культурными связями, соединявшими оба материка в отдаленнейшую эпоху. Переходим к фактам, в первую очередь к синтаксису.

Первым моментом схождения является наличие как в яфетических, так и в палеазиатских языках двух основных конструкций предложения: непереходной (intransitive) и переходной (transitive). Наиболее полно эти конструкции представлены на Кавказе в западнояфетических языках — черкесских и абхазском, где налицо даже три конструкции: непереходная, переходная и конструкция с косвенным объектом (construction with indirect object). Последняя конструкция по форме непереходна и представляет собою дальнейшую деривацию непереходности, развивающую в современном языке переходное значение. В редких случаях все три конструкции образуются здесь от одного и того же глагольного корня. Обычно же от него можно образовать только или I и II или II и III, что постоянно имеет место и в остальных яфетических языках. Приведем примеры и обратим внимание на различие в согласовании подлежащего (subject), смыслового объекта (direct object) и сказуемого (predicate).

Черкесские языки.

Непереходная конструкция (I)
Кабардинское: ЩІàлэр мàджэ
Адыгейское: КІалэ̀р маджэ̀
Мальчик кричит, зовет
Переходная конструкция (II)
Кабардинское: ЩІàлэм тхы̀лъыр едж.

Адыгейское: КIалэ̀м тхы̀лъыр ѐджы.

Мальчик книгу прочитает.

Конструкция с косвенным объектом (III)

Кабардинское: ЩIа̀лэр тхы̀лъым йо̀дже.

Адыгейское: КIалэ̀р тхы̀лъым ѐджэ.

Мальчик книгу читает (почитывает) (без обозначения успешного завершения действия).

Буквально: мальчик по книге кричит.

Именные окончания: «р» — прямой падеж, «м» — косвенный падеж — оба определенной формы; глагольные префиксы: «ма», «е» — 3-е л. ед. ч. субъекта; «й», «е» — то же косвенного объекта; «о» — признак наст. вр. глагольного (предикативного) спряжения. В составе конструкции I объект вообще невозможен.

Абхазский язык
(бзыбский диалект)

I. А̀гъа бзы̀аны итвхьвауа́йт I (I).

Кузнечные меха (вообще) хорошо раздувают (способны раздувать) пламя.

А̀гъа а̀хъва чъхьвна̀твхьвауайт || а̀хъва а̀гъа пчъхьвна̀твхьвауайтI. (II) (Кузнечные) меха золу из очага выдувают.

Апхьвы̀с а̀мца да̀твхьвауайтI (III).

Женщина в огонь дует, т. е. — Женщина огонь вздувает (без обозначения успешного завершения действия).

При именах: «а» — обязательный для оформления их определенный член, падежные окончания отсутствуют; при глаголе: «чъхьв» — проклитика имени «а̀чъхьва» — «место у очага» (потерявшего конечный гласный в центробежной форме) как реликт инкорпорации (ср. вторая параллельная форма, где префикс «и» появился в результате перестановки слов); «п» — префикс 3-го л. ед. ч. непереходного субъекта, а также прямого объекта класса вещей и природы; «д» — то же класса общества; «а» — префикс 3-го л. ед. ч. переходного субъекта и косвенного объекта класса вещей и природы; «н» — префикс места «из, в (очаг)».

В палеазиатских языках существуют в тех или иных разновидностях те же две конструкции предложения: непереходная и переходная. В чукотском языке, на крайнем северо-востоке Азии, возможны как раз наиболее интересные для нас II и III конструкции:

Чукотский язык

Н'эвыскэтэ тэкичгын увиркынин (II).

Женщина мясо проваривает, разваривает.

Н'эвыскэт тэкичгэ увиркын (III).

Женщина мясо варит, поваривает (без обозначения успешного завершения действия).

Буквально: женщина при мясе (находясь) варит, занимается варкой.

Удивительно смысловое совпадение конструкций II и III в яфетических, черкесских и абхазском языках, с одной стороны, и палеазиатском, чукотском — с другой. Заметим, что до сих пор чукотская конструкция II определялась, как просто непереходная, хотя, как видим, фактически объект в ее составе возможен. Исследователи до последнего времени отрицали семантическое различие между чукотскими конструкциями II и

III, и лишь сопоставление их с черкесскими примерами помогло выяснить вопрос. [1]

Вообще конструкция I выражает переходные по смыслу действия абстрактно, безотносительно к объекту и к конкретному времени: действие мыслится здесь как постоянное занятие, профессия или способность лица действующего. II по отношению к I является действием, происходящим в определенный конкретный момент и над определенным отдельным конкретным объектом. Ср. английское: «he reads» (I) — «он (вообще) читает, способен читать» и «he is reading the book» (II) — он читает (в данный момент) (конкретную) книгу».

Конструкция II по сравнению с III обнаруживает иной оттенок смысла: стремление или намерение лица действующего довести действие до конца, т. е. до полного его завершения и одновременно до полного его проникновения в объект. Наоборот, III конструкция при такой же определенности и конкретности временного момента отличается оттенком отсутствия обязательного завершения действия. Действие здесь лишь поверхностно соприкасается с объектом, который первоначально имел оттенок скорее обстоятельства, чем прямого дополнения. Исходя из этой противоположности в семантике, III конструкция названа «нецелеустремленной» (aimless), в то время как II — «целеустремленной» (aimful). [2] Различие между той и другой в особенности выпукло отразилось в следующем примере.

Кабардинский язык

Хьэм къу́пщхьэр едза̀къэ (II).
Собака кость разгрызает (до костного мозга).
Хьэр къупщхьэм йодзакъэ (III).
Собака кость гложет, обгладывает (поверхностно).

Наличие двух конструкций предложения — непереходной (neutral) и переходной (active) характерно и для большинства американо-индейских языков. Франс Боас указывает:

«On the other hand, there are certain traits that, although not common to all american languages, are at least frequent, and which are not less characteristic then the tendency to objective incorporation and to polysynthesis. The most important of these is the tendency to divide the verb sharply into an active and a neutral class, one of which is closely related to the possessive forms of the noun, while the other is treated as a true verb... In American languages many of our predicative terms are closely related to nominal terms, most frequently the neutral verbs expressing a state, like *to sit, to stand*... On the other hand, terms expressing activities, like *to sing, to eat, to kill* — are treated as true predicative terms. The differenciation of these two classes is generally expressed by the occurrence of an entirely or partially separated set of pronouns for the predicative terms». [3]

В палеазиатских языках исследователи находят тоже два типа спряжения — именное и глагольное («предикативное»). На Кавказе в черкесских языках поразительно, что те же две категории, на которые здесь указывает Боас, распределяются по типам спряжения точно таким же образом, как в американо-индейских языках: глаголы «сидеть, стоять, лежать» и т. д., даже «иметь» и спрягаемые имена — «быть человеком,

---

[1] См. Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. Л., 1941, стр. 71.
[2] Там же. стр. 40—41.
[3] F. Boas. Handbook of American-Indian Languages, part I, p. 76.

быть хорошим» и т. д. обычно спрягаются по чисто именному, т. е. поссессивному спряжению. Значит, они преимущественно образуют и настоящее время по типу такого спряжения. Наоборот, глаголы: «петь», «есть», «убивать» и даже «болеть», «спать» и т. п. имеют «глагольное» спряжение, т.е. обычно образуют настоящее время по глагольному типу, в то время как остальные времена — по именному. Настоящее время глагольного типа как раз и характеризуется тем, что местоименные префиксы субъекта, независимо от переходности или непереходности глагола, представляют собой личные местоимения в самостоятельном, т. е. существующем в языке в форме самостоятельных слов, виде.[1]

К сожалению, мы не знаем, существуют ли и в американо-индейских языках аналогичные конструкции I, II и III, а также «целеустремленная» и «нецелеустремленная» формы и возможны ли их образования от различных или тождественных глаголов. На мысль о возможности таких находок и в американских языках наводит нас следующее изумительное формальное совпадение II и III конструкций чукотского языка с такими же двумя построениями в языке Encounter Bay из Южной Австралии, где Kornil lakin mame (II?) — «Мужчина произает рыбу» может быть выражено и иным, противоположным по оформлению имен способом: Korn e lagelin mamil (III?)[2] — конструкциями, объяснить которые затруднился Ф. Н. Финк.[3]

Пользуясь черкесской и чукотской аналогиями, мы не ошибемся, если одно из предложений и здесь переведем так: «Мужчина упромышливает, заостраживает рыбу» (целеустремленная конструкция); в таком случае другое, очевидно, обозначает: «Мужчина острожит, покалывает рыбу», буквально: «(Находясь) при рыбе, мужчина острожит, занимается промыслом» (нецелеустремленная конструкция). Разумеется, при сопоставлениях, разделенных, как в данном случае, пространством в десятки тысяч километров, вовсе не обязательно абсолютное совпадение в приурочении целеустремленной семантики к II, а нецелеустремленной к III: может иметь место и обратное семантическое соотношение форм.

Припомним ход развития непереходной и переходной конструкций в черкесских языках. В основе всех трех конструкций (I, II и III) здесь исторически лежит так называемая «общая конструкция», где в предложении субъект и прямой объект еще исключают друг друга: адыгейское «Пхъэр мекъу́тэ» — дрова колются (без указания на субъект); «ЛӀыр мэкъутэ» — мужчина занимается колкой (без указания на объект). В подобных архаичных выражениях отразилась древнейшая эпоха, когда субъект и объект еще не различались ни в речи, ни в мышлении (подтверждение этому: спряжение в языке немепу из группы сахаптин, по Мещанинову, и т. п.

Адыгейские шапсугские предложения «ПхъашӀэ́р маппццэ́»— плотник занимается продалбливанием (без объекта); «Пппцэр мэппццы́ | маппцц:»— долото долбит (без объекта); «Пхъэр мэппццы́» — дерево долбится (без субъекта)— обнаруживают дальнейший шаг развития: появление зачаточного различия между реальными субъектом и объектом. Чередование гласного в глагольном корне здесь одинаково с тем, которое наблюдается в центробежной (выражающей независимо от переходности или непереход-

[1] Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка, стр. 310; Н. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Вып. 1. Ворошиловск, 1938, стр. 75—76 и сл.

[2] Fr. Müller. Grundr. d. Sprachw. II, I, 56; H. Winkler. Zur Sprachgeschichte. Berl., 1887, S. 77.

[3] F. N. Fink. Der angeblich passivische Charakter des transitiven Verbs, Zeitschr. auf d. Gebiete indoeuropäischen Sprachen. B. 41, S. 239—240.

ности действия направленность его изнутри наружу) и центростремительной (направленность действия извне внутрь) формах: ср. адыгейские «къырѐщэ» — ввозит сюда (внутрь), «къырѐщы» — вывозит сюда (изнутри) (оба глагола переходные); кабард. «къыдо̀плъэ» — смотрит сюда (внутрь), «ныдоплъэ» — смотрит туда (внутрь), «кыдо̀плъ» — смотрит сюда (изнутри), «ныдоплъ» — смотрит туда (изнутри) (оба глагола непереходные) и т. д. Отсюда адыгейские «Шъу́зыр мадѐ» — женщина (вообще) шьет, занимается шитьем (I) и «Шъу́зым джа̀пэр ѐды» — женщина рубашку (в данный момент) шьет, сшивает (II) и подобные им могут быть вероятнее всего объяснены из первоначальных пространственных отношений: «женщина шьет (к себе внутрь)» (I) и «от женщины рубашка шьется (наружу)» (II).[1]

Центробежные и центростремительные формы в таком понимании не чужды и американо-индейским языкам (кечуа). Следы их сохранились даже в тюрко-татарских языках (ср. «кэт» — иди туда, «кэл» — иди сюда и т. п., с использованием в первом «т» — позднейшего суффикса переходности, побудительности, а во втором «л» — суффикса непереходности, страдательности). Иначе понимает термины «центробежность» и «центростремительность» Уленбек, который называет так направленность действия собственно от первого, вообще от меньшего номером лица («персоноперифериэм» действия) и к первому, вообще меньшему по номеру лицу («персоноцентризм» его). Впрочем, и этого рода формы, независимо от подлинно центробежных и центростремительных, существуют в западнокавказских яфетических языках (ср. выше глагольный префикс «къэ» — сюда, к первому, вообще меньшему по номеру лицу, и «нэ» — туда ко второму, вообще большему по номеру лицу).

Итак, непереходный глагол, resp. залог, в древнейшую эпоху своего развития по своему значению подобен древнегреческому среднему залогу (medium) и в то же время он непереходен, нецелеустремлен и абстрактен. Он выражает обычно действие в его обобщении. По форме же он не имеет ничего общего, кроме плохого европейского перевода, со страдательным залогом, который на этой стадии развития языка или совсем еще невозможен, или существует в зачаточной, но уже обособленной от непереходности форме. Переходный глагол, resp. залог, по значению целеустремлен и конкретен, он обычно выражает частный случай действия. Субъект и объект, в память об их первичной нерасчлененности, сохраняют еще много общего и в значении, и по форме (ср. совпадение формы непереходного субъекта и прямого объекта, с одной стороны, и активного переходного субъекта и косвенного объекта, с другой). В черкесских языках непереходный субъект и прямой объект включали в себя глагольное действие, как свою неотчуждаемую принадлежность; переходный субъект и косвенный объект, наоборот, лишь как бы поверхностно соприкасались с действием, которое приравнивалось к их отчуждаемой собственности. Отсюда двоякий характер аффиксации спряжения, выражаемой в ряде языков притяжательными местоимениями, с одной стороны, отчуждаемой, а, с другой — неотчуждаемой принадлежности (особенно выпукло обнаруживается это в суданских языках в Африке, где действие принадлежит субъекту обычно как неотчуждаемая, а объекту как отчуждаемая принадлежность, но здесь же в некоторых языках использован и обратный способ выражения).

Из всего сказанного вытекает, что нет решительно никаких оснований считать нейтральный или непереходный строй предложения в перечислен-

[1] Ср. Н. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка, стр. 25—26, 88—89; Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка, стр. 40—42, 325—326.

ных языках в какой-либо степени «пассивным», как это пытались обосновать H. Schuchardt и др. Как нет в природе активных и пассивных от рождения народов или рас (Боас), так не существует и рас или народов, с одной стороны, с активным и, с другой, — с пассивным строем речи и мышления (как это кажется Уленбеку). Лингвистические факты кавказских яфетических, палеазиатских да и американо-индейских языков целиком опровергают подобные «гипотезы».[1]

2. ЗВУКИ РЕЧИ И ФОРМЫ СЛОВ

Тесно связаны между собой кавказские яфетические, палеазиатские и американо-индейские языки и совпадением в звуках речи. Прежде всего замечательно наличие третьего ряда глухих согласных во всех яфетических и многих американо-индейских языках. На Кавказе этого рода согласные даже принято было считать специфическими «кавказскими» звуками. Сюда относятся прежде всего мгновенные (stops): пI, тI, kI, къ (=къI) и африкаты (affricatives): цI, чI. Вопреки мнению немецкого фонетика Sievers'a, такой же характер могут иметь и глухие спиранты.[2] Например, кабардинские: фI, щI (адыгейск. шI)—род супрадентального шипящего спиранта, спирант: лI=ł! и др. К величайшему удивлению кавказоведов, на крайнем северо-востоке, в языке ительменском, на западном побережье Камчатки нашлись те же «кавказские» звуки: пI=p!, кI=k!, чI=č!. Имеются следы их и в южных диалектах коряцкого языка. Механизм произношения этих звуков таков: выдыхательная струя воздуха при их произнесении образуется выше гортани. Последняя закрывается наглухо и, двигаясь вверх, как поршень, создает компрессию воздуха в надгортанных полостях. Следовательно, гортань служит здесь как бы выдыхательным органом. Поэтому глухие звуки данного типа называются «звуками с надгортанной экспирацией» или, для краткости, просто «надгортанными» звуками.[3] Аналогичные глухие нередки и в американо-индейских языках. Вот как описывает их крупнейший исследователь этих языков Франц Боас:

«In many languages, as, for instance, in Sioux and in the languages of Pacific coast, there are three degrees of stress that may be readily differentiated. The strongest of these we call the «fortis» and indicate it by following the consonant by an «!» (*p!*, *t!*). With the increased stress of closure of the fortis is connected a closure of the glottis or of the posterior part of the tongue, so that only the air that has been poured into the vocal cavity is expelled» (ib., pp. 20—21).

Выше мы воспользовались для обозначения кавказских звуков тем способом, который принят в алфавитах яфетических народов Кавказа: добавлением к согласному знака «I».

Далее, в яфетических языках имеется несколько типов звука «к» («k» и «q») и глухие и звонкие латеральные типа «л» = «l». Наличие этих звуков отмечено и для палеазиатских языков (например, чукотского, коряцкого, ительменского, ср. Bogoraz, «Chukchee», Handbook of Am. Ind. Lang., part II, p. 631 sqq). Фр. Боас говорит о них, как о характерном признаке американо-индейских языков: «We find also with particular frequency the occurrence of a number of lingual stops corresponding more or less

[1] Ср. Н. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. Л., 1940, стр. 45 сл.

[2] См. Н. Яковлев. Таблицы фонетики кабардинского языка, М., 1923 г., стр. 23—30.

[3] См. Н. Яковлев, цит. соч., стр. 22—23.

strictly to our *k* sounds, which, however, are more finely differentiated than our *k* sounds. Thus the velar *k*, which is so characteristic of Semitic languages, occurs with great frequency in America». [1]

Наличие более передних — задненепалатальных «к» и «кI» и более задних—задневелярных «кх»-q и «къ» свойственно на Кавказе всем яфетическим языкам. В числе наиболее важных звуков Боас отмечает также латеральные мгновенные (stops) «L̇, L, L!» [2] и спиранты (spirants): l, ł; на Кавказе вторые распространены в кабардинском, адыгейском, аварском и других языках, первые же зарегистрированы лишь в одном каратинском языке в Дагестане (Я к о в л е в). Наконец, наблюдение американистов в отношении редкости или ограниченности употребления звуков «ф» и «р» [3] целиком относится и к яфетическим языкам. Первый встречается лишь в недавно усвоенных из других языков словах — в грузинском, чеченском и ряде дагестанских языков, а в кабардинском и адыгейском он вновь образуется из лабиализованных согласных. Второй звук чрезвычайно редок в начале слова в чеченском, кабардинском и некоторых дагестанских языках; в остальном употребление его ограничивается лишь немногими формативами.

Не будем дольше задерживаться на фонетике. Сходство фонетических систем кавказской яфетической, палеазиатской и американо-индейской способно поразить всякого непредубежденного наблюдателя; оно ни в какой мере не зависит от анатомического строения гортани или других органов речи указанных народов, так как и русские после некоторого навыка вполне могут произносить все эти звуки (яфетические и палеазиатские) без малейшего акцента. Нет сомнения, что так же обстоит дело с произношением аналогичных звуков и в Америке.

Следующим важнейшим пунктом интересующих нас схождений является наличие двух категорий притяжательных местоимений — неотчуждаемой (unalienable, органической) и отчуждаемой (alienable, имущественной) принадлежности. Факт этот широко известен из обзорных работ Уленбека для американо-индейских языков [4] и Леви-Брюля для языков Меланезии. [5]

Однако не было известно, что и в СССР имеются языки, сохранившие те же две категории притяжательных местоимений: во-первых, адыгейский на Кавказе и, во-вторых, пространственно смежные с палеазиатами восточные ответвления тунгусского языка — ламутский и негидальский. [6] Следы этих форм сохраняются и в горномарийском языке.

В ламутском и негидальском языках к неотчуждаемой принадлежности относятся еще, как и в американо-индейских и меланезийских языках, не только члены тела по отношению ко всему телу и названия родства, но и предметы личного употребления — обувь, одежда, оружие, жилище, скот и т. д. по отношению к их собственнику [7]. В адыгейском же притяжательные неотчуждаемой принадлежности сохраняются лишь при обо-

---

[1] F. B o a s. Handbook of American-Indian Languages, part I, p. 77.

[2] Там же, стр. 23.

[3] Там же, стр. 77.

[4] C. U h l e n b e c k. Het identificeerend karakter der possessieve flexie in talen von Noord America, Verslagen en mededeelingen d. K. Akademie van Wetensch. Amsterdam, r. V, d. 2. 1917.

[5] L. L é v y - B r u h l. L'expression de la possession dans les langues mélanésiennes. Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. XIX, fasc. 2. Paris, 1914.

[6] Обзор фактов см. Н. Я к о в л е в, Д. А ш х а м а ф. Грамматика адыгейского литературного языка, стр. 292—304, 454—459.

[7] В. Г. Б о г о р а з. Материалы по ламутскому языку. Тунгусский сборник, Л., 1931, стр. 10—11.

значении членов тела или частей предмета по отношению ко всему телу или всему предмету и при обозначении названий кровного родства, что следует признать первой ступенью отмирания неотчуждаемой принадлежности. В горномарийском языке эта категория притяжательных аффиксов находится на грани полного исчезновения и сохранилась лишь в отношении некоторых названий родства и только в 1-м и 2-м лицах ед. ч., напр. «àвам»—моя мама, «àвац» твоя мама, наряду с обычными: «авàэм», «авàэт». В адыгейском, как и в большинстве перечисленных языков, притяжательные аффиксы имущественной принадлежности явно производны от аффиксов органической принадлежности и представляют собой продукт слияния двух префиксов; так «мой» (имущественное) образовалось из «мой» (органического) + «его» и т. д.

Наконец, одной из характернейших черт американо-индейских языков признается именная и местоименная инкорпорация и полисинтетизм: «American languages have also been designated as incorporating languages, by which is meant a tendency to incorporate the object of the sentence, either nominal or pronominal in the verbal expression». [1]

Данная черта достаточно распространена в языках северной и центральной Америки и в палеазиатских языках. Поразительно, что и языки западнокавказские яфетические — кабардинский, адыгейский, в особенности же абхазский и абазинский — по своему строю могут быть охарактеризованы как инкорпорирующие и полисинтетические. Если мы условимся называть инкорпорацией включение в глагольную форму именных элементов, а полисинтетизмом — включение в ее состав местоименных элементов и различного рода приставок, еще сохраняющих генетическую связь с именами, от которых они некогда произошли, то мы можем точнее обозначить морфологический строй указанных языков как полисинтетический с более или менее ясными еще следами инкорпорации.

Адыгейский язык

О тетрáдхэр сэ àхэмэ клáссым щ-а-фэ-сэ-о-гъэ-гòщы-х.

Ты тетради меня им в классе заставляешь раздавать.

«щ» — в каком-то месте; «а-фэ» — них для, т. е. «для них»; «сэ» — меня; «о» — ты; «гъэ» — заставляешь, побудительный префикс; «гощы»— распределять, корень глагола; «х» — их, суффикс прямого объекта, и непереходного субъекта, относится к слову «тетрáдхэр».

О сэ ащ нэрыплъэм Іàгум сы-щы-р-е-о-гъэ̀-плъы.

Ты меня его биноклем во дворе заставляешь рассматривать, т. е. ты заставляешь меня рассматривать его во дворе в бинокль.

«сы» — меня; «щы» — в каком-то месте; «р» — чем-то, с помощью чего-то; «е» — его (объект побуждения); «о» — ты; «гъэ» — заставляешь, побудительный префикс; «плъы» — рассматривать, корень глагола.

Абхазский язык

Дарà щварà ашàха àщакъа ачъы и-á-ла-щв-а-д-ды-р-хьвала-уайтI || и-à-л-а-ды-щв-ды-р-хьвала-уайтI.

Они нас веревкой к столбу лошадь заставили привязать, т. е. они заставили нас привязать лошадь веревкой к столбу.

(«и» — ее, префикс 3-го л. ед. ч. прямого объекта класса вещей и природы; «а-ла» — чем-то; «щв» — вас; «а-ды» — к чему-то; «ды» — они;

[1] F. Boas. Handbook of American-Indian Languages, part I, p. 74.

«р» — заставили, побудительный префикс; «хьвала» — корень глагола; «уайтI» — окончание настоящего времени.

Итак, в языках Западного Кавказа включение в состав глагола местоименных элементов не исключает употребления их при том же глаголе и в виде самостоятельных слов, местоимений. Именная инкорпорация в обычной для Западного Кавказа форме наблюдается в таких, например, случаях: абхазское: «у-вьна̀-л» — войди в, «у-вьны́-цI»—выйди из (жилья), при: «а-вьны̀» — дом; кабардинские: «жэщы-кIуэ̀н»—итти во тьме, при: «жэщ» — ночь, «кIуэ» — иди; «жьэ-дэ̀-лъ-щ» — что-то в пасти лежит, при: «жьэ» — пасть, челюсти; рот, «дэ-лъ» — лежи между чем-то (корень глагола: «лъы», самостоятельно не употребляется), «щ» — окончание настоящего времени в именном спряжении. Из примеров видно, что инкорпорированные именные элементы, сохранившиеся в западнояфетических языках, обозначают обычно не прямой, а различного рода косвенные объекты с обстоятельственным значением.

Наконец, можно еще отметить, что простейший и вместе с тем древнейший вид корня — один закрытый, чаще же всего открытый слог — характерен для всех яфетических языков Западного Кавказа и в той же семантической функции выступает и во многих американо-индейских языках.[1] Как ни широко распространен этот признак среди многих других языков мира, однако в совокупности со всеми остальными указанными здесь грамматическими явлениями и он приобретает значение, усиливая отдельные схождения между рядом языков СССР и Северной Америки до степени целой системы совпадений.

Итак, между американо-индейскими, палеазиатскими и яфетическими (в особенности же западнокавказскими) языками существует значительное количество типологических схождений, даже, можно сказать, целая система их.

Эти совпадения, и, в частности, вся их систематическая совокупность, исключают предположение, что здесь мы имеем дело с простой случайностью. Наиболее вероятной представляется гипотеза, что лингвистические параллели даже в их выясненной (пока лишь чисто типологической) форме позволяют еще раз подтвердить неоднократно выдвигавшееся положение о единстве происхождения человека на двух крупнейших материках Еврафразии и Америки (Н. Я. Марр). В особенности поражает в этом отношении даже более близкое типологическое сходство в языках между Западным Кавказом и индейцами Северной Америки, чем между последними и палеазиатами (более ярко выраженный полисинтетизм).

Для окончательного выяснения вопроса советским, английским и американским ученым—яфетидологам, палеазиатологам и американистам необходимо общими дружными усилиями собрать несомненно наличный в природе материал и по материально-звуковому совпадению корней вышеуказанных языков. Известная часть схождений в фонетике и морфологии и сейчас позволяет говорить также о древнейшем населении Африки, как об имеющем ближайшие связи с яфетическими языками Кавказа, а через них и с северо-восточной Азией и Америкой (хамитские и суданские, в особенности так называемые нилотические языки). Не говорят ли также и эти лингвистические факты в пользу общности происхождения человеческих рас и единства законов человеческого мышления?

---

[1] См., например, B o a s, Handbook of American Indian Languages, part I, стр. 106—107; Tlingit, ib., стр. 195; Haida, ib., стр. 268—269; Siouan Teton, ib., стр. 950—951 и т. п.

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ДРЕВНЕЙШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ СОВРЕМЕННЫХ НАРОДОВ АЗИИ И ЕВРОПЫ

Предлагаемые ниже материалы составляют небольшой раздел из первой главы моего исследования «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов». [1]

Общая задача, поставленная нами, — проанализировать языковый, фольклорный и этнографический материалы в плане этногенеза тунгусских племен и формирования тунгусских языков.

Язык любой народности является частью его истории. В языках, имеющих большое количество говоров, в языках, распространенных на замкнутых территориях или отдаленных от основной территории да еще недавно не имевших письменности, сохраняется наибольшее количество архаизмов, отражающих, с одной стороны, все ступени пройденных стадий развития, с другой — межплеменные взаимодействия, имевшие место в течение всей истории формирования данного языка. Эти же языки в той или иной степени сохраняют многое уже давно исчезнувшее или изменившееся, но в свое время бытовавшее и в других одно- и разноструктурных ныне языках.

В течение почти двадцати лет от различных эвенков на территории от Оби до Охотского моря были собраны материалы, в значительной части не опубликованные, представляющие огромный интерес.

Сравнительный анализ фактов эвенкийского языка с фактами других языков Азии как близких, так и далеких заставил меня выйти из пределов Азии в Европу и привлечь ряд анализов, проведенных Миллером, Шахматовым, Веселовским, Марром и другими исследователями. В результате выделился глубинный языковый пласт, отразивший очень древние племенные языки, которые вошли в формирование большинства современных языков Азии и Европы и в том числе и в тунгусские.

Для анализа мы взяли ряд слов, выражающих первичные представления, которые не могли быть заимствованными, этноним *дян // чан* и из морфолого-синтаксических явлений — первичные местоименные и локативные корни. Здесь мы даем часть лексического материала, попутно приводя некоторые данные по этнониму *дян//чан*.

1. *дян//чан*[2]

Ту-Ма. Эвенки: *дяндри*~*дянды* (к западу и востоку от Енисея)—«иноязычный человек». Так называют всех соседей, кроме русских, а именно:

[1] Доложен на заседании Ленинградской группы Института этнографии АН СССР 19 марта 1943 г. в Ташкенте.

[2] По техническим причинам заднеязычный *н* обозначается знаками *нг*; заднеязычные *г*— знаком *г*; гортанные *к*, *х* — знаками *к*, *х*; долготы не указываются.

кетов (енисейских остяков), селькупов (остяко-самоедов), хантов (остяков) и маньси (вогулов); *чангит* (*чан-гит* + *-т*)—«враг», «бродяга», «бродяжничать», «нападать» (о людях), «охотиться» (за людьми, за человеческим мясом—фольклор); *джон-тэгэ* (баргузин.) — «народ», букв.: «народ» (бурятск. *джон*) + «народ» (эвенк. *тэгэ*); *-дя*: 1) суффикс деятеля: *ирэмэ+де* — «гость»; 2) суффикс процесса действия: *гун-де* — «говорить», *гун*-«сказать»; 3)суффикс увеличения: *дюн-дя* —«домище»; Удэ: *нган дугу* (Удэ:*нган* || Эвнк: *дян*; *нган+ду+гу*) — «иноязычный человек»; др. манджуры: *дзи*—«люди».

Мо. Монголы: *джон* — «народ»; буряты: *джон* — «люди».

Тю. Якуты: *джон*~*чон*—«племя»; *чагыт*—«отнимать смелость у противника»; *чӓнгӓі бӧгӧ* — предок родов, населяющих долину р. Амги. Ойроты: *джон* — «народ»; шорцы, хакассы: *чон* — «народ»; киргизы: *джан* — «душа», «живое существо», «человек», *джангчалдаш* — «ссориться»; узбеки: *джанг* «битва», «сражение»; *джон* — «душа». Чуваши: «*çын* — «человек».

Са. Ненцы: *нене-ца* — «люди»; енцы: *ене-т'ен* — «человек»; нганасаны: *нгана-сан* — «человек» (все одновременно — самоназвания).

Па. Северо-восточные — коряки: *тан-нгы-чӓт* — «враждовать»; чукчи: *тан-нгы-тан*—любой народ, кроме чукчей, *ча-'а-чет'*—*чаан*—племя (чувано-юкагиры); юкагиры *джи* ~ *чи* — «человек», Енисейские — кеты: *денгна* — «человек», *кангит* м. имя; котты: *чанг-* — «быть гостем», *чангит* — «гость».

Кит. Китайцы: *жен*~*-йин* — «человек», «люди» (λ — древнее начертание, обозначает идущего человека; древнекитайское: *н'з'іэн*; диалекты китайского яз.: *н'ианг*~*зэн*~*зэ*~*за*~*зо*~*д'зен*[1]) *джань*—«брань», «война», «драка», «борьба»; *дьляху* — «бродяга», *чан* — «бродяжничать»; *чань* — «рожать», «производить»; *жэн*, *жэнь* — «беременность», «забеременеть»; *чжи*, *чжи* — «мой друг» (при обращении), *джы*, *чжи*, *жун* — названия древних племен на западе Китая. Дунгане: *жын* — «человек».

И.-Е. Санскрит: *джана* — «человек»; *джан* — «рождаться», *джана*— «род», «племя», «люди», «народ»; урду и санскрит: *джӓт* — «рождение», «сын»; урду и хинди: *джӓт* — имя племени среди Rajputs; *джати* — «каста», «раса» «племя», «класс», «натура», «сорт»; *джан* — «человек» (индивидуально и коллективно), «личность»; *джанам* — «рождение», «жизнь», «существование»; урду: *джан*~*джи* — «жизнь», «душа», *джат* — «рождение», «каста»; *джанта* — «народ»; *чӓр-адми* — «люди»; *джӓт-пант* — «род», «племя»; *джуд* — «сражение», «битва», «война».

Армяне: *ценанел* — цен + ан = ел — «рождается».

Славяне: *чеҷ-до* > *ча-до*. Марр в этот ряд ставит слова: *человек*, *тело*.

Персы: *джан* — «душа», «жизнь», «энергия».

Яф. Грузины: *джен* — «рождаться».

Американские индейцы-чейены: *zes-tan* — «чейенец», «племя чейен»; хоканы: *tci*; кламаты: *tcaki* — «мальчик», «мужчина»; юки, ваппо: *tca'e*; атапаски: *ttsi*; хайда: *dja* — «женщина», «девочка»; тлинкиты: *сап* — «старый человек».

Н. Я. Марр в одной из своих работ отмечает двустороннее развитие семантики первичного значения «племя», а именно: тотемно-магическое: «бог», «господь»; социальное: «друг» - «хозяин» - (свое) п л е м я (чужое) - «гость», - «враг»; тотемно-магическое - «чорт». В той же работе он отмечает и значение родственников: «... два значения племенного названия, связанные с его использованием в смысле человека, именно «мужа» (мужчины)

[1] B. K a l g r e n n. Phonologie Chinoise. Archives d'études orientales. V. 15, p. 785, Upsala, 1924.

Равно «отроков», «детей», «сына», т. е. понятий, или, вернее, представлений, в досемейные эпохи стоявших вместе с «людьми» в теснейшей, органически (социально) неразрываемой связи с «племенем», когда «люди» конкретно это было «племя», «сын человеческий», «человек» это было «дитя племенное». [1]

Слово *дя* // *де* в ряде указанных языков также выражает родственные отношения:

Ту-Ма. Эвенки: *дя* —«кровный родственник», «товарищ» (обычно во мн. ч. — *дял*), *де* — «родня», «муж», «жена» (при обращении), «золовка» «товарищ»; солоны: *деде* — «ст. сестра»; эвены: *дял* — «товарищи»; удэ: *дя* — «кровный родственник»; ульчи, орочи: *де* — «товарищ»; нанаи: *деалахи* — «родственники, *деа* — «товарищ», «компаньон»; манджуры: *джалахи* — «двоюродный родственник» (*-дя* — суффикс деятеля: *ирэмэде* — «гость»; (*-дя* —суффикс процесса действия: *хавал-дя* «работать»; *-дя* — суффикс настоящего-будущего времени: *эмэ-де-м* — «иду», «приду»).

Мо. Монголы, халхасы: *джиге* > *дже* — «племянник»; *дй* — «дед»; дагуры: *дже* — «сын сестры»; широнголы: *дю*~*джу*~*ду* — «младший брат».

Яф. Грузины: *дзе* — «сын».

И-Е. Урду и хинди: *джай* — «дочь», «рожденный»; *джад* — «сын», «рожденный»; *джиджи* — «сестра»; урду и санскрит: *джат* — «сын», «рождение».

Славяне — русские: *дед*, *дядя*, *дитя*, *тятя*.

Кит. Китайцы: *джи*, *чжир* — «племянник», *де* — «старик»; *дзу* — «предок»; *дзя* — «семья»; *шын*, *шэнь* — «жена дяди», «жена младшего брата мужа»; *дзы*, *цзи* — «ребенок», «сын», «мальчик»; *дзян* — «предводитель»; *дзы*, *цзы* — «старшая сестра»; *ди* — «младший брат», «младшая сестра»; *дяцзя* — «семья», «фамилия», «род», «каста»; (*-джы*, *-чже* — суффикс деятеля; *дзян* показатель будущего времени, помещается перед сказуемым; *-чжо*, *-джо*, *-джау*, *-чжао* — суффикс несовершенности действия).

Не случайно в тунгусских и китайском языках суффикс *дя*~*джа*// *-джи*~*-чжи* — показатель деятеля, этот же суффикс в тунгусских языках, а в китайском — его фонетические варианты выражают одновременно процесс действия, т. е. отсутствие начала и конца — несовершенность, а в связи с этим, в дальнейшем развитии и будущее время. В основе всего лежит комплексное представление человека-деятеля и процесса действия.

Семантически близки к этому слову слова *нирэй*, *нирави*, *хуркэн*~*уркэн* и *хурил*, имеющие корни: *н*V*р*~*й*V*р* || *х*V*в*>V*р*.

Ту-Ма. Эвенки: *нирэй* — «новорожденный», *нирави*~*нерави* — «мужчина», *неручан* — «младший брат» (к северу от Нижней Тунгуски); *хуркэн*~*уркэн* — «юноша», «мальчик», *хурил* — «дети» (сыновья, дочки); онгкоры: *ниро беэ* — «мужчина» (букв: мужчина-человек), *уркекен ут* — «мальчик», «парень» (букв.: «мальчик-сын»), *урке* «слуга»; Солоны: *ниро* — «мужчина», *уккэхээ* — «мальчик»; *урэ* — «ребенок», *урил* — «дети»; эвены: *няри*— «мужчина», *хурил* — «дети», *хуркэн* — «мальчик»; удэ: *н'аула* — «подросток»; ульчи: *уса* — «семья», *пурул* — «дети»; *наудякан* — «парень», *пури-* — «рожать»; нанаи: *фури* ~ *пури* — «семья», *пурил* «дети»; *пури-* «рожать».

Мо. Монголы: *нирай* — «новорожденный», *уре* — «детище», «плод»; *ере* — «*мужчина*»; буряты: *урэ* — «зародыш», «плод», *уде*—«плодиться»; *ере* — «мужчина»; дагуры: *ур* — «дитя», «потомство»; халхасы: *уру* — «потомство».

---

[1] Н. Я. Марр. Русское «человек», абхазское а-оуэ̀, ДАН, 1926, стр. 81.

Тю. Якуты: *нираи* — «новорожденный», *ӓр* — «мужчина», *урута*- «породниться»; койбалы: *ир* — «мужчина», *ира* — «предок; уйгуры, джагатайцы, османы: *ер* — «мужчина», чуваши: *ар* — «мужчина».

Ф-У. Мадьяры: *ур* — «дед».

Па. Амурские — гиляки: *ер* — «отец».

Кит. Китайцы: *эр* ~ *ыар* — «сын», «мальчик», «ребенок»,

Яф. Грузины: *ер* — «народ», «войско»; абхазы: *ар* — «войско», «самец»; баски: *ар* — «самец», «мужчина».

Хетты. Хетты: *ир* — «раб», «человек».

Халдские клинообразные надписи Садура II на Ванской скале: *ир* — «отец», «мужчина», «войско», «самец».

И-Е. Армяне: *ару* — «самец» (*айр* — «муж», «мужчина»).

Марр сомневается в том, что армянское *айр* восходит к корню *хар* > *ар*, и считает это слово случайным созвучием. [1] Но в статье «Из Пиренейской Грузии» он оперирует им, как словом из этого же ряда. [2]

Нельзя не отметить более распространенный в эвенкийском языке вариант слова «дети» — *хутэл* (*ху*+*тэ*+*л*), также имеющий в корне *ху* < *хур*:

Ту-Ма. Эвенки: *хутэ*~*утэл* (*ху*+*тэ*+*л*) — «дети», «сыновья» и «дочери»; *хутэ*~*утэ* — «сын», «дочь», «внук», «внучка»; онгкоры: *уту*~*ут*; солоны: *утэ*; негидальцы: *хутэ*; орочи: *хита*; ороки: *пöттö*; удэ: *ситэ*; ульчи, нанаи: *пиктэ*.

Мо. Монголы: *кеўкед* — «дети»; халхасы: *хухет* «дети», *хӯ* — «сын», «мальчик», *хихэ* — «дочь».

Ф-У. Венгры: *фи* — «мальчик», «сын»; ханты: *пох* — «сын»; маньси: *пиг* — «сын»; коми: *пи*.

Па. Енисейские — кеты: *хуй* < *хуон* — «дочь», котты: *фун* — «дочь».

Корень *ху* ~ *у* прослеживается и в слове «дочь», «девушка» — *хунат*.

Ту-Ма. Эвенки: *хунат* ~ *унат* — «дочь», «девушка», негидальцы: *хонат* ~ *унат*; эвены: *хунади*; орочи: *хунади*; удэ: *хунади* «сестра»; нанаи, ульчи: *пуди* «девушка», «красавица» (в фольклоре).

Корень $xVн \parallel \frac{с}{ш} Vн \parallel \frac{т}{ч} Vн$ отмечается: 1) как самостоятельный этноним: *жун* — кочевые племена на севере Китая (XXIII в. до н. э. — IV в.), *жан* — в Сапчуане, *цян* — тангутские племена в районе Хуху-нора (VIII—VII в. до н. э.), *хун* > *ху* — кочевники западной Монголии: *хон* — на Северном Кавказе; *чан* (лазы) на Кавказе, так и в редупликации *жуань-жуань* > *жу-жань* — кочевники Монголии (III *в.*); *шань-шань* — кочевники к востоку от Памира (I в.); 2) как компонент этнонима, составляющий или первую, или вторую часть сложного слова.

Первую часть этнонима этот корень составляет в следующих словах: *хан* + *юн* ~ *хань* + *юй* (по легендам) > *хун* + *ну*, *дин*+*лин*, *сянь* + *би* — Центральная Азия (II в. до н. э. — VII в. до н. э.); *шу*+*меры* — Передняя Азия (XXX в. до н. э.); *чу*+*ва*+*ши* — современная Европа. Этот же корень отмечается первым компонентом в ряде топонимов Азии и Кавказа.

Вторую часть этнонима он составляет в следующих словах: *шань*+*жунь* (по легендам) *су*+*шень*, *му*+*жунь*, *у*+*хуань* > *у*+*хунь*, *у*+*суань* > у+сунь, *юе*+*джи* или *ку*+*шань*; *ки*+*дань*, *ки*+*тань* ~ *ки*+*тай*, *э*+*джи*, *у*+*дзи*, *нюй*+*джен* или *джур*+*джень*, *э*+*жен*, *тон*+*зи* — вся Центральная Азия от Тихого океана до Каспия, от древнейших периодов до XII в. Среди современных народов Сибири: *нене*+*ца*, *ене*+*тен*, *нгана*+ *сан* —

[1] Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент. Избранные работы, т. I, стр. 113.

[2] Н. Я. Марр. Из Пиренейской Грузии. Избранные работы, т. IV, стр. 21.

самоедские племена, *хатан-зей*, *молхон+зей* — родовые названия самоедов; *э+дян* или *э+ден* — родовое название среди эвенков (с XII в. по настоящее время), долган и эвенов. *О+дзя+л* и *у+з я+л* — родовые названия среди нанайцев, манджур; *э + джен+и* кунь, *э + джен + и* монгол, *у+цзен* — монгольские племена; *э+зер*, *э+джи* среди саянских тюрок.

Эвенкийские предания былинного характера, распространенные на той же территории, где сейчас встречается родовое название *э+дян* (бассейн Охотского моря), значительно отразили скрещение разных иноплеменных, а может быть и иноязычных народов.

Богатыри — пешие охотники — ходят с запада на восток, в дальние страны; желание посмотреть эти страны у них рождается в ранней юности. Они идут на восток не только для знакомства с новыми местами, не только потому, что «как же силач-богатырь на одном месте состарится», а также чтобы найти противника, равного по силе и ловкости, и на нем испробовать свои силы. Они проходят много водоразделов, идут в течение 1—3 лет, идут до тех пор, пока не наткнутся на необыкновенного вида жилье, подземное или полуподземное, построенное над ямой из бревен или костей морских животных с выходом через дымовое отверстие. Противник, с которым эвенкийский богатырь обычно вступает в единоборство, внешним видом и физически резко отличается от него. Борьба обычно кончается победой лесного пешего охотника. Вслед за победой он берет себе в жены сестру противника, иногда и верхового оленя, и возвращается домой. Здесь он тогда строит себе такую же землянку, в какой жил у жены. Получив прирученного оленя, он становится оленеводом-охотником.

Возможно, в такого рода былинах отразилось скрещение племен *Э* с племенами *дян* или *ден*, что дало в результате новое название *эден*, ставшее в наше время родовым названием.

В эвенкийских словах мы имеем два варианта этого корня: *дян* в слове *дян+дри* — «иноязычный человек» (кеты, селькупы, ханты, маньси) и *чан* в слове *чангит* (*чан+ги+т*) «враг», «людоед». Первое распространено среди эвенков, живущих между Обью и Енисеем, второе — среди всех остальных.

Отсутствие значения «враг» на западе позволяет предполагать более близкие связи предков эвенков с *дян*'ами. С другой стороны, представления о врагах — *чангит*'ах не только широко отражены в фольклоре всех эвенков, как о племенах более сильных, чем эвенки, и людоедах, но и настолько живы в памяти эвенков, что они верят в их существование. Так, в 1925 г. на истоках Подкаменной Тунгуски, в 1929 г. на притоках Олекмы были случаи, когда эвенки снимались с места, чтобы перекочевать на другое место, только потому, что *чангиты* подходили ночью к стойбищу и бросались сучьями в юрту. Рассказы о таких случаях приходилось мне слышать в 1936 г. на притоках Чуни (система Подкаменной Тунгуски), а в 1931 г. на одном из верхних притоков Нижней Тунгуски один старик уверял меня, что сам в молодости встретил *чангит*'а. «Это такой же человек, как и эвенки, но язык другой. У них нет ни оленей, ни хозяйства. Они бродят по тайге. Берут с эвенкийских лабазов муку, одежду, иногда убивают оленей. Мужчины их ходят по тайге, женщины с детьми живут около болот».

Аналогичный рассказ мне пришлось услышать в 1932 г. от зейских эвенков, воспитанников Института народов Севера. Во всех рассказах исторические *чангит'ы* фигурируют как людоеды, охотящиеся за эвенками. Страх перед *чангит*'ами заставил наделить последних всякими сверхъестественными качествами.

Столкновения предков эвенков с *чангит*'ами в ряде случаев приводили к захвату женщин, которые позже становились женами и давали смешанное потомство, причем метисы хотя и продолжали оставаться по матери эвенками, но были людоедами. В фольклоре всех эвенков от Енисея на восток эвенки делятся на две группы: «люди» и «людоеды» (*илэ-тыл*, *бэе-тыл*, *деп-ты-гир*). Связь между нелюдоедами и людоедами была. Это были как бы две группы племени — две фратрии, которые меняли друг у друга женщин, причем в рассказах отмечается, что людоеды обменивают свою девушку на девушку нелюдоедов с тем, чтобы ее через некоторое время принести в жертву, которую требуют шаманы, и съесть. Обмен производят братья девушки. Девушка, обычно жена одного из мужчин людоедов, чаще всего узнает об этом от детей и убегает. Тогда после неудачных поисков людоеды убивают свою женщину.[1]

В этих рассказах название *чангит* и *илэты* — «людоед» часто подменяют одно другое. В связи с тем, что *чангит*'ы жили около болот и топей, которые в эвенкийском звучит *булэ*, а также с тем, что слово «враг» — *булэн*, их иногда называют *булэ-сэл* (мн. ч.). Таким образом, в рассказах эти три названия заменяют одно другое. Если в рассказах о *чангит*'ах в основном фигурируют их нападения на эвенков с целью добычи человеческого мяса, то в рассказах о людоедах фигурирует, в основном, обмен девушками. Все эти рассказы говорят о том, что от предков тунгусов и *чангит*'ов было скрещенное потомство, что *чангит*'ы вошли в формирование современных эвенков.

Если *дян* сохранилось ближе к окраинам современной территории эвенков, а в середине мы имеем *чан*, сохранившееся в представлениях до настоящего времени, то можно предполагать бо́льшую древность первого варианта.

Скрещение основы *э* с основой *дян* на тунгусо-манджурской почве, основ *не*, *ене*, и *нгана-* с основами *цан*, *т'ен*, *сан* на самоедской почве и в былинах эвенков позволяет говорить, что при скрещении двух разноязычных племен более активное начало давало в этнониме первый компонент (корень в языке аглютинативного типа), пассивная основа — давала второй компонент (суффикс).

Если этот факт наблюдается в современных этнонимах народов Сибири, то такая же закономерность могла быть и в глубокой древности Азии и Европы, подобно указанию в VII в. на образование нового названия рода Сеяньто после того, как род Се «покорил» род Яньто.[2] То, что мы встречаем этот этноним в простом виде (*жан*, *жун*, *цян*, *ди*) в легендарных сообщениях китайских источников, а в позднейших записях в виде компонента этнонимов, — не противоречит высказанному положению.

Этнонимы могли сохраняться при исчезновении языка племени, носившего это название. Это отметил и Бартольд: «Языком государства, образованного монголами к западу от Монголии, постепенно сделался турецкий. Последствием монгольского происхождения династий было образование турецких родов, племен и народностей с монгольскими названиями».[3]

Широкое распространение этого этнонима на территории Европы и Азии, а также не меньшее распространение этого корня в значении «человек» и семантических производных говорит, во-первых, о глубокой древности существования племен, носивших разные фонетические варианты

[1] См. Материалы по эвенкийскому фольклору. Л., 1936, стр. 76—81.

[2] Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851, ч. I, стр. 426.

[3] В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 17.

этого названия, во-вторых, о том, что эти племена, представляя собою некий субстрат, вошли в формирование большинства современных народов Азии и Европы. В южной части Азии это, вероятно, относится к наиболее древним периодам (если шумерские памятники относятся к III тысячелетию до н. э., то это еще дальше), в центральной части — несколько позже (китайские легенды отмечают существование уже скрещенных этнонимов *шань-жун*, *хун-юн* и *хунь-юй* в XXIV и XXIII вв. до н. э.), и в наиболее поздние периоды это происходило в северной части Азии.

2. *к Vл ~ х Vл (~ ал) ~ с Vл.*

а) Халан

Ту-Ма. Эвенки: *халан* — «два дерева, растущие из одного корня», «ответвление», «вилы», «род»; онгкоры: *хала* — «фамилия»; солоны: *хала* — «семья», негидальцы: *хала* — «род»; орочи: *хала* — «род», *халадя* — «сородичи»; удэ: *хала* — «развилка», «четыре основных жерди шалаша»; ороки: *хала* — «род», «страна»; нанаи, ульчи: *хала* — «род», «фамилия», *пала* — «вилы»; манджуры: *хала* — «род», «семейство», «поколение».

Мо. Монголы: *хала* — «род»; буряты: *халаа* — «отросток», «ответвление».

Тю. Карагассы: *халан* — «калым»; башкиры, азербайджанцы, туркмены: *халк*;[1] алтайцы: *калык*; чуваши: *халык* — «народ».

Ни. Амурские гиляки: *халы ~ к:хал* — «род», «сородичи»; Енисейские — котты: *халани* — «знак».

Ф-У. Удмурты: *калык* — «народ», мари: ~ *калык ~ халаг ~ халыг* — «народ».

И-Е. Санскрит: *кула* — «род», «семья», «*поколение*». Русские: *колено*, *поколение*.

Литовцы: *келтис*, *килтис* — «род».

Яф. Грузины: *халхи* — «народ» (*колхис → Колхида*).

Сем. Арабск. *хелеп*, *халп* — «род», «бо́льшая или меньшая часть народа»; *халк* — «народ».

б) Кэлумэ

Ту-Ма. Эвенки: *кэлумэ* — «прислужник», «слуга»; эвены: *кэлэмэ* — «слуга».

Мо. Др.-монголы: *кölесӱчи* — «работник».

Тю. Османы: *кölämän*, — «невольник из черкесов, воспитанный как воин»; алтайцы: *кул* — «раб», «слуга».

в) Алан

Ту-Ма. Эвенки: *алан* — «вильчатая палка»; *ала(н) нга* — «лук»; орочи: *аларна* — «лук»; удэ: *аланга* — «древко лука».

Тю. Шорцы: *алар* — «лук».

г) Салга

Ту-Ма. Эвенки: *салга* — «раздвоение двух пальцев» (*салгат-т* — суффикс двойственного числа), «промежность»; онгкоры: *салга*; удэ: *сага* — «промежность»; ульчи: *алдан* — «промежность»; манджуры: *салджа* — «распутье», «перекрест».

Тю. Алтайцы, телеуты, лебединцы, шорцы, сагайцы, койбалы, качинцы, киргизы: *сала* — «промежуток между пальцами», «угол».

---

[1] *Халк* принято считать заимствованным из персидского.

3. *Vр~кVр~хVр~нVр || гVл~кVл~хVл~ПVл*

а) Гара, кар

Ту-Ма. Эвенки: *гара* — «сук», *кар~кара* — «локтевая кость», «прут», «корень черемухи» (для шитья лодок-берестянок); онгкоры: *гар~гаргаи*; солоны: *гар~гара*; негидальцы: *гая*; эвены: *гар* — «сук»; удэ, орочи: *га* — «*сук*»; ульчи: *гара* — «уключина»; нанаи: *гара* — «сук»; манджуры: *гарген* — «ветвь», *гарла* — «ломать»; джурджени: *hah-rh'* — «ветвь».

Мо. Монголы: *гара~гар*; калмыки, буряты: *гар* — «рука».

Тю. Тарачинцы, телеуты, алтайцы, лебединцы, уйгуры: *кары* — «рука»; джагатайцы: *карак~кар~кару~кари* — «рука»; киргизы: *кар* — верхняя часть руки; якуты: *хара~хары* — «предплечье».

Ф-У. Мадьяры: *кар* — «предплечье», венгры: *кёз* — «рука»; ханты: *кет*; маньси: *кät* — «рука»; коми, удмурты: *кыры*.

Кит. Китайцы: *гыэ, гэ~кыэ, кэ* — «ветвь», «топорище».

И-Е. Санскрит: *кара* — «рука», «хобот»;-*кара* — «образующий», «делающий»; урду: *гора* — «нога», «ступня», «колено»; урду и хинди: *кар*— «рука». Греки: *хеир* — «рука» (←*qer-i* по Марру).

Сюда же:

Ту-Ма. Эвенки: *хураки* — «крыло», «перо», «ость крыла»; эвены: *хурики* — «предплечье».

Са. Енцы: *ура* — «рука».

б) Колто

Ту-Ма. Эвенки: *колто~холто~солто* — «кулак»; «бить», «раскалывать» (кулаком).

Тю. Османы, джагатайцы, уйгуры, койбалы, карагасы, сагайцы, шорцы, лебединцы, алтайцы, киргизы, казахи: *кол*; чуваши: *кол~кул* — «рука», «крыло».

И-Е. Русские: *кол, колоть, колено, голень, кулак*. Литовцы: *култи*— «молотить», *калти* — «бить», «ковать».

Яф. Удинцы: *кул* — «рука»; грузины: *хели* — «рука».

Академик Шахматов относит финское *калпа* — «скобель», «меч», «шпага» к заимствованиям из кельтского* kalgo,*kolgo (ирландское colg, calg — «меч»), приводя при этом финские слова: *калпиа, калвин* — «скоблить»; *колвата* — «колотить», «бить».[1]

в) Нгалэ

Ту-Ма. Эвенки: *нгалэ~галэ* — «рука»; онгкоры: *нала*, солоны: *нала~нали*; негидальцы: *нгалэ*; эвены: *нгал*; ульчи, удэ, орочи, ороки, нанаи: *нгала*; манджуры: *гала~кала*; джурджени: *hāh-[kā]-lāh* — «рука».

г) Ханнга

Ту-Ма. Эвенки: *ханнга~аннга* — «кисть руки», «ладонь», «держать»; онгкоры: *алг* — «ладонь»; солоны: *нални алга* — «ладонь» (букв. «руки кисть»); негидальцы: *ханнга~аннга*; эвены: *ханнга*; орочи: *ханга*; удэ: *хан'а*; ульчи: *паня*; нанаи: *пайга*; манджуры: *фалангу*.

Мо. Монголы: *алаган~алага~халакан* (XIV в.); буряты: *альга(н)*; калмыки: *альхн*—«ладонь»; тангуты Хара-Хото (1190 г.): *па* «кисть руки».

[1] А. А. Шахматов. К вопросу о финно-кельтских и финно-славянских отношениях. Известия Академии Наук. СПб., 1911, I—II, стр. 803.

Тю. Алтайцы: *алакан* — «рука»; чуваши: *ала* — «рука».
Са. Нганасаны: *фе*~*фео*~*феан*; камасинцы: *пхенг* — «рука».
Па. Енисейские котты: *хангка* — «кулак».
В связи с этим стоит слово: *али*.

Ту-Ма. Эвенки: *али-* — «подставить» (руку); солоны: *али-* — «принять»; эвены: *алут-* — «подставить» (ладонь); ульчи: *алу-* — «дать» (протянуть руку); нанаи: *ало-* — «передать»; *алеча-* — «подставлять» (посуду); манджуры: *али-* — «принимать», *алику* — «поднос».

Мо. Монголы: *алиган* — «ладонь».

Тю. Телеуты, алтайцы, лебединцы, шорцы, сагайцы, койбалы, киргизы: *алым* — «подать», «долги», «взятие»; киргизы: *алыш-* — «хватать друг друга», «драться», «брать» (друг от друга); карагасы, сойоты, койбалы: *алер* — «взять».

д) Халган

Ту-Ма. Эвенки, негидальцы: *халган*~*алган* — «нога»; онгкоры: *алган* — «подошва»; эвены: *халган* — «нога», «подошва»; ульчи: *халга* — «нога», *паидян* — «ступня»; нанаи: *палга* ~ *палган* — «нога», «ступня»; манджуры: *фаланггу* — «рука», *фатан* — «подошва».

Мо. Монголы: *алху-*; халхассы: *алха-*; буряты: *алха-* — «шагать»; калмыки: *ал'хан*; буряты: *хул* ~ *алхо* — «ладонь».

Ю. Чуваши: *ала* ~ *ал* «ладонь».

Не случайно корень *хан*// *хал* ~*ал*// *гал* ~ *нгал*//*гар* ~ *кар* в одной и той же группе языков выражает то «руку» (или часть ее), то «ногу». Марр при анализе терминов, связанных с «рукой» и «ногой», пишет... «Однако, поразительная вещь, что «нога» и «рука», оказалось, первично обозначались одним и тем же словом. В грузинском один слой его состава выявляет, что gan (gar) означало одновременно и «руку» и «ногу», впоследствии «ноги» стали отличать добавлением *d*, пережитка слова *da* «низ» — *dgan* «нога» буквально «нижняя рука», отсюда сейчас *gan* «сторона» (от «руки») и народное *dgan-a* «стоит» (от ноги). В абхазском созвучие *a-ga-ra* «брать» и *agela-ra* «стоять». «Брать» от «руки» и основа именно *ga* представляет усеченный вид *gal*, означавшего, как сейчас увидим, «руку», но он же означал и «ногу». Что касается *gal*, он имеет глухого двойника в армянском со значением «держать», но подлинное аффрикатное произношение, подлинно яфетическое — *ǧal* от *ǧal* «рука» у мегрелов... в его шипящей разновидности с губной огласовкой *ǧur* в берберском воспринимается в смысле русского предлога «у», следовательно «рука»... С утратой аффрикативности *ǧal*→*qal* означало «ногу»... Факт непререкаемый, что термин существовал еще в третичный период в языках яфетического круга, да и раньше...» «Почему общность названия у «рук» с «ногами»? — ставит Марр вопрос и тут же отвечает: «Первично «ноги» и «руки» оценивались по функции, по функции магического действия, которое производилось ими в пляске, пении и игре». [1]

Нам кажется, что общность у корня «рука» и «нога» и всех производных значений, так же как и разобранные нами значения первичных местоименных корней *мин*~*бин* и $\frac{m}{c}$ *ин* (я—не я), объясняется наследием языка жестов; для понятия «рука» и «нога», которые когда-то выполняли один и те же функции, был один жест, поэтому в звуковой речи это стало обозначаться одним словом, легшим на дальнейших ступенях развития языков Евразии в основу не только значений «рука» и «нога», но и сотни производных.

[1] Н. Я. Марр. Постановка учения об языке в мировом масштабе. Избранные работы, т. II, стр. 64—65.

е) Халка

Ту-Ма. *халка~алка~алука* — «молот», «кувалда», «расплющивать», «кузнец»; солоны: *алха*; негидальцы: *халка~алка*; эвены: *халка*; орочи, удэ: *халуга*; ульчи, нанаи: *палоан~палуан*; манджуры: *алка ~ фолхо* — «молоток», *калка* — «щит», «оплот».

Мо. Монголы: *алка~алуга~алука*; буряты: *алка~алха*; калмыки: *алха* — «молот»; монголы: *хагалдаг* — «топор» (колун), *халха* — «оплот».

Тю. Алтайцы: *алка~алака* — «молоток»; уйгуры: *палту* — «топор»; сойоты, карагасы: *алага* — «молот».

Ф-У. Финны: *палья* — «дубина»; ханты: *пола* — «большой нож»; мордва: *пейел* — «нож», финны: *палья* — «дубина».

Са. Селькупы: *салы* — «молот», *фалли* — «меч»; юраки: *палы* — «дубина».

И-Е. Русские: *палка*, *палица*; *пальма* (сибирские говоры — длинный нож на длинной палке заменяет в тайге топор и рогатину).

Шумеры. Шумеры: *пал* — «меч».

Сюда же тяготеют слова *пурта и балта*.

Ту-Ма. Эвенки: *пурта* — «нож»; *пуру-* «сверлить».

Ф-У. Мадьяры: *барт* — «меч»; финны: *пуко*; эсты: *пус*; коми, удмурты: *пурт* — «нож», «меч», «кинжал».

Тю. Чуваши: *порда~пурдэ~пуртти* — «топор».

Са. Ненцы: *хар* — «нож», *паррэ* — «сверло»; селькупы: *пур* — «сверло».

Академик Шахматов в вышеуказанной работе относит финское слово *пурт* к заимствованиям из скифо-сарматских языков, и сравнивает это слово с осетинским *фарат фäрäт* «нож». [1]

Н. Я. Марр нашел слово *purdэ* «топор» (← **pur-/tun*) не только в шумерском, а во всем «афревразийском мире» . . . «которое, как нам известно из палеонтологии речи, представляет составной термин, по скрещенным в нем племенным словам — и+беро+ион или шу+меро+чан, в архетипе, скрещенном с колебанием в племенной огласовке, и **por-tan* // **por-ten* со значением «железа», разновидность баскского *bur-din* «железо» и сванского *bere-j* (из ** bere-jen*) «железо». [2]

ж) Балта

Ту-Ма. Эвенки: *балта* — «молоток».

Мо. Монголы, буряты, калмыки: *балта* — «кувалда».

Тю. Якуты: *балта* — «большой кузнечный молот»; тюрки XIV в.: *балту* — «топор»; османы, азербайджанцы, татары, кара-казахи, джагатайцы: *балта*; койбалы: *балта*; карагасы: *балте* — «топор». Узбеки: *болта* — «топор», *болга* — «молот».

Са. Енцы: *балту ~ балте* — «топор».

Па. Енисейские — котты: *балту* — «топор».

Ф-У. Мадьяры: *балта* — «топор», *паллоги* — «меч».

Эти оба слова (пур-та и бал-та) Марр относит к разным группам по огласовке. Он соглашается с Якобием, что «это слово очень древнее, несомненно тюркское», но турками оно унаследовано от яфетидов, а о распространении его можно говорить лишь зная его основу *pur* (← **por*) // *bal* и т. п., «трехсогласную» ее разновидность, наличную в индоевропейских языках, между прочим в русских...» [3]

Корень *пур ~ пор* встречается в широко распространенном слове то+пор то+бар, поэтому некоторый интерес представляет корень *топ~тоб*.

---

[1] А. А. Шахматов, Цит. сочинение, стр. 795.
[2] Н. Я. Марр. Отчет о поездке к вост.-европ. яфетидам. Избр. раб., т. V, стр. 277—278.
[3] Там же, стр. 378.

Ту-Ма. Эвенки: *тэпэ* «наконечник стрелы» (каменный) «пробить насквозь», *тэпу-*(< *тэпэ+ву*) — «бить», «ломать», «ссориться»; *тэпты-* — «бить» (о ружье); орочи: *тотте* — «стрела»; ульчи, нанаи: *тэпу-тэпу* — «лопаясь» (на), «мягко вдавливаясь» (*у*).

Тю. Якуты: *таптаи-*; крымские татары: *тöпäлä-* — «бить по голове»; азербайджанцы: *табар*~*тäбäр* — «топор»; чуваши: *табнасс*— «нападать».

Ф-У. Финны: *тапутта-* ~ *таппара-* — «колотить»; карелы: *тапелла-* — «убивать»; эсты: *таппер* — «секира»; мадьяры: *топор* — «топор».

Са. Нганасаны: *табака*; ненцы (юраки): *тубка*; кушвинские: *тубка*— «топор».

И-Е. Славяне: *топор*.

Ир. Персы: *табар* — «топор»; курды: *тафар*. Таты: *тевер* — «топор».

Это позволяет видеть в «топоре» — скрещенное слово из $mV+nVp$, оба корня с одним и тем же значением — режущего и рубящего орудия.

4. mVp~$чVp$~$кVp$~$гVp$.

Ту-Ма. Эвенки: *чорама* — «полуподземное жилище с выходом в дымовое отверстие» (фольклор); эвены: *чора* — нижняя вертикальная часть остова юрты коряцко-чукотского типа, *чорами* — мужской оленный посох (для верховой езды); ороки: *каура* — подобие летника; нанаи: *серома* — землянка со срубом внизу; *чоро* — шалашик, крытый соломой (временный на охоте); манджуры: *кэрэму* — «крепостная стена с зубцами», «бойницы», «вал».

Мо. Калмыки: *хора* — «комната» (у монголов: *еруке* — «дымовое отверстие», пережиток подземного жилища, срав. эвенкийское *уркэ* — «дверь»).

Тю. Якуты: *чуора* — верхнее дымовое отверстие юрты; киргизы: *сары*, *короо* — место, в котором долгое время пребывал аул, *короо* — овечий загон из камня.

Са. Селькупы: *карамо* — «землянка» (фольклор); нганасаны: *кору*— «жилище».

Па. Северо-восточные чукчи: *яранга* — «юрта», коряки: *лянга*~*раранга*~*чаранга* — «юрта».

И—Е. Санскрит: *шала*~*шарама* — «дом», *суранго* — «подземный ход»; урду: *гарha* — «яма», «выбоина», «отверстие», *гарh* — «замок», «крепость».

Русские: *хорома*, *шалаш*.

Кит. Китайцы: *се* — «терем»; *чын*, *чэн* — «городская стена», «город»; *чань* — «усадьба», «жилье».

Академик Шахматов также относит финно-угорские: *карта* — «двор» (коми), *карта*, *карт* — «двор» (ханты, манси); *кардас* — «двор» (мордва) и *керт* — «загороженное место», «сад» (мадьяры) к словам иранского происхождения, сопоставляя их с литовским *гардас* — «загороженное место» и осетинским *к'арт* (кäрт) — «двор».[1] Слова, имеющие в корне *кар* в одном из указанных значений, анализируются и Н. Я. Марром в нескольких работах. Так, он отмечает:.. «ведь многочисленные разновидности названия «город» с севера на кавказский юг и далее, как-то «город», «град», kert, karka, kalaq, karϑa и др., сводящиеся к трем архетипам *karta, *korto, *kerte, — это детище трех группировок одной социальной массы, колхской или сколотской, т. е. скифской. Перечисленные разновидности названия «города», все двухэлементные, им предшествовал одноэлементный kar «город», сохраненный приволжским финским миром, но kar значил и поныне значит у яфетитов «дверь», «двор»(г. kar), будет ли это земле-

[1] А. А. Шахматов. Цит. сочинение.

дельческий, даже усадебный «двор» или «постоялый двор».[1] В работе «Стадия мышления» Марр указывает: «город» у грузин qalaq, у армян qa!aq, у сирийцев karka, у финнов, коми, удмуртов одноэлементное kar, у марийцев двухэлементное ala/qala//ola, а также «у индо-европейцев, русское «град», «город», армянское kert... да и в иранских и т. д.» (в персидском *керт* — «город»).[2]

В работе «Абхазоведение и абхазы»[3] Марр отмечает широкое использование акающей формы того же корня — *кар* на севере у финнов Поволжья и на юге (Кавказ, Сирия, Африка и т. д.) «... как название то «города», то «села». Экающую разновидность Марр видит в словах ker—ket (отсюда «черкес»), равно Керчь (← *kerθem). Сюда же он относит корень *her//er и *hir//ir, входящий в состав яфетических слов: грузинское *ер-д* (← *her-don) — «кровля», армянское ерд (← *her-dor) — «крыша», «дом», баскское *ир-и - хир-и* — «город», «вокруг», шумерское *ер* — «кровля», «крыша», «дымовое отверстие».[4]

С этим же корнем связано слово *куре*.

Ту-Ма. Эвенки: *куре* — «изгородь», «загон», «двор», «огород»; солоны: *хэрэм*; эвены: *куре*; орочи: *куелапты* — «навес» для сушки юколы; ульчи: *кӧрӧ*~*кури* — «забор, «стойло»; манджуры: *курэн* — «двор для скота».

Мо. Монголы: *керем*<*кӯрегем* — «ограда», «монастырь», «двор», «стан», «городская стена», «кремль»; халхасы: *хуре* — «ограда», «монастырь»; буряты: *хорёо*~*хуреэ* — «городьба», «изгородь».

Тю. Якуты: *кӯлӓ* — «сени», «притвор», *кӯрӯӓ* — «огороженное место»; алтайцы, телеуты: *кӓрӓтӓ* — «решетка»; телеуты, лебединцы: *кӯрӓнтик*— «загороженное место;» шорцы: *кӯрӓндик* — «двор»; джагатайцы: *кӯрен* — «становище»; киргизы, татары, джагатайцы: *корган* — «укрепление»; узбеки: *кура* — «изгородь», «двор», «загон»; в VII—V в. до н. э. *курганча* в Хорезме — укрепленное жилище земледельца большесемейной общины.

Ф-У. Ханты: *корт*~*курт* «жилище»; *хар* «место»; коми: *горт* «город», *кар* «дом», *керка*~*керку* «комната»; удмурты: *гурт* «деревня», *кар* «город», *корка* «комната».

И-Е. Урду: *кила* — «крепость». Латиняне: *cohors*~*cors* — «загон», огороженное место, *cohortis* (когорты) в римской армии считались по дворам. У Овидия *kohors* — «птичий двор». Средневековая латынь: *curtis*— «поселение», «крепость», «город». Отсюда: Liencourt, Manii curtis, Albini curtis. В дальнейшем развитии семантики это дало: «царское жилище», «палата», «дворец». Английское *court*, французское *cour*, итальянское *corte*,[5] русское: *кремль*, украинское: *курень*.

5. *cVp*~*xVp*>*Vp*~*kVp*.

а) Орон, корбо

Ту-Ма. Эвенки, эвены, ульчи, нанаи: *орон* — «олень» (домашн.); эвенки: *корбо* — «олень»-«бык»; негидальцы: *оён*; орочи: *ола*~*ула*; ороки: *ула*; удэ: *оро*; манджуры *орон бугу* (букв. «олень домашний» — *орон* «олень дикий» — бугу).

Мо. Буряты: *оро*~*орон* — «олень»; *кӯрӗ* — «дикая коза».

---

[1] Н. Я. Марр. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Избранные работы, т. III, стр. 168.

[2] Н. Я. Марр. Стадия мышления при возникновении глагола «быть». Избранные работы, т. III, стр. 87.

[3] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 164.

[4] Переж. «небо» + «вода» из шумерск.— Там же, т.II, стр. 152—153.

[5] М. Миллер. Наука о языке. 1868, стр. 241—242.

Тю. Якуты: *хорон* — «олень» (двухлетний); койбалы, сойоты: *кой*; карагасы: *хой* — «овца».

Са. Селькупы: *коры* — «олень», ненцы: *хорра~хори'э* — «олень» (самец); нганасаны: *куру* — «олень»; енцы: *куна* — «олень».

Ф-У. Финны: *поро* — «олень»; ханты: *хор*—«самец»; маньси: *кар~хар* «пороз»; «жеребец».

Па. Северо-восточные чукчи: — *-гор*, *корангы* — «олень»; енисейские — котты: *коя* — «олень»; эскимосы: *кои-нгик* — «олень».

б) Сиру

Ту-Ма. Эвенки: *хиру~сиру~ширу* — «олень» (самец); ороки: *хиру~сиру* — «дикий олень»; орочи: *ию~илу*; нанаи: *хиру~сиру* «дикий олень»; манджуры: *ирэн*.

Мо. Монголы: *шир~шар* — «кладеный бык»; буряты: *сар*.

Тю. Сойоты: *шар*; карагасы: *т'ара* — «бык»

Ф-У. Маньси: *сер* — «корова»; лопари: *сарва~сарвас* — «олень»; финны: *хирви* — «лось»; *сервас* — «олень»; *хирвас* — «олень» (трехлетний); *сарви* — «рог»; эсты: *сарв*; лопари: *чоарвве* — «рог».

Па. Енисейские — котты: *сейр* — «олень».

Яф. Грузины: *кар* — «бык».

Академик Шахматов относит финские слова: *сарви* — «рог» (финны), *сарв* (эсты), *чоарвве* (лопари); *суро* (мордва); *сур* (удмурты); *сцару~сцарв* «рог» (мадьяры) —к словам арийского происхождения, сопоставляя их со словами Авесты *срвā* —«рог» и древнеперсидским *сарӯ~сурӯ* — «рог»,[1] а слова *тарвас* «крупный зверь» (из Калевваллы) *тарвас* — «тур» (эсты) — к заимствованиям из кельтского, сопоставляя с кельтским *tarvos «бык» (галльское tarvos, ирландское tarch, кимкрское: tarw, бретонское tarv~tarf).[2]

Н. Я. Марр в рассмотрении названий «верблюда» (первый слог вер→вель, ол- || ул) добавляет слова, обозначающие «олень»: «... в славянских сал-ионское русс. «ол-ень» старо-славянское «ел-ень» (арм. el+эn), в романских языках сал-берское лат. «cer-vus», основа чер-ву (франц. cer-f, испанское «cier-vo» и итальянское чер-во, представляющее диалектические разновидности основы лат. cer-vu-s = ϑer-vu, оба восходящие к архетипу *ϑer-vor с многочисленными связями в мире рогатого скота и самих рогов)».[3]

В связи с этими словами любопытно сопоставить слова *бугу* и *бука*.

в) Бугу

Ту-Ма. Эвенки: *бугу~бугэ~бэгэ* — «изюбрь», *бука* — «бык» (крупный рогатый скот); солоны: *бого* — «изюбрь», *буха* — «бык»; орочи: *боча~буча*; ульчи, нанаи: *бочан~бучан* — «изюбрь»; манджуры: *буга* — «изюбрь», *буха*—«зверь» (копытный), «баран» (самец); джурджени: *puh-ku* — «изюбрь».

Мо. Монголы: *бугу~буга* — «олень», «изюбрь»; *буха~буку* — «вол», «бык»; буряты: *бугу*; калмыки: *буг* — «изюбрь», «марал»; *бух* — «бык».

Тю. Киргизы, джагатайцы: *бугу* — «олень», «лось» (самец); карагасы: *буха* — «бык»; алтайцы: *бука* — «бык»; якуты: *буга* — «бык» (племенной); узбеки: *бука* — «бык»; древние тюрки: *бука~букалы* — «бык»; сойоты, урянхайцы: *пуга* — «бык»; койбалы: *буга* — «бык».

---

[1] А. А. Шахматов. Цит. соч., стр. 794.
[2] Там же, стр. 806.
[3] Н. Я. Марр. Средства передвижения. Избранные работы, т. III, стр. 137.

Ф—У. Лопари: *боако~бокку* «олень», мари: *пӱчио*; удмурты: *пужей* — «олень»; мадьяры: *бика*; мордва: *бука* — «бык».

На. Амурские — гиляки: *буча* — «олень»; енисейские — котты: *бога* — «бык».

И—Е. Русские: *бык*; украинцы: *бугай* — «бык».

Академик Шахматов в вышеуказанной работе финское *пукки* — «козел» относит к заимствованиям из германского, сопоставляя это слово с древнесеверогерманским bukkv.[1]

Н. Я. Марр в работе «Средства передвижения» увязывает слова, выражающие понятия «олень», с повозкой, на которой производилось передвижение. «Если первыми животными передвижения были действительно олени, естественно, первыми телегами не могли не быть сани, дровни и т. п., и, как по мере появления новых животных передвижения, названия передавались от старых к новым, так названия первых телег, саней, не могли не передаваться новым, независимо от их устройства. Названия закреплялись по функции нарекаемого и, следовательно, не только сани, но и названия повозок, если они доисторические, обязательно должны и действительно могут найти свое происхождение в обстановке оленьих эпох, опять-таки по преемственности назначения, по функции, т. е. доисторические названия повозки, в те эпохи неразрывно связанной с оленями, должны носить их названия».[2]

В дополнение к словам, приводимым Марром, можно отметить, что корень cVp~тVp~тʼVp~чVp//тVл в урало-алтайских языках также входит в слова, обозначающие «повозку» (нарта, сани, телега), а именно:

Ту-Ма. Эвенки: *толгоки* — «нарта», *сирга~терга~тырган* — «сани» (розвальни), «телега»; онгкоры: *терген* — «телега»; солоны: *ширгол* — «салазки»; негидальцы: *толгоки* — «нарта»; эвены: *турки* — «нарта»; орочи: *тукки*; удэ: *тухи* — «нарта», *чэ* — «телега»; ульчи: *тучи*; нанаи: *токи* — «нарта»; манджуры: *шэргэ* — нарта», *тэргэ* «телега».

Мо. Монголы: *чирга~терган* «телега», *чарга~чирга* «сани»; буряты: *тэргэ~тэрэгэ* — «телега», «сани».

Тю. Якуты: *сыарга~сырга* «сани»; койбалы: *шарга~чарга* — «сани»; урянхайцы: *тʼак* — «сани».

Ф-У. Лопари: *трега* — «телега»; мари: *тер* — «телега»; ханты: *тох*— «сани»; маньси: *тох ~ тоут ~ таут* «лыжа».

Са. Кушвинские: *терахан* — «нарта»; селькупы: *толдж* — «лыжи».

На. Амурские — гиляки: *ту* «нарта».

Только слово *толдж* в значении «лыжи» (селькупы) относит первичный способ передвижения к лыжам, который мог быть и до использования оленя под сани и мог существовать первоначально параллельно с верховой ездой на олене, что мы имели недавно у эвенков, не знавших санной езды на оленях.

6. *Качикан*

Ту—Ма. Эвенки: *качи-кан* — «щенок»; онгкоры: *хас-хан*; солоны: *хас-хаа*; негидальцы: *хачи-кан*; эвены: *кача~качи-кан*; орочи: *киечи*; удэ: *кас'-ан-диге* — «щенок»; нанаи: *качеа-кта* — «касатка» (рыба).

Мо. Баиты: *кичик*; ойроты: *кичиг*; калмыки: *кичг* — «щенок».

Тю. Казахи, тобольцы: *канчык* — «сука»; османы: *кöчäк-лä-* — «щениться»; лебединцы: *кӱчä-чäш* — «щенок».

---

[1] А. А. Шахматов. Цит. соч., стр. 805.

[2] Н. Я. Марр. Средства передвижения. Избранные работы, т. III, стр. 142—143.

Ф-У. Мадьяры: *кутя*; коми: *кычи*; удмурты: *кучари*; ханты: *кути*— «щенок»

Па. Северо-восточные—коряки: *ат'ап*~*атхан* — «собака»; ительмены: *кошх*~*кох* — «собака»; амурские — гиляки: *кан-раф* «собачий дом».

И-Е. Урду и хинди: *кутта* «собака»; таджики: *кути* — «собака».

Марр считает распространенным корнем для «собаки» *кан* — «...слова, обозначающие «собаку» чаще простые, как например, ионские — kan (лат. can-is), шип (армянск.), сальск. dagl (груз.) и др.». В скрещенной форме он имеет в виду и русское «собака» (со+ба-ка) и турецкое qo+φa-k, греческое κύων, если последний слог -ka→-k учитывать не как функциональные элементы. [1]

7. *Мо* || *Му*

а) Мо

Ту-Ма. Эвенки, онгкоры, солоны, негидальцы, эвены, ороки, удэ, ульчи, нанаи, манджуры, джурджени: *мо* — «дерево» (лес, стройматериалы, дрова), у эвенков еще: «пасть» (на медведя), «охотиться пастями».

Мо. Монголы; буряты: *модо* — «лесина», «дерево», «лес»; калмыки: *модн*; дархаты: *модон*.

Тю. Койбалы: *па* — «дерево»; алтайцы, койбалы: *мöш* — «кедр»; сойоты: *пöс* — «кедр»; карагасы: *бöйс* — «кедр»; якуты: *мас* — «дерево», *бäс* «сосна»; *мохсуо* — «палка» (городки); азербайджанцы: *меша* — «лес».

Са. Селькупы: *пу*~*по* — «дерево»; *мо*~*му* — «ветка», «сук»; *маки* — «бревно», *маг* — «палка»; енцы: *мо*~*мимо* — «стрела», «сук»; *могга*~*монгка* — «лес»; кушвинские: *па*; юраки: *пеа*; камасинские: *пха*; нганасаны: *фа* — «дерево»; ненцы: *пеа* — «дерево», «лес»; *мо* «сук».

Ф-У. Финны, удмурты, мордва, коми, эсты: *пу*~*ву* — «дерево»; лопари: *мурр* — «дерево»; коми: *маёк* — «палка».

Па. Енисейские — котты: *фей* — «кедр»; амурские —гиляки: *мон'-пах* «четыре столба в остове дома».

Яф. Грузины: *мор* — «бревно», «*пень*»; менгрелы: *комур* (kö+mur → o+mur) — «слива»; адыге: *мы* — «дикое яблоко»; *мые* — «дикая яблоня»; грузины: *панта* (pan+ta) — «яблоко», «груша».

И-Е. Готты: bagms < beagm < beawn < beam; средне-верхне-германское: boum; древне-саксонское bam < bom; фризское: bam; немецкое Baum; англо-саксонское: beam; [2] латинское: malum «яблоко».

Кит. Китайцы: *му* — «дерево» (стройматериал), *ма* — «доска», *мо* — «верхушка дерева», *моу* — «пика», «копье»; *по*, *пу* — дерево из магнолиевых.

Яп. Японское: *моки* — «сосна»; анамское: *мок*.

Н. Я. Марр при анализе этого слова усматривает первичные значения «дерево» ← «дуб» → «жолудь» = «хлеб». [3]

Он же, анализируя китайское *му* «дерево», отмечает: «Что касается берского mo←→mu, то прекрасно и богато документируется в самом грузинском его наличии, с этой же губной огласовкой или с аканием, закономерным при *о*←→*и* шипящей группы, притом обычно в полной форме, т. е. с сохранением плавного исхода l || l (mal// mor←→mur ↗ φur и т. п.)... В финских тот же элемент с обычным для яфетических языков подъемом (m ↗ p → b → φ),

---

[1] Н. Я. Марр. Средства передвижения. Избранные работы, т. III, стр. 128.
[2] По Гриммму. Deutsche Grammatik, II, 66; I, 261.
[3] Н. Я. Марр. Прародина турецких языков. Избранные работы, т. IV, стр. 152.

в частности со свойственным скифскому v//m ↗ p, именно в виде pu «дерево» (удмуртское, мордовское—pu, суоми, эстонское pū—puu), причем эстонское puu долготой своей губной огласовки указывает на утрату плавного r, т. е. на восхождение к архетипу *pur в грузинском, наличному в виде ϕur в составе ϕur-ϑel «лист» (← *«дерево») и в тожественном виде pur в значении «хлеба» (← 'жолудь', resp. «дуб»)... Так-то mo у эстонцев и финляндцев разновидность с губной огласовкой так же не «природное» достояние, как и у грузин». [1]

б) Му

Ту-Ма. Эвенки, онгкоры, солоны, негидальцы, эвены, ороки, нанаи удэ: *му*; ульчи, нанаи: *муэ*; манджуры: *мукэ*~*мэкэ*; джурджени: *mnh* — «вода».

Мо. Монголы *мӯсӯн*; буряты: *мöсö*~*мумхэ*; калмыки: *мöсн* — «лед».

Тю. Уйгуры, телеуты, алтайцы: *мус*~*муз*~*буз*; якуты: *мус*~*бус* — «лед»; (джагатайцы, османы: *су* — «вода»; якуты: *у*; уйгуры: *суб*; кара-казахи: *сук*~*суг*~*су*; чуваши: *шу*~*шив*).

ФУ. Ханты: *муши* — «брод»; коми-пермяки: *ва* ~ *ву* — «вода».

Са. Енцы: *бу*~*би* — «вода»; камалинские: *бӯ*.

Па. Северо-восточные — эскимосы: *мур*~*мук* — «вода»; амурские — гиляки: *му* — «лодка».

Кит. Китайцы: *пу* — «водопад»; *му* — «утка»; *му* — «тонуть», «смерть», «умереть».

Корейцы: *мур* «вода».

Срав. русское: *вода* (*во*+*да*).

(В баскском «вода» *у*~*ур*; в шумерском: *у*).

В яфетических языках *ман*//*мен* имеет широкое семантическое развитие. Оно совпадает с основой слова, означающего «вода», «море». В значении «вода», «озеро» его разновидность — *ван* в словах: *Ван-ское*, Се-*ванское* Топарское (ϑoϕara van) озеро.

Марр считает, что «река» и «лошадь» по первобытному мышлению разновидность одного образа. [2]

Рассмотрим слово *мурин*.

в) Мур, Мурин

Ту-Ма. Эвенки: *мур* — «кобель», «песец»; (*мурэн*—изображение жертвенного оленя из тряпок), *мурин*~*морин* — «лошадь»; онгкоры: *мори*; солоны: *морй*; негидальцы: *моин*; эвены: *муран*; орочи, ороки: *мори*~*мури*; удэ: *муи*; ульчи: *мурин*; нанаи, манджуры: *морин*; манджуры: *лорин* — «лошак»; джурджени: *мулин*.

Мо. Монголы, буряты: *морин*; калмыки: *морн* — «лошадь».

Па. Амурские — гиляки: *мур*~*мурнг* — «лошадь».

И-Е. Русские: *мерин*; кельты: *mark*(*a*); ирландцы: *маро*; галлы: *march*; бретонцы: *markch*.

Яф. Грузины: *моран*; курды: *бур*~*бор* — «лошадь».

Кит. *Китайцы*: *ма* — «лошадь», *ло* — «лошак».

Кор. Корейцы: *мал* — «лошадь».

Н. Я. Марр. в анализе слов, означающих «олень», «лошадь», «верблюд», «осел», «слон», приводит огромное количество слов, имеющих в своем составе корень *вар*~*мар*~*бар*~*пар* или *вал*~*мал*~*бал*~*пал*, или *ван*~*ман*~

[1] Н. Я. Марр. Китайский язык и палеонтология речи. Избранные работы, т. IV, стр. 105.

[2] Н. Я. Марр. Китайский язык и палеонтология речи. ДАН, 1926, стр. 129. Средства передвижения. Л., 1926, стр. 6.

бан~пан. Баскское sa-mar-i, sa-mal — «лошадь», sa-mal-dun — «всадник»; ром.-лат. ka-bal — «лошадь»; греч.-лат. ka-mel — «верблюд»; еврейское qa-mal, арабское qa-ml «верблюд», сирийское q-mov-a, арабское: qe-mar — «осел»; рутулы: yi-mal — «осел»; грузины, ингуши: vir, авары: ḫama, дагестанские языки: o-mo-ke, a-ma-q, ḫa-ma-qi, ḫa-moro-qi — «осел» и др.

Этот же корень Н. Я. Марр видит в русских словах: бур-ка, бур-ый, ка-вур-ый. Сюда же он относит латинское: para-vere-dus — «грузовая лошадь» (кодекс Юстиниана), итальянское: pala-freno — «благородная лошадь», французское: palefrenier — «конюх» (frein — «узда») и др. [1]

8. *я~джа*

Ту-Ма. Эвенки: *лян* — «шаман»; *ля-* — «шаманить» (к западу от Енисея); *янда* — большой шаманский костер, шаманить у костра; *яндамат-* — «соревноваться в камланье у костра»; *дяну~дян-нгэ-* — «полыхать» (о пламени); ороки: *ля-* — «петь (по покойнике); ульчи: *ля-* — «петь», *ляла-* — «шаманить»; *ле-* — «камлать по больному»; нанаи: *ля-* — «петь шаманские песни»; манчжуры: *ляйки* — «пение шамана»; *ля-~джа-* — «*петь*» (о шамане); *джамдэ-* — «танцовать» (о шамане); удэ: *дяна* — «горячие угли»; ульчи: *дяд* — «костер»; манджуры: *яга* — «огонь», «костер», *янга* — «факел» (из веток).

Мо. Монголы: *янг* — «напев» (но «шаман» — *удаган*); *дагуры*: *ядаган* — «шаман».

Тю. Древние тюрки: *ялвы* — «колдовство», «чары»; алтайцы: *чалба-* — «ворожить»; телеуты, алтайцы, уйгуры, казахи: *ялбар-* — «просить», «умолять» (бога); телеуты — «приносить жертвоприношение»; киргизы: *зангылда-* — «издавать на высоких нотах звонкие звуки»; *джаджилда-* — «выражать просьбу, страх»; *джалдыра-* — «упрашивать, смотреть просительно». *джалгасын* — «жертвенная кобылица»; *джалын* — «пламя»; «обращаться с мольбой»; казахи: *дзалкыннан~ялкыннан-* — «пылать»; туркмены: *ян-* — «гореть»; узбеки Восточного Туркестана: *яда-чи* — «человек, умеющий вызывать дождь, прекращать ливни и пр.».

Са. Ненцы: *я* — «*уголь*»; *яда-* — «ковать»; *еаданга-* — «плясать».

Па. Северо-восточные — чукчи: *ляй~ярр* — «бубен»; *йын-йын* — «огонь»; коряки: *ляй* — «шаманский бубен»; *ляйтко-* — «бить в бубен»; амурские — гиляки: *янг-панг* — «шаманский пояс» (букв. шаман-пояс).

И-Е. Урду и хинди: *джалан* — «горение»; *джална-* — «гореть».

Кит. Китайцы: *янь* — «пламя», «искры», «огонь», «жар», «искриться»; *дянь, дъянь* — «зажигать»; *дянь, дьянь* — «молния»; *чан* — «петь», «неистовствовать».

9. *Сигун*

Ту-Ма. Эвенки: *шивун~сигун~сивун~хивун* — «солнце», *хеву* — «освещать», «освещение»; онгкоры: *сиун*; солоны: *шигуў*; негидальцы: *сивун~сиун*; орочи: *сиу~су*; ороки: *сиун*; удэ: *су*; ульчи: *сиун~сун*; нанаи: *сиун*; манджуры: *шун~шо~шонг* — «солнце».

Тю. Джагатайцы, киргизы: *кўн*; османы: *гўн*; узбеки: *кун*.

Ф-У. Удмурты: *шунды*; коми-перм.: *шонды*.

И-Е. Санскрит: *сўріа*, латинское *sol*; готтское *sauil, sunnь*; немецкое: *Sonne*; английское *sun*; французское: *soleil*; русское: *солнце*.

Кит. Китайцы: *сюань* — «солнечное тепло»; *жы* — «солнце», «день»; *шын, шэн* — «восход солнца», *су* — «утро».

[1] Н. Я. Марр. Средства передвижения. Избранные работы, т. III, стр. 133—134.

Марр в статье «О происхождении языка» [1] пишет: «*hel — sol одинаково семантически восходит к слову, означавшему «утренняя заря», «солнце», «светило», относя сюда и греческое heli-os.

10. *Буга*

Ту-Ма. Эвенки: *бого~буга~бува~буа~ба* 1) «место», «земля», «климат», «погода», «природа», «страна», «родина», 2) «мир», «небесный свод», «небо», «верхняя земля», «бог», «икона», 3) «нижняя земля», «нижний мир», «чорт» (отсюда: *буга сангарин* — «Полярная звезда», букв. «верхнего мира отверстие»); онгкоры: *бого* — «земля»; «погода», «мир»; солоны: *буга*; негидальцы: *бога* — «небо», *буга~буг* — «бог»; эвены: *буг* — «земля», «лес», «природа», «страна», «государство», «родина»; орочи: *буа* — «небо», «верхняя земля»; удэ: *буа*; ороки: *боа* — «небо»; ульчи: *буа~ба* — «место», «небо»; нанаи: *боа~бо* «место», «природа», «государство», «небо»; манджуры: *боихон* — «земля», «стихия», *ба* «место», «стойбище», «страна», «область»; джурджени: *puh-'a-u~puh-huo.*

Мо. Монголы: *боигал* — «природа», «естество», «натура»; *богудал* — «стойбище», «стоянка»; *богда* — «святой», «возвышенный».

Тю. Узбеки: *бог* — «сад», «райский сад» (принято считать заимствованием из персидского).

Ф-У. Маньси: *па* — «земля»; коми, удмурты: *му* — «земля».

Са. Нганасаны: *бангка* — «яма»; енцы: *бого* — «яма».

Па. Енисейские — кеты: *банг* — «земля»; кетты: *панг* — «место», «земля».

И-Е. Славяне — русские: *бог.*

Кит. Китайцы: *бянь, банг* — «страна», «край», «граница».

Корейцы: *па* — «место».

Академик Шахматов финские слова: *павас* — «бог», «счастье» (мордва-мокша); *паз* — «бог» (эрзя) считает заимствованными из арийских языков, сопоставляя их со словами санскрита: bhagas, авесты: baγa, и древнеперсидским: buga. [2]

Н. Я. Марр считает архетипом русского и украинского слова *бог, біг* слово borg (← porg←→purg) из bor-(← por)+g, увязывая с семантикой грузинского глагола bor+g-va — «бесноваться», с русским и украинским *погань*, с чувашским *puŭang*—«кукла» (идол). Исходя из корня *пор→бор*, Марр возводит к нему и слово «свинья» — «по социально-тотемически закрепленной в верованиях и обрядах функции».[3] В примечании к работе «Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам» он прямо указывает: «теперь выяснилось, что последний термин (т. е. «бог» — *Г. В.*) яфетического происхождения есть лишь разновидность Перуна, resp. Perkun'a».

В другой работе [4] Марр видит это *бу* во втором компоненте слова *небо* (*не+бо*) вавилонское *на-бу*, еврейское *нэбо*, «бог», «небо», египетское *н-б* — «господин».

Любопытно сопоставить слово *буга* с комийским *му* — «земля» (по Марру: из **мор←→мур*), «страна», «край», которое Марр считает двойником клинописного у шумеров *му* — «год».[5]

К этому же корню он относит *ми-та* — «земля» у грузин и русское *ми-р.*

---

[1] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II, стр. 193.
[2] А. А. Шахматов. Цит. соч., стр. 794.
[3] Н. Я. Марр. Яфетические зори на украинском хуторе. Избранные работы, т. V, стр. 244, 269.
[4] Н. Я. Марр. О происхождении языка. Избранные работы, т. II, стр. 208.
[5] Н. Я. Марр. Карфаген и Рим. Избранные работы, т. IV, стр. 164.

По материалам тунгусских и монгольских языков первичный корень может быть б $\frac{о}{у}$ н ‖ б $\frac{о}{у}$ р ‖ б $\frac{о}{у}$ л (развитие его идет по линии добавления второго корня — суффикса *ган*). Первоначальное значение слова *буга* — это представление всего окружающего — «стихии», «природы», что пережиточно сохранилось до настоящего времени в говорах эвенкийского языка (*буга агдыдяран* — «стихия, или бог гремит»). Отсюда весь комплекс значений, а именно «земля», «климат», «погода», «место», «страна» и т. д. Позже эти представления переносятся по вертикали вверх и вниз, т. е. «мир», «небесный свод», «небо», «верхний мир» или «верхняя земля»; с развитием представлений о духах-хозяевах это слово получает значение «дух-хозяин верхнего мира», т. е. «бог», «святой», «возвышенный», а еще позже «икона». По вертикали вниз мы имеем «нижняя земля» → «нижний мир» позже → «ад» и «хозяин нижнего мира», т. е. «чорт».

Наконец, еще один корень *к*V*л*.

Ту-Ма. Эвенки: *калу*, *калун* — «дух хозяин леса и гор», «чудовище, живущее в мире мертвых», «чудовище-великан» (в эпосе), *келари* «дух хозяин верхнего мира» (к западу от Енисея), *калир* — изображение огромного оленя-самца (один из духов-охранителей мира мертвых на главной шаманской реке); ороки: *кал'а* — «дьявол».

Ф-У. Ханты: *кул*; маньси, коми: *кул* — «бог смерти».

Тю. Якуты: *соххор кӓлӓни* — «дух-пожиратель»; *кӓлӓни* — «дух — спутник шамана» (Виташевский).

Па. Северо-восточные — чукчи: *кели*; коряки: *кала* — «дух смерти», *калы* — «злой дух» (всякий).

Са. Кушвинские: *халмер*— «смерть»; камасинские: *колму* — «душа покойного».

И-Е. Урду и хинди: *кал* — «смерть»; *кали* — «богиня смерти» (срв. урду и арабское: khalig — «бог», «творец»).

Зифельдт-Симумяги в работе «Uralo-Altaica» под словами «убивать — умирать — смерть — могила» и «души мертвых»; «злые духи», «преисподняя» приводит ряд лексических материалов из самоедских, финно-угорских, некоторых тюркских и дравидийских языков. Все приведенные слова имеют в корне *к* V*л* ‖ *к*V*р*. К этой же группе слов Зифельдт относит шумерского беса gallu∼gello — и этрусского бога смерти kalu и индийскую богиню смерти kali. Приведя анализ корня кур→чор∼чар, Зифельдт приходит к выводу «... эволюцию kurat (эст. чудск.) — *чорт* (слав.) я представляю себе следующим образом *kurat*→* *коурът*→*чорът*→*чорт*. Это либо прямое заимствование русскими (а от русских украинцами и поляками) от «чуди белоглазой» древне-эстонских волхвов-шаманов, игравших немаловажную роль в истории древне-русского шаманизма, либо часть непереваренной потрохи (sic!) из идеологического наследия поглощенных славянами западно-финских племен». [1]

Широкое распространение корня *к*V*л* в значении «злого духа», «духа смерти» в языках Азии и Европы говорит о древнейших периодах жизни племен, населявших Евразию. Приведенные выше некоторые корни (а их немалое количество) не позволяют нам относить их к языкам не только каких-либо современных народностей, но и к группам языков, а тем более к заимствованию. Представление о трех мирах, первичное развитие шаманизма и связанное с последним представление о мире мертвых были у всех племен Евразии, и, естественно, они в виде слов должны были пережить все ступени дальнейшего развития языков народов

[1] Зифельдт-Симумяги. Uralo-Altaica. Баку, 1928, стр. 143—147.

Евразии, дойдя до современных языков. Это не заимствование и не наследие «западно-финских племен» у славян, а, наоборот, это наследие древнейших племенных языков Евразии, ныне существующее в большинстве современных языков.

В связи со словом «дух смерти» стоит и слово «рыба» *колемте* и «кит» — *калим*.

а) Колемте

Ту-Ма. Эвенки: *колемте* — «карась»; солоны: *калду* — «таймень», манджуры: *кэлтэх* — «карась».

Мо. Монголы: *кёленте* — «карась».

Ф-У. Эсты, финны, карелы: *кала* — «рыба»; лопари: *куелле*.

Тю. Чуваши: *пулэ* — «рыба».

Са. Нганасаны: *коле* — «рыба»; ненцы: *хал'а*~*халеа*; селькупы: *куел*~*куеле* — «рыба»; камасинцы: *кола* — «рыба».

На. Енисейские — кеты: *келгур*, *кел'ур* — «моксун».

Яф. Сваны: *калмак* — рыба; грузины: *калмак* — «форель», *кобр* — «сазан».

И-Е. Русские: *карп*, *камса*.

Марр относит слово «рыба» к ряду: «рыба» || «сон» || «смерть» || «зима», «смерть». [1]

б) Калим

Ту-Ма. Эвенки, негидальцы, эвены: *калим* — «кит»; орочи: *халима*; удэ, ульчи, нанаи: *калима*; манджуры: *калиму* — «кит».

Мо. Монголы: *халиму* — «кит».

Тю. Якуты: *халым* — «кит».

Са. Ненцы: *халэ'к* — «кит».

На. Северо-восточные — ительмены: *калилан* — «тюлень»; юкагиры: *калгул* — «мамонт».

Возможно, к этому пласту относится и слово *эден*~*эдян*.

Ту-Ма. Эвенки, онгкоры, негидальцы, ульчи, нанаи, манджуры: *эден*~*эджэн*~*эдян*; солоны: *эджи*; удэ, орочи: *эджэ*; джурджени: *о-жанни* — «хозяин», «царь».

Мо. Монголы: *еджэн*~*эзэн*; буряты: *эжэн*~*эзэн*; калмыки: *эзн* — «хозяин», «владыка», «император»; «владелец» (Б—М).

Тю. Казахи: *ий-ёгй*; уйгуры: *идй*~*игй*~*иже* — «хозяин»; якуты: *йджейин*; карагасы: *есйн* — «счастье», «благополучие»; койбалы: *езер*~*изер*; дагатайцы: *öз* — «сам», «собственный»; казахи: *ис*, *еса* — «собственность».

Ф-У. Мордва-эрзя: *азоро*; мокша: *азыр* — «властитель», «господин»; коми: *озыр*, *озер* — «богатый»; удмурты: *узыр*; маньси: *одер*~*отер* — «господин», «бог».

На. Амурские — гиляки: *ызь* — «дух». «хозяин».

Академик Шахматов сопоставляет финские слова с индоевропейскими, [2] санскрит: asura «nomen daemonum»; авеста: ahura; древнеперсидское: aura — и относит это слово к арийским заимствованиям в финских языках.

Сопоставление вышеприведенного лексического материала, могущего быть значительно расширенным, дает возможность рассматривать его по

[1] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II, стр. 220.
[2] А. А. Шахматов. Цит. соч., стр. 794.

линии распространения в языках Евразии и по линии развития слов и их значений в плане глоттогонического процесса.

Корень $\frac{\text{дян}}{\text{чан}} \parallel \frac{\text{дён}}{\text{чон}} \parallel \frac{\text{сан}}{\text{тан}}$ в значении «люди», «народ», «племя», «человек», отсюда: «гость» и «враг», «война», «битва», «вражда», с одной стороны, «душа», «жизнь» и «рождение», с другой стороны, и, наконец, родственный термин отложились в языках тунгусо-манчжурской, монгольской, тюркской, самоедской, индо-европейской, индо-иранской, яфетической групп, а также в китайском и палеоазиатских языках. Пережиточно он сохранился в ряде этнонимов Азии и Европы.

Корень $\frac{\text{хур} \sim \text{ур}}{\text{пур} \sim \text{ир}} \parallel \frac{\text{ар}}{\text{ер}}$, в значении «дети» (сыновья и дочери), «потомство», «семья», а также «самец», «мальчик», «мужчина» и дальше «человек», «раб» в одну сторону, «войско» (мужчины) в другую сторону, отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, индо-европейской, яфетической групп, а также в китайском и хеттском.

Корень $\frac{\text{хал}}{\text{кал}} \parallel \frac{\text{кул}}{\text{кол}}$ в значении «род», «поколение», «семья», «сородичи» отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, индо-европейской, яфетической и семитской групп.

Корень $\frac{\text{гар}}{\text{кар}} \parallel \frac{\text{хар}}{\text{хур}} \parallel \frac{\text{кол}}{\text{гол}} \parallel \frac{\text{хел}}{\text{кул}} \parallel \frac{\text{гал}}{\text{нгал}} \parallel \frac{\text{кал}}{\text{хал} > \text{ал}}$ в значении «ветвь», «сук», «рука», «нога», «крыло» и в последующих значениях: «молот», «топор», «нож», «меч», отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, самоедской, индо-иранской, индо-европейской, яфетической групп, а также в шумерском и палеоазиатских языках.

Корень $\frac{\text{чор}}{\text{кор}} \parallel \frac{\text{чар}}{\text{кар}} \parallel \frac{\text{шар}}{\text{шал}}$ и $\frac{\text{кур}}{\text{кор}}$ в значении «подземное жилище», «наземный чум», «дом», «комната», с одной стороны, и «вал», «стена», «крепость» — с другой стороны, а также в значении «изгородь», «двор», «укрепление», «крепость», «город», отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, самоедской, индо-европейской, яфетической групп, а также в палеоазиатских языках.

Корень $\frac{\text{ор}}{\text{хор}} \parallel \frac{\text{кор}}{\text{пор}} \parallel \frac{\text{хир}}{\text{сир}} \parallel \frac{\text{сар}}{\text{шер}} \parallel \frac{\text{сар}}{\text{шер}}$ (ол || ел) в значении «олень», «самец», «бык», «корова», «овца» отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, самоедской, индо-европейской групп, а также в палеоазиатских языках.

Корень $\frac{\text{тол}}{\text{тыл}} \parallel \frac{\text{тер}}{\text{тыр}} \parallel \frac{\text{сар}}{\text{шер}} \parallel \frac{\text{сар}}{\text{шер}}$ в значении средства передвижения: «лыжи», «нарта», «сани», «телега» отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, самоедской, индо-европейской, яфетической групп, а также в палеоазиатских языках.

Корень бу+гу || бу+ка в значении «благородный олень», «лось», «племенной бык» отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, индо-европейской групп, а также в палеоазиатских языках.

Корень ка'+чи || $\frac{\text{ко}+\text{чи}}{\text{ку}+\text{чи}}$ (Марр правильно считает корнем слова «собака» *кан*, в наших материалах фигурирующий с опущенным закономерно конечным *н—ка*; чи || ти — позднейшее нарастание, так же как распространенный среди всех вышеразобранных языков суффикс уменьшения *кан*) в значении «щенок», «собака» отложился в языках тунгусо-манджурской,

монгольской, тюркской, финно-угорской, индо-европейской и яфетической групп, а также в палеоазиатских языках.

Корень $\frac{\text{мо}}{\text{му}}$ || $\frac{\text{ма}}{\text{мы}}$ || $\frac{\text{ба}}{\text{бе}}$ || $\frac{\text{бо}}{\text{бу}}$ || $\frac{\text{па}}{\text{пе}}$ без конечного сонорного и с конечным сонорным (-р) в значении «дерево», «лес», «бревно», «пень», «полено» — в одну сторону, «вода», «лед», «лодка», «озеро» — в другую, отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, самоедской, индо-европейской, яфетической, семитской групп, а также в палеоазиатских, китайском и японском языках.

Корень $\frac{\text{мур}}{\text{мор}}$ || $\frac{\text{мар}}{\text{мер}}$ || $\frac{\text{бал}}{\text{бур}}$ || пор в значении первично «собака», наиболее широко — «лошадь», как компонент в словах: «осел», «верблюд» отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, индо-европейской, яфетической, семитской групп, а также в палеоазиатских, китайском и корейском языках.

Корень $\frac{\text{ян}}{\text{джан}}$ || $\frac{\text{ял}}{\text{джал}}$ в значении «пламя», «костер», «умолять», «просить» и в дальнейшем «шаманить», «шаман», «колдун», «кузнец» отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, индо-европейской групп, а также в палеоазиатских и китайском языках.

Корень $\frac{\text{хон}}{\text{хун}}$ || $\frac{\text{сон}}{\text{сун}}$ || $\frac{\text{син}}{\text{сен}}$ || $\frac{\text{кун}}{\text{кон}}$ в значении «солнце» отложился в языках тунгусо-манчжурской, тюркской, финно-угорской, индо-европейской групп и в китайском языке.

Корень $\frac{\text{бу (+ га)}}{\text{бо}}$ || $\frac{\text{ба}}{\text{па}}$ в значении «мир», «земля», «страна», «небо», → «бог», «нижний мир» → «чорт» отложился в языках тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, самоедской, индо-европейской, яфетической, семитской, хамитской групп и в палеоазиатских языках.

Корень $\frac{\text{кал}}{\text{кел}}$ || $\frac{\text{кул}}{\text{кол}}$ в значении «злой дух», «дух смерти», «дьявол» отложился в языках тунгусо-манджурской, тюркской, финно-угорской, самоедской, индо-европейской групп, а также палеоазиатских.

Корень $\frac{\text{кол}}{\text{хол}}$ || $\frac{\text{кал}}{\text{хал}}$ в значении «рыба» (различные виды рыб по языкам), «кит», отложился в тунгусо-манджурской, монгольской, тюркской, финно-угорской, самоедской, индо-европейской, яфетической групп и в палеоазиатских языках.

В плане глоттогонического процесса по линии развития семантики слов вышеуказанные слова также представляют известный интерес.

1. Материалы по корню *дян* || *чан* подтверждают положение Марра о развитии семантики первичного комплексного слова «племя», выражавшего одновременно «люди» и «человек», «свои» и «чужие», т. е. «друг» и «враг», что в дальнейшем дало различного рода названия родственных отношений, глагол «рожать» — «производить», отсюда «жить» и «жизнь», отсюда: названия «семья», «род», а в некоторых языках этот корень превратился в суффикс деятеля и процесса действия (первоначально также комплексно: действие в процессе и деятель), значение «люди» (чужого племени или рода) дало: «враг», «бродяга», «враждовать», «война», «сражение».

2. Любопытно однородное выражение для понятия: 1) два дерева, растущие из одного корня — «ответвление» — «развилина» — «поколение» — «род» — «народ» и 2) «ветка» — «сук» и «рука» — «нога». Последнее в дальнейшем получило значение «молот» — «топор» — «щит» — «меч» — «дубина», т. е. все виды оружия и орудий, функцию которых первоначально выполняла рука.

Таким образом, если в первом случае значение «род» получилось из значения «люди», то во втором — из значения «ответвление» или «разветвление» (дерева).

3. Современные наземные жилища в виде ли юрты или дома, имеющие в корне одну из фонетических вариантов $\frac{\text{чор}}{\text{кор}}$, ведут свое начало из полуподземного жилища с выходом через дымовое отверстие, а еще раньше из готовых естественных пещер и углублений. Переход от подземного жилища к наземному прослеживается на лексике тунгусских языков, а именно *чорама* — полуподземное жилище с выходом через дымовое отверстие (в языке эвенков и эвенов — фольклор), *чора* — часть укреплений остова чума, составляющая базу, на которой держится верхняя коническая часть остова (в разговорном языке эвенов); *чорама дю*—юрта, имеющая внизу цилиндрический или многогранный остов. Тип наземного жилища—чума с остовом из двух частей — характерен для северо-восточных палеоазиатов. Эти факты говорят о том, что как в образование тунгусов, так и в образование северо-восточных палеоазиатов вошли племена, от которых они унаследовали тип жилища, называемого *чор*~*чар*, полуподземного типа. Попав в условия, когда такое жилище уже не могло удовлетворять (оленеводство, кочевания), они из подземного стали строить наземное, сохранив названия в одном случае для нижней части остова, который, вероятно, был остовом в земле, для стен (эвены), в другом случае для всего чума (чукчи, коряки). У монголов пока этот корень в значении комната найден только в калмыцком языке, но отголосок жизни в землянках сохранился в слове *еруке* «дымовое отверстие», имеющее параллель в эвенкийском — *уркэ* — «дверь», что говорит о былом совпадении дымового отверстия с выходом.

Современный русский *город* ведет свое начало от изгороди, городьбы, укреплений. Корень и этого слова восходит к тому же что и *чор* || *кор*.

4. Материалы подтверждают положение Марра о том, что название «повозка» в виде нарт, саней, телеги восходит к одному корню с первым животным, на котором производилось передвижение, а именно к оленю. Добавлением к этому могут быть только лыжи, которые могли быть еще до появления повозки, может быть до верховой езды или одновременно с нею.

5. Любопытно совпадение корней для значений «дерево» — «вода» — «лодка» — «утка» и «собака» — «лошадь». Марр отмечает первоначальную общность для образа «реки» и «лошади».

6. Материалы по корню $\frac{\text{ян}}{\text{джан}}$ говорят о том, что первоначально защита от невидимых и воображаемых злых сил природы производилась через огонь при помощи песни. В связи с этим становится понятным и дальнейшее развитие семантики этого слова: шаман — жрец — колдун и пение шамана, пение по покойнике, пляска — в одну сторону; огонь, костер, кузнец — в другую, и наряду с этим сохранялось и основное значение: огонь, пламя, пламенеть, полыхать, гореть.

7. Любопытна связь корней для значения «злой дух», «дух смерти» — в одну сторону и «рыба» (различные виды рыб) — «кит» — в другую. Мир мертвых, относимый в представлениях ряда народностей на подземную реку или увязываемый с главной шаманской рекой, как у эвенков, отражает период жизни племен при реках. Этим объясняется общность корня у слов «рыба» и «дух смерти». У эвенков до недавнего прошлого сохранилось представление о входе в мир мертвых с нашей земли, находящемся на дне водоворотов.

Общий обзор этого крайне незначительного материала заставляет обратить внимание на близость звучаний первичных полисемантических слов, например: *джан* — «человек» и др., *джан* — «огонь» и др. и *чар* — «жилище», или корень *хал*, *кар*, *гар* в значении «дерево», «конечность», «орудие», «оружие» и др., и наводит на предположение, не было ли в языках древнейших насельников Азии и Европы первоначально крайне ограниченное количество слов, которые при дальнейшей диференциации значений использовали вначале первый согласный этого трехзвука по линии того же места образования, но иного способа, а позже шло использование гласных. Вопрос этот интересен, но выходит за пределы поставленных нами задач.

Подводя итог обзору древнейшего пласта, отложившегося в лексике современного эвенкийского языка, мы можем отметить, что в истории формирования эвенкийского языка, так же как в истории других языков Азии и Европы, сыграли немалую роль языки племен—назовем их условно *дян'*ско-*чан'*скими. К какому периоду это относится, сказать сейчас трудно за отсутствием достаточного количества археологических материалов, в увязке с которыми в будущем можно провести более расширенный лингвистический анализ. Во всяком случае наличие корня *дян* || *чан* в скрещенных этнонимах за два, три и больше тысячелетий до н. э. заставляет отодвигать существование их значительно глубже.

Что представляли собою эти *дян'*ско-*чан'* ские племена и их языки, где они были расселены — это вопросы исследования в будущем.

Здесь мы выскажем некоторые предположения в рабочем порядке. Н. Я. Марр при палеонтологическом анализе некоторых слов, частично приводимых здесь, возводит и происхождение их к яфетической базе.

Можно поставить вопрос: не были ли языки *дян'*ов || *чан'*ов яфетическими? Для этого приведем выдержки из трудов Н. Я. Марра, относящиеся к определению яфетических языков.[1]

Определение яфетических языков и яфетидов дается Н. Я. Марром на протяжении ряда лет.

В 1920 г.: «От Кавказа и Малой Азии до Пиренейского полуострова был один язык, язык одной яфетической системы».[2]

В 1925 г.: «Было время более длительное, чем существование всех названных (яфет. — *Г. В.*) и других исторических языков, когда еще более многочисленные языки были одинаково яфетической природы, когда не отдельно Евразия, а вся Афревразия была заселена яфетидами. Между прочим, средиземноморская доиндоевропейская письменная куль-

---

[1] Здесь мы даем несколько обширно выдержки, потому что термином «яфетический» у историков определяются племенные языки — предшественники тюркских и индо-европейских языков, Приведу выдержку из исторической работы проф. С. П. Толстова: «Тюркские и индо-европейские элементы в языках народов Средней Азии могут оказаться в одинаковой степени результатом исторической трансформации древних яфетических языков, причем тюркская речь в остальном не менее далеко, чем индо-европейская, отошедшая от исходных форм, сохранила в своем агглютинативном строе большое количество грамматических элементов первобытных племенных языков, предшествовавших образованию как индо-европейской, так и тюркской систем... Хатун—титул согдийской и тюркской цариц, этот термин — одно из многочисленных свидетельств о том, что в основу тюркских и индо-европейских языков Средней Азии легли одни и те же доисторические яфетические языки» (С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии).

[2] Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент. Избранные работы, т. I, стр. 120.

тура, предшествующая греческой, и глубже — древнейшая месопотамская, именно шумерская, равно эламская, писаны на тех же яфетических языках». [1]

В 1926 г.: «Племена доисторического населения всей Афревразии были рассеяны, одни и те же по всему обширному району Средиземноморского окружения и прилегающих к нему районов Африки, Европы, Азии. Везде одна и та же группа племен, яфетических племен». [2]

В 1931 г.: «...Яфетические языки представляют собой систему, пережитую языками всех других систем... яфетические языки не составляют «семьи», как считалось раньше, а систему, подобно прометеидским, семитическим и другим... яфетические языки полистадиальны, представляя ряд древних стадий языкотворческого процесса... Яфетические языки с нормами их системы лежат в основе всех других языков» (здесь же перечисляются яфетические языки, живые и мертвые, распространенные на территории Средиземноморья, Причерноморья и Малой Азии, включая Междуречье). «Уже самая разбросанность их свидетельствует о том, что это остатки языков, на которых некогда говорило все население европейского Средиземноморья в широком смысле этого слова, т. е. со включением прежде всего населения примыкающих частей Африки и Азии, а затем, по связи с ними, и населения более далеких частей». [3]

«Памятники материальной культуры вещественно поддерживают лингвистически устанавливаемые связи средиземноморских народов на единстве их племенной подъосновы, этого третьего этнического элемента». [4]

«С яфетидами можно углубиться в культурные пласты Средиземноморья лишь до начала третьего периода языковой их жизни, до начала флективного периода... Социально яфетиды были пережившими не только начальные стадии общественности с аморфным синтетическим строем речи, но и первичный родовой и племенной быт с подлинным агглутинативным строем речи. Вещественно с яфетидами мы спускаемся до бронзового и медного века, можем углубиться с ними в районе средиземноморской культуры до неолита». [5]

«У яфетидов на высокой ступени развития стояли, кроме торговли и ремесел, искусства, в том числе и письмо, яфетидами созданное, ими же и занесенное не только в Месопотамию, но, повидимому, и в Египет». [6]

Таким образом, яфетические языки — это прежде всего система, аналогичная системам других языков (семитской, индо-европейской и др.). Яфетические языки — полистадиальны, т. е. языки этой системы проходили по ступеням развития в различное время, что привело и к сохранению в современных языках пережитков разных стадий языкового процесса. Яфетические языки — языки Средиземноморья и прилегающих районов. Яфетиды сформировались в период бронзы, а в некоторых районах Средиземноморья — в период неолита, когда были развиты торговля, ремесло, искусство, письмо и металлургия.

---

[1] Н. Я. Марр. К происхождению языка. Избранные работы, т. I. стр. 217.
[2] Н. Я. Марр. Абхазоведение и абхазы. Избранные работы, т. V, стр. 165.
[3] Н. Я. Марр. Яфетические языки. Избранные работы, т. I, стр. 290—295.
[4] Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент. Избранные работы, т. I, стр. 117.
[5] Там же, стр. 115—116.
[6] Н. Я. Марр. Яфетиды. Избранные работы, т. I, стр. 171.

Возвращаясь к поставленному нами вопросу — не были ли языки *дян*'ов-*чан*'ов яфетическими, — мы склоняемся к отрицательному ответу. *Дян*'ско-*чан*'ские языки несомненно дояфетические, относящиеся к системе аморфных языков. Следы аморфности сохранились в различных степенях во всех языках Азии, причем в северной части больше, чем в центральной (если не считать китайского). За то, что это были дояфетические языки, говорят и в значительной части полисемантические корни, бытующие в ряде современных языков северной части Азии и в китайском, в виде однослога (*мо*, *му*, *мур*, *дян* и др.), в то время как они представлены в скрещенном виде в языках индо-европейской, индо-иранской, яфетической, семитской систем, часто в языках монгольской и турецкой групп. За то, что это были дояфетические языки, говорят и различные названия для «лука». Если для «стрелы» мы имеем параллели среди некоторых языков (например **Ту-Ма**: *луки*, **Са**: *лук*~*локу*; **Па**— гиляки: *лух*; юкагиры: *локил*; или **Ту-Ма**: *нюр*; **Ф-У**: *нел*, *нуоли*, *пол*), то для «лук» слова различны не только между языковыми группами, но и в пределах языков одной группы. Это позволяет предполагать, что *дян*'ско-*чан*'ские племена существовали в период до изобретения лука. Кроме того, народы Северной Азии, в языках которых в максимальной степени сохранился *дян*'ско-*чан*'ский пласт, не имели ни государственности, ни развития ремесел, искусства и письма. У ряда современных народностей Севера, например, неолит еще сохранился до нашего века.

К проблеме дояфетических языков подходил и Н. Я. Марр. В 1922 г. он писал: «Языки первых насельников этих стран (Средиземноморья и примыкающих районов — *Г. В.*), конечно, в те времена были различными, они и тогда были сложными, уже скрещенными по своей природе, но связанными между собою тесными узами родства».[1]

«Трехсогласный состав яфетических корней, вторящий такому же положению в семитических языках, вскрывается как результат развития более раннего состава из двух согласных».[2]

«С палеонтологией речи возникает сомнение, можно ли относить в яфетидологию открывающиеся перспективы изысканий в области глоттогонии: процесс созидания речи и ее типологических перерождений протекал, разумеется, до выделения яфетидов в особую семью, и человеческий род в дояфетическом состоянии требует иного наименования» (разрядка наша. — *Г. В.*).[3]

Еще в 1920 г., когда начинают выявляться лексические связи яфетических языков с языками Средней Азии, Дальнего Востока и палеоазиатскими, Марр выдвигает вопрос о дояфетических языках, считая их проблемой для дальнейшего исследования. «Ограничивалось ли это сродство с языками населения Средней Азии и Дальнего Востока типологическими нормами, или оно включает в себя, как в отношении средиземноморского населения, и материальное родство морфологических воплощений? Это лишь проблема, и мы оставляем ее в покое, оговорившись лишь, что тот или иной ответ на вопрос о миграции человечества, в частности о первоначальной родине яфетического племени, уже выделившегося, в значительной мере зависит от решения этой проблемы».[4]

---

[1] Н. Я. Марр. Чем живет яфетическое языкознание. Избранные работы, т. I, стр. 170.

[2] Н. Я. Марр. Яфетиды. Избранные работы, т. I, стр. 131.

[3] Там же, стр. 130.

[4] Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент. Избранные работы, т. I, стр. 117.

Проводя палеонтологический анализ лексики языков Средиземноморья, выявляя связи их с языками Центральной Азии и Дальнего Востока и привлекая к выводам археологический материал, Марр в 1926—1927 гг. пришел к следующим выводам. В Средиземноморье «глоттогонический процесс был в непрерывном ходу от древнейшей системы урановской с ее моносиллабизмом и полисемантизмом»; благодаря этому «на месте (в Средиземноморье. — *Г. В.*) не осталось ни одного представителя», за исключением баскского. По мере отхода вглубь Азии на восток и вглубь Африки на юг глоттогонический процесс замирал, и «в Азии не почато сохранился культурнейший язык на первичной ступени типологии звуковой речи, в ней без движения замер в смысле выработки дальнейшего типа архаичный вид прометеидской системы, так называемый индоевропейский язык, санскрит». К древнейшей типологии речи «принадлежит и масса языков урало-алтайской системы... Урало-алтайская группа языков сохраняет в Азии материальные и формальные данные с их идеологией палеонтологически вскрываемого состояния речи соответственной эпохи в процессе глоттогонии мирового, следовательно, значения в Средиземноморье». [1]

Этот же анализ некоторых слов яфетических языков сравнительно с лексикой языков Дальнего Востока и частично американских показал Марру наличие в американских языках доисторического состояния, что «они иллюстрируют добытые раскопками в языках Афревразии[2] общие положения об единой типологии в семантике, с чем и начиналось установление родства между различными племенными языками; наконец, они иногда выходят из норм единообразия этой типологии, нарушают его, тем самым вскрывая перед нами, что американские языки, хотя бы некоторые, если они даже все произошли от Старого Света, предшествуют своим строем зарождению родства между языками» (разрядка наша. — *Г. В.*).[3]

Отсюда перед Марром встал вопрос о расселении языков, давших основу современным системам и группам, и здесь к окончательному ответу Марр не пришел, поставив его проблемой на будущее, как указано выше. «Яфетическое языкознание вскрывает, что первоначальная звуковая речь возникла в стране с передвижением на оленях, т. е. в холодной зоне, а это ставит вопрос не о севере, а о районах послеледниковых эпох». [4]

Наконец, в 1931 г. Марр приходит к выводу, что «... термин «яфетический» в целом получил настолько общее, выходящее за пределы каких-либо территориальных или природных ограничений значение по противоречию с замкнутостью родовых, племенных и национальных в рассовом восприятии мирков, что становится излишним при утрате актуальности в теории... В применении к лингвистике термин «яфетический» сохраняет смысл лишь условно, как противоположность индоевропеистике... Его следует пока сохранить в применении к обсуждаемым языкам, к их системе, к частному учению о них, поскольку существуют термины «семитический» и «хамитический». [5]

---

[1] Н. Я. Марр. Расселение языков. Избранные работы, т. IV, стр. 158, 159.
[2] Т. е. Средиземноморья и прилегающих районов. — *Г. В.*
[3] Н. Я. Марр. Происхождение американского человека. Избранные работы, т. IV, стр. 96.
[4] Там же, стр. 97.
[5] Н. Я. Марр. Яфетические языки. Избранные работы, т. I, стр. 290—291.

В наши задачи вопрос о расселении первичных языковых систем не входит, но для нас важно выясненное наличие доисторического состояния в языках северной части Азии, в том числе и в эвенкийском, поскольку это дает возможность хотя бы слегка приподнять завесу, покрывающую ранние периоды формирования языков тунгусо-манджурской группы. Для нас важно положение Марра, которое может быть применено и к языкам Азии, а именно: «Языки народов, на вид уничтоженные, не отошли в мир небытия, не умерли, а использованные в процессе новой этногонии и новой глоттогонии ушли в быт и природу-речь и в психику вновь народившихся народов... скрещение и гибридизация до сего дня сохранили в трансформированных видах и психологию и речь третьего элемента в составе как древних, так и позднейших народов» (разрядка наша. — *Г. В.*).[1]

Это позволяет нам считать, что приведенные здесь лексические материалы и частично по этнониму *дян* || *чан* представляют собою отложения древнейшего языкового пласта в большинстве современных, да и в древних, языков Евразии, а может быть и шире.[2] Что за племена это были, когда они жили, как расселялись и на какой стадии развития находились в то время их языки, — это задачи дальнейшего исследования.

---

[1] Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент. Избранные работы, т. I, стр. 121.

[2] Продолжение анализа лексики, помимо расширения количества слов, показало, что большинство корней-слов, в том числе и приводимых выше, имеет аналогии в языках американских индейцев, некоторые из слов — в языках Африки и Индонезии. Но если на территории Евразии эти слова-корни имеют сплошное распространение (исключая юго-восток Азии), то вне этой территории они распространяются пятнами среди ареалов слов того же значения, но иного звучания.

С. И. РУДЕНКО

ДРЕВНИЕ НАКОНЕЧНИКИ ГАРПУНОВ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

В современной палеоэтнологической и этнографической литературе гарпунами называются весьма различные типы метательных орудий, объединяемые одной общей чертой — наличием на ребрах наконечника бородок или шипов, препятствующих выдергиванию наконечника из тела пораженного животного. По этому признаку гарпунами часто называют метательные дротики и остроги. Принципиальное отличие гарпуна от дротика или остроги заключается в том, что у дротиков и острог наконечник наглухо прикреплен к древку, подвижный же наконечник гарпуна вкладывается своим задним концом в соответствующее углубление переднего конца древка и свободно отделяется от него после того, как войдет в тело животного. У основания наконечника гарпуна обязательно привязан линь, другим концом прикрепленный к древку или находящийся в руке гарпунщика. Таким образом при помощи гарпуна охотник получает возможность овладеть пораженным им убитым или раненым животным.

Как правило, гарпун употребляется для охоты на водных млекопитающих и крупных рыб, т. е. для охоты на животных водной среды, легче позволяющей животному и после его поражения ускользнуть от преследователя. Впрочем, известны случаи применения гарпуна для охоты и за наземными млекопитающими, но это, вероятно, уже вторичное его применение.

Следует различать два рода гарпунов: с наконечниками бородчатыми и так называемыми поворотными. Первые, заостренные на переднем конце, имеют одну или более пар альтернативных бородок, дыру или круговой желобок в нижней части для привязывания линя, а тупым основанием вставляются в специальное гнездо переднего конца древка. Вторые, при заостренной вершине, дыре или желобке для прикрепления линя, вместо боковых бородок имеют базальную шпору в результате косо срезанного основания. В нижней трети поворотного наконечника гарпуна обязательно имеется гнездо, которым наконечник насаживается на заостренный конец древка или, чаще, при помощи специального колка. Такой наконечник, всаженный в тело животного, вследствие косо срезанного основания поворочивается, как только натянется линь, занимает перпендикулярное входному отверстию положение и таким образом прочно удерживается в теле. Имеются и комбинированные формы наконечников гарпуна, поворотные и вместе бородчатые.

При интерпретации назначения и способа употребления известной категории костяных наконечников верхнепалеолитических орудий принято

сопоставление их с эскимосскими бородчатыми наконечниками.[1] Да это понятно, так как в палеолите мы пока не знаем наконечников, подобных поворотным наконечникам эскимосских гарпунов. Между тем бородчатая форма наконечника гарпуна для эскимосской культуры — явление, повидимому, довольно позднее. В инвентаре древних эскимосских культур, несмотря на наличие многих сотен поворотных наконечников гарпунов, бородчатых не найдено. Более того, трудно доказать, что костяные мадленские наконечники, которые обычно рассматриваются как наконечники гарпунов, действительно являются таковыми. В самом деле, кроме размеров и формы бородчатые наконечники гарпунов отличаются прежде всего притупленным основанием, свободно вкладывающимся в соответствующее гнездо головки древка и легко из него выпадающим, а затем специальным устройством для привязывания линя, состоящим из шейки, кругового желобка или дыры-прореза. С этой точки зрения ни один из известных нам мадленских наконечников не может рассматриваться как бородчатый наконечник гарпуна, все они имеют заостренные конические основания для солидного укрепления в древке. Правда, у некоторых из них выше утолщения черенка имеется нечто вроде шейки, которую можно рассматривать как приспособление для привязывания линя. В действительности шейка эта скорее является устройством для более прочного прикрепления наконечника к древку. Последнее требовалось и размерами длинного и массивного мадленского наконечника, несовместимого с нашим представлением о сравнительно коротких бородчатых наконечниках гарпунов.

Грубо сделанные азильские наконечники имеют усовершенствование в виде прореза или дыры у основания, редко встречающееся в мадленских наконечниках. Однако и эти плоские наконечники имеют плоское долотовидное основание и аналогичны наконечникам эскимосских многобородчатых метательных дротиков для охоты на птиц, а не наконечникам гарпунов. Одни из таких наконечников соответствуют срединным центральным зубцам птичьих дротиков, другие, слегка изогнутые, — боковым. Прорезы у основания и здесь служили, несомненно, для более прочного прикрепления к древку дротика. То же следует сказать и об огромном большинстве костяных неолитических наконечников Европы и Северной Азии, известных под общим именем наконечников гарпунов. Почти все они являются наконечниками метательных дротиков или острог.

Наивысшее свое развитие, насколько мы знаем, гарпун получил у эскимосов. Эскимосский гарпун — орудие очень сложное: оно состоит из древка, ледовой пешки на заднем его конце, костяного упора для пальца, костяной головки, колка и наконечника, линя и пузыря. Неотъемлемая его принадлежность — гарпунометалка. Все вышеперечисленные составные части гарпуна имеют свою историю и местные особенности. Наибольшей изменчивости во времени и в пространстве подверглись наконечники эскимосских гарпунов, поэтому они являются весьма ценным критерием при распознании культурных этапов и имеют большое значение в хронологии.

Систематическими исследованиями в течение последних двух десятилетий в Северной Америке уже наметилась последовательность этапов развития эскимосской культуры. Первые систематические раскопки были произведены (1922 и 1923) Матиассеном к северу и западу от Гудзонова залива, где им была открыта древняя эскимосская культура туле. Позднее (1925) Дженнессом была обнаружена на востоке Северной Америки не менее древняя культура дорсет. Начало систематических работ на Аляске

[1] Ср., например, W. I. Sollas. Ancient Hunters and their modern Representatives. L., 1920, стр. 582.

и в районе Берингова пролива было положено А. Грдличкой, явившимся инициатором больших раскопок на острове св. Лаврентия. Грдличкой была собрана (1926) коллекция древних эскимосских наконечников гарпунов и других предметов как на побережье Аляски, так и на острове св. Лаврентия. Одновременно Дженнесс при раскопках на Аляске у мыса принца Уэльского и на малом острове Диомида в Беринговом проливе открыл особую эскимосскую берингоморскую культуру, которую впоследствии Коллинз назвал древней берингоморской.

Последующие годы ознаменовались весьма интенсивными раскопками Дженнесса, Мейзона, Форда и Лагуны на Аляске, Коллинза, Форда, Чемберса, Гейста на острове св. Лаврентия и ближайшем Пунукском, не только расширившими и уточнившими наши представления о ранее открытых культурах, но и обнаружившими новые этапы развития эскимосской культуры: пунук в области Берингова пролива и качемак на юге Аляски. В результате этих исследований, помимо ряда капитальных монографий по эскимосской археологии, явились и обобщающие работы Дженнесса [1] и Коллинза. [2] Коллинз в своей монографии по археологии острова св. Лаврентия [3] дал схему, показывающую хронологическое развитие эскимосского наконечника гарпуна с открытым гнездом на острове св. Лаврентия у Gambell, а в уже упомянутом очерке эскимосской доистории дал схему хронологической смены культур на территории, занятой эскимосами.

К сожалению, азиатская территория распространения эскимосов, в частности Чукотский полуостров, до сих пор не была объектом систематического исследования, и поэтому ряд проблем, связанных с вопросами заселения Америки, истории арктических культур, в частности эскимосской, и этногенеза на крайнем северо-востоке Азии — до сих пор остаются неосвещенными. По археологии крайнего северо-востока Азии мы располагаем всего несколькими опубликованными предметами из раскопок экспедицией Норденшельда [4] древних эскимосских полуподземных поселений на мысе Шмидта, затем коллекцией, приобретенной Расмуссеном на мысе Дежнева и описанной Матиассеном [5], и несколькими единичными предметами, преимущественно наконечниками гарпунов.

В 1908—1910 гг. Борисов и Беттак на Чукотском полуострове собрали значительную коллекцию древних эскимосских предметов из полуподземных жилищ, начиная от мыса Сердце-камень в Ледовитом океане, по всему берингоморскому побережью Чукотского полуострова до мыса Беринга в Анадырском заливе. Коллекция эта поступила в свое время в этнографический отдел Русского музея, ныне Государственный этнографический музей в Ленинграде (под номерами 1909 и 2002), но за исключением нескольких отдельных предметов [6] до сих пор не опубликована. Между тем коллекция эта настолько значительна по своим размерам и содержанию, что является весьма ценным дополнением к археологии эскимосов, так блестяще изученной американскими исследователями.

---

[1] D. Jenness. Prehistoric culture waves from Asia to America. Journ. Washington Acad. Science, vol. 30, № 1, 1940.

[2] H. B. Collins. Outline of Eskimo prehistory. Smithsonian Miscellaneous Collections. Vol. 100. W. 1940.

[3] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smithsonian Miscellaneous Collections. Vol. 96, № 1. W., 1937.

[4] A. E. Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der «Vega» 1878—1880. Leipzig, 1882, стр. 403—405.

[5] Th. Mathiassen. Archaeological collections from the Western Eskimos. Report 5-th Thule Expedition 1921—1924. Kobenhavn, 1930.

[6] А. В. Мачинский. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове. Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях ИИМК, IX, 1941.

К сожалению, ни Борисов, ни Беттак не оставили дневников своих раскопок, и поэтому пока, пользуясь только американскими работами, главным образом Коллинза, представляется возможность установления принадлежности этого собрания различным этапам эскимосской культуры. В настоящей работе мы остановились на поворотных наконечниках эскимосских гарпунов — на одном из лучших показателей эскимосской культуры — ввиду исключительного значения промысла морских млекопитающих за время многовекового ее существования.

Поворотный наконечник гарпуна (harpoon head) структурно сложен (рис. 1), в нем обычно различают: гнездо или насад (shaft socket), прорезы (lashing slots) или желобок (groove) для пояска колка (loose shaft), шпору (spur), дыру для линя (line hole), наличие или отсутствие боковых бородок (lateral barbs) или каменных вкладышей (stone side blades), наличие или отсутствие концевого каменного копьеца (end blade) в соответствующем прорезе (blade slit or kerf). При структурной сложности поворотные наконечники гарпунов варьируют в величине, форме и пропорциях различных частей, в комбинации составных частей, технике изготовления и орнаментации. Все эти черты дают возможность установления типов и безошибочного их опознавания в культурных комплексах.

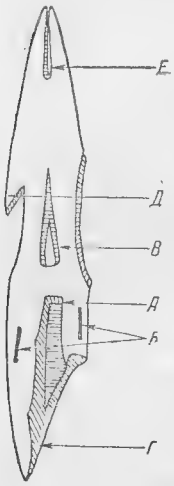


Рис. 1

А — открытое гнездо; *Б* — прорезы для пояска гнезда; *В* — дыра для линя; *Г* — базальная шпора; *Д* — боковая бородка или вкладыш; *Е* — прорез для концевого копьеца

Древнейшим (около начала нашей эры) из известных нам поворотных наконечников эскимосских гарпунов Коллинз считает тип древний берингоморский (тип I Коллинза), отличающийся следующими отличительными признаками: открытое гнездо для колка; два прореза для пояска гнезда; тройная симметричная шпора со срединным шипом наиболее длинным; две круглые дыры для линя, выше и ниже гнезда, с желобком, в котором имеются прорезы для пояска; в глубоких боковых выемках каменные вкладыши в плоскости дыр для линя или перпендикулярно им; орнаментирован в древнем берингоморском стиле, иногда без орнамента.

Этот тип мы называем древним берингоморским потому, что на острове св. Лаврентия он обнаружен только в комплексе орудий древней берингоморской культуры. Наконечников гарпунов этого типа мы не знаем ни с закрытым гнездом-втулкой, ни с концевым копьецом. Конструктивно важной отличительной чертой этого типа является наличие двух дыр для линя. Шпора здесь, как сказано, тройная, с тремя шипами — средним центральным длинным и двумя боковыми короткими. Средняя шпора центрирована и находится в одной плоскости с дырами для линя. Такое положение шпоры, по мнению Коллинза, [1] заставило проделать вторую дыру для линя, так как последний выходит из-под основания центрированной шпоры. Открытые гнезда у всех наконечников древнего берингоморского типа больших размеров, корытообразной формы, расширяющиеся сверху вниз, приспособленные для массивных веретенообразных колков со срезанной вершиной. Прорезы для пояска гнезда всегда равной длины. Материалом, из которого они изготовлялись, всегда был моржовый клык.

[1] H. B. Collins. Archeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 96. W., 1937.

Наконечники гарпунов древнего берингоморского типа, правда, в очень небольшом количестве экземпляров, известны в настоящее время во всей области распространения древней берингоморской культуры. На острове св. Лаврентия из 417 наконечников гарпунов, найденных у Gambell Коллинзом, [1] только пять принадлежали этому типу, причем только один из них был совершенно целый; два таких же наконечника были описаны Дженнессом [2] — с острова Малого Диомида и три [3] — с северной Аляски, в частности из района мыса Барроу. С азиатского побережья Берингова пролива кроме нашего собрания нам известен только один наконечник такого типа (см. рис. 3) из собрания Свердрупа. [4]

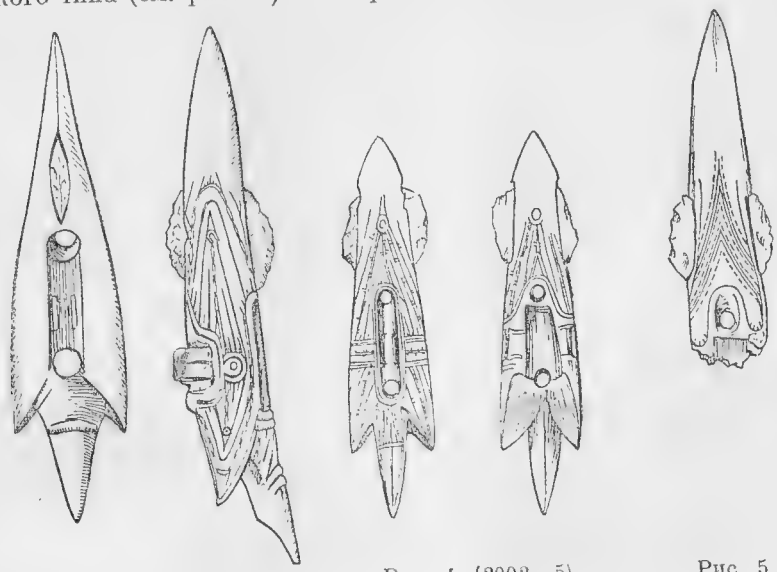


Рис. 2 (2002—12) Рис. 3 (Собрание Свердрупа) Рис. 4 (2002—5) Рис. 5 (1909—15)

В нашем собрании с азиатского побережья Берингова пролива имеется четыре экземпляра наконечников рассматриваемого типа, все из моржового клыка, из которых три изображены на рис. 2, 4 и 6. [5] Два из них очень хорошей сохранности (рис. 2 и 4) и два не цельные. У наконечника гарпуна, изображенного на рис. 2 и 3, каменные вкладыши находятся в одной плоскости с дырами для линя, причем первый совершенно гладкий, а второй покрыт орнаментом в древнем берингоморском стиле. Судя по

[1] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, табл 23, рис. 1, 2, табл. 24 и 25, рис 1—3.

[2] D. Jenness. Archaeological investigations in Bering Strait. Nat. Mus. Canada. Ann. Rep. 1926. Bull. 50, Ottawa, 1928, табл. 13 a; он же. Ethological problems of Arctic America. Amer. Geogr. Society, Special Publ., № 7, 1928, рис. 3e.

[3] H. B. Collins. Цит. соч., 1928, табл. 2 f; Cl. Wissler. Harpoons and darts in the Stefansson collection. Anthrop. Papers of the Amer. Mus. Nat. History. Vol. 14, part II, 1916; Th. Mathiassen. Some specimens from the Bering Sea culture. Indian Notes, Mus. Amer. Indian, Heye Foundation, Vol. VI, № 1. N. Y., 1929, рис. 13b.

[4] Г. У. Свердруп. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Материалы по изучению Якутской АССР, вып. 30, 1940, табл. 25, рис. 4.

[5] Все рисунки исполнены по оригиналам Н. М. Руденко, за что приношу ей глубокую благодарность. В подписях под рисунками указаны музейные номера изображенных предметов.

размерам, мы имеем типичные наконечники тюленьих гарпунов. Наконечники гарпунов (рис. 4 и 5), из которых от второго сохранилась только передняя половина, имеют каменные вкладыши в плоскости, перпендикулярной дырам для линя. Оба они орнаментированы в древнем берингоморском стиле. Существенные различия между ними — в форме передней части наконечника, короткой у первого и с вкладышами у самого конца наконечника, длинной у второго и с каменными вкладышами, расположенными далеко от переднего конца у передней дыры для линя.

Необычное и весьма сложное устройство для привязывания линя при помощи двух высверленных отверстий в теле наконечника гарпуна древнего берингоморского типа заставляет искать современных ему или предшествующих наконечников с тройной же симметричной шпорой, но одной

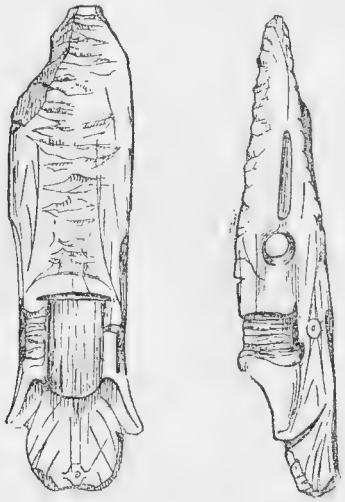


Рис. 6 (2002—20).

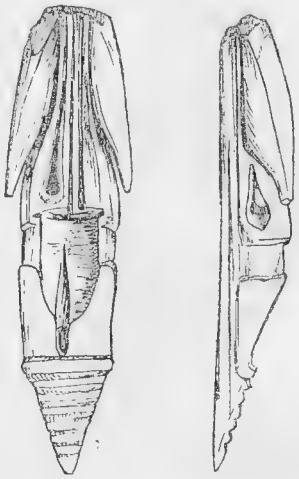


Рис. 7 (2002—16)

дырой для линя. В нашем собрании имеется один (с мыса Дежнева), до сих пор, повидимому, еще неизвестный, тип наконечника большого моржового гарпуна с тройной симметричной шпорой, причем центральная шпора (судя по толщине в месте излома и положению у его края орнаментального кружка, от которого композиционно вниз должны отходить длинные линии) была очень длинной, а боковые зубцы очень короткие, имеющие вид придатков (рис. 6). Изготовлен и этот наконечник из моржового клыка. Гнездо для колка у него открытое, очень большое, корытообразной формы (типичной для древних берингоморских наконечников) с двумя прорезами для пояска; каменные вкладыши — в одной плоскости с дырой для линя; поверхность орнаментирована в наиболее простом и раннем древнем берингоморском стиле I. Наконечник этот был изношен и вышел из употребления еще в древности и носит на себе следы поперечных нарезок каменным орудием. Художественное и стилистическое оформление нижней части этого наконечника говорит за то, что мы имеем здесь дело не со случайной, а с вполне выработанной формой наконечника древнего гарпуна.

Второй, также очень древний, тип эскимосского наконечника гарпуна, с боковыми каменными вкладышами (датируемый первой половиной I тысячелетия н. э.) — тип бирнирк, имеет следующие диагностические признаки: открытое гнездо; два прореза для пояска гнезда; тройная, реже

четверная или двойная асимметричная шпора с шипами более или менее равной длины; одна круглая дыра для линя; два боковых каменных вкладыша в глубоких вырезах в плоскости дыры для линя или перпендикулярно ей; обычно круглая в поперечном сечении форма; материал — клык моржа, реже кость; орнаментирован в древнем берингоморском стиле или без орнамента.

Наконечники гарпунов типа бирнирк отличаются от древних берингоморских наличием одной дыры для линя, асимметричным положением сложной шпоры и круглой в поперечном сечении формой. Форма гнезда совершенно такая же, как и у древних берингоморских, — обширная и корытообразная, но прорезы для пояска, как правило, не на одном уровне, а один из них расположен несколько выше другого, так что поясок, замыкающий гнездо, несколько скошен. Орнаментированные экземпляры — в древнем берингоморском стиле 2.

Рассматриваемый тип значительно многочисленнее предыдущего. Он господствует в коллекции Стивенсона из Бирнирк (Birnirk) и в деталях описан Уисслером. [1] По месту, где он впервые был найден, он и получил от Матиассена свое название. Тип этот преобладает и в коллекции Ванвелена, также из района мыса Барроу, описанной Мейзоном, [2] и, наконец, в собрании Расмуссена, оттуда же. Достаточно многочислены такие наконечники и на острове св. Лаврентия, встреченные там в нескольких вариантах и описанные Гейстом и Рейни [3] как тип бирнирк II и Коллинзом [4] как тип II, производный от первого древнего берингоморского типа. Единичные наконечники этого типа, также с мыса Барроу, впервые были описаны Мердоком [5] и Мейзоном. [6]

При общих диагностических признаках рассматриваемого типа, между ними, в зависимости от местности, наблюдаются более тонкие отличия в форме, пропорциях частей и в различных других мелких чертах, которые придают им индивидуальный отпечаток.

Из двенадцати хорошо сохранившихся наконечников гарпунов этого типа с берингоморского побережья Чукотского полуострова мы приводим изображения пяти, один из них поломан. Наконечники, изображенные на рис. 8—11, хорошей сохранности, а два из них покрыты типичным орнаментом в древнем берингоморском стиле 2. Каменные вкладыши в трех наконечниках находятся в одной плоскости с дырой для линя; шпора тройная, асимметричная. Открытое гнездо такое же обширное и корытообразное, как и в наконечниках древнего берингоморского типа. Наконечник гарпуна, изображенный на рис. 10, подобен двум предыдущим, но несколько короче и не орнаментирован. Наконечники эти идентичны лаврентьевским из Miyowagh. [7] Несколько отличную форму имеет наконечник гарпуна, изображенный на рис. 11, — он овальный, а не круглый в поперечном сечении, с боковыми вкладышами в плоскости, перпендикулярной дыре

---

[1] Cl. Wissler. Цит. сочинение.

[2] J. A. Mason. Excavations of Eskimo Thule culture sites at Point Barrow, Alaska. Proceedings of the 23-th Internat. Congress of Americanists. N. Y., 1930.

[3] O. W. Geist and F. G. Rainey. Archaeological excavations at Kukulik, St. Lawrence Island, Alaska. Miscell. Public. of the Univers. of Alaska. Vol. II, W., 1936, стр. 204, табл. 69, рис. 7.

[4] H. B. Collins. Цит. соч. 1937, стр. 102—103, табл. 24 и 25, рис. 5—10; табл. 27, рис. 3—4; табл. 28, рис. 1 и 2; табл. 70, рис. 1—3.

[5] J. Murdoch. Ethnological results of the Point Barrow expedition. 9-th Annual Rep. of the Bureau of Amer. Ethnol. W. 1892, стр. 220, рис. 216.

[6] O. Mason. Aboriginal American harpoons. U. S. National Museum. Ann. Report, 1900, 1902, стр. 277.

[7] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, табл. 24 и 25, рис. 5—8.

для линя, и с двойной асимметричной шпорой. По форме и общим структурным чертам он ближе к бирниркским наконечникам с мыса Барроу.

В отличие от остальных наконечников с Чукотского полуострова, которые все из моржевого клыка, этот наконечник костяной, что характерно для бирнирксских наконечников из района мыса Барроу. Бирнирксские наконечники мыса Барроу вместо двух боковых каменных вкладышей,

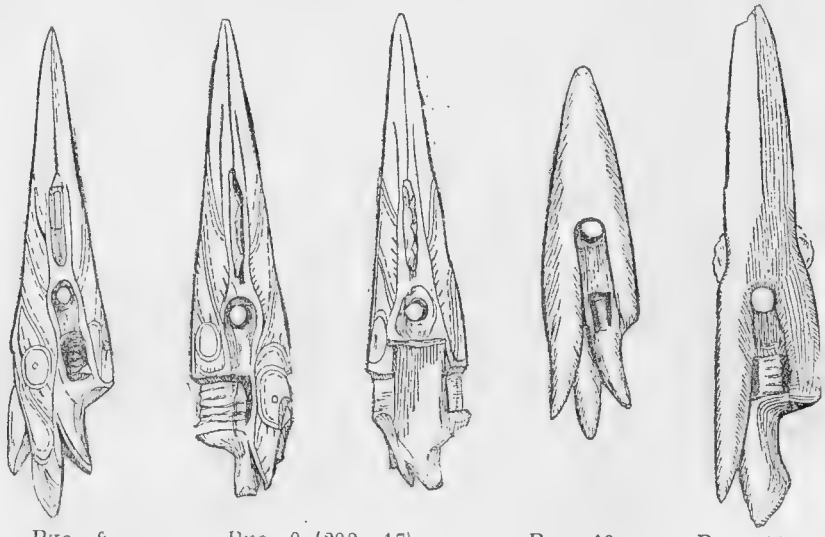


Рис. 8 (2002—10) Рис. 9 (202—17) Рис. 10 (2002—4) Рис. 11 (2002—8)

обычных для наконечников наших и с острова св. Лаврентия, имеют только один каменный вкладыш с противолежащей ему бородкой. В нашем собрании таких наконечников нет, но они известны с азиатского побережья Ледовитого океана, с острова Четырехстолбового, из группы Медвежьих, что против устья Колымы. Свердруп [1] обнаружил там шесть земляных холмов — остатков древних жилищ. Он раскопал их и нашел там фрагменты глиняной посуды, каменные ножи, два каменных наконечника копья и два наконечника гарпуна из моржового клыка бирнирксского типа. Наконечники эти, воспроизведенные в одной из работ Матиассена, [2] оба имеют открытое гнездо с прорезами для пояска, неправильной формы шпору и одну выступающую бородку с противоположным ей боковым вкладышем.

Все наши наконечники гарпунов древнего берингоморского и бирнирксского типов, как уже отмечалось, сделаны из клыков моржа, и притом молодых особей; с технологической же точки зрения большой интерес представляет устройство пояска, закрывающего открытое гнездо, и закрепление боковых каменных вкладышей.

В устройстве пояска наиболее замечательна узость сделанных для него прорезов в теле наконечника, которые обычно немногим больше 1 мм шириной и в среднем около 8 мм высотой. Имея только каменные инструменты, такие прорезы сделать было не легко. Интересен также вопрос о материале, из которого устраивался поясок. Мейзон [3] высказывал пред-

[1] H. U. Sverdrup. Tre aar i isen med «Maud». Oslo, 1926, стр. 77.
[2] Th. Mathiassen. Archaeology of the Central Eskimos. Rep. 5-th Thule Expedition. Vol. IV. Copenhagen, т. 2, стр. 180.
[3] O. Mason. Цит. соч., стр. 275.

положение, что пояски эти были ременные. Последнее вполне возможно, и мы действительно знаем один такой в наконечнике древнего берингоморского типа (рис. 3). Однако, как правило, пояски для гнезда изготовлялись из волокон китового уса. Интересно, что желобки для пояска наконечников всех типов с прорезами для пояска никогда не бывают гладкими, а всегда имеют продольные или поперечно нарезанные бороздки для более прочного укрепления волокон пояска. В нашем собрании с Чукотского полуострова имеется один наконечник гарпуна с открытым гнездом, двумя прорезами и полностью сохранившимся пояском из волокон китового уса. Несколько наконечников гарпунов с открытым гнездом и поясками из сухожильных волокон было найдено и экспедицией Туле в области центральных эскимосов. [1] Подобные же сухожильные пояски известны по коллекции Расмуссена в гарпунах из раскопок древних поселений на Аляске,[2] причем в одном случае повязка эта была из растительных волокон.

Каменные вкладыши в костяных орудиях, как известно, характерны для мезолитических культур тарденуа и азиль. На севере Европы мы находим их в богатом комплексе костяных орудий современных азилю культуры маглемозе. В Сибири костяные наконечники с каменными вкладышами известны еще в верхнем палеолите, в нижнем горизонте стоянки Афонтова гора под Красноярском. [3] Еще большее распространение подобные орудия получили в раннем неолите. Напомним Оленеостровский могильник на Онежском озере с его костяным кинжалом с каменными вкладышами [4] и особенно могильники исаковской и серовской стадий прибайкальского неолита с их богатыми комплексами орудий этого типа.[5] Известны подобные орудия и из неолитических погребений верховьев р. Амура. [6]

У эскимосов каменные вкладыши в костяных орудиях пока были находимы редко. Нож, костяной клинок со вставленными на конце кремневыми вкладышами из Urkiavwin был описан Мердоком; [7] другой нож из бухты Пондз, состоящий из деревянного клинка с кремневым вкладышем на конце, описан Боасом. Наибольший интерес представляет нож из китовой кости, 68 см длины и 3.5 см шириной, найденный капитаном Кома (Comer) в могиле на острове Саутгемптон. На половину своей длины орудие это снабжено с каждой стороны семью глубокими и узкими желобками; в эти желобки были вложены вкладыши, вероятно, овальной формы. Из них восемь уцелевших крепко врезаны в кость. Верхний конец орудия расщеплен таким же образом, как наконечники гарпунов с острова Саутгемптона, которыми пользовались, вставляя кремневое копьецо. В расщепленном конце находился большой каменный наконечник. По мнению эскимосов, этот большой мечеподобный нож употреблялся для разрезывания

---

[1] Th. Mathiassen, Цит. соч., 1927, табл. 1, рис. 5 и 7; табл. 39, рис. 4 и 5; табл. 40, рис. 5 и 8; табл. 78, рис. 1; табл. 82, рис. 1.

[2] Th. Mathiassen. The question of the origin of Eskimo culture. Americ. Anthrop. Vol. 32, № 4, 1930, табл. 7, рис. 3 и 21.

[3] Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский. Материалы по изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора. Труды комиссии по изучению четвертичного периода, № 1, 1932, табл. 7, рис. 3—6 и 8; табл. 10, рис. 5 и 6.

[4] В. П. Равдоникас. Оленеостровский могильник. Советская археология, VI, 1940, рис. 16.

[5] А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. Вестник древней истории, 1 (2), 1938, рис. 3—7, и 9, рис. 5—2 и 5.

[6] В. Толмачев. Предметы костяного века. Сообщения ГАИМК, № 2, 1929.

[7] J. Murdoch. Цит. соч., стр. 160, рис. 117.

китового сала. Наконец, Матиассен [1] опубликовал тяжелый наконечник копья или нож из китовой кости с вырезами для каменных вкладышей, найденный им при раскопках в области центральных эскимосов. Несравненно чаще, по крайней мере в области Берингового моря, мы находим каменные вкладыши в костяных наконечниках древних эскимосских гарпунов, которые теперь насчитываются уже десятками. В нашем собрании с Чукотского полуострова имеется несколько экземпляров наконечников гарпунов с каменными вкладышами, позволяющими судить о деталях вооружения ими наконечников гарпунов.

Размеры боковых вырезок для вкладышей, а следовательно, и самих вкладышей сильно варьируют: от 8 до 23 мм в длину. Между размерами наконечника гарпуна и величиной вкладыша не наблюдается прямой зависимости: маленькие вкладыши встречаются в длинных наконечниках и относительно большие — в коротких. Ширина выреза для вкладыша колеблется от 1.5 до 3 мм, а глубина — от 5 до 8 мм. Вырезы для вкладышей могут отделяться один от другого более или менее толстой перегородкой, часто же они соприкасаются между собой, а нередко соединены сквозным отверстием. О технике выреза для вкладыша можно с уверенностью сказать, что последний делался узким резцом и ножевидной каменной пластиной, что хорошо видно на некоторых поврежденных экземплярах (см. рис. 12).

Из района мыса Дежнева мы имеем один сломанный наконечник гарпуна (2002—37), в котором боковые каменные вкладыши были расположены не как обычно, а асимметрично, один над другим, подобно редким экземплярам бородчатых поворотных наконечников гарпунов с асимметрично расположенными бородками.

Что представляют собой каменные вкладыши, можно видеть по приведенным их изображениям. На рис. 28 дано изображение двух вкладышей из кремнистого сланца и кремня, с трудом извлеченных из двух наконечников с мыса Дежнева. Первый, из кремнистого сланца, представляет собой маленькое миндалевидной формы орудьице, очень напоминающее наконечник стрелы; орудьице это тщательно обработано отжимной ретушью, в особенности по его рабочему краю. Второй вкладыш — осколок кремня с тщательно подработанным и отретушированным только рабочим краем.

Боасом было высказано предположение о закреплении вкладышей в своих гнездах-прорезах при помощи особого цемента. Действительно, каменные вкладыши, как правило, чрезвычайно прочно сидят в своих гнездах, их рабочий край часто бывает сильно зазубрен и изношен, а вкладыши между тем остаются как бы впаянными в кость. Однако вряд ли какой-либо цемент, клей, смола или что-либо подобное применялось для укрепления вкладышей в прорезах-гнездах. При тщательном обследовании многочисленных гнезд для каменных вкладышей нами не было обнаружено в них каких бы то ни было посторонних элементов. Мы полагаем, что наконечники поворотных эскимосских гарпунов вообще изготовлялись из размягченных, распаренных в горячей воде клыков моржа или из кости, как это наблюдается при производстве костяных поделок рядом племен Сибири; в такой свеже сделанный наконечник и вставлялись вкладыши, которые впоследствии, когда кость высыхала, держались в них настолько крепко, что не могли уже быть извлечены из своего гнезда без нарушения целости вкладышей. Мы знаем немало наполовину сломанных каменных вкладышей наконечников гарпунов, в то время как оставшаяся половина прочно сидит в своем гнезде.

---

[1] Th. Mathiassen. Archaeology of the Central Eskimos. Report 5-th Thule Expedition. Vol. IV, Copenhagen, 1927, т. 1, стр. 250, табл. 72, рис. 11.

Простейшей и, возможно, наиболее примитивной формой эскимосских поворотных наконечников гарпунов является тип со следующими характерными чертами: открытое гнездо; круговой желобок или круговой желобок с одним прорезом, или наконец, два прореза для пояска гнезда; одна боковая базальная шпора, которая обычно асимметрична и сделана острым скосом на стороне гнезда; дыра для линя треугольная; нет концевого копьеца; форма гарпуна плоская, овальная в поперечном сечении; не орнаментирован; материал — клык моржа или кость.

В нашем собрании с берингоморского побережья Чукотского полуострова свыше десяти наконечников этого типа, из которых мы воспроизводим три (рис. 13—15), отличающиеся один от другого устройством крепления пояска гнезда. На рис. 13 изображен костяной наконечник с асимметричной шпорой и круговым желобком для пояска.

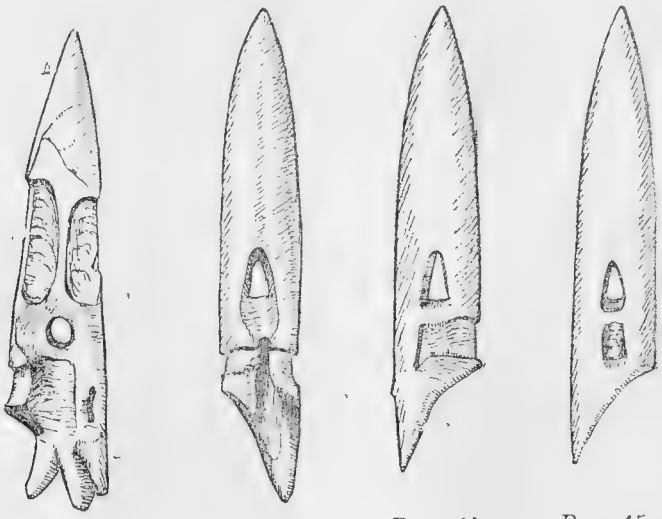


Рис. 12 (2002—17) Рис. 13 (1909—139) Рис. 14 (2002—27) Рис. 15 (1909—149)

Подобные наконечники были найдены Гейстом [1] на острове св. Лаврентия и описаны им как редкий тип VII, встреченный им всего в четырех экземплярах (два костяные и два из моржового клыка). Такие же 7 наконечников нашел Коллинз [2] на острове св. Лаврентия в древней секции Gambell. Этот же тип, как относящийся к древнейшему периоду залива Качемак бухточки Кука, описан и Лагуной. [3] Вне территории западных эскимосов, в области эскимосов центральных, нам известны только два подобных наконечника из раскопок экспедиции Туле, но у них дыра для линя не треугольная, а круглая. Матиассен [4] тип этот считает древнейшим (туле А 1а) и одним из тех, который редко употреблялся в крупных образцах. В области центральных эскимосов они встречаются в виде небольших орудий, более приспособленных для ловли лососей, но в иных случаях, по мнению Матиассена, они употреблялись и для охоты за тюленем.

---

[1] O. W. Geist and F. G. Rainey. Цит. соч., стр. 93, табл. 18, рис. 7.
[2] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, табл. 71, рис. 15, 16 и 22.
[3] F. de Laguna. The archaeology of Cook Inlet, Alaska. Univ. Pa sylvania Peress. 1934, стр. 187.
[4] Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. 2, стр. 14—15.

На рис. 14 дано изображение одного из четырех наконечников с одним прорезом и желобком для пояска гнезда. Подобные наконечники были найдены Гейстом и Коллинзом на острове св. Лаврентия. Гейст, [1] описывая их как редкий тип 5, отмечает, что из десяти подобных наконечников только три были из моржового клыка, остальные же семь костяные. Коллинзом [2] три таких наконечника с открытым гнездом были найдены в Seklowaghyaget и описаны им под типом V.

Последний вариант описываемого типа, изображенный на рис. 15, с двумя прорезами для пояска, устроен так, что, располагаясь по краям гнезда, они почти сходятся на обратной гнезду плоской стороне наконечника. За пределами Чукотского полуострова наконечников описываемого типа с двумя прорезами для пояска гнезда мы пока не знаем.

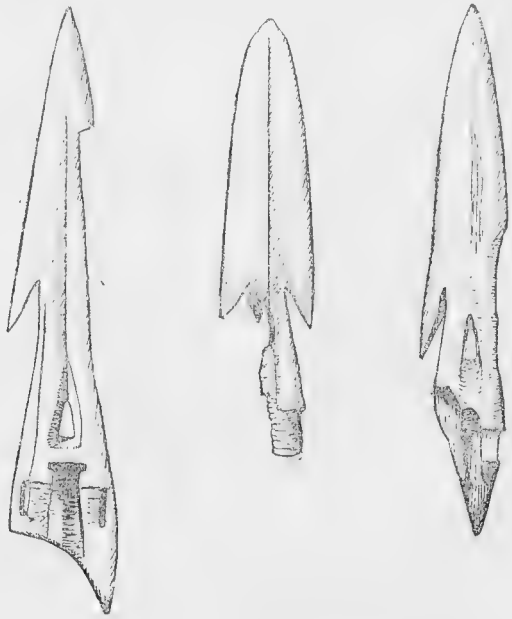


Рис. 16 (1909—154) Рис. 17 (1909—151) Рис. 18 (1909—150)

Матиассен [3] описал наконечник гарпуна этого типа с мыса Дежнева из коллекции Расмуссена, но в нем вместо прореза по бокам открытого гнезда просверлены две дыры. Такой способ крепления пояска в просверленных дырах — явление позднее и характерно для наконечников гарпунов, встречающихся в области центральных эскимосов [4] и для Гренландии.

Следующий тип плоских бородчатых поворотных наконечников гарпунов, генетически несомненно связанный с только что описанным, отличается следующими признаками: открытое гнездо для колка; круговой желобок или два прореза для пояска гнезда; единственная базальная шпора; треугольная, редко круглая, дыра для линя; две выдающихся

[1] O. W. Geist and F. G. Rainey. Цит. соч., стр. 93, табл. 18, рис. 5 и 7.

[2] Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. 1, стр. 203, табл. 71, рис. 12 и 13.

[3] Th. Mathiassen. Archaeological collections from the Western Eskimos. Report 5-th Thule Expedition 1921—1924. № 1. Kobenhavn, 1930, стр. 72, табл. 18, рис. 2.

[4] Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. 1, табл. 40, рис. 5; табл. 69, рис. 1, табл. 78, рис. 1.

боковых бородки в плоскости, перпендикулярной дыре для линя; нет концевого копьеца; костяные или из моржового клыка; не орнаментированы.

В нашем собрании имеется всего три (рис. 16—18) наконечника этого типа, из них два поврежденные. Костяной наконечник (рис. 16) является полной копией наконечника предыдущего типа с круговым желобком для пояска гнезда и отличается от него только присутствием бородок. Второй наконечник рассматриваемого типа, с двумя симметричными боковыми бородками из клыка моржа, с обломанной нижней частью вместе с базальной шпорой (рис. 17), ближе всего к наконечникам, описанным Матиассеном под типом туле 2, но отличается от них наличием кругового желобка для пояска открытого гнезда вместо двух прорезов.

Такие плоские поворотные наконечники гарпунов с боковыми бородками известны почти на всей территории, заселенной эскимосами, но только в находках издавна уже необитаемых стойбищ. На азиатском побережье Ледовитого океана наконечники этого типа были найдены у мыса Шмидта. [1] На Аляске кроме тех, которые приводит Мердок [2] с мыса Барроу, подобные же наконечники с мыса Аткинсона и острова Бартера опубликованы Матиассеном. [3] На востоке Северной Америки это один из наиболее характерных и часто встречающихся типов орудий в культуре туле и самый обычный тип наконечников гарпунов в наиболее древнем стойбище центральных эскимосов (Naujan), где, по сообщению Матиассена, [4] их найдено не менее 31. Хорошо известны они и в других местах, заселенных центральными эскимосами, [5] часто встречаются также и на древних стойбищах северной части побережья западной Гренландии, [6] но не известны в восточной Гренландии.

Наконечники этого типа известны и из раскопок на острове св. Лаврентия. Гейст [7] рассматривает их как особый класс, редкий тип 8, встретившийся в древних отложениях раскопанного им стойбища. Коллинзом [8] подобных наконечников было найдено всего семь, причем большинство из них, как и найденные Гейстом, были из моржового клыка. Коллинз, описывая их под типом IV, хронологически связывает их с пунукским периодом эскимосской культуры, а по времени относит их к концу I тысячелетия н. э.

Своеобразную форму имеет третий из нашего собрания крупный наконечник рассматриваемого типа (рис. 18), отличающийся от остальных кроме общей формы асимметричным положением бородок. Этот наконечник гарпуна имеет много общего с многобородчатым наконечником типа А 1в Матиассена. [9]

---

[1] A. E. Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der «Vega» 1878—1880. Leipzig, 1882, т. 1, стр. 404, рис. 5; Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. II, стр. 16.

[2] G. Murdoch. Цит. соч., стр. 220, рис. 29.

[3] Th. Mathiassen. Archaeological collections from the Western Eskimos. Report 5-th Thule Expedition 1921—1924. № 1. Kobenhavn. 1930, табл. 1 и 5.

[4] Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. II, стр. 16.

[5] F. Boas. The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay. Bull. of the Amer. Mus. of Nat. History. Vol. XV. Part I, 1901, рис. 248; D. Jenness. Archeological investigations in Bering Strait. Nat. Mus. Canada. Ann. Report, 1926. Bull. 50. Ottawa, 1928; Cl. Wissler. Цит. соч., стр. 150.

[6] K. Birket-Smith. Ethnography of the Egedesminde district with aspect of the culture of West Greenland. Kobenhavn, 1924, рис. 25а и рис. 20 в.

[7] O. W. Geist and F. G. Rainey. Цит. соч., стр. 93—94, табл. 18; табл. 63, рис. 6.

[8] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, стр. 205—206, табл. 70, рис. 4 и 5.

[9] Th. Mathiassen. Archaeological collections from the Western Eskimos. Report 5-th Thule Expedition 1921—1924. № 1. Kobenhavn, 1930, стр. 12.

Такие же наконечники хорошо известны из древних стойбищ области центральных эскимосов, но редко встречаются к северу от Баффиновой земли. Один экземпляр многобородчатого наконечника этого типа был найден Коллинзом [1] на острове св. Лаврентия в стоянке Seclowaghiaget.

О назначении всех многобородчатых наконечников рассматриваемого типа Матиассен [2] предполагает, что здесь мы имеем дело с наконечниками тюленьих гарпунов. Биркет-Смит [3] высказывает сомнение в том, что они первоначально употреблялись для тюленьего промысла, но то обстоятельство, что они в большом количестве встречаются на древних стойбищах центральных эскимосов, в частности Naujan, где нет рек и озер, изобилующих лососевыми, говорит за то, что они действительно употреблялись для охоты на морских животных и, судя по их форме, на таких, которые имеют сравнительно тонкую и легко пронзаемую кожу. Впрочем, наконечники этого типа на востоке часто встречаются в дегенерированных формах, и Матиассен думает, что они служили для ловли лососей.

Вопрос о времени — в относительной хронологии этапов развития эскимосской культуры — обоих последних типов плоских наконечников гарпуна с открытым гнездом, одной базальной шпорой без бородок (тип туле 1) или с бородками (тип туле 2) остается пока неразрешенным.

Матиассен [4] при построении своей классификации эскимосских наконечников гарпунов исходил из предпосылки, что формы наконечников, с типологической точки зрения более простые, всегда предшествуют более сложным производным формам. После рассмотрения распределения различных типов наконечников в тульских стоянках центральных эскимосов он нашел, что формы, которые с типологической точки зрения рассматривались им как более простые, оказались также и более древними. Самым древним из них оказался тип туле 1 с открытым гнездом, без бородок и с одной базальной шпорой. Между тем, как показали систематические раскопки на острове св. Лаврентия, маленькие, без концевого копьеца, вкладышей и бородок наконечники гарпунов типа туле 1 оказались там одними из очень поздних. В районе Gambell они не появляются ранее верхних слоев Seklowaghyaget и в древней секции Gambell, современной руинам построек, время которых около XVIII в. н. э. Большинство этих наконечников из Gambell, которые Коллинз описал под типом V, отличаются от типа туле 1 Матиассена только наличием клинообразного гнезда, которое Коллинз считает наиболее характерной чертой протоисторических наконечников на острове св. Лаврентия. [5] В южной Аляске, в бухточке Кука, Лагуна [6] нашла в нижних слоях раскопанной ею стоянки наконечники гарпунов с открытым гнездом, без вкладышей и бородок, с одной базальной шпорой, которые она идентифицирует с типом туле 1 Матиассена и считает лучшим подтверждением гипотезы Матиассена, по которой культура туле на Аляске предшествовала биринрской и древней берингоморской стадиям эскимосской культуры. Коллинз по этому поводу справедливо замечает, что наконечники из бухточки Кука являются простыми и поэтому неизбежно близкими к таким простым наконечникам, как тип туле 1, но между ними имеются весьма существенные различия в деталях.

Относя рассматриваемый тип наконечников к позднейшему этапу пунукской стадии эскимосской культуры, Коллинз [7] обращает внимание

[1] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, табл. 71, рис. 1.
[2] Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. 1, стр. 17.
[3] K. Birket-Smith. Цит. соч., 1924, стр. 60.
[4] Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. 2, стр. 14.
[5] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, стр. 308—309.
[6] F. de Laguna. Цит. соч., 1934, стр. 187.
[7] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, стр. 213—214.

на одну деталь в устройстве открытого их гнезда. Дело в том, что открытые гнезда в наконечниках гарпунов, наиболее распространенных на острове св. Лаврентия, — типа III по Коллинзу, который мы рассмотрим ниже и который там древнее, чем интересующий нас в настоящий момент тип, — с прямыми стенками, совершенно прямоугольными по форме. Кроме того, они имеют одно и то же поперечное сечение как вверху, так и внизу; колок удерживался на месте только пояском, проходящим через пару прорезов и через открытое гнездо. В одном из вариантов типа III и в интересующих нас типах 1 и 2 туле в дополнение к методу крепления колка в гнезде пояском последнее вырезывается таким образом, что оно частично может удерживать колок. Это достигается особым устройством стенок гнезда, направляющихся внутрь (см. рис. 13); основание гнезда делается шире, чем вершина, и, следовательно, колок остается на месте без пояска, даже в том случае, если гнездо полностью не закрыто. Клинообразное устройство такого гнезда развивается и далее за счет сужения от основания кверху так, что прорез в верхней части делается вдвое меньше, чем в нижней.

Коллинз, ссылаясь на образцы (уже протоисторические, на острове св. Лаврентия) с открытыми еще гнездами, но в действительности функционирующими как закрытые, отмечает все же, что хотя типологические и стратиграфические данные говорят как будто за то, что эта частичная метаморфоза в наконечниках произошла на наших глазах, в последнее время, но нельзя предполагать, что идея гнезда-втулки сама по себе была новой для эскимосов острова св. Лаврентия; китовые наконечники гарпунов, бывшие во всеобщем там употреблении в пунукской стадии, всегда имели закрытые гнезда-втулки. Как увидим ниже, наконечники гарпунов с гнездом-втулкой были во всеобщем употреблении в области Берингова пролива и в древнеберингоморской стадии эскимосской культуры.

Констатируя очень позднее и внезапное в Seklowaghyaget на острове св. Лаврентия появление маленьких, без копьеца и вкладышей наконечников гарпунов (тип туле 1), Коллинз [1] все же допускает, что они могут быть древними где-нибудь в другом месте и на острове св. Лаврентия могли быть импортными. Этот тип — очень простая форма наконечника гарпуна и теоретически может быть весьма древней формой. Но тут же этот автор оговаривается, что одна простота формы еще не достаточный показатель древности, пока возможно и противоположное толкование — деградация формы.

Столь же неопределенно, хронологически и стадиально, положение бородчатой формы наконечников гарпунов типа туле 2. На острове св. Лаврентия и он появляется почти внезапно и в сравнительно позднее время (стоянка Seklowoghyaget— развитый пунук), не раньше, чем наконечники типа туле 1. Отсюда Коллинз делает заключение, что тип туле 2 впервые появился на арктическом побережье, возможно в районе мыса Барроу, и был сравнительно поздно ввезен на остров св. Лаврентия. У мыса Барроу бородчатые формы занимают важное место на стадии бирпирк, когда одной бородке противопоставлен каменный вкладыш, и в последующие доисторические времена, когда формы с двумя и даже четырьмя бородками, но с гнездом-втулкой, становятся общераспространенными. [2]

---

[1] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, стр. 310.

[2] H. B. Collins. Archaeology of the Bering Sea region. Annual Report of the Smithsonian Inst. 1933. W., 1935; табл. 11, рис. 3 и 4; H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smithsonian Miscellaneous Collections. Vol. 96, № 1. W., 1937, стр. 311.

Матиассен [1] считает тип туле 2 более древним на мысе Барроу, чем наконечники типа бирнирк, по следующим соображениям: 1) тип бирнирк имеет очень узкий район распространения, так как наконечники гарпунов этого типа известны только от мыса Барроу до Восточной Сибири, в то время как тип туле 2 господствует повсюду — от Восточной Сибири до Гренландии; 2) тип этот почти преобладающий в коллекции Ван-Валена, которая едва ли содержит какие-либо другие орудия кроме орудий типа туле, а также в коллекции бирнирк, переходной от стадии Ван-Валена к более поздней культуре на м. Барроу, в то время как наконечники гарпунов типа туле не встречаются ни в одной из этих коллекций и, вероятно, должны быть древнее их; 3) судя по их форме бирнирские типы кажутся производными тульских наконечников гарпунов и, вероятно, появились в результате влияния на типы туле берингоморской культуры; влияние это должно было произойти после того, как культура туле распространилась от Аляски на восток.

С другой стороны, Дженнесс [2] доказывает, что на севере Аляски наконечники гарпунов типа бирнирк если и не древнее типа туле, то во всяком случае вышли из употребления ранее последних; принимая во внимание патину, Матиассен [3] допускает, что в Беринговом проливе наконечники типа бирнирк могут быть древнее типа туле, что подлежит еще доследованию.

Коллинз [4] согласен с Дженнессом относительно большей древности наконечников гарпунов типа бирнирк по сравнению с типами туле и подтверждение этой точки зрения видит в результатах более поздних систематических раскопок, произведенных у того же мыса Барроу Фордом. Древнейшая стоянка, раскопанная Фордом, была Birnirk. Большая часть найденных там наконечников гарпунов была типа бирнирк, сделанных обычно из кости, с открытым гнездом, боковым каменным вкладышем и противолежащей бородкой (иногда с двумя вкладышами вместо бородки) и с двумя или более асимметричными шпорами основания. Только один наконечник гарпуна типа туле 2 (с 2 бородками) был найден в Birnirk. Этот тип между тем оказался обычным в более поздней стоянке Utkiavik среди форм, характерных для периода, непосредственно предшествующего историческому.

Диагностически к только что рассмотренному нами типу бородчатых наконечников гарпунов с открытым гнездом и одной базальной шпорой должен быть отнесен наконечник, изображенный на рис. 7, но по целому ряду признаков он существенно отличается от всех рассмотренных нами наконечников гарпунов. Этот крупный, вероятно моржовый, наконечник гарпуна из района мыса Дежнева изготовлен из клыка моржа, имеет большое корытообразное открытое гнездо с круговым желобком для пояска; треугольный прорез-дыра для линя в отличие от остальных бородчатых наконечников находится в одной плоскости и на одном уровне с боковыми бородками; одиночная базальная шпора занимает центральное, а не боковое положение; не орнаментирован, за исключением шпоры, которая на внутренней поверхности имеет ряд поперечных глубоких бороздок. Судя по темнокоричневому цвету, глубокой патине и конструктивным особен-

[1] Th. Mathiassen. Some specimens from the Bering Sea culture. Indian Notes. Mus. Amer. Indian, Heye Foundation. Vol. VI, № 1, N.-Y., 1929, стр. 54; Th. Mathiassen. Archaeological collections from the Western Eskimos. Report 5-th Thule Expedition 1921—1924, vol. 10, № 1. M. Kobenhavn, 1930, стр. 33.

[2] D. Jenness. Archaeological investigations in Bering Strait. Nat. Mus. Canada. Ann. Report. 1926. Bull. 50. Ottawa, 1928, стр. 77.

[3] Th. Mathiassen. Archaeological collections from the Western Eskimos. Report 5-th Thule Expedition 1921—1924, vol. 10, № 1. Kobenhavn, 1930, стр. 78.

[4] H. B. Collins, Цит. соч., 1937, стр. 311 и 312.

ностям, мы тут, вероятно, имеем дело с одной из древних, неизвестных пока из других мест формой эскимосского наконечника гарпуна.

Огромное большинство наконечников гарпунов, выкопанных Дженнессом у мыса принца Уэльского на Аляске, Гейстом и Коллинзом на острове св. Лаврентия и в нашем собрании с берингоморского побережья Чукотского полуострова, отличается следующими характерными чертами: открытое гнездо для колка, преимущественно с прямыми стенками; два косо поставленных прореза для пояска гнезда; выступающая асимметричная тройная, двойная или, наконец, простая боковая шпора; одна круглая дыра для линя, реже треугольная, ниже ее обычно имеется желобок, в котором открываются прорезы для пояска; концевое каменное

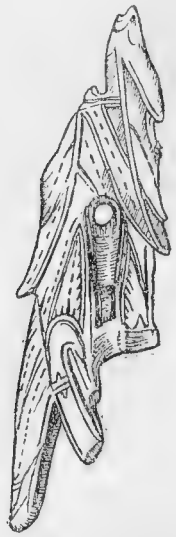


Рис. 19 (Собр. Свердрупа)

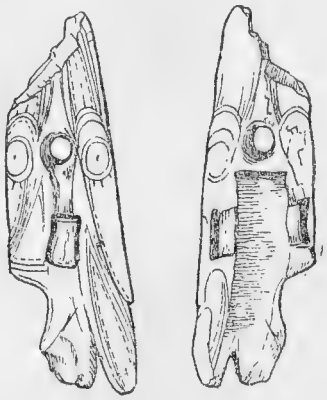


Рис. 20 (2002—23)

копьецо в плоскости дыры для линя, редко — перпендикулярно ей; в некоторых вариантах боковые бородки, резко выступающие или рудиментарные, вдоль ребер; овальные, реже плоские в поперечном сечении; материал — клык моржа или кость; орнаментированы в древнем берингоморском, пунукском стиле или гладкие.

Наконечники гарпунов этого типа (тип туле 3 Матиассена, тип С Гейста и III Коллинза) подверглись значительным вариациям, колеблющимся от больших размеров, с сильно выступающей раздельной шпорой и тщательной орнаментацией в древнем берингоморском стиле, до малых размеров, с простой шпорой, орнаментацией простыми линиями раннего пунука.

Вследствие многообразия наконечников гарпунов этого типа мы рассмотрим их по отдельным вариантам.

На рис. 19 и 20 приведены изображения двух наконечников с открытым гнездом и концевым копьецом с берингоморского побережья Чукотского полуострова. Первый из них — крупный наконечник моржового гарпуна из собрания Свердрупа, [1] с рудиментарными бородками и сложной шпорой,

[1] Г. В. Свердруп. Цит. соч., табл. 25, рис. 2.

орнаментированный в древнем берингоморском стиле 2. Второй из нашего собрания с обломанным передним концом—но, судя по ряду черт, имел концевое копьецо — орнаментирован в древнем берингоморском стиле 3. Наконечник гарпуна, изображенный на рис. 19, по всей совокупности своих индивидуальных особенностей близок к найденным в значительном количестве на острове св. Лаврентия таким же наконечникам с редуцированными бородками и выступающей раздельно шпорой. [1]

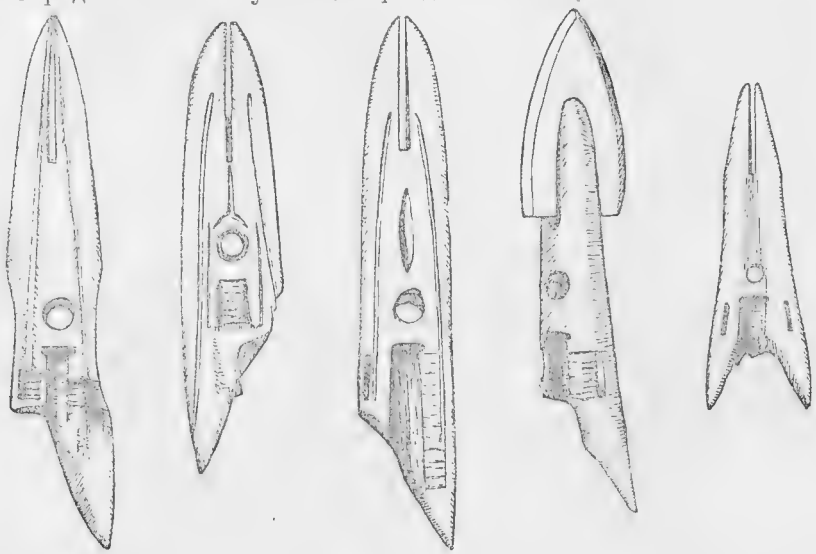


Рис. 21 (2002—13) Рис. 22 (1909—146) Рис. 23 (1909—148) Рис. 24 (1909—145) Рис. 25 (2002—10)

Наконечник, изображенный на рис. 20, из района мыса Дежнева, орнаментирован, как сказано, в древнем берингоморском стиле. Кроме типичных для орнамента данной культуры тонких сплошных и прерывистых линий он имеет также выступающие «глазки», образованные концентрическими кругами, сферические возвышения которых расположены по обе стороны дыры для линя, — элемент столь характерный для древнеберингоморского стиля сравнительно поздней поры.

Для этих, как и для других наконечников гарпунов древней берингоморской стадии эскимосской культуры, характерна уже неоднократно ранее отмечавшаяся форма обширного корытообразного открытого гнезда. Серия наконечников этого же типа, довольно многочисленная в нашем собрании и представленная на рис. 21—24, отличается простотой формы и орнаментации и, несомненно, относится к более позднему пунукскому этапу эскимосской культуры. Наконечники, подобные изображенным на рис. 21, имеют еще неправильную шпору и простую орнаментацию. Наконечники рис. 22—24—еще более простой формы с прямой, ровной шпорой и без орнаментации. Для всех их характерны сравнительно небольшие гнезда с прямыми стенками. Примерно половина этих наконечников гарпунов — из моржового клыка, вторая половина — костяные и некоторые — из оленьего рога.

Сравнительно немногочисленный в древнем берингоморском периоде, в пунуке этот тип наконечников является господствующим. На острове

[1] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, табл. 23, рис. 4, 5, 9 и 10; табл. 24 и 25, рис. 12—23; табл. 26, рис. 1—3.

св. Лаврентия в районе Гамбелл из всех 417 найденных там наконечников гарпунов наконечников рассматриваемого типа оказалось 161. Этот же тип преобладает среди наконечников гарпунов, выкопанных Дженнессом из древних могильных холмов на мысе принца Уэльского на Аляске. Помимо берингоморского района наконечники гарпунов этого же типа (тип туле 3) были распространены также в области центральных эскимосов вплоть до Гренландии. [1]

Своеобразную форму имеет костяной наконечник гарпуна, изображенный на рис. 25. Он очень короток, трехгранный в поперечном сечении; гнездо открытое, с прямыми стенками и прорезами для пояска; дыра для линя круглая; три базальных симметричных шпоры, из которых центральная обломана; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Наконечник гарпуна подобной же формы, но без концевого копьеца и с треугольной (вместо круглой) дырой для линя мы знаем только один и также азиатского происхождения — из района мыса Дежнева. [2]

Наконечников гарпунов с открытым гнездом, концевым копьецом в плоскости дыры для линя и с боковыми бородками в нашем собрании только два: один из оленьего рога, с одной парой бородок (рис. 26) и другой — из моржового клыка, с двумя парами бородок (рис. 27). Нетрудно заметить, что эти наконечники генетически связаны с наконечниками гарпунов, изображенными на рис. 16—18, и отличаются от них только наличием концевого каменного копьеца. Ареал распространения подобных комбинированных поворотных бородчатых наконечников гарпунов с концевым копьецом, так же как и без копьеца, видимо, весьма ограничен. Нам известен только один наконечник, подобный изображенному на рис. 26, — с мыса Аткинсона [3], и два, подобных рис. 27, — один с мыса Хоп [4] и другой с острова св. Лаврентия. [5] По соображениям стратиграфическим последний отнесен Коллинзом к среднему пунуку.

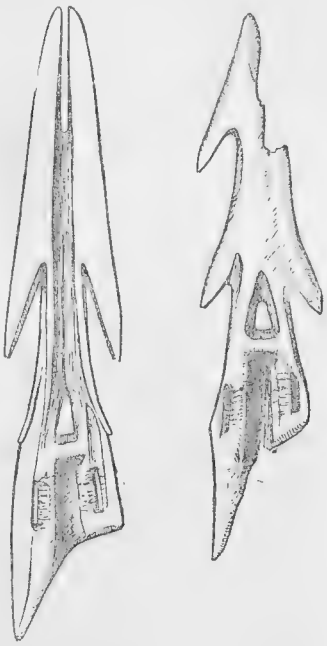


Рис. 26 (2002—65) Рис. 27 (2002—64)

Из всех наконечников гарпунов нашего собрания только один оказался с концевым копьецом из глинистого сланца (рис. 24). Копьецо в прорезе переднего конца наконечника гарпуна при раскопках древних эскимосских стойбищ встречается крайне редко. Среди нескольких сот наконечников из района Gambell на острове св. Лаврентия только один наконечник оказался с копьецом. Между тем отдельные экземпляры копьеца, особенно поврежденные, встречаются нередко при раскопках. Последнее объясняется хрупкостью материала (глинистый сланец), из которого они обычно изгото-

[1] Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. 1, табл. 7, рис. 6—12; табл. 39, рис. 78; табл. 69, рис. 3; табл. 73, рис. 12; табл. 78, рис. 2; табл. 82, рис. 2.

[2] Th. Mathiassen. Archaeological collections etc., 1930, стр. 72, табл. 13, рис. 6.

[3] Там же, табл. 1, рис. 5.

[4] Там же, табл. 12, рис. 5.

[5] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, стр. 206, табл. 70, рис. 6.

влялись, и недостаточно прочным креплением копьеца в наконечнике. Старики-чукчи говорили Богоразу, [1] что сланцевое копьецо вставлялось в наконечник китового гарпуна после каждого удара, на место поврежденного. Кроме того, сланцевое копьецо могло быть легко сломано и утрачено после того, как отработанный или по тем или иным причинам оставленный наконечник гарпуна выходил из употребления.

Назначение каменного концевого копьеца гарпуна и боковых каменных вкладышей, надо полагать, было одно и то же — произвести разрез и вонзить в животное наконечник гарпуна. Теоретически можно предполагать, что сланцевому копьецу, обычному не только в протоисторических, но и в более древних наконечниках гарпунов, предшествовало копьецо из более прочного материала, а этому последнему — боковые каменные

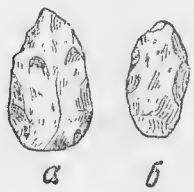


Рис. 28 *а* и *б* (2002—6 и 9)

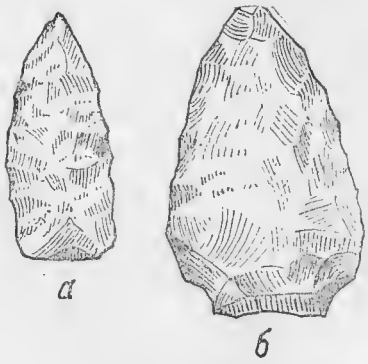


Рис. 29 *а* и *б* (1909—123 и 26)

вкладыши. Сольберг [2] в своей работе о каменной индустрии у восточных эскимосов склоняется к мысли, что сланцевое копьецо в костяных наконечниках гарпунов появилось очень поздно, одновременно и даже позднее распространения среди эскимосов железа. Это, конечно, не так. Прав Мердок, [3] полагающий, что каменное, в частности сланцевое, копьецо в протоисторические времена постепенно заменилось железным. Теперь, после раскопок в области центральных эскимосов и Берингова пролива, мы знаем, что треугольной формы концевое копьецо наконечника гарпуна — древняя, общеизвестная всем эскимосам форма. Вполне возможно, между тем, что оснащение наконечника гарпуна каменным концевым копьецом — позднейшее усовершенствование этого орудия, увеличивающее его эффективность.

Мы полагаем, что переход от костяных наконечников гарпунов с боковыми каменными вкладышами или с концевым копьецом кремнистого сланца, или иной подобной породы к наконечникам гарпунов с копьецом из глинистого сланца произошел давно на северо-восточном побережье Азии или в районе Берингова пролива, задолго до появления у эскимосов железа.

Наиболее древние известные нам эскимосские наконечники гарпунов — без концевого копьеца и с боковыми каменными вкладышами (типы древне-берингоморский и бирнирк). Вкладыши эти иногда помещают-

[1] W. Bogoras. The Chukchee. Jesup N. Pacific Expedition. Vol. VII (Mem. Amer. Mus. Nat. History. Vol. 11) 1904—1909, стр. 209.

[2] O. Solberg. Beiträge zur Vorgeschichte der Osteskimo. Videnselsk Skrift. Vol. 2. Hist. Filos. Klasse. № 2. Christiania, 1907, стр. 66—69.

[3] J. Murdoch. Цит. соч., стр. 219.

ся далеко от переднего конца наконечника, почти у самой дыры для линя; в других случаях они подходят к самому переднему концу наконечника. При таком их положении, с устройством одного концевого прореза вместо двух боковых, переход от наконечников с двумя боковыми каменными вкладышами к наконечникам с одним концевым копьецом прост.

В нашем собрании нет, за исключением приведенного на рис. 24, наконечников гарпунов с концевыми копьецами вообще и в частности из кремнистого сланца или другой прочной породы. Однако такие наконечники известны у эскимосов западных,[1] центральных[2] и, наконец, у алеутов,[3] наконечники гарпунов которых оснащены каменными концевыми копьецами, выделанными наподобие каменных наконечников стрел.

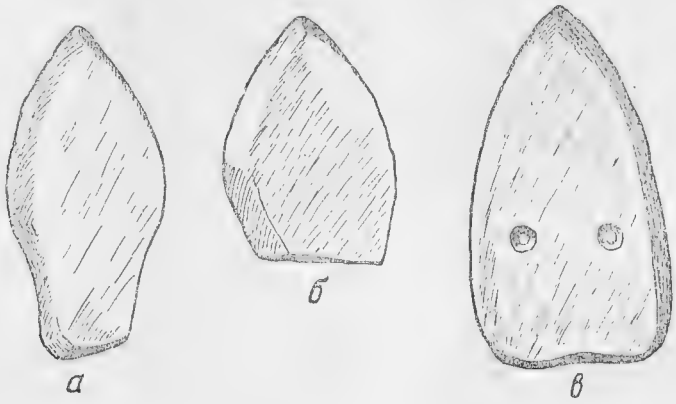


Рис. 30 *а, б, в* (190—369, 45 и 41)

На рис. 29 и 30 мы даем два гарпунных копьеца из кремнистого сланца и три наиболее типичных из глинистого сланца, найденные в древних поселениях берингоморского побережья Чукотского полуострова.

Последний тип древних эскимосских наконечников гарпунов, который нам осталось рассмотреть, — наконечники с закрытым гнездом-втулкой. Отличительные особенности этого типа следующие: закрытое гнездо-втулка для колка; одна симметричная боковая шпора; одна, обычно круглая, дыра для линя, несколько скошенная книзу; концевое копьецо в плоскости дыры для линя, реже перпендикулярно ей; овальная в поперечном разрезе форма; орнаментирован в древнем берингоморском или пунукском стиле; материал — клык моржа.

На рис. 31—35 дано изображение пяти наконечников гарпунов этого типа, трех орнаментированных в древнем берингоморском стиле и двух в пунукском. Все орнаментированные в древнем берингоморском стиле более или менее повреждены; один из них (рис. 31) — небольшой тюлений, два других (рис. 32 и 33) — крупные экземпляры, вероятно, наконечники моржовых гарпунов. Наконечник на рис. 31 на боковых гранях имеет рудиментарные бородки, что сближает его с подобными наконечниками с острова св. Лаврентия. Наконечник, изображенный на рис. 32, в отличие

[1] J. Murdoch. Цит. соч., стр. 221, рис. 212; O. Mason. Цит. соч., стр. 266, рис. 61.

[2] F. Boas. Цит. соч., рис. 248 a—c; Th. Mathiassen, Цит. соч., 1927, т. 1, табл. 73.

[3] W. Jochelson, Archaeological investigations in the Aleutian Islands. Carnegie Inst. publications, № 367. W., 1925, стр. 54—55.

от остальных этого типа, вместо одиночной имеет двойную симметричную шпору.

Характерная черта орнаментации этих наконечников — наличие, кроме тонко прочерченных сплошных и прерывистых линий, «глазков» по бокам дыры для линя, назначение которых, как это отмечает Коллинз, [1] — подчеркнуть идею головы животного, имеющего «рыло», различимое в рельефе. Образцом такой орнаментации наконечника гарпуна является

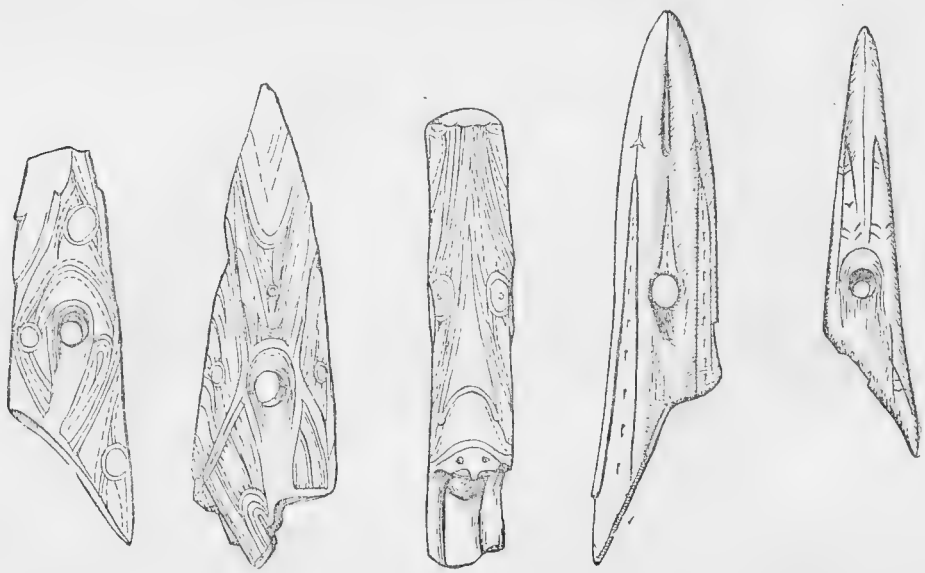


Рис. 31 (2002—30) Рис. 32 (2002—48) Рис. 33 (2002—54) Рис. 34 (Собр. Свердрупа) Рис. 35 (2002—45)

экземпляр, изображенный на рис. 33. Подобные изображения — человеческие лица, но более грубо и натуралистично выполненные, нашел и Иохельсон [2] на наконечниках древних алеутских гарпунов. Иохельсон, вероятно, прав, предполагая, что такие изображения на наконечниках гарпунов могли иметь магическое значение.

Наконечники гарпунов рассматриваемого типа с орнаментацией в пунукском стиле, один из собрания Свердрупа и другой — из нашего собрания, представлены на рис. 34 и 35. Первый из них — крупный, вероятно от моржового гарпуна, второй малых размеров — от тюленьего. Оба они весьма простой формы, с одной боковой шпорой, причем только у одного из них (рис. 34) в конце шпоры рудиментарная бородка.

Колки (foreshaft) эскимосских гарпунов с поворотным наконечником, как показали раскопки в районе Берингова пролива и в области центральных эскимосов, мало изменялись во времени; колки протоисторических типов находились и в древней берингоморской стадии эскимосской культуры. Тем не менее, судя по форме гнезда наконечника и найденным экземплярам колков, они все же значительно варьировали. При конической, со срезанной вершиной форме гнезда колки обычно веретенообразные; при гнездах с прямыми стенками они четырехугольные в поперечном разрезе.

[1] H. B. Collins. Цит. соч., 1937, стр. 87.
[2] W. Jochelson. Цит. соч., 1925, стр. 93, рис. 81—84.

Наблюдается все же одна деталь, которую мы хотим отметить. Дело в том, что у древнеберингоморского и бирнирского типов наконечников гарпунов нередко гнезда очень большого, не встречающегося в наконечниках других типов, диаметра (10—12 мм, см. рис. 6, 7 и 9). Колков с таким диаметром вершины нет в нашем собрании с азиатского побережья Берингова пролива. Не было найдено подобных колков и при раскопках в районе Берингова пролива, на Аляске и в области центральных эскимосов. Последнее обстоятельство заставляет предполагать: либо древние берингоморские и бирнирские наконечники гарпунов с такими большими гнездами насаживались на недошедшие до нас деревянные колки, либо наконечники эти насаживались непосредственно на передний конец древка без колка.

Систематических раскопок на крайнем северо-востоке Азии не производилось, и мы располагаем лишь случайным собранием древних наконечников гарпунов азиатских эскимосов. Однако ознакомление с ними показывает, что на Чукотском полуострове бытовали все типы известных нам по раскопкам в Беринговом проливе и в Северной Америке древних эскимосских наконечников гарпунов. Вместе с тем, несмотря на численно небольшую коллекцию наконечников гарпунов с Чукотского полуострова, древнейшие их типы в этой коллекции представлены и притом в таких архаических формах, как, например, изображенные на рис. 6 и 7, каких мы пока не знаем за пределами азиатского континента.

Древние берингоморские и бирнирские типы наконечников гарпунов, в классических их формах, известных по раскопкам американских археологов на северо-западе Аляски и на островах Берингова пролива, представляют собой сложные и весьма диференцированные формы, которые могли выработаться только в процессе длительного их исторического развития. Сохраняя древнюю традицию оснащения костяного орудия каменными вкладышами, в оформлении и орнаментации своих наконечников гарпунов, как нельзя более приспособленных к их форме, древние берингоморские эскимосы создали непревзойденные шедевры этого рода орудий. Вместе с тем, несмотря на их сложность, на островах Берингова пролива, в частности на острове св. Лаврентия, древнеберингоморский и бирнирский типы наконечников гарпунов оказались самыми древними.

Отсюда, естественно, взоры американских исследователей древних эскимосских культур обращены на запад, к крайнему северо-востоку Азии, где можно рассчитывать найти эскимосскую культуру на стадии, предшествовавшей древней берингоморской. Тот небольшой материал по археологии азиатских эскимосов, которым мы располагаем, подкрепляет эти надежды. Там же, вероятно, удастся разрешить вопрос и об относительной хронологии культуры туле. До сих пор не вполне ясно, предшествовали ли бородчатые поворотные наконечники гарпунов, например типа туле 2, бирнирским наконечникам гарпунов, или наоборот.

Коллинз [1] придерживается последней точки зрения, считая наконечники типа туле 2 производными от тех из бирнирских наконечников, которые имеют каменный боковой вкладыш и противолежащую ему бородку. С заменой каменного вкладыша второй бородкой совершился переход от наконечника гарпуна типа бирнирк к наконечнику туле 2. Подтверждением этой гипотезы могут послужить встречающиеся на территории центральных эскимосов (где тип туле 2, как мы видели, является преобладающим на древнейшей там стоянке Naujan) наконечники гарпунов без бо-

[1] H. B. Collins. Archaeology of the Bering Sea region. Annual Report of the Smithsonian Inst., 1933. W., 1935, табл. 11, рис. 1; H. B. Collins. Цит. соч., 1937 стр. 312.

родок, но с орнаментальным остатком бокового вкладыша.[1] С другой стороны, устройство бородок в костяных наконечниках острог, дротиков и стрел, несомненно, практиковалось эскимосами и на доберингоморской стадии культурного их развития, и поворотные наконечники гарпунов бородчатые и с каменными вкладышами могли бытовать одновременно, подобно тому, как комбинации бородчатых и с боковыми вкладышами наконечников мы встречаем в мезолитических и ранних неолитических комплексах Евразии.

Внезапно, как уже указывалось, и притом очень поздно, появляется на острове св. Лаврентия наконечник гарпуна типа туле 1. Впрочем, там же, на стоянке Kukulik обитаемой эскимосами с древнеберингоморской по протоисторическую стадии развития их культуры, Гейст[2] в одном из самых нижних слоев нашел наконечник гарпуна типа туле 1.

Напомним, что при раскопках в области центральных эскимосов этот тип наконечника гарпуна был находим крайне редко, в то время как на азиатском побережье, в частности у мыса Дежнева, такие находки многочисленны, хотя стратиграфическое его там положение нам пока неизвестно.

В своей монографии по археологии острова св. Лаврентия (1937) и в очерке эскимосской доистории (1940) Коллинз вскользь касается вопроса о происхождении поворотного наконечника гарпуна эскимосов и о вероятном распространении на запад их культуры. Между тем археология нашей Арктики нам пока совершенно неизвестна. Мы до известной степени знаем только каменный инвентарь ее стоянок так называемого «арктического палеолита» с северного побережья Кольского полуострова. Скандинавские поворотные наконечники гарпунов,[3] простые по своим формам и, видимо, поздние по происхождению, вряд ли могут быть поставлены в связь с древними эскимосскими наконечниками гарпунов. Остатки жилищ, обнаруженные Чернецовым на полуострове Ямал, не имеют ничего общего с эскимосской культурой, а костяной наконечник из неолитического погребения в Кольском заливе Баренцова моря, описанный Шмидтом[4] как поворотный наконечник гарпуна типа туле 1, не может быть принят во внимание. Это плоское костяное острие не имеет ни одного типологического признака, свойственного поворотным эскимосским наконечникам гарпунов вообще и типа туле в частности.

Январь 1944 г.

---

[1] Th. Mathiassen. Цит. соч., 1927, т. I, стр. 25, рис. 11; табл. 82, рис. 2; ср. Cl. Wissler. Цит. соч., стр. 407.

[2] O. W. Geist and F. G. Rainey. Цит. соч., стр. 185.

[3] O. Solberg. Цит. соч., стр. 40, рис. 39—42; J. Böe. Harpunspisser fra steinaldern. Suomen Muinaismuis toynaistyksen Aikakanskirja Finska Fornminnasförmuyens. Tidskrift, 1934, табл. 2, рис. 14—16; A. Hämäläinen. Hylkeenpyynti koskisenpohionlahdon. Suomen puoleisella Rannicola. Suom. M. Aik. Finska F. Tidscrift, 1929, рис. 56 и 61.

[4] А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском заливе. Материалы комиссии экспедиционных исследований Академии Наук СССР, вып. 23, 1931, табл. 1, рис. 6 и 7.

А. В. ЗБРУЕВА

ЛУГОВСКОЙ МОГИЛЬНИК

Древний могильник в поселке Луговом Елабужского района ТАССР был открыт весною 1938 г. на земле колхоза «Труд». Местные колхозники во время рытья ям для посадки яблонь разрушили несколько погребений. Одно из этих погребений — женское, с богатым погребальным инвентарем — было вскрыто в присутствии представителей Мальцевского сельсовета, куда и были перенесены все находившиеся при умершей вещи и часть костей скелета. Отдельные металлические предметы из других могил были взяты нашедшими их колхозниками.

Вскоре после этого в газете «Красная Татария» появилась краткая заметка о находке древних могил с бронзовыми предметами в плодовом саду поселка Лугового. На основании этой заметки автором этих строк при участии научного сотрудника Центрального музея ТАССР А. М. Ефимовой было произведено обследование колхозного сада поселка Лугового и осмотр найденных при посадке яблонь вещей. В результате обследования выяснилось, что в поселке Луговом находится древний могильник ананьинского времени, тем более интересный, что всего полтора—два километра отделяют его от известного Ананьинского могильника, давшего в науке имя эпохе раннего железа в бассейне Камы. Опрос колхозников, работавших при посадке яблонь, и осмотр сада дали возможность составить схематический план могильника и примерно нанести места четырех разрушенных погребений (рис. 1). Вещи, найденные при трех из этих погребений, были переданы отдельными колхозниками и членами Мальцевского сельсовета в Центральный музей ТАССР, где они и хранятся в настоящее время. По собранным сведениям, в могиле № 2 лежало два костяка, а в могиле № 4 при погребении не было никаких вещей.

Летом 1938 г. Камским отрядом Куйбышевской экспедиции АН СССР под руководством автора настоящей статьи были начаты систематические раскопки Луговского могильника, которые продолжались в 1939 и в 1940 гг. За это время было вскрыто 57 погребений. Вещи, найденные при этих погребениях, хранятся в Историческом музее в Москве, костный же материал был передан в Музей антропологии и обработан старшим научным сотрудником музея Т. А. Трофимовой.

Результаты раскопок Луговского могильника имеют большое научное значение: они по-новому освещают некоторые погребальные обычаи древнего общества, неясные из прежних раскопок могильников ананьинского времени, дают основание для постановки ряда новых вопросов относительно общественного устройства и обычаев древнего населения бассейна Камы, а исследование человеческих костей из могил позволяет представить себе физический тип этого населения, до сих пор неизвестный в науке. Нельзя не упомянуть также чрезвычайно интересную и убедительную реко-

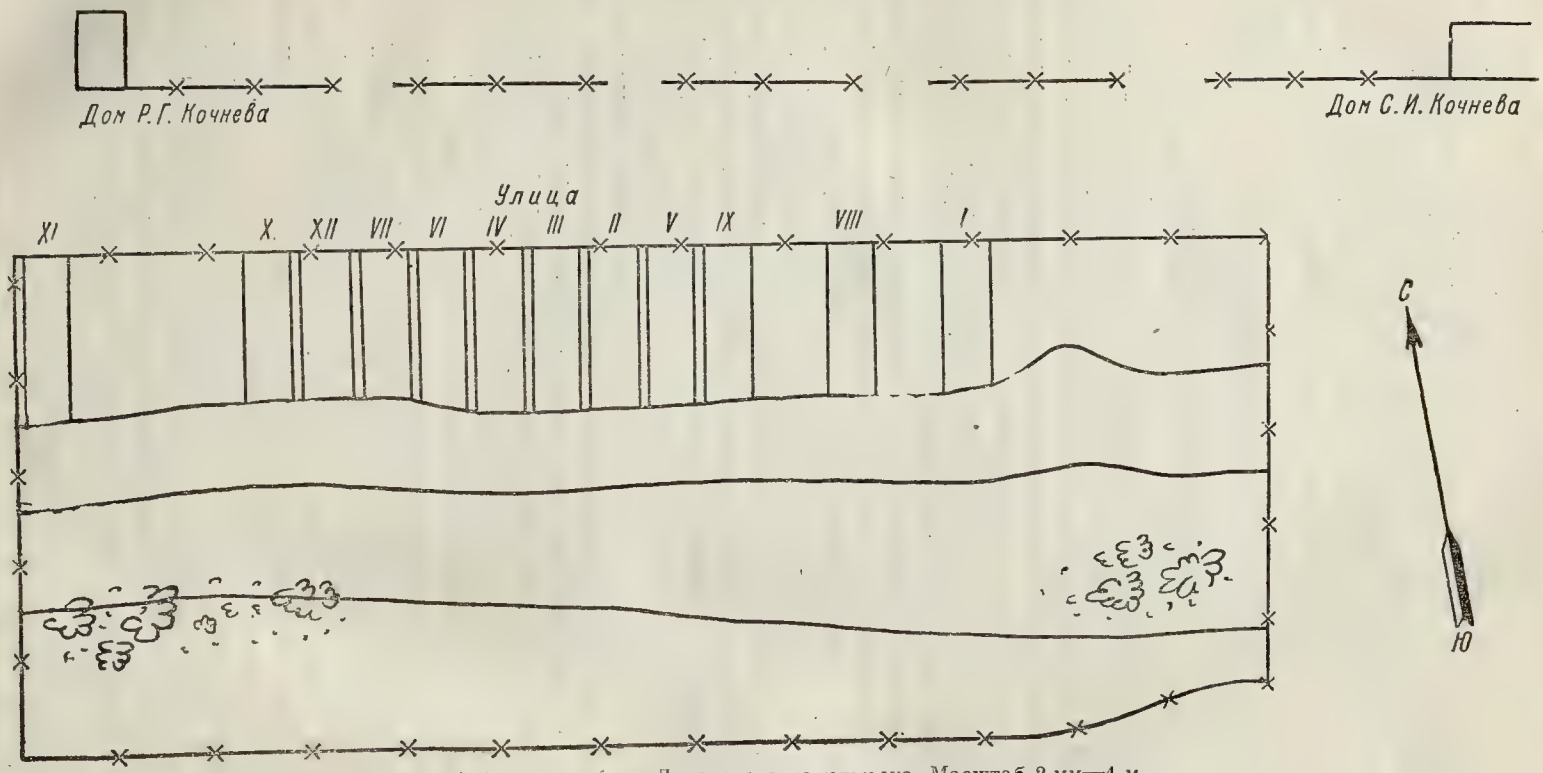


Рис. 1. План раскопок Луговского могильника. Масштаб 2 мм=1 м

струкцию древнего ананьинца, произведенную старшим научным сотрудником ИИМК АН СССР М. М. Герасимовым по одному из мужских черепов Луговского могильника. Благодаря этой реконструкции мы имеем возможность конкретно представить себе внешний вид древних обитателей Прикамья, живших в окрестностях Елабуги примерно в половине I тысячелетия до н. э. — около двух с половиной тысяч лет до наших дней.

Фруктовый сад колхоза «Труд» расположен на краю невысокой надпойменной террасы, обращенной к Каме, в расстоянии около километра от реки. Среди низкой, отчасти заболоченной поймы разбросаны пойменные озера. В разлив вода доходит почти до загородки сада, а несколько западнее размывает края дюнных всхолмлений Ананьинского могильника. Поверхность сада не совсем ровная: в восточной части его имеются незначительные возвышения с ложбинками между ними. В ложбинках погребения отсутствовали. Поверхность сада заросла травою. Поселок Луговой был основан совсем недавно — в 1926 г. и является выселками дер. Ананьино. До 1926 г. все это место было покрыто лесом, чем и объясняется полная нетронутость могильника и отсутствие сведений о нем среди старожилов, хорошо знакомых с древностями Ананьинского могильника. Под растительным (в последние десятилетия пахотным) слоем рыхлой темно окрашенной супеси, достигающим толщины 15—30 см, залегал слой светлой, более или менее плотной супеси с прослойками красной плотной глины, ниже которого с глубины около метра шел слой рыхлого желтого, более грубого песка. Пахотный слой тоньше в северной части сада, подстилающая его супесь здесь светлее и плотнее, чем в южной части. Слой супеси местами был слабо окрашен перегноем (более сильная окраска наблюдалась местами в восточной части сада) и содержал находки — мелкие кости животных и обломки глиняной посуды. Изредка встречались небольшие ямы с перемешанным слоем, также содержащие находки. Кроме костей животных и фрагментов глиняных сосудов, в слое супеси, главным образом на глубине 40—60 см, найдены следующие предметы: плита от каменной зернотерки, обломок каменного топора, точильный камень. Тонкие прослойки красной плотной глины, встречавшиеся в слое супеси на глубине 40—70 см, довольно часто служили дном могил, особенно в южной части сада.

Анализ находок, сделанных в слое супеси и в небольших ямах с перемешанным слоем, приводит к заключению, что Луговской могильник, как и Ананьинский, расположен на месте более древней стоянки, вернее ее западных окраин. Особенно характерна глиняная посуда. Она ни по форме, ни по орнаментации не имеет ничего общего с посудой из погребений. Прежде всего, все сосуды из могил круглодонные, тогда как в слое супеси найдены обломки плоских днищ. И по форме, и по составу глины, и по орнаменту посуда из слоя супеси и из ям соответствует посуде Луговской стоянки, расположенной немного восточнее, у восточного края поселка. Культурный слой стоянки, яркий и мощный в центре, постепенно бледнея и слабея, распространялся довольно далеко к востоку и западу, что можно было наблюдать в обрыве надпойменной террасы, на краю которой расположены и стоянка и могильник. Вдоль края террасы был собран совершенно однородный подъемный материал, состоящий главным образом из мелких обломков глиняной посуды. Стоянка древнее могильника и, очевидно, была уже заброшена в ту эпоху, когда могильник служил местом погребения.

Все могилы, которые удалось проследить, имели вид четырехугольников, вытянутых примерно с севера на юг, часто с округлыми углами, в редких случаях приближаясь по форме к овалу. Никаких внешних при-

знаков могил на поверхности земли, никаких следов деревянных сооружений в могилах и над ними, никаких остатков подстилки или покрова из растительных волокон обнаружено не было. Все умершие лежали головой на север, с небольшими отклонениями к востоку и к западу, в вытянутом положении на спине. Лицо или было обращено кверху, или (реже) повернуто к востоку или западу (исключение представляют детские погребения № 17—18, лежавшие в беспорядке, но они находились в пахотном слое на глубине 25—30 см от поверхности земли и легко могли быть потревожены при пахоте). Ноги умерших были вытянуты во всех случаях, когда сохранность костяков позволяла это проследить. Положение рук более разнообразно, но его не всегда можно было проследить вследствие плохой сохранности костей.

Подсчет имеющегося в нашем распоряжении материала дает следующее: в 16 случаях обе руки были вытянуты вдоль тела; в трех — обе руки были согнуты в локтях; в двух случаях (погр. 15 и 55) была согнута в локте правая рука (нижняя часть левой у погребения 15 не сохранилась, а у погребения 55 левая рука была вытянута), и в одном случае (погр. 9) была согнута в локте левая рука. Таким образом, мы видим, что преобладающее положение умерших было вытянутое на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на север (иногда с небольшими отклонениями к востоку и западу) и ногами на юг.

Положение умерших на высоких местах, на берегах рек и ногами к воде характерно для могильников ананьинского типа. Захоронения на высоких местах понятны, как охрана праха предков от вешних вод, которые могли размыть могилы, как забота о людях, которые, по понятиям общества того времени, не уходили из жизни совсем, а, напротив, приобретали особую силу и участвовали в жизни живых, оберегая и помогая им или, наоборот, в случае невнимания со стороны живых, причиняя им вред. Положение же ногами к воде связано с представлениями ананьинцев о загробной жизни, о переходе в загробный мир, куда нужно было плыть по реке смерти. Этим же объясняется и присутствие лодки в погребальном ритуале многих народов, и в том числе народов, обитавших и обитающих в бассейне Камы — древних ананьинцев, удмуртов, мари, манси и хантэ.

На соседнем Ананьинском могильнике, в могилах, вскрытых П. А. Пономаревым в 1881 г., погребения также лежали ногами к реке, но были ориентированы несколько иначе: головой на северо-восток, ногами на юго-запад.

При раскопках Луговского могильника наблюдалось несколько интересных явлений. Первое из них заключается в том, что погребения находились в двух горизонтах: в темном пахотном слое, на глубине 20—30 см от поверхности, и в слое светлой супеси, подстилающем пахотный слой на глубине 50—80 см. В обоих случаях встречались мужские, женские и детские погребения, богатые и бедные, так что никакой закономерности в расположении тех или иных погребений преимущественно в том или другом слое проследить не удалось. Может быть, захоронения в верхнем слое были сделаны зимою, когда труднее рыть могилы в мерзлой земле. [1]

Еще больший интерес представляет собою другое явление: могилы были расположены двумя параллельными рядами, вытянутыми примерно вдоль обрыва берега по краю надпойменной террасы. Расстояние между рядами — 4—6 м. Это явление относится к обоим горизонтам погребений

[1] Не исключена возможность, что могилы первоначально были более глубоки, но в последующее время верхняя часть песчаной поверхности могильника, не закрепленная растительностью, была раздута.

и ярко выступает в средней части раскопанной площади могильника. В восточной части одно погребение находилось южнее нижнего ряда, а в западной — ряды могил были расположены более тесно, или, может быть, здесь имели место захоронения между рядами (рис. 2). Каждый ряд содержал и мужские, и женские, и детские могилы.

Как можно объяснить такой порядок захоронения? Луговской могильник является родовым могильником, местом погребения умерших родового общества патриархального типа. Повидимому, мы здесь имеем дело с хронологической разницей между захоронениями, и погребения северного ряда несколько старше погребений южного. Одним из доказательств этого положения является почти полное отсутствие железа в инвентаре могил северного ряда. Совершенно нет железных ножей, наиболее широко распространенного вида железных орудий, которые нередки при погребениях южного ряда могил. Единственным железным предметом, найденным при погребении 48 (в западной части могильника), является железный наконечник копья, весьма архаичного вида, с коротким плоским пером и длинной втулкой. Подобное орудие из погребения 57, расположенного в южном ряду, имеет совсем другую, более изящную форму. Кроме того, в северном ряду более редки случаи захоронения в пахотном слое (их всего 4—2 женских и 2 детских, тогда как в южном ряду — 12, из них 6 мужских), и ни разу не встречались погребения нескольких умерших в разных горизонтах одной могилы, что неоднократно наблюдалось в южном ряду (об этом подробнее ниже).

В 1940 г. была сделана попытка нащупать, нет ли на могильнике третьего ряда могил, параллельного двум первым и расположенного севернее, дальше от края террасы. С этой целью было сделано несколько небольших разрезов, пересекавших деревенскую улицу за изгородью сада, к северу от верхнего ряда могил, но эта попытка не увенчалась успехом. Дальше в этом же направлении шли жилые постройки местных колхозников — деревенская улица — и огороды, где, согласно опросу владельцев ближайших домов, ни при рытье ям для фундаментов домов и погребов, ни при обработке огородов не встречалось ни костных остатков, ни бронзовых предметов из погребений.

Третьим чрезвычайно интересным явлением, которое удалось наблюдать во время раскопок Луговского могильника, были довольно частые случаи неоднократного захоронения в одной могиле. Сначала обратило на себя внимание то обстоятельство, что при погребениях 25, 26 и 38 и в мужских и в женских могилах находились черепа более плохой сохранности, помещенные в головах погребений в северо-западном или северо-восточном углу могилы. Затем, в трех случаях после разборки женского погребения 8 и мужских 25 и 26, расположенных в пахотном слое, и зачистки дна могил были обнаружены могильные пятна и затем нижележащие мужские погребения 12, 31 и 33. При расчистке мужского погребения 26 выяснились следующие интересные детали: костяк лежал в пахотном слое на глубине около 30 см. Очертания могилы были очень неясны. Нижняя часть костей ног скелета находилась вне могильного пятна. Немного выше черепа погребения, к северо-западу от него лежал, как выше было сказано, второй череп, огражденный с юга двумя небольшими камнями. На глубине около 40 см, в слое светлого песка, могила приняла совершенно определенные очертания темного четырехугольника в 2 м 10 см длины и 80—90 см ширины. В ней оказались части длинных костей ног другого костяка. Очевидно, череп этого погребения был потревожен при захоронении костяка 26 и положен при нем. На глубине 70—75 см в той же могиле находилось полное мужское погребение 33.

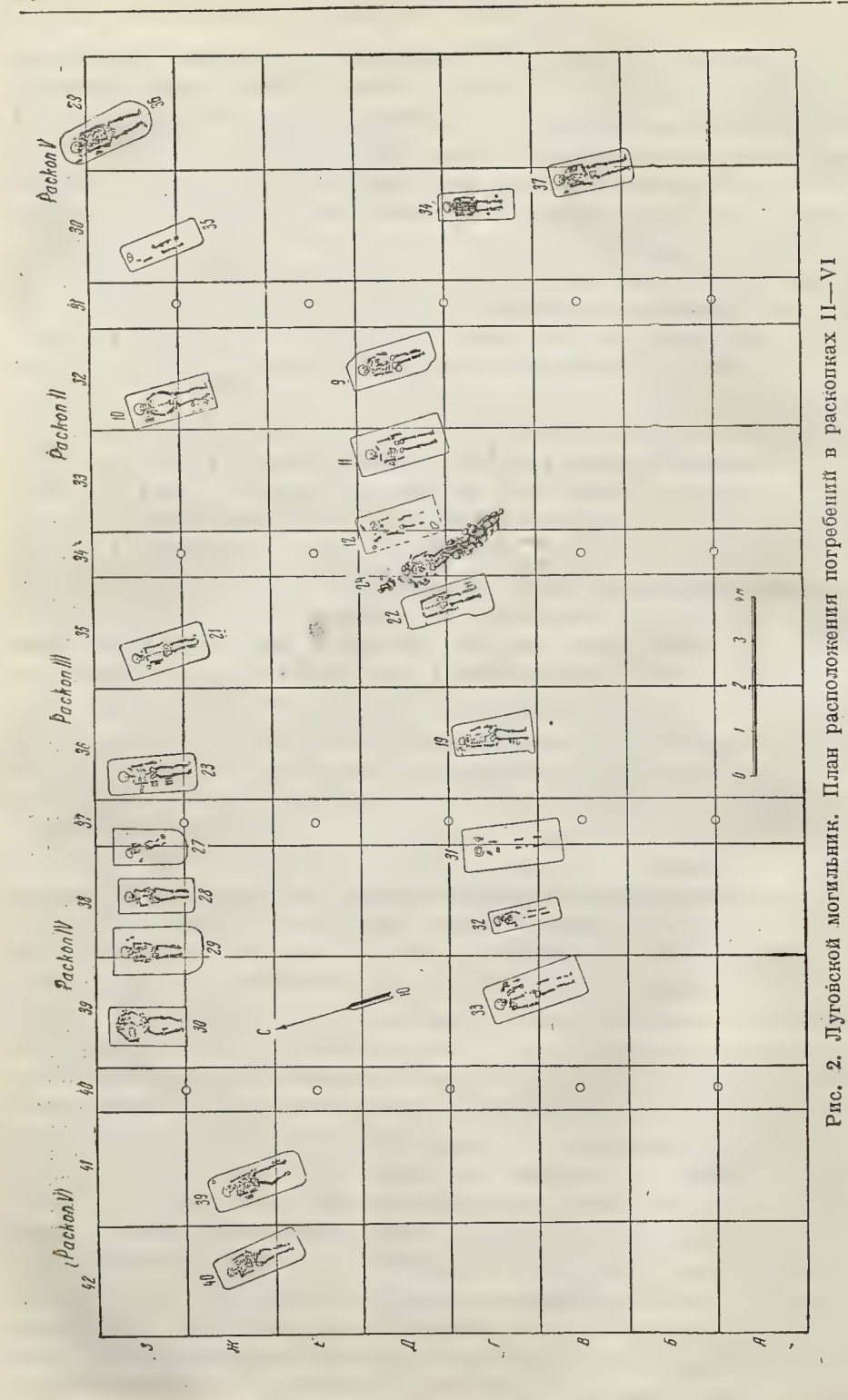


Рис. 2. Луговской могильник. План расположения погребений в раскопках II—VI

Несколько менее показательными, из-за очень плохой сохранности костей, являются захоронения в одной могиле погребений 43—44 и 49—50—51. В первом случае на глубине около 20 см в темном пахотном слое без следов могильного пятна находилось погребение, от которого сохранился лишь фрагмент черепа, вероятно женского, и два глиняных сосуда; к югу от последних наблюдались следы разложившихся костей. Ниже на подстилающем песке вырисовалась четырехугольная могила, а на глубине 40—50 см от поверхности было вскрыто погребение, повидимому мужское, также чрезвычайно плохой сохранности. От костяка сохранился лишь сильно разложившийся череп и часть левого бедра. Во втором случае, на глубине около 25 см, в пахотном слое было обнаружено погребение 49, довольно плохой сохранности, повидимому женское, с типичным жен-

Рис. 3. Захоронение умерших в разных горизонтах одной могилы

ским инвентарем. Немного глубже и несколько южнее лежал полуразрушенный костяк, верхняя часть которого, очевидно была уничтожена при посадке яблони; сохранились лишь части длинных костей ног. На глубине около 40 см находилась могила ребенка 1—2 лет (погр. 51). Очертания могилы удалось проследить лишь в южной части. Кости ребенка были несколько лучшей сохранности и ориентировка несколько более северной, чем у погребения 50. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, с очень небольшим отклонением к западу, лицом на запад. Верхняя часть черепа ребенка была немного ниже колен погр. 50. Судя по сохранности костей, ребенок был захоронен позже взрослых, может быть в могилу матери, и несколько глубже.

Наконец, наиболее разительный пример, не оставляющий сомнения в его значении, представился во время раскопок погребений 54, 59 и 61, расположенных в нижнем горизонте, в ярко выделяющейся на фоне светлой супеси могиле на глубине 40—60 см. Во время зачистки дна могилы лежавшего сверху мужского погребения 54 показался череп находившегося ниже мужского погребения 59. При расчистке его выяснилось, что

оно лежало в беспорядке: все кости за исключением, может быть, только черепа были сдвинуты, длинные кости ног примыкали к черепу и т. д. Немного глубже и восточнее в той же могиле лежал женский костяк довольно плохой сохранности, без вещей, для захоронения которого кости погребения 59 были смещены и сдвинуты в западную часть могилы (рис. 3).

Как объяснить это явление? Единственное вероятное объяснение заключается в том, что каждая патриархальная семья имела свое место на родовом кладбище, где и хоронились самые близкие кровные родственники. Следует отметить также, что случаи неоднократного захоронения в одной могиле наблюдались преимущественно в южном (ближайшем к обрыву берега) ряду могил и больше всего в западной части могильника. Можно думать, что площадь могильника по условиям местности вообще была невелика и чем дальше, тем теснее становилось на родовом кладбище. Примеры неоднократного захоронения умерших в одной могиле имеются и в других могильниках ананьинского типа.

Погребения Луговского могильника, вскрытые в течение трех лет раскопок, разделяются на коллективные и индивидуальные, причем последних значительно больше. В двух случаях мы имеем коллективные захоронения детей (погребения 17—18 и 29). Первое из них было обнаружено в пахотном слое и, очевидно, в потревоженном виде. Очертания могилы проследить не удалось. Один детский череп лежал в северной, другой — в южной части могилы, кости одной ноги северного погребения производили впечатление согнутых в колене. Кости южного погребения лежали в беспорядке. При том и другом погребении находилось по глиняному сосуду. Второе коллективное захоронение детей было вскрыто на глубине около 50 см. Очертания могилы были хорошо видны на фоне светлой супеси. Костяк ребенка около 10 лет лежал в вытянутом положении на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на север с небольшим отклонением к востоку, лицом на восток. К западу от этого костяка находился череп маленького ребенка очень плохой сохранности. Кости этого скелета не сохранились совсем. Повидимому, в обеих могилах были погребены одновременно умершие дети.

В двух случаях (погр. 47 и 60) были обнаружены совместные захоронения взрослых с детьми в ясно очерченных могилах на глубине около 60 см. Кости скелетов почти не сохранились. В погребении 47 от костяка взрослого сохранились лишь части длинных костей ног, а от детского скелета — зубы и фрагменты длинных костей ног. Повидимому, в этой могиле ребенок был захоронен с мужчиной, так как к востоку от черепа взрослого (место черепа можно было установить по височным кольцам) лежал бронзовый кельт — орудие, ни разу не встреченное в женских могилах. Еще более плохая сохранность костей наблюдалась в погребении 60, где были обнаружены обломок челюсти с зубами и мелкие обломки длинных костей взрослого и ребенка. Судя по погребальному инвентарю, в этой могиле была погребена женщина с ребенком, так как при погребении находился глиняный сосудик и бронзовые бляшки. Повидимому, и здесь имела место одновременная смерть взрослого и ребенка.

Наконец, в двух случаях были вскрыты коллективные захоронения мужчин с женщинами (погр. 15—16 и 45—46). В первом случае погребение находилось на глубине 25—30 см, в пахотном слое, где могилы проследить не удалось. Оба костяка, молодого мужчины и женщины зрелого возраста, лежали в вытянутом положении на спине, головой на север, с небольшим отклонением к востоку. Лица, очевидно, были обращены одно к другому. У левого локтя мужского костяка лежал бронзовый кельт и перед

лицом — лопатка свиньи. При женском погребении вещей не было (рис. 4).

Погребения 45—46 лежали на глубине 45—50 см в хорошо прослеженной могиле на глиняной прослойке в обычном положении — на спине, головой на север. Сохранность костей довольно плохая; как мужчина, так и женщина—зрелого возраста. У правого локтя мужчины лежал бронзовый кельт, в головах женщины — глиняный сосудик, под черепом ее была найдена бронзовая булавка и у правого бока — бронзовая пронизка.

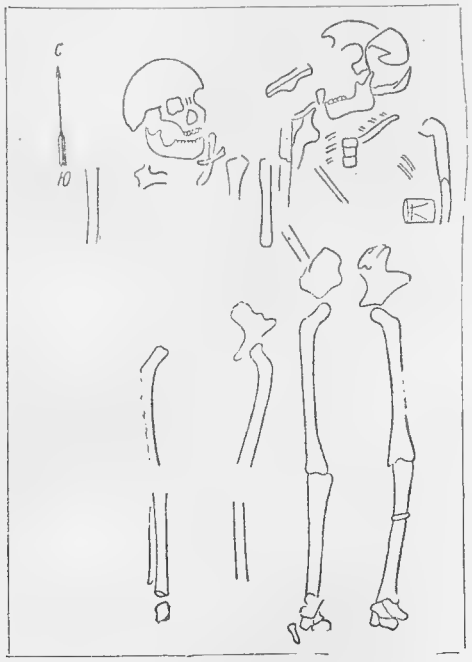


Рис. 4. Совместное погребение мужчины и женщины

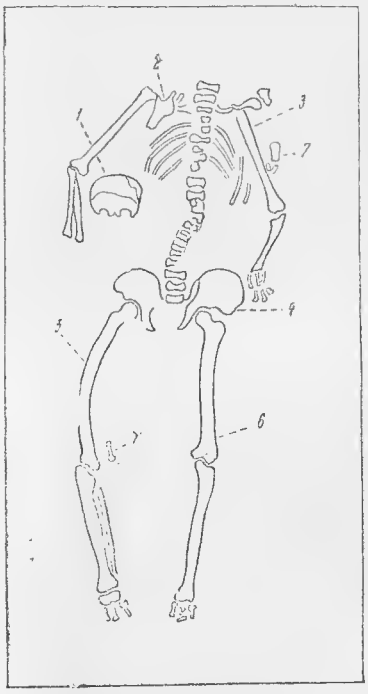


Рис. 5. Погребение 30

Трудно сказать, имеем ли мы в описанных случаях захоронения одновременно умерших людей или в ананьинскую эпоху существовал обычай убивать жену и класть ее в могилу умершего мужа. Скорее все же можно предполагать первое, так как в противном случае в большинстве мужских могил находились бы женские костяки. Однако такого явления не наблюдалось, и описанные захоронения являются не общим правилом, а скорее, исключением. Возможно, что в первом случае мы имеем захоронение мужчины с рабыней. На это указывает отсутствие вещей при женском костяке. Во втором же случае, вероятно, имела место одновременная смерть мужчины и женщины (скорее всего, мужа и жены) из одной семьи. Коллективные погребения встречались и в других могильниках ананьинской эпохи в бассейне Камы — в Ананьинском, Котловском и Зуевском.

Последним чрезвычайно интересным явлением, наблюдавшимся во время раскопок могильника, были мужские погребения без черепов. Таких погребений было вскрыто два (22 и 30). В обоих случаях кости скелета находились на глубине около 50—60 см. Очертания могил ярко выделялись на фоне светлого подстилающего слоя и имели обычный вид четырехугольников, вытянутых с севера на юг. Оба костяка лежали на спине головой

на север. Руки одного из них (22) были вытянуты вдоль тела, руки другого были согнуты в локтях. У левой голени первого были обнаружены два костяных наконечника стрел остриями вверх; между правым локтем и грудной клеткой второго находился раздавленный череп другого скелета (рис. 5). Первый исследователь Ананьинского могильника Алабин в своей работе писал следующее: «Найдены головы без костяков и один костяк без головы». [1] В коллективном погребении Котловского могильника было вскрыто пять костяков, причем «у одного не оказалось левой руки, у другого — нижних конечностей, у двоих — голов и у пятого — головы и правой руки. Костяки находились в разных направлениях, головами на север, восток и запад; из ребер, плечевых и тазовых костей вынуты бронзовые наконечники стрел. По сторонам покойников лежали глиняные черепки, угли и кости животных». [2]

Из приведенного текста отчета Нефедова ясно, что погребенные в этой могиле мужчины погибли в сражении, причем у трех из них враги отрезали голову. Очевидно, такие погребения без голов встречались в ананьинскую эпоху и были связаны с существовавшим в то время обычаем скальпировать побежденных и отрезать головы убитых врагов, о чем мы знаем из рассказа Геродота, у которого читаем следующее описание военных обычаев скифов: «Военные обычаи их таковы: скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех врагов, убитых в сражении, относятся к царю, потому что только под условием доставления головы неприятеля скиф получает долю добычи. С головы он снимает кожу, выделывает кожу... привешивает ее к уздечке лошади, на которой ездит сам, и гордится этим. С головами врагов, не всех, но ненавистнейших, скифы обращаются так: все они отпиливают ту часть головы, что ниже бровей и потом вычищают череп изнутри; если скиф человек бедный, он только обтягивает череп снаружи бычачьей кожей и в таком виде пользуется ею, если он богат, то, обтянувши череп кожей, покрывает его внутри золотом и употребляет вместо чаши». [3] Такой обычай был, видимо, связан также с представлением о том, что человек, у которого отрезана голова, умирает окончательно и уже не может вредить убившему его (такие представления существовали, например, у манси).

К сожалению, у нас нет данных для решения вопроса о том, что представляет собой череп человека, лежавший у правого бока погребения 30 и, повидимому, прижатый к телу правой рукой. Ясно только то, что это не был череп ранее похороненного родственника убитого, так как в этом случае он лежал бы в одном из верхних углов могилы, как это наблюдалось неоднократно во время раскопок могильника. Может быть, это был собственный череп покойного, отбитый у врагов и положенный в могилу спустя некоторое время после погребения. Возможно также, что это был череп убитого врага или искупительная жертва, без которой умерший из-за отсутствия головы терял право на продолжение жизни в загробном мире. Может быть, этим же обстоятельством объясняется и отсутствие вещей при погребении 30, хотя следует отметить, что при погребении 22, как было сказано выше, находились костяные наконечники стрел.

Имеются данные, указывающие на насильственную смерть еще одного мужчины, погребенного на могильнике: череп погребения 33 был пробит

---

[1] П. Алабин. Ананьинский могильник. Вестник русск. географич. об-ва, вып. 6, стр. 117.

[2] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. Материалы по археологии восточных губерний России, вып. 3, стр. 45.

[3] Геродот. История, кн. 4, гл. 64—65.

над левым глазом. Костные остатки остальных погребений не дают возможности судить о причинах смерти покойных.

Переходим к описанию погребального обряда, наблюдавшегося во время раскопок Луговского могильника. Все могилы, очертания которых удалось проследить, имели вид четырехугольников, вытянутых с севера на юг (с небольшими отклонениями к востоку и западу), и часто с более или менее округлыми углами. Глубина их была различная—от 30 до 80 см от поверхности. Часть погребений лежала в пахотном слое, на глубине 20—30 см, но очертаний этих могил проследить не удалось, так же как и следов инструментов, которые употреблялись при рытье могил.

Умершие лежали в могилах в вытянутом положении на спине, с вытянутыми ногами. Руки в большинстве случаев также были вытянуты вдоль тела, реже та или другая рука была согнута в локте. Обе руки были согнуты в локте лишь в трех случаях (в погр. 10, 30 и 40). Лицо по большей части было обращено кверху, но иногда оно было повернуто к востоку или (редко) к западу. Следует отметить, что сохранность костей была довольно плохая; от некоторых костяков почти ничего не сохранилось, мелкие кости отсутствовали как правило, многие черепа были раздавлены, кости — фрагментарны, и поэтому в целом ряде случаев точное положение рук и черепа выяснить не удалось.

Хотя во время раскопок Луговского могильника ни разу не встретились трупосожжения, которые наблюдались Пономаревым и Алабиным на соседнем Ананьинском могильнике, тем не менее огонь играл, повидимому, значительную роль в погребальном ритуале ананьинского общества. О ней прежде всего свидетельствует то обстоятельство, что большинство могил, которые удалось проследить, были заполнены темным слоем, ярко выделявшимся на фоне подстилающей светлой супеси или красной глины, начиная с глубины 35—40 см. В этом темном слое встречались угольки. Такая интенсивная и равномерная окраска земли, наполняющей могилы, не могла получиться ни от примеси тонкого верхнего растительного слоя, ни от примеси культурного слоя стоянки, так как последний в этом месте, как говорилось выше, тонок и очень слабо окрашен. В отдельных случаях (погр. 34, 35, 42) могилы были почти до дна заполнены яркочерным слоем с угольками, иногда довольно крупными, что не оставляет места сомнению и неоспоримо свидетельствует о том, что здесь мы наблюдаем особенность погребального ритуала, связанную с огнем, хотя лежавшие на дне могил костяки и не имели следов обжига. Исключение представляют лишь погребения 24 и 40.

Мужское погребение 24 находилось на глубине 60—70 см от поверхности. Могильная яма была прослежена лишь частично, так как над погребением была посажена яблоня и вырытая для этой цели яма, доходившая почти до самого погребения, разрушила всю верхнюю часть могилы; восточная же стенка последней совпадала с границами раскопа предыдущего года; северная часть дна могилы состояла из глины, южная — из светлой супеси; костяк взрослого мужчины лежал в могиле на спине, головой на север, лицом на восток; верхняя часть тела также была слегка повернута к востоку, правая рука была, повидимому, согнута в локте, а левая нога — немного согнута в колене; левая рука и правая нога — вытянуты (см. рис. 2). У локтя левой руки находился костяной наконечник стрелы, а у локтя правой — железное шило. Нижняя часть костяка лежала на гряде камней, которая продолжалась к югу от могилы на расстояние 1 м 80 см и слегка загибалась к востоку, образуя плавную дугу. Эта гряда, начинаясь на глубине около 50 см от поверхности, шла до глубины около метра, достигая 50 см высоты. Она состояла из обожженных

камней известняка различного размера (наиболее крупные из них имели в длину около 30 см), между которыми лежал яркочерный углистый слой с мелкими остатками пережженных костей. Между длинными костями ног скелета и под левой стороной таза также лежали камни, но не обожженные и в один слой. Группы необожженных камней располагались также к западу от костей правой руки, почти примыкая к плечевой кости, и к северу от черепа (см. рис. 2). Из костей скелета следы обжига имеются лишь на сохранившихся фалангах пальцев ног. Выходы известняка отсутствуют в окрестностях поселка, и, очевидно, камни были привезены на могильник издалека. Повидимому, умерший был положен в могилу, когда огонь, разведенный на камнях, примыкающих к могиле, еще не совсем затух и опалил ступни ног. Углистый слой между камнями вне пределов могилы свидетельствует о долго (вернее, неоднократно) горевшем на них огне. Повидимому, здесь мы имеем дело с остатками погребальной тризны на специально устроенном и, может быть, уже ранее употреблявшемся жертвеннике из камней.

Ни погребальный инвентарь, ни положение умершего не дают возможности объяснить особенности погребального ритуала этого погребения, тем более что оно пока является единственным в своем роде.

Еще более яркий пример участия огня в погребальном ритуале дает нам погребение 40. Вся поверхность могилы на глубине 35 см была яркочерного цвета, с углем. Могильное пятно имело вид правильного черного четырехугольника, вытянутого с севера на юг.

Такие же очертания могила сохранила до самого дна, и почти вся она была заполнена черным слоем с углем. Тонкий темный слой прикрывал лишь самый скелет, причем в средней части углистый слой местами доходил до самых костей. Костяк женщины без вещей лежал на глине в вытянутом положении, головой на север, лицом на запад. Руки были согнуты в локтях и сложены на поясе. Средняя часть костяка, начиная с середины правой руки и до колен, за исключением верхних частей бедер и правой стороны таза, была обожжена.

Этот пример делает ясным, какую роль играл огонь при погребальном ритуале ананьинцев. Очевидно, где-то поблизости от могилы приносилась жертва умершему, которая сжигалась на костре, и затем, когда огонь потухал, могила, где уже лежал покойный, прикрытый тонким слоем земли, засыпалась углистым слоем из костра. Поэтому во время раскопок, например, погребения 41 наблюдалось следующее явление: очертания могилы в виде темного четырехугольника четко прослеживались с глубины около 25 см; на глубине около 35 см могильное пятно сделалось более слабо окрашенным, хотя было ясно видно, и такая окраска продолжалась до погребения, находившегося на глубине 45—50 см. Иногда среди попавших в могилу углей встречались еще горячие, и тогда происходило частичное обжигание тела и костей умершего, как это имело место в погребении 40. Очевидно, подсыпка черного углистого слоя из очага имела место во всех тех могилах, очертания которых четко обрисовывались в виде темных пятен на фоне светлой супеси. Если бы жертвенный костер разводился в самых могилах, мы имели бы следы огня в их стенках, чего ни разу не наблюдалось. Следы жертвенных костров с остатками обгорелых костей животных находились на площади средней части могильника в участках, прилегающих к краю надпойменной террасы. Здесь встречались обожженные кости домашних и диких животных, главным образом челюсти и зубы лошади, коровы, свиньи, медведя.

Подсыпка в могилу углистого слоя наблюдалась Пономаревым во время исследования соседнего Ананьинского могильника в 1881 г.

При описании женских погребений *М*, *К*, в работе П. А. Пономарева «Ананьинский могильник», говорится следующее: «Костяки лежат на песчаном материке, прикрыты тонким слоем песка и золы, над которым располагается пласт углей толщиною в $^1/_4$ аршина. Костяки совершенно разрушились, но вместе с тем не представляют ни малейших следов сожжения». [1]

Повидимому, перед подсыпкой углистого слоя из очага в могилу, где умерший был прикрыт тонким слоем земли, клали некоторые предметы, которые при раскопках находились выше погребения на 10—15—20 см, что наблюдалось в некоторых могилах Луговского могильника.

Мы видим, что основным и, очевидно, единственным обрядом погребения Луговского могильника было трупоположение. Умершего клали в вырытую в земле могилу незначительной глубины в вытянутом положении на спине, головой на север (с небольшими отклонениями к востоку и западу), ногами к реке. Положив в могилу, покойного вместе с принадлежавшими ему вещами и запасом пищи засыпали тонким слоем земли, после чего в могилу иногда клались еще некоторые предметы и затем подсыпался углистый слой из очага, где была сожжена принесенная умершему заупокойная жертва. Судя по остаткам костей животных в кострах, следы которых находились на площади могильника, в жертву умершим приносились животные преимущественно домашние — лошадь, корова, свинья, овца или коза. Из диких животных имеются кости медведя.

На основании приведенных данных обряд погребения ананьинского времени рисуется следующим образом: после того как покойный был положен в могилу и еще не засыпан землей, ему приносилась кровавая жертва и совершалась тризна, в которой, по понятиям окружающих, он принимал участие. При этом в могилу клались части жертвенного животного, чаще всего плечевые кости. Анализ костей животных, положенных в могилу, произведенный В. И. Громовым, позволил сделать заключение, что они были положены покойнику еще в то время, когда они были покрыты мясом, и, повидимому, представляли собою и долю умершего в заупокойной трапезе и в то же время запас пищи на дорогу в загробный мир. Затем покойный засыпался тонким слоем земли, после чего опять совершались какие-то обряды, так как иногда в могилу клались еще некоторые предметы — бронзовые бляшки, сосуды (очевидно, с пищей), предметы символического значения. Затем могила засыпалась углистым слоем из жертвенного костра, к тому времени уже потухшего, и могила засыпалась окончательно. Таково далеко не полное описание погребального обряда, сделанное на основании археологических данных. Не совсем ясен вопрос о различных вариантах обряда.

Слой земли, заполнявший некоторые могилы, особенно в западной части могильника, менее четко отделялся от окружающей супеси, и очертания могил были расплывчаты; поэтому трудно решить вопрос, был ли в эти могилы подсыпан углистый слой из очага или, может быть, мы здесь имеем дело с особым вариантом погребального обряда.

Существовал ли в ананьинском обществе обычай трупосожжения? В Луговском могильнике такой обычай не наблюдался. Но в вышеупомянутой работе Пономарева имеется описание такого обряда, наблюдаемого в могиле *Н* Ананьинского могильника. Описание это возбуждает некоторые сомнения, но оно настолько кратко, что не дает возможности решить вопрос окончательно.

---

[1] П. А. Пономарев. Ананьинский могильник. Изв. Об-ва археологии истории и этнографии при Казанском унив., т. 10, вып. 4. Казань, 1882, стр. 420.

П. А. Пономарев писал: «Костяк Н... тянулся также в направлении от северо-востока к юго-западу. В головах его стояла каменная плитка. Костяк находился на расстоянии аршина от поверхности песчаной дюны, залегая в толстом слое углей, и сплошь состоял из совершенно перегорелых костей. Найденные при нем бусы и бронзовые бляшки также совершенно перегорели и приводили к заключению, что труп женщины был сожжен на этом месте со всеми ее вещами, входившими в состав погребального обряда». [1]

К сожалению, в описании отсутствуют данные об очертаниях могилы, ее размерах и заполнении. Костяк, сожженный на костре, вряд ли мог сохранить определенную ориентировку, как это имело место в данном случае, и невольно возникает мысль, что, может быть, костяк перегорел в результате того, что при подсыпке в могилу углистого слоя из жертвенного костра некоторые угли не совсем потухли и вследствие каких-то обстоятельств разгорелись в засыпанной могиле, и в этом случае имело место не трупосожжение, а обычное трупоположение.

Каков был физический тип и внешний облик людей, погребенных в Луговском могильнике? Весь сохранившийся в могилах костный материал из раскопок 1938—1940 гг. был по возможности укреплен в поле и передан в Музей антропологии в Москве, где он и хранится в настоящее время. Здесь он был тщательно реставрирован под наблюдением обрабатывающей его Т. А. Трофимовой. В результате получилась серия черепов и костей скелета, изучая которую Трофимова пришла к очень интересным выводам. [2]

Прежде всего, черепа из Луговского могильника отличаются ярко выраженным монголоидным характером. По выраженности монголоидных черт они не уступают калмыкам, бурятам и тувинцам и оказываются значительно более монголоидными, чем ненцы, лопари и остяки. Уплощенность лицевого скелета черепов из Луговского могильника превосходит ряд других монголоидных серий. Луговские черепа значительно крупнее, чем черепа ненцев, калмыков, остяков и тувинцев, и по своим абсолютным размерам сближаются только с бурятскими. Но от последних они отличаются по целому ряду признаков. Вообще черепа из Луговского могильника обладают оригинальными чертами, которые отличают их от всех других монголоидных серий. Это очень плоское и относительно низкое и широкое лицо, невысокие глазницы и очень покатый лоб, в соединении с сильно развитым надбровьем на мужских черепах (женские не отличаются ни сильным наклоном лба, ни развитием надбровья). Сочетание этих признаков с мезокефалией и очень слабым выступанием носа характеризует монголоидный тип, не имеющий себе других аналогий. Рост людей, погребенных в Луговском могильнике, низкий: около 162 см у мужчин и около 150 см у женщин.

Кроме монголоидного типа, в серии черепов из могильника имеется несколько черепов, несущих черты метисации с длинноголовым европеоидным типом. Следы метисации выражаются в более узком лице, сильнее выступающем носе, изменении типа нижней челюсти.

Костный материал из Луговского могильника бросает новый свет на состав населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Анализ этого материала и отдельных черепов из других могильников, относящихся к этому времени, позволил Трофимовой сделать следующие выводы: в ананьинскую эпоху среди населения Прикамья начинают резко преобладать монголоиды; европеоидный тип встречается лишь в качестве примеси. В предшест-

---

[1] П. А. Пономарев. Цит. работа, стр. 421.
[2] Т. А. Трофимова. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры.

вующие же эпохи в Прикамье соотношение было обратным: население по своему типу было преимущественно европеоидным, и лишь в качестве примеси встречались монголоидные элементы. [1] Трофимова считает возможным, что в ананьинскую эпоху произошла некоторая передвижка населения из более северных областей к югу. Это население по своему происхождению, вероятно, было связано с населением Западной Сибири. Возможно, что отдельные группы населения передвинулись через Урал из смежных областей Западной Сибири, откуда они, вероятно, проникали и раньше. На это указывают монголоидные типы, встречавшиеся в Прикамье в до-ананьинское время в виде примеси к основному европеоидному типу. В ананьинскую эпоху происходило усиленное передвижение монголоидов в бассейн Камы.

Внешний облик луговских монголоидов мы можем себе представить благодаря работе Герасимова, который по черепу погребения 23 создал портретное изображение человека ананьинской эпохи. [2] В этой реконструкции нашли яркое выражение все те оригинальные черты древнего населения Прикамья, которые отметила в своей работе Трофимова.

Анализ погребального инвентаря Луговского могильника прежде всего позволяет говорить о расслоении в обществе ананьинской эпохи, что было одинаково ярко выражено как в мужских, так и в женских погребениях. В некоторые мужские могилы было положено оружие и орудия труда из металла, камня и кости — наконечники стрел и копья, кельты, ножи и пр., украшения в виде бронзовых бляшек и височных колец, предметы символического значения и запасы пищи, от которых сохранились кости животных и глиняные сосуды. В то же время при других погребениях имелись лишь единичные вещи — одно костяное орудие, пара костяных наконечников стрел или кость животного.

Однако все мужские погребения сопровождались вещами, кроме вышеописанного погребения 30 (без черепа), при котором был найден только череп другого человека. Но это, видимо, был исключительный случай (может быть, оружие мужчины-воина было взято как добыча его убийцей), тем более что при другом погребении без черепа (22) лежали костяные наконечники стрел.

По погребальному инвентарю все мужские погребения Луговского могильника можно разделить на следующие шесть групп.

К первой группе принадлежат пять наиболее богатых погребений (23, 25, 33, 36, 57), в которых лежали копья, кельты, стрелы, украшения и запасы пищи. Из них два (23 и 36) располагались в северном ряду могил, а остальные в южном. При последних в каждом погребении встречались железные предметы, тогда как в первых они отсутствовали. У четырех из них на черепе находились бронзовые бляшки — остатки головных уборов. Особенно интересны два погребения — 25 и 57. При первом из них лежала железная секира, при втором — железный акинак. Очевидно, это были военные предводители рода или, может быть, родоначальники, могилы которых встречались и в других могильниках ананьинского времени и отличались от других погребений богатством погребального инвентаря и иногда особой пышностью погребального обряда.

Рассмотрим погребение 57, находившееся в западной части могильника. Костяк взрослого мужчины лежал на глубине 50—60 см в могиле, очертания которой были ясно видны с глубины около 30 см. Могила имела

---

[1] Т. А. Трофимова. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья.

[2] Краткие сообщения ИИМК, IX, рис. 5.

вид четырехугольника с округлыми углами, вытянутого с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Покойный лежал в могиле в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток. Кости скелета сохранились плохо: кроме черепа сохранились лишь части длинных костей ног и правой руки, так что судить о положении рук нельзя. На теменной кости находилась круглая бронзовая литая бляшка (от головного убора) с орнаментом из концентрических кружков и петлей на обратной стороне.

Рис. 6. Погребение 57

1—2—костяные наконечники; 3—железный наконечник копья; 4—железный акинак; 5—бронзовый кельт; 6—кости лошади; 7—бронзовая бляшка

К северо-западу от черепа над правым плечом покойного лежали пять костяных наконечников стрел (четыре трехгранных и один с тупым концом в виде круглой головки); несколько ниже — на правом плече покойного — железный наконечник копья (острие которого было на уровне глазниц). Рядом с ним, ближе к краю могилы, находился бронзовый кельт с овальной втулкой (обращенной отверстием к правой руке покойного и вниз). Возле копья (очевидно, между рукой и туловищем умершего) был воткнут в землю под углом в 40° железный акинак, под лезвием которого лежали фрагменты железного ножа. Слева, примерно у пояса, были положены две плечевые кости лошади от разных особей (рис. 6).

Самым интересным предметом из инвентаря этого погребения является железный акинак, единственный в погребальном инвентаре всего могильника. Здесь мы ограничимся лишь кратким его описанием. Длина орудия 42 см, длина клинка — около 30 см. Клинок постепенно расширяется вниз, примерно до трех четвертей своей длины, и затем плавно суживается, образуя колющее острие. Рукоятка имеет утолщенные края и вогнутую середину. Навершье рукоятки овальное, с орнаментом из тонких полос золотой проволоки, образующих фигуры ромбов. Верхняя часть рукоятки под навершьем стянута медной обоймой; в последней с лицевой стороны имеются три треугольные углубления, которые, вероятно, были заполнены белой или цветной пастой. Перекрестье имеет вид раскрытых крыльев бабочки.

В остальных четырех погребениях наконечники копий были бронзовые. Копья, очевидно, имели длинные древки, примерно в рост человека, и были положены в трех случаях у правого, в двух случаях — у левого плеча умерших. Нет единообразия и в расположении бронзовых кельтов и наконечников стрел. Первые находятся над черепом (погр. 25), у черепа (погр. 36), к западу от правой плечевой кости (погр. 23 и 57), у левого локтя (погр. 33). Вторые расположены у черепа остриями вверх (погр. 57), у левого плеча (погр. 25 и 33), в таком же положении (в погр. 33 наконечник стрелы из кремня), у правой плечевой кости (погр. 36) и у правой голени (погр. 23) остриями вниз. Никаких следов лука и колчана обнаружено не было. Видимо, лук был деревянный, о колчане же сказать что-либо определенное невозможно. Кроме того, у правой плечевой кости в погребении 23 находился глиняный сосуд, а у правого бедра в погребении 25 —

просверленный клык медведя, висевший на поясе или лежавший в кармане или сумке.

Таким образом, мы видим, что в вышеописанную сравнительно небольшую группу входят погребения наиболее богатых и влиятельных членов рода, снабженных всеми видами оружия и орудий труда того времени, и из них два — военных вождей, обладавших редким и особо ценным оружием — железной секирой и акинаком.

Во вторую группу входят шесть погребений (12, 26, 31, 48, 54, 56), сопровождавшихся наконечниками копий и кельтами, иногда железными ножами и запасами пищи, но не имеющих наконечников стрел. И в этой группе положение наконечников, копий и кельтов не единообразное. Первые (из бронзы) располагались над черепом (погр. 12 и 48), над правым плечом (погр. 26 и 54), на груди (погр. 31), наконец, в погребении 56 кремневый наконечник копья лежал острием вниз у правого локтя, что заставляет предполагать в этом случае отсутствие древка, в то время как в остальных случаях, повидимому, копья имели длинные древки. Бронзовые кельты находились над черепом (погр. 54), у черепа справа и слева (погр. 12, 26 и 56), на груди (погр. 31) и примерно у пояса слева (погр. 48).

Кроме того, в погребении 12 был найден обломок железного предмета (ножа?) и кость животного, в погребении 48 — бронзовое височное кольцо, в погребении 26 — также кость животного и в погребении 54 — глиняный сосуд и несколько бронзовых предметов, которые будут описаны ниже.

Рис. 7. Погребение 54

Наиболее интересным погребением этой группы является погребение 54, находившееся на глубине 40—50 см, в ясно очерченной могиле обычного типа. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на север (рис. 7). Над черепом был обнаружен бронзовый кельт, у черепа над правым плечом — бронзовый наконечник копья, на теменной кости — круглая бронзовая бляшка и на груди — осколок кварцита, может быть заменявший нож. Несколько выше погребения, на глубине около 25 см от поверхности, в могиле лежали: круглая литая бронзовая бляшка на правом плече и бронзовая литая птичка — в нижней части груди. Эти вещи, очевидно, были положены в могилу после того, как покойный был засыпан тонким слоем земли, до подсыпки темного слоя из жертвенного очага. Оба предмета имеют символическое значение, связанное с религиозными представлениями ананьинцев, и являются, видимо, символами солнца.

Эта группа погребений представляет собою определенный слой древнего населения, видимо также богатый и влиятельный, обладавший дорогим в то время железным и бронзовым оружием и орудиями труда, но несколько иной, чем первый. Почему здесь отсутствуют наконечники стрел? Трудно себе представить, чтобы какой-либо мужчина ананьинского времени не умел стрелять из лука и не имел лука и стрел, изготовление кото-

рых не требовало дорогих материалов и являлось произведением местных мастеров. Очевидно, в могилы клали далеко не все вещи, принадлежавшие покойным, но только те, которые являлись символом их положения в обществе и без которых нельзя было занять такого же положения в загробном мире. Только с этой точки зрения можно понять погребальный инвентарь остальных групп мужчин Луговского могильника.

К следующей, третьей группе относятся два погребения (14 и 58). В обоих случаях здесь мы имеем дело с захоронениями мужчин возраста maturus. Одно из них находилось в пахотном слое, другое — в хорошо прослеживающейся могиле на глубине 40—50 см. Оба костяка лежали в обычном положении — головой на север. Кости ног первого из них были деформированы в результате какой-то болезни. Над правым плечом этого костяка был положен бронзовый наконечник копья, на груди — железный нож и у пояса слева зуб (резец) бобра. При погребении 58 находились следующие вещи: на черепе — бронзовая бляшка от головного убора, над левым плечом — бронзовый наконечник копья и у левого плеча — кость животного.

Отличительным признаком этой группы являются сопровождавшие покойных бронзовые копья, служившие, очевидно, основным признаком их достоинства.

В четвертую группу входят восемь погребений (6, 7, 10, 15, 42, 44, 45, 47), где костяки лежали в обычном положении, головой на север, частью в пахотном слое (погр. 6, 7 и 15), частью в хорошо видных могилах на глубине 50—60 см. Отличительным признаком этой группы и единственным из основных орудий труда, сопровождавшим покойных, является бронзовый втульчатый топор-кельт. Следует отметить, что погребения этой группы довольно бедны за исключением погребения 10, которое будет описано ниже. При погребении 6 был найден только кельт, лежавший на груди. Погребения 10, 44 и 47 кроме кельтов имели остатки головных уборов в виде бронзовых спиральных височных колец и пластинчатых бляшек (при погр. 47, кроме того, находился глиняный сосуд). На черепе в погребении 46 лежал клык волка, также, очевидно, относившийся к головному убору. При погребении 7 кроме кельта был найден железный нож (у колена) и обломки крупного глиняного сосуда (у правого колена), и, наконец, при погребении 42 — камень со стертыми краями (у правого плеча), а при погребении 15 — лопатка свиньи (над правым плечом).

Положение кельтов было разное: у черепа справа (погр. 10) и слева (погр. 42, 44, 47), на груди (погр. 6 и 7) и у пояса (погр. 15 и 46). Кельт в погребении 46 был положен в могилу, когда покойный уже был засыпан тонким слоем земли; края втулки кельта были обнаружены в могильном пятне на глубине 25 см.

Наиболее интересным погребением этой группы и, пожалуй, самым интересным погребением всего могильника является погребение 10.

Погребение находилось в восточной части северного ряда, на глубине 50—60 см. Костяк мужчины возраста maturus лежал вытянуто, головой на север, с небольшим отклонением к востоку, с согнутыми в локтях руками и обращенным к востоку лицом (рис. 8). У черепа направо находились два спиральных височных кольца, над правым плечом был воткнут бронзовый кельт, и рядом с ним лежала кость животного. У правого колена и голени располагался целый набор различных металлических и костяных орудий — две маленькие бронзовые стамески, костяная мотыга без следов употребления, крупные и мелкие костяные острия. Выше всех этих орудий лежала круглая галька с оббитыми и обтертыми краями, возможно — точильный камень и лощило (обычных точильных камней в виде

удлиненных овалов со сверлиною в верхней части в могильнике не было). Видимо, в этой могиле был похоронен мастер со своими орудиями производства или, может быть, глава родового хозяйства.

Интересно, что среди орудий совершенно отсутствуют инструменты из железа, хотя, казалось, они здесь-то и должны были быть скорее всего. Нет даже железного ножа, столь необходимого для изготовления костяных орудий. Объяснение этому обстоятельству может быть лишь одно. Погребение 10 находится в восточной части северного ряда могильника, относящегося к несколько более раннему времени, чем южный ряд, когда железных вещей было еще очень мало. Во всем северном ряду было лишь одно железное орудие — копье очень архаического вида в погребении 48.

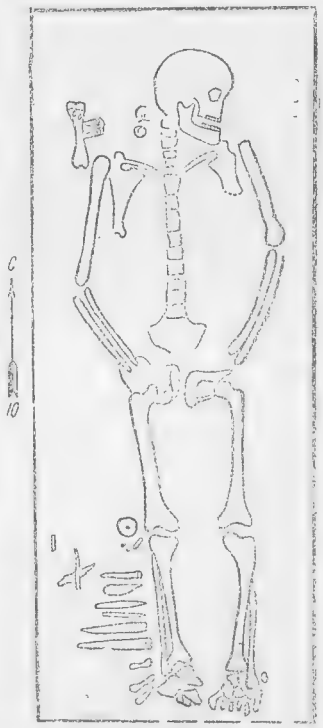


Рис. 8. Погребение 10

К этой же группе можно отнести еще погребение 37, находившееся на глубине около 70 см. Могила с глубины около 50 см имела вид темного четырехугольника, вытянутого с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Левая рука была согнута в локте. У правого плеча лежало крупное костяное орудие из рога лося, у пояса — фрагменты железного ножа и мелкие обломки глиняной посуды. Один конец костяного орудия — округлый, со следами ударов, другой — обломан, но, очевидно, представлял собою острие. Ближе к тупому концу вырезано четырехугольное отверстие для вставки рукоятки, которое в виде узкой щели продолжалось и в остром конце. В эту прорезь вставлялось острие из кости или, может быть, из металла, которое и служило основным рабочим краем орудия. Никаких следов металла на стенках прорези не имеется. Орудие скорее всего служило мотыгой или киркой, а может быть и топором, заменяя в этом случае бронзовый кельт.

Следует отметить, что с мужчинами именно этой группы были захоронены женщины (вышеописанные коллективные погребения 15—16 и 45—46), чего в других группах не наблюдалось.

Перейдем к характеристике пятой группы мужских погребений, которые из основных орудий труда сопровождались лишь костяными или кремневыми наконечниками стрел. Их всего пять (22, 24, 39, 41 и 53). В погребении 22 (без черепа) два крупных костяных трехгранных наконечника стрел лежали у левой голени остриями кверху; при погребении 39 два таких же наконечника в таком же положении находились у правого локтя (см. рис. 2). Кроме них в северо-восточном углу могилы был обнаружен обломок кремневого орудия (вернее всего, не относящийся к погребению) и обломки глиняного сосуда у левой голени; при погребении 41 три костяных наконечника стрелы того же типа лежали на груди. В погребении 24 (на камнях) костяной наконечник стрелы найден у тазовой кости слева (у правого локтя этого же погребения находилось железное шило). Никаких следов колчанов и в этой группе погребений обнаружено не было, так же как и следов головных уборов. Наконец, кремневый наконечник стрелы лежал в головах погребения 53.

Остается сказать несколько слов о двух погребениях мужчин возраста adultus, лишенных орудий труда. При одном из них (погр. 11) обнаружено лишь три плечевых кости коровы и лошади, лежавшие у правой руки и в правой части груди и бронзовой спирали, найденной у пояса слева. При двух других (погр. 55 и 59) — лишь плечевые кости лошади, лежавшие на правом плече и у черепа. Несомненно, что в этом случае мы имеем дело с неполноправной группой ананьинского общества, члены которой не могли владеть оружием и орудиями труда.

Обратимся к рассмотрению женских погребений. Женские погребения Луговского могильника еще более ярко выражают социальное и экономическое расслоение ананьинского общества. В богатых женских могилах при умерших лежали украшения, кости животных, глиняные сосуды, в то время как в бедных находился один сосуд или кость животного. При пяти женских погребениях (16, 28, 35, 40 и 61) совсем не было вещей. Отсутствие в женских могилах орудий труда (кроме двух пряслиц и одного шила) вскрывает подчиненное положение женщины в ананьинском обществе. Очевидно, орудия труда, которые женщины неминуемо должны были употреблять во время работы (невозможно представить себе, чтобы им не нужен был, например, топор или нож), не являлись их личной собственностью и поэтому не могли быть положены в могилу. Полнее же отсутствие в пяти женских могилах украшений и даже остатков запасов пищи свидетельствует не только о бедности покойных женщин, но и об особом положении их в обществе. Одна из женщин этой группы была похоронена в одной могиле с мужчиной (вышеописанное коллективное погребение 15—16). Очевидно, здесь мы имеем дело с погребениями неполноправных членов рода.

Остальные женские погребения сопровождались погребальным инвентарем. При погребениях 5, 9, 21 и 38 были найдены лишь глиняные сосуды и кости животных. Из них два погребения находились в пахотном слое и два в ярко очерченных могилах на глубине около 60 см. Погребение 5 сопровождали два глиняных сосуда — над правым плечом и у кисти левой руки, и кость мелкого животного — у правого плеча. У кисти правой руки погребения 9 был обнаружен глиняный сосуд. У правого плеча погребения 21 находились две вложенных друг в друга небольшие глиняные чашечки и кость животного. При погребении 38 плечевая кость лошади лежала у левого колена, мелкие, отчасти обожженные косточки — на груди и обломок глиняного сосуда — у левого бедра. Погребальный инвентарь этой группы погребений указывает на бедность покойных женщин, а может быть, и на особое, не совсем равноправное положение их в роде.

Остальные женские погребения сопровождались преимущественно бронзовыми украшениями. Из орудий труда только при погребениях 8 и 19 найдены глиняное и костяное пряслица, а при погребениях 45 и 49 — бронзовое и железное шилья. Бронзовые бляшки и трубочки находились на черепе, представляя собою остатки головных уборов, у подбородка (зачатки будущих ожерелий) и у пояса (по одной). Ожерелий из бус и поясных наборов не встречалось, и только в погребении 20 сильно разрушенная бронзовая трубочка находилась на груди. Наиболее богатые и интересные женские погребения 3 и 19. Первое было раскопано колхозниками, как об этом говорилось выше, и поэтому точное местонахождение некоторых вещей неизвестно, так же как форма и глубина могильной ямы.

Самым интересным и богатым из женских погребений Луговского могильника из раскопок 1938—1940 гг. является бесспорно погребение 19. Костяк женщины монголоидного типа лежал в ясно очерченной могиле обычного вида головой на север (с небольшим отклонением к востоку),

на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, на глубине около 70—80 см (рис. 9). Кости сохранились довольно хорошо. Над черепом справа лежали 12 небольших бронзовых уступчатых бляшек, три крупных и три более мелких бронзовых трубочки — остатки головного убора. Под нижней челюстью и возле нее — две бронзовые пластинки в виде браслетов с отверстиями на концах, — очевидно, составлявшие пластинчатое ожерелье. У пояса слева — бронзовая бляшка, такая же, как на головном уборе. На одной из фаланг пальцев левой руки — кольцо из тонкой бронзовой пластинки. У правого колена — просверленная головка бедра животного (очевидно, пряслице) и бобровый зуб (резец). Немного ниже, у правой голени — довольно большой круглодонный глиняный сосуд.

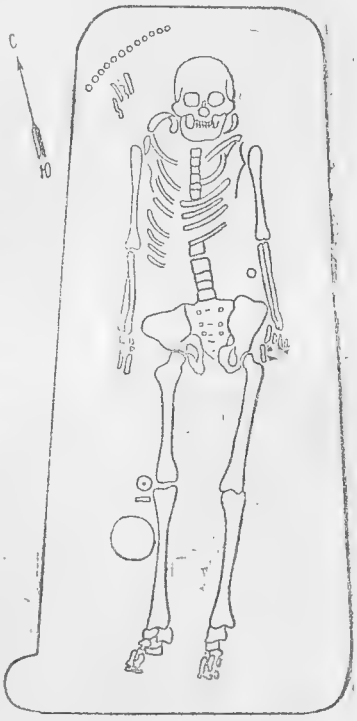


Рис. 9. Погребение 19 (женское)

Детских погребений было вскрыто 11. В трех случаях дети были захоронены в одной могиле со взрослыми (погр. 47, 50 и 60), в одном случае — с подростком, и в одном случае мы имеем погребение двух маленьких детей в одной могиле (вышеописанное погр. 17—18). Лишь одно детское погребение сопровождалось круглой бронзовой бляшкой из тонкой пластинки с двумя отверстиями для прикрепления. В остальных детских погребениях находились лишь глиняные чашечки (погр. 17—18, 27 и 51) или кости животных (погр. 27 и 29). Кроме того, имеются два индивидуальных погребения подростков без вещей. Очевидно, это были дети из враждебного рода, уведенные в плен, или дети из неполноправного слоя ананьинского общества. Таким образом, детские погребения до известной степени отражают расслоение ананьинского общества и подтверждают существование группы неполноправных членов рода.

Из приведенных в начале статьи данных мы вправе заключить, что Луговской могильник существовал в течение долгого времени и что погребения северного ряда являются более древними, чем южного. Как было сказано выше, в северном ряду был лишь один железный предмет — наконечник копья очень архаического вида в погребении 48. Очевидно, захоронения этого ряда относятся к самому началу железного века в бассейне Камы. Следует отметить, что в инвентаре погребений Луговского могильника в целом еще отсутствуют бронзовые наконечники стрел «скифского типа», поясные наборы, бронзовые и серебряные гривны, бусы. Мужские височные кольца в виде спиралей имеют еще архаический облик — они сделаны из тонких четырехгранных полосок и имеют небольшое количество оборотов, примыкая к таким же украшениям конца эпохи бронзы.

В южном ряду мы наблюдаем появление скифского влияния (примером которого является вышеописанный акинак в погр. 57) и бо́льшее распространение железных орудий.

Луговской могильник является самым ранним из могильников ананьинского типа в бассейне Камы. Орудия труда и украшения этого могильника типичны для ананьинской культуры в ее наиболее чистых и ранних

формах, почти свободных от скифских и иранских влияний, и вследствие этого могут служить надежной базой для изучения этой культуры.

Анализ погребального инвентаря этого могильника указывает на подчиненное положение женщины в ананьинском обществе и на расслоение этого общества, существовавшее уже на ранней стадии развития ананьинской культуры. Прежде всего очень ярко выделяются два слоя: 1) верхушка общества — мужчины с наиболее полным и богатым погребальным инвентарем, вооруженные копьями, кельтами и луком со стрелами; из них избирались военные вожди рода, и 2) группа мужчин — неполноправных членов рода, скорее всего рабов, лишенных орудий труда. Первой группе соответствует группа наиболее богатых женщин (погр. 3, 19, 49), второй — женские и детские погребения без вещей. К первой группе примыкают мужчины с богатым погребальным инвентарем, но без лука и стрел, и пожилые мужчины с копьями.

Особую группу составляют мужчины, при погребениях которых характерным и единственным орудием труда является кельт. Можно думать, что это была группа полноправных членов рода, участвовавших в военных походах и поэтому владевших рабами, доказательством чего является захоронение женщины без вещей в одной могиле с мужчиной, при котором положен бронзовый кельт. Второе коллективное погребение (45—46) мужчины с кельтом и женщины с бронзовым шильцем и глиняным сосудом в головах и бронзовой пронизкой у пояса указывает прежде всего на то, что в данном случае мы имеем дело с женщиной — полноправным членом рода, погребальный инвентарь которой так же определяет положение этой группы населения, как и вещи, находившиеся с мужчиной.

Пока мы не имеем данных, чтобы сказать что-либо определенное о группе мужчин, сопровождаемых наконечниками стрел, символизирующими их положение в роде.

Имеем ли мы право распространить выводы о расслоении родовой группы, которая хоронила своих умерших на Луговском могильнике, на все ананьинское общество? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к изучению погребального инвентаря других камских могильников ананьинской эпохи, и прежде всего Ананьинского могильника. К сожалению, материалы раскопок Алабина не дают возможности сделать точные выводы, а прекрасные материалы Пономарева содержат лишь описание женских могил и богатых мужских. Во всяком случае мы и здесь встречаем погребения с копьями, кельтами, стрелами и богатыми украшениями, те же погребения верхушки общества и военных вождей, которые здесь отличались особенной пышностью. Среди женских погребений имеются богатые — например могила *Д* (с бронзовыми украшениями и сосудами) и бедные — как, например, могилы *А* и *Е* — только с глиняными сосудами. Орудия труда и здесь при женских погребениях отсутствовали. Из сравнения погребений верхушки рода и военных вождей более раннего Луговского и более позднего Ананьинского могильника можно сделать вывод, что в последнем расслоение общества проявлялось еще резче, так как погребения верхушки отличаются особым погребальным обрядом — могилы помещаются внутри сооружений из камней в виде ладьи и кругов.

К сожалению, в отчете Нефедова о раскопках Ананьинского и Котловского могильника в 1891, 1893—1894 гг. не описаны подробно все вскрытые им могилы, но, анализируя приведенный им материал, мы видим, что и там женские погребения не сопровождались орудиями труда, а большая часть мужских распадается на те же группы, как в Луговском могильнике. Кроме того, в этих могильниках появляется новая группа — мужские погребения, содержащие из основных орудий труда кельты и на-

конечники стрел, — группа, которая не наблюдалась в Луговском могильнике (гробницы № 5 и 6 из раскопок 1891 г. Ананьинского могильника и гробница № 2 из раскопок 1894 г. Котловского могильника). Очень интересно отметить, что группа погребений, сопровождавшихся из основных орудий наконечниками стрел, в трех могилах (гробница № 12 и 16 из раскопок 1893 г. и гробница № 1 из раскопок 1894 г.) из четырех содержит куски руды, шлака и бронзового сплава, которые, очевидно, были положены в могилы древних металлургов, добывавших и обрабатывавших местную медную руду (выходы медных руд известны в окрестностях села Котловки). Это обстоятельство имеет очень важное значение для характеристики данной группы погребений. В четвертой могиле (гробнице № 3 из раскопок 1894 г.) кроме кремневого наконечника стрелы и обломков кремневых орудий находился медный рыболовный крючок, что также дополняет характеристику этой группы погребений.

Но особенно показателен материал Зуевского могильника, где А. А. Спицын вскрыл 218 погребений. Из них 45 погребений без вещей (35 взрослых, 2 юношеских и 8 детских). Некоторые из них в обратном и поперечном положении по отношению к общей ориентировке. Среди мужских погребений, сопровождавшихся погребальным инвентарем, выделяются те же группы, что и в Луговском могильнике: 1) группа с наконечниками копий и стрел, кельтами и другими вещами (9 погр.), среди которой особым богатством отличаются погребения 94 и 168, принадлежавшие, видимо, старейшинам или военным вождям; 2) группа с наконечниками копий и кельтами (4 погр.); 3) с наконечниками копий (6 погр.); 4) группа с кельтами (22 погр.); 5) группа с наконечниками стрел (15 погр.). Кроме того, в Зуевском могильнике также имеется группа погребений с кельтами и наконечниками стрел (14 погр.), которой нет в Луговском могильнике.

Таким образом, мы видим, что в ананьинском обществе с самого начала существовали определенные группы членов патриархального рода и наряду с ними — рабы. Погребения каждой из этих групп сопровождались определенными видами оружия и орудий труда, символизирующими общественное положение группы и обеспечивающими умершим такое же положение в загробном мире.

Существование рабов в ананьинском обществе считали возможным и другие исследователи ананьинской культуры — Тальгрен и Шмидт; первый на основании наличия очень бедного погребения в одной могиле вместе с богатыми,[1] второй — на основании изучения хозяйства ананьинского общества.[2]

Анализ погребения Луговского могильника дает возможность предполагать, что формы патриархального рабства в ананьинском обществе не отличались суровостью: рабы хоронились с соблюдением тех же обрядов, как и остальные члены рода. Возможно, что рабы происходили из того же племени, как и их владельцы — победители и погребения рабов-мужчин отличались лишь отсутствием орудий труда. Последнее объясняется, очевидно, той ролью, которую рабы играли в хозяйстве рода. В работах исследователей первобытного общества — этнографов имеются описания обязанностей рабов. В патриархальном обществе гиляков, например, раб «должен был исполнять различные домашние работы: колоть, рубить и таскать дрова, варить пищу, чистить рыбу — одним словом, испол-

---

[1] A. M. Tallgren. L' époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919, стр. 16—17.

[2] А. В. Шмидт. Очерки из истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. Сборник «Из истории родового общества на территории СССР», стр. 89—90.

нять те работы, которые возложены на женщин». [1] Число рабов, в особенности мужчин, у гиляков было невелико. «Владеть невольницей считается в высшей степени завидным... Рабы из мужчин дешевле ценятся и к приобретению их меньше стремятся».[2] О чукотских рабах у Богораза говорится, что их положение «мало отличается от положения чукотских женщин». В ананьинском обществе, очевидно, существовало домашнее или патриархальное рабство, которое, по словам Энгельса, не составляет основы производства; в системе общественного разделения труда раб при патриархальном рабстве выступает в качестве вспомогательной рабочей силы, присоединяемой к рабочей силе семьи.

Интересные данные о патриархальном рабстве имеются в работе Анисимова.[3] В ней приводится предание о нападении рода Нюромнялей на Момолей, в результате которого Нюромняли «многих мужчин увели в работники себе, женщин много увели себе в работники... Уведенных женщин привели домой, на некоторых женились, половина на них (т. е. на Нюромнялей) стали работать. Тем женщинам плохие работы дали. Первой работой их стало готовить пищу, шить обувь, одежду, таскать воду, таскать одеяла в чум, таскать стали зверя, сушить стали мясо, костры разводить, скорей чтобы сохло мясо. Мять стали шкуры, выделывать калусы, приготовлять бересту, дымить шкуры. Мужская работа стала: черенки строгать, наконечники стрел точить, оленей искать, раздувать меха в кузнице, по дрова ходить... корни (для сшивания берестяной оболочки лодок) приготовлять, голицы делать, лыжи делать, лабазы налаживать, место под чум расчищать, лопаты делать».

Таким образом, в системе общественного разделения труда внутри первобытно-коммунистического общества раб, очевидно, занимал место женщины, замещая ее в наиболее тяжелых работах, и это положение раба в ананьинском обществе выразилось в отсутствии орудий труда в погребениях мужчин-рабов, так же как в женских погребениях ананьинского типа.

У гиляков раб мог вступать в брак не только с рабыней, но даже со свободной женщиной. Дети от такого брака со свободной женщиной считались свободными, но дети рабыни от раба или свободного считались рабами. Однако «в пятом поколении потомки раба получали свободу и, возможно, даже адоптировались в род. Объяснялось это гиляками следующим образом: в первом поколении человек — раб (иноплеменник); во втором поколении он свободен от макушки до глаз (т. е. стал на эту часть единоплеменником); в третьем — по пояс, в четвертом — до колен, в пятом — весь человек. Многие гиляки и сейчас помнят в числе своих предков рабов».[4] Таким образом, среди гиляков одновременно существовали группы полноправных членов рода, рабов и неполноправных членов рода — потомки рабов во втором, третьем и четвертом поколениях. Возможно, что погребения каждой из этих групп отличались какими-нибудь особенностями, но обычай трупосожжения, сохранившийся у гиляков до сих пор, не дает возможности проследить это на археологическом материале.

В уже цитированной работе Анисимова говорится, что у каждого рода трое старших вождей: военный вождь, родовой шаман и хранитель родового хозяйства. Остальные мужчины (полноправные члены рода) разделялись на обученных военному делу и необученных. «Обучившиеся к военному вождю шли, необучившиеся на расчищенном месте обучаться начи-

[1] А. М. Золотарев. К вопросу о генезисе классообразования у гиляков.
[2] Шренк. Инородцы Амурского края, III.
[3] А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков, Л. 1936, стр. 137.
[4] А. М. Золотарев. К вопросу о генезисе классообразования у гиляков.

нали. Там дома в чумах своих работали свою работу. У вождя находившиеся люди работали вместе с вождем. Что вождь скажет, пойти куда-нибудь, на другие роды напасть — шли. Обучившихся мужчин военный вождь уводил с собой в поход, а необучившиеся дома оставались». [1]

Таким образом, полноправные члены рода образовывали три группы. Если сюда прибавить группу рабов и потомков этих рабов — неполноправных членов рода, получится, что в каждом роде поздне-патриархального типа существовало 5—6 различных групп, которые могли при погребении сопровождаться особым инвентарем, как это наблюдалось в погребениях Луговского могильника. Возможно, что группа мужчин с копьями, кельтами и наконечниками стрел в погребальном инвентаре составляла группу членов рода, хорошо обученных военному делу, среди которых особым богатством отличались вожди. Остальные мужчины, похороненные с кельтами или наконечниками, оставались дома и работали. В ананьинском обществе это были земледельцы, скотоводы, металлурги, охотники, рыболовы, которые, в свою очередь, могли отличаться друг от друга особым погребальным инвентарем.

Разумеется, изложенные здесь соображения далеки от решения вопроса о значении описанных выше групп мужских погребений могильников ананьинского типа и являются лишь первой попыткой в этом направлении. Окончательное решение этого вопроса — дело дальнейшей работы.

По мере развития ананьинского общества верхушка его, и особенно военные вожди, сильно выделяется из членов рода, появляются новые группы (группы погребений с кельтами и наконечниками стрел Ананьинского, Котловского и Зуевского могильников), и в то же время увеличивается количество рабов (в Луговском могильнике около 11% погребений без вещей, тогда как в Зуевском их около 20%). Отсюда можно сделать вывод о росте межродовых военных столкновений, вследствие чего война приобретала все большее значение в жизни ананьинского общества.

---

[1] А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков Л., 1936, стр. 91.

А. А. ПОПОВ

ПОЛУЧЕНИЕ «ШАМАНСКОГО ДАРА» У ВИЛЮЙСКИХ ЯКУТОВ

Прежние исследователи религии якутов — В. Ф. Трощанский, В. М. Попов, С. В. Ястремский и др., давшие исключительно ценные труды в этой области, работали в пределах бывшего Якутского округа. Верования якутов других округов — Олекминского, Вилюйского и Верхоянского — до сих пор остались неизученными; между тем они имеют свои отличия, возникшие главным образом в результате культурного общения якутов с ближайшими соседями — эвенками и палеоазиатами. В некоторой степени дополняют эти пробелы собранные нами в 1922—1925 гг. материалы по верованиям якутов северной части бывшего Вилюйского округа (Удюгейский улус). В настоящей работе [1] мы касаемся мало изученных вопросов получения «шаманского дара».

Довольно скудные сведения, имевшиеся в русской литературе по шаманству народов Сибири и Средней Азии, в свое время были сведены в общих трудах по шаманству Михайловского, Харузиных, а после Октябрьской революции — в популярных книжках Урсыновича, Косокова и др. Особо следует отметить две ценные работы, посвященные вопросам получения шаманского дара: Штернберга «Роль избранничества в религии» (1927) [2] и Дыренковой «Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен» (1930). [3]

Большинство прежних исследователей обращало свое внимание главным образом на внешнюю сторону шаманства, больше занимаясь описанием костюма шамана и его ритуальных действий. Между тем фиксирование психологической стороны получения шаманского дара имеет важное значение для выяснения причин появления шаманства. Записи шаманских автобиографий, под которыми мы разумеем описание душевных переживаний, испытываемых призываемым, представляют интерес не только для этнографов, но могут заинтересовать и специалистов-психиатров.

Шаманы — ojун — у якутов, как и у других народов Сибири, являются посредниками между божествами, духами и людьми. Для этой не всегда безопасной деятельности посредничества шаманы призываются свыше особыми духами.

По убеждению якутов шаманы оказывают большую пользу людям: своим умелым заступничеством они избавляют людей от вредных и гибельных действий различных духов, у добрых божеств испрашивают удачу, счастье и богатство. Но деятельность шаманов может оказаться и вредной:

---

[1] Предлагаемая статья представляет отрывок из большой работы по верованиям якутов б. Вилюйского округа.

[2] Журн. «Этнография», № 3, 1927.

[3] Сб. Музея антропологии и этнографии, т. IX.

они могут насылать болезни и различные бедствия и при посредстве своих духов даже умерщвлять, «съедать» людей. Согласно такой двойственности своих функций шаманы делятся на добрых (аjы и ojуна — шаман добрых божеств) и злых (абасы ojуна — шаман злых духов, сіämäх ojун — поедающий, умерщвляющий шаман). В старину такое разграничение функций соблюдалось очень строго.

Призываются шаманы к своему служению духами верхнего (неба), среднего (земли) и нижнего (подземного) мира. При рождении ребенка, предназначенного быть шаманом, духи похищают все три души: салгын кут — «воздух-душу», буор кут — «земля-душу» и jiji кут — «мать-душу»; при этом ребенок не умирает, а только отделывается легкой болезнью. Каждая из похищенных душ получает особое «воспитание».

Воздух-душа ребенка, предназначенного быть верхним шаманом, похищается дочерьми божества шаманки Ары Дархан и уносится в ее жилище. Около ее жилища растет очень большая лиственница с девятью отверстиями (дуплами — кумалан), из которых три нижние имеют подстилку из мха, три средние — из хвои и три верхние — из листьев. В нижних отверстиях воспитываются души плохих шаманов, в средних — посредственных, а в верхних — самых знаменитых (шаман, воспитанный в девятом отверстии, — высшая степень шаманства). Воздух-душа воспитывается в одном из отверстий в виде птенца кукушки (или, по другим рассказам, птенца кулика) от года до девяти лет, смотря по своему предназначению: душа знаменитого шамана воспитывается дольше, нежели плохого. Если предполагается злой шаман, душа имеет вид голого, неоперившегося птенца.

Во время пребывания в дупле душа доброго шамана откармливается орлиными яйцами; дочери и сыновья Ары Дархан, сидя на краю отверстия в образе орла, обучают душу различным шаманским уловкам и хитростям. Душа доброго шамана откармливается душами своих родичей и душами их скота; дочери и сыновья Ары Дархан кормят ее пестрыми вороньими яйцами и, сидя на краю отверстия в образе ворон, обучают душу подобным же уловкам и хитростям.

Некоторые души трудно воспринимают шаманскую выучку, тогда их вынимают, дают обсохнуть крыльям и откармливают пестрыми зайцами, двухглавыми орлами (өкөкө) и пестрыми рыбами, — все это воспринимается душами в виде шаманских уловок и хитростей. Когда крылья птенчика-души высохнут, духи снова кладут ее в дупло, где она остается еще на три года.

Когда срок пребывания воздух-души закончится, ее уносят дочери черных облаков, одевают в лебединую шкуру и в таком виде обучают шаманству, а затем возвращают человеку обратно.

Воздух-душа ребенка, предназначенного быть шаманом от среднего мира, похищается посыльными того духа, который призывает младенца к шаманскому служению: духа огня, духа воды Укун'а, духов лесных зверей и др., и уносится к большой березе, растущей около северных демонических старух, где также помещается в одном из трех отверстий, в зависимости от степени своего будущего служения, на срок от нескольких месяцев до трех лет. По истечении срока воспитания душа берется северными старухами и кладется в железную люльку в одной из трех комнат, специально предназначенных для знаменитого, посредственного и плохого шамана. Душу знаменитого шамана выкармливает грудью старшая северная старуха, посредственных — средняя и плохих — младшая. Душа злого шамана выкармливается душами родичей и «нечистыми» гадами:

червями, ящерицами, лягушками и пр. Такое состояние души продолжается от года до трех лет.

Если шаман призывается к служению духами нижнего мира, воздух-душа тоже уносится к северным старухам, где также воспитывается в железной люльке до трех лет и выкармливается грудью сестер. Вслед за этим, если шаман призывается Кыдаj Махсы'ом (иначе Кыда Бахсы), [1] воздух-душа несколько лет воспитывается на огне, в том самом месте, где это божество вставляет сопла своих кузнечных мехов. Эти шаманы носят название шаманов духа огня. Если же о воспитании души заботится другое божество нижнего мира, которое, понятно, не может быть добрым, то душа уносится в такую непролазную грязь, дальше жилища самого Арсан-Дуолаj'а (другое название Бытыктах — бородатый), властителя подземного мира, в которой вязнут даже пауки, и здесь в виде птенца гагары или кукушки претерпевает невыносимые страдания: у нее сгнивают перья, слезает кожа, кормится она исключительно душами своих родичей и различными гадами. Через известный промежуток времени (от года до трех лет) духи вынимают птенца из грязи и дают ему подсохнуть на солнце, причем, если шаману суждено быть особенно жестоким, стегают его талинками, отчего птенец превращается в громадную лягушку величиной с юрту.

У будущих знаменитых шаманов нижнего мира воздух-душа подвергается закаливанию, причем это производится различно: душа кладется на полтора года в сулему и на полтора года в воду болезней. При закаливании человек хилый может не выдержать, душа его раскалывается надвое, и он умирает. После этого душа посылается обратно к северным старухам, и там снова обучают ее, надев шкуру ворона.

После закаливания божество, предрекающее судьбу человека, предсказывает число лет жизни будущего шамана.

В то время как воздух-душа возвращается обратно к человеку, мать-душа и земля-душа совершенно перерождаются и не возвращаются обратно к шаману. Перерождение этих душ происходит одинаково для шаманов и верхнего, и среднего, и нижнего мира.

Мать-душа новорожденного уносится на край воды болезней, где и остается навсегда, принимая вид фантастического животного мать-зверя. Несмотря на совершенно самостоятельную жизнь, мать-зверь тесно связан с судьбою шамана. Мать-звери шаманов часто дерутся между собою, и в случае поражения или гибели их хворает или умирает шаман, с мать-зверем которого случилось несчастье. Каждый шаман видит своего мать-зверя в течение всей жизни только три раза: при первом камлании, в средине своей жизни и перед самой смертью.

Земля-душа будущего шамана превращается в рыбу и помещается в особую запруду (басыт) в воде болезней, устроенную железными людьми из трупов убитых для этой цели (без ведома и согласия будущего шамана) семи девушек, семи молодых людей и семи голов скота. Земля-душа в виде рыбы плавает внутри этой запруды и все время старается перескочить через нее, и, если это случится, шаман умирает. При камланиях шамана земля-душа выпускается на свободу особыми духами, но сейчас же после камлания снова загоняется в запруду и запирается. В воде болезней имеются три верши, куда земля-душа, когда выпускается на волю, старается загнать земля-душу своего врага — другого шамана. Вся вода болезней переполнена рыбами, т. е. земля-душами различных шаманов.

---

[1] Божество, покровительствующее кузнецам.

Во время отсутствия воздух-души будущие шаманы: в возрасте от 3 до 5 лет — самые знаменитые, от 5 до 9 лет — посредственные и от 12 до 18 лет — плохие, начинают видеть пророческие сны, предсказывать будущее и к концу указанных лет подвергаются сильным физическим и душевным страданиям, часто теряют сознание, и в таком состоянии их посещают видения. В это время происходит один из важнейших актов призвания — кромсание тела (äттäтäр), у знаменитых шаманов происходящее трижды.

Кромсание тела будущего верхнего шамана происходит так: во время своих страданий шаман впадает в бесчувственное (для окружающих) состояние и видит, что к нему собираются многочисленные духи, срезают ему голову, кладут ее на полку или втыкают на длинный шест. Голова, будучи отделена от туловища, не теряет способности видеть, слышать и чувствовать. Духи, срезавшие голову, разрубают остальное тело на мельчайшие кусочки (по некоторым рассказам, на 99 частей) и складывают в три отдельные кучки, откуда, беря кусочки в рот, выплевывают их по сторонам: из первой кучки — духам верхнего мира, из второй — духам земли и из третьей — духам нижнего мира, называя каждого духа по имени.

Если во время кромсания тела удастся духам деревьев и трав (от мас іччіта) украсть кусочки тела, шаман, хотя бы и предназначался быть добрым, становится злым.

Затем все кусочки каким-то образом оказываются снова в кучках, духи склеивают их слюной и, когда тело примет свой прежний вид, приставляют голову, и человек снова оживает.

Рассказывают, что в старину был случай кромсания тела наяву.

«В бывшем Верхне-Вилюйском улусе жили небогатые люди, у них был мальчик Оросо — очень болезненный и хилый. Однажды летом мальчик пошел на озеро ставить силки (тіргä) на уток и осматривать настороженные. Оросо, насторожив силки и вынув шесть уток, хотел уже возвращаться домой. В это время из лесу выехали три чрезвычайно высоких всадника на конях рыжей масти с белой полосою на морде. Мальчик принял всадников за русских, и так как в старину якуты боялись русских, то убежал в лес и там схоронился среди кустов. Люди, однако, заехали в лес следом за ним. Один из всадников громко закричал: «Человек, обязанный разыскивать, разыщи-ка мальчика!» На это откуда-то явился высокий и тощий человек и выволок из-за кустов еле живого от страха Оросо. Один из всадников срубил высокую лиственницу и очистил ее от коры. Оросо взяли, срезали ему голову и насадили ее на заостренный конец воткнутой в землю жерди. Несмотря на такое необычайное положение, голова, однако, продолжала и видеть и слышать. Оставшееся тело всадники разрубили на части и стали откладывать в сторону по кусочку посредством деревянного ковша с тремя отверстиями, каждый раз говоря, что это предназначается такому-то духу. Когда таким образом все кусочки были распределены, люди сказали, что нехватило доли духу болезни расслабления (нäс öлӯ тöрдö). Затем все кусочки соединили воедино, сняли голову и присадили к туловищу. Оросо стал таким же, каким был прежде» (1-й Батулинский наслег, Максим Николаев Буочча).

При кромсании тела шамана, призываемого духами среднего мира, также отрезается голова и насаживается на железный кол, тело также разрубается на мельчайшие кусочки (по некоторым рассказам, на 7 или 9), которые нанизываются на рожны и рядами тут же раскладываются на земле. Когда все кусочки уже нанизаны, рожны втыкаются в землю в разных направлениях, причем духи говорят каждый раз: «Это вехи путей к такому-то духу (имя) верхнего, среднего или нижнего мира». Духи, разрубавшие тело, делят между собою кусочки нескольких оставшихся рож-

нов. Несмотря на малое количество рожнов и многочисленность духов, кусочков хватает на всех. Кусочки затем также соединяются.

В некоторых случаях, когда кромсают тело шамана среднего мира, отрезают половые органы и бросают их в море болезней. Такие шаманы при камлании, показывая чудеса, могут наводнять юрту.

После того как духи приставят отрезанную голову к туловищу призываемого, они надевают на него шаманский костюм, дают в руки бубен и колотушку и, заставляя скакать, просят повторять за ними слова заклинаний.

Кромсание тела шамана, призываемого нижними духами, происходит так же: откладываются кусочки тела на три части, одна из которых предназначается северным старухам, другая — роду Арсан Дуолаj'я и третья — духам различных тяжелых болезней, преимущественно венерических. После кромсания тела три духа ведут нижнего шамана к Арсан Дуолаj'ю и говорят ему, что этот человек желает стать шаманом. Арсан Дуолаj заставляет приведенного произнести различные заклинания, после чего плюет ему на голову (делится от своей хитрости) и, коснувшись пальцем, говорит: «Будь знаменитым (посредственным или плохим) шаманом!»

Интересно привести следующий рассказ самого шамана о муках своего призвания:

«Зимою, в один из теплых дней я верхом на олене поехал разыскивать своих оленей. [1] Время близилось к ночи; вдруг я почувствовал сильный удар в спину неизвестно от чьей руки; все тело пронизалось холодом, словно кто-то облил ледяной водой. Подняв голову вверх, я увидел трех воронов: один был с белой головою, другой — пестрый, а третий — обыкновенный черный. Заинтересовавшись необычайностью этого явления, я до того загляделся, что закружилась голова, отчего, теряя сознание, упал на землю. Падая, услышал чей-то голос: «Оказывается, здесь тот, которого искали». Не знаю, сколько времени пролежал на снегу, с большим трудом вернулся домой, где слег и сильно заболел. Ночью увидел сон: пришли какие-то люди, принесли доску, на которой рубят мясо, и поместили ее посредине юрты. Затем внесли кожаную суму величиною с бычачью голову, крепко зашитую со всех сторон и, очевидно, наполненную какою-то жидкостью. Суму положили на доску и разрубили надвое; кровь разлилась по всей юрте. Какой-то человек, стоявший на левой стороне, умылся этой кровью, и мне очень захотелось крови — не знаю, почему. Тогда умывавшийся брызнул на меня изо рта кровью: все тело зазнобило, и получилось такое ощущение, как если бы впилось в тело много остей от колосьев.

Я упал навзничь и стал захлебываться в разлитой крови. Двое каких-то неизвестных подняли и вынесли меня на улицу, где стали стегать изо всей силы не то веревками, не то ремнями. После этого внесли меня в совершенно незнакомую юрту и положили на пол. В тело впились различные гады. Я очнулся и целых три месяца не находил себе покоя, часто сходил с ума.

Весною для окружающих я совершенно сошел с ума, и домашние целых семь дней должны были держать меня привязанным к столбу. К концу шестого дня моего сумасшествия мне опять стали мерещиться видения. Я начинаю помнить с того момента, когда услыхал голос: «Мы тебя унесем к северным». [2] После этих слов меня унесли в худую (грязную,

---

[1] В северных округах некоторые хозяйства якутов наряду с рогатым скотом и конями разводили также и оленей.

[2] Т. е. к северным демоническим старухам.

темную) юрту, отрезали голову (я почувствовал ужасную боль) и разрубили все тело на части, которые вместе с головой положили в железную люльку. В люльке все кусочки тела срослись между собою, и я принял обычный вид. Крепко связали меня пестрою веревкой и стали раскачивать люльку. Через некоторое время веревку развязали и, протыкая чем-то острым, пересчитали все мои кости и отдельные волокна мускулов (ётім сасын) и сказали: «Оказывается, у тебя одна кость и три мускульных волокна лишние». Откуда-то появился человек, очень похожий на медведя, и сказал: «Дайте-ка этого человека мне!» Перед человеком, сказавшим эти слова, поставили большую четырехугольную медную посудину, и он стал блевать в нее сгустками крови. Меня схватили сзади и обмакнули несколько раз в эти кровяные сгустки, говоря: «Нужно бы дать ему имя». Хотя я очень интересовался узнать свое новое имя, но почему-то не говорили. Я опять услышал голос: «Иди-ка сюда и дай пососать этому парню!» На это вошла женщина с собакой. Меня положили в посудину с кровью. Собака подошла и лизнула в лицо: я впал в глубокий обморок.

Когда очнулся, оказалось, что сижу на коленях вошедшей женщины. Она вытащила левую грудь и стала давать мне в рот сосок. Я с отвращением отвернулся. Женщина положила меня на пол лицом вниз и сказала, чтобы для меня приготовили гнездо, и тут же спросила: «Какой величины предполагаете сделать?» Ответили: «Будет иметь в окружности четыре аршина, в вышину три, с тремя медными обручами». Взяли меня и положили в точно такого вида люльку, накрепко запеленав, как маленького ребенка. Когда я лежал в люльке, в юрту вошло очень много людей с безобразными лицами, и, кажется, большинство из них были старухи. Одна из вошедших сказала: «Хорошо бы нам раздобыть пищу, сварили бы отличную еду». После этих слов две женщины с вымазанными сажей лицами вышли на улицу. Как только за ними прикрылась дверь, мне выкололи оба глаза. Послышался голос: «Да это он». Я упал навзничь. Когда я лежал в этом положении, стали тянуть влево за переносье железным крючком. Я приподнял голову, глаза мои попрежнему получили способность видеть.

Оказалось, что я лежу в устье Кровавой реки с течением вперед и назад (хардары тары сӯрдӓр ханнах ӧрӯс тӧрдӧ). Из этой реки почерпнули воды и досыта напоили меня, затем, просверлив уши, положили в глиняную посудину со стенками вышиною в четверть и сказали: «Ты стал знаменитым шаманом, имеющим кровавое подножье». Подбросили кусок зачерненейся крови величиною с подушку и, поставив меня на нем, сказали: «Ты будь знаменитым из злых шаманов с кровавым подножьем». Эти слова я повторил, сам не зная для чего. На шею накинули петлю из веревки и повели куда-то очень далеко. Затем надели на меня тяжелый шаманский костюм, дали в руку колотушку длиннее голени, бубен и стали говорить: «Получил ведь ты длинный огненный хвост! Стал ведь ты с легким дыханием! Получил ведь ты выражение морды грозного медведя! Получил ведь ты черно-кровавые глаза отлинявшего медведя! Получил ведь ты чуткие уши!» [1]

Я уселся и стал шаманить, и это продолжалось очень долго. Когда я кончил, запеленали меня и в таком виде посадили на прежнее место. Пришли люди и стали дуть в лицо холодом. Меня отнесли в то самое место, где разрубали на части тело, развязали веревки и приказали шаманить вместе с находившимися тут шаманами. Я отказался, тогда сказали: «Дочь ӯЙӯс-я, иди-ка сюда, этого проклятого унеси и дойми так

[1] Уот субург, гаи кутуруктӓх быоллуц ӓт! Туптӓ-тӧлӧн тыннӓх буоллуц ӓт! Сыог, гаи ӓсӓ сыраjа сыраiданныц ӓт! Халдан ӓсӓ хара-хӓн харахтанныцӓт! Хӓрӓ чуор кулгахтанныц ӓт!

следует». Взяли меня, завернули в сырую медвежью шкуру и куда-то унесли. Я потерял сознание.

Начиная приходить в себя, я почувствовал невыносимые боли: оказалось, что какие-то неизвестные люди всячески истязали меня. Это продолжалось довольно долго. Когда мои истязатели остановились, сказали: «Унесите-ка его в преисподнюю»; те, к кому обращались, переспросили: «Куда?» и получили ответ: «В страну, имеющую грязевые бездны, подобные отверстиям девяти колец». Меня куда-то отнесли, сунули в какое-то узкое отверстие и сказали: «Отнесите-ка его роду Njохтōлōх, пригвоздите-ка его против черной печени». Мне в печень воткнули нож, я потерял сознание и очнулся привязанным к одному из столбов юрты. Велел своим домашним освободить от веревок и стал очень долго истерично распевать (мäнäріjдім). В последующие ночи я опять стал попадать на места своих похождений и всегда видел там болящего и желал шаманить над ним с единственной целью избавить его от страданий.

Когда я просыпался, вздувало живот, ломило кости, и я целыми днями не находил себе покоя от невыносимых страданий. В такие дни я, можно сказать, и не вставал с постели. Если пытался встать на ноги, в глазах рябило и кружилась голова. Несмотря на это, я иногда, пересиливая всю тяжесть страданий, захватив нож или ружье, отправлялся, сам не зная куда, с мыслью покончить с собой. Но каждый раз я возвращался живым, не решаясь наложить на себя руки, и от страданий рвал зубами свое тело.

Так промучился я целый год. В одну ночь я увидел во сне человека, одетого в коровьи желудки, и с этих пор стал желать как во сне, так и на яву быть шаманом (это было весною) и начал без всякой цели уходить в разные стороны. Домашние разыскивали и находили меня дня через три или четыре лежащим без памяти. Приходя в себя, я вспоминал, что ходил на четвереньках, подражая волкам и медведям, выкапывал из земли червей, ловил гадов: ящериц, мышей — и съедал их. В одно из таких скитаний я опять лишился чувств, и когда очнулся, была уже глубокая ночь. Оказалось, что я лежу совершенно голым, из-под мышки и паха вылетели целые тучи мух; руки и ноги были искусаны муравьями; с большим трудом я добрался до дому.

В эту ночь, когда все домашние уснули, вдруг откуда-то сверху на лицо упал большой огонь, но никакого ожога не причинил. Я лежал около стенок палатки, и вдруг кто-то стал тянуть мою руку за палатку. Я, испугавшись, сильно закричал. Домашние проснулись, но никого не нашли, рука же моя действительно лежала за полотном палатки, на улице.

В начале второго года во сне мне все время приходилось спорить с духами. Я говорил, что ни за что не буду шаманом. Они говорили: «Лучше согласись, все равно будешь. Все равно покроем тебя (как) шапкой, белоногой, имеющей на морде белую полосу, почтенной густой и заплесневелой, смотрящей исподлобья матушкой ночью», — и сильно щекотали. Затем, расчесывая волосы, наказывали: «Только посмей-ка остричь»; с этого времени я перестал стричь волосы.

Временами в зимние ночи я незаметно от своих выходил голый и сидел на дереве. С рассветом осторожно, не желая, чтобы узнали родные, ложился в свою постель.

В таких мучениях провел я весь второй год. На третьей весне я с длинным арканом поехал ловить оленей. Приблизившись к стаду, я стал подкрадываться, чтобы бросить на рога аркан, и увидел перед собой большую собаку. Когда приблизился к ней, зашумело в ушах, и я опять лишился сознания. Сколько времени пролежал, не знаю; очнулся крепко-накрепко

связанным, тело невыносимо болело от врезавшихся веревок. Родные, обеспокоенные долгим отсутствием, разыскали меня и увезли домой.

Дома ночью я услышал голоса: «Добудь себе одежду, бубен и будь шаманом».

Дня два или три обошлось без всяких приключений. Нужно было ехать на новое стойбище, и я опять поехал за оленями. Когда пригонял стадо, один из оленей пустился в сторону. Я поехал за ним вдогонку, и вдруг мне сделалось дурно, я упал с оленя и потерял сознание. Выехал рано утром, когда же проснулся, была уже ночь, и опять я лежал кем-то крепко связанный. Родные привезли домой, и здесь я промучился несколько дней.

Во время этой последней моей болезни мои родные догадались и заказали бубен и колотушку, чтобы заставить скорее шаманить и этим избавить меня от излишних мучений. Поправившись, я стал шаманом» (шаман Спиридон Герасимов, Мастахский улус).

Некоторые из призываемых упорно не желают быть шаманами, считая это большим грехом (с христианской точки зрения). Таких людей духи, после бесплодных угроз и упрашиваний, заставляют бросать в воду болезней. Один из духов берет упрямца за шиворот и бросает его очень высоко. Несколько раз перевернувшись в воздухе, человек падает в глубокую яму, длиною в 9 пяток и шириною с пятку, окруженную со всех сторон высокими каменными горами, не имеющими вершин. В этой яме брошенный испытывает ужасные мученья. Духи раза три или четыре вынимают его из воды болезней и упрашивают. Но если и в последний раз духи не получают согласия, то такого человека (если он недостаточно набожен по-христиански) искалечивают на всю жизнь или «съедают».

Однако можно избавиться от назойливости духов следующим образом. Когда умрет женщина из близкой родни, призываемый, не желающий быть шаманом, должен во время обмывания подойти к трупу и скрыто от окружающих дотронуться пальцем до его ребер.

Шаманы, призываясь к своей деятельности, получают особые, не свойственные прочим людям телесные отличия, к числу которых относятся «оібон» (прорубь) и «кіälī».

«Оібон» представляет собою отверстие в теле, закрытое сверху кожаной перепонкой, в которое шаманы втыкают нож при самозакалывании. Наличие оібон говорит за то, что этот шаман не шарлатан, но самый настоящий. Количество оібон бывает различно: самые знаменитые шаманы имеют девять (на макушке, против печени, посредине спины, в подмышках, в пятках и в пояснице). Совершенно не имеют оібон плохие шаманы и шаманы, получившие свое призвание от духов среднего мира.

Относительно оібон записан нами следующий рассказ:

«В жаркий солнечный день один косец вышел отдохнуть и уселся под деревом спиною к солнцу; он был без рубашки. Случайно бросив взгляд на свою тень, человек увидел, что на одном месте в тени получилось светлое пятно, как бы от прохождения насквозь солнечных лучей. Это очень удивило косаря, и он, внимательно осмотрев свой живот, дотронувшись до того места, где, казалось, проходили лучи, давнул пальцем, и палец без сопротивления стал поддаваться внутрь. Кожа не разрывалась под давлением пальца и все растягивалась, причем чем глубже уходил палец, тем все более чувствовался какой-то зуд. Палец весь вошел в тело, кожа не разорвалась, а зуд все делался нестерпимей и нестерпимей. Косарь, не долго думая, схватил один из валявшихся под ногами рожнов и, вынув палец, проткнул себя насквозь. Рожон вышел за спиной, из раны потекла кровь, хотя боли и не почувствовалось. Рассказывают, что этот человек

стал впоследствии знаменитым шаманом» (записано в 1-м Батулинском наслеге).

Kiäli — особое помещение в животе, куда шаман втягивает ртом злого духа из больного, а также впускает различных духов для общения с ними. Шаманы, имеющие kiäli, обладают большой способностью удалять из больного духов, причиняющих болезни. Бывают по этой части общепризнанные специалисты — «сӯПӓрдӓх ojун». Они при камланиях, выращивая длинный клюв, могут посредством его вытягивать из больного в kiäli какого угодно духа, а также в состоянии проглатывать и отрыгать обратно монеты, иголки и другие мелкие вещи.

Нервная болезнь «мӓнӓрijӓр», состоящая в том, что больные поют от имени злых духов и, хлопая в ладоши, скачут, происходит от внедрения в живот злого духа, а так как больные — «мӓнӓрik» — не шаманы, простые люди, они kiäli не имеют, и поэтому, если в их живот заберется сильный дух, он обратно выбраться не в состоянии и может причинить смерть больному.

Опасность шаманского служения, так как им очень часто приходится иметь дело с абасы (злым духом), весьма велика; поэтому естественно, что призывающие духи снабжают шамана покровителями, помощниками и различными средствами самозащиты.

Из духов-защитников шамана наиболее важный — это «бык», всегда идущий впереди шамана. Он при опасности может принимать какой угодно вид, даже превращаться в иголку. Часто шаманы враждуют между собою, и эта вражда приводит к гибели слабого. Борьба шаманов очень хитра, и в ней принимают участие духи-быки, играющие в исходе борьбы решающую роль. Быки враждебных шаманов бодаются между собою, и смерть более слабого из них неизбежно влечет за собою и смерть шамана.

Духов-помощников у знаменитого шамана бывает не более 47, у плохого — не менее трех.

Самым важным из духов-помощников является дух «ӓмӓкӓт»; он внедряется в шамана и имеет вид маленького человечка, величиною с мизинец. Шаманом не может быть тот, кто не имеет ӓмӓкӓт. Главная его задача — руководство шаманом при его камлании. В шаманов, призванных верхними духами, ӓмӓкӓт внедряется в виде небесного огня, падая сверху. Когда шаман умирает, ӓмӓкӓт переходит в деревянные изображения птиц, окружающие могилу шамана, и охраняет ее от осквернения.

К остальным духам-помощникам шамана относятся: кулик, гагара, кукушка и некоторые другие птицы, при камланиях переносящие шаманов через различные трудно проходимые места, когда, например, приходится разыскивать духа болезни или украденную душу больного. К категории этих же духов относятся волк, медведь, собака, которые также выполняют вышеуказанные функции духов-птиц.

О появлении духов-помощников шамана существует следующее сказание.

«Первый шаман вырезал из кусочков тальника изображения «ӓмӓкӓт», птиц и животных, сделав их полыми, вдунул внутрь дыхание, и они, ожив, скрылись. С этих пор и появились шаманские духи-помощники».

При каждом камлании шамана неизменно является дух Kälänі, нередко с женой, сыном и дочерью. Kälänі — все заики; происходят они от дочерей облаков, некогда спустившихся на землю и вступивших в половые связи с людьми.

Kälänі — хромой и одноглазый старик, весьма ревнивый; жена его очень похотливая, ищет связи с первым попавшимся мужчиной. Kälänі

не всегда добросовестно выполняют волю шамана, часто отказываются разыскивать духов болезней или же нарочно вводят в заблуждение, говоря заведомую ложь. Käläні при шаманских камланиях являются комическими персонажами и, появляясь, служат предметом шуток и насмешек присутствующих.

Дух, имеющий вид черной бабочки и служащий для различных мелких посылок, называется «кётӯтӓр абасы». При помощи этого духа знаменитые шаманы при своих камланиях достают с какого угодно расстояния листовой табак, кусочек мяса, бумажные деньги и водку.

К числу необходимых шаманских помощников следует отнести души предков шаманов, придающих особую силу при камланиях, внедряясь в живот шамана.

Духи-помощники у некоторых шаманов отличаются большой прожорливостью и непомерной жадностью, так что эти шаманы, садясь за еду, всегда бывают вынуждены делиться с ними своей пищей, разжевывая мелкие кусочки и расплевывая их по сторонам или в огонь. Если же они не пожелают этого сделать, то так сильно давятся или захлебываются, что долго не могут прийти в себя. Но даже и «кормление» не помогает, шаманы худеют, так как духи, не довольствуясь подачками, съедают питательные вещества (іс кутун, сӯрӯн) их пищи.

На трудные случаи жизни шаманы получают три стрелы — ӯӧрбӓ, сделанные из серого камня, которые берегут и употребляют только при опасности для жизни, так как потеря их уже не возмещается. Шаманы хранят стрелы в ушах, откуда вынимают их в случае нужды и посылают в противника-шамана посредством лука, сделанного из испещренного тальника с тетивой из лыка. При попадании в цель каждая стрела причиняет смерть. [1]

Кроме этих стрел шаманы получают маленькие треугольные железки — «сікӓрӓ» (△ — треугольная форма и величина, показанная шаманом Спиридоном Герасимовым). Сікӓрӓ незаметно подкладывается в пищу шамана-врага и, попадая в желудок вместе с пищей, превращается в червя, причиняющего смерть.

Шаманы-победители, преследуя побежденного, должны быть очень осторожными, так как бегущий, встречая по дороге падаль, вкладывает в нее сікӓрӓ, и победитель, подойдя близко, никак не может отойти, не съев сікӓрӓ, ибо его вынуждает к этому таинственная сила.

Знаменитые шаманы имеют девять сікӓрӓ. Одним из средств борьбы шаманов между собою считается самострел (оіуи аjата). В этом самострелe, который настораживается на дороге врага-шамана, большой человек (ібӓрӓк) делается из младенца, наконечник стрелы (ырба) — из молодого парня, тетива (кіріс) — из пожилой женщины, лук — из молодого парня и палочка для натягивания симки (кӓнтік) тоже из молодого парня. Для этой цели служат только живые люди, которые, однако, совершенно не знают, что они составляют часть хитрого снаряда.

Если стрела попадет в цель, все обходится благополучно, но если про-

[1] Шаман Никон Поскочин однажды пришел ко мне очень взволнованным, раскрыл свою спину и показал мне красные пятна, как от ожогов. «Это вчера мой враг шаман выпустил в меня стрелу, — сказал он, — к счастью, все обошлось благополучно, стрела только задела». Он же передавал мне, что однажды во сне он увидел, как раскрылась дверь юрты и показалась разинутая во всю дверь пасть чудовища. Понял сразу, что это пришел его съесть дух шамана-врага, он сейчас же бросил в пасть находившийся внутри юрты хомут своего коня. После этого дверь захлопнулась, и чудовище исчезло. На другой день лошадь пропала. Никон вместо своей души отдал духу шамана-врага душу своей лошади и остался жив.

летит мимо, умирают те люди, которые служат наконечником стрелы и палочкой для натягивания симки.

Знаменитым шаманам удается заряжать самострел в воздухе на высоте трех саженей, что обычно служит лучшей гарантией удачи.

Часто несколько шаманов объединяются против одного, причем некоторые из них лично не участвуют в борьбе, но посылают на помощь своих духов.

Присутствие при борьбе воздух-души шамана служит причиной его гибели, поэтому некоторые из них, отправляясь на борьбу, запирают свою воздух-душу дома и крепко наказывают своим, чтобы они не открывали двери и не выпустили душу.

Шаманки считаются сильнее шаманов; в борьбе они неуязвимы, так как свою воздух-душу прячут в свою vulva. Если за шаманкой пускается в погоню шаман, она залетает на облако и оттуда брызжет в глаза шамана менструальными выделениями.

Самые знаменитые шаманы, независимо от пола, на тридцатом году жизни становятся беременными и после мучительных болей рожают в лесу ворону или гагару, которые тут же улетают. На втором году рожают щуку, которая уходит в воду. На третьем году рожают медведя или волка, убегающих в лес. Рожают три раза только самые известные шаманы.

После смерти шамана, через очень долгий промежуток времени, птица, рожденная первой, внедряется в беременную женщину, которая и рожает будущего шамана. Если шаман рожал трижды, то и внедрений в женщину происходит три через очень долгие промежутки времени, и при каждом внедрении появляется на свет новый шаман.

Когда будущему шаману исполнялось лет десять, где-нибудь встречались ему духи. Призываемый с испугу бросался на них с ножом или с каким-нибудь острым предметом, который оказывался под рукой; вместо того чтобы заколоть духов, он закалывался сам и, истекая кровью, возвращался домой, где очень долго болел, впадал в бесчувственное состояние, видел как бы наяву черных тенеобразных людей, заставляющих его выбирать одно из трех гнезд. Одно из этих гнезд кишело гадами и предназначалось для души злого шамана, другое было переполнено рыбами и предназначалось для добрых посредственных шаманов, и третье гнездо, с яйцами кулика, предназначалось для самых сильных, добрых шаманов. Мальчик или девочка первого воплощения выбирали для воспитания своей души третье гнездо, второго воплощения — второе и третьего воплощения — первое гнездо. После пребывания в гнезде душа также укачивалась северными старухами, затем происходило кромсание тела.

Все, что говорилось выше, касается шаманов, пользующихся известным доверием среди населения, но были еще шаманы, получавшие свой дар от ӱӧр,[1] мало популярные, не приносящие почти никакой пользы.

Ӱӧр, блуждая над землей, облюбовывают понравившегося им человека и заставляют его страдать нервной болезнью «мäнäріјäр», а через некоторое время делают шаманом.

Шаманы, получившие свой дар от ӱӧр, не претерпевают изменений, их тело не подвергается кромсанию, костюма и бубна не имеют, при камланиях вместо последнего употребляют «джалбыр» — березку. Они также не имеют оібон и кіäli, почему и излечивают больных простым перешагиванием (шаман, имеющий целебную силу в ногах).

---

[1] Ӱӧр — души умерших, не принятые землей; превратившись в злых духов, блуждают они по земле и причиняют людям различные неприятности. В ӱӧр превращаются также и души самоубийц.

Шаманом от ўöр может по желанию сделаться каждый, заставив обучать себя знаменитого шамана. Истинным шаманом может называться лишь тот, который имеет в числе своих предков шаманов. Шаманы от ўöр могут быть полезными только в продолжение трех лет со дня своего призвания.

Мы считаем нелишним обратить внимание на сходство получения «шаманского дара» у разных народов, поскольку позволяют судить об этом имеющиеся в литературе скудные сведения.

Получение «шаманского дара» у вилюйских якутов, как мы видели, носит пассивную форму, причем придается большое значение участию духов предков-шаманов, и человек, не числящий их в своем роду, не может стать шаманом, за исключением шаманов от ўöр, не имеющих крупного значения. Дар шаманства не приобретается добровольно, духи принуждают к принятию дара призываемого различными пытками, при этом душа и тело его претерпевают коренные изменения, перерождаются. Важное значение имеет акт кромсания тела, при котором духи болезней наделяются кусочками тела будущего шамана и тем самым дают ему право впоследствии излечивать насылаемые ими болезни. Эти и другие особенности якутского шаманства имеют широкое распространение далеко за пределами народов нашего Союза почти во всех частях света.

Желательно, чтобы эта статья оказала некоторый толчок признанию важности психологического изучения личности шамана не только среди этнографов, но и среди врачей-психиатров.

М. В. СТЕПАНОВА

И. ВЕНИАМИНОВ КАК ЭТНОГРАФ

Русский миссионер Вениаминов (Иван Евсеевич Попов-Ангинский, 1797—1879), заброшенный в середине 20-х годов XIX в. на отдаленные Алеутские острова, был яркой и разносторонней личностью.[1] Миссионер, епископ, митрополит — Вениаминов был и этнографом, и естественником, и лингвистом, и знатоком торговли, мог заменить при необходимости капитана морского судна, был искусным часовым мастером, сам построил себе дом, смастерил мебель и пр. Его энергия не знала предела. Достаточно вспомнить его роль среди прогрессивных деятелей Российско-американской компании, руководивших в конце 40-х и в 50-х годах русской колонизацией на Востоке. Велико было значение в колонизации Амурского края его докладных записок.[2] Напомним также его участие в заключении Айгунского договора и в основании Благовещенска, его научно-организационную деятельность в создании Якутской комиссии и многое другое.

Научные труды Вениаминова, особенно в области естественных наук, были по преимуществу направлены в сторону практического использования естественных ресурсов далеких северо-восточных окраин России. Так, содействие, оказанное работами Вениаминова при организации промысла морских котиков, принесло Российско-американской компании сотни тысяч рублей дохода. Увлекаясь идеей лесонасаждения на Алеутских островах, Вениаминов со свойственной ему настойчивостью становится экспериментатором-селекционером лесных насаждений в условиях субполярной зоны и напечатал по этому вопросу небольшую работу.

Во время своего пребывания на Алеутских островах Вениаминов вел систематические метеорологические наблюдения, давшие в результате интересное исследование, переведенное на иностранные языки. Ряд интересных соображений и гипотез в области океанографии, зоологии, минералогии, вулканологии и других естественно-научных дисциплин разбросан в его работах.

Лингвистические труды Вениаминова по изучению алеутского и кадьякского языков вскоре после выхода их в свет и в последующие годы нашли

[1] И. Барсуков. Иннокентий, митрополит московский и коломенский. СПб. 1889; И. Минаев. Великий русский миссионер. «Журнал министерства народного просвещения», CCXXXV, 1884, стр. 219—224; И. Сугорский. Митрополит Иннокентий на крайнем Востоке. Русский Вестник, 1888, т. 199, № 11, стр. 164—191; Б. Струве. Воспоминания о Сибири. СПб, 1889; Е. Сысоева. Жизнь и подвиги Иннокентия, проповедника евангелия на Алеутских островах. СПб., 1897.

[2] «Несколько мыслей об улучшении торговли в северо-восточной Сибири». Русский Архив, 1894, № 2, стр. 202—209; «Нечто об Амуре». Творения Иннокентия, митрополита московского и коломенского, составлено И. Барсуковым. М., 1888.

высокую оценку как в русской (Шегрен, Шмидт, Воейков, Крачковский и др.), так и в зарубежной литературе (Шотт, Пинар, Анри, Пфицмайер и др.). Они вошли в переводную иностранную литературу и сохранили известное научное значение до последнего времени, вызывая комментарии и критические заметки (Иохельсон, Мещанинов). Значение алеутской грамматики Вениаминова лучше всего характеризовал Габеленц: [1] «Алеутская грамматика замечательна в нашей ученой литературе как в первый раз являющийся образчик полисинтетического устройства языков... Она содействовала освобождению науки от пристрастной ограниченности греко-латинской грамматики и мало-помалу приучала вникать в факты языка без предубеждения».

Этнографические труды Вениаминова падают на ранний период его деятельности и относятся ко времени его пребывания в Русской Америке, к 30-м годам и к началу 40-х годов. Его труд «Записки об островах Уналашкинского отдела» вышел в 1848 г. в издании Академии Наук. К этому времени относится также ряд мелких статей: «Мифологические предания и суеверия колош» («Сын Отечества», XI, 1838, стр. 40—82), «Способности и браки алеутов» (Журн. МВД, 1840, стр. 57—60), «Население русских владений в Америке и разделение его» (Журн. МВД, 1839, стр. 86—89) и др.

30-е годы и начало 40-х годов были временем усиленного интереса к этнографическому изучению Русской Америки. Этот интерес был вызван поисками со стороны Российско-американской компании новой экономической базы в связи с падением морских промыслов. Необходимость исследовать экономические ресурсы до тех пор еще не затронутой внутренней части Аляски создала ряд экспедиций по течению рек Юкона и Кускоквима и в район Нушагакских озер для изучения расселения и экономики живущих там племен (вторая экспедиция штурмана Васильева, экспедиции Глазунова, Кашеварова, Загоскина и др.). Эти экспедиции были подчинены целям торговой разведки, но дали довольно ценный этнографический материал.

Возникла необходимость в создании не только этнографических карт, но и монографических описаний отдельных народностей. Уже в 20-х годах XIX в. Кирилл Хлебников видел в этом ближайшие задачи изучения Тихоокеанского побережья и островов. [2] Описания морских путешествий, где этнографические записи носили в известной мере мемориальный и отрывочный характер, теряют свое значение. В своем введении к «Запискам об островах Уналашкинского отдела» Вениаминов отметил неполноценность этих материалов: «Описания наших путешественников гг. Сарычева, Лисянского, Коцебу, Литке и других, кроме морской части, содержат в себе только краткие очерки тамошнего края и не всегда верные, по причинам неизбежным: кратковременное пребывание, незнание языка туземного и разнородные важнейшие занятия не позволяли им собирать сведения как довольно подробно, так и довольно верно».

Нельзя, однако, полностью отрицать влияния материалов морских экспедиций XVIII и начала XIX в. на Вениаминова при создании им своего труда.

Особое место заняла состоявшаяся в конце 20-х годов экспедиция Литке — Станюковича — Мертенса. Она собрала более планомерные

[1] Allg. Lit. Ztg., 1847, № 209, 210.

[2] «Для познания о таком народе, как колоши, нужно бы употребить рачительное и подробное исследование; может быть, одно какое-либо поколение окажется умнее, чем другое, следовательно, имеет лучшие понятия и сведения» (Материалы для истории заселений по берегам Восточного океана, 1861, вып. 3, стр. 31).

материалы, сыгравшие большую роль в систематизации этнографических сведений по северо-востоку Азии и северо-западу Америки. Как увидим ниже, близкая связь Вениаминова с главой экспедиции Литке несомненна.

Созданием научной этнографической основы в русско-американских колониях и широкой публикацией этнографических материалов в 30-х и 40-х годах мы обязаны не в меньшей мере, чем Литке, полярному мореплавателю Ф. П. Врангелю, бывшему в 1829—1835 гг. и 1840—1849 гг. правителем североамериканских колоний и директором Российско-американской компании. Ф. П. Врангель, как и Литке, был тесно связан с академическими кругами того времени, в частности с немецкой дерптской профессурой в лице академика Карла Бэра.

К этому же периоду относятся работы, проводившиеся если не попечением Академии Наук, то с ее поощрения, по этнографическому изучению обширных пространств России, в том числе Сибири и смежных с ней дальневосточных окраин. Эти подготовительные работы нашли себе выражение вместе с итогами всероссийской переписи 1838 г. в сводных трудах, появившихся уже в 40-е годы (Бэр и Гельмерсен, [1] Кеппен, [2] Шегрен [3]). В процессе накопления исследовательских материалов по путям, намеченным немецкой и финской школами (Кеппен, Гельмерсен, Геденштрем, Шегрен и др.), создавалась организационная группа будущего Русского географического общества.

Каковы были взаимоотношения Вениаминова с упомянутыми учеными? Из переписки Вениаминова с Литке, особенно интенсивной за период 1828—1837 гг., явствует, что Литке снабжал его некоторой текущей литературой. Какие же авторы попадали на книжную полку Вениаминова? Это — отец антропологии Блюменбах, близкий к кантианской школе, видный представитель немецкой школы лингвистики Фатер и один из создателей этнографической философии XVIII в. Форстер, [4] сводный труд которого по истории путешествий встретил исключительно лестный отзыв Литке в его «Четырехкратных путешествиях».

Сознательный отход Вениаминова от провинциального дилетантизма, систематизация накопленного за десятилетия огромного количества наблюдений, овладение им современной ему методологией, в особенности в антропологической части, привлечение фольклора, как источника, — всем этим Вениаминов в значительной мере был обязан влиянию упомянутых академических ученых.

Отметим, что тогдашние немцы-академики не были склонны воздать должное русскому этнографу Вениаминову. Так, академик Карл Эрнест Бэр, подчеркивая, с одной стороны, огромный вклад, внесенный в науку материалами Вениаминова, с другой стороны, отодвигает его в ряды ранних этнографов-осведомителей. Во многих высказываниях Бэра сквозит тенденция недооценивать исследовательские заслуги Вениаминова из-за предполагаемого у него отсутствия научной школы. Так, в статье «Erläuterung der für die Aleutische Schrift gewählten Zeichen» [5] Бэр извиняет

---

[1] Baer u. Helmersen. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. St.-Peters., 1839.

[2] Koeppen. Russlands Gesammt-Bevölkerung im Jahre 1838 (Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, 1843, стр. 49—232).

[3] Sjögren. Instruction générale donnée à M. Castren, chargé par l'Académie de l'exploration de la Sibérie Septentrionale et Centrale sous le rapport de l'ethnographie et la linguistique, St.-Pétersb., 1844.

[4] J. R. Forster. Northern voyages and discoveries, 1786.

[5] Поводом для написания этой статьи явилась записка Вениаминова к Ф. П. Литке от 1837 г. «Нечто об алеутско-лисьевском языке и в особенности о буквах оного».

Вениаминову незнание греческих фонем, ссылаясь на то, что Вениаминов якобы не имел возможности в должной мере освоить греческий язык (что не соответствовало действительности). Между строк имеют место снисходительные интонации, например: «mein wackerer Weniaminow». [1]

При разборе этнографического труда Вениаминова Ф. П. Врангель [2] еще ярче обнаруживает свое отношение к исследователю. «Сочинитель, хотя и присовокупил к собственным замечаниям и наблюдения ученых путешественников, однако ж, по моему мнению, наука выиграла бы более, если бы материалы, заключающиеся в записках Вениаминова, перешли, наоборот, в сочинения тех ученых мужей». Конечно, Вениаминов не мог не улавливать оттенка высокомерия по отношению к себе со стороны академических кругов, главным образом немецких.

С самолюбивой подчеркнутостью в письме к Литке от 27 апреля 1835 г. [3] при посылке ему первого варианта своей рукописи Вениаминов называет ее «голыми материалами». Весьма осмотрительно звучат в предисловии к «Запискам об островах Уналашкинского отдела» следующие слова Вениаминова: «Я скажу откровенно, что хотя записки мои по возможности полны и сколько возможно всегда верны, но суть не что иное и не более как материалы, разложенные по сортам почти без всякой обделки».

В предисловии к своей статье, вышедшей на немецком языке, Вениаминов скромно объясняет свою исследовательскую сдержанность недостатком кругозора. «Wer den Charackter eines Volkes in klaren, lebendigen und treuen Zügen darstellen will, sollte notwendig mehrere Völker gesehen und beobachtet haben und vorzüglich Menschenkenntniss besitzen». [4]

Ученый склада Вениаминова не мог пройти мимо исследовательских вопросов и ограничиться запасом сведений, которые он мог почерпнуть из немногочисленных сношений с Литке и другими представителями академической среды. Есть основание предполагать, что Вениаминов приехал в Русскую Америку с разносторонними научными интересами. К сожалению, мемуары Вениаминова о его юношеских годах погибли, и мы не располагаем достаточными сведениями о пребывании Вениаминова в Иркутской семинарии. Уже в эти годы Вениаминов интересовался прикладными и естественными науками. [5] Должна была оказать на него влияние и семинарская библиотека, [6] насчитывавшая 12 тыс. томов и в их числе многих авторов XVIII в. Некоторое влияние на формирование исследовательских взглядов Вениаминова имели те натуралисты, которые были так или иначе связаны с этнографическим изучением Русской Америки в бытность там Вениаминова (д-р Блашке, Вознесенский, Мертенс, Постельс, Эрманн и др.).

Мы не располагаем сведениями о взаимоотношениях Вениаминова с английскими и американскими этнографами его времени, среди которых уже в концу 30-х годов с Аляской связаны имена таких исследователей, как Хорейшио Хейл (Horatio Hale) и Роберт Лэчем (Robert Latham).

---

[1] Baer u. Helmersen. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. 1839, стр. 184.

[2] Разбор сочинения священника Вениаминова «Записки об островах Уналашкинского отдела», составленный г. контр-адмиралом Врангелем. Десятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым премий. СПб., 1841, стр. 259—272.

[3] Письма Иннокентия, митрополита московского и коломенского, 1826—1885 гг., собраны И. Барсуковым, т. I, стр. 23.

[4] Baer u. Helmersen. Цит. соч., стр. 177.

[5] Avrahm Jarmolinsky. A Russian library in Alaska. Bull. of the New York public library, 1930, vol. 34, № 9, стр. 643—646.

[6] По сведениям, помещенным в Иркутских епархиальных ведомостях (1879 г., № 23), излюбленным чтением Вениаминова в семинарии была трехтомная книга Галле «Тайна древних магиков и чародеев, или волшебные силы натуры, в пользу и увеселение употребленные», 1798—1804.

Мы замечаем некоторую аналогию в выборе и освещении отдельных этнографических тем у Вениаминова с плеядой исследователей, изучавших индейские племена в 30-е годы XIX в. (Edward Janes, Long, Tanner, Schoolcraft, Cass, Duponceau, Irving и др.) К этой группе этнографов-американистов примыкал принц Максимилиан (Prince Maximilian Wied-Neuwied). Из переписки Вениаминова можно заключить о близкой причастности к ранним этапам его работы «Кирилла Тимофеевича» (Хлебникова).

Обращаясь к истории написания основного труда Вениаминова — «Записок об островах Уналашкинского отдела», следует сказать, что как искусственная композиция работы, так и ее обезличивающее название [1] были навязаны Вениаминову редактурой Академии Наук. По первому варианту работа содержала монографическое описание лисьевских алеутов, вошедшее в начальные два тома; в порядке пополнений возник третий том, содержащий описание атхинских алеутов на основании фрагментарных сведений миссионера Нецветова и чрезвычайно ценные, но тоже неполные материалы по тлинкитам, собранные Вениаминовым по поручению Академии Наук. Первые два тома особенно ценны, так как содержат итоги десятилетнего и углубленного изучения Вениаминовым на месте восточных алеутов. С другой стороны, первые два тома — ранний опыт создания этнографической монографии. Внутри этой монографии мы наблюдаем две сознательно разделенные категории материалов. Первый том содержит сведения о расселении и экономическом состоянии современных Вениаминову алеутов; вторая, собственно этнографическая часть, изображает алеутское общество, предшествовавшее русской колонизации, т. е. алеутов первой половины XVIII в.

Племена, которые пришлось изучать Вениаминову, претерпели катастрофические изменения. Правителем североамериканских колоний Барановым было сделано все от него зависящее, чтобы сломить некогда воинственных алеутов. Вот что писал об этом в 40-х годах морской офицер Марков: [2] «Он (Баранов) губил их (алеутов) нещадно, развозил на пустынные острова, отнимал все средства к взаимному сближению и перемешивал их племена, чтобы между ними не мог составиться какой-либо злобный заговор против русских».

В результате этой политики социальная структура алеутов оказалась сломленной, и перед Вениаминовым стояла задача реконструировать уже исчезнувшие отношения. Подходя к осуществлению своей задачи, Вениаминов прежде всего применяет знакомый всякому этнографу «историзм» при опросе осведомителей, расчет по отцам, дедам, прадедам. Наряду с опросом Вениаминов использует данные антропологии, языка, материальных памятников и фольклора. О фольклоре, как этнографическом источнике, он высказывается так: «Сказки алеутов могут почесть очертанием их нрава, обычаев и образа жизни». [3]

Общество, которое рисует нам Вениаминов, переживает переходную стадию от родо-племенного строя к «военной демократии». Если в тлинкитах следует видеть прототип германцев Тацита, [4] то восточные алеуты

---

[1] В первоначальном ее виде, как видно из письма Вениаминова к Литке от 27 апреля 1835 г., рукопись заключала в себе предварительную разработку первой части настоящего труда и называлась «Описание Алеутских островов».

[2] Марков. Русские на Восточном океане. 1849, стр. 58.

[3] И. Е. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, т. II, стр. 278.

[4] Ф. Энгельс в письме к Марксу от 8 декабря 1882 г.

Рис. 1. Остров Уналашка. Карандашный рисунок И. Г. Вознесенского (40-е годы XIX в.)

Вениаминова имеют сходство со скандинавами предвикинговой поры. Вениаминов впервые приводит полностью крещатое строение в этнонимике алеутов, в основе которой лежит представление о четырех странах света с центром в районе островов Уналашка, Умнака и Четырех сопочных. Вениаминов рассматривает жителей Алеутских островов как этническую группу, устанавливая для них общее самоназвание ʒна́нганъ. [1]

В связи с материалами переписи 1838 г., уделяя внимание абсолютной и относительной численности алеутов, Вениаминов располагает цифровые данные в известной динамике. Его статистическая таблица «Роспись селениям, в Уналашкинском отделе находящимся, с означением числа жителей, юрт, байдарок и примерного расстояния от главного селения» позволяет наблюдать процесс дробления домашней общины алеутов. [2]

В своих демографических справках Вениаминов приводит бо́льшую численность населения для восточной части Алеутских островов и свидетельствует о наличии там более крупных селений. Ссылаясь на развалины прежних селений и местные легенды, Вениаминов предполагает, [3] что уже в колониальный период происходило перенесение центра в восточной части островов с Унимака на Уналашку.

Благодаря насыщенности работы Вениаминова сведениями по истории расселений, она представляет важный источник для археолога. Так, реконструкция старых алеутских жилищ [4] (ʒляга́мах) и указания на местоположение старых алеутских селищ, сделанные Вениаминовым, нашли свое подтверждение вплоть до деталей в археологических материалах Нохельсона, полученных им при раскопках 1907, 1909—1910 гг.

Понятия «род», «поколение» по отношению к алеутам имеют у Вениаминова нечеткое употребление. Хотя и встречаются у него такие термины, как «родовые имена» [5] и «родовая одежда», [6] но нельзя связывать их со вторичными признаками gens strictus, а скорее, следуя контексту и по аналогии с индейцами северо-запада, можно их приурочивать к малому генеалогическому роду типа большой семьи. Соответственно этому Вениаминов имеет основания утверждать наличие родовой мести, [7] родового культа предков [8] и родовых кладбищ. [9] Несмотря на выраженность положительных брачных норм остается открытым вопрос о существовании родовой экзогамии у алеутов XVIII в. Вениаминов устанавливает отсутст-

[1] Этот термин вошел с 70—80-х годов в качестве самоназвания в этническую номенклатуру (Петров, Долл и др.). В Советском Союзе этот термин также нашел себе применение в ряде лингвистических работ в качестве названия народности вместо термина «алеуты». Однако точка зрения Вениаминова на общность этого самоназвания для всех жителей Алеутских островов расходится с более ранними материалами Зауера, Кокса и Коцебу и противоречит точке зрения Банкрофта, который на основании материалов по истории алеутских переселений предполагает, что термин unung'ūn относится лишь к более исследованной восточной части островов.

[2] По Вениаминову, жилище — «юрта» — в новых селениях вмещает около 7 человек, тогда как в беднейших старых селениях, как, например, Шишалдинском, до 45 человек обоего пола. Если допустить, что владение байдаркой является экономическим выражением отдельной хозяйственной ячейки, возможно, семейного характера, с хозяином-охотником во главе, то можно увидеть и здесь тенденцию к дроблению домашней общины в сторону приближения ее к семейной группе. Следуя статистической таблице Вениаминова, число «юрт» и «байдарок» для большинства селений совпадает. В селениях, более отдаленных от главного и беднейших, например в Черновом, число «байдарок» превышает число «юрт» в 2½ раза.

[3] И. Е. Вениаминов, т. I, стр. 150, 194.

[4] Там же, т. II, стр. 204—207.

[5] Там же, стр. 70.

[6] Там же, стр. 89.

[7] Там же, стр. 95.

[8] Там же, стр. 71.

[9] Там же, стр. 85.

Рис. 2. Остров Ситка. Карандашный рисунок И. Г. Вознесенского (40-е годы XIX в.)

вие брачных запретов у атхинских алеутов. На знакомство Вениаминова с институтом экзогамных норм [1] указывает то, что он, как и до него Хлебников, наблюдал их у тлинкитов. [2] Следуя изложенному у Вениаминова, алеутские селения XVIII в., за изъятием их верхушек, были эндогамны.

Социальным микрокосмом, по Вениаминову, являлась группа родственников и свойственников, обычно представляющая состав жилища-селения. Для обозначения этой группы, в отличие от «родственников» и «родичей», Вениаминов пользуется термином «родники»,[3] приводя алеутский термин «сга́нъ». Их Вениаминов отличает от собственно «домочадцев». [4] Последние обозначаются термином ӯлякцлянакъ и илянáкакъ в значении «дом», «семья», «семейство» и могут быть сопоставлены с эскимосским «родством по дому» igloq atigit. [5]

«Родники», по Вениаминову, могли выступать как сплоченная социальная ячейка и за пределами селения при перемене места жительства, во время военных походов или торгового мореплавания. [6] Так, у Вениаминова читаем: «Тоен Агӣталӣгакъ с острова Умнака... собрал великое воинство (Алӣтхӯк), которое состояло единственно из его родников (сга́нъ), т. е. родственников как с его стороны, так и со стороны жены». Расширение категории «сга́нъ», по Вениаминову, идет за счет заключения браков по экономическим причинам вне селения. [7]

Пестрота брачных отношений, по Вениаминову, отображает быстрые изменения в структуре алеутского общества. Наиболее архаическими являлись браки, построенные, судя по присущей родовым порядкам регламентации при отборе жениха и невесты [8] и по отработке и односторонним подаркам со стороны жениха [9] в пользу родовой группы невесты, по признакам односторонне-кузенных браков.

Другие формы брака складываются на основе фиктивно родственных отношений «товарищества по жене», сопровождающегося нередко обменом женами.[10] Наряду с появлением этой более прогрессивной формы брака Вениаминов наблюдает другие его формы, также выросшие из внеродовых экономических основ. Одним из таких элементов явилось развитое многоженство.[11] Военное рабство способствовало развитию среди военной знати многоженства; вдобавок женщины, являясь ценной добычей, служили поводом для военных набегов.[12]

Локализация брака шла по линии жениха, тогда как матрилокальность отходила в область нестойких, отживающих признаков в виде брака посещением или временной матрилокальности до рождения первого ребенка. [13]

---

[1] Как и в американской этнографии 30-х годов (Таннер, принц Максимилиан), экзогамные запреты приурочиваются к группам, основным признаком которых считается принадлежность к определенному предку-тотему.

[2] И. Е. Вениаминов, т. III, стр. 26, 32.

[3] Там же, т. II, стр. 100, 133, 166, 273, 270, 281.

[4] Там же, стр. 275.

[5] Mauss переводит этот термин в значении «все кузены», приближаясь в толковании брачных норм в эскимосском селении к концепции Вениаминова.

[6] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 100, 279, 281.

[7] Там же, стр. 76.

[8] Там же, стр. 74, 76, 78.

[9] Там же, стр. 36, 284.

[10] Там же, стр. 60.

[11] Там же, стр. 77.

[12] Там же, стр. 94.

[13] Там же, стр. 76, 282.

Распространенность братской полиандрии, [1] подчеркнутая Вениаминовым, была связана, повидимому, с категорией молодых мужчин (каж-гамиутов). Этот брачный институт представлен в труде Вениаминова, как и в других источниках XVIII и начала XIX в. (Сарычев, Лангсдорф, Эрман), сложившейся в колониальных условиях категорией «мужей-половинщиков». Но только Вениаминовым установлена истинная закономерность подобных брачных отношений: «Явный половинщик должен быть брат или близкий родственник». Утверждая наличие двухсторонней филиации, Вениаминов оттеняет преобладание материнской. Соответственно отмечая обрядовое значение деда по отцу и деда по матери, он выделяет первенствующее значение материнского. Следуя данным Вениаминова, неучастие деда в обряде наречения имени ребенку влечет за собой лишение ребенка права иметь собственное имя. Родители в обращении называли своего первенца своим отцом. Повидимому, не меньшее значение имел авункулат, [2] которому сопутствовало аталычество, [3] в виде пребывания племянника в доме дяди до наступления возмужалости.

Описывая воспитание юношей, Вениаминов останавливается на военно-спортивной тренировке, которая, наряду с социальными привилегиями, получаемыми в дальнейшем «удалым» воином и зверобоем, позволила Вениаминову назвать алеутов «морскими казаками».

Значительное внимание уделил Вениаминов возрастным делениям (классам) у алеутов. Решающая роль стариков, наряду с «почетными» (термин Вениаминова), во всей социальной жизни и, в частности, в случаях вынесения общественного приговора и при общении с чужеплеменниками, проходит красной нитью через его труд. [4] В руках стариков, по Вениаминову, находилось регулярное обучение молодежи традициям племени. [5] Вениаминов показывает возрастные классы также на тех нормативах обрядового характера, которые отделяют юных (повидимому, холостых) мужчин от взрослых и стариков. Сюда относятся «священные и заповедные места аʼдагадах, куда запрещалось ходить всем женщинам и молодым мужчинам». Косвенным указанием на существование возрастных классов и связанных с ними обрядов инициации (посвящения) может служить упоминание Вениаминова о том, какое значение имел в ритуальной жизни алеутов «таинственный пояс, сплетенный из жилы или травы, с наговорами и таинственными узелками». Подобные пояса имели распространение у индейцев северо-запада при обряде инициации юношей в класс взрослых мужчин. У эскимосов Аляски имел место сходный обычай, причем у них такие пояса изготовлялись из охотничьих трофеев — волчьих или медвежьих зубов.

Возрастные классы на фоне постоянных грабительских войн и усложнения структуры племени (в связи с появлением в значительном количестве рабов и чужеплеменных женщин) принимают у алеутов характер мужских тайных обществ с выделением «почетных» в качестве главенствующей группы. Ранние источники XVIII в. изобилуют косвенными указаниями на распространенность тайных союзов у алеутов;

---

[1] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 78.

[2] Там же, стр. 108.

[3] Иные нормы аталычества Вениаминов наблюдал у тлинкитов. Это—распространенный обычай обмена детей на «подарки», причем в условия обмена входило наличие оставшихся невыясненными родственных отношений между меняющимися. Судя по статистическим данным 10-й переписи США, позволившей проследить существование значительного числа адоптированных детей у алеутов, и по тем сведениям, которые нам удалось получить от алеута Хабарова, обычай, подобный описанному Вениаминовым у тлинкитов, существовал и у алеутов.

[4] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 26, 168.

[5] Там же, стр. 144.

позднейшие исследователи второй половины XIX в., как Долл, показывают нам в ярких иллюстрациях их остаточное бытование. Вениаминов обращает (подобно современным ему американским этнографам, представителям доморгановской этнографии) сугубое внимание на обрядовую сторону тайных союзов. Одновременно, в отличие от своих современников, он ставит вопрос о целях организации, скрывающихся за этой обрядностью, и рассматривает организацию тайных союзов как «сильное средство для удержания жен своих в послушании и верности и для научения дочерей своих добродетели, им свойственной».

Обрядовая сторона тайных союзов ярко показана Вениаминовым на празднестве кӯгаѝъ агáликъ, носившем устрашающий характер, с инсценировкой появления предков. Центральное место среди маскированных, по Вениаминову, занимал ряженый, одетый в «травяную огромную чучелу», изображавший великана.[1] Дальнейший анализ текста Вениаминова позволяет видеть в этом ряженом легендарного предводителя. При описании «торжественных игрушек» (стр. 90) читаем: «При воинских сценах два не сходившие со сцены лица—великана всегда представляли предводителей». Описывая сезонное празднество односельчан ӯкáмак, Вениаминов подчеркивает: «Во всяком представлении имеется два чучела необычайной величины, сделанные из травы и одетые в лучшие платья, в середине коих действовал человек». Один из них Иӯгадáгáхъ (страшилище) представлял великана со страшным лицом и длинной бородой, а другой, называемый Кӯгалитáликъ[2] (от слова кӯгакъ — дьявол) «был еще более первого и тоже со страшным лицом». Выступление предводителя или заменяющего его «бойца» на военных поединках, широко известное в военных обычаях северо-западной Америки,[3] показано Вениаминовым на материалах алеутского фольклора.[4] Настойчиво проходящая тема борьбы двух великанов-предводителей еще раз говорит о преобладании военных сюжетов в эпонимических легендах, инсценируемых в алеутских мистериях.

Располагая в настоящее время значительными археологическими и документальными материалами по военным связям и военным организациям в Берингоморье, мы и теперь иногда возвращаемся к описаниям Вениаминова, как к первой попытке проанализировать тогдашний военный механизм алеутов. По данным Вениаминова, исконная воинственность алеутов усугублялась в десятилетия, предшествующие русской колонизации, «особенно у алеутов среднего возраста, т. е. прадедов и дедов нынешнего поколения». Непрекращающиеся междоусобные войны между отдельными островами и группами островов[5] и в особенности внешние грабительские войны[6] определяют особенности общественного строя алеутов первой половины XVIII в.

Ставя вопрос о причинах алеутских войн, Вениаминов дает его экономическое (хотя и несколько узкое) решение. Эти причины — односторон-

---

[1] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 211.

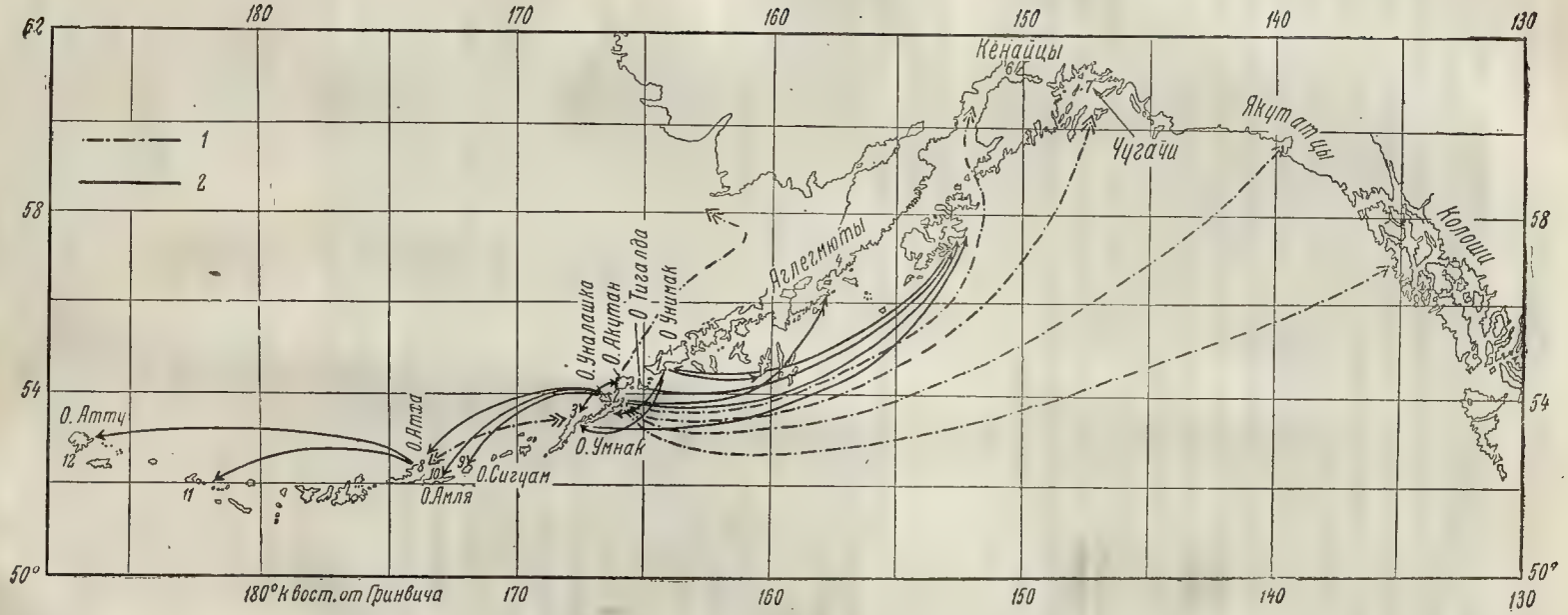
[2] Ср. западноэскимосское kūgĭq'pĭk—большое подземное чудовище и kugăqpin'-răt в значении ископаемых останков (Barnum. Grammatikal Fundamentals of the Innuit Language, 1901, стр. 48). Мы и здесь, повидимому, встречаемся с витающими в алеутском фольклоре образами тех воинственных предков-великанов Тӯгáпанъ (сӯгáпакъ или итангих Тайяѝгӯнъ), остовы которых, по представлению алеутов, живут под землей (Вениаминов, т. II, стр. 275).

[3] Simpson. Narrative on a journey round the world. London, 1847, т. II, стр. 204—205; Holmbey. Ethnologische Skizzen über die Völker des Russischen Amerika, 1855, стр. 43.

[4] И. Е. Вениаминов. т. II, стр. 98.

[5] Там же, стр. 170, 186.

[6] Там же, т. III, стр. 90; т. II, стр. 113.



Карта военных и торговых связей алеутов (по Вениаминову)

ность и скудость естественных ресурсов и изолированность островов,[1] с одной стороны, с другой — охота за женщинами [2] и рабами.[3]

Просматривая ныне текст Вениаминова и пополняя его новейшими сведениями, нужно сказать, что в межплеменных обменных и военных сношениях в южной Аляске существенно важной могла являться (наряду с подчеркнутым Вениаминовым неравномерным распределением естественных богатств) также и хозяйственная специализация отдельных этнических групп и в связи с этим слагающиеся отношения торгового посредничества между отдельными этническими группами и племенами. Повидимому, именно эти обстоятельства поддерживали постоянную вражду алеутов с аглегмютами и в особенности с жителями о. Кадьяка. По прилагаемой карте, построенной на материалах Вениаминова, можно наблюдать преобладание у алеутов южных торговых связей, т. е. преобладание торговых сношений с племенами, населяющими побережье Бристольского залива. Нам теперь становятся понятными постоянные войны алеутов с жителями о. Кадьяка, лежащего на пути каботажного плавания алеутов к берегам Бристольского залива, соперничавшими с алеутами в торговом посредничестве между Берингоморьем и Тихоокеанским побережьем Аляски, имеющими различные хозяйственные комплексы.

Хотя преобладали морские плавания с целью грабежа и вооруженного обмена за пределы островов, т. е. «заграничные войны или военные походы (алитхӯкъ тхӣдинъ ита́ликъ)», которые «считались охотой или ремеслом сколь прибыльным, столь и славным», но и самые Алеутские острова находились в состоянии постоянного военного напряжения. По Вениаминову, при каждом селении имелся «глядень» для высматривания неприятеля, защитная яма — крепость (Атта́гинъ)[4] и «потайные убежища»,[5] а некоторые неприступные острова во время военных нападений обращались в крепости.

Военные выступления происходили, по данным Вениаминова, прежде всего в интересах родоплеменной знати. Племенная военная организация не в равной мере охватывала все слои населения; комплектование военных отрядов происходило по инициативе военных вождей племенных объединений и отдельных селений.[6] Вождь брал с собой в военный поход своих родственников и свойственников,[7] причем расширение отряда за счет фиктивных родственников, друзей и соседей определялось не только тем престижем, который давал вождю накопленный им военный опыт,[8] но и обладанием богатствами и влиятельностью вождя в деле межплеменного обмена.[9] Войско формировалось как личная дружина вождя из «ближних родственников или опытных воинов славных, которые распоряжались вверенными им отрядами и вместе составляли военный совет».

Договор между предводителем и рядовыми воинами показан Вениаминовым на обряде братской круговой поруки[10] воинов и в их присяге

---

[1] И. Е. Вениаминов. II, стр, 94, 95.
[2] Там же, стр. 94.
[3] Там же, стр. 165.
[4] Там же, стр. 151.
[5] Там же, стр. 208—209.
[6] Там же, стр. 100.
[7] Там же, стр. 280.
[8] Там же, стр. 100.
[9] Там же, стр. 168.
[10] В главе «Правила и мнения» Вениаминовым дается указание на важность экономических содружеств, основанных на братском родстве, и на охранение их обычным правом (II, стр. 197). На наличие фиктивных братских связей указывают термин агӣтӯдак — «брат, товарищ» в словаре Вениаминова и эпизод из быта атхинских

предводителю. Экономическая сторона этих взаимоотношений, не раскрытая Вениаминовым, может быть восстановлена на основании записок члена православной Кадьякской миссии, валаамского монаха Гедеона, наблюдавшего при отправке отряда эскимосов-канягмиутов предварительную раздачу предводителем имущества воинам, с обещанием многократно увеличить количество раздаваемого при получении будущей военной добычи. По Вениаминову, предводитель имел во время похода «почти неограниченную власть», был связан обоюдными узами с породившей его военной организацией и мог оказаться отрешенным от власти и даже убитым, если военная знать признает его действия неправильными. [1]

Выделение военной знати и многостепенность структуры военной организации Вениаминов показывает на материале «военного права» (термин Вениаминова), связанного с дележом добычи. Добытое на войне попадало для распределения на усмотрение предводителя. [2] Весьма ценны страницы, описывающие выделение наиболее ценных видов военной добычи и те социальные градации, по которым шла ее раздача (в частности, распределение рабов). Не меньшее значение, чем рабам, в составе военной добычи Вениаминов придает «куклям» [3] и некоторым видам драгоценных камней, причем последние «предпочитались всему и доставались всегда храбрецам или предводителю».

В качестве ритуальных трофеев у алеутов Вениаминов упоминает скальпы и другие отрезанные части вражеских тел. «Тоен» и «почетные» увешивали себя (для усиления своего престижа) подобными трофеями во время публичных обрядовых выступлений военной организации.[4] Нередко эти трофеи являлись наследственными и «переходили в потомство для прославления своего рода».[5]

Мы встречаемся в описании Вениаминова с обществом, в котором зарождающиеся рабовладельческие отношения переплетаются с межродовой и межплеменной борьбой. На этом фоне появление значительного числа рабов и чужеродцев ставит под угрозу положение привилегированных слоев. Отсюда понятно упоминание Вениаминова о распространенности смертной казни за военную измену и нарушение тайн мужского военного союза. [6] Смертной казни предшествовал суд в составе стариков и «почетных». Исполнителями казни являлись молодые мужчины. На наличие взаимно враждующих сил в алеутском обществе XVIII в. указывает то, что (по Вениаминову) верхушка, выносившая смертный приговор, не всегда встречала одобрение в народном мнении, а казненный нередко воспевался в народных песнях как герой. [7]

По своему географическому положению алеуты были торговыми посредниками между морскими звероловами Берингова моря, к которым относились и сами алеуты, расселившиеся на северном побережье цепи Алеутских островов, и населением Тихоокеанского берега, жившим в

алеутов, когда герой убивает на своем лежбище «братана», ошибочно приняв его за чужеродца (Вениаминов, т. III, стр. 28).

[1] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 105.

[2] Там же, стр. 103; т. III, стр. 13.

[3] Раковины вида Dentalium, собираемые на островах Королевы Шарлотты, являвшиеся обменным эквивалентом в туземной торговле на Беринговоморском и Тихоокеанском побережье Америки.

[4] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 89.

[5] По аналогии с индейскими племенами северо-запада можно предполагать, что собственность на подобные трофеи и их наследование носили у алеутов семейный характер.

[6] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 168.

[7] Там же.

иной географической среде и имевшим контакт с племенами внутренней части материка.

Раскрывая производственную деятельность алеутов, Вениаминов указывает на разделение ремесленного труда между восточной и западной частью островов и на существование ремесленной специализации внутри алеутского общества.[1] «Рукоделие прежних алеутов ограничивалось одними только орудиями, но, разумеется, не всякий умел сделать для себя всякую вещь, особливо байдарку, бобровые стрелки; для этого у них были и есть особые мастера».

Сведения, почерпнутые из ранних источников XVIII в., подтверждают суждения Вениаминова и позволяют предполагать, что эти ремесленные продукты могли быть предметом вывоза. В ремесленном профессионализме у алеутов, граничившем с изяществом в отделке некоторых предметов XVIII в., можно также видеть подтверждение мнения Вениаминова.

Перечисленные в главе «Имущество» продукты этих ремесел, по данным Вениаминова,[2] в большей степени составляли богатство алеутов XVIII в., чем продукты охоты. Сообщаемые Вениаминовым сведения по материальной культуре алеутов относятся к XVIII в., так как, согласно утверждению самого Вениаминова, в колониальный период местные ремесла утратили свое значение.

Внутриплеменной обмен или обмен между соседними племенами рисуется у Вениаминова главным образом как групповой обмен, состоящий в поочередной раздаче имущества. Этот обмен показан Вениаминовым в его обрядовой стороне. В основе «торжественных игрушек» (термин Вениаминова) лежит поочередная для селений раздача имущества. Этим они отличаются от «частных игрушек»[3] (или Каганáсикъ), являвшихся, повидимому, состязанием в пении. Одним из видов «торжественных игрушек» является осеннее празднество ɣкáмакъ.[4] К празднествам, связанным с обменом, но уже между жителями одного и того же дома или между односельчанами, относится «игрушка», судя по названию, приуроченная к «родству по дому», а по времени соответствующая переходу в зимнее жилище.[5] Ритуал родового обмена показан в ряде моментов и, в частности, в обрядовой встрече гостей. Женщины, по данным Вениаминова, не участвовали в обмене: «Frauenzimmer handeln nie, weder untereinander noch mit Männern».[6]

Остается не совсем выясненной обязательная фигура торгового посредника из молодых алеутов,[7] входившего (при необходимости прибегнуть к индивидуальному обмену) в переговоры с иноплеменниками.

Общая социальная концепция Вениаминова изложена им в главе «Правление». Номенклатура Вениаминова продолжает традицию исторической литературы XVII и XVIII вв., как бы стремящуюся искусственно преобразить строй родового общества в более привычные раннефеодальные формы. Так, Вениаминов трактует племенного вождя как «владетеля своего острова или участка»; таковы же у Вениаминова термины «сословие», «тоен», «простолюдин», на первый взгляд искажающие картину. Однако без большого труда можно усмотреть за термином

---

1 И. Е. Вениаминов, т. III, стр. 253.
2 Там же, т. II, стр. 239.
3 Там же, стр. 91—93.
4 Там же, стр. 87—92, 208.
5 Там же, стр. 208.
6 Baer u. Helmersen. Цит. соч., т. I, стр. 195.
7 И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 111.

«тоен»—военного племенного вождя, за «почетными»—военную знать, за «простолюдинами» — рядовых членов общества.

Знакомство со сходными обществами на северо-западе Америки позволяет предполагать, что структура алеутского общества была многостепенной. Внимательное изучение текста Вениаминова дает возможность наметить кроме трех основных социальных слоев еще две, менее выраженные группы. [1] Одна из них —«высшее сословие»—представляла племенную знать, в зачатке уже носящую черты социального отличия; другая — «безродные алеуты» — являлась, повидимому, нестойкой группой промежуточного порядка между адоптированными членами общества и рабами.

Социальные отличия между «почетными» и «простолюдинами» показаны Вениаминовым суммарно. На имущественное и правовое неравенство указывает местничество в «большом доме», наличие обособленной собственности в виде семейных кладовых (Агаяк) «у достаточных хозяев». [2] дифференцированный характер погребений,[3] наряд знатных женщин, украшенных добытыми «меною и кровию» драгоценностями,[4] и многое другое. Фольклорный материал иллюстрирует эту же тему (например, изображение поминок по сыну тоена, сопровождаемых массовым убиением рабов, описание роскошной одежды дочери тоена и др.). Характерен эпизод, [5] когда дочь тоена приказывает служанке одеть ее и нарумянить ей щеки.

С другой стороны, фольклорный материал нередко рисует переменчивость благосостояния, обычай родовой взаимопомощи у алеутов и позволяет предполагать, что общество только вырастает из родовой экономики. Так, в главе «Правила и мнения» [6] мы читаем: «Человек никогда не проживет века в одном состоянии, и в лучших племенах много бывало славных и богатых, а также много бывало нищих и бедных, но неожиданно и в один день менялись своим состоянием».

Глава «Имущество» изложена Вениаминовым не совсем четко. В виде исключения в этой главе Вениаминов нередко сбивается на непосредственные наблюдения,[7] отклоняясь от принятого им плана восстановить картину алеутского общества, предшествующего русской колонизации.

Текучесть состава племенных общин, вызванная неустойчивостью экономики, основанной на грабительских войнах и сезонных промыслах, междоусобия и отчасти социальное неравенство отсеивали промежуточную социальную группу, названную Вениаминовым «безродными алеутами». Употреблен этот термин при изложении «военного права» для «низкого сословия»; «безродные алеуты» наравне с рабами-калгами не могли получать рабов при разделе военной добычи.

У Вениаминова имеется косвенное указание на подобную социальную категорию: «Известно, что слабейшие и беднейшие семейства, будучи более или менее стесняемы в средствах к пропитанию, принуждены были оставлять свою родину и искать средства к существованию в другом месте, делаясь недругами и даже врагами прежних своих утеснителей, а потом и всем единоплеменникам». [8] О приеме подобных перебежчиков читаем: «Всякого переселившегося из другого селения первый год считать странником и потому не только его не обидеть, но стараться помочь ему и счи-

[1] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 164, 165.
[2] Там же, стр. 208.
[3] Там же, стр. 207.
[4] Там же, стр. 80—81.
[5] Там же, стр. 295.
[6] Там же, стр. 137.
[7] Там же, стр. 238.
[8] Там же, стр. 95.

тать его своим, ни мало не подозревая в измене; в таком случае он скорее забудет родство свое и вступит в новое и потом будет верным защитником нового своего селения».[1] Повидимому, от лица «безродных алеутов» была сложена песня, приведенная у Вениаминова: «Так как я человек бедный (работающий), должен я поневоле благодарить и веселиться. Чужих людей я должен считать за своих, благодарить и веселиться».[2]

Содержание термина «безродные алеуты» не раскрыто Вениаминовым. Находились ли «безродные алеуты» в зависимости от военной знати, в зависимости, близкой к начальным формам клиентелы, или, что вероятнее, мы здесь имеем перебежчиков из других племен, ограниченных в правах на испытательный срок, до включения в племенную организацию? Некоторый свет могло бы пролить сравнительное изучение подобных же социальных категорий у индейских племен северо-запада, где мы имеем своеобразные модификации правовой неполноценности.

Наиболее зависимую и самую низкую категорию в алеутском обществе представляли рабы-калги.[3] Прямым указанием на патриархальный характер рабства может служить свидетельство Вениаминова, что «чистота и обиходство домашнее» считались делом калгов и что «мелочное домоводство»[4] — удел рабов и женщин. В свете патриархального толкования рабства становится понятным обычай атхинских алеутов[5] дарить тестю раба взамен жены, которую новобрачный взял из дома тестя.

Труд раба, по Вениаминову, использовался не только в домашнем хозяйстве, но и во всех видах производственной деятельности. На участие рабов в военных походах у Вениаминова есть несколько косвенных указаний. В одном из фольклорных сюжетов[6] упоминается участие бывшего невольника в совете селения. Военный и наследственный характер рабства особо отмечен Вениаминовым.[7] Можно предполагать, что владение рабами и их использование не носило одинакового характера для всех слоев свободного населения, и если рабство у алеутов было вообще строго патриархальным, то в руках знати получалось некоторое скопление рабов, качественно менявшее природу рабства.[8] «Богатые и бойкие или храбрые имели их (калгов. — *М. С.*) от пяти до двадцати».

Силой племенной и военной организации рабы совершенно обезличены в правовом отношении. Военные мужские союзы ограждают себя от возможности восстания или побега рабов, угрожая им строго разработанной суровой системой наказаний, вплоть до смертной казни.[9] Раб являлся собственностью хозяина и лишь в незначительной степени находился под контролем общины. На поминках по умершему, наряду с уничтожением вещей, бывших в личной собственности покойника, обычно убивали калгов.[10] Об осознанной владельцами ценности раба имеем указание Вениаминова, что дарование пощады калгам было «следствием расчетов». Из ряда высказываний Вениаминова мы узнаем, что раб был не только ценным товаром, но и распространенным обменным эквивалентом,[11]

[1] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 138.
[2] Там же, стр. 309.
[3] В своем словаре Вениаминов дает нам алеутское слово для обозначения раба: та́лякъ — раб, аягам талянганъ—рабыня. Этот термин имеет распространение в эскимосских языках в значении «бедняк», «сирота».
[4] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 72.
[5] Там же, т. III, стр. 10.
[6] Там же, т. II, стр. 285.
[7] Там же, стр. 165.
[8] Там же, стр. 239.
[9] Там же, стр. 168.
[10] Там же, стр. 84.
[11] Вениаминов высказывается вполне утвердительно о рабе, как о единице об-

имевшим хождение при обмене и за пределами племени. На последнее обстоятельство указывает наличие среди товаров, обмениваемых на калгов, «куклей», добываемых вне Алеутских островов.

Все сказанное Вениаминовым о рабстве становится вполне понятным при учете преобладания южных связей у алеутов и той оживленной торговли рабами, которая в значительной мере определяла социальное устройство многих племен у побережья Тихого океана.

Вениаминов не располагал достаточными материалами, чтобы основательно разъяснить столь сильное развитие рабства у алеутов. Ко времени его появления на о. Уналашка туземное рабство исчезло, и для нас абрис алеутского общества XVIII в. останется навсегда незавершенным, так как «перед нами общество, где рабство еще не образовало основного способа производства, но где оно уже является ведущим элементом, определяющим направление общественного развития». [1]

Будет ли справедливо видеть в этнографических работах Вениаминова лишь «богатое хранилище фактов»? Мы ответили бы безусловно отрицательно. Самобытность и силу научного мировоззрения Вениаминова следует искать не в его общих теоретических высказываниях, где видны эклектические наслоения, начиная от поздних представителей просвещенческой философии XVIII в. до неглубоко воспринятого биологизма Блюменбаха.

«Самая природа алеутов находится еще на низкой ступени и далеко не может равняться с породой народов просвещенных как с породой человека, уже улучшенною...»

«Ежели всякое растение, каждый род животных может быть улучшен и доведен до возможного совершенства — образования, то без сомнения и природа человека, способного к усовершенствованиям всякого рода, — может совершенствоваться образованием и, следовательно, иметь степени совершенства. Алеуты выше индейцев, потому что местность заставляет их изобретать средства к продовольствию, и следовательно совершенствовать смышленность свою...»

«Но алеуты ниже русских потому, что они лишь только начали просвещаться...»[2]

Труд Вениаминова содержит элементы историзма как в своей конструкции, так и в ремарках. [3] Здоровый историзм Вениаминова сохраняет значение его труда и для наших дней. Способность Вениаминова наблюдать генетическую связь фактов позволила ему давать самостоятельные построения, например, сопоставить локализацию кузенных браков и экономические принципы домашней общины. [4]

Историчность работы Вениаминова подсказала еще в 1841 г. рецензенту «Библиотеки для чтения» [5] красочное наименование алеутского общества, изображенного Вениаминовым, «этнографической Помпеей». Сопоставляя это общество с античным, редакция поместила в этом же номере журнала статью «Закулисный мир древних греков и римлян» — «для удобнейшей оценки их археологической достопримечательности». Этому же рецензенту принадлежит сравнение «алеутской драматургии с циклическими и дифирамбическими представлениями первобытной Греции».

Познавательный рационализм Вениаминова, пронизывающий всю систему его научного мышления, особенно нагляден в антропологической

мена: «В прежнее время все оценивалось калгами, но ныне деньгами, так, как везде» (т. II, стр. 141).

[1] С. П. Толстов. Военная демократия и проблема «генетической революции». Журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 7—8, 1935, стр. 183.

[2] И. Е. Вениаминов, т. II, стр. 18.

[3] Там же, стр. 143.

[4] Там же, стр. 76.

[5] Библиотека для чтения, 1841, т. 48, отд. 5, стр. 33—70. Стилистические данные позволяют предполагать в рецензенте Сенковского.

части его работы, где он близок к раннему биологическому эволюционизму, воспринятому им через работу Bory de Saint Vencent; [1] так, Вениаминов объясняет форму зубов алеутов тем, что они ихтиофаги, их кривые и короткие ноги тем, что они из поколения в поколение ездят в байдарках, дальнозоркость — отсутствием соли в их диэте и пр.

Язык работы Вениаминова характерен для 30—40-х годов, для эпохи формирования русского литературного языка; в отличие от работ многих его современников язык Вениаминова лишен сословной литературной изощренности. Он несколько грубоват, но зато богат, народен и «отчетлив в изложении», и если исключить незначительное количество сибирских провинциализмов и кое-где влияние церковно-славянского стиля (главным образом в социальной терминологии), язык Вениаминова вполне соответствует требованиям, которые ставил Ломоносов Шлетцеру в отношении русского литературного языка.

Уже в ранний период деятельности Вениаминова, относящийся к его пребыванию в Америке, можно наблюдать две параллельные линии. С одной стороны, Вениаминов — ученый краевед, своими трудами завоевавший себе крупное имя, с другой — это «герой миссионерства», «апостол Аляски», «русский Сельвин». [2]

Эта вторая линия его жизни нашла свое выражение в организационной работе Вениаминова по христианизации северо-востока Сибири, а в последние годы его жизни, с назначением московским митрополитом, — в осуществлении проекта создания русского миссионерского общества, «подобного английскому миссионерскому обществу». Это переключение духовных интересов Вениаминова уже в 40-х годах с тревогой наблюдали более чуткие умы его времени. «Духа его не угашайте вашими камилавками и шапками», — писал А. И. Тургенев К. С. Сербиновичу. [3]

Дал ли период сибирского служения Вениаминова научные этнографические материалы? Нет, они представляют лишь мелкие, разрозненные, хотя и яркие наблюдения, разбросанные в письмах и докладных записках. Вениаминов и в Сибири проникает в самые глухие районы, наблюдает доступное немногим. Но условия сибирского служения Вениаминова не позволяли ему проверять со свойственной ему тщательностью наблюденные им этнографические факты, и его классификация сибирских народностей грешит неточностями. Лингвистические начинания Вениаминова по изучению тунгусского и монгольского языков также остались незавершенными. Все же он сохранил лингвистические интересы дольше, чем этнографические; школа, оставленная Вениаминовым, состояла преимущественно из лингвистов (И. Тыжнов, Дм. Хитров и др.).

Причину, вызвавшую угасание научных и, в частности, этнографических интересов у Вениаминова, следует искать в изменении его мировоззрения. Уже в первые годы после назначения его епископом он в письмах к А. С. Норову (от 3 июля 1843 г.), [4] А. Н. Муравьеву (от 10 июля 1843 г.) [5] и особенно в письме к Филарету, митрополиту московскому, [6] иронически противопоставляет «диких» — «нашим новым философам»,

---

[1] Bory de Saint Vencent. L'homme, essai zoologique sur le genre humain. Paris, 1821.

[2] C. R. Hale. Innocent of Moscow, the Apostle of Kamtchatka and Alaska, 1877.

[3] Русская Старина, 1882, стр. 179.

[4] Письма Иннокентия, митрополита московского и коломенского. 1828—1855. собраны И. Барсуковым, кн. I, стр. 97.

[5] Там же, стр. 102.

[6] Прибавление к «Творениям святых отцов», 1844, ч. II стр. 91—96.

«нашим мудрецам». В дальнейшем Вениаминов при выработке программ для духовных семинарий наряду с прогрессивными проектами скатывается в некоторых своих высказываниях к явному обскурантизму, прибегая к педагогическому авторитету такого реакционера, как С. Бурачек, и ведет борьбу с «умствователями» и «прожектерами».

Мы находим лишь немногие следы деятельности Вениаминова в рядах Географического об-ва. [1] Уже совсем дряхлый, Иннокентий, митрополит московский и коломенский, был избран почетным членом Московского университета и членом этнографического отдела Об-ва любителей естествознания, антропологии и истории.

Какова же судьба трудов этого крупного русского этнографа?

Вскоре после выхода из печати «Записки об островах Уналашкинского отдела» встретили сочувственный отклик на страницах русских журналов («Библиотека для чтения», «Журнал министерства народного просвещения», «Северная Пчела», «Отечественные записки», «Маяк»).

«Мы уверены, — писал рецензент «Отечественных записок», — что прекрасный труд г. Вениаминова будет скоро переведен на все европейские языки и доставит ему европейскую известность, но мы нисколько не убеждены, что хотя одно издание его книги разойдется в России». [2]

Предположение рецензента частично оправдалось. [3] Если этнографический труд Вениаминова и был переиздан, то по причинам, не имевшим отношения к его научной деятельности, в «Творениях Иннокентия, митрополита московского и коломенского», а Вениаминов, как один из видных зачинателей русской этнографии, не нашел себе места в ее истории. Только Л. Я. Штернберг в своем обзоре этнографии Русской Америки указал на значение этого «даровитого и тонкого наблюдателя», «европейски образованного человека».[4]

Авторитет Вениаминова, как точного и внимательного наблюдателя, неоднократно подчеркивался в зарубежной литературе (Краузе). Он хорошо разбирался в сложных вопросах социального строя и не только потому, что «был свободен от обычных предубеждений», свойственных европейцам. Вениаминов шел в русле своеобразной, тогда еще только слагавшейся школы, которую мы назвали бы русской школой.

Фигура Вениаминова вырисовывается на фоне пробуждающихся новых творческих русских сил, на фоне формирующейся разночинной интеллигенции. Творческий путь Вениаминова был самобытен, шел в стороне от русской университетской науки того времени, которая либо останавливалась перед изображением родового общества, как перед гранью, за которой начинается так называемый «баснословный период» (Каченовский), либо подменяла изучение родового общества схематическими умозрительными построениями в плане развития правовых отношений в духе гегелевской концепции (Эверс).

---

[1] Иконников. Опыт русской историографии. Киев, 1882, т. 1, кн. 2, стр. 1025 (о наличии в Этнографическом музее Геогр. об-ва «Принадлежностей алеутского народа», пожертвованных Вениаминовым).

[2] «Отечественные записки», 1841, т. XIV, отд. VI, стр. 20—21.

[3] Мы не имеем полного перевода труда Вениаминова на иностранные языки. Небольшая статья Вениаминова вышла на немецком языке в сводной работе Бэра и Гельмерсена. Подробная информация о содержании первых двух частей труда Вениаминова была опубликована на немецком языке в статье Lowe в хроникальном журнале, издававшемся Эрманном, «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland» за 1842 г. В хроникальном же французском издании «Nouvelles annales de voyages» за 1850 г. переведена демографическая справка Вениаминова о населении Русской Америки. Близкий к тексту, но неполный перевод «Записок об островах Уналашкинского отдела» помещен в работе Петрова по обработке материалов 10-й переписи США.

[4] Л. Я. Штернберг. Этнография. Тихий океан. Л., 1926, стр. 154.

Научные традиции Вениаминова могут быть возведены к работам миссионеров и чиновников Российско-американской компании, имевших в Русской Америке свое длительное пребывание. Сюда относятся работы Кирилла Хлебникова и Иосифа Болотова и (в значительно меньшей степени) записки валаамских монахов — Гедеона (1808—1807) и Германа (1794—1837), носившие исключительно повествовательный характер. Русская этнографическая наука зачиналась и складывалась из ручейков неофициальной науки, будь то наблюдения одиночки Вениаминова, высылаемые с далеких окраин, либо журнальные статьи непризнанного Николая Полевого. Только в середине 40-х годов эти ручьи слились в могучий поток, и русская этнографическая наука получила признание в лице Н. И. Надеждина, позднее С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина и А. Н. Афанасьева.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 3

Я. Я. Рогинский. Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии 5

Н. Н. Чебоксаров. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии 24

М. Г. Левин. Антропологические типы Охотского побережья 84

Г. Ф. Дебец. Селькупы. Антропологический очерк 103

В. В. Гинзбург. Об увеличении размеров тела человека в периоде возмужалости 146

Ю. П. Аверкиева. Пережитки материнского рода у индейцев квакиютль. 153

А. И. Блинов. Партнерство (к вопросу о ранних формах экономического обмена) 174

Н. Ф. Яковлев. Древние связи языков Кавказа, Азии и Америки 196

Г. М. Василевич. Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы 204

С. И. Руденко. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов . . . 233

А. В. Збруева. Луговской могильник 257

А. А. Попов. Получение «шаманского дара» у вилюйских якутов 282

М. В. Степанова. И. Вениаминов как этнограф 294

SOMMAIRE

Pages

J.J. Roguinski. Quelques problèmes sur les étapes plus proches de l'évolution de l'homme 5
N. N. Tcheboksarov. Principales directions de différenciation de races dans l'Asie orientale 24
M. G. Lévine. Types anthropologiques du littoral d'Okhotsk 84
G. F. Débetz. Les Selkoups. Précis anthropolcgique 103
V. V. Guinsbourg. Accroissement des proportions du corps de l'homme dans l'âge de virilité 146
J. P. Averkieva. Survivances matriarcales chez les Indiens Quakiutl 153
A. J. Blinov. Les parteneurs (formes reculées des rapports économiques) . . . 174
N. F. Jakovlev. Anciens liens des langages du Caucase, de l'Asie et de l'Amérique 196
G. M. Vassilevitch. Ancienne parenté de langage des peuples contemporains de l'Asie et de l'Europe 204
S. I. Roudenko. Anciens embouts d'harpons en usage chez les Eskimaux de l'Asie 233
A. V. Zbroueva. Tumulus dit Lougowskoï 257
A. A. Popov. Investissement du don de chaman chez les Yakouts, Région de Viluisk 282
M. V. Stepanova. I. Véniaminov comme ethnographe 294

АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕКА
№
Академии Наук

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР
Обложка художника *Л. С. Эрмана*. Технический редактор *Н. П. Аксен*.

РИСО АН СССР № 2409. А07197. Тип. заказ № 3284. Подп. к печ. 30/VI 1947 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 19³/₄ +2 вклейки таблиц. Уч.-издат. л. 30,75. Тираж 2000

Напечатано в 1-й Образцовой тип. треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.
Отпечатано с матриц во 2-й тип. Издат. Академии Наук СССР. Москва. Шубинский пер., 10

1599 ~~1455~~

Цена 25 руб.

И. Э.
Ж.С. 845а
Нов. сер.
II

БАН СССР
Оценка 19 — г.
„——" Д. — Н.

ИЭ
Ж-845А¹
т. 2
1947